

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР

ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОСТАВИЛ
ПРОФ. Н. П. АНДРЕЕВ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ

УТВЕРЖДЕНО НАРКОМПРОСОМ
РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1938 • ЛЕНИНГРАД

■
Цена 6 р. 30 к.
Переплет 1 р. 75 к.

Отв. ред.: *В. А. Гебель*
и *А. М. Гордиш*. Технич.
ред.: *З. Н. Аксельрод* и
И. С. Абрамовская. Коррек-
тор *С. А. Шабуневич*. Худож-
ник *Петр Григорьевский*.

Книга сдана в набор 24/XI 1937 г.
Подписана к печати 29/VI 1938 г.
У-9. Учпедгиз № 9373. Заказ № 1925.
Ленгорлит № 2685. Тираж 25 000 экз.
Уч.-авт. л. 46,56 + 2 вклейки. Авт. л.
46,56 + 2 вклейки. Печатных л. 41 +
+ 2 вклейки. Бум. л. 20,5 + 2 вклейки.
(161280 тип. знак. в 16 л.). Формат
бумаги 62×94 см. С 1—15 тыс.
отпечатано на бумаге Ка-
менской фабрики.

2-я типография ОГИЗа
РСФСР треста „Поли-
графкнига“ „Печатный
Двор“ им. А. М. Горь-
кого, Ленинград,
Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Хрестоматия по русскому фольклору составлена применительно к задачам преподавания курса фольклора в педагогических высших учебных заведениях.

Конечно, нормально студент должен знакомиться непосредственно с важнейшими научными сборниками фольклорного материала. Однако разбросанность материала и малая доступность сборников (многие из которых являются библиографической редкостью), с одной стороны, и загруженности студентов текущей работой, с другой, не дают пока возможности провести это нормальное требование в жизнь. Вот почему так остро ощущается необходимость в издании хотя бы хрестоматии.

Хрестоматия составлена с расчетом на издание учебника и, во всяком случае, не стремится подменить собою учебник. Задача хрестоматии — дать только тексты, конечно, с необходимым комментарием. Составитель ставил своей целью дать возможно больше текстов, чтобы студент достаточно конкретно познакомился с фольклорным материалом.

В хрестоматии даны различные виды фольклорных произведений, довольно широко охватывающие область устного творчества. По сравнению с прежними подобными хрестоматиями введен не только ряд новых текстов и ряд отделов, отсутствовавших в прежних хрестоматиях (в том числе и в послереволюционных изданиях книги Бродского, Мендельсона и Сидорца «Историко-литературная хрестоматия», ч. I). Таковы все образцы богатейшего пооктябрьского советского фольклора, таковы песни рабочих, переделки литературных произведений и пр. Отсутствуют в хрестоматии образцы студенческого и семинарского фольклора, так как эти отделы совершенно не разработаны еще в нашей фольклористике (и даже достоверных текстов мы не имеем).

Материал выбирался такой, который имеет особенное значение для раскрытия истории фольклора (в частности, дан ряд старинных записей), связан с литературой и представляет интерес с точки зрения художественного оформления. Хрестоматия посвящена русскому фольклору, и только в последние разделы («Песни и рассказы о героях и вождях революции», «Ленин в фольклоре» и «Сталин в фольклоре»), в виду их особого значения и особенного интереса самого материала, введены песни некоторых народностей СССР. В других случаях нерусский материал используется лишь в примечаниях.

Намеренно введен ряд вариантов, частью полностью, частью в отрывках: студент вочию должен видеть и уметь показать это особое свойство фольклорных произведений («вариантность»); в некоторых случаях варианты вынесены в примечания. Для более широкого знакомства с фольклором необходимо обращаться к подлинным сборникам; список важнейших сборников дан в конце книги.

Тексты по большей части передаются точно в соответствии с записями по новой орфографии, но с сохранением диалектологических особенностей; в необходимых случаях даны краткие указания о характере говора исполнителей. Лишь в очень немногих случаях по педагогическим соображениям допущены пропуски отдельных мест в текстах.

Большинство текстов датировано: указывается, где, когда, кем и от кого они записаны и где напечатаны. Студент должен приучаться в этом отношении к точности и понимать важность «паспортизации» текста. Нет таких указаний при мелких текстах, или указания даются более краткие.

В примечания введены указания на источник, откуда взят данный текст, сообщаются (где возможно) сведения об исполнителях, дается литературный и реальный комментарий, приводятся документальные данные, полезные для понимания данного текста.

Для второго издания книга подверглась весьма значительной переработке. Внесены значительные дополнения, многие тексты заменены другими. Ряд текстов исключен. Составитель руководствовался при этом стремлением дать материал, особенно необходимый для учебных целей и вместе с тем эстетически значимый.

Совершенно изменен план книги. Отдельные разделы расположены в порядке последовательности от более древних жанров к более новым. В связи с этим некоторые прежние разделы поделены на несколько частей (например, лирические песни) и введены новые разделы (например, рабочий фольклор, песни революционной борьбы и пр.). Располагая материалом по жанрам, составитель, однако, не считал необходимым придерживаться чисто жанрового принципа механически; поэтому, например, исторические песни и исторические предания объединены в один раздел.

Наибольшие трудности представил раздел сказок и анекдотов. Несомненно, волшебные сказки являются одним из древнейших жанров; однако тексты, записанные в конце XIX и в начале XX вв., настолько сильно модернизированы, что помещать их в первых разделах книги почти невозможно. Отделение анекдотических сказок и анекдотов от сказок волшебных и повелительных также вызывает ряд затруднений. Поэтому, не желая создавать трудности для преподавателей и студентов, составитель отказался от мысли делить сказочный и анекдотический материал и поместил его между лирическими песнями и драмой. Конечно, составитель отнюдь не думает, что именно здесь раз навсегда должны быть закреплены все сказки и анекдоты, но вряд ли для них вообще можно указать достаточно удачное место, если брать весь этот раздел полностью.

За товарищескую помощь в работе над вторым изданием составитель выражает глубокую и искреннюю признательность всем специалистам, посоветовавшимся с ним своими соображениями, а иногда и материалами.

ФОЛЬКЛОР И ЕГО ИСТОРИЯ.

I.

Под именем фольклора мы объединяем значительное количество словесных художественных произведений, распространяющихся посредством устной традиции.¹

Фольклорные произведения в своей основной массе и в лучших образцах² являются подлинным народным творчеством. В древнейшие времена, еще в период доклассового общества, они являлись отражением запросов и интересов первобытного человечества в его суровой борьбе с природой. Позднее в них проявлялась великая творческая мощь народных масс, чаяния и ожидания трудового народа, героика его борьбы, его радости и страдания, его любовь и ненависть. Почти лишённые возможности собственно литературной деятельности, народные массы все свои творческие силы, все художественное мастерство вкладывали в устную поэзию, создававшую, по словам А. М. Горького, самые совершенные художественные образы и послужившую основой для развития литературы.

Сюда относятся многочисленные произведения песенного характера (песни трудовые, обрядовые — различных видов, эпические — также различных видов, лирические — весьма разнообразные по происхождению и по характеру), многочисленные произведения сказового характера (фольклорные рассказы: сказки, легенды, анекдоты, предания), немногочисленные (сравни-

¹ Таким образом мы употребляем слово «фольклор» приблизительно в том значении, какое раньше придавалось словам «народная (или устная) словесность» или «народная поэзия». Существует более широкое понимание слова «фольклор» — в смысле «народного творчества» (в этом смысле можно говорить, например, о музыкальном фольклоре и т. п.). Наконец, существует и еще более широкое понимание, приблизительно соответствующее буквальному значению английского термина («народное знание» или «народная мудрость»); в этом случае к области фольклора относится, например, так называемая «народная медицина» и т. п. Мы говорим в дальнейшем только о поэтическом фольклоре.

² Мы говорим здесь именно о лучших образцах, так как за многовековую историю фольклора в нем возникали и жили и такие произведения, которые нельзя приписывать трудовому народу (меданский, блатной фольклор, ...)

тельно) драматические произведения и такие виды произведений, которые не находят себе места в обычной классификации литературных жанров, заговоры, пословицы и загадки.

Произведения эти живут в устной традиции, т. е. переходят из уста в уста, исполняются наизусть на основании запоминания услышанного, а не по книгам или рукописям. Например, заонежский крестьянин, «сказывающий» былинку или «старину», на вопрос, откуда он ее знает, отвечает, что он не сам сочинил ее и не вычитал из книги, а перенял от своего отца, от дяди, от деда и т. п. В свою очередь, он передает свои былины своим младшим родственникам или знакомым, и таким образом эти произведения продолжают свое существование.

Нельзя сомневаться в том, что фольклор существует с незапамятных времен, существовал, в частности, у предков русских до появления всякой письменности. Мы можем совершенно уверенно говорить об этом, потому что на земле нет буквально ни одного народа, на какой бы низкой ступени развития он ни находился, у которого не было бы фольклорных произведений: значит, они возникают на самых ранних стадиях развития. Об этом же говорят нам археологические находки при раскопках древнейших мест человеческих поселений, об этом же говорят и древнейшие памятники письменности (например, египетские папирусы, относящиеся иногда ко времени за несколько тысячелетий до нашей эпохи).

Совершенно ясно, что за многовековую, иногда тысячелетнюю, историю в фольклоре накопилось множество произведений различного исторического происхождения и характера. Поэтому мы не можем рассматривать фольклор как «сплошное» явление, и перед нами встает важнейшая и интереснейшая задача — дать историю фольклора, проследить, где, когда и при каких условиях возникали те или иные фольклорные жанры и отдельные произведения.

На этом пути, несомненно, имеются значительные и частью своеобразные трудности. Дело в том, что изучаем мы фольклор по печатным источникам, по записям, и притом обычно позднего происхождения.

Фольклор существовал с древнейших времен, но не записывался, да и не мог записываться, пока не существовало письменности. Когда в XI в. на Руси установилась письменность (возможно, что существовала письменность и раньше, но памятники ее до нас не дошли), то письменность эта сосредоточилась главным образом в руках церковников. Церковники, ведя борьбу с дохристианским, «языческим» мировоззрением, враждебно относились к фольклорным произведениям, в которых сохранялись как раз черты дохристианского мировоззрения, дохристианских верований; эти произведения объявлялись «бесовскими», и церковные проповедники нередко выступали против «бесовских игр», «бесовских сказок», «бесовских песен». Понятно поэтому, что церковники не склонны были записывать и сохранять фольклорные произведения; наоборот, они всячески стремились уничтожить эти произведения. Вот почему мы не имеем точных записей фольклора ни от XI, ни от XII в. и т. д., вплоть до XVII в.

Только в XVII и XVIII вв. появляются записи, но и то чрезвычайно редкие и весьма своеобразного происхождения. Так, известны немецкие записи иностранцев, посещавших Россию (таковы записи пессимиста Чарльза Джемса, относящиеся к 1619—1620 гг., таковы некоторые соображения Самуила Болливеса, относящиеся к середине XVII в. и др.). Ра...

В движении фольклорного материала изменяется и внутренний его характер, его социальное лицо, социальная направленность. Так, в сходных по содержанию былинах в одном случае говорится, что Илья Муромец не хочет защищать «собаку» князя Владимира, в другом — что он именно за Владимира-то и хочет вступиться (ср. Гильфердинг, Онежские былины, ММ 257, 296, с одной стороны, и ММ 75, 170 — с другой). В одних былинах Владимир изображается как ласковый и добрый хозяин, в других (например, в былинах о ссоре его с Ильей Муромцем) ему придается определенная отрицательная характеристика или он изображается юмористически (например, он ползет «окарачь», когда свистит побежденный Ильей Соловей-разбойник). Сам Илья именуется то крестьянским сыном, то старым казаком; он выступает то смиренным и богобоязненным, то буйным предводителем «толпы лабацких».

В сказках с одинаковыми сюжетами (например, о трех похищенных дочках) героями оказываются, в зависимости от вкусов и интересов рассказчика, то крестьянский сын, то солдат и т. п., и характер сказки в связи с этим значительно изменяется. Благочестивый рассказ превращается в веселый анекдот и обратно; так, например, сказка о лисе и раке в армянской притче получила религиозное истолкование, а на основе еврейского пасхального песнопения сложились детские сказочки такого типа, как «Нет козы с орехами».

Иногда такие изменения совершенно сознательно вносятся даже одним и тем же исполнителем, если ему приходится воспроизводить одни и те же тексты в различной обстановке. Так, многие собиратели отмечают, например, что сказочники различно рассказывают одну и ту же сказку в мужской и женской аудитории. Общеизвестно, что при рассказывании сказок детям рассказчики намеренно изменяют свое изложение. Аналогичные факты имеют место и в исполнении былин и других фольклорных произведений.

Таким образом ясно, что, с одной стороны, записи фольклорных произведений в XIX — XX вв. не воспроизводят точно тех произведений, какие существовали в XVII—XVIII или в XV—XVI, или в XIII—XIV, или в XI—XII вв. и т. д., с другой стороны, эти записи XIX — XX вв. не целиком являются созданием XIX или XX вв., многое в них идет из старинных записей же на протяжении всей истории фольклора мы не имеем. Возможно ли при этих условиях говорить об истории фольклора? Какими данными располагаем мы для такой истории?

Для этой цели возможно пользоваться различными вспомогательными данными. Необходимо тщательно собрать всевозможные документально-исторические указания. Таковы, например, упоминания летописи о дружинных певцах и о скоморохах, об обрядах и обрядовых произведениях, о верованиях и обычаях; таковы выпады церковных проповедников против «бесовских» сказок и песен, постановления церковных и светских властей, сообщения иностранцев и т. п. материалы; часть подобных материалов мы даем в хрестоматии.

Счень важны показания собственно литературного материала. Наличие заговоров, пословиц, легендарных сказаний в летописях, близость (в исторических отношениях) «Слова о полку Игореве» к былинам, перевод «Фидеций» в 1681 г. и прочие подобные факты доставляют опорные пункты для хронологическо-исторического приурочения фольклорного материала. Иногда

можно пользоваться литературным материалом в порядке аналогий (а не прямых указаний), и для этой цели возможно привлекать материал не только русской, но и мировой литературы. Так, например, в параллель к повелостическим и анекдотическим произведениям феодально-переходного периода в России можно привести французские фавль и немецкие шванки XII—XIII вв.; в параллель к фольклорной любовной лирике можно указать развитие любовной лирики в русской литературе XVIII в. и т. п.

Существеннейшее значение имеет привлечение фольклора различных национальностей. Для того, например, чтобы осветить судьбы русского фольклора в ранний период, о котором у нас нет достаточно четких данных, мы можем воспользоваться фольклорным материалом таких народностей, которые стоят на более ранних ступенях развития, так как историческое развитие различных народов (а следовательно, и фольклора их) проходит, в общем, одни и те же стадии.

Но основное внимание должно быть уделено анализу самого фольклорного материала. Фольклорные произведения тем и интересны в особенности, что в самих текстах как бы материализуются их истории: что-то сохраняется и нередко идет из глубины веков, что-то создается вновь и вновь. Процесс этот нельзя, конечно, понимать механически, как процесс «наслоения» или неорганических прибавлений: при новом исполнении старый текст перерабатывается, отдельные элементы его приобретают в новом окружении новое значение; но все же внимательный анализ позволяет нам восстановить этапы исторического развития нашего материала.

III.

Несомненно, в известном нам фольклорном материале многое восходит еще к древнейшему периоду истории, к доклассовому обществу.

Фольклорные произведения в этот ранний период имели практическое значение. Еще в первобытном обществе возникли так называемые «трудовые песни», т. е. такие песни, которые исполнялись непосредственно в процессе труда и назначение которых заключалось в том, чтобы облегчить этот процесс путем ритмизации его: ритмичность движений экономит усилия, особенно же значение она имеет при коллективных работах для согласования движений, а в первобытном обществе труд был чрезвычайно тяжел и вместе с тем почти все работы являлись коллективными.

Такие «трудовые песни» можно наблюдать у различных народов в Африке, в Австралии и пр.; существовали они, например, и в древней Греции, существуют в качестве пережитка вплоть до настоящего времени. В этих песнях основой является мелодия, ритм, а не текст; вот почему их текст часто чрезвычайно элементарен, нередко импровизируется и затем забывается, а иногда даже и отсутствует: ограничиваются напеванием только мотива, «песни без слов». Поэтому, конечно, позднейшие тексты (какова, например, «Дубинушка»), нельзя возводить к доклассовому обществу, но самый тип «трудовых песен» идет из этих древнейших времен.

В первобытном же обществе возникли разнообразные произведения магического характера. И их назначение — содействовать облегчению трудных процессов. Но «трудовые песни» в действительности облегчали работу посредством ритма, значение же магических произведений иллюзорное.

шимое. Они основаны на первобытном анимистическом мировоззрении и, в частности, на вере в силу магии, в возможность производить воздействие на внешний мир путем различных обрядов и действий, опирающихся по большей части на аналогию; например, чтобы вызвать дождь, нужно самим произвести маленький дождь — отсюда окропление поля водой и т. п. действия. В основе лежали именно магические действия, но действия эти сопровождаются словами, да и самое слово рассматривается как действие (например, слова-проклятия), и таким образом возникают разнообразные словесные произведения магического характера. Подлинной основой их является слабость первобытного коллектива в борьбе с природой, желание облегчить и сделать более успешной эту борьбу.

Эти магические произведения и самые обряды рано становятся достоянием патриархов, старейшин и т. п. лиц и являются одним из орудий укрепления их власти над общиной. Религия (а магию мы можем рассматривать как раннюю форму религии) уже здесь является оплотом для трудящихся и орудием власти и эксплуатации для господствующих, хотя здесь и нет еще собственно классовых отношений. Это подтверждается разнообразными историческими данными, подтверждается и тем фактом, что магические произведения и впоследствии не являются достоянием всех и каждого, а принадлежат определенным категориям носителей их; необходимо отметить, впрочем, что не все магические произведения одинаковы: есть среди них такие, которые являются, так сказать, общедоступными, есть и такие, которые принадлежат только специалистам (колдунам, знахарям и т. п.). Для нас особенный интерес представляют именно те произведения, которые принадлежали широким массам и характеризуют их стремления и воззрения.

В числе магических произведений на первом месте следует поставить заговоры — словесные произведения, будто бы обладающие силою непосредственно воздействовать на внешний мир. Заговоры теснейшим образом связаны с хозяйственной деятельностью; отсюда — заговоры охотничьи, пастушеские, земледельческие и т. п. Остальные виды заговоров, связанные с благополучием человека в различных отношениях (заговоры от болезней, любовные и пр.), являются вторичными, более поздними. Имел чисто практическое значение, заговоры обладали значительной устойчивостью, почему и в позднейших текстах отчетливы следы древнейших верований. Вероятно, уже в ранний период заговоры получили довольно разработанную, поэтическую форму (своеобразное построение, сравнения, эпитеты и пр.), почему и рассматриваются нами как поэтические произведения, хотя в самой среде, где они бытуют, отношение к ним совершенно иное, чем, например, к песням лирического характера.

К числу магических произведений следует отнести также обрядовые песни. Мы различаем обрядовые песни календарные и бытовые. Так называемые календарные или праздничные обрядовые песни связаны преимущественно с аграрным (земледельческим) культом. В связи с значением для хозяйственной деятельности движения времен года, обусловленного движением земли вокруг солнца, особенное значение в аграрном культе приобретает солнце (и, конечно, сама земля). В честь солнца устанавливаются праздники, связанные с главнейшими поворотными моментами: зимним солнцестоянием (начинает прибывать день), весенним равноденствием и летним солнцестоя-

нием (самый длинный день). С праздниками этими связываются магические обряды и песни. По большей части эти песни очень просты по своему характеру. Основные мотивы в них — пожелания всякого благополучия (особенно хозяйственного), гадание о будущем и т. п.

Бытовыми обрядовыми песнями мы называем песни свадебные и похоронные.

Брак имел с древних времен хозяйственное значение; отсюда — необходимость обеспечить его благополучие магическими обрядами и песнями. Магические элементы ясно заметны и в позднейшем свадебном обряде и песнях (прежде всего, обеспечение хозяйственного благополучия, откуда, например, осыпание молодых зерном и т. п. обряды, затем обеспечение благополучия семейного). В связи с происходившими изменениями в формах семьи и брака, в свадебном обряде и песнях могут быть отмечены следы похищения невесты, продажи ее, выдачи замуж по воле родителей. Свадебный обряд мог сложиться только при наличии уже мирных сношений между родами (и в частности, вероятно, при известном развитии меновых отношений между ними), а не в период действительного похищения невесты (когда было не до обрядов), и свадебное «похищение» имело именно магический характер, опираясь на воспоминания о похищении реальном. Свадебные песни заключают в себе немало отголосков родового строя (часто упоминается «род-племя» и т. п.); в ранний период они были, вероятно, довольно элементарны и в большей степени сводились к магическим формулам. Довольно рано развились, надо полагать, символика и параллелизм, богато представленные в позднейшем материале.

Похоронные обряды и причитания первоначально также имели практическо-магическое значение: необходимо было обезопасить живых от покойника и обеспечить благоволение его. Отсюда — обязательность оплакивания покойников в древности и существование профессионалов-специалистов этого дела. Конечно, вместе с тем причитания должны были выражать непосредственное и искреннее чувство горя по поводу смерти близкого человека. В связи с таким назначением причитаний стоит и их содержание (восхваление покойника и изображение тяжести жизни без него) и их оформление (обилие эмоциональных приемов, в частности — усиленное употребление ласкательных форм).

Магическое или мифологическое (т. е. связанное с религиозными представлениями) значение имели в доклассовом обществе и рассказы, из которых впоследствии развиваются сказки, предания и легенды. Сюда относятся, прежде всего, сказки о животных, основанные на тотемистических представлениях (животные являются тотемами — родоначальниками и покровителями рода), затем более элементарные сказки с суверенным содержанием или так называемые «бывальщины» (рассказы о леших, о водяных, о домовых и пр.), а отчасти также и более сложные фантастические («волшебные») сказки. Они не являлись тогда развлечением, забавой, им придавали серьезное практическое значение; так, и до настоящего времени у некоторых народностей сказки рассказываются во время охоты для того, чтобы привлечь благоволение лесных духов; у приморских народов сказки рассказываются иногда с целью прекратить ветер и т. п.

Нередко в основе мифологических и фантастических представлений лежали идеалы и стремления человеческого коллектива, борьба которого

с природой проходила в очень трудных условиях. На почве таких стремлений возникали, например, представления о чудесных предметах (ковер-самолет, сапоги-скороходы, скатерть-самобранка и пр.), как говорил об этом А. М. Горький.

Март и мизран - загадки

Такое же магическое и мифологическое значение имели загадки и, может быть, некоторые пословицы: загадками выражались религиозно-мифологические представления (таковы, например, загадки о громах и молниях), загадывание загадок, как и рассказывание сказок, могло обеспечить благо-расположение духов и т. п. Кроме того, загадки входили, как один из элементов, в обряды так называемых инициаций, т. е. принятия юношей и молодых девушек в общество взрослых, являясь одним из способов испытания ума (на это указывают соответствующие обряды у различных народов Африки и других стран); возможно, что с подобными обрядами были связаны также и некоторые сказки.

Восход др. 994

Таким образом фольклор доклассового общества отличается практическо-трудовым, магическим или мифологическим характером; и там, где мы встречаемся в позднейшем фольклоре с соответствующими данными (практическо-трудового, магического или мифологического характера), мы можем относить возникновение их в основном именно к периоду доклассового общества. Между прочим, следы этого периода обнаруживаются в позднейшем детском фольклоре.

Уже в этот древнейший период возникали и некоторые рассказы (предания) и песни героического характера (мифы о героях), а также, может быть, и некоторые песни бытовые и собственно лирические; но у нас нет достаточно твердых данных для характеристики подобного материала.

IV.

Но развитие фольклора не остановилось в этом древнейшем периоде, фольклор продолжал жить и развиваться и в более позднее время.

С возникновением классов, с развитием государственности и культуры устное творчество унаследовано было трудовыми народными массами, в нем одном находившими возможность проявления своих поэтических сил и выражения своих стремлений, так как литература была почти недоступна им. Эти трудовые массы выделяли подлинных мастеров-художников, создателей и хранителей устной поэзии; из их же среды выходили специалисты, для которых устная поэзия (нередко вместе с музыкой, играми, танцами) являлась профессией — дружинные певцы, скоморохи, калики переходные.

Сила этого художественного творчества масс была так велика, что даже вопреки запретам и преследованиям церковников оно проникало и в среду господствовавших классов; вот почему, например, заговоры, обрядовые, календарные, свадебные и похоронные песни, сказки и другие виды фольклорных произведений находили отражение и в древней русской литературе (в летописях, в повестях, в том числе и в произведениях церковного характера), а также сохранились документальные свидетельства о существовании их в господствовавших кругах вплоть до царей (известно, например, описание свадьбы Ивана Грозного, известно, что у Грозного были свои сказочники, свои певцы). Слагателями и исполнителями устных произведений и

здесь являлись выходы из народной среды (например, сказочниками у Ивана Грозного были, конечно, не бояре); но оформление подобных устных произведений могло и должно было отражать некоторые черты быта господствовавших классов, что мы и видим иногда в более поздних текстах (например, в свадебных песнях жених, как правило, именуется князем, невеста — княгиней, поезжане — боярами, живут они в тереме и т. д.). Но в крестьянской среде подобные черты получали новое значение, приобретали характер идеализации, стремления представить свою жизнь более яркой и богатой, чем она была в действительности.

В новых исторических условиях продолжали жить прежние произведения, перешедшие из доклассового периода: трудовые песни, заговоры, обрядовые песни, сказки, пословицы, загадки. Конечно, они изменялись, впитывали в себя новые элементы, становились более сложными. В частности, следует отметить воздействие церковников на фольклор. В заговоры и обрядовые произведения широко (но часто поверхностно) проникают церковно-христианские черты — отчасти потому, что и сами церковники пользовались, например, заговорами, отчасти вследствие влияния церковной пропаганды на крестьянское и городское население. Но в заговорах проявляется иногда и враждебное отношение к церковникам: например, в заговоре для охраны скота, почти имеющем характер молитвы, скот оберегается от попа и попады, от дьякона и дьяконицы и т. д. Некоторые из магических и обрядовых произведений перешли в детский обиход, и в детском фольклоре мы наблюдаем иногда следы феодального периода (например, «тиун», «воевода» и т. п.).

Прежние магические и мифологические рассказы частично превратились в так называемые предания или «бывальщины» (рассказы о леших, о водяных, о домовых и пр.). На мифологической основе выросли также волшебные или чудесные сказки, уже не являвшиеся предметом веры.

Борьба молодого русского государства с врагами нашла свое выражение в так называемых былинах, т. е. героических богатырских песнях. Эти былины частично могли опираться на героические песни, существовавшие еще в доклассовом обществе (например, былины о Добрыне и змее, об Илье Муромце и сыне), но и самые образы богатырей (Илья Муромец, Добрыня, Алеша) и факты, изображаемые в былинах, в основном относятся уже к более позднему историческому периоду (борьба с половцами, с татарами, с разбойниками). В образах богатырей воплощена мощь русского народа, его героические черты. С течением времени к именам тех же богатырей могли прикрепляться сюжеты сказочные (например, Добрыня и Маринка) и новеллистические (например, неудавшаяся женитьба Алеши). В условиях новгородской жизни возникли былины о новгородской вольнице (Василий Буслаев) и о торговле (Садко). Позднейшие исторические события нашли свое отражение в так называемых исторических песнях (например, об Иване Грозном).

К периоду XI—XVI вв. можно также отнести возникновение сказок новеллистического или авантюрного характера, лишенных в отличие от волшебных фантастики. Героем или героиней подобных сказок нередко являлись крестьянин или крестьянская девушка; памятником этого является, между прочим, «Повесть о Петре и Февронии», в значительной мере построенная на сказочном материале. В некоторых случаях крестьянский

герой прямо противопоставляется боярину; таковы, например, сказка «Горшени», приуроченная к имени Ивана Грозного, или сказка об Иване Грозном, сообщенная Коллинсом (о награжденном Грозным «лапотнике»).

Под влиянием христианской церкви формировались легенды и духовные стихи, для которых нередко использовался мифологический материал, дошедший от более раннего периода. В крестьянской среде эти легенды и духовные стихи приобретали ярко выраженный «двоеверный» характер, а иногда острие свое обращали прямо против церковников и церкви; такова, например, легенда о праведнике, согрешившем в церкви (близкую к ней легенду, напоминающую рассказ Л. Толстого «Три старца», сообщает, между прочим, князь Курбский).

Еще резче враждебное отношение к церковникам проявляется в анекдотах и поговорах, часто имеющих антицерковный и антипоповский характер; таков, например, известный и в средневековой западноевропейской литературе анекдот о крестьянине, приведшем к попу свою единственную корову после того, как он услышал проповедь на тему: «Господь за все воздаст десятиридею».

Произведения эти создавались и жили в народной среде. Оформителями и исполнителями песен, сказок, были нередко являлись, как указано выше, народные мастера-художники и специалисты-профессионалы. Они пользовались для своих произведений и непосредственно устным творчеством масс и материалом литературным (например, апокрифами), и материалом международным. Они же в особенности, вероятно, разработали и богатое, искусное оформление этих произведений, подвергавшихся длительной коллективной шлифовке.

V.

В крепостнический период (XVII, XVIII, первая половина XIX в.) в фольклоре происходят дальнейшие изменения. При этом XVII в. и первая половина XVIII теснее связаны с предшествующим периодом. Во второй половине XVIII в. возникают многие новые факты.

Основная черта, которую мы можем отметить в крестьянском фольклоре этого периода, — это его антикрепостнический характер. Крестьянство боролось против закрепощения с оружием в руках; свое враждебное отношение к крепостному праву и ко всему крепостническому строю оно переносило и в свое творчество. Непосредственно антикрепостнических произведений у нас не так много, как можно было бы ожидать, но это вполне понятно: материал, которым мы располагаем, подвергался тройному отбору. Сами крестьяне не все передавали чуждым им собирателям (нередко дворянам), собиратели не все записывали, что слышали, и наконец, цензура разрешала к печати не все, что было записано. И все же антикрепостнические материалы имеются.

Сюда относятся исторические песни и предания о Степане Разине и о Пугачеве, а также безыменные «разбойничьи» песни, близко примыкающие к разинскому циклу.

В этих песнях и преданиях проявляется явно сочувственное отношение к вождям крестьянских восстаний — Разину и Пугачеву, а также и к разбойникам, выходящим из крестьянской среды, бежавшим от крепостнического

гнет. ¹ Отсюда — глубоко эмоциональный характер подобных песен, обративший на себя внимание, например, еще Пушкина, высоко ценившего их.

К более позднему времени (XVIII в.) относятся антикрепостнические песни бытового характера (какова, например, песня о жизни дворовых «Уж мы сядем, посидем» и др.). Сюда же пужно отнести многочисленные антикрепостнические поговорки (начиная с такой, как «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день») и пословицы, направленные против чиновников крепостнического государства (воевод, подьячих, судей и пр.), далее довольно многочисленные антикрепостнические анекдоты на тему «Барин и мужик» в разнообразных вариациях и антикрепостнические легенды (какова, например, легенда «О двух великих грешниках»). Своеобразным продуктом крепостнического периода являются также поговорки, в которых нашло свое выражение отношение к труду как к проклятию и стремление работать поменьше и помедленнее («Дело не медведь, в лес не убежит», «Всего вдруг не сделаешь», «Тише едешь — дальше будешь» и т. п.). Эти поговорки сохраняли свое значение и в капиталистический период, и только в советской стране труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства». В рекрутских причитаниях и в песнях о солдатчине находит свое выражение подлинная тяжесть военной службы в старой России.

В волшебных и повелительских сказках героем выступает крестьянский сын, добывающий счастья и торжествующий над всеми врагами и неприятелями; в этом проявляются стремления крестьянства к улучшению своего положения. В целях улучшения тяжелого положения применяются также заговоры (характерен, например, заговор «на подход к властям или на умиловление судей») и обрядовые песни, причем и в них нередко звучит враждебное отношение к крепостническому государству.

Косвенно связаны с крепостничеством и семейно-бытовые песни, о существовании которых в крепостнический период мы можем говорить достаточно определенно: в этих песнях перед нами проходит преимущественно тяжелая участь женщины, насильно выдаваемой замуж, подвергающейся побоям, угнетаемой мужем. На этой основе вырастает и враждебное отношение к мужу, часто изображаемое и выражающееся в песнях (вплоть до убийства мужа женой).

Выражением крепостнических отношений и крепостнических взглядов на женщину, опиравшихся на церковный авторитет, являются, между прочим, многие поговорки, дающие отрицательную характеристику женщине («Курица не птица, баба не человек», «У бабы волос долог, да ум короток», и пр.).

Однако крестьянство в своих песнях и сказках выражало не только настроения горя или вражды к угнетателям. Сила народа была так велика, что даже в самых тяжелых условиях он не терял бодрости. Мы знаем, поэтому, немало веселых и шуточных рассказов и песен, песен плясовых и пр. Многочисленны и богаты по содержанию и оформлению также песни собственно лирические, например, любовные, искренние и глубоко эмоцио-

¹ Не следует отождествлять разбойничество XVII—XVIII вв. с разбойничеством древней Руси, вредным для молодой русской государственности: разбойничество крепостнического периода являлось одной из форм протеста против крепостного права.

падные. Эти произведения народного творчества нередко оставляли далеко позади себя холодные и напыщенные произведения книжной поэзии XVIII в.

Не следует, конечно, представлять крестьянство, а следовательно, и крестьянский фольклор, совершенно однородным: дифференциация крестьянства началась уже в феодальный период и все больше углублялась к концу его. Антикрепостнический фольклор жил среди закрепощенного крестьянства и казацкой «голытьбы», но не мог иметь особенного распространения, например, среди северного крестьянства, где крепостных крестьян было значительно меньше. Среди самого закрепощенного крестьянства богатая (в частности, торгующая) его часть была настроена менее воинственно и легче примиралась с господствующими классами, чем часть бедняцкая и середняцкая. Но и сознание середняцкого и бедняцкого крестьянства было противоречиво: враждебное отношение к угнетателям сочеталось с верой в бога и с верой в царя.]

Отсюда — такие явления, как широкое распространение благочестивых легенд и духовных стихов, примиренческих пословиц («Господь терпел и нам велел» и т. п.) и т. д. В частности, можно отметить старообрядческую поэзию, характерную в особенности для зажиточного торгующего крестьянства, и рядом — «сектантскую» поэзию, в некоторых случаях являющуюся выражением интересов бедноты.

С XVIII в. мы можем отметить существование песен рабочих, преимущественно рабочих кустарных и мануфактурных предприятий. Так, например, песня «Близко, близко городочка» известна уже по песеннику 1791 г.; к крепостническому периоду относится, конечно, и песня «Лет семнадцать мальчишка вздумал в Питере пожить», еще в 1864 г. напечатанная в «Современнике». Вероятно еще в XVIII в. сложилась и песня о горных работах. Таким образом XVIII в. представляет ряд новых явлений (особенно со второй половины) и в сущности должен рассматриваться как переходный этап к XIX в.

VI.

✕ В господствовавшем дворянском классе за этот период фольклор как живое явление, живущее самостоятельной жизнью, в сущности, умирает: заговорами, обрядовыми песнями не пользуются как реальным средством улучшения жизни (мы не знаем, например, типично дворянских заговоров, тогда как о боярских говорить можем; в свадебном обряде очень ярки следы бытования в царской и боярской среде, но не следы дворянские), в сказки не верят как в рассказы серьезного характера, дворянских былин не создают и т. д. Конечно, такое умирание фольклора происходило не сразу и неравномерно: например, еще при Петре I велись дела о дододовстве, Петра I оплакивали плакальщицы, но уже к концу XVIII в. картина иная. В XVIII в. Котошихин описывает свадебные обряды в высшем кругу; в XVIII—XIX вв. свадьба в дворянском обществе спрашивается уже иначе (на европейский лад). Само дворянство не было однородным, и например, в провинциальной среде долго могли сохраняться гадания, святочные обряды и т. п. (вспомним, например, Татьяну Пушкина), могли сохраняться и приметы и поверья, и заговоры (многочисленные указания дают, например, сатирическая журналистика и комедии XVIII в.).

Пр. сказочники и т. д.

Но фольклор продолжает существовать в дворянской среде (в том числе в среде дворянской «интеллигенции») в качестве средства украшения жизни. У дворян (вплоть до императриц в XVIII в.) имеются свои домашние сказочники и сказочницы (можно вспомнить, например, няню Пушкина или слепого старика-сказочника, купленного семьей Л. Толстого), создаются хоры из крепостных крестьян, исполняющие и песни фольклорного характера. В связи с этим (отчасти) стоит и собирание фольклорного материала (с XVIII в.) и использование его в литературе (многочисленные «песни» XVIII в.: Сумарокова, Нелединского-Мелецкого и пр.; в XIX в. можно отметить использование фольклорного материала и создание произведений, в тех или иных отношениях аналогичных фольклорным, у Жуковского, Дельвига, Гоголя, А. Толстого; другая линия представлена Пушкиным и Рылевым).

С XVIII в. в буржуазной (купеческой) среде жизнь фольклора является еще более интенсивной; здесь, несомненно, продолжают бытовать и заговоры (есть, например, заговоры для привлечения покупателей в лавку) и обрядовые произведения, и сказки, и пословицы. Об этом говорят нам и литературные данные (ср. «Бедность не порок» Островского и особенно «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского).

В городской буржуазной и мелкобуржуазной среде идет также усвоение литературного материала и возникают новые произведения, более или менее близкие к литературным по типу, а также и генетически связанные с литературой. Отсюда — распространение так называемой дубочной литературы, в частности, рукописных и печатных песенников; с литературными влияниями связано и возникновение так называемых мешанских романсов, о которых мы можем говорить уже в XVIII в., в особенности же в первой половине XIX в.

Господствовавший класс активно воздействовал на крестьянский фольклор. Этим можно объяснить, например, распространение солдатских военных песен с восхвалением императоров и императриц (например, «Плач по Екатерине II», «Смерть Александра I»), генералов и полководцев (Румянцева, Паскевича и пр.), с восхвалением самой солдатской службы и с проповедью верноподданнических монархических чувств (такова, например, записанная Н. Е. Опчуковым песня о 14 декабря 1825 г.). Подобные песни могли создаваться и распространяться разными выслужившимися унтер-офицерами, фельдфебелями и пр.

Отчасти результатом воздействия господствовавшего класса (через церковников) можно считать также распространение легенд и духовных стихов с проповедью смирения и терпения и с утверждением богоустановленности феодального порядка вещей.

Влияние господствовавшего класса проявлялось также и в такой области, как лирические любовные песни, существование которых в XVIII в. уже подтверждается наличием текстов в песенниках XVIII в. Здесь нередко встречаются образы, мотивы, детали быта, характерные для дворянской среды («немецкий веерок» у девушки и т. п.).

VII.

В капиталистический период (вторая половина XIX в. и начало XX в.) в угнетенном, лишенном возможности хозяйственного и культурного развития крестьянстве продолжают существовать многочисленные фольклорные

произведений, сохранившиеся от прежних эпох. Частью они сохраняются только в качестве пережитков, нередко утратив свою прежнюю функцию (например, обрядовые песни), частью живут более интенсивною жизнью, являясь орудием в новой борьбе. Против многочисленных остатков крепостничества, против царских чиновников, против попов направлены многие пословицы, анекдоты и новеллистические сказки, песни и отчасти легенды. Многие прежние произведения сохранялись в силу их художественной ценности; возникали также и новые произведения высокого художественного достоинства.

Из среды крестьянства вышли замечательные мастера устного творчества, каковы, например, исполнительница похоронных и рекрутских причитаний Ирина Федосова, исполнители былии Т. Г. Рабинян, В. П. Щеголенок и М. Д. Кривополенова, сказочник Абрам Новопольцев и мн. др.

Особенно широкое распространение приобретает живая и гибкая частушка; можно думать, что частушки существовали и в более раннюю эпоху, но широкую популярность они получили именно в период промышленного капитализма и империализма, в связи с обострением и более четким осознанием классовой борьбы (специально можно отметить, например, частушки о Государственной думе, о столыпинском законе 9 ноября, об империалистической войне и т. д.). Нередко, однако, мотивы классовой борьбы затухают вследствие недостаточной четкости классового сознания крестьянства. В некоторых случаях четко проявляется воздействие пропаганды со стороны господствовавших классов, одурманивания крестьянского сознания: таковы, например, некоторые частушки о русско-японской войне 1904—1905 гг. «ура патриотического» и шовинистического характера и т. п.

Сильнее, чем в крепостнический период, проявляется дифференциация крестьянства. Отсюда, с одной стороны, возникновение и распространение произведений, враждебных кулачеству, деревенским богачам (таковы некоторые анекдоты, сказки, пословицы, частушки, легенды), с другой — произведения кулацкого характера, выражающие стремление к обогащению любыми средствами и пренебрежительное отношение к бедноте.

Рабочий класс создает свой фольклор. Кроме прежних песен рабочих, отмеченных нами еще для крепостнического периода, возникают новые произведения, принадлежащие собственно промышленному пролетариату; таковы фабрично-заводские частушки, пословицы и т. п. Существовали, несомненно, и фабрично-заводские песни (более сложного характера) и рассказы, но эти произведения находились в полном пренебрежении у прежних собирателей и исследователей-фольклористов, и только теперь, по воспоминаниям старых рабочих, мы восстанавливаем существование подобного фольклора. Некоторый материал имеется все же и в прежних записях (например, в статьях Д. Успенского и Белорецкого). Сюда же должны быть отнесены революционные песни рабочих (например, периода революции 1905 г.).

Свой фольклор создает революционно-демократическая часть русской интеллигенции. Здесь мы можем отметить, во-первых, использование крестьянского фольклора Некрасовым (в его послереформенной деятельности), отчасти Салтыковым-Щедриным, революционными народниками в их пропаганде (например, Степняком-Кравчинским); особо следует сказать о Л. Н. Толстом, в деятельности и, в частности, в «народных рассказах» кото-

рого отразились противоречия крестьянского движения: «В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь, и ограниченность именно крестьянского массового движения».¹ Во-вторых, следует подчеркнуть существование своеобразного революционного фольклора (например, студенческих революционных песен); к сожалению, этот фольклор не собрался и не фиксировался в свое время сколько-нибудь полно, и сам материал в этом отношении совершенно недостаточен. Кстати, можно упомянуть о существовании, например, фольклора семинаристов и школьного фольклора.

Укрепляется и развивается в период промышленного капитализма фольклор городской мелкой буржуазии («мещанства»), воздействующий иногда и на фольклор крестьянский и на фольклор рабочих (в отсталой части рабочего класса).

В этом отношении особенно характерно распространение «романсов», преимущественно с уголовной и «жесточкой» тематикой, со своеобразно сентиментальным и романтическим оформлением. Отсюда же в значительной степени идет мода на переделки различных литературных произведений (стихотворных и прозаических).

Наконец, еще одно характерное для периода промышленного капитализма явление — фольклор люмпен-пролетарский. Сюда относятся произведения уголовных преступников, так называемый «блатной» фольклор, характеризующийся уголовной тематикой и использованием своеобразного воровского жаргона.

VIII

Для периода пролетарской революции и социалистического строительства характерно подлинное развитие настоящего народного творчества. Освобожденный народ получил доступ ко всем сокровищам культурного наследия прошлого; литература стала общим достоянием всего народа. Вместе с тем творческие силы народа получили возможность полного раскрытия во всех видах творчества, в том числе и творчества поэтического. В значительной степени стирается граница между фольклором и литературой, поскольку граница эта в течение веков поддерживалась классовым неравенством (для господствующих — литература, для угнетенных — фольклор). Массы трудящихся широко усваивают литературный материал, переходящий в общее употребление (такова, например, «Песня о родине», сделавшаяся поистине всенародной), а с другой стороны, эти массы выдвигают множество своих авторов, в деятельности которых скрещиваются фольклор и литература (один из самых ярких примеров — знаменитый народный поэт Дагестана Сулейман Стальский; это — подлинный народный певец и вместе с тем блестящий художник, произведения которого являются его личным творчеством).

Некоторые виды фольклорных произведений, существовавшие в течение тысячелетий и пережиточно сохранившиеся до нашего времени, на наших глазах явно и бесповоротно умирают. То, чего не могли уничтожить ни столетия феодализма, ни капиталистический период, — исчезает в качестве жизнеспособного явления в период построения социализма. Такова судьба заговоров, некоторых обрядовых песен, духовных стихов (в живой устной

¹ В. И. Ленин, Л. Н. Толстой (Сочинения, т. XIV, изд. 3, стр. 401).

традиции) и пр.; конечно, они еще продолжают существовать, они даже пытаются иногда приспособляться к современности, но все же умирание их не подлежит сомнению и составляет вопрос небольшого периода времени (это, конечно, не мешает сохранению подобных произведений в книгах как памятника прежней жизни и творчества; обрядовые песни часто используются как игровой, эстетический материал).

Это — один из признаков того, что с вступлением в период строительства социализма предистория человечества кончилась и начинается его история...

Но в целом фольклор живет богатой жизнью. Внимание фольклору уделяют не только специальные научные и учебные учреждения, не только специальная научная литература, но и партийные организации и партийная печать.

Все ценное в старом наследстве бережно сохраняется. Собираются, заносываются и печатаются сказки и былины, старинные крестьянские и рабочие песни. Они не только сохраняются: знакомство с ними расширяется, они становятся известны и там, где их не знали раньше (например, широко популяризируются былины).

Возникают и новые произведения, существует уже и новый революционный фольклор — пролетарский и крестьянский колхозный.

Революция создала свои героические сказания и песни (таковы, например, песни партизан, рассказы рабочих о революции, рассказы и песни о Ленине и Сталине и т. п.). Культурная революция, новый быт, индустриализация, коллективизация деревни — все крупнейшие явления нашей эпохи нашли свое отражение, например, в частушках. В них проявляется новое отношение к радостному и свободному труду, находят свое выражение новые взгляды на женщину, как на равноправного товарища мужчины; звучат в них и ноты самокритики.

Небывалый расцвет переживает в наше время фольклор тех народов, которые не имели в царской России литературы (и даже письменности) и только после Великой октябрьской социалистической революции пришли к свободной жизни и к свободному творчеству.

Этот новый советский фольклор создается буквально на наших глазах, это — фольклор «становящийся». Поэтому не успели еще выкристаллизоваться его формы, и нередко мы имеем дело с явлениями переходного характера, так сказать, с «фольклорным сырьем», из которого в дальнейшем образуется подлинный фольклор. Для фольклорных произведений, в точном смысле этого слова, необходимы два качества: известная традиционность, т. е. не единичное их возникновение только, а хождение в более или менее широком кругу, воспроизведение вновь и вновь, и наличие художественного, поэтического оформления. Между тем современные нам произведения нередко не успели еще сделаться традиционными (но могут сделаться таковыми), а художественное оформление нового фольклора не может быть копированием прежней фольклорной поэтики. Вот почему нередко возникает вопрос, относятся ли к области фольклора те или иные произведения (например, рассказы рабочих о Ленине и т. п.). И на этот вопрос часто приходится отвечать: еще не относятся, но могут войти в дальнейшем в широкий обиход, могут приобрести художественное оформление, «становятся» фольклором.

Тем более настоятельно необходимо записывать и изучать фольклорные произведения. С одной стороны, нужно не упустить из своего поля зрения

те явления, которые уже уходят из жизни, с другой — важно поймать и зафиксировать явления только что нарождающиеся.

Мы, очевидцы и участники величайшего исторического переворота, обязаны сохранить для потомства отражение этого переворота в народном поэтическом творчестве. Да и нам самим это творчество доставит немало поучительного и эстетически-ценного материала, обогатит наше поэтическое наследство.

IX.

За свою многовековую жизнь произведения народного творчества, создававшиеся мастерами и шлифовавшиеся затем в процессе коллективной обработки, выработали свою особую систему поэтических приемов, свою поэтику. Эта поэтика настолько своеобразна, что мы узнаем иногда фольклорное произведение и при первом же знакомстве отличаем его от произведения литературного даже в тех случаях, когда ничего не знаем о происхождении этих произведений.

Конечно, поэтика фольклорных произведений не является раз навсегда установленной, не подвергающейся изменениям. В фольклоре мы имеем дело с различными жанрами, с произведениями, возникавшими в различные эпохи и в различных условиях, и потому эти произведения весьма разнообразны по своему характеру. Былина, например, совершенно не такова, как частушка, причем частушка в поэтическом отношении (по ритму, по наличию рифмы, по образам, по языку) значительно ближе к литературным стихотворениям, чем былина. Точно так же, например, старинная обрядовая песня очень мало похожа по своему поэтическому оформлению на рабочую песню конца XIX или начала XX в. Даже внутри одного и того же жанра можно нередко встретить весьма разнообразные произведения (например, среди заговоров есть весьма орнаментальные, украшенные и есть весьма примитивные; волшебные сказки, даже на один и тот же сюжет, рассказываются в разных случаях весьма различно и т. д.).

Однако возможно все же установить некоторые основные общие черты фольклорной поэтики, в частности — такие, которыми фольклорные произведения в каждую определенную историческую эпоху отличаются от литературных произведений той же эпохи.

По своему внутреннему характеру фольклорные произведения являются реалистическими, и в этом реализме, в их глубокой внутренней правдивости заключается, между прочим, их сила. Даже фантастика в народных произведениях по большей части приобретает реалистический характер; нередко наблюдающаяся в них гиперболичность также не выводит изображение за пределы реалистичности. Об этом можно говорить в двух отношениях: во-первых, в основе народной фантастики и гиперболичности нередко лежат, как указывал А. М. Горький, трудовые потребности и идеалы (люди хотели быстро передвигаться и создали образ сапогов-скороходов и т. п.); во-вторых, сами фантастические и гиперболические образы нередко даются в весьма реалистическом изображении (так, например, в одной легендарной сказке рассказчик, изображая ад, говорит, что черти сидят в аду за столами, как писаря в канцелярии, и обращаются с пришедшим в ад человеком так же грубо, как и писаря с мужиком).

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ.

Трудовыми песнями называются песни, непосредственно сопровождающие трудовые процессы и служащие для облегчения последних. Возникнув в глубочайшей древности, еще в доклассовом обществе, эти песни продолжали существовать и в более позднее время, причем, конечно, в новых условиях приобрели и новый классовый характер. Так, например, в суданской песне при размоле зерна (см. ниже, стр. 46) находит отражение рабство (Дшелаба — охотники на рабов и торговцы рабами); в песнях бурлаков («Дубинушка») речь идет о «хозяевах», на которых работают бурлаки. Более древние песни отличались своей простотой, в более поздних нередко видим своеобразное напизывание отдельных мотивов друг на друга (особенно характерна в этом отношении «Дубинушка» № 2).

В русском фольклоре трудовые песни в их древнейшем виде не сохранились; только припевы в бурлацких «Дубинушках» довольно близко подходят к типу трудовых песен, в целом же эти «Дубинушки» являются, конечно, продуктом более позднего времени.

ПЕСНЯ БУРЛАКОВ — «ДУБИНУШКА».

1.

Запевала: Да вы, ребята, бери дружно!

Хор: Тащить сваюшку нам нужно.

Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет,
Идет — идет, идет — идет, идет — идет.

Запевала: Да вы, ребята, не робейте!

Хор: Свою силу не жалеите!

Эх,

Запевала: Да вы, ребята, дери глотку!

Хор: Нам хозяин даст на водку.

Эх,

Запевала: Вы, ребятушки, старайтесь!

Хор: За дубинушку хватайтесь!

Эх.

Записана в г. Нижнем-Новгороде — теперь г. Горький — от артели крючников из с. Промзина, бывш. Симбирской губ., ныне Куйбышевской обл.

[А. Н. Линева. — Великорусские песни в народной гармонизации, вып. I, СПб., 1904.]

2.

Ой, дубинушка, охни.
Ой, зеленая, нейдет, пойдет.
Ой, раз, ой, раз,
Еще, разик, так и раз,
Еще маленький разок.

Наша барка на мель стала,
На деревеньку попала,
На деревню Белу гору,
В Новоселицы под гору.
Вы, девушки, собирайтесь,
За веревочки хватайтесь.

Вы, девушки, не ленитесь,
Хозяйна постыдитесь.
Вы, хозяйва, не скупитесь,
На орехи расступитесь.

У нас веревочки крутые,
Хозяйва молодые.

Если б чаем напоили,
Веселее бы крутили.

Наш хозяин-то да Осип
При себе денежки носит.
Мы барочки погружали,
С богом в Питер отпускали.

Мы нагрузим барку легко,
И потянем, — пойдет ходко.
Наши девушки печальны,
Косоцветочки мочальны.

Как ведь наши-то девицы
Сами белы, круглолицы.
Уж как броннички ребята
Сами белы, кудреваты.

Девушки по мосту гуляли,
Робят в глаза не видали,
Робят в глаза не видали,
Хоть, видали, не стояли,
Хоть стояли, платки рвали,
Во Мсту реченьку бросали.

Как у Бронничкого мосту
Потонуло девок до сту.

Как у нашего Федота
Подломился ворота.
Как на прусской на границе
Проил лодман рукавицы.

Как прикащица Хохлова
Родила сына слепого.

Как у Летнего у саду
Продает мужик рассаду.

Как Хольнская Ненила
За водой ходить ленива.
Утонула крыса в кринке,
Приходил кот на поминки.

Наши девки припотели,
Погупаться захотели.
Закипела в море пена,
Будет ветру перемена.

[Бывш. Новгородского у., Новгородской губ., ныне Ленинградской обл. «Новгородский сборник», вып. IV, стр. 12. Перепечатано у Соболевского, Великорусские народные песни, т. VI, стр. 470—472, № 568.]

Песня поется рабочими на сенных барках. После каждого куплета повторяются первые пять стихов.

Приведем варианты:

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села!

Ой, ребята, собирайся!
 За веревочку хватайся!
 Чтоб прибавить барке ходу,
 Побросаем девок в воду!
 Чтобы барка шла ходчее,
 Надо лодмана по шее!

[Сообщено Н. В. Яковлевым.]

Варианты «Дубинушки» приводит (по памяти) А. М. Горький в рассказе «Коповалов» и в статье «О сказках» («Правда», 30 января 1935 г.):

<p>1) И-эх-ма, бра-атцы, дюже жарко,
 И-эх! Никому-то нас не жалко!
 О-ой, ду-убинушка,
 У-ухнем!</p> <p>2) Ой-бей, ой-бей,
 Дует ветер верховой!
 Мы идё-о-ом босы, голодны,
 Каменьё-о-ом ноги порваны.</p> | <p>Ты пода-а-ай, Микола, помочи,
 Доведи-и-и, Микола, до почи!
 Эй, ухнем! да ой ухнем!
 Ша-агай крепче, друже,
 Ло-жись в ляжку туже!
 Ой-ой, оё-ой...</p> |
|---|---|

Настоящая песня является, конечно, продуктом уже позднего творчества. Более ранние стадии развития трудовой песни сохранены в песнях различных национальностей. Приводим для иллюстрации ряд песен из книги К. Бюхера «Работа и ритм» (по новому русскому изданию 1923 г.).

ПЕСНЯ ЯПОНСКИХ НОСИЛЬЩИКОВ.

Hō hōiyo hō hōyo,
 Jē kōra sassa!
 Hō ho yoi yoi,
 Jē kōrā sassa!

Песня состоит только из восклицаний.

[Бюхер. — Работа и ритм, изд. «Новая Москва», 1923, стр. 140.]

ПЕСНЯ НОВОЗЕЛАНДСКИХ ГРЕБЦОВ.

Tena toja!	Тяните!
Tena pehia!	Нажимайте!
Tena iukia!	Держите такт!
Tena tiaia!	Опускайте в воду!
Tena kia mau!	Остановитесь!
Tena kia u!	Сильнее!..

Почти вся песенка состоит из однотипных восклицаний. Характерно изменение ритма в 5-й и 6-й строках.

[Бюхер, стр. 166.]

ПЕСНЯ НОРВЕЖСКИХ КАМЕНЩИКОВ.

Ну, катите,
 Подвигайте,
 Ну, разочек
 Посильнее...
 Здесь возьмем,
 Подтолкнем,
 Да подвернем!
 Ну-ка сразу,
 Вот и ладно!..

[Бюхер, стр. 131.]

СУДАНСКАЯ ПЕСНЯ ПРИ РАЗМОЛЕ ЗЕРНА.

Эй, вози, мели скорей; помни, — Дшелаба силен!
Чуть замешкался ты, он палкой ударит,
Если палки не найдется, — из ружья стрельнет, пожалуй...
Эй, вози, мели со всех ты сил!..

[Бюхер, стр. 51.]

ФИНСКАЯ МЕЛЬНИЧНАЯ ПЕСНЯ.

Ну, мели, мели, мой жернов,
Ты шуми, мой камень милый,
Сам собой вертись, песчаник,
Помоги мне при размоле!
Чтоб мне пальцами не двигать,
Чтоб рукой тебя не трогать,
Чтоб рычаг не шевелить мне..

Такие песни пелись при работе ручными мельницами.

[Бюхер, стр. 49.]

ЭСТОНСКАЯ ПЕСНЯ ПРИ ТРЕПАНИИ ЛЬНА.

Эй, домой иди, трепальник,
Возвращайся-ка, трепальник...
К нам зашел медведь в каморку,
Мишка к нам пришел из леса,
Он разбил у нас все кринки,
Побросал посуду на пол,
Возвращайтесь все скорее!

Месяц встал, чуть брезжит утро:
По деревне бродят воры,
Воры хищные крадутся,
Воровать хотят младенцев...
Просыпайтесь-ка, девицы,
За трепалки принимайтесь,
Коноплю и лен треплите!..

[Бюхер, стр. 64—65.]

ЧЕШСКАЯ ПЕСНЯ ПРИ РУБКЕ СОЛОМЫ ДЛЯ СКОТИНЫ.

Хочешь паном быть, мужик,
Сам солому ты руби...
Буду любоваться,
Как будет разлетаться
Та солома со скамьи;
После к милой я пойду.

[Бюхер, стр. 82.]

точки делает, а третья девица кровавую рану зашивает. Ты, конь, рыжь, ты, кровь, не брыжь; ты, конь, карь, а ты, кровь, не кань.

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Л. Майков. — Велико-русские заклинания, № 151.]

10. ОТ ЗУБНОЙ БОЛИ

а) При пути, при дороге стоит дерево, под этим деревом лежит мертвое тело, мимо этого тела идет св. Антихий и говорит: «Что ты, мертвое тело, лежишь, не болят ли у тебя зубы, не ломают ли ребра, не точат ли черви, не течет ли кровь?» — «Не болят». Онемейте ж вы, зубы, у раба божия (имя рек), как у мертвого тела, закрепи его, господи, крепче камня.

[Бывш. Воронежской губ., ныне области. Л. Майков. — Велико-русские заклинания, № 65.]

б) Месяц в небе, медведь в лесу, мертвец в гробу; когда эти три брата сойдутся вместе, тогда пусть болят зубы у раба (имя рек).

[Бывш. Воронежской губ., ныне области. Л. Майков. — Велико-русские заклинания, № 75.]

11. ОТ ЛИХОРАДКИ.

При море Черном стоит столп камень; в столпе сидит святой великий апостол Сисиний и видит: возмутилось море до облаков, и выходит из него двенадцать жен простоволосых — окаянное дьявольское видение. И говорили те жены: «Мы — Трясовицы, дщери Ирода дара». И спросил их святой Сисиний: «Окаянные дьяволы! Зачем вы пришли сюда?» Они же отвечали: «Мы пришли мучить род человеческий; кто нас перебьет, к тому мы и привьемся и поваемся — помучим его; и кто заутреню просыпает, богу не молится, праздники не чтет и, вставая, пьет и ест рано: то наш угодник». И помолился богу св. Сисиний: «Господи, господи! Избавь род человеческий от окаянных сих дьяволов!» И послал к нему Христос двух ангелов — Сихайла и Аноса — и четырех евангелистов. И начали бить Трясовиц четырьмя дубцами железными, давая им по три тысячи ран на день. И взмолились им Трясовицы: «Святой великой апостол Сисиний и Сихайло, и Анос, и четыре евангелиста, Лука, Марко, Матфей, Иоанн! Не мучьте нас! Где ваши имена святые слышим и в котором роду имена ваши прославятся, того мы роду бегаем за три дня, за три поприща». И спросили их св. апостол Сисиний: «Что ваши дьявольские имена?» — Одна говорила: «Мне имя Трясея». Другая говорила: «Мне имя Огнея»; как печь смоляными дровами распалается, так Огнея жжет тела человеческие. Третья говорила: «Мне имя Ледея»; а Ледея как лед студеный знобит род человеческий, и не может от него человек и в печи согреться. Четвертая говорила: «Мне имя Гнетя»; Гнетя же ложится у человека на ребра и взвивает утробу, а если кто хочет есть, — пусть ест: только из души у того человека вон идет. Пятая говорила: «Мне имя Грынуша»; та ложится

у человека в грудях, плечи гноит и выходит харканьем. Шестая говорила: «Мне имя Глухая»; та ложится у человека в голове, уши закладывает и голову ломит, и тот человек глух бывает. Седьмая говорила: «Мне имя Ломея»; Ломея же ломит, как сильная буря сухое дерево, у человека кости и спину. Восьмая говорила: «Мне имя Пухнея»; Пухнея же пушает отек на род человеческий. Девятая же говорила: «Мне имя Желтея»; Желтея же, как желтый цвет в поле. Десятая же говорила: «Мне имя Коркуша»;

Изображение трасовиц.

(Из молитвы о двенадцати трасовицах. Старопечатное издание начала XIX в.)

та всех проклятея: смыкает ручные жилы и ножные вместе. Одинадцатая говорила: «Мне есть имя Глядея»: и та всех проклятея! в ночи человеку сна не дает, и бесы приступают к тому человеку, и в уме он мешается. Двенадцатая говорила: «Мне имя Невея»; Невея же — сестра им старейшая, плясавица, которая усекнула главу Иоанна Предтечи; и та всех проклятея! Поймает человека, и не может тот человек жив быть. Если случится священник, творит сию молитву над головою болящего Трасовицею: «Во имя отца и сына и св. духа! Окаянные Трасовицы, заклинаю вас святым великим апостолом Сисинием и святыми евангелистами Лукою, Марком, Матфеем, Иоанном!» Потом говорит: «Ты еси окаянная

Тряся, ты еси окаянная Огня, ты еси окаянная Ледея, ты еси окаянная Гнетя, ты еси окаянная Грынуша, ты еси окаянная Глухя, ты еси окаянная Ломея, ты еси окаянная Пухнея, ты еси окаянная Желтея, ты еси окаянная Коркуша, ты еси Невея, сестра старейшая! Заклинаю вас святым великим апостолом Сисинием, святым Сихайлом и Аносом и четырьмя авангелистами: Лукою, Марком, Матфеем, Иоанном! Побегите от раба божия, имрек, за три дня, за три поприща, а если не побегите от раба божия, имрек, и я призову на вас великого апостола Сисиния и святых Сихайла и Аноса, и четырех евангелистов: Луку, Марка, Матфея, Иоанна, и учнут вас мучить, даючи вам по четыре тысячи ран на день».

Проговоря над болящим Трясовицею, священник дает ему пить воду с креста и затем говорит: «Крест всей вселенной хранитель, крест дерквам красота, крест апостолам похвала, крест царям держава, крест христианам утверждение и недугам исцеление, крест отцам просвещение и украшение, крест бесам прогонитель, крест Трясовицам и идолам прогонитель, крест есть рабу божию, имрек, ограждение».

[Бродский, Мендельсон, Сидоров.— Историко-литературная хрестоматия, ч. I, изд. 4, 1923, стр. 39—40. В дальнейшем ссылки сокращенно: фамилии, страница, номер.]

12. ЧТОБЫ ЗАСТАВИТЬ СЕБЯ ПОЛЮБИТЬ («ПРИСУШКА»).

(Наговаривался на пищу или питье, которые давали привораживаемому, или на след его.)

а) Стану я, раб божий (имя рек), благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду я в чистое поле. Есть сидит в чистом поле сама пресвятая богородица, мати божа. Как она скрипит и болит по своему сыне, так бы по рабу божиему (имя рек) раба божия (имя рек) скрипела и болела, и в огне горела, не могла бы она ни жить, и ни быть, и ни пить, и ни есть. Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

[Бывш. Архангельской губ., ныне области. Л. Майков.— Великорусские заклинания, № 10.]

б) Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, в чистое поле. В чистом поле стоит тернов куст, а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и от матери, от роду, от племени. Поди, толстая баба, разожги у красной девицы сердце по мне, рабе (имя рек).¹

[Из дела о крестьянине Трофиме Попове, бывш. Кехотской вол., Архангельской губ. Л. Майков.— Великорусские заклинания, № 23.]

¹ В этих двух заговорах поставлены в одной и той же роли «пресвятая богородица» и «сатанина угодница».

13. ОТСТУДА ИЛИ ОТСУШКА.

На море на окляне, на острове на Буяне стоит столб; на том столбе стоит дубовая гробница: в ней лежит красная девица, тоска-чаровница; кровь у нее не разгорается, ноженьки не поднимаются, глаза не раскрываются, уста не растворяются, сердце не сокрушается. Так бы и у (имя рек) сердце бы не сокрушалось, кровь не разгоралась, сама бы не убивалась, в тоску не вдавалась. Аминь.

[Быш. Симбирской губ., ныне Куйбышевской обл. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 32.]

14. ЧТОБЫ МУЖ ЖЕНУ ЛЮБИЛ.

Как люди смотрятся в зеркало, так бы муж смотрел на жену да не насмотрелся, а мыло сколь борзо смоеся, столь бы скоро муж полюбил; а рубашка какова на теле бела, столь бы муж был светел.

(При том шжечь ворот рубашки.)

[Из уголовного дела 1638 г. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 47.]

15. ЗАГОВОР ОТ ТОСКИ РОДИМОЙ МАТУШКИ В РАЗЛУКЕ С МИЛЫМ ДИТЯТКОЮ.

Разрыдалась я, родная, раба такая-то, в высоком тереме родительском, с красной утренней зори во чисто поле гляючи, на закат ненаглядного дитятки своего, ясного солнышка (такого-то). Досидела я до поздней вечерней зори, до сырой росы, в тоске, в беде. Не взмиллось мне крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца. Стала я среди леса дремучего, очертилась чертою призорочною¹ и возговорила зычным голосом:

Заговариваю я своего ненаглядного дитятку, такого-то, над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечою обручальною. Умываю я свою дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освещаю свечою обручальною его становой кафтан, его шапку соболиную, его подносыя узорчатую, его коты² шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного, белее ярого воска, крепче камня горючего Алатыря. Отвожу я от тебя чорта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы киевской, от злой сестры ее муромской, от моргуни-русалки, от треклятые бабы-ляги, от летучего змея огненного, отмахиваю от

¹ Призорочный — заговорный, заклинательный.

² Коты — обувь.

ворона вешего, от вороны-каркуни, заслоняю от Кашей-Ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуныи. А будь ты, мое дитятко, моим словом крепким — в нощи и в полунощи, в часу и в получасьи, в пути и дороженьке, во сне и наяву — укрыт от силы вражия, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасныи, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорания. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным.

А будь мое слово: сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горючего камня Алáтыря, могуче богатыря. А кто вздумает моего дитятку обморочить и узорочить,¹ и тому скряться за горы Араратские, в бездны преисподние, в смолу кипучую, в жар палючий. А будут его чары — ему не в чары, морочанье его не в морочанье, узорчанье его не в узорчанье.

[И. Сахаров. — Сказания русского народа, т. I, кн. 2, изд. 3, СПб., 1841, стр. 19, № 3. В дальнейшем ссылки сокращенно: Сахаров, том, книга, номер.]

16. ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ В ПУТЬ.

Едет Егорий храбрый на белым коне, златым вендом украшается, булатным ножом подпирается, с татем ночным встречается, речью с ним препирается: «Куда, тать ночной, идешь?» — «Иду я людей убивать, купцов проезжих добывать». А Егорий удам ему дороги не дал, православных обороняет, в пути-дороге сохраняет.

[Бывш. Симбирской губ. и у., ныне Куйбышевской обл. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 258.]

17. НА УДАЧНУЮ ТОРГОВЛЮ.

Как пчелы ярые роятся да слетаются, так бы к тем торговым людям купцы² сходились.

(Сказать на мед и им намазаться.)

[Из судебного дела 1639 г. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 326.]

18. ОТ ВРАГОВ.

Лежит дорога, через тою дорогу лежит колода, по той колоде идет сам сатана, несет кулек песку да ушат воды; песком ружье заряжает, водой ружье заливают; как в ухе сера кипит, так бы

¹ Узорочить — сглазить, испортить.

² Купцы — покупатели.

в ружье порох кипел. А он бы, оберегатель мой, повсегда бодр был... А монарх наш царь Петр буди проклят (трижды).

[Из судного дела 1720-х годов об астраханском подьячем Кочергине. Л. Майков. — Великорусские заклинания, дополнение № 3.]

19. ОТ ПУЛИ НА ВОЙНЕ.

Заговаривается раб божий (имя рек) от пульного железа, пищаля, от пули свиной; ставлю идола идолова от востока до запада, от земли до неба и во веки веков, аминь.

[Бывш. Тюменского окр., Тобольской губ., ныне Омская обл. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 332.]

20. ЧТОБЫ ОТТЕРПЕТЬСЯ ОТ ПЫТКИ.

(Наговаривался на воск.)

Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего, так бы он не слышал жесточи и пытки.

[Из приказного дела 1648 г. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 349.]

21. НА ЦАРСКИЕ ОЧИ.

Господи, благослови. Как утренняя заря размыкается, божий свет рассветается, звери из пещеры, из берлог выбираются, птицы с гнезд солетаются, так бы раб божий (имя рек) от сна пробуждался, утренней зарей умывался, вечерней зарей утирался, красным солнцем одевался, светлым месяцем подпоясался, частыми звездами подтыкался. Покорюсь и помолюсь: «Вы же, кормилицы, царские очи, как служили царям-царевичам, королям-королевичам, так послужите рабу божию (имя рек), день послужите и в ночь послужите, поутру рано и в вечеру поздно, в каждый час, в каждую минуту, век по веку, отныне до веку». Ключ и замок словам моим.

[Село Соломбала, бывш. Архангельской губ., ныне области. Л. Майков. — Великорусские заклинания, № 337.]

22. НА ПОДХОД КО ВЛАСТЯМ ИЛИ НА УМИЛОСТИВЛЕНИЕ СУДЕЙ.

Господи боже, благослови. От синя моря силу, от сырой земли ревоты, от частых звезд зренья, от буйна ветра храбрости ко мне, рабу божию (имя рек). Стану, раб божий (имя рек), благословляясь и пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами, пойду, раб божий, на белый свет, в чистое поле, под красное солнце, под светел месяц, под частые звезды, под полетные облака. Стану я, раб божий (имя рек), в чистое поле, на ровное место, что на престол господя моего, облаками облачуся, небесами покроюсь, на главу свою кладу красное солнце, оболочу на себя светлый младой месяц, подпояшусь светлыми зорями, облачуся частыми звездами, что

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБЯДОВЫЕ ПЕСНИ.

В настоящем отделе помещены так называемые календарные или праздничные обрядовые песни. Они являлись первоначально, как и заговоры, произведениями магического характера, но отличались от заговоров песенным характером и связью с установленными культовыми действиями — обрядами. Многие обряды возникли на основе аграрного (земледельческого) культа почитания солнца и земли. Магические обряды и песни связывались с главнейшими поворотными моментами в движении земли вокруг солнца: зимним солнцестоянием, весенним равноденствием и летним солнцестоянием. С течением времени на место солнечных аграрных праздников становятся праздники церковные, но следы аграрного культа отчетливо сохраняются в ряде обычаев и обрядов («святки», «масленица», «красная горка», «купала» и пр.) и в самих песнях. Основные мотивы в этих песнях — пожелания всякого благополучия (особенно хозяйственного), гадание о будущем и пр. Некоторые обряды и обрядовые песни проникали и в среду господствовавших классов (например, колядки); некоторые же обряды (например, живные) явно принадлежат только крестьянству.

В условиях советской действительности отмирают и церковные праздники и праздники, связанные с аграрным культом, так как социалистическое общество подчиняет себе природу, а не подчиняется ей. Для ликвидации пережитков старых верований необходима антирелигиозная работа.

Приводим некоторые исторические свидетельства об обрядах и обрядовых песнях.

1. О некоторых обрядах говорится в постановлениях собора 1551 г. (так называемый «Стоглав»), в статье «О тридесятих и о двух царских вопросах и соборные ответы, по главам» (вопросы 23—27):

«В троицкую субботу, по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках¹ и плачутся по гробом с великим кричаньем. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и перегудники, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в долони бити, и песни сатанинские пети; на тех же жальниках обманщики и мошеники.

¹ Жальники (или «жали») — общие могилы самоубийц и мертворожденных детей.

Русалки о Иоаннове дне¹ и на вечерии Рождества Христова и Богоявления сходятся мужие и жены и девицы на пощное плещевание и на бесчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела. И егда ночь мимоходит, тогда отходят к реде с великим кричанием, аки бесни, и умываются водою. И егда начнут заутреннюю звонити, тогда отходят в дома свои и падают аки мертвы от великого хлопотания.²

А о Велице дне³ окличка,⁴ на Радунице,⁵ вьюнец⁶ и всякое в них беснование.

А в Великий Четверток порану солому палят и мертвых кличут; нектории же невегласи⁷ попы в Великий Четверток соль под престол кладут и до седмого четвертка по Велице дне тамо держат, а ту соль дают на врачевание людям и скотом.

В первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в Наливки⁸ бесовские потехи деяти».

Игрища, пляски и «бесовские» песни.

(Радзивилловская летопись.)

2. В царском указе Шуйскому воеводе (1648 г.) говорится:

«Ведомо нам учинилося, что на Москве, наперед сего в Кремле, и в Китае, и в Белом, и в Земляном городах, и за городом, и по переулкам, и в черных, и в ямских слободах по улицам и по переулкам, в навечери Рождества Христова кликали многие люди «скаледу» и «усень», а в навечери богоявления господня кликали «плугу»... Да на Рождество Христово и до богоявленияева дни собираются на игрища сборища бесовские... И мы указали о том учинить на Москве и в городах и в уездах заказ крепкой, чтоб

¹ Игры в честь русалок и другие игры накануне Ивана Купалы (24 июня).

² Клопотание — напряжение, усилие, беспокойство.

³ Велик день — Пасха.

⁴ Окличание весны, покойников.

⁵ Радуница — вторник второй недели после Пасхи, день поминания покойников.

⁶ Вьюнец — обрядовый хоровод в субботу на пасхальной неделе.

⁷ Невегласи — невежды.

⁸ Наливки — урочище в Москве, за Москва-рекой.

ныне и впредь никакие люди по улицам и по переулкам и на дворах в навечерие Рождества Христова и богоявления коледь и плуг и усеней не кликали и песней бесовских не пели».

3. В так называемой «Густынской летописи» (напечатана по списку 1670 г. в «Полном собрании русских летописей», т. II), в статье «О идолах русских», говорится:

«Зде нечто скажем о богах русских, не яко достойни суть воспоминания, но да увидим, каковою слепотою тогда диавол помрачил быше человеки и в таковое безумие приведе, яко нетокмо не знаху истинного бога, но еще приведе их в се, яко и худым и бездушным вещем и стихиям богоподобную честь воздаваху. Во-первых, Перкунос, си есть Перун... Второй, Волос, бог скотий... Третий, Позвизд... Четвертый, Ладос, си есть Рипос, бог пекельный; сего верили быти богом женитвы, веселия, утешения и всякого благополучия, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху, хотяшии женитися, дабы его помощию брак добрый и любовный был. Сего Ладона беса по некаких странах и донныне на крестинах и на брадах величают, поюще свои некия песни и руками о руки или о стол плещуще: «Ладос, Ладос», переплетаютъ песни своя многожды поминуют. Пятый, Купало, якоже мно, быше бог обилия, якоже у Еллин Перес, ему же безумныи за обилие благодарение приношаху в то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу бесу еще и донныне по неких странах безумныи память совершают, паченше июня 23 дня, в навечерие Рождества Иоанна Предтечи, даже до жатвы и далее сидевым образом: с вечера собираются простая чадь обоего полу и соплетают себе венцы из ядогого зелья, или корення, и препоясавшися былием, возплетают огонь, инде же поставляют зеленую ветвь и емшися за руде около обращаются окрест оного огня, поюще своя песни, переплетаютъ Купалом; потом през¹ оный огонь прескакують, оному бесу жертву себе приносяще. Шестый Коляда, ему же праздник прескверный быше декаврия 24; ради сего и ныне, аще и благодать Рождеством Христовым осия нас и идолы погибоша, но единаче диавол еще и доселе в безумных память свою удержа: сему бесу в память простая чадь сходятся в навечерие Рождества Христова, а поют песни некия, в нихже аще о Рождестве Христовом поминуют, но боли Коляду беса величают»...

ПЕСНИ КОЛЯДНЫЕ.²

1.

В навечерие Рождества Христова, в селах и деревнях, девушки, во многих местах мальчики и парни, собравшись по несколько человек вместе, ходили кучками по улицам от одного дома к другому и под окнами пели следующие песни:

Проходила коляда
Наперед Рождества.
Винограде красно-зеленое мое!..

(Припев этот повторяется после каждых двух стихов.)

¹ През — через.

² Многие песни взяты нами из сборника П. В. Шейна — «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (т. I, вып. 1 и 2, СПб., 1898. (Сокращенно отмечается под песнями: Шейн, №...)

Напала пороша
Снегу беленького,
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летали.
Коледовщички,
Недоросточки,
Красны девушки,
Сочили,¹ искали
Иванова двора.
А Иванов двор
Ни близко, ни далеко —
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тышинке
По жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоят три терема
Златоверхие:
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —
Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому,
Красно солнышко —

То хозяйошка,
Часты звездочки —
Малы деточки.
Как самого господина
Дома нетути,
Дома нетути,
Не случилось;
В Москву съехавши
Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой едет он;
Он жене-то везет
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своим-то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венцу,
Своим служенькам
По сапоженькам.
Наша-то коляда
Ни мала, ни велика;
Она в двери не лезет,
И в окно нам шлет:
Не ломай, не гибай —
Весь пирог подавай!
Виноградье красно-зеле-
ное мое!

[Бывш. Псковской губ., ныне Ленинградской обл. Шейн, № 1030.]

2.

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку!
А дай бог тому,
Кто в этом дому,
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста:

Ему с колоса осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полужерна — пирог.
Надели бы вас господь
И житьем, и бытьем,
И богатством,
И создай вам, господи,
Еще лучше того!

[Бывш. Тверь, ныне Калинин. Шейн, № 1032.]

3.

Уродилась коляда
Накануне Рождества.

За горою за крутою,
За речкою за быстрою

¹ Искали, отыскивали.

Стоят леса дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят палящие.
Вкруг огней люди стоят,

[Бывш. Оренбургской губ., ныне области. Шейн, № 1046.]

Люди стоят — колядуют:
«Ой, коляда, коляда.
Ты бываешь, коляда,
Накануне Рождества».

ОВСЕНЬ.

Овсень, Овсень
Ходил по всем:
По заулочкам,
По проулочкам.
Кишку, ножку
Сунь кочережкой
В верхнее окошко.
Здравствуй, хозяин

С хозяйошкой.
«Где хозяин
С хозяйошкой?»
(Из избы отвечают:)
«Уехали в поле
Пшеничку сеять».
«Дай им бог
Из полна зерна пирога».

[Бывш. Рязанской губ., ныне области. Шейн, № 1040.]

ПЕСНИ ПОДБЛЮДНЫЕ.

1.

Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Несет кузнец три молота,
Слава!
Кузнец, кузнец! Ты скуй мне венец,
Слава!
Ты скуй мне венец и золот и нов,
Слава!
Из остаточков — золот перстень,
Слава!
Из обрезочков — булавочку,
Слава!
Мне в том венце венчатися,
Слава!
Мне тем перстнем обручатися,
Слава!
Мне тою булавкою убрус¹ притыкать,
Слава!

[И. Сахаров, т. I, кн. 3, № 4.]

2.

Щука шла из Новагорода, — Слава!
Она хвост волокла из Белоозера, — Слава!
Как на щуке чешуйка серебряная, — Слава!

¹ Убрус — платок, фата, подвешенное полотенце на голове.

Что серебряная, позолоченая, — Слава!
А головушка у щуки унизаная. — Слава!

[«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I,
стр. 293, № 1059.]

3.

Растворю я квашонку на донышке, — Слава!
Я покрою квашонку черным соболем, — Слава!
Опяшу квашонку ясным золотом, — Слава!
Я поставлю квашонку на столбичке: — Слава!
Ты взойди, моя квашонка, во край ровна, — Слава!
Во край ровна, да совсем полна! — Слава!

[«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I,
стр. 293, № 1062.]

4.

Под новый год девушки собирались и гадали о своем суженом обыкновенно так: ставили на стол чашку с водою, опускали в нее кольца, серьги и т. п. и закрывали скатертью. Затем все садились за стол, и женщины, хорошо знавшие подблюдные песни, пели. В это время девушка старалась вынуть из чаши свое кольцо под звуки того песенного стиха, который ей особенно пришелся по сердцу (в иных губерниях веши вынимала из чашки какаля-нибудь одна девушка).

а) За рекой мужики живут богатые,
Гребут жемчуг лопатами,
Кому вынется,
Тому сбудется,
Не мпнуется.

(Означает богатство.)

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Шейн, № 1105.]

Эту песню приводит Пушкин («Евгений Онегин», гл. V, строфа VIII):

Татьяна любопытным взором	Под песенку старинных дней:
На воск потопленный глядит:	«Там мужички-то все богаты,
Он чудно вылитым узором	Гребут лопатой серебро;
Ей что-то чудное гласит;	Кому поем, тому добро
Из блюда, полного водою,	И слава!» Но сулит утраты
Выходят кольца чередою;	Сей песни жалостный напев;
И вынулось колечко ей	Милей кошурка сердцу дев...

В примечании к этому месту Пушкин приводит также и текст кошурки:

«Зовет кот кошурку
В печурку спать.

Предвещание свадьбы: первая песня предрекает смерть».

Таким образом, по указанию Пушкина, «Мужики живут богатые» предвещает смерть, а не богатство (как указано у Шейна). Возможно, что в различных случаях толкование дается различное. Но символы песни

(«серебро» — слезы, «жемчуг» — тоже слезы, «гребут» — погребают) действительно скорее указывают на значение смерти.

б) Идет смерть по улице,
Несет блин на блюде.
Кому кольцо вынется, тому сбудется.
Скоро сбудется, не минуется.

(Означает смерть.)

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Шейн, № 1136.]

в) На загнетке¹ сижу,
Долги нитки вожу.
Еще посижу,
Еще повою.
Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

(Предвещает девичество.)

[Там же. Шейн, № 1137.]

г) Сидит воробушек на колушке,
Смотрит воробушек на чужу сторону,
Кому кольцо вынется, тому сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

(Итти в чужую сторону.)

[Там же. Шейн, № 1142.]

ВЕСНЯНКИ.

1.

В первый весенний праздник сороки (9 марта, день сорока мучеников) дети собирались на огородах и приносили с собою куликов, которых пекли из пшеничного или ржаного теста. Иногда они назывались жаворонками. Этих куликов привязывали нитками к шестам, которые втыкались в одонки. Ветер качал куликов, так что они представлялись как бы летающими, а дети пели:

Весна красна,	Летел кулик
На чем пришла?	Из за моря,
— На жердочке,	Принес кулик
На бороздочке,	Девять замков.
На овсяном колосочке,	«Кулик, кулик!
На пшеничном пирожочке.	Замыкай зиму,
А мы весну ждали,	Отпирай весну —
Ключки ² допрядали.	Теплое лето».

[Бывш. Курской губ., ныне области. Шейн, № 1175.]

¹ Загнетка — уголок на шестке русской чечи.

² Пучки пакли.

2.

Гей ты березка, белая, кудрявая,
 В поле на долине стояла;
 Мы тебя срубили,
 Мы тебя сгубили,
 Сгуби и ты мужа,
 Сломи ему голову,
 На правую сторону,
 С правой да на левую.
 Семик честной,
 Семик радостный!

Уж ты кумушка, кума,
 Расхорошая мол,
 Не сварись,¹ не бранись,
 Ко мне в гости ходи!
 Мы поладим с тобой, —
 Поделуйся со мной!

[Село Мстера, бывш. Вязниковского у., Владимирской губ., ныне Ивановской обл. Шейн, № 1202.]

3.

Ио, Ио, березышка!
 Ио, Ио, кудрявая!
 Семик честной
 Да Троица —
 Только, только
 У нас у девушек
 И праздничек.

4.

Ие, ие, березышка,
 Ие, ие, кудрявая!
 Семик, семик!
 У нас, у нас
 Два праздничка,
 Два гуляньика.
 Завьем кольца
 На яблонцы.

[Гор. Шуя. Шейн, №№ 1203, 1204.]

5.

Во лесу ли, во лесочку,
 На желтиньком песочку,
 На мягкой травы, (2 раза)
 Там и девушки гуляли
 С лужка цветочки,
 Цветочки собирали,
 Веночки плели. (2)
 На венках они гадали,
 Венки в реку,
 В реку побросали,
 Чей веноч всплывет,
 Про ту милый вспомянет.
 Мой веноч в волнах всплывает,
 Знать мне варвар-клятву изменит,

¹ Не ссорся.

Знать он позабыл,
 Знать он разлюбил.¹
 Одна девушка вскричала,
 Во слезах она сказала:
 «А мой потанул!» (2)
 К ней подруженьки собирались, (2)
 Утешать ее старались: (2)
 «Полна, глухая, тужить,
 Можно лучшего нажать,
 Можно разлюбить,
 Можно позабыть».
 — «Я не слушаюся вас:
 Полюбила дружка раз,
 Буду до смерти любить». (2)

[Село Бегичево, бывш. Серпуховского у., Московской губ., ныне области. Шейн, № 1245.]

6.

В с. Шельбове, бывш. Юрьевского у., Владимирской губ., ныне Московской обл., в троицын день совершался обряд, носивший название «колоска». Участвовали в нем только девушки и молодые женщины. Они брались попарно руками, образуя из рук плотные квадраты. Все пары становились рядом, и по рукам их шла девочка лет двенадцати, одетая в нарядный сарафан и украшенная разноцветными лентами. Пара, которую проходила девушка, переходила вперед, и таким образом процессия постепенно передвигалась к озимому полю. Во все время шествия пелась следующая песня:

Пошел колос на ниву,
 На белую пшеницу!
 Уродися на лето
 Рожь с овсом, со дикушей,²
 Со пшеницею!

Девочку подносили к полю, она срывала горсть ржи, бежала к церкви и бросала близ нее сорванные колосья (раньше, когда церковь была деревянная, колосья клали под нее).

[Шейн, стр. 358—359, № 1234.]

ПОХОРОНЫ КОСТРОМЫ.

В бывш. Муромском у. (ныне Горьковская обл.) совершался обряд похорон Костромы. Из соломы делалась кукла наподобие женщины. При этом пелась следующая песня:

Кострома, моя Костромушка,	У моей ли Костромы
Моя белая лебедушка!	Много золота, казны.

¹ Повидимому, в записи есть неточность: всплывающий венок должен означать верную любовь или замужество. (Ред.)

² Гречиха.

У Костромского купца
Была дочка хороша,
То Костромушка была!
Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебедя.
У Костромы-то родства
Кострома полна была;
У Костромнина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась.
Как Костромин-то отец
Стал гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пир затевать;
Кострома пошла плясать,
А чужие-то притаптывать:
Кострома, Кострома,
То Костромушка была.
Я к тее, кума, незваная пришла;
Я ли тея, Костромушка,
За рученьку возьму,
Вином с маком напою,
В хоровод тебя введу.

Стала Кострома поворачиваться
С вина-маку покачиваться;
Вдоль по улице пошла,
На подворье зашла,
На подворье Костромское,
На купецкое.

Кострома ли, Кострома,
То Костромушка была.
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина с маком нализалась.
Вдруг Костромка повалилась:
Костромушка умерла.
Костромушка, Кострома!
К Костроме стали сходитьсь,
Костромушку убирать
И во гроб полагать.
Как родные-то стали тужить,
По Костромушке выплакивати:
«Была Кострома весела,
Была Кострома хороша!»
Костромушка, Кострома,
Наша белая лебедушка!
(Село Климово.)

В это время женщины и девушки одевали чучело в сарафан и рубашку, голову повязывали косынкой и утирали в дветы, на ноги надевали башмаки. Затем Кострому клали в корыто, парни одевались в рогожки, один из них брал лапот, изображающий кадило; женщины и девушки, покрыв головы белыми платками, брали корыто на руки и несли его к реке. Девушки-плакальщицы пели:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гроб легла!
И к тее-ль, Костроме,
Сошлись незваные сюда.
Стали Кострому собирать,
одевать,

Собирать, одевать и оплакивать:
«Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тея-ль, Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченые,
Ложки крашеные,
Чашки липовые».
(Село Климово.)

Пришедши к реке или озеру, Кострому раздевали и бросали в воду под пение следующей песни:

Во поле, было в поле,
Стояла береза.

Она ростом высока,
Листом широка.

Как под этой березой
Лежала Кострома;
Она убита, не убита,
Тафтою покрыта.
Девица-красавица
К ней подходила,
Тафту открывала,
В лицо признавала:
«Спишь ли, милая
Костромка,
Или чего чуешь?
Твои кони вороные
Во поле кочуют,

Дороженьку чувят».
Девица-красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
«Создай, боже, дождя,
Дождичка частова,
Чтобы травиньку смочило,
Костроме косу остру притушило».
Как за речкой, за рекой,
Кострома сено косит;
Бросила косу
Среди покосу.

(Акиманская слобода.)

Такой обряд хоронения Костромы или провожания весны совершался в последнее воскресенье перед Петровым постом в разных селениях с некоторыми изменениями. Так, в с. Климове наряжали молодую женщину или девушку и в корыте или ящике несли ее в лес под березу. В сельде Зименках чучело Костромы изображало не женщину, а мужчину, и одна из женщин изображала жену Костромы и причитала над ним, а когда чучело бросали в воду, она принималась плясать. В дер. Ольховке наряжали и бросали в воду снои соломы.

[Шейн, стр. 367—370, ММ 1257—1259.]

Изображение многих обрядов в крестьянской и купеческой среде дает Мельников-Печерский в романах «В лесах» и «На горах». Ср. также: «Ночь перед Рождеством» Гоголя, «Евгений Онегин» Пушкина, «Светлана» Жуковского и пр.

ЖНИВНЫЕ ПЕСНИ.

1.

Жали мы, жали,
Жали, пожинали:
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,
Постать ¹ широкая,
По месяцу жали, ²
Серпы поломали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

[Бывш. Псковской губ., ныне Ленинградской обл. Шейн, М 1269.]

¹ Постать — поле, пашня, нива.

² То есть при месяце, до восхода солнца.

2.

Во время жатвы жнецы и жницы старались найти на одном стебле самое большое число колосьев. Если найдется 12 колосьев на одном стебле, то такой стебель звали «житной маткой» или «спорыньей» («спорышем»). Эти колосья хранили в течение всего года до посева и рассеивали их первыми для обильного урожая.

Яровая спорынья,
Иди с нивушки долой,
Со поставушки домой,
К нам во Кошено село,
Во Петровково гумно.
А с гумна спорынья
Во амбар перешла.
Она гнездышко свила,
Малых деток вывела, —
Пшеной выкормила,
Сытой¹ выпоила.

[Бывш. Смоленской губ., ныне области. Шейн, № 1273.]

3.

Вы зазвоньте, звоны,
Во всем чистом поле,
Взвеселите господиню!
Мы обжали ей пиву —
Уж мы жали, жали,
Уж мы ей радели.
А обжавши пиву,

Горелочки захотели.
Видит наше око,
Что край педалеко.
Как до краю дождемся,
Так горелочки нашьемся,
Прогов наедемся,
Песен напоемся.

[Там же. Шейн, № 1275.]

4.

Ох, и слава богу,
Что жито пожали,
Что жито пожали
И в копы поклали:
На гумне стогами,
В клетки закромами,
А с печи пирогами.

[Там же. Шейн, № 1281.]

5.

Петрушечка, господырек,
Отгребитко свой роек,
Отсыти ты нам сыты,
Жней за стол усади,

¹ Сыта́ — подслащенная («сыченая») медом вода, медовый взвар.

Жней за стол усади,
Пива, меду поднеси.
Ты напой меня, жнею,
Я те песенку спою.

[Там же. Шейн, № 1283.]

ХОРОВОДНЫЕ ИГРОВЫЕ ПЕСНИ.

НАБОРНАЯ.

1.

Я полю, полю капусту,
Полю беленькую,
Полю беленькую,
Полубеленькую.
У кого капусты нет, —
Приходи ко мне в огород,
Приходи ко мне в огород,
В девичий хоровод:
Капусту поливать,
Сам девицу выбирать.

[Бывш. Тверь, ныне Калинин. Шейн, № 290.]

ИГРОВЫЕ.

2.

Все играющие становились в кружок. Одна девушка — посредине круга; мужчина ходил вокруг и пел:

Хор { Царев сын хоробёр,
Да ты что ходишь, гуляешь?
Царев сын хоробёр,
Да ты что примечаешь?
— Я хожу, хожу гуляю,
Я хожу, примечаю,
Я свою да царевну,
Да свою королевну;
А моя-то царевна,
А моя-то королевна
В Новгороде гуляет,
На ней венчик сияет,
Сарафан на ней камчатный.

Хор { Ты войди, царь, в город,
Ты возьми ее за руку!
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько!

[«Русский песенник», изд. К. Авдеевой, СПб., 1848, стр. 116.]

Участвующие, преимущественно девушки, становились в круг; в середине его выступала одна и под пение хороводом следующей песни начинала плясать и выражать пантомимой все те приемы обработки льна, о которых говорится в песне.

Под дубравую лен, лен,
Под зеленою лен, лен,

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

— Научи меня, мати,
Как белый лен полоть.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои,
Вот так да, голубушки,
Вот так да, голубушки.

Я полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

(И т. д. до слов: «Научи меня, мати».)

— Научи меня, мати,
Как белый лен дергать.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои... и т. д.

Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я, дергаю, приговаривала... и т. д.

— Научи меня, мати,
Как белый лен стлать.
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да, чи дочки мои... и т. д.

Уж я стлала, стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала... и т. д.

— Научи меня, мати,
Как белый лен сушить.
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала... и т. д.

— Научи меня, мати,
Как белый лен мять.
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Уж я мяла, мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала... и т. д.

— Научи меня, мати,
Как белый лен трепати.
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала... и т. д.

— Научи меня, мати,
Как белый лен чесати.
— Еще так да вот как, чи дочи... и т. д.

Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала... и т. д.

— Научи меня, мати,
Как белый лен прясти.
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Уж я прjala, прjala ленок,
Уж я прjala, приговаривала... и т. д.

[Бывш. Оренбургской губ., ныне области. Шейн, № 388.]

4.

Разделившись на две партии, девушки становились в две прямые линии друг против друга на небольшом расстоянии. Каждая партия, подвигаясь попеременно всей своей линией к другой, противостоящей, пела по одному стиху песни с припевом и возвращалась на свое место. Вслед за тем то же самое повторяла другая партия при пении следующего стиха:

1-я партия: А мы чищу чистили, чистили,
Ой, дид Ладу, чистили, чистили.

2-я партия: А мы пашню пахали, пахали,—
Ой, дид Ладу, пахали, пахали.

1-я партия: А мы просо сеяли, сеяли... и т. д.

2-я » А мы просо вытопчем, вытопчем... и т. д.

1-я » А чем же вы вытопчете, вытопчете?

2-я » А мы коней выпустим, выпустим.

1-я » А мы коней выловим, выловим.

2-я » На что же вы выловите, выловите?

1-я » На шелковые повода, повода.

2-я » А мы коней выпустим, выпустим.

1-я » На что же вы выпустите, выпустите?

2-я » А мы дадим сто рублей, сто рублей.

1-я » А мы дадим тысячу, тысячу.

2-я » Не надо нам тысячу, тысячу.

1-я » А что же вам надобно, надобно?

2-я » Нам надобно девицу, девицу.

1-я » А мы дадим девицу, девицу.

[Бывш. Оренбургской губ., ныне области. Шейн, № 382.]

5.

Хмель мой, хмелюшко,
 Хмелевое перышко!
 Перевейся, мой хмелюшко,
 На мою сторонушку,
 На моей сторонушке
 Приволье великое,
 Раздолье широкое.
 По тому раздольицу
 Ходил, гулял молодец,
 Ходил, пригорюнившись,
 Ходил, опечалившись.
 Завидела матушка
 С высокого терема:
 — Дитя мое милое!
 Что ты угорюнилось?
 Что ты опечалилось?
 Женись, женись, дитятко,
 Женись, женись, милое,

Возьми, возьми, дитятко,
 Княжну, боярыню.
 — Сударыня матушка!
 Та мне не жена будет,
 Тебе не невестушка,
 В поле не работница,
 В доме не кукобница,¹
 Гостям не приветница,
 Ко мне не привернется.
 — Возьми же, возьми, дитятко,
 В соседушки девушку.
 — Сударыня матушка!
 Та мне женой будет,
 А тебе невестушкой,
 Во поле работница,
 Во дому кукобница,
 А гостям приветница,
 И ко мне привернется.

[Бывш. Орловской губ., ныне области. Шейн, № 419.]

6.

В круг входили парень с девушкой, он показывал вид, будто ее бьет, она не кланялась. Хор пел:

У нас под белою
 Под березою
 Ай, люли, люли!
 Под березою.

(Припев повторяется после каждых двух стихов с повторением второго.)

Муж жену учил,
 Муж — угрюмую,
 Муж — угрюмую,
 Не веселую.

Как жена мужу
 Не вкорилася,
 Свекру-батюшке
 Споклонилася.

Девушка кланяется другому парню и поет:

«Свекор-батюшка,
 Отыми меня
 От лиха мужа,
 От негодного,
 От негодного,

От недоброго».
 Свекор говорит,
 Велит больше бить,
 Велит больше бить,
 Велит слушаться.

Повторяются первые 6 стихов, и затем хор поет:

Свекре-матушке
 Споклонилася:
 «Свекра-матушка,

Отыми меня
 От лихова мужа,
 От негодного».

¹ Хорошая хозяйка, в особенности умеющая ухаживать за скотиной.

Свекра говорит:
«Воля не моя,

Воля не моя,
Воля мужнина».

Опять повторяются первые 6 стихов, и затем хор продолжает так:

Как жепя мужу
Покорилася,
На колени
Становилася.

При этих словах она становится на колени и поет:

Уж ты брось лозу,
Поделуй жену.

[Бывш. Калужской губ., ныне Московской обл. Шейн, № 462.]
Ср. с этой песней песню в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («Мой постылый муж подымается»).

7.

РАЗВОДНАЯ.

Расколся сырой дуб
На четыре грани.
А кто любит мужних жен,
Того душа в аде,
А кто вдовушку полюбит, —
Вечное спасенье;

Кто же любит девушку,
Всем грехам прощенье.
Люблю, люблю девушку,
Люблю молодую,
А которую люблю,
Ту и поделую.

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. Шейн, № 473.]

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД И ПЕСНИ.

Брак имел с древних времен хозяйственное значение; отсюда — необходимость обеспечить его благополучие магическими обрядами и песнями. Магический характер (прежде всего обеспечение богатства, затем обеспечение семейного благополучия) сохранился и в позднейшем свадебном обряде.

В связи с происходившими изменениями в формах семьи и брака, в свадебном обряде и песнях могут быть отмечены следы похищения невесты, продажи ее, выдачи замуж по воле родителей.

В более позднее время свадебный обряд, как показывают исторические данные, жил и в среде господствовавших классов, в том числе в княжеской и царской. В свадебном обряде здесь принимали участие народные артисты — скоморохи, и свадьба проводилась приблизительно так, как она известна нам по записям в крестьянской среде.

Впоследствии княжеский и боярский свадебный обряд, возникший на основе обряда народного, мог, в свою очередь, оказать некоторое обратное влияние на этот народный обряд. Быть может, в связи с этим мы видим в крестьянском свадебном обряде и в свадебной поэзии изображение (и наименование) жениха и невесты князем и княгиней, описание теремов и богатой обстановки и пр. Но все эти термины приобретали в крестьянской среде свое особое значение, придавая обряду более торжественный характер.

Особенно же богатой жизнью свадебный обряд жил в крестьянской среде; являясь наследием далекого прошлого, он с течением времени становился более сложным, красочным и богатым.

Свадебные песни — один из богатейших разделов фольклора как по количеству, так и по качеству; особенно характерны для них богатое развитие символики и многочисленные параллелизмы.

В наше время старый свадебный обряд исчезает из живого употребления, как и вся обрядовая поэзия. Но богатые и поэтичные свадебные песни сохраняют свое значение как памятник народной поэзии прошлого.

Приводим некоторые исторические свидетельства о свадебных обрядах и песнях.

1. Летопись сообщает о брачных обычаях восточных славян следующее:

«Имяху бо обычаи свои, и закон отець своих и преданья, кождо свой прав. Поляне бо своих отець обычаи имуть кроток и тих... брачныи обычаи имяху: не хожаше зять¹ по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что владуче. А Древляне живяху звериньским образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядоху все нечисто, и брака у них не бываше, но умываху у воды девица. И Радимичи и Вятичи, и Север один обычаи имяху: живяху в лесах, якоже и всякий зверь, ядуше все нечисто, и срамословье в них пред отьди и пред снохами, а бради не бываху в них, но игрища межю сельы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовская игрища, и ту умываху жены себе, с нею же кто съвещашеся;² имяху же по две и по три жены».

[«Повесть временных лет», вступительная часть.]

2. В «Стоглаве» (постановления собора 1551 г.), в статье «о тридесятих и о двух царских вопросах и соборные ответы, по главам» (вопрос 16), говорится: «В мирских свадьбах играют глумотворцы, и органники, и смехотворцы, и гусельники, и бесовские песни поют: и как в церкви венчаться поедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут; а священники им о том не возбраняют, и священником о том достоин запрещати».

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В БЫВШ. ПОШЕХОНСКОМ У. ЯРОСЛАВСКОЙ ГУВ. (НЫНЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛ.)³

Свадьбы в Пошехонском у. бывают по большей части в осеннее и зимнее время. Крестьяне не любят отдавать дочерей замуж весной — лишаться работницы для летних работ. Каждому началу свадьбы предшествует «сватанье» невесты, к которой посылается сват или сватья для переговоров: отдают ли невесту, а затем и излагаются условия. Сваха или сват, пришедший сватать невесту, не должен садиться во время переговоров о согласии; даже и тогда, когда ноги устают стоять, то шуточные свахи становятся на колени и говорят о деле.

В разных местах уезда называется начало свадьбы очень разнообразно, как то: «слово дали», «сговорки», «просватанье», «пропивание» и пр. При «сговорках» бывают, кроме свата и сваты, отец жениха и мать, даже иногда и сам жених. Сговоркам предшествуют «смотриньы»; но это только у лиц, мало знакомых друг с другом.

1. СГОВОРКИ.

Когда сваха порешит дело, т. е. уговорится с родными невесты, на каких условиях отдают невесту, с каким приданым и выводом, уговариваются также, в какое время приходиться в дом невесты для «сговорки». Надо

¹ Жених.

² Договорился.

³ Записан крестьянином С. Я. Деруновым. Описание свадебного обряда, относящееся к первой четверти XIX в., напечатано было первоначально в «Трудах Ярославского статистического комитета» (вып. V, 1868), затем с дополнениями и выпусками у Шейна (стр. 644—662). Запись Дерунова воспроизводится по изданию Шейна, с незначительными сокращениями.

заметить, что сговорки, или пропивание, или слово дают всегда в доме невесты. Когда придут сватающиеся в дом невесты, то в это время народу — соседей — приходит очень много. Когда будут молиться богу, то дверь запирают, а все предстоящие садятся, а потом отец невесты зажигает свечу пред иконой, и молятся. Договорившиеся сватовья садятся за стол распивать чай и вино с закусками. Невеста в это время сидит где-нибудь у печки или в «куте», под полатями. Когда собираются молиться, то она стонет, плачет или причитает; если умеет, причитает сама, а если же нет, то приглашается к ней женщина — «выльница», умеющая выть — причитать, которая и садится с невестой рядом.

Вот некоторые причитания «в сговорки».

Не давай, кормилец-батюшка,
Ты своей-то руки правыя
Моему-то злему ворогу, —
Свату, к тебе замашному.
Не зажигай-ка, родимая матушка,
Свечи воска ярова,
Не молитесь вы богу-господу,
Не сгубляйте красу девицью.

Мало я-то у вас, желанные,
Пожила, покрасовалася,
Со подружкам поводилася,
Мало я у вас нагулялася
По темным лесам дремучим,
По полям, лугам зеленым;
Мало я-то у вас порядилася
В дорогие платья цветные.

Когда сватовья и сватьи усядутся за стол, начинают говорить и пропивать. Разговор ведется, приблизительно, так:

— Ты, сватьяшка, к нам приходила?
— Приходила.
— Речи наши переводила?
— Переводила.
— Приходится нам ударить по рукам, выпить винцо, да и слово дать крепкое, верное.

При этом все целуются и поздравляют друг друга, а невеста причитает:

(Не давай, кормилец батюшко,
Ты своо-то слова верного,
Не крепи-ко меня, девицу,
Кревно накрепко и навеки.
Ты не сей-ко рука об руку,
Не мирися ты с разлучником.
Не пропивай, кормилец батюшко,

За стаканом зелена вина
Ты мою-то красу девицью:
То вино-то из слез сделано,
Да на слезы сватом куплено.
Уж как мне-то, красной девице,
Знать, до сыта будет плакаться,
А слезами умыватися.

Сговорки или пропивание бывает очень недолго: разопьют чай и вино, закусят, возьмут у невесты платок и кольцо, а затем сватовья и уходят. Народ же и подружки-девушки остаются. Невесту приводят и сажают в передний угол, за стол, где она должна плакать и причитать, или вместо нее «выльница», причем невесту одну или с выльницей, сидящей рядом с нею, прикрывают большим платком, чтобы не видно было лица. За столом невеста причитает:

Благослови-ка меня, господи,
Пресвятая мать богородица!
Благослови, кормилец батюшко,
И родимая моя матушка,

Мне садиться-то, красной девице,
Мне во место-то во печальное,
Во печальное, да горе-горькое!
Вы, соколики, братцы милые,

И голубушки невестушки,
Осердился да прогневался
На меня, на красну девицу;
Вы пропили меня, желаные,
За стакан за зелена вина!
Знать, не слуга я была, не
работница,
Не посылочка была для вас
скорая,
Обносила вас, желаные,
Обносила платьем цветным,
Вас объела куском сахарным.

—
Вы, голубушки подруженьки,
Вы, лебедушки да белые,
Вы, соседушки болезные,
Что вы долго спаряжались,
Иль посылу дожидались?
Мне послать-то было некого,
Мне самой-то идти не время:
Мне подрезали скоры ноженки.
Не пришли, знать, вы за спесию
Да за гордостью великою!
Не за спесью, не за гордостью,

А за делом за домовьем.
Не прогневайтесь, подруженьки
И соседушки болезные,
Что не вышла, вас не встретила
Среди улицы широкие,
Среди мостика калинового,
Середь лесенки брусковые,
Не становилась я, красна-девица,
Супротив креста поклоннова,
Что поклонного, да богомольного,
Среди креста дороженьки,
Среди польных, проезжих.
Не смогу стать-приподняться
Я от лавочки-то от лубовья,
От овушечки-то от кленовья, —
Скоры ноженки-то подогнулись,
Белы рученьки-то опустелись,
Ретиво-то сердце испугалось, —
Испугал кормилец батюшко
И родимая-то моя матушка, —
Испугали меня, девицу,
Что чужой злодейкой стороной,
И злодеям злым чужим людям,
И дородным добрым молодец.

Во все время, когда «сговоренка» просватана, до венда, родные ее не заставляют делать никакого дела. После сговорок каждый день невеста садится за стол и плачет, причитая разные причеты, которые очень разнообразны. Если входит кто-нибудь из подруг или соседей, родных, то невеста и причитает, начиная: «Что вы долго так замешкались, мои подруженьки душевные», или: «Ты болезная моя тетушка, не придешь ты, не проведешь, меня-то ли, горюшу горе-горькую». Подруги почти во все время у «сговоренки» шьют приданое, как-то: белье и платья.

2. РУКОБИТЬЕ.

В назначенное время, за неделю или дня за три-четыре до брака, бывает рукобитье. Это первое веселье — пиrowание у невесты. Сват или сватья с отцом и матерью жениха, в сопровождении родственников, едут или идут к отцу и матери невесты в дом для пиrowанья на рукобитье. Входят в дом, молятся богу, здороваются с хозяевами, иногда говорят: «Пришли мы, гости, хоша и виданные, да незваные, а обычные дела совершати, просим вас принимати — не брезговати». Пришедшие по приглашению хозяина садятся за стол, покрытый скатертью. На нем стоят на тарелке пирог-сгибень и соль. Отец невесты зажигает перед образом свечу, и все в избе встают, а двери запрают на крючок: крепко соблюдается примета, чтобы посторонний не пришел и не сглазил худым глазом дела важного. Молятся. Потом сват или сватья через стол, а иногда и у стоящих один против другого сватов, берет правые руки — рука в руку и, взяв со стола пирог, которым обводит вокруг рук сватовей, три раза говорит: «Дело-то сделано, хлебом-солью укреплено

Имя честно не бесславила,
Красу девичью не кинула.
А ты не дал мне, кормилец-
батюшко,
С умом разумом собратися,
Со подружками сверстатися.
Я в чужих людях, младешенька,

От работушки замаюся;
За столбом я потихохоньку
От чужих людей наплачуся.
Уж как этим ли чужим людям
Мои слезы сладким кажутся,
Мое горе — им весельице,
Мне кручинушка — им радости.

После этого причитанья невеста с причетами обращается к подругам:

Вы, подруженьки, вы, голубушки,
Задушевные-то вы сударушки,
Что я вам буду наказывать:
Вы пойдете на гуляньице,
На гулинье, на веселое, —
Меня вспомните, голубушки!
Вы пойдете в леса темные,
Во болотечка во мховые
Собирать грибки и ягодки, —
Меня вспомните, сердечные!
Вы пойдете в пору праздную
Выводить хороводы веселые

И игры играть затейные, —
Меня вспомните, болезные!
Вы пойдете во чисты поля,
В зелены дуга весенние,
Работать работы страдные, —
Вспомните меня, милые!
На чужой я на сторонущке,
Как живу я у чужих людей.
Вспомните от раденьице.
Когда я-то растоскуюся,
Я приду к вам, вас проведаю,
Про свою вам жизнь поведаю.

В некоторых местах Пошехонского края рукобитье бывает у жениха; но такие обычаи встречаются реже. В таком случае порядок обряда идет так же, но отец жениха угощает на рукобитье отца, мать и родных невесты. Жених находится при рукобитье и угощает гостей. Когда отец, мать и родные невесты собираются на рукобитье, то невеста провожает их со следующими причетами:

Вы пойдете, мои родимые,
На злодейку чужу сторону,
На злодейку незнакомую,
Не садитесь, мои желанные,
За столы-то за дубовые
И за скатерти-то самобранные,
Не сдавайтесь на слова сладкие,
На поклоны их на низкие, —
Их поклоны-то покушенные,
А слова-то все заученные.
Питья, яства в долг понабраны,

Платья дветны в прокат заняты.
Не давайте, кормилец-батюшко
И родимая моя матушка,
Не давайте руки правые
Через столы-то, чрез дубовые,
Через скатерти самобранные;
Не заporučайте меня, девицу,
За поруки вы за крепкие,
Что за крепкие-то вековечные;
Чтобы мне, молодой, не плакаться,
С вам, желанным, не расстатися.

Потом невеста обращается с причетами к невестке:

Ты послушай-ко, моя
невестушка,
Разлюбезная голубушка,
Я о чем тебя просить буду:
Поприметь, моя сударушка,
Ты злодейку чужу сторону

И злодеев всех чужих
людей,
И дородна добра молодца:
Он не пьет ли пива
пьяного,
До увалу зелена вина?

После рукобитья время проходит до девишника в разных местностях Пошехонского у. очень разнообразно: в одном месте жених посещает невесту каждый день, а в некоторых местах — редко. В одних местах невеста при встрече жениха, а также и во все время его пребывания, не показывает лица, сидит под платком и причитает, но ее окружают подружки-девицы. В некоторых местах невеста встречает жениха, угощает чаем, сидит за столом, а жених приносит подарки и закуски, гостицы: орехи, пряники и конфеты. Девушки после чая поют песни беседы. Все такие посещения женихом невесты называются «побывашки», «поделуи» и «проведки». Так продолжают посещения жениха до девишника, в котором торжество превосходит все посещения, потому что это — последний день девичья житья-бытья.

3. ДЕВИШНИК.

Девишник бывает в наших краях в последний день или вечер перед свадьбою. К невесте на девишник сходятся подружки, даже приезжают родные и знакомые из других селений. Ранее жениха и прочих гостей приезжает от жениха сваха с сундуком или коробом, в котором находятся разные подарки невесте, а также гостицы для невесты и подруг; последними она оделяет девушек, детей и прочих зрителей, которые пришли посмотреть на девишник. Невеста во все время своих причитаний должна сидеть за столом под платком, с закрытым лицом; когда же она не закрытая и не причитает, то она встречает жениха, одетая в лучшее платье. Как в первом, так и в другом случае девушки поют песни. Веселье бывает и во время причитания невесты. Прежде всего невеста обращается с причетами к подругам:

Не в саду я загулялася,
 Не на вишни засмотрелася,
 Засмотрелася я, девица,
 Загляделася я, красная,
 Что на вас, мои подруженьки,
 Что на вас, мои голубушки.
 Вы сидите все веселые,
 На своих местах на радостных,
 Вы срядились сряднехонько,
 Платье дветно на вас новое,
 И головушки причесаны,

В косах ленточки вилетеные.
 А вот я-то, красна девица,
 Сижу в месте во печальномем;
 У меня платье измятое,
 У меня буйна головушка
 Порастрепана, нечесана,
 В косу лента не вилетеная,
 С красотой на стол
 _____ положена;
 Вы сидите, распеваете,
 А я плачу горе-горькая.

Потом плачущая невеста обращается к «красоте», которая положена перед ней на столе. Красотою называется повязка из парчи, с позументами и лентами; эту повязку носят (носили прежде) девушки в праздничное время на гуляньях и в хороводах.

Причитаний свадебных много, и разнообразны в вариантах. Вот одно из причитаний невесты, обращенное к красоте:

Ты прости-ко, краса девичья!
 Я на век с тобой расстануся,
 Молодохонька наплачуся.
 Опущу я тебя, красота,

Опущу тебя со ленточкам,
 Во поля, в луга широкие,
 Во леса, в боры дремучие,
 На быстрые реки текучие.

Погляжу я, красная девица,
 Погляжу на свою красоту,
 Вкруг чего она обвилася:
 Вкруг осинушки-ли горькия,
 Вкруг березоньки-ли белыя,
 Аль вкруг яблоньки кудрявья?
 Если ты обвилася, красота,
 Вкруг осинушки горькия, —
 Мне житье-то будет горькое,
 Мне замужье, красной девице,
 Не хорошее, печальное.
 Если ты обвилася, красота,
 Вкруг березоньки-то белыя, —
 Мне житье-то будет ровное,
 Житье будет долговечное.
 Если ты обвилася, красота,
 Вокруг яблоньки кудрявья, —
 Мне житье будет хорошее,
 Развеселое, богатое (счастлирое).
 Я возьму-ли тебя, красота,
 Во луга наши зеленые,
 Положу я тебя, красота,
 На шелковую на травушку,
 На высокую, зеленую;
 Как придут-то люди добрые,

В лето теплое и красное,
 Во луга с косами вострыми,
 Что найдут-то тебя, красота,
 И возьмут на руки белые,
 Вот как скажут: чья-то красота,
 Не на местечке положена,
 Хоть и бережно поношена.
 Тут не место тебе, красота,
 Тут не место красоватися!
 Я отдам же тебя, красота,
 Что голубушке, милой сестре,
 Поклонюся ей низехонько:
 «Ты возьми, возьми, мила
 сестра,
 Покрасуйся в моей красоте».
 Ты прости-ко, моя красота,
 Я в тебе покрасовалася,
 Берегла тебя, лелеяла,
 И от солнышка, от красного,
 И от вихря-ветру буйного,
 И от дождичка, от частого;
 Ты дороже мне казалася
 Золотой казны рассыпчатой,
 Светлей ясного ты месяца,
 Ярче солнышка красного. ¹

Сестра или одна из подруг невесты берет со стола «красоту» и уносит. Девушки после причитанья поют следующие песни:

При вечере было, вечере,
 При последнем было вечере.

(Каждый стих повторяется.)

У Авдотьи на девишнике
 Чечевичку девки варили,
 На окошко студить ставили.

Прилетал тут млад-ясен-сокол,
 То Иван-то свет Иванович!
 Он сел на окошечко,
 На узорчатую подзоринку.
 Что никто-то ясна сокола
 На окошке не усматривал:
 Увидала ясна сокола,

¹ Приводим текст прощания с «красотой» по записи свадебного обряда в г. Пскове (сообщение М. И. Семевского):

Вы раздайтесь, расшнитесь, люди добрые,
 Что на все ли, на четыре, на сторонушки!
 Вы снесите мою красу да в чисто поле,
 Вы повесьте мою красу на березу белую,
 На березу белую, на кудряво дерево:
 Пускай пусть красуется береза белая,
 Береза белая, кудряво дерево,
 Пускай дивуются все князи, бояре,
 Князи, бояре, господа посадские,
 Господа посадские, господа купечество,
 Господа купечество, господа приказные,
 Господа приказные, и все люди разные.

Авдотьяна матушка;
— «Дорогое мое дитятко,
Ты Авдотьюшка Васильевна!
Приласкай-ка ясна сокола».
— «Ты, родимая моя матушка!
Я бы рада, приголубила:
Он разлука мне великая,
Разлучает с тобой, матушка,
Разлучает с родом-племенем
И с голубками подружками».

—
Цветы мои цветики,
Голубые, васильковые!
Я немного вас посеяла,
Очень много уродилось.
Много было подруг девушек,
Да одна у нас изменщица,
Авдотья лицемерщица,
Говорила, что замуж не пойду:
«Не иду, не иду, не подумаю!
В монастырь пойду, в манашенки,
Вас, подруженьки, с собою возьму,
А сама буду игуменьей».
А теперь-то замуж иду,
Не сдержала слово крепкое.

—
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По-низахоньку кланялась,
Своему-то брату милому,
Ивану Васильичу:
— «Ты сокол мой, братец
миленькой,

Ты запри крепко вороточки
Тремя замками немецкими
Да запорами дубовыми,
Моему чтобы разлучнику,
Ивану Иванычу,
Чтоб за мной сюда не въехать,
На широкий двор на батюшкин».
Как возговорит Иван-то молодец,
Как возговорит Иванович:
— Ты не плачь, не плачь,

Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой слесаря,
Из немецкой земли мастера:
Отопрет замки немецкие,
Все запоры ваши крепкие».

Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По-низахоньку кланялась,
Говорила речь милой сестре:
— «Ты голубушка, мила сестра,
Заплети мне русу косыньку
И увей меня крепче золотом,
Моему чтобы разлучнику
Не расплесть было русской косы».
— «Ты не плачь, не плачь,

Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Привезу я с собой свахоньку,
Расплетать твою русу косу,
Разовьет все с косы золотом».
Авдотьюшка всплакала,
Васильевна всплакала,
По-низахоньку кланялась
Подружкам голубушкам:
— «Вы, голубушки подруженьки,
Вы улейте-ка круту гору,
Чтоб нельзя было разлучнику
За мной въехать на круту гору».
— «Ты не плачь, не плачь,

Авдотьюшка,
Ты не плачь, душа Васильевна!
Я оставлю коней под горой,
А пешком взойду на круту гору
Со друзьями, со товарищами,
И возьму за руки белые,
Поведу тебя под злат венец».

—
Возле реченьки на берегу,
Тут стояла нова светлица,
А во этой новой светлице,
Сидит девица покрытая,
Печальная, да сговорёная.
Собирались к ней подруженьки,
На девичник на девический.
— «Ты, подруженька голубушка,
Свет Васильевна Авдотьюшка!
Нам с тобой больше не гуливать,
Хороводов не вываживать,
Речей тайных не говаривать.
Во леса пойдем во темные,
Собирать грибки да ягодки,
Вспомним тебя, голубушку».

Когда сваха отдает подарки и гостинцы невесте и подругам, а также оделяет и предстоящих соседок и детей, девушки поют следующую песню:

Вечером поздно-позднихонько
К Авдотышну отду, матери,
Приходила сваха-сводница,
Постучалась под окошечком,
Выкликала мать Авдотышну,
Ей хвалила чужу сторону:
— «На чужой дальней сторо-
нушке,
Поля сахаром засеяны,
Виноградом огорожены,
Медом-сытою поливаны,
Середь поля стоит горница,
Ровно светлая-то светлица,
Три окошечка косячаты
И карнизки узорчаты».
— «Соврала ты, сваха-сводница!
На чужой дальней сторонушке

Кто живал, там все изведывал:
Там поля горем засеяны,
Да кручиной огорожены,
Горючим слезам поливаны, —
Середь поля стоит келейка,
Как конурка развалилася;
В ней одно окно разбитое.
Околеть бы тебе, свахонька,
Без родной семьи, без сродников,
На тот свет итти без савана
И без гроба бы валятися!
Повезли бы сваху-сводницу
Во леса-то во дремучие
Да во грязь во тонучие,
Посвалили б сваху-сводницу
Не в могилу — поверх матушки
Сырой земли валятися».

Сваха, разделивши гостинцы, размахивая руками и качая головой, говорит: «Ну-у, девоньки! за такую песенку не стоило бы вам гостинцев давать».

По окончании девичника жених уезжает со своими гостями, а народ расходится. Невеста, окруженная подружками, выходит из избы, идет по селению, ревет «толстым голосом» и, остановясь под окнами, где живут ее родные, причитает:

Чьи это хоромы,
Чьи это высокие?
В них живет-то
Родной дядюшка
Со болезною со тетушкой, —
Вы простите молодехоньку,
В чем сгрубила, вас прогневала.

Из дома выходят дядя и тетка с плачем навзрыд и, обхватив невесту, дают ей денег, кто сколько при себе имеет: гривенник, пятак, даже семитку и копейку. И таким образом невеста обходит всех родственников, повторяя тот же причет, затем возвращается домой, но если невеста из села, то она отправляется на кладбище прощаться с умершими родными и там, припадая к могиле, причитает.

4. ДЕНЬ БРАКА.

Утром рано к невесте приходят девицы-подруги, чтобы собрать ее к венцу. В доме готовят к пиrowанию брачному, потому что от венца все поезжане с новобрачными приезжают для пиrowания в дом невесты, а отпиrowав, уезжают почевать первую ночь к жениху, на другой же день

у жениха бывает «княжий стол». Если же от венца привозят повобрачных в дом жениха, то у невесты стола не бывает, и свадьба ограничивается одним княжим столом.

Подруги невесты, собравши невесту к венцу, усаживают ее на лавку, на которой постигается шуба кверху волосом, — примета: сидеть на волосе шубы — жить богато, а также чтобы не могли злые люди испортить молодых. Невеста сидит за столом, покрытая платком, а столы покрыты скатертью белой, с поставленными на них пирогами. Невеста, девушки и родные, сидя за столом, ожидают приезда дружки, жениха и прочих поезжан — «новой родни», которые должны приехать, взять невесту и увезти к венцу. В избе в это время бывает очень много народа, который желает видеть, как приедут за невестой, как ее будут выкупать, благословлять и провожать к венцу. Причитанья невесты бывают разнообразны и многочисленны во время «сряжания» к венцу. В некоторых местностях, собирая к венцу невесту, предохраняют ее от лихих людей, от «порчи», болезни и пр. следующими способами, как то: ноги натирают или всыпают в чулки «сколотина»,¹ в платье втыкают безголовые булавки, безухие иглы, осыпают хмелем, обвертывают тело мережками. Жениха, едущего к венцу, также охраняют, даже кладут ему в карман ножик, а невесте — ножницы. Платье как у жениха, так и у невесты должно быть новое и лучшее. Вот некоторые причитанья невесты в день брака, до венчанья:

Ветры буйные, разбушуйтесь,
Заметите путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехать,
Что за мной, молодой, чужим
людям!

Затворитесь, воротечка,
Вы, широки, крепко-накрепко.
Ты закройся, красно солнышко,
Разбушуйся, туча грозная,
Туча грозная да громовитая, —
Напустися ночью темною,
Рассыпайся, крупный дождичёк,
Разведи ты путь-дороженьку,
Не пройти бы, не проехать
Ко мне злым чужим людям!
Ты послушай, сокол милый брат,
Я об чем тебя просить буду:
Ты сходи-ко, сокол милый брат,
Во поля, в луга во чистые,
Во леса-то во дремучие,
Во дубравушки зеленые,
Где сырой бор с ветром спорится,
Там все звери люты водятся.
Ты поймай-ка зверя лютого,
Зверя лютого, едучего,

Изо рта его — огонь пламенем,
Из ушей его дым столбом валит,
Из очей его искры сыплются.
Привези ты мне зверя лютого,
Привяжи его к двору батюшки:
Как подъедут-то злы чужи люди
К широко двору ко красному, —
Они зверя-то испугаются,
От меня, молодой, прочь
отступятся.

Я еще бы покрасовалася
У кормильца моего батюшки,
У родимыя моей матушки,
У соколиков братцев милых,
У голубушек невестушек.

Мне прошедшу тёмну ноченьку
Не спалось красной девице,
Во просонках много виделось:
Будто я-то, красна девица,
Выходила рано в улицу,
Где заря-то занимается,
Красно солнце где красуется.
Там узнала вас, подруженьки!
Мне навстречу — злы чужи люди,

¹ Лечебное средство (из «сколотина» — бодяги?).

Подзывали, силой забрали,
Полоном-то заполнили,
Увезли в леса во темные.

Там мне страшно показалось,
И я с плачем просыпалась.
А другое мне привиделось:
У моего кормильца батюшки
Развалилася хоромина,

Во время причитания невесты изба бывает переполнена народом, который слушает причитанья невесты и поджидает приезд «новой родни — сватов» за невестой. Вот и слышится говор в народе: «Дружка подбехал ко двору». Невестин отец должен выйти на улицу, встретить дружку «с поездом», приехавшим за его дочь, и пригласить в дом; при этом бывает и жених. Если он берет невесту в другую деревню, в таком случае соседи загораживают дорогу, и дружка обязан дать им вина, пива и закуски: пирогов и пряженцов. У дома ворота или калитку также затворяют, и дружка стучит, говоря: «Господи Иисусе Христе! (трижды). Есть ли у этих дверей придверник, у ворот приворотник, кто бы нам эти ворота отворил и двери на пяты поставил, а нас добрых молодцев до хозяина допустил?»

Хозяин (отец невесты) выходит, растворяя двери, кланяется и пропускает гостей в избу. Девушки и предстоящие в избе поют песню, встречая дружку:

Идет дружка наш хорош,
На лиху болезнь похож!
Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький!

Ну-ка, дружка, поскачи,
Вытряхай-ка калачи,
Друженька и т. д.

На тебе, дружка, кафтан
Весь по ниточке собран!
Друженька и т. д.

На тебе, дружка, камзол
С позолотою узор!
Друженька и т. д.

На тебе, дружка, штаны
Черны бархатны!
Друженька и т. д.

Как на дружке-то чулки

Середь улицы рассыпалась,
Бревна прочь все раскатились,
Углы прочь поотвалились.
На трубе сидит да гаркает
Черный ворон громким голосом;
А на ясно красно солнышко
Тучи темные надвинулись,
Грянул гром, сверкнула молонья...
Я проснулась, испугалась.

Белы шелковы!

Друженька и т. д.
Как на дружке сапоги, —
Пряжки светленькие!

Друженька и т. д.
Дружки шляпа со пером,
Позументы серебром!

Друженька и т. д.
Коли дружка хочет в рай,
То с нам вместе полезай!

Друженька и т. д.
Как у нас дружке в раю,
Вино склянницею!

Друженька и т. д.
У нас пиво на столе,
И широг на столе!

Друженька и т. д.

Дружка низко кланяется и говорит:

— За такую песенку надо и благодарность воздать.

Подает вина и пива с закускою, а потом топает ногою и говорит:

— Въехал я, сватушко, к тебе на широкий двор, поставил я коней среди широка двора, приказывать я об них никому не прика-

зывает, привязывать я их не привязывал. Нельзя ли к моим коням сторожа приставить, чтоб спросить было с кого?

— Будьте, друженька, покойны, останетесь нами довольны, а добры кони сохранны.

Дружка начинает говорить разные приговоры; вот — некоторые:

— Пришел я, дружка, легкая ножка, удалая головка, в теплую хату, к любезному брату, ножку поставил на порог, другую чуть переволок, ножкой топнул, дверью хлопнул, половнички гнутся, хозяева к печке жмутся. Взошел я, дружка, помолился, добрым людям поклонился. Здравствуйтесь, добрые люди и все, что есть в избе! Сватушка и сватьяшка, все ли вы здоровы? — Наши сват и сватьяшка остались здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь!

Отправивши поклон, т. е. челобитье свату с сватьей, дружка обращается к народу, стоящему в избе, и говорит:

— Здравствуйтесь, добрые молодцы, удалые головы, широкие бороды! Все ли вы здоровы? — Наши молодцы остались здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас, а если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: на вас кафтаны очень изорваны, четыре полы, а бока голы!

— Здравствуйтесь, красивые девицы, пирожные мастерицы, горшечные пагубницы! Все ли вы здоровы? — Наши девицы все здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас; если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: полно вам по гринечкам ходить, сметану снимать, колобки месить, молодых кормить!

— Здравствуйтесь, молодые молодухи, покрытые головушки! Все ли вы здоровы? — Наши молодухи все здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас; если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу вам ваши пороки: полно вам с мужьями шутить да их в обман вводить!

— Здравствуйтесь, малые ребята, голые пузята! Все ли вы здоровы? — Наши ребята все здоровы, приказали нам поклониться вам. Я вам, дружка, кланяюсь. Есть у меня наговорец про вас, да не смею рассказать при вас, а если лъзя да можно, оставлю свои зароки, расскажу ваши пороки: вы на полатах-то лежите, да нам в чашки соплей не напустите: нам гостям моркотно покажется!

В толпе слышится говор:

«За такие шутки друженьки надо спеть!» — и ему песенку запевают:

Ой, ты друженька —

Рожка прищидею!

Ой ты, друженька —

Зенка скляницею!

Ой, у друженьки —
Нос-то крючком!
Ой, у друженьки —
Голова пестом!.. и пр.

Дружка топает ногой и говорит повелительно:

— Но-о! за песню откуп — уймись!

Подает денег. Обращаясь к свату или к народу, он говорит:

— Где бы мне своих гостей с нареченным зятем усадить за столы за дубовые?

— Места все заняты, попотчуй нас, друженька, уследим места.

— Эх, вы, добрые молодцы, умные головушки, широкие боро-
душки! О чем надобно — говорите, что надобно — просите, себя,
меня и моих поезжан попусту не томите. Я, дружка, не Роман,
не сделаю обман.

— Мы тебя, друженька, хотим с дружным чином поздравить.

— Извольте, добрые люди, что дано есть-пить, кушать, да нас,
добрых молодцев, послушать.

Дружка спрашивает у хозяина, а иногда у свахи, как бы на места са-
диться? — Ему говорят, указывая на сидящего рядом с невестой «продавца
мест» (брата ее), что он места продает и распоряжается этими делами. Дружка
обращается к продавцу и говорит:

— Нельзя ли нам, добрый молодец, свое местечко уступить
для жениха, а нас, добрых молодчиков, на места за столы дубовые
посадить?

— Я своего места даром не уступаю, а продать — продаю.

— Чем же ты, добрый молодец, торгуешь: лисицами или куни-
цами? Или место княженецкое продаешь?

Я торгую всем: лисицами, куницами и местом княженецким.

— Сколько же тебе надобно и чем ты берешь: золотой каз-
ной или чем иным? — У нашего князя нареченного всего доста-
точно.

— Когда так, что я буду спрашивать, то и подавай, да мне
отпечай.

— Изволь, молодец!

— Дай мне на почине рубликов семь, чтобы любо было всем.

— Изволь, обирай.

Дружка высыпает на блюдо, поставленное на столе, на которое и должен
выкладываться «выкуп» за места.

— Давай мне, друженька, что светлее солнца, краше неба звезд-
ного?

— Изволь принимать.

Дружка вынимает из-за пазухи образ-икону и подает. Продавец, принимая
икону, крестится и ставит икону на полку в «сбожницу», в углу. Надо за-
метить, что дружка едет впереди поезда, а потому у него и образ.

— Давай мне, друженька: сам наг, а рубашка в заназухе.

— Изволь принимать.

Дружка подает восковую свечу.

— Дай мне друженька: поле яровое, другое ржаное, а трет паренину?

— Изволь принимать.

Дружка подает: хлеб, пирог и пряженцы.

— Дай мне, друженька: море на пяти столбах, в дремучих краях?

— Изволь принимать.

Дружка подает пиво в жбане или ендове. После этого, когда все спиршенное дружкой подано, начинаются между продавцом и дружкой загадки, которые очень разнообразны по местным знаниям, складам и обычаям, зависящим от знания продавца и дружки. Вот некоторые из загадок:

— Чем ты, друженька, вперед шел?

— Мыслями с молитвой.

— Что такое, друженька, великое поле ирландское, много скота астраханского, а еднн пастырь, две агницы?

— Поле великое — небо ясное; скот астраханский — звезды; пастырь — месяц; две агницы — утренняя и вечерняя зори.

— Стоит дуб, в дубу — тина, в тине — сосна, на верху — лён.

— Дуб — квашня; тина — тесто; сосна — мутовка; лён — покрывало, ветошка.

— Вышел из земли, как Адам; взведен на колесницу, как И^аф^ан; посажен в огонь, яко Кирик; вышел из ямы, как Иосиф; кто увидит, всяк к себе в дом берет?

— Горшок.

— Дома-то тяп-тяп, в лесу-то ляп-ляп, около тироуценки а в середине — тирру!

— Сито.

— Летит птица орел, несет во рту огонь, а на конце хвоста — смерть.

— Ружье.

— Два кума Абакума, две кумы Авдотьи, пять Фалалеев, десяти Андреев?

— Дровни.

— Раскину я шашни, ввалю толстяка.

— Лошадь в оглобли вводится.

— Есть штука, собственная своя; люди корыстуются, да не я.

— Собственное имя.

— На плешь канул, о плешь хлопнул, с плещи долой?

— Блин.

— Ползунчики ползут, бегунчики бегут, рогульчики везут, толстяка колоть хотят?

— Ползунчики — два полоза у дровней; бегунчики — лошади рогульчики — вилы; толстяк — стог сена.

— Два стоят, два лежат, пятый ходит, шестой водит?

- Дверь.
 — Поймаю гуся, пушу его в воду, буду им водить, он будет говорить?
 — Гусь — перо; вода — чернила; водить — писать; говорить — читать.
 — Шел я мимо Поповского, видел диво таковское: брюхо-то режут, тело в ад вают, душу-то в рай тащат.
 — Молотьба хлеба.

В народе начинается говор:

— Дока на доку нашел. Ну, полно вам торговаться, да переко-ряться — уморите стоячи новую-то, нареченную родню. Все ли у тебя, друженька, «заговоры» приговорены?

— У меня, сударики мои, есть их лукошко целое бездонное, давича нарочно с собой захватил угостить дорогих гостей. Коли хозяин позволит, могу вступить с продавцом в торги: загадка за загадку, кто не отгадет, с того по рублю на стол для новобрачных князя и княгини, — не пожелаешь-ли, молодец?

— Ну, ин спрошу друженьку в последний раз: дай мне, дру-женька, чего у нашего хозяина в доме нет?

Дружка берет за руку жениха, подводит к продавцу места; продавец берет за руку жениха и сажает рядом с невестой. Прочие поезжане-гости выкупают себе места за стол у сидящих девушек и садятся.

В некоторых селениях нашего края стол начинается у невестина отпа до венчания, что и называется: «Девкой столуют», а в других селениях поезжане приезжают и увозят невесту, без столования, к венцу. Если до венчания столуют, тогда невеста в продолжение стола-пированья сидит рядом с женихом, покрытая платком, и продолжает причитать:

За стол усаживаются следующим порядком: близкая женихова родня по старшинству и первенству занимают места за столом. «Тысяцкий»¹ садится в самый угол под образа. Тысяцким бывает: крестный отец (божатко) или родной дядя жениха, или старший его брат. «Большой барин» садится рядом с тысяцким, это — дядя жениха или второй брат; от тысяцкого садится по другую руку «второй барин» — брат жениха или второй дядя. Рядом с женихом садятся родные его — брат или двоюродный, именуется: «Братнее место». Против жениха и невесты садятся дружка с «полудружьем», а затем за стол садятся прочие гости-поезжане, по родству и старшинству в роде. Когда дружка ведет разговор с продавцом места, невеста причитает:

Что это, родимый батюшко,	«Не пускай к себе разлучников!»
Что у ты за пир собирается,	Не послушался, не сжалился,
Что за гости к нам съезжаются?	На меня, младу, прогневался.
Собираются на пир пировать	Знать, недолго мне осталось
Злые вороги, чужи люди, —	Посидеть-то здесь, поплакати
То мон с тобой разлучники.	У родимыя у матушки,
Говорила я родимому	У кормильца родна батюшка,
И в упрос-просила, плакала:	У соколов-то братцов милых!

¹ Так называется один из участников свадебного обряда. В древней Руси тысяцкий — военный чин (начальник «тысячи»).

Когда жених садится к невесте, то она причитает к нему следующий причет:

Ты садись-ко, добрый молодец,	Ты садись не с спесью-гордостью,
Поплотнее со мной рядышком,	А садись с госпожней милостью,
Чтобы век-то нам не разлучатся,	Чтобы жить-то нам не маяться,
Друг на друга не пеняться.	А проживши, не спокаяться.

После этого причитанья к жениху невеста причитает к каждому поезжанину, когда пьют вино и пиво. Это и называется причитаньями к «стакану вина». За эти причитанья каждый должен положить невесте несколько медных или серебряных денег на блюдо. Причитанье это следующее:

Ты изволь-ко, сударь тысяцкий,
Изволь выкупать зелена вина,
Зелена вина разымчива.
Зелено вино у батюшка
У кормильца для вас куплено,
А моим слезам разбавлено.

Этим причетом невеста причитает к каждому поезжанину, только изменяя названия. Последнее причитание к «стакану вина» невеста причитает к жениху следующими словами:

Ты изволь-ко, добрый молодец,
Ты прими-ко, да и выкушай
Стакан пива пьянова,
Пиво пьяное, разымчивое,
Ведь оно тебе, надеженька,
Слаще сахара покажется,
Виноградиной подкатится
К твоему ли ретиву сердцу.

Жених не встает и не берет в руки стакан вина, а невеста начинает опять причитать:

Уж, сударь-ли, родной батюшко!
Ты приди-ко к чужу-чуженину,
Поклонись ему, надеженьке,
Чтобы выпил пива пьянова,
От меня, горюши-девицы.

Отец невесты подходит к столу, кланяется жениху и просит выпить стакан вина, но жених не встает и не берет вина. Невеста опять начинает причитать следующий причет:

Ты приятной, желанный батюшко,
Ты каково выбрал мне чуже-чуженина?
Он ломливый-то, да и чемливый-то,
Не берет-то он пива пьянова
От меня-то, души-девицы!
До поры-то он, до времени
Надо мной-то накуражится.
Видно мне-то, красной девице,
Приподняться на резвы ноги,
Поклониться чужу-чуженину.

Невеста встает на ноги, кланяется, подносит жениху стакан пива, который он и берет из ее рук, а она причитает:

Ты позволъ-ко узнать, добрый молодец,
Как назвать-то тебя по имени-изочеству?
Чтобы знать, с кем стояти во божьей церкви,
С кем я стану под златой венец.

Жених называет свое имя и отчество, и оба, поклонившись друг другу, садятся. По окончании стола дружка встает первым и говорит следующий приговор:

Встану я, добрый молодец,
Со лавочки, со дубовые,
От прибоинки от кленовые,
Из-за столика крашеного,
Из-за скатерки самобранныя,
Из-за яства сахарного,
Из-за питья медвяного,
Из-за сгибня сдобленого.

Будем хозяина благодарить
Да новобрачного князя
И молодую княгиню
Из-за стола выводить.
Извольте, сватушко и сватьяюшка,
Под злат венец благословить
Свое чадо милое.

За дружкой поднимаются все и благодарят за хлеб за соль и угощенье. Дружка, выводя жениха и невесту из-за стола, говорит:

— Есть ли у наших новонареченных молодых, князя и княгини, батюшко и матушка, божатушко (крестный) и божатенька (крестная)? Извольте выходить и свое чадо милое благословить под злат венец.

Отец и мать, крестный отец и крестная мать подходят и благословляют жениха и невесту, которые целуют иконы, родителей и кланяются в ноги.

Вот один из причетов невесты:

Уж как знать-то, красной девице,
Мне сидеть не отсидетися,
Горючим-то слезам не

отплакаться,

Мне вставать-то на резвы

ноженьки,

Выходить-то из-за стола

дубового,

Из-за питья-яства сахарного,

Из-за снадобья-то матушки...

Раздвигайтесь, столы дубовые,

Собирайтесь, скатерки

самобранные,

Благослови-ко меня, кормилец-

батюшко,

И родимая моя матушка,

От раденья ретива сердца,
Чтобы жить-то мне, не малться,
На меня бы вам не плакаться.

Ваше-то благословленьице

Мне дороже злата-серебра,

Кроме солнышка мне красного:

Я ведь с ним-то, красна девица,

Буду жить до гробовой доски.

Вы прощайте, мои милые,

Не забудьте меня, бедную,

На чужой, дальней

сторонушке, —

В чем сгрубил, не

прогневайтесь —

Я была глуха, не ведала,

Что придется с вам расстатися.¹

¹ Вот пример более простого причитания, с которым невеста обращается поочередно ко всем родственникам (соответственно меня обращение), причем кланяется каждому в ноги:

Моя сердешная матушка,
Уж мне дай благословленьице.

После благословения родителей, крестного и крестной начинается прощание соседей и соседок с невестой. При прощании невеста не причитает, а что называется, «рвет толстым голосом» и «ойкает». Дружка идет и приговаривает, потопывая ногой:

Пошел дружка —
Веселая ножка
Из дому угощен
И хозяином ушечен.
Накушил дружка
И кунци, и лисци,
И красных девиц.

Дружка на коня садится,
Конь-то веселится,
К церкви катит.
Земля дрожит...
Шапки долой!
Едет князь молодой
Со княжюшкой.

Мне не в сад, молодой, садитися —
Под злат венец да становитися.

[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края,
М. 1915, стр. 383—384.]

Если у невесты нет в живых отца или матери, она ездит причитать на могилу; вот пример такого причитания:

Я найду многокручинная
В божью дерковь соборную,
Помолюсь я угодику
Никола святителю.
И пойду я на колоколенку,
И ударю трижды в колокол,
И побужу своего родителя.
Расступися, мать сыра земля,
Расколися ты, гробова доска,
Раздерися, полотно белое.

Вы растворьтесь, очи ясные.
Разомкнитесь вы, уста сахарные,
Раскатитесь вы, руки белые.
Меня нарядить, младу, есть кому,
А благословить меня некому,
Ночь, при нынешнем времени.
Благословляет молодешеньку
Благословленной мой батюшко,
Родимой мой брателко (или кто
другой).

[Гор. Пинега. Шейн, т. I, вып. 2, № 1327, стр. 390.]

Любопытно обращение к отцу, отданному в солдаты:

Ты, кормилица матушка,
Ты, сокол, мой милый брат,
У вас что это за праздничек?
Все-то гости собираются,
Одного-то гостя нетутка, —
Родимово мово батюшка.
Уж вы свет, мои голубушки,
Приближенные соседушки,
Вы, названные тетушки,
Пособите-ко, голубушки,
Вы мне горя-то поубавити,
Горючих слез поронити
И голосу повынести
Из высокого терему.
Подхватите вы, буйны ветры,
И снесите вы, буйны ветры,
Голоса-то великие

Далеко по святой Руси,
Высоко против небесу,
За реки-то за быстрые,
За моря-то за синие,
В города-то во дальние,
Во службу-то царскую,
Во неволю государскую.
Ты пришел бы, сударь батюшка,
При последнем поре-времечке,
При последнем свиданьеце,
При последнем расставаньеце,
Да принес, сударь батюшка,
Мне свое благословеньеце,
Мать божью богородицу.
Как твое благословеньеце
И спасет и помилует,
Из синя моря вынесет.

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. Шейн, т. I, вып. 2,
№ 1377, стр. 409.]

Вот еще причитание о брате, находящемся на военной службе:

Уж ты свет, родимый батюшка,
И родимая матушка.
У вас что же за праздничек?
У вас что за весельеце?

У вас все гости съезжаются,
У вас все собираются,
И родны и двоюродны;
Одного гостя нетутка —

Дружка первый садится в сани и впереди всех едет к церкви. С ним сидят рядом и полудружке, за дружкой едет жених с «братним местом» — братом, потом невеста со свахой, а за ними едут родные поезжане, по старшинству и родству. Невесту везут на паре и тройке, провожают ее девицы от дому за овины родной деревни. Невеста причитает:

Вы простите-ко, подруженьки,
Мои милые голубушки,
В чем сгрубила — не
прогневайтесь!
Вы пойдете, мои милые,
На работушку на летошко,
На гулянья на веселье,
На беседушку на зимнюю,
Вспомните меня, милые.

Вы весной, в лугах зеленых,
Когда будете плести венки,
Для меня, для красной
девицы,
Голубой веночек не надобен:
Я плела его в последний раз
И бросала в речку быструю,
Унесло веночек в чужую сторону,
К синю морю Хвалынскому.

Девушки сидят у невесты на снях или тарантасе и поют следующую песню:

Отлетала лебедь белая
Что от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Что ко стаду гусей серых.
Гуси стали лебедь щипать,
Лебедь начала кричать им:
«Не щипайте, гуси серые,
Не сама я к вам, лебедушка,
Залетела — не охотою:
Занесло меня погодою,
Что погодушкой ненастною,
С юта севера снежистого.

Отъезжала красна девица,
От своих подруг Авдотьюшка,
В чужу-дальнюю
сторонку,
В чужу-дальню незнакомую,
К чужому чуже-чужанину, —
Не своею она охотою,
Поневолил ее батюшко,
Повезли ее добры кони,
Что добры кони стоялые,
Удалова добра молодца,
Нашей Дуношки разлучника.

В продолжение всего просватанья невеста сидит за столом, покрытая платком, и лица посторонним людям не показывает, на работы домашние не ходит. В церковь она тоже едет закрытая платком, и только тогда ей открывают лицо, когда наденут венцы и обводят вокруг налоя. После вен-

Соколочка брата милого,
Уж мы създим-ка, батюшка,
Во торги да во ярмонки,
Да кушим, редимый батюшка,
Мы там гербовой грамотки,
Напишу я, молодешенька,
Не пером, не чернилами,
А своим горючим слезам;
Отошлем письмо-грамотку
Мы во дальние города,
Во полки-то военные,
Во казармы казенные,
К соколочку братцу милому,
Как получит братец миленькой
На свои руки белые,

Распечатает миленькой
Он руками-то белыми,
Прочтает-то миленькой
Он устами сахарными,
Что зовут-то на свадьбу, —
И пойдет братец миленькой
Во казармы казенные,
Ухватит братец миленькой
Ружье-то булатное,
Растоскуется сердечушко
У соколочка, братца
милого,
Уж как строгие начальнички,
Уж какие немилосливы
И сердцам-то нежалосливы!

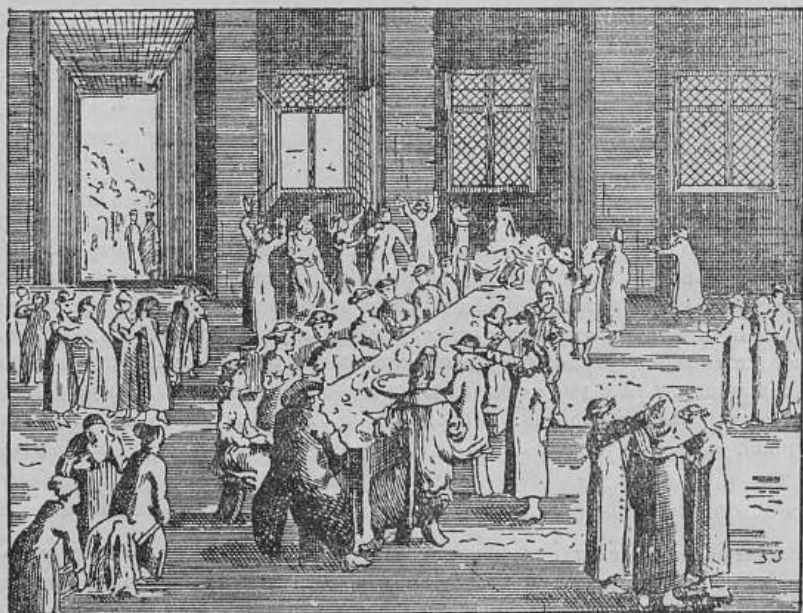
[Там же. Шейн, т. I, вып. 2, № 1453, стр. 429—430.]

чания все слезы и причитанья кончаются. Новобрачных везут в дом жениха, отец и мать которого встречают их с хлебом-солью и с образами, благословляя: отец — иконою, а мать — хлебом-солью и иконою, а затем новобрачных благословляют крестный и крестная жениха, а потом их вводят в особую избу или горницу, где их наскоро кормят, а поезжан-родных усаживают за столы. Новобрачных усаживают на шубу — шерстью кверху — среди стола, и начинается столованье: пьют, едят, что называется до увалу; одни новобрачные не должны ни пить, ни есть, а сидят плотно за столом, рука с рукой, нога с ногой, чтобы кошка не пробежала. По окончании стола гости бьют тарелки и рюмки, а затем молодых отводят спать в особую горницу или холодную избу, у порога которой бьют горшки и пр. Новобрачных в спальню провожает сваха, делая разные наставления и приговорки непечатные вроде: «На первую ночку паренка и девóчку». Когда новобрачные остаются одни, молодая должна разуть мужа, у которого в сапоге положены деньги. Эти деньги новобрачная берет себе, благодарит мужа, а затем он укладывается в постель, а молодая, раздевшись, вскакивает через мужа к стене на постелю и ложится. Новобрачных укладывают в холодную спальню для того, чтобы дети у них были здоровыми и не боялись холода, а молодая скачет через мужа на брачную постель для того, чтоб детей родить легко и благополучно. Деньги муж кладет в сапог, чтобы они водились у жены всю жизнь.

5. КНЯЖИЙ СТОЛ.

Княжий стол готовится у новобрачного на второй день после свадьбы. Утром, подгулявшие еще с вечера родные-поезжане идут «поднимать молодых», но в спальню будить молодых входит одна только сваха. Прочие же родные стоят у повети или у дверей горницы, бьют горшки, крики, тарелки и пр. и, при выходе новобрачных, их поздравляют и стучат, разбивая посуду. Новобрачные входят после умывания и наряжения в избу, и их сажают за стол «княжий», а за новобрачными усаживаются и прочие родные, а затем начинается угощение — завтрак. По окончании завтрака, новобрачных снаряжают в путь к тестю и теще и прочим родным новобрачной — звать на княжий стол. Новобрачные уезжают одни. У тестя их угощают чаем и закусками, приглашая вместе с ними и всю родню на княжий стол. Новобрачные, пригласив тестя и тещу с новой родней на княжий стол, возвращаются домой, а за ними тотчас же приезжают и званые гости. Все, как приехавшие, так и ночевавшие гости, усаживаются за столы, и начинается княжий стол. Новобрачные усаживаются посредине стола, а новая родня садится около новобрачных, занимая первое место в переднем углу. Отец и мать новобрачной должны сидеть в переднем углу, если нет священника с матушкой, но когда они тут присутствуют, то они занимают первое место, которое и называется: «попово место» или «для попов и дураков». Отец и мать новобрачного не сидят за столом, а ходят у столов и кланяются, угощая гостей, а прочие родные новобрачного подают за столы кушанья и напитки. При каждом кушанье, поданном на стол, отец и мать новобрачных, а также и подающие говорят: «Покушайте, гости хорошие, дорогие!» За княжим столом новобрачные тоже ничего не пьют и не едят, а только, если им подносят вино

и пиво, то «спригубливают», т. е. обмачивают только губы. Новобрачных, как перед первым столом после брака, так и перед княжим, чтоб не возбудить у них аппетита, кормят отдельно в другой избе, что и называется «покормить молодых на особинку». Подгулявшие поезжане за княжим столом очень часто обращаются к новобрачным и говорят: «Горько, очень горько!»; называя новобрачных по имени и отчеству, просят: «Нельзя ли подсластить?». Новобрачные должны встать, поклониться, поцеловаться «крест на крест», сказать: «Покушайте, теперь сладко!». Гость допивает из стакана или рюмки и говорит: «Вот теперь очень сладко», а потом подходит к новобрачным и делует их. Таким образом за княжим столом только и слы-

Свадебный пир в древней Руси.

(О л е а р и й. — Описание путешествия по Московии.)

шится «горько!», а потому поцелуям нет конца. Гости-супруги, не довольствуясь «подслащиванием» новобрачных, обращаются со словом «горько» муж к жене, жена к мужу, и тоже «подслащивают» — делуются. Затем, по окончании стола, когда подадут жаркое, то каждый из гостей встает из-за стола и, с кусочком почки на вилке, идет к новобрачным, целуется, а затем подходит к своей жене или сватье, с которыми тоже делуется. Этот довольно продолжительный процесс целования приходится весьма по сердцу подгулявшим гостям. На обязанности дружки лежит: солить, резать кушанье и разрезать поменьше почку и начинать церемонию с «почкой» и «горько». На княжий стол посмотреть приходит очень много постороннего народа. В иных местностях и у небогатых хозяев, когда бывает один стол после брака, то княжева стола не бывает, но все церемонии и обычаи происходят за пер-

вым столом после брака, как и за кляжим. По окончании столования подгулявшие гости поют и пляшут до полуночи. Некоторые гости ночью уезжают по домам, а некоторые остаются и ночуют у новобрачных.

6. ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

Из поезжан и новой родни на третий день остаются очень немногие. Третий день имеет вид праздника семейного. Утром молодую заставляют кое-какое дело поделывать около печки и смотрят: умеет ли она приниматься за страшно, но преимущественно ее заставляют стряпать и вышекать блины, которые она и подает от печки на стол, кланяясь и прося покушать ее печения. После обеда, ввечеру, к новобрачным собираются посидеть девицы, молодые женщины и парни. Молодые люди поют песни, заводят разные игры и пляшут. При этом собрании-вечере новобрачная знакомится с соседями и потчует их: блинами, пирогами, пряниками и орехами.

7. ОТВОДИНЫ.

Так называемые «отводины» бывают через неделю и более, а иногда и менее, после свадьбы. Отводины делает отец молодухи и все прочие ее родные, бывшие на свадебном пиру. В назначенный день отводи тесть едет звать к себе зятя и дочь, а также и всех родных зятя. Когда приедут молодые к отцу и отпируют сват у свата, а зять у тестя, тогда приглашают к себе по старшинству и прочие родные новобрачной. На отводинах, таким образом, молодые ходят из дому в дом родных, у каждого угощаются: закусками, чаем и водкой. С окончанием отводи свадьбу считают оконченной.

8. СВАДЕБНЫЕ СУЕВЕРИЯ.

Когда сватья (сватушня) придет сватать невесту в ее дом, то во время разговора не должна садиться. Она будет говорить много и долго, хвалить жениха и договариваться обо всем; но все стоя на ногах. Если же сватья сядет, не будет пути! Опытная сватья такое правило очень помнит, сколько ее ни уговаривают, чтобы садилась, — не сдет, даже предлагают чай пить или поесть — не будет. Садиться не должно потому, что или дело не сладится, или, если и сладится, то у новобрачных дети будут «седуны», т. е. не будут долго ходить, а если будет пить, то дети будут охотники до питья, а если будет есть, то дети будут много есть (многосшки).

Сговоренку-невесту закрывают платком для того, чтобы не сглазили, а потому она до венца и не должна показывать лица. Тем более должна она скрывать свой «облик» — лицо, что во время свадьбы бывает много народу как из своего селения, так и из других, а известно, что у иных людей бывает дурной глаз — сглазят, а тем более, что народ верит в знахарей, которые могут только одним взглядом в лицо напустить на человека разные болезни, как то: сухотку-чахотку, нытье сердца, порчу, плаксивость и пр.

Когда невесту и жениха собирают-снаряжают к венцу — венчаться в церковь, насыпают им в обувь хлебных зерен и денег: первые — для того,

чтобы не пуждались в хлебе, а вторые — чтобы они водились, первые — имели хороший урожай на полях, а вторые — легко добывались.¹

Невесте и жениху, едущим в церковь венчаться, втыкают в платье, в рубашку, в ворот и подол безухие иглы, безголовые булавки, на тело наворачивают обрывки мережок. Все это делается для того, чтобы повобрачных во время свадьбы не испортили. Никакому знахарю невозможно испортить человека, у которого есть безухие и безголовые иглы и булавки, а тем более, если у него на теле находится целерина, на которой бесчисленное множество узелков.

Новобрачных за столом перед венцом и до венца сажают на шубу, вывороченную вверх шерстью, чтобы их не испортили да жили богато и водились у них в изобилии скот.

Во время столованья, как за первым столом, так и за княжим, новобрачные должны свои ноги перенести или поставить нога на ногу, — для того, чтобы между ними не пробежала черная кошка. Для этой же цели они должны сидеть поплотнее между собой. Если же пробежит между ними кошка, то молодые будут жить несогласно, как кошка с собакой.

Когда жениха и невесту приведут на церковную паперть, то они должны взяться за скобку и сказать: «Пусть все наши скорби и болезни не пойдут с нами под венец, а останутся на тебе, железной скобе». Народ верит, что железо принимает — притягивает к себе всякую болезнь как от человека, так и с «ветра», а в особенности ржавое железо, которое многие носят на кресте, особенно во время повальных болезней. У дверей многих домов, у порогов вбиваются в половицы скобы и подковы, для того чтобы болезни повальные не входили в дом, а оставались на скобе у дверей порога.

Когда на брачующихся надевают венцы и священник говорит: «венчается раб божий такой-то», то последний должен креститься и говорить тихонько: «Я, раб божий (имя рек), венчаюсь, а болезни мои не венчаются». Народ верит, что если у брачующихся есть какие-либо болезни, да с ними венчают, тогда их никогда не вылечить.

Во время венчания, когда под ноги подстилается ширинка — полотно или платок, то, который на нее вперед ступит ногой, тот из новобрачных и будет большим — большаком в жизни.

Во время венчания замечают, что у которого из брачующихся венчальная свеча скорее сгорит, тому прежде и умереть.

Во время венчания ни жениху, ни невесте не следует смотреть друг на друга, а если же будут, а в особенности посмотрят в глаза, то не возлюбят друг друга, или который-нибудь изменит в супружеской жизни.

¹ Чаще жениха и невесту осыпают зерном и хмелем, когда они возвращаются после венчанья. При этом поют, например, следующую песню:

Дружка идет
И князя ведет;
Князь идет
И княгиню ведет,
Позади княгини
Посыпальная
сестра,

Сыплет она,
Посыпает она
И житом, и хмелем:
Пусть от жита —
Житье доброе,
А от хмеля —
Весела голова.

Если брачующиеся оба или один из них невинными венчаются (не познали блуда), тогда (говорят) венцы у обоих или у одного из них сияют от света-огня.

Когда от венца молодую вводят в дом к свекру, то он и свекровь встречают новобрачных у калитки, первый из них сует молодой в руки скляницу с вином или с пивом, а последняя кладет потихоньку в пазуху новобрачной пирог и под ноги кидает хмель. Пирог новобрачные должны съесть пополам пред свадебным столом, на «особинке», вино или пиво тоже выпить пополам. Это делается для того, чтобы они жили всю жизнь сыто, в любви и согласии, а хмель рассыпается под ногами, чтобы жили век весело и в согласии.

Когда молодая входит в избу, то ступая ногой за порог, должна сказать: «Я, из меньших — большуха, буду мама, стриуха».

Когда приехавших от венца новобрачных будут благославлять, тогда новобрачная после благословения, кланяясь отцу с матерью в ноги, говорит потихоньку: «Я-то пришла, меня-то привели, не овечку, а волчиху».

Когда новобрачная начинает на «особинке» пить и есть с новобрачным, то говорит тихонько: «Пить бы да есть досыта, а детей рожать до любви — легко».

Тот платок, под которым новобрачная, будучи еще сговоренною, плакала, оставляется навсегда в доме родителей; его не берут в приданое в новый дом, чтобы жить замужем — не плакаться.

ОТДЕЛЬНЫЕ СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ.¹

1.

Когда жених приезжает со своими поезжанами в дом невесты на «смотрение», девушки встречают его следующей песней:

Не от ветра, не от вихоря,
Не от божьей от милости
Верев пошатилася,
Ворота отворилися,
Широки размахнулись.
Не слыхала младешеньга,
Как бояра на двор въехали,
С широка двора в новы сени,
С новых сеней в нову горницу,
Уж я столько услышала,
Уж я столько увидела,
Как Григорий зашел в горницу,
Свет Мосеевич во светлицу;
Тут и я испугалася,
Тут и я переналася,
Придрогло ретиво сердце,

Приосмякло² лицо белое,
Резвы ножки подломилися,
Белы ручки опустилися,
Из глаз слезы прокатилися.
Во слезах я слово молвила,
В возрыданье речь говорила:
«Вот идет погубитель мой,
Вот идет разоритель мой,
Вот идет расплети-косу,
Вот идет потеряй-красу».
Тут сироговорит добрый молодец,
Да Григорий Мосеевич свет:
— «Уж ты глупа, красна девица,
Неразумна дочь отецкая.
Что же я — погубитель твой,
Что не я — разоритель твой;

¹ Свадебный обряд и сопровождающие его песни и причитания весьма разнообразны: поэтому, кроме полного описания свадебного обряда, относящегося к определенной местности и к определенному времени, мы даем ряд отдельных песенных текстов, характерных в тех или иных отношениях.

² От испуга переменялось, изменилось, опало. (Примечание собирателя.)

Погубитель твой — батюшка,
Разорительница — матушка,
Расплети-косу — сватьяшки,

[Гор. Холмогоры, бывш. Архангельской губ., ныне области.
«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I,
М. 1911, стр. 4, № 3.]

Потеряй-красу — друженьки,
Что две дружки хорошие, —
Два удалых добра молодца.

2.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за темного, дремучего,
Из-за гор крутых, высоких,
Тут летит стадо серых гусей,
Серых маленьких утицей;
Что второе стадо лебедей.
Отставала лебедушка
Прочь от стада лебединого;
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко серым гусям,
К серым, маленьким утицам,
Замешалася лебедушка
Что во стаде серых гусей,
Серых маленьких утицей.
Не умела лебедушка
По мелким ручьям плавати,
По гусяному гикати.
Еще начали серы гуси,
Серы маленькие утицы
Как белую лебедь щипати,
А белая лебедь гикати
Лебединым тонким голосом:
«Не щипите вы, серы гуси,
Серы маленькие утицы!

[Гор. Мезень, бывш. Архангельской губ., ныне области. «Песни,
собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I, стр. 10,
№ 20.]

Не сама я к вам залетела,
Не своею охотою:
Занесли ветры буйные,
Злы погодушки великие».
Отставала Аннушка
Прочь от батюшки, от матушки,
Прочь от братьицев, от
сестрицей,
От велика рода-племени,
От подружек полюбовных,
От соседок порядовных:
Не умела Аннушка
На головушке управити,
Злой свекровушке уладити.
Еще начали чужи люди
Аннушку журить, бранить.
Аннушка стала плакати:
«Не журите вы, чужи люди,
И богоданные родители!
Не сама я к вам на двор пришла,
Не своею я охотою;
Что завез меня сам молод князь
На своих да на добрых конях,
На добрых конях, наступчивых».

3.

Течет винная реченька,
Сахаринная источника;
Что по сахару река текла,
По изюму разливалась:
У родителя, у батюшки,
Было умное дитяtko,
Было умное, разумное.
Она ходила, похаживала,
И гуляла, погуливала
По высокому, нову терему.
И из терема в шатер зашла

К удалому, добру молодцу,
Что ко князю первобрачному.
И будила, побуживала:
«Уж ты стань, душа, умный мой,
Пробудись, душа, разумный мой!
Я пришла к тебе ни пить, ни есть,
Я — не кофе, чаю кушати:
Я пришла к вам разгулятися,
Во тамы¹ играть, во шахматы,
И во все игры немецкие!»
Обыграла красна девица душа

¹ Тамы — вероятно, вместо «тавлей», т. е. шапки.

Удалого добра молодца;
Проиграл-то добрый молодец
Он душе-ли красной девице
С правой руки злачен перстень
С дорогою модной ставочкой,
Ссамоцветным драгим камешком,
Со работою московскою,
С позолотой ярославскою,
Со филистами заморскими.

[Гор. Мезень. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I, стр. 12, № 27.]

Проигралась красна девица душа;
Обыграл добрый молодец
Он душу ли красну девицу:
Проиграла красна девица душа
Свою вольную волюшку,
Украшенну девью красоту,
Хаз,¹ повязку красна золота
Со присадкой скатна жемчуга.

4.

На горе на высокой,
На красе на великой
Стоял храм белокаменной:
Что во том во божьем храме
Тут венчаются два отрока,
Что отрок со отрочицею —
Молодец со девицею.

Сговорила (имя, отчество
невесты):

«Уж ты, свашенька, свашенька,
Ты крестова моя матушка,
Ты крестова моя матушка,
Ты открой покрывальишко,
Покрывальишко шелковое:
Мне не столь бы тощешенько,
Мне не столь бы горчешенько
Во божьей церкви стоючись,
На главах венцы держучись!
Вы, попы, дяки духовные,
Вы, причетники церковные,

[Гор. Мезень. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I, стр. 14, № 31.]

Напишите вы грамотку
Ко родителю-батюшке
Не по белой бумажечке,
Не пером, не чернилами;
Напишите вы грамотку
Вы по белому бархату
Аравийским красным

золотом.

И запечатайте грамотку
Сургучами немецкими.
Отошлите вы грамотку
Со родным брателком:
— Благодарствуй, батюшка,
С государыней-матушкой,
Что поили, кормили меня
Вы до полного возраста,
До крепка ума-разума
И до моего суженого
И до моего ряженого,
Ивана-то Ивановича».

5.

Долго-то, долго сокол не бывал,
Ой ли, ой ли, ой, рано мое!²
Еще долго-то, долго ясен не бывал.
Еще разве сокол за моря улетел,
Еще разве ясен да за синее, за солоное?
Еще долго-то, долго Василий не бывал,
Еще долго-то, долго Мишич!
Еще видно Василий во цареве кабаке,
Мишич-то зелено вино пьет,
По рублю, по полтине в сутки пропивает,

¹ Хаз — шегольство, франтовство.

² Припев поется после каждой строки.

По гривне, по грошу дает гольшу.
 На двор пришла весточка радостная:
 Едет Василий с каменной Москвы,
 Едет Минич с славной Вологды.
 Еще-то конь-то под ним в 500 рублей,
 Узда и стремяна 150 рублей,
 На молодце сертук в целу тысячу,
 На коне молодец, и цены ему нет.
 Случилось молодцу ехать мимо тестев двор,
 Мимо батюшковых, мимо тещин терем, мимо матушкин.
 Он шиб коньем в широки ворота,
 Разлетелись ворота середь широка двора.
 Дворовые по двору погуливают,
 Да Василий у дворовых выспрашивает:
 «Уж вы нянюшки, мои мамушки,
 Хороши погощенски девушки!
 Уж вы сбегайте, попроведайте,
 Вы скажите-тко, не утайте,
 Еще спит-ли, не спит Татьяна моя?
 Еще спит-ли, не спит Егоровна?
 Коли спит-то она, не будите ее,
 А не спит-то она, посылайте сюда!»
 Не новые сени поскрипывают,
 Не серебряно колечко побрякивает:
 Еще с сеней на сени Татьяна идет,
 Еще с новых на новы Егоровна;
 Она была челом, низко кланялася
 Удалому молодцу, да Василию Миничу.

[Гор. Архангельск. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I, стр. 27, № 65. Песня доставлена В. Далем.]

6.

БОЛЬШОМУ БОЯРИНУ С ЖЕНОЮ И ДЕТЬМИ.

Что по сеням, по сеничкам, По частым переходичкам Тут и ходила, гуляла Молодая боярыня, Свет-су Ольга Ивановна. Приходила, пригуляла Ко кровати тесовой, Ко перине пуховой, Ко одеялу соболшному, Ко парчевой к подушечке, К своему другу милому: «Уж ты стань-ли, мой ласковый, Пробудися, приветливый! У тебя, у боярина,	И кони не объезжаны, Молодцы не снаряжены, Оружья не сготовлены». — «Не тужи, моя умная, Не печалься, разумная, Будет богом исправлено: И кони пообъездятся, Молодцы поснарядятся, Оружья приготовятся, Уж мы задних-то съустижем, ¹ А середних перестижем, А с передними равны будем. Государю коня подведем, На руке сокола поднесем.
--	---

¹ Нагоним, догоним. (Примечание собирает. гл.)

Что за то благоверный царь,
Он за то нас пожалует,
Тремя градами стольными,¹
Он Казанью со Астраханью,
Он Сибирью богатою.
Во Казань город посажу
Своего сына милого
Свет (имя и отчество),
В Астрахань город посажу
Своего сына милого
Свет (имя и отчество),

Во Сибирь во богатую
Уж я сам седоком сяду,
Со своей со боярыней
Со Ольгой Ивановной,
С малым сыном, со дочерью
С (имя и отчество).
Сына милого пожалует
Он добрым конем наступчивым,
Милу дочь пожалует
Он венком с пеллепками».²

[Гор. Чердынь, бывш. Пермской губ., ныне Свердловской обл.
«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I,
стр. 29—30, № 72.]

7.

ЖЕНИХУ И НЕВЕСТЕ.

Среди было царства Российского,
Среди государства Московского,
Тут стояли палаты белокаменные;
Как во тех было палатах белокаменных
Тут стояли столы да дубовые,
На столах-то столешенки кедровые,
Иснодерганы скатерти питы браные,
Изнаставлены яства все сахарные,
Изналиваны питыя да все медвяные.
Что за теми за столами, за дубовыми
Тут сидели, посидели князья, бояра.
Посередь же их сидел да добрый молодец,
На коленичках держал звончаты гусли,
Он выигрывает волю, да волю батюшкову,
Он великую негу, негу матушкину.
Подошедши же Марьюшка послушала,
Отошедши Васильевна восплакала:
«Это что у вас за воля, да воля батюшкова?
Это что у вас за нега, да нега матушкина?
Отставать же мне от воли да от батюшковой,
От великия от неги да от матушкины,
Приставать будет ко волюшке ко свекровой,
Ко великой ко неге ко свекровкиной.
Отставать мне от обычья девичьего,
Приставать будет к обычью молодецкому,
Ко обычью удалова добра молодца
Свет (Ивана Васильевича)».

[Гор. Чердынь. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая
серия», вып. I, стр. 31—32, № 78.]

¹ Столичными — или главными. (Примечание собирателя.)

² Венок с пеллепками и бочка — головное подвенечное украшение в виде венца, украшенного блестками, мишурою, фольгою, камнями и жемчугом. (Примечание собирателя.)

8.

Ты взойди, Анна душа, на новы сени,
 Ты взойди, Михайловна, да на новые!
 Посмотри, Анна душа, во чисто поле,
 Посмотри, Михайловна, да во чистое!
 Сколь силен едет Иван-то князь,
 Сколь силен едет Александрович:
 По одну сторону пятьдесят человек,
 По другую сторону еще пятьдесят!
 Гляючи Анна душа испугалася,
 Гляючи Михайловна испугалася:
 «Зашатри, батюшка, шатром ворота!
 Занавесь, матушка, камкою терем!
 Оберните, сестрицы, меня полотном!»
 Едучи Иван-то князь похваляется,
 Едучи Александрович похваляется:
 «Быть, быть шатру да разломанному!
 Быть, быть камке да разодранной!
 Быть, быть Анне душе во полон взятой!
 Быть, быть Михайловне во полон взятой!»

[Гор. Осташков, бывш. Тверской губ., ныне Калининской обл.
 «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I,
 стр. 70, № 213.]

9.

«Вы, подруженьки, голубушки мои,
 Заплетите мне русую косу
 Во корню-то мне мелко-на-мелко;
 Посередь моей русой косы
 Вплетите гайтан шелковый;
 По конец-то моей русой косы
 Вы вяжите ленту алую;
 Вы запряте золотым замком:
 И вы бросьте мои золоты ключи
 Во матушку во быстру реку».
 Никита был рыболовщичком,
 Ефимыч был рыболовщичком;
 Он закинул невод шелковый,
 Он от краю да до краю;
 Он пымал эти золоты ключи.
 Признавал он эти золоты ключи:
 «Не от Верной ли русой косы?»
 — «Отпрет мою русу косу,
 А меня за себя возьмет».

[Дер. Воронки, бывш. Звенигородского у., Московской губ., ныне
 области. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия»,
 вып. I, стр. 107, № 332.]

10.

На море утушка купалася,
 На синем серая полоскалася,
 Вышедши на крутой бережок, встрепенулась,
 Встрепенувшись, утушка сама вскрикнула:
 «Как-то мне с моречком расстаться будет?
 Как-то мне со крутых бережков приподняться?
 Придут-то, придут морозы студеные,
 Выпадут порошицы, снега белые;
 В те поры я с моречком расстануся,
 В те поры с крутых бережков приподымуся».
 В тереме Верушка умывалася,
 В высоком Кондратьевна умывалася,
 Белыми белилами побелилася,
 Алыми румянами нарумянилася,
 Черными сурмилами брови сурмила.
 Белые белила из Бела города,
 Алые румяны из каменной Москвы,
 Черные сурмилы из Черна города.
 Спяржевши, Верушка сама всплакнула:
 «Как-то мне с батюшкой расстаться?
 Как-то мне из висока терема приподняться?
 Приедет Микита господин со всем поездом,
 Прилет Ефимыч со всем поездом,
 Привезет он свашеньку ломливую,
 Привезет он друженьку чадливого;¹
 В те поры я с батюшкой расстануся,
 В те поры я из висока терема приподымуся».

[Там же, № 351.]

Песни №№ 9—10 записаны Киреевским в 1833 г. между
5 августа и 13 сентября.

11.

Не разливайся, мой тихий Дунай,
 Не заливай зеленые луга!
 В тех ли лугах есть ковыль трава,
 Во той ли траве ходит белый олень,
 Ходит белый олень — золотые роги.
 Мимо ехал да Иван сударь,
 Мимо ехал да Спиридонович,
 Стебнул оленьюшку плеточкой:
 «Не бей меня, да Иван сударь,
 Не бей меня, Спиридонович!
 Ни в кое время пригожусь я тебе:
 Жениться будешь — на свадьбу приду,
 На двор взойду — я весь двор освечу,

¹ Значение слова педсно: от «чад, чадить»?

В горницу взойду — всех гостей развеселю,
Да и больше всех да Марью твою,
Чтобы она меньше плакала,
Чтобы она не огорчалась».

[Село Успенское, бывш. Малоархангельского у., Орловской губ., ныне области. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I, стр. 168, № 593.]

12.

Матушка!
Да что в поле пыльно?
Сударыня моя!
Да что в поле пыльно?
«Дитятко мое!
Добры ксины възгрались!
Милое мое!
Добры кони възгрались!»
Матушка моя!
Да что в поле пыльно?
Сударыня моя!
Да что в поле пыльно?
«Дитятко мое!
Да бояры едут!
Милое мое!
Да бояры едут!»
Матушка моя!
На широку улицу едут!
Сударыня моя!
На широку улицу едут!
«Дитятко мое!
Не бось не пугайся!
Милое мое!
Не бось, не выдам!»

Матушка!
На широкий двор възшли!
Сударыня моя!
На широкий двор възшли!
«Дитятко мое!
Не бось, не пугайся!
Милое мое!
Не бось, не выдам!»
Матушка!
В нову горницу възшли!
Сударыня моя!
В нову горницу възшли!
«Дитятко мое!
Не бось, не пугайся!
Милое мое!
Не бось, не выдам!»
Матушка!
За праву руку берут!
Сударыня!
За праву руку берут!
«Дитятко!
Да бог с тобою!
Милое мое!
Да бог с тобою!»

[Дер. Воронки, бывш. Звенигородского у., ныне Московской обл. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I, стр. 106, № 330. Поется, когда жених едет за невестою и ее подружки завидят его в окно.]

13.

На море лебедь воскикала, бела воскикала,
Она крыльями била об сине море об Хвальнское,¹
Она перья ронила во сине море во Хвальнское,
Она голову склонила на крутые берега, на желты песка,
На крутые берега, на желты песка на сыпучие,
Она жалобу творила на ясна сокола, на пролетного:
«Бог судья, бог судья леному соколу да пролетному,
Разлучает, разлучает со синим морем со Хвальнским,

¹ Каспийское.

Прилучает, прилучает все ко ржавчей воде, ко осоке-траве,
 Да мне, лебеде, того не хочется, мне, лебеде, того не надомно,
 Мне не хочется ржавчу воду пить, да осоку-траву есть». Во
 высоком тереме, во высоком тереме, за дубовым столам,
 За дубовым столам, за дубовым столам, за браным скатертям
 Красна девица сидит, дочь отедкая, да дочь отедкая,
 Голову склонила на могучие плеча, на могучие плеча,
 Руками билась об дубовы столы, о браны скатерти,
 Жалобу творила на удала молодца, на проезжего:
 «Бог судья, бог судья добру молодцу да проезжому.
 Разлучает, разлучает он со родным батюшкой,
 Прилучает, прилучает он к чужому батюшку, не к родимому,
 Да мне, молоде, того не хочется, мне, молоде, того не надомно,
 Мне не хочется во чужих людях жить, да чужим людям служить».

[Бывш. Верхотенский окр., с. Кортухай. Запись М. К. Аза-
 довского от Настасьи Слепой («Русский фольклор. Крестьян-
 янская лирика», изд. «Библиотека поэта», малая серия, № 2,
 Л. 1935, стр. 147 — 148).]

14—20. ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ А. С. ПУШКИНЫМ.

Песни эти доставлены Пушкиным Киреевскому без обозначения места
 записи; вероятно, записаны они в Михайловском и его окрестностях.
 Песня № 15 введена Пушкиным в пьесу «Русалка».

14.

А у свата сводника
 Лихорадка с болестью,
 Она с черной немочью,
 На печи под шубою,
 На дворе нагишкою!
 По морозу босиком,
 Покрове нагнем!
 Ему чирый в голову,
 А другой в бороду,
 Третий в ручушку,
 Четвертый в ноженьку!

У сватушки кудри
 На четыре грани,
 Его черти драли,
 Шуты польскали,
 По кучам таскали,
 Братом называли:
 Ты сватушко, братец!
 Дари, дари девок,
 Дари, дари красных!
 Станешь дарити —
 Не станут корити.

[«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. I,
 стр. 58, № 159.]

15.

Бестолковый сватушко!¹
 По невесту ехали,
 В огород заехали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили.

Верее молился:
 «Верее, вереюшка!
 Укажи дороженьку
 По невесту ехать».
 Сватушко, догадайся!

¹ В «Русалке» Пушкина, в самом начале, имеется еще стих: «Сватушко, сватушко», а перед стихом «Верее молился» стоит стих: «Тыну поклонился».

За мошёночку принимайся.
В мошне денежки шевелятся,
Оне к девушкам норовятся;

А копейка ребром становится,
Она к девушкам норовится!

[Там же, вып. I, № 160.]

16.

НА ДЕВИЧНИКЕ СВАТА КОРЯТ.

Все песни перепели,
Горлушки пересохли!
А сватушко рыжий
По берегу рыщет,
Хочет удавиться,
Хочет утопиться,

От красных девок,
От белых лебедок.
Дари, дари девок!
Дари лебедок!
Не станешь дарити
Мы пуще корити!

Сватушко догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

[Там же, № 161.]

17.

ПОЕТСЯ НА ДЕВИЧНИКЕ.

Сватушко гость, богатый, тороватый;
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублем ворота запирает,
Он полтиной ворота отпирает.

Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

[Там же, № 162.]

18.

ПРО ЖЕНИХА, КАК ВЗОЙДЕТ К НЕВЕСТЕ.

Как сказали-то, Иванушка
хорош да хорош!
Чорт у него, не хорошество!
Сам шестом,
Голова пестом,
Уши пожницами,
Руки грабельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.

Соловьины-то глаза
По верхам глядят;
По верхам глядят,
Они камни хотят.
Вчера каша сварена,
Вчера съедена была.
Шея-то синя,
Будто в петле была!
Нос-от синь, —
Это свахин сын!

[Там же, № 163.]

19.

Ты, невеста, перед кем стоишь?
 Перед кем стоишь, на кого глядишь?
 Он тебе чуж-чуженек,
 У него поросычий душек!
 Он с курами клевал,
 С поросятами едал!
 [Там же, № 164.]

20.

Мы все песенки перепели,
 У нас горлушки пересохла!
 Мы князьева пива не пивали,
 У княгини дары увидали:
 У княгини дары миткарины,
 А князево пиво облива.
 На собаку льешь, облезет.
 [Там же, № 165.]

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИЧИТАНИЯ.

Похоронные обряды и причитания первоначально возникали на практическо-магической основе и на основе веры в посмертное существование покойника.

Покойника считали необходимым оплакать, чтобы обеспечить его благоволение и избежать его гнева. Поэтому причитания считались обязательными, и еще в древности существовали профессионалы-специалисты этого дела. Вместе с тем, особенно в более позднее время, в причитаниях находило выражение непосредственное эмоциональное отношение к покойнику.

Поэтому похоронные причитания отличаются особенно четко выраженным эмоциональным характером.

В изображении тяжелой участи оставшихся после покойника родственников и друзей похоронные причитания позволяли развернуть яркие картины положения крестьянства. Наиболее замечательны и в этом отношении и по художественному мастерству причитания Ирины Федосовой, знаменитой «вопленицы» XIX в.

Летопись сообщает о похоронных обрядах славян следующее:

«И аще кто умряше, творяху тризну над нимъ, и посемь сътворяху краду¹ велику, и възложяху на краду мъртвеца, и съжьжаху, и посемь, събравъше кости, възложяху в судину малу, и поставляху на стълпе на путъх, еже творять Вятичи и ныне. Си же творяху обычая и Кривичи и прочии погани».

О существовании «слачей» в княжеской среде говорят следующие свидетельства. По смерти Игоря Ольга посылает послов к Древлянам и устраивает тризну по муже:

«Се, уже иду к вам, да пристроите меды многы у града, идеже убисте мужа моего, да поплачюся над гробъмъ его и сътворю тризну мужу своему, Они же, то слышавъше, съвезоша меды многы зело, и възвариша. Ольга же, поимъши мало дружины, и льгъко идуши, приде к гробу его и плакася по мужи своемъ. И повеле людемъ съсути² могылу велику, и яко съспоша, повеле тризну творити. Посемь седоша Древляне пити, и повеле Ольга отроком с нимъ служити пред ними».

¹ Костер.

² Насыпать.

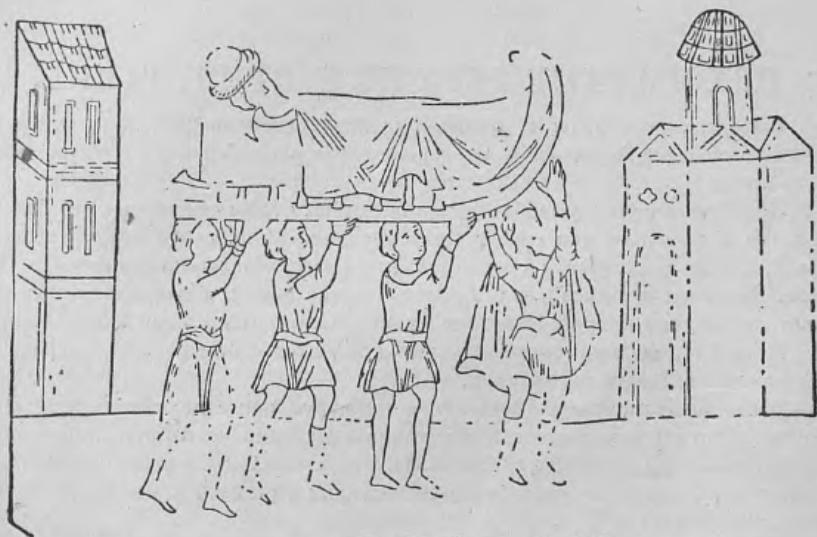
О смерти самой Ольги летописец говорит:

«И по трех дньх умьре Ольга. И плакася по ней сын ея и възнуди ея и людие вси плачьмь великѣмь. И несъше, погребоше ю на месте. И бе заповедала Ольга не творити тризны над собою, бе бо имущи презвитер, ить похорони блаженую Ольгу».

О смерти Владимира (1015 г.):

«И нощню межю клетыми проймавъше помост, в ковѣръ обьртевше и ужн свесиша и на землю, и възложише и на сани, везъше, поставиша и в святей богородици, юже бе създад сам. Се же уведевъше людие, бес числа сънидо-

НЕСУСУТЬ СТОБОРИСА НА ПОГРЕБЕНЬЕ

Древнейший вид погребения на санях.

(Из сказания о святых Борисе и Глебе, список XIV в.)

паса, и плакалася по немь, бояре акы заступьника их земли, убозни акы заступьника и кѣрмителя. И възложиша и в кѣрсту¹ мраморяну, и съхраниша тело его с плачьмь, блаженаго князя».

ПЛАЧ ПО СТАРОСТЕ.

Вопит старостица.

Спаси, господи, спорядных² суседушек!
Благодарствую крестьянам православным!
Не жалели што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку, —

¹ Гроб.

² Живущих рядом.

Уж вы старосту-судью да поставленную!
 Он не плуг был до вас, не лиходейничек,
 Соболезновал об обществе собраном,
 Он стоял по вам стеной да городской
 От этих мировых да злых посредников.
 Теперь все прошло у вас, миновалось!
 Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
 Как найдет ¹ мировой когда посредничек,
 Как заглянет во избу да он во земскую,
 Не творит да тут исусовой молитовки,
 Не кладет да он креста-то по писаному;
 Не до того это пачальство добирается,
 До судов этот посредник достуаает;
 Во потай ² у недоростков он выведывает,
 Уж нет ли где корыстного делишечка,
 Да он так же над крестьянством надрыгається,
 Быдто в роде человек, как некрещеной.
 Он затопает погама во дубовой пол,
 Он захлопает рукама о кленовой стул,
 Он походню по покоям запохаживает,
 Точно вихорь во чистом поле полетывает,
 Быдто зверь да во темном лесу порикивает;
 Тут на старосту скрозь зубы он срыгається,
 Он без разуму рукой ему приграживает;
 Сговорит ему посредник таково слово:
 — Што на ям ³ да вы теперь не собираетесь?
 Неподсудны мировому знать посреднику?
 Непокорны вы властям да поставленным?
 Штобы все были сейчас же на ям согнаны! —
 Как у этих мировых да у посредников
 Нету душеньки у их да во белых грудях,
 Нету совести у их да во ясных очах,
 Нет креста-то ведь у их да на белой груди;
 Уж не бросить же участков деревенских,
 Не покинуть же крестьянской этой жирушки ⁴
 Всё для этих властей да страховитых!
 Назад староста бежит да не оглядывает,
 Под окошечко скоренько постучается
 Он у этих суседей спорядовых,
 Штобы справились на ям да суровёшенько:
 — Как наехала судья неправосудная,
 Мировой да на яму стоит посредничек,
 Горячится он теперь да таково беду;
 Сами сходите, крестьяна, приузнаете,

¹ Наедет.

² Тайно, незаметно.

³ Ям — станция, где прежде (когда еще не было железной дороги) мешали лошадей.

⁴ Жилья, избы.

Со каким да он приехал со известьем,
 Он для податей приехал ли казенных,
 Аль казна его бессчетна придержалася,
 Али цветно его платью притаскалося,
 Аль козловы сапоги да притопталися? —
 Тут на скоп¹ да все крестьяна собираются,
 При кручинушке идут да при великой;
 Тут посреднику в глаза да поклоняются,
 По заочь его бранят да проклинаят;
 Возгорчится как судья ведь страховитая,
 В темном лесе быдто бор да разгорается,
 Во все стороны бив² пламень как кидается,
 Быдто Свирь река, посредничек свирепой,
 Быдто Ладожско великое, сердитое;
 Тут он (в)скочит из-за этого стола из-за дубового,
 Да он сглянет тут на старосту немилым (в)зглядом,
 Тут спроговорит ему да таково слово:
 — Вы даете все повольку³ мужикам-глушцам,
 Как бездельникам ведь вы да потакаете,
 Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
 Да вы подати казенные сполняйте-тко. —
 Мужиченочки дробят⁴ да всё поглядуют:
 Ужель морюшко сине да приутихнет,
 Мировой скоро-ль посредничек уходится,
 За дубовым столом да присядется?
 Буде взыщется один мужик смелугище,⁵
 О делах сказать ведь он да все о праведных,
 Уж так на мужика стане(т) срыгаться,⁶
 Быдто зверь да во темном лесе кидается;
 Да он резвыма ногама призатопае(т),
 Как на стойлы конь копытом призастукае(т).
 Стане(т) староста судью тут угovarивать:
 — Не давай спеси во младую головушку,
 Суровьства ты во рет(л)ивое сердечушко,
 Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
 Едини да все у бога люди созданы;
 На крестьян ты кулаками не насакивай,
 Знай — сиди да ты за столиком дубовым;
 Удержи да свои белы эти рученьки,
 Не ломай-ко ты перстни свои злаченыи;
 Не честь-хвала тебе да молодецкая
 Наступать да на крестьян ведь православных!
 Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!

¹ На собрание.

² Будто.

³ Льготу, поблажку.

⁴ Робеют (может быть: робят?).

⁵ Смелчак.

⁶ Браниться.

Хотя-ж рьян да ты, посредничек, уходишься;
Хоть спесив да ты, начальник, приусядешься.
Окол(о) ночи крестьяна да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессчетную. —
Сговорит да тут посредник таково слово:
— Да вы счастливы, крестьяна деревенский,
Што ведь староста у вас да преразумный! —
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
— Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным;
В темном лесе быдто звери-то съедучни,
В чистом поле быдто змеи-то клеуччи,
Как наедут ведь холодныи-голодныи,
Они рады мужиченка во котле варить,
Они рады ведь живова во землю вконтать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют.
Слава богу-то теперь, да слава господу!
Буря-пáдара ¹ теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло;
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба ² мироедная!

Мы пойдѣмте, мужики, да разгуляемтѣсь,
Ноньку ³ с радости теперь да со весельца;
Настоялись ведь мы да надрожались,
Без креста-то мы ему да все накланялись,
Без исусовой молитвы намолнились... —

.....
Тут мы думали с надежной головушкой,
Как процитывать сердечных малых детушек:
Накопилася станчучка детская. ⁴

Говорила я надежной головушке:
— Да ты съезди-ко на малой этой лодочке,
Хоть во город да ты съезди Повенечкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы покормим-то сердечных малых детушек. —
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой, ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золочные,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Заспало тут седельшко черкасское,

¹ Сильная буря, ураган.

² Власть, непроизводительно поедающая мирские деньги.

³ Теперь.

⁴ Много (станция) детей.

С копыт пыль стоит во чистом поле:
 Точно черной быдто ворон принальства(е)т,
 Мировой этот посредник так наезживал;
 Деревенский ребята испугалися,
 По своим домам они да разбежались;
 Он упал да на любимую смержавушку,¹
 Быдто зверь точно на упадь² во темном лесу.
 Я со работушки победна убиралася,
 Из окошечка во окошечко кидалася,
 Да куда ж мою надёжу полевают?
 Я спросила у спорядовых суседушек,
 Как суседушки ведь мне не объяснили,
 Штобы я, бедна горюша, не спугалася.
 На (с)покой да легли добры эти людюшки,
 Ужо я бедна в путь-дорожку отправлялася,
 Штоб проведать про надёжную головушку;
 Уж как этот мировой да злой посредничек,
 Как во страдную, в рабочу пору-времечко,
 Он схватил его с луговой этой поженки,
 Посадил да он во крепость во великую,
 Он на три садил господних божии денечка,
 На четыре он на летних эти поченьки,
 Отлучилс я што без спросу на неделюшку.
 Тошно плакали сердешные мои детушки,
 Не могла стерпеть победная головушка,
 Я глядеть да на детины горючи слезы,
 Я склонилася в тяжелую постелюшку
 С за этого злодия супостатого,
 Што обидел нас, победных головушек,
 Присрамы да он при обществе собраном,
 Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
 Со стыда буйна голова зашаталася...
 Ворочался как надеженька со крепости,
 В чистом поле неможенье сустигало,³
 На пути злодий-смеретушка стретала.⁴

.
 Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
 Вы не на воду падите-тко, не на землю,
 Не на божью вы церковь, на стросеньце,
 Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
 Вы на этого злодия супостатого,
 Да вы прямо ко ретливому сердечушку.
 Да ты дай-же, боже-господи,
 Штобы тлен пришел на цветно его платьице,

¹ Сдержавушка — ласкательное название мужа.

² На падаль.

³ Постигла болезнь.

⁴ Встретила смерть.

Как безумище во буйну бы головушку!
Еще дай да, боже-господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные,
Прими, господи, ты слезы детей малых!

Причитание записано в 1867 г. в г. Петрозаводске Е. В. Барсовым от знаменитой «вопленицы» Ирины Федосовой, изображенной М. Горьким в романе «Жизнь Клима Самгина» [Е. Барсов. — Причитания Северного края, ч. I, М. 1872, стр. 282—288]. Широко использовал причитания Ирины Федосовой Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Барсов сообщает об Ирине Федосовой следующие сведения: «Ирина — женщина около 50 лет, крайне невзрачная, небольшого роста, седая и хромяя, но с богатыми силами души и в высшей степени поэтическим настроением; речь у ней живая и бойкая; то и дело льются с языка пословицы и поговорки; тринадцати лет она была уже вопленицей, известной по всему Заонежью» (стр. 314).

Приводим часть автобиографии Ирины Федосовой [Барсов, стр. 314—315].

«Родители мои — Андрей Ефимович да Елена Петровна — были прожиточные¹ и степенные, мать — бойкая, на 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула; отец рьяный — буде прокричал, а сердцов не было; был еще брат да две сестры, а в них толку мало; я ж была сурова; по крестьянству — куды какал: колотила, молотила, вела и убирала; сева не наймут, а класца наймут; восьми год знала, на каку полосу сколько сийть; шести год на ухаж лошадей гоняла и с ухажа де мой пригоняла; раз лошадь сплеснула, я пала; с тех пор до теперь хромя. Я грамотой не грамотна, за то памятью я памятна: где што слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила; на придиму беседу отец не спущал, а раз в неделю молча уходила; придю — место сделают у свитца; шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной; грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать — свадьбы играть и мертвым честь отдавать.

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: соседку выдавали замуж, а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: «Кроме Пришки некому». На беседах дала себя знать: бывало там свадьбой играли, и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смел. Писарь волостной был сродник невесте; пристал ко мне и говорит: «Согласись, мы уговорим отца, не выдаем тебя в брань да в ругательство». Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло; стали звать на другую свадьбу; отец и говорит: «Не для чего ее приглашать: ведь, не знает она ничего». — «Как не знает? По зиме у соседке причитала». — Отец возгорчился: «Кто, — скаже, — позволил?» — «Писарь Петр Кондратьевич, — отвечала мать, — да голова Алексей Андреевич». — «Ну, когда этакие лица просят, так пусть; для меня как хочет — дело ейное»...

¹ Зажиточные.

Записывание причитаний велось при самых неблагоприятных условиях. Ирина жила в Петрозаводске; муж ее (второй) был плотником и содержал мастерскую, и Ирина диктовала Барсову свои плачи при шуме и стуке рабочих, отвлекаясь то и дело хозяйственными хлопотами.

Причитания Ирины Федосовой совершенно исключительны по своему поэтическому богатству. Обычные причитания значительно проще. Приводим образцы таких более обычных причитаний.

ПРИЧИТАНИЕ ПО СЫНЕ.

Дитетко мае радимое,
Аставил миня сиротати,
гаревати,
Как в сыром бару какушечку.
Закакует в бару какушечка,
Загарюю я, горька сиротачка,
Аб вас-то, маи дитятки,
Аб вас-то, маи радимые.
Аднем-то я, аднешенька,
Горька-то я, горькешинька,
Не с кем мне думу здумати.

Пришло же лето теплое,
Чижолая работочка,
Как я буду робить,
Сил то моих не хватает,
Не с кем мне пасоветовать.
Хош бы пришло мне на
злачасной денечки
Поговореть с радимой матушкой.
Как-то буду я жить,
Хто меня будет панть-кармить,
Хто меня хоронить будет.

Перед обмыванием:

Ой тресите маева дитетка,
Ой качайте маева дитетка,
Ой мните маева дитетка,
Быват ли не атамну ево!

При обмывании:

Вы, маи падруженьки голубушки,
Пасобите маему горюшку,
Паднять то мне сваево дитетка
На сваи на резвы ноженьки,
По старому бы он был, по прежнему,
Шол бы он то у меня па дароженьке,
Шол бы он да добрым молодцом,
А па паднебесью ясным соколом.
Ни чато то было ни велано,
Ни думала то я, ни гадала,
Што он изменит миня сиротачку.
Ростила то я лелеяла,
Думала: панлец-кармилец будет,
Изменил то маи дитетка,
Изменил мае радимое.

Перед выносом:

Ставай-ка, ставай, мае дитетка радимое,
На сваи на резвы ноженьки,

Абаприся белым рученькам,
 Распечатай уста сахарные,
 Взглени очам ясными,
 Пагавари-ка са мной, дитетка,
 Са мной-то, радимой матушкой,
 Пажалей-ка ты сванх малых детушкох,
 Чижолешенько мне с имя жить,
 С тваим малым детушкам,
 Ане сиротачки горе горькие,
 Без д'радимова сваева батюшка,

■ Поминовение усопших в XVII в.
 (Олеарий. — Описание путешествия по Московии.)

Нехто то их не приголубит,
 Нехто то их не приласкует,
 Греет то сонцо красное,
 Да не как радимай батюшка.

При опускании гроба в землю:

Летит то мае дитетка,
 Па дароженьке по широкой
 Ка звону ка калокольне,
 Да во матушку сыру землю,
 Во сыру землю, в грабову даску.
 Больше то мне ево не видати,

Раставаяю то я с им чижалешенько,
Жаль то мне сваева дитетка.

По возвращении домой:

Падъежжаю то я к сваему телу гнездышку,
Не дома ли мае дитетка,
Приду то в свае тепла гнездышка,
Оведу то очами ясными,
Да не дома ли мае дитетко,
Да не возвратилось ли радимое,
Гля меня то гарькой сиротачки,
Гля сваих то радимых дететкох.
Пустым то пустешенько в маим теплым гнездышке,
Нету маэво дитетка, нету радимаво.

Записано М. К. Азадовским в 1915 г. в с. Хабардине, бывш.
Верхоленского у., от М. И. Кабардиной, свыше 50 лет.

[М. Азадовский. — Ленские причитания, Чита, 1922,
стр. 108—110.]

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖЕ.

(Как только он умрет.)

По сегодняшнему денцику,
По теперешнему времянку,
Ишо што у нас случилосе:
Как пришла да смерть прекрасная,
Голова да нерассудная;
Под окошком не даваласе,
За воротцям не стучаласе;
Подошла да потихошиньку,
Сняла душу полегошиньку.
Я сидела горька-бедная
У трудной¹ больной постеле-
люшки,
У тяжелого зголовьиди;
Караулила я, бедная,
Твою скорую смеретушку.
Я нашла бы бедна, горькая,
Себе плотничков, работничков:
Нарядила бы я, бедная,
Состроить крепости бы крепкии,
Тыны то бы железныи,
Дый воротечки кленовыи;
Ко воротечкам кленовыим
Замочки-то булатныи.
Я поставила бы, бедная,

Ишо сторожа удалого, —
Не пустила б смерть прекрасную
Во наше витое-то гнездышко.
Тут зашла да смерть прекрасная
Во наше витое-то гнездышко,
Тут зашла да смерть прекрасная,
Голова нерассудимая.
Я бы знала бедна-горюша,
Окупила б смерть прекрасную,
Задарила б златом — серебром,
Я бы скатным-то жемчугом.
Как на то да не поладилась,
Я бы прибрала бы, бедная,
Во своем роду несчастном
Человека бы таковского.
Ты не видла, смерть прекрасная,
Взять ни нищего, ни бедного,
Ни калки волочащего,
По подоконью просящего,
Ты увидала, смерть прекрасная,
Моего да милу ладушку,
Да удалую головушку,
У моих у милых детушок
Ты кормильца-батюшку.

[Бывш. Петрозаводский у., Олонецкой губ., ныне АКССР.
Шейн, № 2540.]

¹ Печальной.

+ ПЛАЧ ДОЧЕРИ ПО ОТЦЕ.

Расступися, мать сыра земля,
 Приоткройся гробова доска,
 Распахнися, саван вытканый,
 На лицо рукой покинутый!
 Встань, родимой батюшко,
 Пробудись от сна от крепкого,
 От сна крепкого, вековечного,
 Погляди на нас, желаненькой!
 Поднимись на скоры ноженъки,
 Приласкай руками белыми
 Нас, сироток бесприветненьких,
 Бесприветных, горегорьких.
 Пожалей-ко нас, кормилец батю-
 шко,
 От раденья — ретива сердца.
 Ты приди, кормилец, батюшко,
 Ты приди — пожалуй, родинь-
 кой,
 Во свой новый, благодатный дом

На поветушки тесовые,
 На дворы свои широкие,
 Во избушечки уютные,
 От морозу — в зимы —
 теплые.
 Мы возьмем тебя за
 рученьки
 И посадим, радость милого,
 За столы-то за дубовые,
 За скатерки самобраные;
 И сиди-ко ты, кормилец наш,
 На лавочках-то на тесовых,
 На пробойнях-то на клено-
 выех.
 Мы тебе, кормилец батюшко,
 Все поклонимся низехонько,
 Ниже пояса-то до сырой земли,
 Всяким яствами отпотчуем,
 Наглядимся вдоволь, досыта.

[Бывш. Пошехонский у., Ярославской губ., ныне области.
 Шейн, № 2532.]

ПРИЧТАНИЕ ПО ОТЦЕ.

Ох ти мнѣденьки тошнехонько,
 Сироте мне обиднехонько,
 Подойду я, сиротинонька,
 Своему кормильцю-батюшку:
 — Ты скажи, кормилец-батюшко,
 Ты куда да сподобляешиши,
 Ты куда да снаряжаешиши,
 Ко которому ко праздницьку? —
 На слуху да нету праздницька,
 На слуху нету господнево.
 Хоть не скажешь, кормилец-
 батюшко,
 Я сама да знаю, ведаю:
 Ты сподобляешиши, снаряжа-
 ешиши,
 Ты во матушку сыру землю.
 Ты подумай, кормилец-
 батюшко,
 На ково, да соньде красное,
 На ково ты-обнадеялся?
 Ты оставил мильф детушек,

Ты мою родимую матушку.
 Как не дай, да боже господи,
 Сиротам да жить без
 батюшка.
 Худая жизнь наша сиротская:
 Мы у всяково обижены,
 Нам узка широкая улоцька,
 Нас не греет красно солнышко,
 Не жалеет кормилец-батюшко.

Утром или вечером еще причет:

Подойду я, сиротинонька,
 К своему кормильцю-батюшку,
 Встань, проснись, кормилец-
 батюшко,
 Ты от сна, да ты от крепково,
 Ты открой да очи ясные,
 Отвори уста сахарные:
 Пожалей да сиротиноньку,
 Ты свою да доцьку милую,

Приласкай да словом ласковым.
Колько кликать да не докли-
каться

Своево кормильца-батюшка,
Укрепил да ретиво середе
Крепце камешка горюдево.

Записано Б. и Ю. Соколовыми в 1908 г. в дер. Тереховой-Малаховой, бывш. Белозерского у., ныне Ленинградской обл.
[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края,
М. 1915, стр. 395, ЛМ 329, 330.]

Ср. также причитание, переданное Некрасовым в поэме
«Мороз Красный нос» («Голубчик ты наш сизокрылый» и т. д.).

ЗАГАДКИ.

Загадки — один из мелких видов фольклорных произведений. В основе их лежит аллегорическое («загадочное») изображение того или иного явления или предмета. В доклассовом обществе загадки имели обрядово-магическое значение, впоследствии стали средством развлечения. Различное происхождение загадок проявляется и в самом подборе того, о чем загадывается, и в образах, какими пользуется загадка. Есть, например, такие древние загадки, как о громах и молнии; по содержанию эта загадка мифологическая, и используется в ней образы тура и туриды. Есть загадки, возникновение и оформление которых может относиться только к феодальному или еще более позднему периоду; например, загадка говорит о гусином перьях для писания или даже о железной дороге. Иногда загадка имеет очень простое бытовое значение, но использует сложную форму и «высокие» образы (например, загадка о кочерге и помеле или о мыши, петухе и коте); иногда, наоборот, используются бытовые обыденные образы для загадок с более сложным содержанием (ночь и день, месяц, пон кадит). Некоторые загадки характеризуются особенно богатой разработкой звуковой стороны, например, о сенокосе).

ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ.

1. Поле не меряно, овцы не считаны, пастух рогатый [небо, звезды и месяц].

2. Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица-веретеница; никто ее не поймает: ни царь, ни царица, ни красна девица [солнце].

3. Летит птичка Говорок через барский дворок, сама себе говорит: «Без огня село горит» [восход солнца].

④ а) С вечера сивый жеребец в подворотню глядит, в полночь жеребец через кровлю бежит [месяц].

б) За бабиной избушкой висит хлеба краюшка; собаки лают, а достать не могут [месяц].

5. Заря-зарянца, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, месяц видел, а солнце скрало [роса].

6. Тур ходит по горам, турица-то по долам; тур свистнет, турица-то мигнет [гром и молния].

7. а) Черная корова всех людей поколела, а белая встала — всех подымала [ночь и день].

б) Махнула птица крылом, закрыла весь свет одним пером [ночь].

8. а) Вырос куст из четырех мест; на том кусту двенадцать гнезд, в каждом гнезде по четыре синицы, у каждой синицы по четырнадцати яиц: семь беленьких да семь черненьких [год, месяцы, семидневные недели].

б) Стоит город, в городе двенадцать башен, из каждой башни по четыре окошка, из каждого окошка по семи выстрелов [год, месяц, недели].

КУЛЬТУРА. СОЦИАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

9. Один заварил, другой налил; сколько ни хлебай, а на любую артель еще хватит [книга].

10. Белое поле, черное семя: кто его сеет, тот разумеет [бумага и письмо].

11. Голову срезали, сердце вынули, дают пить, велют говорить [гусиное перо для писания].

12. Бежит конь вороной, много тащит за собой [железная дорога].

13. а) Спереди мужик, а сзади баба [поп].

б) В ельничке густом, во березничке частом олень машет хвостом [поп кадит].

14. а) Голик роши да кузов земли [бедность].

б) Какие люди всегда свободны от гостей? [нищие].

15. Тоненька, беленька, маленька, кругленька, всему свету миленька [серебряная монета].

РАБОТА. ОРУДИЯ ТРУДА.

16. а) Бились поны, перебились поны, перекокались; пошли поны, перевешались [молотьба].

б) Летели дубочки, золоты носочки, летели да говорили: «То-то мы ли! то-то мы ли!» [молотьба].

17. а) На поле ногайском, на рубеже татарском лежат люди побиты, у них головы обриты [снопы].

б) На горе Туманове лежат люди побитые; у тех людей горисцы, у горисц куковатицы; пришел путемлик, взял куковатицу; горисца побежала за Герасимом, Герасим за путемликом отнять куковатицу [снопы в поле, жницы, дети, волк, муж].

18. Скрышит скрышица, едет дарица, просится почевать: «Мне не век всковать, одну ночь ночевать; придут растопордики, разломают мои косточки, тело в вал бросят, а душу в рай стащат» [снопы на телеге].

21. Летят гуськи — дубовые носки, шейки кожаные [щепы].

22. Скоро ест, мелко жуёт, сама не глотает, другой сыт бывает [пила].

23. Два волка бежат, сами на небо глядят: се тот, се другой наперед забегают, а друг от дружки убежать не могут [лыжи].

ИЗБА. ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО.

24. Два кума Абакума, две кумы Авдотьи, шесть Фалалеев да десять Андреев [сани].

25. а) Тон да тотонок [пол и потолок].

б) Кум с кумой водятся, а близко не сходятся [пол и потолок].

26. На окошке пятак, никому его не взять: ни попам, ни дякам, ни гороховикам [сучок].

27. а) Черненька собачка свернувшись лежит; не лает, не кусает, а в дом не пускает [замок].

б) Узелок, Кузьма, развязать нельзя; имячко хорошо: Алексеем зовут [замок].

в) Не трогаешь — так не говорит, затрогаешь — заговорит [замок].

28. а) Два Анисима, четыре Максима, седьмая Софья [стул].

б) С ногами — без рук; с боками — без ребер; с сиденьем — без живота; со спиной — без головы [стул].

29. Был я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре, молод был — людей кормил, стар стал — пеленаться стал, умер — мои кости негодящие бросили в яму, и собаки не гложут [горшок].

30. Царица Клюковида по полю скакала, красно золото зобала. Пришел дарь Космач и говорит: «Бог помочь, царица Клюковида, красно золото зобать!» Она говорит: «Молчи, дарь Космач, и тебе то же будет» [кочерга и помело].

31. Чудо чудом сошлось кругом: дыр много, а выскочить некуда [решето, а также сито].

32. В лесу тяп-тяп; дома ляп-ляп; по краешкам: тпрусьеньки! в середке: ну-ну! [сито].

33. Сипенька, маленька, по городу скачет, всех людей красит [игла].

34. Футка да фатка, футунди, футундак да две футеницы [шапка, шуба, зипун, кушак, рукавицы].

35. У бедного толсто, у богатого тонко, всегда при себе [рубашка].

36. Комовато, поздревато, и губато, и горбато, и тяскло, и кисло, и пресно, и вкусно, и красно, и кругло, и легко, и мягко, и твердо, и ломко, и черно, и бело, и всем людям мило [паравай].

37. Возьмет черно, нальет красно; пан кричит: «Сладко!», мужик кричит: «Гадко!» [чай].

ОВОЩИ. ЗЛАКИ.

38. Сидит баба на грядках, вся в заплатках; кто ни взглянет — тот заплачет [луковица].

39. Стоит поп низок, на нем сто ризок [капустяк].

40. Ни окошек, ни дверей, полна горница людей [огурец].
41. Сидит девица в темной темнице, коса на улице [морковь].
42. Кругла, да не деньга; красна, да не левка; с хвостом, да не мышь [репа].
43. Красненьки сапожки в земельке лежат [свекла].
44. Стоит сто столбов, у ста столбов сто колец, у ста колец сто коней, у ста коней по сту узд, у ста узд по сту кистей, у ста кистей — сто вестей [хмель].
45. На поле ногойском, на рубеже татарском стоят столбы точеные, головки золоченые [рожь].

ЖИВОТНЫЙ МИР.

46. Харитоновна жена под тыном шла, семьсот рубах нашла; ветер подул, все рубахи раздул [курица].
47. Из семидесяти листов подается ясный голосок в темный лесок и в высокий теремок [петух].
48. Был Хлопун, у Хлопуна была Оксинья; пришел Самсон, уташил у Хлопуна Оксинью; прибежала Трясучка, сказала Хлопуну. Хлопун сел на Хомутницу, поехал Самсона догонять, Оксинью добывать [пастух, свинья, волк, собака, лошадь].
49. Выходила красная девица, русая косица, из-под каменной горницы. И увидала дара Будимира и спрашивала его: «Царь Будимир! Где наш царь Урлап?» Он ей отвечал: «Ваш царь Урлап на каменных горах, с каменных гор на подолище сошел; с подолища на греми-дерды, на греми-дердах проживание имеет». Девица говорит: «Ох, я дарю своему не покажусь, опять в свою землю заберусь!» [мышь, петух и кот].
50. Летит птица: нос долог, голос звонок, и кричит: «Была я, была у цари в Москве, у короля в Литве; цари меня боялись, в палаты запирались. Только я не ела рыбы в море, птицы на большой воле!» Кто эту птицу убьет, тот свою кровь прольет [комар].

[Д. Садовников. — Загадки русского народа, СПб., 1901.]

ПРЕДАНИЯ, БЫВАЛЬЩИНЫ.

Преданиями называют такие рассказы, которым придается значение рассказов о подлинной действительности; в народной среде такие рассказы часто называют «бывальщинами», «быличками», «быльями», «правдошными».

Среди преданий можно выделить этнологические легенды, т. е. рассказы о происхождении различных явлений (о происхождении мира, о происхождении гор, о происхождении тех или иных животных или их свойств и т. п.). Далее к числу преданий относятся рассказы о леших, водяных, домовых и прочих духах-божествах, рассказы о ведьмах и колдунах, о мертвецах. Подобные рассказы являются отражением древних верований и в основе своей могли возникать в весьма ранние эпохи.

С верованиями связаны также рассказы о кладах, но эти рассказы нередко связываются также с именами конкретных исторических лиц (например, Степана Разина) и с конкретными местностями и таким образом являются переходом к преданиям исторического и территориального характера (собственно исторические предания мы помещаем ниже в разделе «Исторические песни и предания»).

По своему изложению предания обычно характеризуются простотой, отсутствием украшенности и установкой на «фактичность» повествования (имена лиц, названия местностей и пр.).

I. ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ.

(Рассказы о происхождении.)

1. О МИРОТВОРЕНИИ.

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваоф¹ на землю и спросил: «Кто zde e?» И откликнулся Сатана и рек: «Я zde e».

И спросил Саваоф сатану: «Есть ли где земля, не видал ли?» — «Есть на дне моря», отвечал сатана. — «Сходи же на дно моря и достань землю».

¹ Бог.

Обернулся сатана гоголем, нырнул на дно морское и в рот земли напихал. Но поколь оттоль воздымался, водой размыло землю, и он вынырнул ни с чем.

Саваоф послал его другожды. Но и на другой раз то же случилось. Стыдно стало сатане, а Саваоф его укоряет и говорит: «Немощен, брат, ты. Иди в третий раз, да вот на дне морском увидишь пконудеву с младенцем, на камени стоящу; благословись у младеня и тогда возьми земли».

Нырнул сатана в третий раз: сделал так, как велел ему Саваоф, и принес земли. Взял Саваоф эту землю и рассеял в восточную сторону, и стала чудная прекрасная земля. И спросил Саваоф сатану: «Вся ли тут земля?» — «Вся», сказал сатана, а сам держит частичку за щекой. А земля за щекой стала расти-прибывать, а щеку стало раздувать.

Видит сатана, что не обмануть ему Саваофа: взял да рассеял ту землю в северную сторону, и стала тут земля холодная, каменистая и нехлебородная.

[Е. В. Барсов. — Народные предания о миротворении. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. IV, Материалы историко-этнографические, 1886, стр. 1—2.]

Барсов называет этот рассказ «северорусским». Для сравнения приводим мансийский (вогульский) рассказ:

Как землю выловили.

Две гагары вниз слетели ^{откуда?} Одна большая, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

Большая гагара в воду нырнула. Нырела, нырела, долго нырела, коротко нырела, на поверхность выплыла. Ничего не принесла, дна не достала. Тогда малая гагарка нырнула. Нырела, нырела, наконец наверх поднялась; тоже ничего не достала, до земли не дошла.

Большой гагаре гагарка говорит: «Давай вместе нырнем!» Нырнули обе. Плыли,плыли, дыхание сдавило, назад вернулись. Выплыли, подышали немного и снова нырнули. Глубоко спустились, до дна все же не дошли, дыхание сперло. Снова вернулись. Выплыли, отдышались и в третий раз нырнули. Долго спускались, наконец все-таки до дна дошли. Кусочек земли подхватили, в обратный путь пустились.

В этот раз уж очень долго гагары под водой пробыли. Дыхание у них так сперло, что когда наверх выплыли, у большой гагары из груди воздух вырвался, и кровь потекла. Оттого теперь у гагары кровь красная. У малой гагарки из затылка кровь потекла, и теперь у всех малых гагар затылок красный.

Землю на воду положили. Начала земля расти. Скоро с подошву величиной стала, а потом такой выросла, что человеку на ней лечь можно. И все больше и больше растет.

[В. Чернецов. — Вогульские сказки, Л. 1936, стр. 23—24.]

Про гагару.

Амака¹ сделал воду и пустил на нее птиц. Птицам плодиться нужна была земля. Амака призвал к себе гагару и сказал: «Укон, ты умеешь нырять лучше всех. Ныряй и со дна достань мне песок, а я сделаю из него землю (сушу)».

Гагара нырнула, достала песок, но не отдала его Амаке. Она сама хотела сделать землю. Амака рассердился на гагару. Он позвал к себе гоголя и сказал ему: «Момуро, ты умеешь нырять хорошо. Достань мне со дна песок. Из него я сделаю землю».

Гоголь достал из воды песок и отдал его Амаке. Амака сделал землю, поймал гагару и наказал ее. Он вырвал у гагары ноги из живота и воткнул их к хвосту, чтобы она не умела ходить по земле; а голову гоголя украсил длинным перышком.

Записано осенью 1923 г. на реке Чавида; рассказал Мароненок.
[М. Ошаров. — Северные сказки, Новосибирск, 1936, стр. 15.]

2. О ПРОИСХОЖДЕНИИ РАКОВ, ТРЯСОГУЗКИ И КУКУШКИ.

Одна была девочка, 12 лет. Ходила она в пруд купаться, со своим подружкам. Подружки вышли, оделись, — у ее одежды нет. — «Ну, идите, как-нибудь разыщете одежду».

Выходит жмей из воды: «вот ваша одежда; пойдите же за меня взамуж?» — «Как я пойду? Ведь мне нельзя идти!» — «Ну, скажи слово, што пойду!» Она сказала, што «пойду». Оделася, приходит домой.

Назад тому проходит четыре года. За одново господина (ее) просватали. Про это дело жмей услышал. Пошел до ее, украл эту девочку. Жоних приезжает — объясняют ему. Потужили этому горю. Нехто не мог пособить.

Прожила она в пруду три года, прижила себе мальчика и девочку. Выпросилася на госьти на родину — от жмеея. Отпустил он ее. Приходит блись дому своево; увидала мать в окно, стритила хорошо ее. «Где, дочка, проживаешь?» — «Там и там проживаю я». — «Как приходишь, разговариваешь с ним?» — «Я приду: жмей, жмей, отвори мне дъвери! То вода раздваиваетца, оказываецца калдор; лисьница кругая».

Мати сжалилася, взяла шашку, дошла до пруда; голос полде(?)—дила, как и дочька разговаривала: «зьмей, отвори мне дъвери», говорит. Отворил змей дъвери. Она шашкой все головы сънесла. Вода кровьей змутилася. Приходит назать. «Ну, я тепере от етые напасты тебя освободила! Не пойдешь тепере туда».

Доци услышала разговор, заплакала, не стала завтрику дожидать — взяла мальчика и девочку и потом она заревела: жмей не жив. Кричит: «сынок, будь ты несчастной на век тепере. Ударийся о землю

¹ Почтительное название обожествляемого медведя и вообще высшего доброго божества.

и делайся воденым раком. Отныне до веку ползай! А ты, дочка, ударяйся о землю, сделайся плившкой¹ — лети на век порхай. А я ударюся о землю — сделаюсь кокушкой, полечу на весь век коковать. Мы все будем в поминке. Тебя, сынок, будут дворяна поминать, а меня хресьяна».

Записано Д. К. Зелениным от крестьянина дер. Семенки, бывш. Вятского у., ныне Кировской обл., в 1908 г.
[Д. К. Зеленин. — Великорусские сказки Вятской губ., Пгр., 1915, стр. 333—334, № 107.]

3. О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОЗЛА.

Бог человека по своему образу и подобию создал, и чорт тоже захотел сделать: написал и вдунул свой дух. Выскочил козел рога-тый — чорт его испугался и попытался от козла. С тех пор он и боится его. Вот почему в конюшнях козла держат, и на коноводных тоже, где бывало пар до ста лошадей, всегда козла держали. Он — чортов двойник.

Записано от П. С. Полуэктова в г. Симбирске (ныне Ульяновск).
[Д. Н. Садовников. — Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884, стр. 251, № 82.]

II. РАССКАЗЫ О ЛЕШИХ, ВОДЯНЫХ И ПР.

1. ПРО ЛЕШЕГО.

а)

Нашишки мужики не одна в лесу Лешего видали, как в ночное ездили. Он месячные ночи больно любит: сидит, старик старый, на пеньке, лапти поковыриват да на месяц поглядыват. Как месяц за тучку забежит, темно ему, знашь, — он поднимет голову-то, да глухо таково: «Свети, све-тило», говорит.

[Д. Н. Садовников, стр. 227, № 68г. Записано от Абрама Новопольдева.]

б) *Шаньга.*

А то раз заночевал человек в лесу. Сидит у костра да шаньгу ест. И вдруг слышит и треск, и гром — идет кто-то. Посмотрел это он, а лесовик идет, а перед им, как стадо, и волки, и медведи, и лисы бегут. Так и лоси, и зайцы, и всякое зверье лесное. Как же он испугался — и боже мой, а тот к нему подходит:

— Что, — говорит, — человек, шаньги дай кусочек.

Дал он ему шаньги половинку. Тот давай ломать да зверям давать, так и шаньга у него не уменьшается. И волки сыты, и медведи сыты, и зайцы сыты. Вот лесной и говорит:

— Ты домой иди, не бойся, если волки тебя стретят, ты им скажи: шаньги моей кушали, а меня не трогайте.

Ну он и пошел, а звери за ним. Тот человек тоже домой пошел —

¹ Трясогузкой.

жила у него вся дрожала. А бегут ему стрету волки, таки страшены — сейчас съедят. А он и скажи:

— Мою шапгу купали, а меня не троньте.

Ну они и убежали. Так он и домой пришел. И зверя никакого не боялся.

Записано в дер. Немнога на Пинеге от П. Д. Патрикеевой, 64 лет.
[И. В. Карнаухова. — Сказки и предания Северного края,
изд. «Academia», 1934, стр. 219, № 116.]

2. ПРО ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО.

В одном лесу глухое озеро было. В озере Водяной жил, а в лесу Леший, и жили они дружно, с уговором друг друга не трогать. Леший выходил к озеру с Водяным разговоры разговаривать; вдруг лиха беда попугала: раз вышел из лесу медведь, и давай из озера воду пить; сом увидал да в рыло ему и впелся. Медведь вытащил сома на берег, загрыз его и сам помер. С той поры Леший раздружился с Водяным и перевел лес выше в гору, а озеро в степи осталось.

Записано в Симбирске (ныне Ульяновск).
[Садовников, стр. 226—227, № 68а.]

3. ДОМОЖИРИХА.¹

Как в дому несчастье буде, так доможириха под полом плаче. Уж ходи не ходи, уж роби не роби, уж спи не спи, а все слышать будешь. Вот как у меня хозяйин-то помереть должен, все я слышала, будто плачет кто, так жалобно. Знамо доможириха дюла.²

А как в дому прибыток будет, уж тут доможириха хлопочет — и скотинку пригладит, и у кросон сидит.

Вот я раз ночью выйтить хотела, встала, смотрю месяц светит, а на лавки у окоска доможириха сидит и все прыдет, так и слышно нитка идет: «дзи» да «дзи», и меня видала, да не ушла. А я сробела, поклонилась ей да и говорю:

— Спаси бог, матушка.

А потом вспомнила, как меня мать учила относ³ делать. Взяла шанечку да около ей и положила. А она ничего — все прыдет. А собою, как баба, а в повойнике. Только смотреть все-таки страх берет. А она ничего — все прыдет. И много у нас тот год шерсти было, так мы поправились, даже сруб новый поставили.

Записано в дер. Засурье от А. Е. Черноусовой, 54 лет.
[И. В. Карнаухова, стр. 164, № 79.]

4. ПРО БАНЮ.

Одна девка бесстрашная в баню пошла. «Я», — говорит, — «в ней рубаху сошью и назад вернусь». Пришла в баню, углей с собой

¹ Домовиха.

² Чулла.

³ Приношение.

взяла, а то ведь не видать ничего. Сидит и раздувает их. А полупочное время. Начала наскоро рубаху сметывать, смотрит, а в корчаге угля маленькие чертенята раздувают и около нее бегают. Она шьет себе, а они уж кругом обступили и гвоздики в подол вколачивают. Вот она и начала помаленьку с себя рубаху спускать с сарафаном, спустила да в сшитой рубахе и выскочила из бани. На утро взошли в баню, а там от сарафана одни клочья.

Записано в Симбирске (ныне Ульяновск).

[Садовников, стр. 230, № 69а.]

3. ПРО ЗМЕЯ.

В селе Никольском у бабы от змея сын родился, черный, с копытами и глаза без век, на выкате. Мужики думали, думали, да и убили его, а после в землю зарыли.

Записано в Симбирске (ныне Ульяновск) от П. В. Чегодаева.

[Садовников, стр. 237, № 71в.]

III. РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ.

СОЛДАТ И ЕГО ЖЕНА ВЕДЬМА.

Солдат рассказывал:

Служил в Саратове один солдат на службе. Состоял на квартире у одних старухи. У ней была дочь уже невеста, красивая собой. Вот солдат и слюбился с ней. Потом через несколько месяцев женился на ней. Тесча старуха померла. Он и жил вводем со своей женой; военную службу исполнял, а жил на квартире у себя дома, так как в то время солдаты более стояли по квартирам, а не в казармах.

В летнее время раз он после обеда лез отдыхать. Жена его прибрала все в комнате и стала нарежатица.

Он смотрит. «Куда же она собираетца?» думает. Наредилась совсем, подходит к полочке, взяла маленькую скляночку и чем-то из нее помазала себе нос. Обернулась сорокой и вылетела в трубу на волю, и улетела. Солдат, немного думая, стал с лавки, подошел к полочке и помазал себе нос. Вдрук, и сам не знает почему, обернулся сорокой и выскочил в трубу и полетел. Летел да летел, долетел до какова-та острова на море. И стал спускатица на землю. Только коснулся земли, и, сам не зная почему, сделался опять солдатом.

Идет по острову, вдрук ему востречу попала жена. «Ты куда?» спросила она. — «А я и сам не знаю, как попал сюда». — «Убирайся поскорее отсюда, а то прилетят мои подружки-ведьмы и тебя съедят!» — «Как же я пойду, когда кругом море?» — «Да вот, я дам тебе коня». Она начертала на земле пальцем рисунок коня, и вдрук перед ней очудился вороной жеребец. Посадила она мужа на этого жеребца и наказала ему: «Смотри не тпрукай, а то плохо будет!» Он сел на коня и поехал. Смотрит: у коня под

погами вода, а бежит он, воды не касаясь. Переехали море. Доехал солдат до лесу, конь стал подниматься выше, и лес уже обривался у него под ногами.

Солдат увидел свой город (Саратов) и думает: «Неприменно меня конь увезет не ладно». Посмотрел есчо: город даже стал оставатца позади. Взял солдат да и стпрукал: «Тиру!» говорит. Вдрук очудился в огромном лесу: кое-как и вышел. Полгода вокурат шол только до городу Саратова! Вот сколь далеко не доехал!

Записано в 1908 г. от Г. А. Верхорубова, крестьянина дер. Ключи, бывш. Котельнического у., ныне Кировской обл. Ср. с этим рассказом стихотворение Пушкина «Гусар».

[Д. К. Зеленин. — Названный сборник, стр. 67—68, № 15.]

IV. РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ.

1. ОТЕЦ И СЫН.

Служил солдат на службе и отслужил свой срок. Приходит домой вечером, посмотрел в окно: горит огонь, и на столе подан обед. Приходит в избу и начинает есть. Выходит из другой комнаты отец и говорит сыну: «Почто мой обед ешь? Я тебя съем!» — Сын, понятно, думает, что он шутит. Но отец и говорит: «Я умер. Меня не могли увезти в село, потому что лошади не могут меня везти; а надо бы привязать петуха и собаку, они увезут. А хоронить меня надо: стоит береза у нас на поле; ее выкопать, и там будет дыра сквозь землю; туда меня и бросить... Ну, а теперь давай я тебя, сынок, буду есть».

Сын стал просить, чтобы он дал хотя повидать братьей; но отец говорит, что их дома нет. Тогда сын стал просить его, что хотя бы он дал ему сходить в ледник и напиться молока. Это отец ему позволил. Вот пришли в ледник. Отец стал в двери, а сын ушел к яме и уже собирается пить. И ту минуту зашел петух, и тут же еретник упал мертвый.

Обрадованный сын духом пустился бежать к братьям, так как они были в деревне. Братья обрадовались солдату и говорят: «Был дома: как тебя отец не съел?» — «Ох братцы, я его ухаю!»¹ — Тогда собрались братья. Привязал солдат собаку и петуха, а березу уже ране выкопал. Да как крикнет, только голова заваяла, как его потащили и прямо в яму.

Записано в 1908 г. от А. Х. Селезнева, крестьянина дер. Ключи, бывш. Котельнического у., ныне Кировской обл.

[Зеленин, стр. 204, № 67.]

2. ДВА МЕРТВЕЦА.

За одним мужиком с кладбища мертвец гнался в поле. Мужик на силу доехал до деревни, да в чужую избу и метнулся, а в ней огонек светил. Забежал в чужую избу и лег на печь; а в избе, на столе, другой мертвец лежал. Все давно спали, только спусти

¹ Убил.

несколько времени, в избу через окно ворвался другой мертвец, что за мужиком гнался, и давай с этим мертвецом драться. Дрались, дрались; пропели петухи, — один в окно выпрыгнул, а другой на стол лег. Утром мужик рассказал, что за ночь видел, как мертвецы дрались, и как покойник поднимался со стола, а после опять лег. Взглянули, а он лежит-то не по вчерашнему: в крови, платье изорвано, и не на спине. Все признались, что он у них колдун был; взяли похоронили его; в зад осиновый кол заколотили, пятки подрезали, да щетиной присыпали, чтобы после смерти зря не шатался, да добрых людей не пугал. Ну, после этого перестал.

Записано в Симбирске (ныне Ульяновск).
[Садовников, стр. 238, № 72в.]

V. РАССКАЗЫ О КЛАДАХ.

1. ПРО ИВАНОВ ЦВЕТ.

Один парень пошел Иванов цвет искать, на Ивана на Купалу. Скрам где-то евангелие, взял простыню и пришел в лес, на поляну. Три круга очертил, разостлал простыню, прочел молитвы, и ровно в полночь расдвел папоротник, как звездочка, и стали эти цветки на простыню падать. Он поднял их и завязал в узел, а сам читает молитвы. Только откуда ни возьмись медведи, начальство, буря поднялась... Парень все не выпускает, читает себе знай. Потом видит: рассветало и солнце взошло, он встал и пошел. Шел, шел, а узелок в руке держит. Вдруг слышит — позади кто-то едет; оглянулся: катит в красной рубахе, прямо на него; налетел, да как ударит со всего маху — он и выронил узелок. Смотрит: опять ночь, как была, и нет у него ничего.

Записано в Симбирске (ныне Ульяновск).
[Садовников, стр. 246, № 75.]

2. ЗАКЛЯТЫЙ КЛАД.

Старик один в подполье клад зарывал, а сноха и видела. Вот он зарывает и говорит: «Чьи руки зароят, те руки и отроют». На другой день старик и помер. Сноха стащила его мертвого в подпол и давай его руками клад отрывать да приговаривать: «Чьими руками зароется, теми и отроется! Чьими руками зароется, теми и отроется!» Ей клад то и дался.

[Садовников, стр. 361, № 112в.]

ЛЕГЕНДЫ.

Легенды — рассказы церковно-религиозного или моралистического характера. Церковные представления соединяются в легендах с нецерковными и даже антицерковными, и легенды приобретают иногда антицерковный, антипоповский характер (такова, например, легенда «Клад», остающаяся религиозной, но обличающая поповскую жадность). Показ бога и святых нередко является чрезвычайно реалистическим, снижая тем самым значение религиозных представлений (такова, например, легенда о том, как апостол Петр был дважды избит пьяной и сварливой женщиной); благодаря этому некоторые легенды могут служить материалом для антирелигиозной работы.

Нередко в легендах отчетливо звучат и ноты социальной борьбы, как, например, в легенде о разбойнике, направленной против помещиков, кулаков, купцов. Но в настоящее время жанр легенды используется главным образом остатками кулачества, приверженцами поповщины, создающими легенды о всевозможных «чудесах», «пророчествах» и пр.

1. АНГЕЛ.

Жили муж с женой; жена забрюхатела и родила двойни, двух мальчиков. Господь призвал ангела. «Ангель, полетай, вынь из этой жёнки душу!» Ангель прилетел к женщине, полетал, полетал, жалко вынуть душу: двое мальчиков родились, куды юноши денутся? Опять к господу полетел. Прилетает ко господу, спрашивает его господи: «А что, ангель господень, вынул душу из женщины?» Отвечает ангель: «Нету, господи!» — «Что ты не вынул?» — «Пожалел, господи: она двойни родила: чем они без нее будут кормиться?» Опять господь посылает его: «Ступай, ангель, вынь!» Опять ангель господень полетел. Она крепко нездорова лежит; они круг ее ползают. Ангель господень и пожалел, и опять ко господу полетел. Спрашивает его господи: «Что, ангель, вынул душеньку?» — «Нету». — «Ступай на трудну землю, коли меня не слушаешь!» Ангель сошел на трудну землю и сказал господу: «А когда я, господи, господи, буду на

небесе?» — «Когда ты меня на земле увидишь». И сослал господь ангеля на трудну землю, а за юношами смерть послал. Юношей у матери смерть умертвила¹ и женщину на небеса ко господу представила, а юноши остались на земле, а ангель сошел на землю за человека.

Сошел господень ангель на землю и пристал в городской мужской монастырь и так верно служил, и по певню был удивительный. Долго ли, мало ли послужил (лет двадцать будет), была ему полная доверность, за игумена всем монастырем повелевал, на базары ходил и все, что требуется, закупал. Старше его не было; был один помощник, и постоянно он с ним на базар ходил. Этому делу время много прошло. Так крепко богу он в монастыре молился, что думать нельзя. Пошли они раз с помощником в монастырь, что надо купить. Выходят из монастыря и восходят на протувёр — идут два молодых офицера. Ангель между их проскочил, одного левым локтем пырнул, а другого — правым, индо они оба пошатились и на него обернулись, и говорят между себя: «Гляди-ка, игумен пьяный!» И пошли дальше; а помощник и говорит: «Что, — говорит, — брат, ты делаешь: ведь это офицеры; как ты их пыряешь?» — «Да, кака беда! Я за них-то и сейчас страдаю». И дальше пошли. Шли, шли и лежит величайший камень на дороге. Игумен захватил его, грох в господень дом, в крышу, индо весь дом затрясся. Послушник его и думает: «Что это он?» — «Пойдем-ка с тобой в обжорный ряд, маёшечко закусим!» В обжорный ряд не пошли, а в трактир зашли и сказали хозяину: «Сделай нам селянку!» Хозяин селянку устроил. Только было они сели трапезовать, и сидят в трактире два мужичка. Они год вместе работали и делят деньги по правде: «Это — тебе рупь, это, брат, мне рупь!» Крепко работали, не облыгали: лишнего не берут при дележке. А промежь их сам господь сидит. Ангель господень его тут и увидал, и селянку не потреблял. Пришел в монастырь; приходит и подручный и стал жалобу произносить, кто в монастыре преосвященного больше. «Я, — говорит, — с ним на базар не пойду на утро». — «А что?» — «Нельзя: он озорничат». Ангель и говорит: «А чего я съозоровал?». Помощник и сказал ему: «А зачем ты офицеров растолкал?» — «Да, каки офицеры-то, беда! Я вот ангель господний, да за них тридцать лет страдаю: на земле живу. Они — от женщины. Меня господь два раза посылал из ихой матери душу вынуть; я из ихой мамыньки душу не вынимал: их пожалел, да через них тридцать лет страдаю. Они остались малые, а теперь в ученье вышли!» — «А вот тут мимо дому-то шли, ты камень-то зачем бросил?» — «Тут на дому-то дьявыл сидит, я дьявила расчиб». — «А что вот в трактире ты селянку-то заказал, ты деньги-то отдал, а селянку-то не хлебал?» — «Тут нельзя мне хлебать, тут два мужика работали год вместе и делят деньги по правде, а промежь их сам господь сидит, а ведь я ангель господний, вот за этих мальчигов страдаю».

¹ Здесь явное недоразумение у рассказчика: смерть умертвила не юношей у матери, а мать у юношей.

Они этому делу не верят. Игумен говорит: «Начинайте обедню служить». Как иже херуфим занели, он хорошо занел, крылышками захопал и на тот свет полетел. Только они его и видели.

Записано Д. Н. Садовниковым от Абрама Новопольцева.
[Садовников, стр. 231—233, № 84.]

Аналогичный сюжет обработан Л. Толстым в рассказе «Чем люди живы».

2. РАХ РАЗБОЙНИК.

Один разбойник много душ губил. Стоит раз в лесу, возле мертвого тела (только что убил человека), вдруг ему кто-то и говорит: «Брось это! Нехорошее дело людей убивать». Овернулся, смотрит: пустышник-старичок стоит. — «Да я, — говорит разбойник, — ничего больше не умею делать». — «Великий грех! Спасай свою душу, пока время!» говорит старичок. «Да чем же я ее спасу?» — «На, вот тебе два замочка!» Взял и продел ему по замочку в уши, а ключи себе взял: «Поди на горы, белых овед там найдешь: паси их. Когда замочки из ушей у тебя выпадут, тогда, значит, ты душу спас».

Разбойник все так и сделал, пошел на горы, нашел там овед и стал их пасти. О худом он вовсе забыл и много лет пас, а замки все в ушах. Вот раз видит он, едет большой дорогой кулак-купец, и думает себе разбойник: «А что, сколько этот купец из мужиков денег выжал? Все на него жалуются... Рады бы все деревни были, кабы его не было... Хорошо его убить!» Как подумал, так и сделал: купца зарезал, а деньги, которые с ним были, по всем окрестным деревням рóздал. И испугался разбойник, что опять старый грех совершил: человека убил. Глянул себе под ноги, а замочки из ушей выпали, на земле около ног лежат. И подошел к нему старичок и сказал: «Ты не человека убил, а свой грех».

Записано Д. Н. Садовниковым от И. Д. Иванова, с. Новиковка, бывш. Ставропольского у., Самарской губ., ныне Куйбышевской обл.

[Садовников, стр. 300—301, № 99д.]

Аналогичный сюжет обработан Некрасовым и введен в поэму «Кому на Руси жить хорошо» в виде повести старца Ионушки «О двух великих грешниках».

Для сравнения приводим украинский и белорусский варианты (в переводе).

а) Был разбойник, убивал все людей, годов, может, двенадцать. Пришел однажды к батюшке, поздоровался. «Хочу, — говорит, — открыть вам грехи: так и так — я 12 годов убивал людей, разбивал, а теперь пришел, чтобы вы спасли мою душу от грехов». Вот батюшка взял и наложил на него 12 камней. «Неси, — говорит, — эти камни, пока не отпадут, а как отпадут, тогда и грехи твои отпадут». Несил, носил тот камни, должно быть, лет пять, даже в тело врезались от тряски, так как были навешены поперек и сквозь. «Умру, должно быть, с этими камнями». Ходит день, ночь, все ходит, говорит: «Либо умру, либо отстрадаю грех, пойду в ночи, куда глядят очи; может еще ночью отпадут». Идет и слышит — гам, крик раздается где-то. «Пойду туда, — думает, — посмотрю; все равно умирать, один раз мать родила, однажды и умирать». Приходит на кладбище, а там сипака¹ пьяный напился, нагнавши людей в селе на панщину, пришел еще и мер-

¹ Барский управляющий.

твоих колошматить. «Вставайте, — кричит, — таки-сяки души, будет лежать-то, идите на работу!» Да палкой стук, стук! — «Да ты чего это? Гонял-гонял живых-то, еще и мертвых пришел?» Стали драться: то этот ударит того, то тот этого. Разбойник как ударит спяку камнем, так и убил его. А камни вдруг и отпадали с него. «Что же мне теперь делать?» думает разбойник, а камни все отпадают. «Пойду к батюшке, что он мне скажет!» Приходит. «Так и так, — говорит, — что мне теперь делать?» — «Ну, — говорит батюшка, — отпали от тебя твои грехи, перешли на другого, более грешного, чем ты».

Записано в бывш. Чигиринском у., Киевской губ., ныне Киевской обл. УССР.

[«Киевская Старина», т. X, 1884, стр. 175.]

б) Жил на свете очень большой грешник. Такой грешник, что не было того греха, какого б он не согрешил. Такой был злодей, какого и свет не видал: он крад и разбой чинил, губил людей без покаяния. Бога даже забыл, черту душу продал; чаровал во время воровства, оборачивался волкодаком, пускал моровые поветрия — и не было счету его грехам. Пришлось ему помирать. Тут такой страх его обнял, что не могла его душа покинуть тело. Нет ему смерти, да и только. Вспомнил он тогда бога. Захотел исповедаться, душу очистить. Сколько ни приводили к нему попов, ксендзов, — как расскажет им свои грехи, — не дают отпущения. Такой он был грешник. А смерть все не приходит, а душа его мучается, с телом не может разлучиться.

Родзал он свое богатство убогим и пошел на свету искать такого угоdnика, который замолил бы его грехи, разлучил душу с телом. Идет, расспрашивает... Посоветовали ему люди доведаться к одному пустыннику, что делую жизнь жил в пустыне, постился, ел только хлеб с водой, молился — душу спасал и угоден был богу. И пошел он к нему. Приходит. «Так и так, — говорит, — я даже великий грешник, спаси, — говорит, — меня, исповедуй. Ты — угодный богу, — можешь отпустить мои грехи». Стал исповедываться. Выслушал его тот пустыжник и сказал: «Ты такой грешник, что тебя смерть не возьмет, земля не примет, покуда ты свои грехи на этом свете не отстрадаешь, покуда ты не сделаешь столько добра, чтобы оно перевесило твои грехи. А до тех пор ты будешь мучиться на этом свете».

И пошел тот грешник заслуживать спасения. Ходил он по обетам, ходил на коленях, морила голодом свое тело, занимался к сердитым господам на работу, чтобы его били, ложился за других под розги, служил хворым и убогим, — смерть не приходит... И так прошло много лет. Раз идет он полем. Идет и проклиная свою долю... «Доколе я буду мучиться?» думает он. А был первый день пасхи. Идет он и видит много, много народу на поле — пашут, боронят. «Что ж бы это значило? — думает он. — Первый день пасхи, такой святой день, что и птички празднуют — гнезд не выют, а тут народ крещеный зевает». Подходит ближе — видит: войт между работниками, кричит и нагайкой их подгоняет. Те плачут, жалуются: «Что это, — говорят, — ты насмеяешься над нами. Неужель у тебя в сердце нет бога? Бьешь нас, мучаешь в будни да и святой день не даешь отдыху... На вот, и сегодня, в Великий день, вышел на пригон!» А войт ревет, словно помещанский, дупит нагайкой. Глядел, глядел тот грешник: «Во, — думает, — окаянный, не хуже меня. Подумать, как народ-то он мучит». Подошел он к войту и говорит: «Что ты это делаешь? За что ты людей мучишь?» А войт, ни слова не сказав, как хлыстнет его по лбу нагайкой, аж искры из глаз посыпались. Озверел наш грешник, схватил камень, да как пустит им в войта... И разбил ему череп. Войт и не вскрикнул — умер. А грешник на том месте сейчас же рассыпался: кончился его страдания, и пошла его душа на тот свет.

Записано в бывш. Борисовском у., Минской губ., ныне Минской обл. БССР.

[П. Шейн. — Материалы для изучения быта и языка русского населения северозападного края, т. II, СПб., 1893, стр. 371—373, № 217.]

3. КЛАД.

В некоем царстве жил-был старик со старухою у (в) великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная. Пошел старик по соседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу. Только и соседи, и знакомые, знаячи его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный, несовестливой! «Потрудишься, — говорит, — батюшка, старуху похоронить». — «А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!» — «Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу, право слово — заплачу!» Поп не захотел и речей стариковых слушать; «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!» — «Что делать, — думает старик, — пойду на кладбище, вырою коё-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мёрзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал, — и выкопал котелок, глянул — а он полнёхонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе, господи! будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и пошёл домой.

Ну, с деньгами знаемое дело — все пошло как по маслу! Тотчас нашлись хорошие люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него: «Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!» — «Не сердчай, батюшка! — просит его старик. — Вот тебе золотой — похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!» Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилишь: «Ну, старичок! Будь в надежде, все будет сделано». Старик поклонился и пошел домой, а поп с понадею стал про него разговаривать: «Вишь, старой чорт! говорят: беден, беден! а он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал». Собрался поп со всем причетом, и похоронил старуху как следует. После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу.

Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось — и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь. Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается. Отобедали гости и стали по своим домам расходиться; вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор, поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать: «Послушай, свет! покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха — все равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты — мужик скудной, а теперь

на поди! откуда что взялось! Покайся-ка, свет! чью загубил ты душу, кого обобрал?» — «Что ты, батюшка! Истинною правдою признаюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!» И рассказал, как все дело было. Как услышал эти речи поп, ажно затрёсся от жадности; воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка и получает эдакую силу денег! Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?» Сказал про то попадьё; стали вдвоем совет держать, и присоветали. «Слушай, матка! ведь у нас козел есть?» — «Есть». — «Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело как надо».

Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру — совсем и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадьё: «Бери, матка, иглу с ниткою;крепи кругом шкуру, чтоб не свалилась». Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою. Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно, и ну стучать да дарапаться. Старик услышал шум, вскочил и спрашивает: «Кто там?» — «Чорт!»... «Наше место свято!» завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать. «Слушай, старик, — говорит поп, — от меня, хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжался, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты все деликом и заграбил». Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бородою; как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! — думает старик: — наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!» Достал котелок с золотом, вынес на улицу и бросил на землю, а сам в избу поскорее.

Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой. Воротился: «Ну, — говорит, — деньги в наших руках. На, матка, спрячь подальше, да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал». Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать — как польется кровь, как заревет он: «Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!» Начнет она пороть в ином месте — то же самое: кругом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знаю, господь покарал за великую жадность!

[Афанасьев. — Народные русские сказки, № 144.]

Аналогичный сюжет обработан А. И. Полежаевым в стихотворении «Иман-козел» (1826).

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Духовные стихи, т. е. песни церковно-религиозного содержания, возникли под непосредственным воздействием церкви и церковной литературы, слагались и распространялись людьми, более или менее близкими к церковным кругам (странники-богомольцы, церковные и монастырские нищие и т. п.). Нередко в них звучит прямая защита существовавшего порядка вещей; так, например, стих о Голубиной книге проводит мысль о богоустановленности социального устройства (цари пошли от головы Адамовой, князь с боярами — от туловища, а крестьяне — от ног); стих о вознесении Христа, отмечая самый факт насилия знатных и богатых, проводит мысль о ненужности богатства и т. п. Звучат в духовных стихах и мотивы церковно-аскетические («Царевич Иосаф-пустыльник») и т. п. Но церковно-религиозные представления в духовных стихах нередко соединяются с представлениями более ранними, дохристианскими, в них проявляется так называемое «двоеверие»; благодаря этому обстоятельству отдельные духовные стихи иногда могут быть использованы для антирелигиозной работы. Проникают в духовные стихи и бытовые мотивы; в этом отношении особенно показателен стих о грешной душе.

В настоящее время духовные стихи явно умирают, так как вырвана самая почва, на которой держалось религиозное сознание.

1. ГОЛУБИНАЯ КНИГА.

- 1 Из-под той страны из-под восточные
Выставала туча темная, грозная;
Да из той из тучи грозной, темные,
Выпадала книга голубиная.
- 2 На славную она выпала на Фавор-гору,
Ко чудну кресту к животворящему,
Ко тому ко камню ко белатырю,
Ко честной главе ко адамовой.
Ко этой книги голубиная
- 10 Собирались к ней, ссезжался

- Сорок дарев, все царевичи,
 И премного князей, много князевичей.
 Из них было пять дарев на́больших:
 Был Исай царь, другой царь Константин,
 15 Был Василий царь, сын Акульевич,
 Волотоман царь был Волотоманович,
 Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
 Возгóворил Волотоман царь Волотоманович:
 — Государи, братцы, сорок царей,
 20 Кто из нас, братцы, горазд по памяти,
 Кто прочел бы нам книгу голубиную;
 Как бы нам узнать, во книге что написано,
 В голубиной напечатано. —
 Тогда все дари тут приумолкнули.
 25 Им ответ держал на то премудрый царь,
 Наш премудрый царь, Давид Евсеевич:
 — Государи, братцы, сорок царей,
 Я вам так скажу, братцы, по памяти,
 По памяти, как по грамоты,
 30 Про эту книгу голубиную:
 Великая книга голубиная!
 В дошну книга сорока локóт,
 Поперек книга тридцати локóт,
 В толщину книга тридцати локóт.
 35 Не узнать нам, во книге что написано:
 На руках держать нам книгу, не удержать булёт,
 Умом нам сей книги не сосметити
 И очами нам книгу не обзрити, —
 Великая книга голубиная!
 40 Писал эту книгу свят Исай пророк,
 Читал эту книгу Иван Богослов.
 Он читал эту книгу ровно три года,
 Прочитал во книге только три листа. —
 Ему вси дари поклонилися:
 45 — Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
 Наш премудрый царь, Давид Евсеевич.
 Хорошо сказал, сударь нам по памяти.
 Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
 Отчего начался у нас белый свет;
 50 Отчего у нас солнце красное;
 Отчего у нас млад светёл месяц;
 Отчего у нас звезды частые;
 Отчего у нас зори светлые? —
 Им ответ держал на то премудрый царь,
 55 Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
 — Начался бел свет от свята́ духа,
 От свята́ духа, самого Христа,
 Самого Христа, царя небесного,
 Солнце красное от лица божия,

- 60 Млад светел месяц от грудей божьих,
Звезды частые — оны от риз божьих,
Зори светлые от очей божьих
Самого Христа, дая небесного. —
Ему все дари поклонилися:
- 65 — Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
Наш премудрый царь, Давид Евсеевич.
Хорошо сказал нам, сударь, по памяти
Про эту книгу голубиную.
Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
- 70 Отчего дари зачадилися;
И отчего князья со боярами,
Отчего крестьяне православные? —
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
- 75 — Зачадилися дари со дарицами
От честной главы от адамовой;
Зачадилися князья со боярами
От честных мощей от адамовых;
Завелось крестьянство православное
- 80 От того колена от адамова. —
Ему все дари поклонилися:
— Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
Наш премудрый царь, Давид Евсеевич.
Хорошо сказал, государь наш, нам по памяти
- 85 Про эту книгу голубиную.
Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
Который у нас город городам мать;
И которая церква над церквами мать;
И который царь над царями царь? —
- 90 Им ответ держал на то премудрый царь:
— Иерусалим-град городам мать. —
— Почему Иерусалим-город городам мать? —
— А стоит Иерусалим-город посреди земли,
Посреди земли, во ней пуп земной.
- 95 Во начальном граде, в Иерусалиме,
Тут отстроена церковь соборная;
Во этой церкви во соборные
В ней содержится гробница господняя.
Она на воздусях, сама на вознесях.
- 100 Тут темьян и ладон рядом курятся,
Свеча теплится неугасимая;
Потому Иерусалим-город городам мать,
Потому эта церква над церквами мать.
А наш белый царь над царями царь. —
- 105 Ему вси дари поклонилися:
— Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
Наш премудрый царь, Давид Евсеевич.
Хорошо сказал, государь наш, нам по памяти

- Про эту книгу голубиную.
- 110 Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
 Которая у нас земля всем землям мать,
 И которая гора всем горам мать,
 И которое древо всем древам мать? —
 Им ответ держал на то премудрый царь,
- 113 Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
 — Государи, братцы, сорок царей:
 Свята Русь-земля — всем землям мать. —
 — Почему Свята Русь-земля — всем землям мать? —
 — Изукрашена свята Русь-земля божьими церквѣми;
- 120 На ней строятся церкви соборные:
 Потому она всем землям мать.
 А Фавор-гора всем горам мать. —
 — Почему-ж Фавор-гора над горами мать? —
 — На славной было на Фавор-горы
- 123 Преобразился на горы сам Иисус Христос
 Со-двумя-на-десятыми со апостолам:
 Потому Фавор-гора над горами мать.
 Кипарис-древо всем древам мать. —
 — Почему-ж кипарис-древо всем древам мать? —
- 130 — Из того из древа кипарисного,
 Из него был вырезан пречудный крест:
 На том кресте животворящим —
 На нем был распят сам Иисус Христос:
 Потому кипарис-древо всем древам мать. —
- 133 Ему все цари поклонилися:
 — Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
 Наш премудрый царь, Давид Евсеевич.
 Хорошо сказал, государь наш, нам по памяти
 Про эту книгу голубиную.
- 140 Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
 Которое у нас море над морями мать,
 И которое озеро озерам мать,
 И которая река всем рекам мать? —
 Им ответ держал на то премудрый царь,
- 143 Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
 — У нас князь-море всем морям мать. —
 — Почему князь-море всем морям мать? —
 — Обошло князь-море вокруг земли,
 Вокруг земли всей подселенныя:
- 150 Потому князь-море над морям мать.
 А Ильмень-озеро над озерам мать,
 Да не тот Ильмень, кой под Новым градом,
 И не тот Ильмень, кой во Большой орды,
 А есть тот Ильмень, кой в Турецкой земли:
- 153 Из того Ильменя, из озера,
 Протекает матушка Иордань-река:
 Поэтому Ильмень-озеро — озерам мать.

- А Иордань-река — над реками мать:
 Во славной матушки во Иордань-реки
 160 Окрестился в ней сам Иисус Христос,
 Потому Иордань-река над реками мать. —
 Ему все дари поклонилися:
 — Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
 Наш премудрый царь, Давид Евсевич.
- 165 Хорошо сказал, сударь, по памяти
 Нам про эту книгу голубиную.
 Ты еще, сударь, нам про то скажи:
 Которая у нас рыба над рыбам мать,
 И которая птица над птицами мать,
 170 И который зверь над всеми зверями зверь? —
 Им ответ держал на то премудрый царь,
 Наш премудрый царь Давид Евсевич:
 — У нас кит-рыба над рыбам мать. —
 — Почему-ж кит-рыба над рыбам мать? —
- 175 — На трех китах на рыбах,
 На тридцати было на малых,
 Основана на них вся сыра земля,
 И содержится вся подселенная:
 Поэтому кит-рыба над рыбам мать.
- 180 А стрефил-птица над птицам мать. —
 — Почему ж она над птицам мать? —
 — Сидит стрефил-птица посреде моря;
 Она плод плодит во синё море,
 А полет сама держит по поднебесью;
 185 После полуночи во втором часу,
 Как стрефил-птица — она трепёхнется,
 Запоют куры у нас по всей земли;
 Просвещается тогда вся вселенная;
 Потому стрефил-птица всем птицам мать.
- 190 Единорог-зверь — над всем зверям зверь. —
 — Почему-ж единорог над всем зверям зверь? —
 — Живет единорог во Святой горы,
 Он проход имеет по подземелью;
 Прочищает все ключи источные.
- 195 Когда единорог-зверь поворотится,
 Вскипят ключи все подземельные:
 Потому единорог-зверь всем зверям зверь. —
 Ему все дари поклонилися:
 — Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
- 200 Хорошо сказал, сударь, по памяти,
 Ты еще, сударь, нам про то скажи:
 Который у нас камень каменям мать,
 И которая трава всем травам мать,
 И которым грехам покаянье есть,
 205 И которым грехам покаянья нет? —
 Им ответ держал на то премудрый царь,

- Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
 — Белатырь-камень каменям мать. —
 — Почему белатырь каменям мать? —
 210 — На том камне-белатыре,
 На нем беседовал сам Иисус Христос
 Со двум-на-десяти апостолам,
 Утверждал веру христианскую;
 Роспущали книгу голубиную
 215 По всей земли подселенныя:
 Потому белатырь каменям мать.
 А плакун-трава над травам мать. —
 — Почему плакун-трава над травам мать? —
 — Когда был распят сам Иисус Христос,
 220 Тогда шла мать пресвятая богородица
 Ко своему сыну ко распятому.
 Она ронила свои слёзы пречистые
 На матушку на сыру-землю,
 От еёных слез от пречистых
 225 Зарождалась на земли плакун-трава,
 Из того корения из плакунова
 Вырезают у нас в Руси креста чудные,
 Ино тем у нас люди спасаются, —
 Все монахи и старцы и все юноши:
 230 Потому плакун-трава над травам мать.
 Братцы, всем грехам покаянье есть;
 А этым грехам покаянья нет:
 Который бранит, братцы, святá духá,
 И который бранит отца со матерью;
 235 Этым грехам покаянья нет. —
 Ему все дары поклонилися:
 — Тебе спасет бог, свет премудрый царь,
 Хорошо сказал, сударь, по памяти
 Нам про эту книгу голубиную. —
 240 Возговорит Волотоман царь Волотоманович:
 — Государи, братцы, сорок царей,
 Что случилось в моем во чистом поле:
 Быть два зайчика собегалися —
 Один серенький был, другой беленький,
 245 И промежду собой оны подрáлися.
 Быть как серый белого приобидел же:
 Пошел беленький во чисто поле,
 Пошел серенький во темны леса. —
 Тогда все дары приумолкнули.
 250 Им ответ держал на то премудрый царь,
 Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
 — То не зайчики в поле собегалися;
 Тут сошлася кривда со правдою,
 И промежду собою оны подрáлися.
 255 Нопечь кривда правду приобидела:

- Пошла правда она на вышние небеса,
 А кривда оставалась на сырой земли,
 По всему народу православному,
 Она пала нам на ретивó сердце.
 260 Оттого у нас в мире стало правды нет:
 Стали беззакония великие. —
 Ему все дары поклонилися:
 — Тебе спасет бог, свет премудрый дарь,
 Наш премудрый дарь, Давид Евсеевич.
 265 Хорошо сказал, сударь, по памяти. —
 Возгóворил Волотоман дарь Волотоманович:
 — Государи, братцы, сорок дарей,
 Мне почесе-ночь мало спáлося;
 Мне предивной сон во сне привиделся:
 270 Быдто во моем саду во зеленом
 Вырастало тут древо сахáрное;
 На мое на дрéвó на сахáрное
 Прилетала пташечка малéшенька,
 Распущала перья до сырой земли.
 275 Ино ктó сказал бы, братцы, про мой дивный сон,
 Я б того, сударь, много пожаловал. —
 Тогда все дары приумолкнули.
 Им ответ держал на то премудрый дарь,
 Наш премудрый дарь Давид Евсеевич:
 280 — От моей дарицы от благоверныя
 Народится сын дарь Саломон;
 А от его дарицы от благочестивыя
 Народится дочь Саломонидия.
 Моему сыну дарю Саломону
 285 На его на дочери быть женитися.
 Через тридцать лет этот сон рассудится. —

Запись получена от акад. И. И. Срезневского. Стих этот близок к апокрифическим сказаниям.

[В. В а р е н д о в. — Сборник русских духовных стихов, СПб., 1860, стр. 19—29.]

2. О ХРИСТОВЕ ВОЗНЕСЕНИИ.

- 1 Среди было теплого лета,
 Накануне вознесения Христова,
 Расплакалась нищая братья:
 — Гой еси, Христос, дарь небесный!
 5 На кого-то ты нас оставляешь?
 На кого-то ты нас покидаешь?
 Кто нас поить-кормить станет,
 Одевати станет, обувати,
 От темные ночи охраняти? —
 10 Проглаголет Христос, дарь небесный:
 — Дам я вам, нищим-убогим,

- Гору крутую — золотую.
 Умейте горою владати,
 Промежду собою разделяти;
 15 Будете вы сыты и довольны,
 Обуты и одеты,
 И от темных ночи приукрыты. —
 Проглаголет Иоанн Златоустий:
 — Гой еси, Христос, царь небесный!
 20 Благослови меня слово промолвить
 За нищую братью — за убогую:
 Не давай нищим гору крутую,
 Что крутую гору, золотую;
 Не уметь им горою владати,
 25 Не уметь им золотые повергати,
 Промежду собой разделяти;

Слепые нищие, исполняющие духовные стихи.
 (И. Бессонов. — Калики переходящие.)

- Зазнают гору князи и бояра,
 Зазнают гору пастыри и власти,
 Зазнают гору торговые гоеи, —
 30 Отоймут у них гору золотую,
 По себе они гору разделят,
 По князьям золотую разверстают,
 Да нищую братью не допустят;
 Много у них будет убийства,
 35 Много у них будет кроволитства,
 Промежду собой уголовствия;
 Да нечем будет нищим питатися,
 Да нечем им будет приодетися,
 И от темных ночи приукрытися.

- 40 Дадим мы нищим, убогим
Имя твое святое:
Будут нищии по миру ходити,
Тебя — Христа — величати,
В каждой час прославляти;
- 45 Будут они сыты и довольны,
Обуты будут и одеты,
И от темных ночи приукрыты. —
Проглаголет Христос, царь небесный:
— Исполать тебе, Иоани Златоустий!
- 50 Умел ты словечко промолвить
За нищую за братию — за убогую;
Да вот тебе уста золотые! —
Мы песнь поем: алилуйя.

Записано в Нолинске, бывш. Вятской губ., ныне Кировской обл.

[В. Варенцов. — Там же, стр. 59—61.]

3. ЦАРЕВИЧ ИОСАФ-ПУСТЫННИК.

- 1 Во дальней во долине
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустыне приходит
Молодой царевич Осафий:
- 5 — Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Прими меня, мать-пустыня,
От юности прелестные,
От своего вольного царства,
- 10 От своей казны золотыя!
Научи ты меня, мать-пустыня,
Волю Божию творити!
Да избави меня, мать-пустыня,
От злыя муки от превечной!
- 15 Приведи ты меня, мать-пустыня,
В небесное царство! —
Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
— Ты, младый царевич Осафий!
- 20 Не жить тебе во пустыне:
Кому владеть твоим царством,
Твоей белой каменной палатой,
Твоей казной золотой? —
Отвещает младый царевич,
- 25 Царевич Осафий ко пустыне:
— Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Не могу я на свое царство зрети,
Ни на свою каменную палату,
- 30 И на свою казну золоту.

- А хочу я пребыть во пустыне;
 Рад я на тебя работати,
 Земные поклоны исправляти
 До своего смертного часу! —
- 35 Отвещает прекрасная пустыня
 Ко младому царевичу Осафью:
 — Ты, младый царевич Осафий!
 Не жить тебе во пустыне,
 Не молясь во мне, богу молиться,
- 40 Не трудясь во мне, господу трудиться.
 Нет во мне царского ества,
 И нет во мне царского пойла;
 Есть-воскушать — гнилая колода,
 Испивать — болотная водица. —
- 45 Отвечает младый царевич,
 Царевич Осафий ко пустыне:
 — Не страшай ты меня, мать-пустыня,
 Любимая ты моя мати!
 Не страшай ты меня, мать-пустыня,
- 50 Своими великими страстями!
 Могу я жить во пустыне,
 Волю Божию творить,
 Есть гнилую колоду:
 Гнилая колода
- 55 Лучше царского ества;
 Испивать болотную водицу —
 Лучше царского пойла;
 Житье наше, мать, часовое,
 А богатство наше, мать, временное;
- 60 Я рад на тебя работати,
 Земные поклоны исправляти
 До своего смертного часу. —
 Отвещает прекрасная пустыня
 Ко младому царевичу ко Осафью:
- 65 — Ты, младый царевич Осафий!
 Не жить тебе во пустыне:
 Придет мать весна-красна,
 Лузья-болоты разольются,
 Древа листьями оденутся,
- 70 И запоют птицы райски
 Архангельскими голосами,
 А ты из пустыни вон изыдешь,
 Меня, мать прекрасную, покинешь! —
 Отвещает младый царевич
- 75 Осафий к прекрасной пустыне:
 — Прекрасная мать-пустыня,
 Любимая моя мати!
 Хотя придет мать-весна красная,
 И лузья-болоты разольются,

- 80 И древа листьями оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами, —
Не прельщуся я на все благовонные цветы;
Отрошу я свои власы
- 85 По могучие плечи,
И не буду взирать я на вольное царство,
Из пустыни я вон не изыду,
И тебя, мать прекрасная, не покину. —
Отвещает прекрасная пустыня
- 90 Ко младому царевичу к Осафью:
— Свет, младый царевич Осафий,
Чадо ты мое милое!
Когда ты из пустыни вон не выдешь
И меня, мать прекрасную, не покинешь,
- 95 Дарую я тебе золотым венцом,
Возьму я тебя, младый царевич,
На небеса царствовати,
С праведными лики ликовати! —
Все святые, все пустынные жители
- 100 Младому царевичу Осафью вздивовалися,
Премногому царскому смыслу.
Поем славу Осафью царевичу,
И во веки его слава не мнуется!
Праведной душе и мир — пустыня,
- 105 Грешный в пустыне со грехом — не один.

[П. Бессонов. — Калитки переходные, вып. I, М. 1861, стр. 214.]

4. СТИХ О ГРЕШНОЙ ДУШЕ.

- 1 По морю по синему по Хвалынскому
Тут шли, пробегали через, корабли;
Во этих кораблях святые ангелы сидят;
На встречу им сам Иисус Христос,
- 5 Сам небесный дарь.
Стал он у ангелов выспрашивать и выпытывать:
— Святые ангелы, архангелы, где вы хаживали,
Что слышивали, что виживали? —
— Сам Иисус Христос, сам небесный дарь!
- 10 Мы хаживали на вольном на свету,
Много слышали, много видели,
Как душа с белым светом расставалася,
Расставшись, душа сама прочь пошла,
И отошедши душа взворотилася,
- 15 Со своим с белым телом попростилася:
— Ты прости, мое тело белое,
Прости, беззаконие мое!
Ты пойдешь, тело, во сыру землю,

- Червам, тело, на источение;
20 Вы, кости, земле на предание,
А я, душа, к самому Христу на спокойние. —
На встречу души сам Иисус Христос:
— Почему же ты, душа, грехи угадываешь? —
— Потому я, душа, грехи угадываю,
25 Что жила я на вольном на свету...

Еще душа богу согрешила:

Из коровушек молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала.
В эвтих во грехах богу не каялася.

30 Еще душа богу согрешила:

Смалешеньку дитя свое проклинывала,
Во белых во грудях его засыпывала,
В утробы младенца запарчивала.
В эвтих во грехах богу не каялася.

35 Еще душа богу согрешила:

Мужа с женой я поразваживала,
Золотые венцы поразлучивала.
В эвтих во грехах богу не каялася.

Еще душа богу согрешила:

40 По улицам душа много хаживала,
По подоконью душа много слушивала:
Хоть не слышала, скажу — слышала,
Хоть не видела, скажу — видела.
В эвтих во грехах богу не каялася.

45 Еще душа богу согрешила:

Среды и пятницы не пащивалась,
Всликого говления не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
В воскресный день обедни прогуливала.

50 В полюшках душа много хаживала,
Не по-праведну землю розделивала:
Я межу через межу перекладывала,
С чужой пивы земли украдывала.
В эвтих во грехах богу не каялася,
55 И отцу духовному не сказывала;
Бескорыстный грех себе получивала.

Еще душа богу согрешила:

Не по-праведну покосы розделивала,
Вешку за вешку позатаркивала,
60 Чужую полосу позикашивала.
В эвтих во грехах богу не каялася.

Еще душа богу согрешила:

В соломах я заломы¹ заламывала,
Со всякого хлеба спор² отнимывала.

63 В эвтих во грехах богу не каялася.

Еще душа богу согрешила:

Я во полях, душа, много хаживала,
Проворы³ во полях пораскладывала,
Скотину в поле понапущивала,

70 И добрых людей оголаживала.

В эвтих во грехах богу не каялася.

Еще душа богу согрешила:

По свадьбам душа много хаживала,
Свадьбы зверьями оборачивала.

73 В эвтих во грехах богу не каялася.

Еще душа богу согрешила:

По игрищам душа много хаживала,
Под всякие игры много плясывала,
Самого сатану воспотешивала.

80 В эвтих во грехах богу не каялася.

Еще душа богу согрешила:

Напилася душа зеленого вина,
От зеленого вина душа пьяна была. —

Померла эта душа без покаяния,

85 Без того ли без попа без духовного.

Провалилася душа в преподный ад:

Век мучиться душе и не отмучиться

За свое великое согрешение,

За свое великое беззаконие.

[В. Варенцов. — Там же, стр. 144 и сл.]

¹ Заломы — заламывание колосьев (колдовской прием).

² Спор, спорынья — удача, рост, урожай.

Проворы — тропы, тайком протоптанные во ржи, и т. п.

БЫЛИНЫ („СТАРИНЫ“).

Былины (или «старины», как их часто называют в народе) — песни эпического (повествовательного) характера. В первую очередь под этим именем имеют в виду песни собственно богатырского характера, изображающие воинские подвиги богатырей. В этих былинах нашли свое отражение факты борьбы молодого русского государства с врагами (с разбойниками древней Руси, с половцами, с татарами). Героические образы богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович и пр.) воплотили в себе мощь великого русского народа. Излюбленный богатырь былевого эпоса Илья Муромец — крестьянский сын; крестьянин Микула Селянинович сильнее князя и всей его дружины; князя и бояре нередко изображаются отрицательными чертами. Богатыри, группирующиеся вокруг князя Киевского Владимира, защищают русскую землю и народ от врагов-насилльников (таковы былины об Илье Муромце, о Добрыне и змее, об Алеше и Тугарине, о татарском нашествии и мн. др.). С течением времени к именам тех же богатырей прикрепились сюжеты не богатырского характера; по образцу былин богатырских могли возникать былины фантастические и повелчествеские, связанные с именами тех же героев (например, о Добрыне и Алеше, о Добрыне и Маринке) или же повествующие о других лицах (о Чуриле, о Люке, о Садко и пр.). В частности, на новгородской почве возникли былины, связанные с изображением новгородской «вольницы» и новгородской торговли (Василий Буслаевич, Садко).

Разнообразные по содержанию былины объединяются некоторыми чертами своей поэтики. Былины являются песенными произведениями, но песенный склад их особенный, несколько приближающийся к речитативу; в казачьей среде отмечено хордовое исполнение былин. В композиции былин нередко наблюдаются особые запевы, зачины и концовки; в самом изложении характерны медлительность и детальность, многочисленные повторы, стандартные формулы, постоянные эпитеты, гиперболы и пр. В оформлении этой поэтики, вероятно, значительную роль сыграли дружинные певцы и скоморохи, вышедшие из народной среды (какие изображаются, например, в былинах «Добрыня и Алеша», «Вавила и скоморохи»). Приложили свои руки к созданию и оформлению былин также и «калики переходные».

- 15 Тридцать молодцов да без единого,
А сам то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темнокарих,
Темнокарих жеребчиков нелэгченных.¹
Вот посели на добрых коней, поехали,
- 20 Поехали к городам да за получкою.
Повыехали в раздольцо, чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
- 25 Омешики по камешкам почиркивают.
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
- 30 Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
- 35 А третий день еще до пабедья,
А наехали в чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пеньё-коренья вывертывает,
- 40 А большие-то каменя в борозду валит.
У оратая кобыла солдовая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатнии,
- 45 Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
- 50 А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята-пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
- 55 У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него да черна бархата.
Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьяновати,
- 60 А бороздки тебе да пометывати,
А пенья-коренья вывертывати,

¹ Не меринов.

- А больше-то каменя в борозду валить! —
 Говорит оратай таковы слова:
 — Поди-ко ты, Вольга Святославович!
- 65 Мне-ка надобно божья помочь крестьяновати.
 А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь? —
 Тут проговорил Вольга Святославович:
 — Как пожаловал меня да родной дялюшка,
 Родной дялюшка да крестной батюшка,
 70 Дасковой Владимир стольне-киевской, ?
 Тремя ли городами со крестьянами:
 Первым городом Курцовцом,
 Другим городом Ореховцем,
 Третьим городом Крестьяновцем,
 75 Теперь еду к городам да за получкою. —
 Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 — Ай же ты, Вольга Святославович!
 Там живут-то мужички да все разбойнички,
 Они подрубят-то сляги калиновы,
 80 Да потопят ты в реку да во Смородину!
 Я недавно там был в городе, третьёго-дни,
 Закупил я соли цело три меха,
 Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
 А сам я сидел-то сорок пуд,
- 85 А тут стали мужички с меня грошов просить.
 Я им стал-то ведь грошов делить,
 А грошов-то стало мало ставиться,
 Мужичков-то ведь да больше ставитсе.
 Потом стал-то я их ведь отталкивать,
 90 Стал отталкивать да кулаком грозить,
 Положил тут их я ведь до тысячи;
 Который стоя стоит, тот сідя сидит.
 Который сідя сидит, тот и лёжа лежит. —
 Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
 95 — Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Ты поедем-ко со мною во товарищах? —
 А тут ли оратай-оратаюшко
 Гужики шелковыи повыстегнул,
 Кобылу из сошки повывернул,
 100 Оны сели на добрых коней, поехали.
 Как хвост-то у ней расстилается,
 А грива-то у нее да завивается;
 У оратая кобыла ступою пошла,
 А Вольгин конь да ведь поскакивает.
 105 У оратая кобыла грудью пошла,
 А Вольгин конь да остается.
 Говорит оратай таковы слова:
 — Я оставил сошку во бороздечке
 Не для ради прохожего-проезжего:
 110 Маломожный-то наедет — взять нечего,

- А богатый-тот наедет — не позарится,
 А для ради мужичка да деревенщины.
 Как бы сошку из земельки повыдернуті,
 Из омешиков бы земельку повытряхнуті,
 115 Да бросить сошку за ракивов куст. —
 Тут ведь Вольга Святославович
 Посылает он дружинишку хоробрую,
 Пять молодцов да ведь могучиих,
 Как бы сошку из земли да повыдернули,
 120 Из омешиков земельку повытряхнули,
 Бросили бы сошку за ракивов куст.
 Приезжает дружинишка хоробрая,
 Пять молодцов да ведь могучиих,
 К той ли ко сошки кленовенькой,
 125 Они сошку за обори¹ вокруг вертят,
 А не могут сошки из земли поднять,
 Из омешиков земельки повытряхнутъ,
 Бросить сошки за ракивов куст.
 Тут молодой Вольга Святославович
 130 Посылает он дружинишку хоробрую,
 Целым он да ведь десяточком.
 Оны сошку за обори вокруг вертят,
 А не могут сошки из земли выдернуть,
 Из омешиков земельки повытряхнутъ,
 135 Бросить сошки за ракивов куст.
 И тут ведь Вольга Святославович
 Посылает всю свою дружинишку хоробрую,
 Чтобы сошку из земли повыдернули,
 Из омешиков земельку повытряхнули,
 140 Бросили бы сошку за ракивов куст.
 Оны сошку за обори вокруг вертят,
 А не могут сошки из земли выдернуть,
 Из омешиков земельки повытряхнутъ,
 Бросить сошки за ракивов куст.
 145 Тут оратай-оратаюшко,
 На своей ли кобыли соловенькой,
 Приехал ко сошки кленовенькой,
 Он брал-то ведь сошку одной рукой,
 Сошку из земли он повыдернул,
 150 Из омешиков земельку повытряхнул,
 Бросил сошку за ракивов куст.
 А тут сели на добрых коней, поехали.
 Как хвост-то у ней расстилается,
 А грива-то у нее да завивается.
 155 У оратай кобыла ступью пошла,
 А Вольгин конь да ведь поскакивает.
 У оратай кобыла грудью пошла,

¹ Обжи, оглобли у сохи.

- А Вольгин конь да остается,
 Тут Вольга стал да он покрикивать,
 160 Кольнаком он стал да ведь помахивать.
 — Ты постой-ко ведь оратай-оратаюшко!
 Как бы этая кобыла коньком бы была,
 За эту кобылу пятьсот бы дали. —
 Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 165 — Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
 Я купил эту кобылу жеребёночком,
 Жеребёночком да из-под матушки,
 Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
 Как бы этая кобыла коньком бы была,
 170 За эту кобылу цены не было бы! —
 Тут проговорил Вольга Святославович:
 — Ай же ты, оратай-оратаюшко!
 Как-то тебя да именем зовут,
 Называют тебя да по отчеству? —
 175 Тут проговорил оратай-оратаюшко:
 — Ай же ты, Вольга Святославович!
 Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
 Я во скирды сложу да домой выволочу,
 Домой выволочу да дома вымолочу,
 180 А я пива наварю, да мужичков напою,
 А тут станут мужички меня похваливаті:
 «Молодой Микула Селянинович!»
 Тут приехали ко городу ко Курцевцу,
 Стали по городу похаживаті;
 185 Стали города рассматриваті,
 А ребята-то стали поговариваті:
 «Как этот третьего дни был, да мужичков он бил!»
 А мужички-то стали собиратися,
 Собиратися оны да думу думати:
 190 Как бы притти да извинитися,
 А им низко бы да поклонитися.
 Тут проговорил Вольга Святославович:
 — Ай же ты, Микула Селянинович!
 Я жалую от себя тремя городами со крестьянами.
 195 Оставайся здесь да ведь наместником,
 Получай-ко ты дань да ведь грошовую! —

Былина о Вольге приводится по записи А. Ф. Гильфердинга от крестьянина с. Косозера И. А. Касьянова [Г и л ь ф е р д и н г. — Онежские былины, СПб., 1873, стр. 795—799, № 156]. Сказитель не помнил былины о Вольге, когда Гильфердинг производил свои записи в Заонежье; затем он «перепел» эту былинку и спел ее Гильфердингу уже в Петербурге (13 октября 1871 г.).

Гильфердинг сообщает о сказителе Касьянове следующие сведения (стр. 794—795):

«Иван Анципевич Касьянов, крестьянин с. Косозера, 40 лет от роду, грамотный, из старообрядцев, перешедший лет десять тому назад в едино-

верие. Научился в молодости петь былины от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю, преимущественно от некоего кривого Ивана Трофимова. В прежнее время знал былин весьма много, но потом бросил их петь, предавшись страстно чтению церковных книг для уяснения спорных между православною церковью и расколом вопросов. Это и привело его к единоверию, но, по словам Касьянова, загнушило былины в его памяти. При встрече с собирателем в Чолмужах, Касьянов не мог припомнить былины о Вольге, но упоминал, что ее отлично знает и хорошо поет его сосед, раскольничий наставник Иуда Егоров. Впоследствии, прибыв в Петербург по поручению единоверческого общества для сбора на церковь, он уже цел эту былину со слов Егорова».

И. А. Касьянов передал знание былин своим детям. Приводим текст той же былины, записанный от сына его.

- Закатилось красное солнышко
 Как под это под ясное небушко,
 Зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославлевич.
- 5 Не по дням рос, не по часам, по минутам.
 Похотелось Вольге много мудрости,
 Много мудрости, да много хитрости.
 Щукой рыбой ходить по глубоким озерам,
 Серым волком рыскать по зеленым лугам,
- 10 Ясным соколом летать по поднебесью.
 Убегали все рыбы в глубокие озера,
 Убегали все волки во темные леса
 («Раньше волшебники были»),
 Улетала вся птица под облака.
 Захотелось Вольге много мудрости,
- 15 Много мудрости, много хитрости.
 Собирает дружину хоробрую
 Тридцать молодцов без единого,
 Сам Вольга во тридцатых был,
 Ехать во Чернигов-град
- 20 Собирать казенных податей.
 Они сели на добрых коней — поехали,
 Только видели молодцов едущи
 Да не видели молодцов едущи
 («Вот, какие кони были»).
- 25 Они выехали во чисто поле.
 Во чистом поле оратай орет.
 У оратая сошка поскрипывает,
 Омешки по камешкам почиркивают.
 Они ехали день с утра до вечера
 И не могли до оратая доехати
 («Вот, как далеко было слышно»).
- 30 На второй-то день ехали с утра до обеда
 («Или пабебья—я уж не помню»),
 Они до оратая доехали.
 Он едет из конца в конец
 И другого не видать,
 Мелкие камешья и пенья в борозду валит,
- 35 А крупные камешья в кучи кладет
 («Как у нас тут»).
- У оратая кобылка то соловая,
 А сошечка то кленовая,
 А омешки серебряные,
 А гужики тесмяно-шелку.
- 40 — Божья помощь тебе, оратай-оратаюшка! —

- Спасибо вам, добрый молодец,
 Надо нам божья помочь орать да крестьянствовать.
 Ай же ты, Вольга Святославович,
 Далече ли ты поехал с дружиной хороброй? —
- 45 — Я поехал во Чернигов-град
 Сбирать казенных податей. —
 — Я недавно там был собирать казенных податей,
 Не хотели мужики платить казенных податей:
 Который стоя столл, тот сидя сидел,
 50 Кто сидя сидел, тот лежа лежал. —
 — Ай же ты, Микула Селянинович,
 Не едешь ли с нами во Чернигов-град,
 Во Чернигов-град собирать казенных податей? —
 Микула Селянинович лошадь и(з) сошку повыстегнул,
- 55 Гужики-вожжники завернул вокруг сохи
 И сел на кобылку и поехал с нами в Чернигов-град.
 У Микулы Селяниновича кобылка ступню пошла,
 А Вольгин-то конь рысью бежит,
 Тут же Вольга Святославович
- 60 Сказал Микуле Селяниновичу:
 — Эта бы кабылка жеребцом была,
 За эту бы кабылку пятьсот рублей дали. —
 — Ай же глупый ты, Вольга Святославович,
 Эту я кабылку купил жеребчиком из-под матушки,
- 65 Платил пятьсот рублей,
 А за эту бы кабылку сейчас цены нет.
 Ай же ты, Вольга Святославович,
 Поехал я с вами во Чернигов-град,
 А сошку то я оставил в бороздочке,
 70 А сошку то надо бы из земли поднять,
 А земельку повытряхнуть из оmeshков,
 И бросить сошку за ракитов куст. —
 Тут Вольга Святославович
 Посылает к сошке свою дружинку хоробрую,
- 75 Двадцать молодцов самолучших,
 Чтобы сошку из земли поднять,
 Бросить бы сошку за ракитов куст.
 Тут подъехали все молодцы хоробрые,
 Они сошку вокруг вертят,
 80 А не могут сошку из земли поднять.
 Тут же Вольга Святославович
 Посылает всю дружинку хоробрую
 К той сошке кленовой.
 Они подъехали к сошке кленовой,
- 85 Они сошку вокруг вертят,
 А не могут сошку из земли поднять.
 Тут поехал сам Микула Селянинович,
 Одной рукой сошку из земли поднял,
 Земельку повытряхнул,
- 90 И бросил сошку за ракитов куст.
 — Ай же ты, Микула Селянинович,
 Что же ты пашешь такую пашню великую? —
 — А я хлеба напашу да в скірду складу,
 Я домой вывожу, вымолочу,
- 95 Шива наварю, да мужиков напою,
 Будут мужики пить да Микулу Селяниновича хвалить. —
 (*«Дальше не знаю, забыл, что было в Чернигове.»*)

Записано А. М. Астаховой 22 июня 1926 г. в с. Косозеро,
 Заовейского р., от Ивана Пивановича Касьялова, 61 года.
 [Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института антро-
 пологии и этнографии Академии Наук СССР.]

В варианте былины, записанном Гильфердингом (и раньше Рыбниковым) в Пудогe от сказителя Никифора Прохорова [Гильфердинг. — Онежские былины, стр. 226—228, № 45] совершенно иначе передается эпизод пребывания Вольги и Микулы в городе. Приводим этот эпизод по тексту, записанному Рыбниковым [«Песни, собранные П. Рыбниковым», т. II, изд. 2, М. 1910, стр. 80, № 115]:

Тут-то обрядил свою сошку позолоченую,
Тыи-то омешики булатные.
Ехали вперед добры молодцы.
Поехали они в Гуршевец да Ореховец,
Приехали к мужикам ко Гуршевским,
Приезжали к мужикам к Ореховским,
На бой на драку на великую.
Тыи мужики Гуршевские,
Тыи мужики Ореховские,
Они были, злодеи, догадливы:
Поделали мосточки поддельные;
Они также были, молодцы, догадливы:
Посылали свою силушку великую
На тыи на мосточки на калиновы.
Пошла тоя силушка велика
На тыи на мосточки на калиновы:
Мосточки все подломались.
Тая сила вся по реченьке подвалилася,
Начала силушка топуть да гинуть.
Тут-то Микулушка Селянинович,
Тут-то Вольга Святославович
Приправили своих добрых коней
За тую за реченьку за Волхову;
Скочили их добрые кони
За тую за реченьку за Волхову;
Как начали они мужиков чествовать,
Чествовать мужиков, жаловать,
Ошлетьями они нахлыстывать;
Тут клянутся мужики, проклинаются:
— А будут трое проклят на веку тот бы,
Кто с вами, с молодцами, свяжется,
Да заведет драку великую! —
Нахлыстали мужиков они до любви,
Начествовали добрых молодец,
Поехали назад в свою сторону.

Здесь имеем пример совершенно различной трактовки одного и того же эпизода. Укажем пример забвения былины. Рыбников (и затем также Гильфердинг) записал следующий текст былины о Микуле от сказителя Терентия Певлева с Волкострова [«Песни, собранные П. Рыбниковым», т. I, изд. 2, стр. 383—384. Запись 25 сентября 1861 г.]:

Ай же ты, Микулушка Селянинович!
Была у тебя кобыла «Подыми-голова»,
Заздынула¹ она голову под оболочку.
Был то он во городе во Киеве:
Вывез он соли два меха,
А во который мех всходит
Пудов по сороку.
А тут Микулушка пахал да орал:
Сосенки да елочки в (борозду) валял,

¹ Подняла.

- 10 Ржи напахал да домой выволочил,
 Домой выволочил, дома вымолотил.
 А я пива наварю да гостей назову.
 Стану пива пить да Микулушку хвалить:
 Тобі было, Микулушка, пахать да орать,
 15 Тобі было, Микулушка, крестьянствовать!

Это — все, что осталось у Ивлева от сложной былинны!

3. ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА.

- Как во том-ле было прежде городе Муроме,
 Как жил кабы был тут нонь стар казак,
 Кабы стар, пишут, казак Илья Муромец;
 Он сидел-то на печиньке-то тридцать лет,
 5 Не имел при себе он как ведь рук-ле, ног.
 Как ушли его нонь отец-ле, ноньде матушка,
 Он остался на пецьке на муравленке,
 Как пришли-ле тут две калеки нонь убогея,
 Как зашли ноньде к ему, богу помолилися,
 10 Говорят они старому Илье Муромцу:
 «Ох ты ой еси, старья Илья Муромец!
 Ты ставай-ко ноньде с печеньки муравленой».
 Говорит на то старой им, ётвет держит:
 — Ой вы ой еси, как люди нонь хрепцонья!
 15 Я сидю ноньде на пеценьке земляной право,
 Я невного нонь немало, ровно тридцать лет. —
 Говорят ему калеки во второй након:
 «Ты ётведай-ко, ставай ноньде как с пецито-то».
 Кабы стал ноньде их-ле право слушаться,
 20 Он змахнул ноньде своима руками белыма,
 Шевелить как стал ногами ноньде резвыма,
 Говорят ему калеки таковы слова:
 «Слезывай-ты ноньде с пецьки земленой право».
 Он как стал ноньде слезывать, право, со пеценьки,
 25 Как задествовали его руки белыя,
 Заслужили как его нонь ноги резвыя.
 Как говорят ему калеки нонь прохожие:
 «Ты возьми как ведро ноньде водяное,
 Ты поди-ко нонь сходи как за водой право,
 30 Ты на ту как нонь на реченьку Карчагу-ле,
 Принеси-ко ты ведром воды, право».
 Он пошел-ле старой нонь за водой, право,
 Он принес нонь воды, право, ключевой
 А сидят-ле тут калеки, говорят, право,
 35 Говорят они старому Илье Муромцу:
 «Ты повыпей-ко-же ноньче воды сколько хочетсе».
 Говорят тут нонь калеки, его спрашивают:
 «Ты учуюл-ле нонь в себе, право, цего-сего?»
 Говорит ноньде старой как им ответ держит:
 40 — Я подюл ноньде в себе силу великую. —

- Говорят на то ищэ калики-то:
 «Кабы есь у 'тця,¹ у 'тця-ле, нонь у матушки,
 Кабы есь нонь у их поле посеяно,
 Запол ноньде скот да кабы тошьдет-ле,
 45 Ты поди огороди, огороди как ноньде божей дар».
 Как юшли-то калеки нонь убогия,
 А пошол он как хранить поле ётцовское.
 Он завидел-ле в поли ноньди скот ходит,
 Он как из поля скота ноньде выганивал,
 50 Кабы поле-то сырм дубьем огораживал,
 Он ведь рвал тут как дубьцо с кореньцом,
 Он оклал, огородил людям на юдивленьцо.
 Как пришли его отец-ле, ронна матушка,
 Как пришли они, увидели свое поле,
 55 Кабы все оно как дубьями заклажено,
 Они тут как-бы сами удивилисе:
 «Кабы шчо эки чудеса у нас сотворилися?»
 Зашли они в комнату свою теплую,
 Как ювидели старой их сын здоровой стал,
 60 Говорит ноньде старой как отцу, матушке:
 «Ох ты ой еси, отец-ле нонь родимья!
 Ох ты ой еси, как матушка любимая!
 Вы как дай ноньде вы мне было благословленьцо,
 Я хожу ноньде ехат в стольней Киев-град,
 65 Я хожу нонь посмотреть князя Владимира,
 Со его любой со матушкой любимой».
 Кабы дали тут ему благословленьцо,
 Кабы ехати ему на стольней Киев-град
 На своем-то коне-ле право бельем;
 70 Кабы был-то ю отца его конь белой весь,
 На юбел весь как белья куропать,
 Его хвос был-ле, грива научер-черна.
 Кабы стал ноньде старой тут отпралятисе,
 Как он в ту-ле дорожку старопрежнюю,
 75 Старупрежнюю дорожку прямоежжюю.

Былина записана в 1902 г. Н. Е. Опчуковым от И. М. Дуркина, крестьянина с. Усть-Цильмы на Печоре, 75 лет. Мы даем только первую часть былины об Илье Муромце.

[Н. Е. Опчуков. — Печорские былины, СПб., 1904, стр. 221—223, № 53.]

4. ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК.

- Из того ли-го из города из Муромля,
 Из того села да с Карачирова,
 Выезжал удаленькой дородний добрый мблodeц.
 Он стоял заутрену во Муромли,
 3 А й к обеденке поспеть хотел он в стольней Киев град.
 Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

¹ Отца.

- У того ли города Чернигова
 Нагнало-то силушки черным черно,
 А й черным черно как черна ворона;
 10 Так пехотою никто тут не прохаживат,
 На добром кони никто тут не проезживат,
 Птица черной ворон не пролетыват,
 Серый зверь да не прорыскиват.
 А подъехал как ко силушке великой,
 15 Он как стал-то эту силушку великую,
 Стал конем топтать да стал копьём колоть,
 Ай побил он эту силу всю великую.
 Ен-подъехал-то под славный под Чернигов град;
 Выходили мужички да тут черниговски
 20 И отворяли-то ворота во Чернигов град,
 А й зовут его в Чернигов воеволою.
 Говорит-то им Илья да таковы слова:
 — Ай же мужички да вы Черниговски!
 Я не йду к вам во Чернигов воеволою,
 25 Укажите мне дорожку прямоезжую,
 Прямоезжую да в стольный Киев град. —
 Говорили мужички ему черниговски:
 — Ты удаленькой дородний добрый молодец,
 Ай ты славныя богатырь святоурьский!
 30 Прямоезжая дорожка заколодела,
 Заколодела дорожка, замуравела.
 А й по той ли по дорожке прямоезжою
 Да й пехотою никто да не прохаживал,
 На добром кони никто да не проезживал:
 35 Как у той ли-то у грязи-то у Черной,
 Да у той ли у березы у покляпныя,¹
 Да у той ли речки у Смородины,
 У того креста у Леванилова,
 Сиди Соловей розбойник во сырём дубу,
 40 Сиди Соловей розбойник Оди́хмантьев сын,
 А то свищет Соловей да по солвьему,
 Ен кричит злодей розбойник по звериному,
 Й от него ли-то от посвисту соловьяго,
 Й от него ли-то от побрыку звериного,
 45 То все травушки муравы улетаются,
 Все лазуревы цветочки отсынаются,
 Темны лесушки к земли вси приклоняются,
 А что есть людей, то вси мертвы лежат.
 Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
 50 А й окольной дорожкой дела тысяща. —
 Он спустил добра коня да й богатырского,
 Он посхал-то дорожкой прямоезжею.
 Его добрый конь да богатырский

¹ Наклонная.

- С горы на гору стал перескакивать,
 55 С холмы на холму стал перемахивать,
 Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.
 Подъезжает он ко речке ко Смородинки,
 Да ко той он ко Грязи он ко Черной,
 Да ко тою ко березы ко погляпныя,
 60 К тому славному кресту ко Леванидову.
 Засвистал-то Соловей да и по соловьеву,
 Закрычал злодей разбойник по звериному,
 Так все травушки муравы улетались,
 Да и лазуревы цветочки отсыпался,
 65 Темны лесушки к земле вси приклонилися.
 Его добрый конь да богатырский,
 А он на корзині (так) да потыкается;
 А и как старый-от казак да Илья Муромец
 Берет плеточку шелковую в белу руку,
 70 А он бил коня а по крутым ребрам;
 Говорил-то он Илья да таковы слова:
 — Ах ты волчья сыть, да и травяной мешок!
 Али ты итти не хощь али нести не мошь?
 Что ты на корзині, собака, потыкаешься?
 75 Не слыхал ли повисту соловьяго,
 Не слыхал ли покрыку звериного,
 Не видал ли ты ударов богатырских? —
 А и тут старья казак да Илья Муромец
 Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
 80 Во свои берет во белы он во ручушки,
 Ён тетивочку шелковеньку натягивал,
 А он стрелочку каленую накладывал,
 То он стрѣли в того Соловья разбойника,
 Ёму выбил право око со косичею.
 85 Ён спустил-то Соловья да на сыру землю,
 Пристегнул его ко правому ко стремечки булатному,
 Ён повез его по славну по чисту полю,
 Мимо гнездышко повез да Соловьиное.
 Во том гнездышке да Соловьиное
 90 А случилось быть да и три дочери,
 А и три дочери его любимых;
 Больша дочка эта смотрит во окошечко косевчато,
 Говорит ёна да таковы слова:
 — Едет-то наш батюшко чистым полем,
 95 А сидит-то на добром кони,
 Да везет ён мужичища деревенщину,
 Да у правого у стремени прикована. —
 Поглядела его друга дочь любимая,
 Говорила-то она до таковы слова:
 100 — Едет батюшко роздольцем чистым полем,
 Да и везет он мужичища деревенщину,
 Да и ко правому ко стремени прикована. —

- Поглядела его меньша дочь любимал,
 Говорила-то она да таковы слова:
 105 — Едет мужичицо деревенщина,
 Да й сидит мужик он на добром кони,
 Да й везет-то наша батюшка у стремени,
 У булатного у стремени прикована.
 Ему выбито-то право око со косичею. —
- 110 Говорила то й она да таковы слова:
 — Ай же мужевья нашй любимыи!
 Вы берите-тко рогатины звериныи,
 Да бежите-тко в розольице чисто поле,
 Да вы бейте мужичища деревенщину. —
- 115 Эти мужевья да их лыбымыи,
 Зятевья то-есть да Соловьшныи,
 Похватали как рогатины звериныи
 Да и бежали-то оны да й во чисто поле
 Ко тому ли к мужичищу деревенщине,
 120 Да хотят убить-то мужичища деревенщину.
 Говорит им Соловей розбойник Одихмантьев сын:
 — Ай же зятевья мои любимыи!
 Побросайте-тко рогатины звериныи,
 Вы зовите мужика да деревенщину,
 125 В своё гнездышко зовите Соловьшное,
 Да кормите ёго ествшшкой сахарною,
 Да вы пойте ёго штильцем медвяным,
 Да й дарите ёму дары драгоценные. —
 Эты зятевья да Соловьшныи
- 130 Побросали-то рогатины звериныи,
 А й зовут-то мужика да й деревенщину
 Во то гнездышко да Соловьшное;
 Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
 А он едет-то по славному чисту полю,
 135 Прямоезжею дорожкой в стольней Киев град.
 Ен приехал-то во славный стольней Киев град
 А ко славному ко князю на широкой двор.
 А й Владимир князь он вышел со божьей церкви,
 Он пришол в палату белокаменну,
 140 Во столовую свою во горенку,
 Они сели есть да пить да хлеба кушати,
 Хлеба кушати да пообедати.
 А й тут старья казак да Илья Муромец
 Ставовил коня да посерёд двора,
 145 Сам идет он во полаты белокаменны,
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пята он дверь-ту порозмахивал,
 Крест-от клал ён по писаному,
 Вел поклоны по учёному,
 150 На все на три-на четыре на сторонки низко кланялся,
 Самому князю Владимиру в особину,

Еще всим его князьям он подколелным.
Тут Владимир князь стал мѳлодда выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый
мѳлодец,

- 133 Тѳбе как-то мѳлодда да именовем зовут,
Звеличают удалѳго по отечеству? —
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
- 160 Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец, да сын Иванович. —
Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
- 165 И которою дороженкой ты ехал в стольней Киев град? —
Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владимир стольнѳ-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромля,
А й к обеденки поспеть хотел я в стольней Киев град,
- 170 То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченку Смородину,
- 175 Мимо славную березу-то покланую,
Мимо славный ехал Леванидов крест. —
Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичицо деревенщина,
Во глазах мужик да подлыгаешься,
- 180 Во глазах мужик да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнанѳ тут силы много множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал,
- 183 Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той-ли-то у Грязи-то у Чернойей,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покланюю,
- 190 У того креста у Леванидова,
Соловей сидит розбойник Одихмантьев сын,
То как свищет Соловей да по соловьему,
Как кричит злодей розбойник по звериному,
То все травушки муравы улетаются,
- 195 А лазуревы цвѳтки прочь отсынаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвѳ лежат. —
Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты Владимир князь да стольнѳ-киевской,

- 200 Соловей розбойник на твоём дворе,
 Ему выбито ведь право око со косичею,
 И он ко стремени булатному прикованой. —
 То Владимир князь-от стольнё-киевской,
 Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
- 205 Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
 То он шапочку соболью на одно ушко,
 Он выходит-то на свой-то на широкой двор
 Посмотреть на Соловья розбойника.
- Говорил-то ведь Владимир князь да таковы слова:
 210 — Засвищи-тко, Соловей, ты по соловьему,
 Закрычи-тко ты, собака, по звериному. —
 Говорил-то Соловей ему розбойник Одихмантьев сын:
 — Не у вас то я сегодня, князь, обедаю,
 А не вас-то я хочу да и послушати,
- 215 Я обедал-то у старого казака Илья Муромца,
 Да его хочу-то я послушати. —
 Говорил-то как Владимир князь да стольнё-киевской:
 — Ай де старья казак ты, Илья Муромец!
 Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по соловьему,
- 220 Прикажи-тко закрычат да по звериному. —
 Говорит Илья да таковы слова:
 — Ай же Соловей розбойник, Одихмантьев сын!
 Засвищи-тко ты во пол-свисту соловьего,
 Закрычи-тко ты во пол-крыку звериного. —
- 225 Говорил-то ему Соловей розбойник Одихмантьев сын:
 — Ай же старья казак ты, Илья Муромец!
 Мои раночки кровавы запечатались,
 Да не ходят-то мои уста сахарниц,
 Не могу я засвистать да й по соловьему,
- 230 Закрычат-то не могу я по звериному.
 А й вели-тко князю ты Владимиру
 Налить чару мни да зелена вина,
 Я повышью-то как чару зелена вина,
 Мои раночки кровавы порозбйдутся,
- 235 Да й уста мой сахарни поросходятся,
 Да тогда я засвищу да по соловьему,
 Да тогда я закрычу да по звериному. —
 Говорил Илья-тот князю он Владимиру:
 — Ты, Владимир, князь да стольнё-киевской!
- 240 Ты поди в свою столовую во горенку,
 Наливай-ко чару зелена вина,
 Ты не малую стопу да полтора ведра,
 Подноси-тко к Соловью к розбойнику. —
 То Владимир князь да стольнё-киевской
- 245 Он скоренько шол в столову свою горенку,
 Наливал он чару зелена вина,
 Да не малу он стопу да полтора ведра,
 Розводил медами он стоялыма,

- Приносил-то ён ко Соловью розбойнику.
- 250 Соловей розбойник Одихмантьев сын
 Принял чарочку от князя он одной ручкой,
 Выпил чарочку-ту Соловей одним духом,
 Засвистал как Соловей тут по соловьему,
 Закрывал розбойник по звериному,
- 253 Маковки на теремах покривились,
 А околени во теремах рассыпались
 От него от посвисту соловьего,
 А что есть-то людюшок, так вси мертвы лежат;
 А Владимир князь-от стольнѣ-кневской
- 260 Куньей шубонькой он укрывается.
 А и тут старой-от казак да Илья Муромец
 Он скорешенько садился на добра коня,
 А и он воз-то Соловья да во чисто поле,
 И он срубил ему да буйну голову.
- 263 Говорил Илья да таковы слова:
 Тоби полно-тко свистать да по соловьему,
 Тоби полно-тко кричать да по звериному,
 Тоби полно-тко слезить да отпей-матерей,
 Тоби полно-тко вловить да жен молодых,
- 270 Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок. —
 А тут Соловью ему и славу поют,
 А и славу поют ему век по веку.

Былина записана А. Ф. Гильфердингом от Т. Г. Рябикина.
 [Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 439—445, № 74.
 Запись 8 июля 1871 г.]

Гильфердинг сообщает о Рябинине следующие сведения (стр. 433—435):
 «Трофим Григорьевич Рябинин, крестьянин дер. Середки, Кижской вол.,
 78 лет от роду, еще бодрый старик среднего роста, почти без седины. Родился
 в дер. Гарницы соседнего с Кижским Сепногубского погоста. Его отец был
 взят в милицию во время шведской войны (должно быть, при Екатерине),
 когда он был еще малым ребенком. Через год после ухода отца на службу
 мать умерла, отец был убит на войне. Молодого Трофима Григорьева вос-
 питал «православный мер» (мир). Когда подрос, он, чтобы не просить милос-
 тыни и не быть в тягость чужим людям, стал ходить по окрестным деревням
 чинить сети, ловушки и другие рыболовные снасти. При этом ему случалось
 работать подолгу вместе с Ильею Елустафьевым, бедным стариком с Волх-
 острова, дер. Шляминской, который, «откачившись» от своего сына, ходил
 тоже по волостям и пропитывался тем, что «ладил» (т. е. мастерил) и чинил
 всякого рода сети для рыбной ловли. Этот Илья Елустафьев (умерший тому
 назад лет 40, девяносто лет от роду) знал очень много былин и певал их за
 работой, и Рябинин многое от него «понял». Между прочим, от него он на-
 учился былинам про Илью и Калина царя, Молодца и худую жену. В 1812 г. он
 поступил в работники в дом своего дяди Игнатия Иванова Андреева (в дер.
 Гарницы), который, по словам его, был самым лучшим певцом былин во всем
 их крае и превосходил даже Елустафьева. Тут же жил и зять Игнатия
 Иванова, Василий Софронов Сарафанов (отец нынешнего сказителя Сара-

фапова) и был тоже мастер петь былины. От Игнатия Иванова Рябинин «понял» наибольшую часть своих былин, именно: про Вольгу, Илью и Соловьѣя разбойника, Илью, узнающего свою дочь, Дунай, Потыка, королевичей из Крякова и Скопина. Былины про Добрыню в борьбе со змеем и про Добрыню в отъезде с Василием Казимировым он узнал еще ранее того, от крестьянина Ивана Агапитова Завьялова в Гарнидах, которого слышал в детстве (Завьялов, по словам Рябинина, умер почти 70 лет тому назад); про Дюка он научился от старика Ивана Кокойкина, жившего до 100 годов; про Ивана Годиновича — от крестьянина Федора Трепалина из дер. Мигуров; у обоих последних (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временам бывать

Т. Г. Рябинин.

в работниках. Двадцати четырех лет от роду Рябинин женился и перешел в дом тестя в дер. Середка, где с тех пор живет на крестьянстве. Но, кроме хлебопашества, главное его занятие составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промыслом около дома, он раз 40 на своем веку ходил с другими крестьянами из Заонежья на ловлю в Ладожское озеро; бывал два раза в Петербурге, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Он считался весьма исправным домохозяином, хотя не из самых зажиточных. Из четырех его сыновей двое были взяты в солдаты и умерли на службе; двое живут при отце и отчасти перецели от него уменье петь былины».

Гильфердинг записал в 1871 г. от Рябинина 18 былин, частью весьма сложных. За десять лет раньше Рыбников от того же Рябинина записал 22 былины (см. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I, изд. 2, М. 1909,

стр. 3—141). Из тех былии, какие Рябинни пел Рыбникову, он припомнил для Гильфердинга 14 (причем былину об Илье и Калине даре дал в совершенно другом изложении); зато он спел для Гильфердинга четыре новых былины, которых не записал от него Рыбников (в том числе и былину «Добрыня и змей»). Таким образом общий репертуар его 25—26 былин.

Знание былин перешло и к родственникам Рябинни, в том числе к его сыну Ивану Трофимовичу, а затем и к внукам и другим родственникам живущим и в настоящее время).

Былина относится к числу популярнейших (только в сборнике Гильфердинга приведено 11 вариантов); она известна в целом ряде старинных рукописных текстов, один из которых мы приводим для сравнения.

ПОВЕСТЬ О СИЛЬНОМ МОГУЩЕМ БОГАТЫРЕ О ИЛЬЕ МУРОВЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Во славном было граде Морове слуша Илья Муровец заутреню воскресную и в уме держал к сильному ко князю Владимиру киевскому Всеславичу, а завет держал во всю востру саблю и на крепкий лук, чтоб во всю дорогу титивы не кладывать, что о(т)нют во всю дорогу широкую вострыя сабли из пожней не вынимать и на крепкой лук титивы не кладывать. И как едучи будет по(д) Себеж^М градом, и услыша^А крик и стук и ко^нское ржаніе, и поехал тут сильны Илья Муравец, ажко под Себежем градом стоят три царевича заморские, а силы с ним было у всякова царевича по сту и по тысяче, а хотят они Себеж град за щитом взять, а самого царя сибирского в полон взять. И тут Илья Муровец (*mak!*) отвязывает свою востру саблю о^Т седла черкасского и папускает на их силу великую, как на галечье стадо, и побил всю рать силу великую и трех дрвичев в полон взял и подарил сибирскому царю в подарки. Сибирской дрь взговорит: «О еси ты доброй молодец! как тебя зовут по имени и по отчеству, и которого ты города?» Ответ держал Илья Муровец: «Зовут меня, г^сда^Р, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Морова». И сибирской дрь взговорит: «Откуда твоя дорога излучилась?» Ответ держа^А Илья Муровец: «Еду, г^сдарь, к сто^Аному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславичу». И сибирской дрь взговорит Илье Муровцу: «Служи ты у меня; все о^Тдам тебе по^Адарства». Илья Муровец спрашивает у него прямой дороги ко граду Киеву. И сибирской дрь взговорит: «Прямая у нас дорога ка граду Киеву на леса брыц[с]кие, на грязи топучие, на мост калинов, на реку Смородыню, — только тут тебе дорога залегла ровно тридцать лет: ни единой год по той дороге никаков человек конской не проезживал, ни человек не прохаживал, ни птица не пролетывала, ни зверь не прорыскивал о^Т Солов(ь)а разбойника». И тут богатырское сердце разгорелось, и поеха^А прямой дорогою. И как Илья Муравец буде^Т на мосту калиновом, на реке Смородыне, — и спустил к нему Соловей разбойник, засвиста^А своим разбойничьим посвистом, ажко подыльею конь впоныкнулся. И тут Илья Муравец взговорит: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною в под^Тыкнулся? Нету веть сильнее меня на всей святоруской земле!» И вынимает свой крепкой лук и калену стрелу накладывает... Соловья разбойника в правой глас. И Соловей разбойник упал з девяти дубов, что овсяной сноп свали^Ася. Илья Муравец сел у него на белы груди и хотел у него выпнуть сердце ретивое.

И змолился Соловей разбойник: «Ой еси ты силен могучий богатырь, Илья Муравец сын Иванович! оставь душу хотя на покаяние!» Что взговорит Илья Муравец Солов(ь)ю разбойнику: «Скажи мне ты: где твоя золота казна лежиТ?» И Соловей разбойник взговорит таково слово: «Моя г(с)дарь, золота казна лежит (в) моиХ селаХ КутузовыХ, а гонцу гонять ровно по два месяца скоро наскоро во един месец». Илья Муравец привязывает Соловья разбойника к (с)воему с(т)ремени булатному. И как едучи будут по(д) селами Кутузовыми, и увидели Соловья разбойника ево 12 сыновей, и зговораТ таково слово: «Вон едет наш батюшко, везет мужика у стремени привязана». А большой сын взговорит: «То де едет Илья Муравец, везет нашего батюшка у стремени привязана». И метались в золоту казну, и надевали на себя ружье богатырское, и хотяТ они с ним поле даТ. И Соловей разбойник взговорит: «О еси вы, мое детушки! не дразните вы доброго молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте его за столы дубовы, а за ествы сахарныи». А Илья Муравец поворачивает своим добрым конем ко граду Киеву, ко князю Владимиру. И как едучи будет ко граду Киеву, и скачет чрез ограду каменную, и едет каК на княженецкой двор, не о(т)сылаючи и шапки не снимаючи, а Соловья при(в)язывает к своему доброму коню богатырскому, а сам входит в палату столовую, молится чудному образу, а князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны. И князь Владимир спрашивает: «О еси ты доброй молодец! Как тебя зовут по имени и потечеству, и которого ты города?» Ответ держал Илья Муравец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а потечеству Иванов сын, уроженец града Мурова». Князь Владимир взговорит: «Давно лы ты, Илья Муравец, из града Мурова поехал?» Ответ держал Илья Муравец: «Поехал я, государь, из Мурова, о(т)слушав заутреню воскресную». И князь Владимир усмеяется: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы: гоняют по два м(с)ца, а скоро на скоро во един месец с Киева в Мур град». Илья Муравец взговорит: «Да еще на меня, государь, две причины великие и беды неспосныи. Как поеха¹ из Мурова, о(т)слушав заутреню воскресную, а завет положи¹ на всю востру саблю и на крепкой лук, что о(т)нюдь во всю дорогу вострой сабли из ножей не вынимать и на крепкой лук (ти)тivity не кладывать; а как едучи будеТ по(д) Себежем градом, ажко столТ три царевича заморские, а силы с ним было у всякова царевича по сту и по тысяче: а хотяТ они Себеж град за щитом взять, а самого дая сибирского в полон взять, и я ево выручил, и побил всю силу их, и трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому дрю в подарки. И другая, государь, на меня при(т)чина была: как едучи на мосту калиновом, на реке Смородыне, и наехал, и напустил на меня Соловей разбойник: закричал громким голосом и сасвистал своим разбойническим посвистом, ажко подо мною конь впотыкнулся: и бил Соловья разбойника в правый глаС и привез его (с) собою в Киев град, и топерь оН стоит у моего коня богатырского привязан у стремени привязана». И выглядывает князь Владимир в оконечку хрустальную и сам взговорит: «О еси ты, Соловей разбойник! засвищи ты своим разбойническим посвистом». И Соловей разбойник ответ держит: «Не твой холоп, не слушаю тебя; я слушаю своего г(с)дина Илью Муравца». Велед Соловью разбойнику *Илья Муромец*:¹ засвистал разбойничем посвистом, ажко и тут у богатырей скаме(н)ки подломлись. И князь

¹ Слова «Илья Муромец» написаны позднее над строкою

Владимер бысть велими радощен і зговорит: «Тебе у меня, Ілья Муравец будет золота казна не запечатана и добрыи кони не изеждены за твою службу верную і богатырскую; заслужи ты мне верою і правдою». Теж люди миновалиса, а слава их до скончания века. Аминь. Конец и богу слава! Аминь.

[В. Миллер и Н. Тихомиров. — Русские былины старой и новой записи, М. 1894, стр. 1—4. По списку Публичной библиотеки второй половины XVIII в.]

5. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ.

- Как сильной могучо-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросолиму,
5 Как господу там богу помолитися,
Во Ёрдань там реченки купатися,
В кинарисном деревци сушитися,
Господиёму да гробу приложитися.
А сильной-то могучо Иванищо,
10 У ёго лапотци на ножках семи шелков,
Клюшá-то у его вель сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотци поплётены
Каменья-то были самоцветныи.
Как межениый день да шол он по красному солнышку,
13 В осеню почь он шол по доро́гому камению самоцветному.
Ино тут это сильной могучей Иванище
Сходил к городу еще Еросолиму,
Там господу-то богу он молился есть,
Во Ёрдань-то реченки купался он,
20 В кинарисном деревци сушился бы,
Господиёму-то гробу приложился да.
Как тут-то он Иван поворот держал,
Назад-то он тут шол мимо Царь-от град.
Как тут было еще в Царь-гради
25 Насхало погано тут Идолищо,
Одолели как поганы вси татарева,
Как скоро тут святый образа были покóлоты,
Да в чершы-то грязи были потоптаны,
В божьих-то церквах он начал тут копей кормить.
30 Как это сильно могуче тут Иванищо
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чисто поле,
А начал у поганого доспрашивать:
— Ай же ты, татарин, да неверный был!—
33 А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолищо,
Велик ли-то он ростом собой да был?—
Говорит татарин таково слово:

— Как есть у нас поганю есть Идолицю
 40 В долину две сажени печатных,
 А в ширину сажень была печатная,
 А головѣщо что ведь люто лохалищю,
 А глазища что шивные чашидца,
 А нос-от на роже он с локоть был. —
 45 Как хватил-то он татарина тут за руку,
 Бросил он ёго в чисто полё,
 А разлетелись у татарина тут косточки.
 Пошел-то тут Иванищю вперед онять,
 Идет он путем да дорожкой,
 50 На стречу тут ему да встречается
 Старый казак Илья Муромец:
 — Здравствуй-ко ты, старый казак, Илья Муромец! —
 Как он ёго ведь тут еще здравствует:
 — Здравствуй, сильное могучо ты Иванище!
 55 Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
 А ты откуль еще свой да путь держишь? —
 — А я бреду, Илья еще Муромец,
 От того я города Еросолима.
 Я там был ино госпуду богу молился там,
 60 Во Ердан-то реченки купался там,
 А в кипарисном деревци сушился там,
 Ко господнему гробу приложился был.
 Как скоро я назад тут поворот держал,
 Шел-то я назад мимо Царь-от град. —
 65 Как начал тут Ильюшенка доспрашивать,
 Как начал тут Ильюшенка доведывать:
 — Как все ли-то в Царь-гради по старому,
 Как все ли-то в Цари-гради по прежнему? —
 А говорит тут Иван таково слово:
 70 — Как в Цари-гради-то нуьчу не по старому,
 В Цари-гради-то нуьчу не по прежнему.
 Одолели есть поганьи татарева,
 Наехал есть поганое Идолицю,
 Святыи образа были покóлоты,
 75 В черныи грязи были потоптаны,
 Да во божьих церквах там коней кормят. —
 — Дурак ты сильное могучо есть Иванищю!
 Силы у тебя есте с два меня,
 Смелости, ухватки половинки нет.
 80 За первые бы речи тебя жалсвал,
 За эти бы тебя й наказал
 По тому-то телу по нагому!
 Зачем же ты не выручил царя-то Костянтина
 Боголобова?
 Как ино скоро розувай же с ног,
 85 Лапотци розувай семи шелков,
 А обувай мои башмачики сафьяныи,

- Сокручуся я каликой перехожею. —
 Сокрутился е каликой перехожею,
 Дават-то ему тут своего добра коня:
- 90 — На-ко, сильной могучо ты Иванищо,
 А на-ко ведь моего ты да добра коня!
 Хотя ты ездилъ, хоть водкомъ води,
 А столько еще, сильной могучо ты Иванищо,
 Живи-то ты на улѳвном¹ этомъ мѣстечки,
- 95 А живи-тко ты еще, ожидай меня,
 Назад-то сюды буду я обратно бы.
 Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд. —
 Не дойдѣт тут Ивану разговаривать,
 Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
- 100 Взимат-то он от ѳго тут добра коня.
 Пошел тут Ильюшенка скорымъ скоро
 Той ли-то каликой перехожею.
 Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-от град,
 Хватил он там татарина подъ назуху,
- 105 Вытащилъ его он на чистѳ полѳ,
 Какъ началъ у татарина допрашивать:
 — Ты скажи, татаринъ, не утай себя,
 Какой у васъ невежа есть поганый былъ,
 Поганый былъ, поганое Идолищо? —
- 110 Какъ говоритъ татаринъ таково слово: —
 — Есть у насъ поганѳ Идолищо,
 А росту две сажѣни печатныхъ,
 В ширину сажень была печатная,
 А головѳщо что ведь лѳтое лохалищо,
- 115 Глазища что ведь пивные чѳшища,
 А нос-от на рожѳ с локоть былъ. —
 Хватил-то он татарина за руку,
 Бросилъ он ѳго во чистѳ поле,
 Разметелъсь у ѳго тут косточки.
- 120 Какъ тут-то ведь еще Илья Муромецъ
 Заходитъ Ильюшенка во Царь-от град,
 Закрычалъ Илья тут во всю голову:
 — Ах ты дарь да Костянтинъ Боголюбовичъ!
 А дай ка мне, калики перехожиинъ,
- 125 Злато мне, милѳстину спасѣную. —
 Какъ ино царь-онъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
 Он-то ведь уж тут зрадовѣется.
 Какъ тут в Цари-гради отъ крыку еще каличьего
 Теремы-то ведь тут пошаталѳся,
- 130 Хрустальниинъ оконнички посыналѳсь.
 Какъ у поганого сердечко тут ужѳхнулось,
 Какъ говоритъ поганѳ таково слово:
 — А царь ты, Костянтинъ Боголюбъ былъ!

¹ Где легко уловить или найти.

- Какой это калика перехожая? —
- 133 Говорит тут царь Костянтин таково слово:
— Это есте русская калика zde. —
— Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку да пои его,
Надай-ко ему ты злата, серебра,
- 140 Надай-ко ему злата ты долюби. —
Взимал он царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил-поил калику, зрадовается,
- 143 И сам-то он ему вопроговорит:
— Да не красное ль то солнышко пороснекло,
Не млад ли zde светел месяц пороссветил?
Как нуечку топеречку zde еще
Как нам еще сюда показался бы
- 150 Как старый казак здесь Илья Муромец.
Как нуь-то есть было топеречку
От тьи беды он нас повыручит,
От тьи от смерти безнапрасныи! —
Как тут это поганое Идолищо
- 155 Взимает он калику на доспрос к себи:
— Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старый казак есть Илья Муромец?
- 160 Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль еще пьет зелена вина? —
Как тут эта калика было русская
Начал он калика тут высказывать:
— Да ай же ты, поганой Идолищо!
- 165 У нас-то есть во Киеви
Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом равным с меня,
А мы с им были братьяца крестовыи,
А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,
- 170 А пьет-то зелена вина на три пятачика на медных. —
— Да чорт-то ведь во Киеви-то есть, не богатырь был!
А бы бы то ведь zde да богатырь тот,
Как я бы тут его на долонь-ту клал,
Другой рукой онять бы сверху прижал,
- 175 А тут бы еще да ведь блин-то стал,
Дунул бы его во чисто поле!
Как я-то еще ведь Идолищо
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная,
- 180 Головищо у меня да что люто дохалищо, ✓
Глазища у меня да что пивныи чашища, ✓
Нос-от ведь на рожи с локоть бы.

- Как я-то ведь да к выти ¹ хлеба ем
 А ведь по три-то печи печонных,
 185 Пью-то я еще зелена вина
 А по три-то ведра я ведь мерных,
 Как штей-то я хлебаю — но яловицы есте русскии. — ²
 Говорит Илья тут таково слово:
 — У нас как у пона было ростовского
 190 Как была что корова обжориста,
 А много она ела, пила, тут и трэснула,
 Тебе-то бы поганому да также быть. —
 Как этии тут речи не слюбилися,
 Поганому ему не к лицу пришли,
 195 Хватил как он пожищо тут кинжалщио
 Со того стола со дубова,
 Как бросил ён во Илью-то Муромца,
 Что в эту калку перехожую.
 Как тут-то ведь Ильи не дойдёт сидеть,
 200 Как скоро ён от пожика отскакивал,
 Кошаком тот ножик приотваживал.
 Как пролетел тут пожик да мимо-то,
 Ударил он во дверь во дубовую,
 Как высочила тут дверь тут с ободверинной.
 205 Улетела тая дверь да во сипи-ты,
 Двенадцать там своих да татаровой
 На мертвó убило, друго ранило.
 Как остальни татара проклипают тут:
 — Буди трою проклят, наш татарин ты! —
 210 Как тут опять Ильюше не дойдёт сидеть,
 Скоро он к поганому подскакивал,
 Ударил как клюшой ёго в голову,
 Как тут-то он поганый да захамкал есть.
 Хватил затым поганого он за ноги,
 215 Как начал он поганым тут помахивать,
 Помахиват Ильюша, выговариват:
 — Вот мне-ка, братцы, нуньчу оружьё по плечу
 пришло. —
 А бьет-то, сам Ильюша выговариват:
 — Крепок-то поганый, сам на жилочках,
 220 А тянется поганый, сам не рвется. —
 Начал он поганых тут охаживать
 Как этиим поганым Идолицом.
 Приблиз-то он поганых всех в три часу,
 А не оставил тут поганого на симена.
 225 Как царь тут Костянтин-он Боголюбович
 Благодарствует его Илью Муромца:
 — Благодарим тебя, ты старый казак Илья Муромец!

¹ Количество еды зараз.

² То есть в этих щах есть целая телка.

- Ночь ты нас еще да повыручил,
 А ночь ты нас еще да повыключил
 230 От тыи от смерти безнапрасныи.
 Ах ты, старын казак да Илья Муромец!
 Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
 Пожалую тебя я воевоюю. —
 Как говорит Илья ёму Муромец:
 235 — Спасибо, царь ты, Костянтин Боголюбовиц!
 А послужил у тя столькй я трй часу,
 А выслужил у тя хлеб соль мяккую,
 Да я у тя еще слово гладкое,
 Да еще уветливо да приветливо.
 240 Служил-то я у князя Володимера,
 Служил я у его ровно тридцать лет,
 Не выслужил-то я хлеба соли там мяккни,
 А не выслужил-то я слова там гладкого,
 Слова у его я уветлива есть приветлива.
 245 Да ах ты, царь Костянтин Боголюбовиц!
 Нельзя-то ведь еще мне где-ка жить,
 Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
 Оставлен есть оставш (так) на дороженки. —
 Как царь-тот Костянтин Боголюбович
 250 Насыпал ему чашу красна золота,
 А другую-то чашу скачна жемчуга,
 Третью еще чиста серебра.
 Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,
 Высыпал-то в карман злато, серебро,
 255 Тот ли-то этот скачный жемчужок,
 Благодарил-то он тут даря Костянина
 Боголюбова:
 — Это ведь мое-то заработное. —
 Как тут-то с дарем Костянтином
 распространили,
 Тут скоро Ильюша поворот держал.
 260 Придет он на уловно это мистечко,
 Ажно тут Иваницо притаскано,
 Да ажно тут Иваницо придерзано.¹
 Как и приходит тут Илья Муромец,
 Скидывал он с себя платья-ты каличьи,
 265 Розувал лапотцы семи шелков,
 Обувал на ножки-то сапожки сафьянныи,
 Надевал на ся платица цветныи,
 Взимал тут он к себе своего добра коня,
 Садился тут Илья на добра коня,
 270 Тут-то он с Иваницом еще распрощается:
 — Прощай-ко нушь ты, сильной могучо Иваницо!
 Впрель ты так да больше не делай-ко,

¹ То есть платье у него истаскано и порвано.

А выручай-ко ты Русню от поганных. —
Да поехал тут Ильюшенка во Киев град.

Былина приводится по записи А. Ф. Гильфердинга от сказителя
Никифора Прохорова из дер. Буракова.

[Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 236—242,
№ 48. Запись 26 июля 1871 г.]

О Никифоре Прохорове см. выше заметку Харузиной.

6. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН ЕГО.

- Из стольного города из Киева
Выезжали два могучиё богатыря:
Один богатырь Илья Муромец,
Да другой молодец Добрынюшка Микитьевич.
8 Приезжали богатыри на Фавор гору,
Росставляли богатыри полотнян шатёр,
Во шатри-то богатыри опочив держат,
Спят темную ночь до белá свету
Пробужается свет государь Илья Муромец,
10 Да и сам говорит таково слово:
— Вставай, молодец Добрынюшка Микитьевич!
У нас что де над шатром сотворилосе,
Налетела на шатёр да вещь птица,
Вещá птица черной ворон,
13 Черной ворон сам прокёркиват,
Нерадошну весточку сказыват.
Да выходи-тко, Добрыня, из бела шатра,
Погляди по дороге прямоезжие:
Не проехала ли поляница удалая? —
20 Выходил Добрыня из бела шатра,
Да поглядел по дороге прямоезжие,
Да проехала поляница удалая.
Да ево храбра поездка молодецкая,
Да ископыть у коня мётана
25 По целой-то овчине по барановой.
У коня изó рта-то пламя машё,
Из поздрей у коня да кудряв дым валит,
Да еде молодец да сам тешится,
Да шибает он палицу под облаки,
30 Да назад-то она сй подхватыват.
Да пришол Добрынюшка в шатёр, а сам рассказывает:
— Ты де, батюшко да Илья Муромец!
Да проехала поляница удалая,
Ево храбра поездка молодецкая,
33 Ископыть у коня мётана
По целой овчине по барановой.
У коня изó рта-то пламя машё,
Из поздрей у коня да кудряв дым валит,
Да еде молодец да сам тешится,
40 Да шибает он палицу под облаки,

- Да назад-то она ей подхватывает. —
 Говорит Илья Добрыни таково слово:
 — Да ты, молодец Добрынюшка Микитьевич!
 Поезжай-ко те́нерь за богатырем.
- 43 Да буде русской богатырь — побратайся,
 А неверной богатырь — ты войны проси. —
 Говори Добрыня Илья таково слово:
 — Ты де, батюшко да Илья Муромец!
 Я не смею де ехать за богатырем. —
- 50 Говорит Илья Добрыни таково слово:
 — Когда не смеешь ты ехать за богатырем,
 Дак больше мне в товарищи не надобно.
 Поезжай-ко назад ты во Киев град,
 К молодой-то жены, да к своей матери. —
- 53 Да ставал Илья на чеботы сафьянные,
 Да на спи чулки кармазинные.
 Надевает он шубу соболиную,
 Да выходит старик из белá шатра,
 Да уздал-седлал он добра коня,
- 60 Да уздал-то оседлал скоро-на-скоро,
 Скоро-на-скоро да крепко-на-крепко.
 Да скочил де старик на добра коня,
 Да поехал Илья за богатырем.
 Да он едет из утра день до вечера,
- 63 Да и темную ночь до белá свету;
 Да на другой-от день попускается,
 Да другой день проехал из утра до вечера,
 Да и темную ночь до бела свету,
 Да догнал он богатыря в чистом поли.
- 70 Да из далеча-то Илья закричал во звериному,
 Засвистал да старик а по змеиному,
 Да под богатырем копь на колени пал.
 Да еде богатырь, не оглянется,
 Да бьет палкой коня по тучным ребрам:
- 73 — Ты, несытая кляча конь а травяной мешок!
 Еще что ты в поле птиды шарашинься,
 Налетела де ворона, поразграялась. —
 Закричал Илья-то во второй након,
 Да засвистал де старик по змеиному,
- 80 Под богатырем конь а на колени пал.
 Да оборачивал богатырь коня к Илью Муромцу,
 Да съехались оны уже копыями, —
 Только конья ты в кольцах попригнулисе.
 Да разъезд чинили на тридцати верстах,
- 83 Да съехались багатыри палками, —
 Только палки по шербням отвернулисе.
 Соскочили оны со добрых коней,
 Да схватились оны на рукопашной бой.
 Да хватил неверной богатырь Илью Муромца,

- 90 Да шибал де его о сырú землю,
Да и сам де садился на белы груди,
Да вынимал из чинжалища вострой нож,
Да хотел ему пороть а груди белые.
Да и видит Илья, что беда пришла
- 95 Поглядел он на ручку на правую,
На бою де старику смерть не писана.
Да сокоплял Илья силу всю в одно место,
Да сшибал с себя богатыря в чисто полё.
Да выскочил он на резвыи ноги,
- 100 Да хватил де богатыря за желты кудри,
Да шибал ево он под облаки,
Да назад-то он ево подхватывал.
Кабы де ево не подхватывал,
Дак предал бы ему смерть ту скорую.
- 105 Становил де богатыря протіво себя,
Да начал ёво он выспрашивать:
— Скажи-тко, удалый дородный добрый мóлодец!
Ты коёй орды, ты коёй земли,
Да которого ты града урожденне,
- 110 Да и как тебя зовут по имену? —
Говорит молодец таково слово:
— Да не зию я себе рóдного батюшка,
Да одна у м'ня есть родная матушка,
Да старья девка Сиверьянична. —
- 115 Говорил Илья-то таково слово:
— Да и съедешь ты к родной матери,
Да скажи-тка ты матери низкóй поклон. —
Да поехал молодец к своей матери,
Да встречает ево матушка родимая,
- 120 Да сама говорила таково слово:
— Да ты что, Василей, приехал не весёл а с чиста поля? —
Говорил де Васька своей матери:
— Да государыни моя ты, родна матушка!
Да наехал богатырь меня во чистом поле.
- 125 Да перво я было ево побил, сидел да на белых грудях,
Да хотел ему пороть а груди белые,
Да он меня сшибал во чисто поле,
Да ухватывал за желты кудри,
Да шибал де меня под облаки,
- 130 Да назад-то он мепя подхватывал.
Кабы он, мать, не подхватывал,
Дак предал бы мне смерть ту скорую. —
Говорит ему мать да таково слово:
— Да и ты, дитя моё милоё,
- 135 Да и тут-то тебе ведь уж отец родной. —
Говорил де Василей своей матери:
— Государыни моя ты, рóдна матушка!
Да не хочу де я слыть заугольником,

- Да ему жить, алибо мне-ка жить. —
 140 Да обвараживал назадъ добра коня
 Да поехал опять к Ильи Муромцу,
 Да Ильи Муромец, где бился, тут и опочив держать (*mak*).
 Да раздѣргиван был ево бел шатѣр,
 Да закричал де Васька зычнымъ голосом:
 143 — Да ты, старая собака, седатой пес!
 Да выходи-тко ты а из бела шатра:
 Тебе ведь жить, либо мне-ка жить! —
 Да ставал Ильи на чеботы сафьянные,
 Да на спни чулки кармазинные,
 150 Да выходил Ильи из бела шатра,
 Да хватил де богатыря с коня за желты кудри,
 Да шибал же он ево под облаки,
 Да назадъ-то ево да не подхватывал,
 Да предал ему смерть ту скорую.

Былина записана А. Ф. Гильфердингом от крестьянина дер. Поромска И. П. Сивдева (по прозванию Поромского), 65 лет, отец которого был лучшим знатоком былии во всем околотке.

[Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 1046—1049, № 219. Запись 12 августа 1871 г.]

В тексте, записанном в бывш. Шенкурскому, бывш. Архангельской губ. (ныне области) и опубликованном в сборнике «Песни, собранные П. Киреевским», изд. Общ. любит. Росс. слов., вып. I, изд. 2, М. 1868, стр. 46—52, дается изображение богатырской заставы:

Под славным городом под Киевом,
 На тех на стенах на Цидарских,
 Стояла застава богатырская.
 На заставе атаман был Ильи Муромец;
 Податаманье был Добрыня Никитич млад,
 Есаул Алеша поповский сын;
 Еще был у них Гришка боярский сын,
 Был у них Васька Долгополой...

Когда мимо заставы проезжает могучий богатырь (не являющийся здесь сыном Ильи), богатыри

Стали думу крепкую думати:
 Кому ехать за нахвальщиком?
 Положили на Ваську Долгополого.
 Говорит большой богатырь Ильи Муромец,
 Свет атаман сын Иванович:
 — Не ладно, ребятушки, положили:
 У Васьки полы долги,
 По земле ходит Васька — заплетается,
 На бою — на драке заплетется,
 Погинет Васька по напрасному. —
 Положились на Гришку на боярского:
 Гришке ехать за нахвальщиком,
 Настигать нахвальщика в чистом поле.
 Говорит большой богатырь Ильи Муромец,
 Свет атаман сын Иванович:
 — Не ладно, ребятушки, удумали:
 Гришка рода боярского,
 Боярские роды хвастливые;

И так сильно налег старик, что молодец упал на землю, а старик на него сверху, приставил к груди меч и говорит: «Скажи мне скорее свое имя и род, или ты расстанешься здесь с жизнью». Отвечал Алибранд: «Теперь-то я и не скажу его, ибо отныне мне жизнь ни о чем, когда победил меня такой старый, седой гусь». Говорит Гильдибранд: «Если хочешь сохранить жизнь, то говори скорее; коли ты сын мой Алибранд, то я отец твой Гильдибранд!» Тут ответ держал молодец: «Коли ты Гильдибранд, мой отец, то я твой сын Алибранд». Скоро вставал с него Гильдибранд, а Алибранд поднимался на ноги, целовались они и спознавались друг с другом. Очень обрадовался Гильдибранд сыну своему Алибранду, а Алибранд — отцу своему Гильдибранду. Вскочили они на своих коней и поехали домой к замку.

Известен этот сюжет также, например, в персидской литературе; сюда относится эпизод из поэмы Фирдоуси «Шах-намэ», рассказывающий о борьбе богатыря Рустема с сыном его Зорабом (см. перевод Жуковского «Рустем и Зораб»).

7. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ГОЛИ КАБАЦКИЕ.

Во славном во Киеви городе
Были сильные славные богатырь Илья Муромец,
Он ездил дáleче далече во чистом поли,
Он ездил много времени.

5 Цветно платье ево истаскалосе,
Золота казна у ево издержалосе.

Приезжаё во Киев град,
Захотел он с пути-дорожки опохмелиться,
Приходит он во царев кабак,

10 Говорит чумакам человальнигам:
— А й вы, братцы, чумаки человальники!

Я ездил долго в чистом поли,
Цветно платье у м'ня истаскалосе,
Золотая казна у м'ня издержалосе,

15 Я желаю теперь с пути опохмелиться,
Со своими людьми познакомиться.
Вы позвольте мне три бочки сороковые
Зелена вина безденежно. —

Говорят чумаки человальники:

20 — А й ты, старая собака, седатый пёс!
Да не дадим мы без денег зелена вина. —
Да не много-то Илья у их спрашивал,
Да не много с нима разговаривал.

Приходил он ко подвалу кабачному,

25 Он пинал правой ногой во двери подвальной,
Брал он бочку сороковую под пазуху,
Да другую брал под другую,
Третью бочку он ногой катил.

Выходил Илья да на зеленый луг,

30 Закрывал он во всю голову челоичию,
Во всю силу свою богатырскую,

- Он зычным громким голосом:
 — А и вы, братцы мои пьяници,
 Да вы, голи кабацкие,
 35 Кабацкие голи, мужички деревенские!
 Вы пожалуйте ко мне на зеленый луг,
 Да вы пейте у м'ня зелена вина до пьяна,
 Да вы молитесь бога за старого. —
 Да собирались пьяници, голи кабацкие,
 40 Мужики деревенские на зеленый луг,
 Они пили вино да и безденежно.
 Да чумаки человальники
 Не могли у Илья отнять зелена вина.
 Да Илья-то Муромец скидал с себя шубу соболиную,
 45 Обливал эту шубу зеленым вином,
 Сам волочил по лужечку зеленому,
 Он ко шубы приговаривал:
 — Уливайся, моя шуба, зеленым вином.
 Судит ли мне бог волочить собаку даря Галина
 50 Да по этому лужечку зеленому,
 А ёму от моих белых рук плакати. —
 Услыхали эти речи чумаки человальники,
 Приходили ко князю Владимиру,
 Они били челом, низко кланялись.
 55 — Да уж ты, наш свет государь-де Владимир князь!
 Да мы не знаем у нас вчера какое чудо сотворилось,
 Да не знаем, кто пришол:
 А черт ли пришол, али водяной пришол
 К нам на царев кабак.
 60 Он просил зелена вина безденежно
 Три бочки сороковые,
 А мы безденежно ёму вино не дали.
 Да он не много у нас спрашивал,
 Да не горазно с нами разговаривал,
 65 Шол ко подвалу кабачному,
 Он пинал-де во двери подвальные правой ногой,
 Брал он бочку сороковую под пазуху,
 А другую брал бочку под другую,
 Да третью бочку ногой катил.
 70 Да и выходил он, сударь, на зеленый луг,
 Закричал-де он громким голосом,
 Во всю голову человеческу,
 Во всю силу свою богатырскую:
 — А и вы, братцы мои, вы, товарищи,
 75 Пьяници, голи кабацкие,
 Мужички деревенские!
 Вы пожалуйте ко мне на зеленой луг,
 Да вы пейте у м'ня зелена вина безденежно. —
 Приходили тут пьяници, голи кабацкие,
 80 На зеленой луг,

- Роспил он вино им безденежно,
 Да скінал с себя шубу соболиную,
 Да уливал эту шубу зеленым вином,
 Да й волочил по лужечку зеленому.
- 83 Да он ко шубы приговаривал:
 Да уливайся, моя шуба, зеленым вином,
 Да судит ли мне бог волочить собаку князя Владимира
 Да по этому лугу зеленому.
 Да нам нечем, сударь, Владимир князь,
- 90 Нечем буде за вино расчет держать. —
 Воскричал князь Владимир стольни-киевской
 Своим громким голосом:
 — Посадить его в погреб глубокие,
 В глубокий погреб до сорока сажен.
- 93 Не дать ему не пить, не есть да ровно сорок дней,
 Да пусть он помрёт, собака, и с голоду. —
 Как узнала про это честная вдовица княгиня Апраксия,
 Что посажен Илья Муромец да во глубокий погреб,
 Она сделала подкопъ ту тайную,
- 100 Да во тот ли погреб глубокие,
 Кормила, поила Илью ровно сорок дней.
 Да прошол туто слух по всем землям, по всем ордам,
 Да прознали то все короли иностранные,
 Что не стало во Киеве во городе
- 103 Славного богатыря Ильи Муромца.
 Из той земли из Корельские
 Подходил тут под Киев град
 Собака Галин царь
 Со своей силой армией.
- 110 Да й не много не мало было силы нагонено,
 Да колько было в лесу стоячего,
 Да й на лесочку-то прутья весучего,
 А на прутьях листочку зеленого.
 Он пашё во Киев град ко князю Владимиру,
- 113 Да ли пашё к ёму со угрозами:
 — А й ты, князь Владимир, стольни-киевской!
 Ты пожалуй-отдай добром мне Киев град,
 Без бою-то драки великие.
 А если добром не дашь Киева,
- 120 То я возьму его силою,
 Я князей, бояр твоих всех повирублю,
 Да и княгини, боярыней живых в полон возьму,
 А тебя, князя Владимира,
 Предам смерти скорые. —
- 123 Тех-то угроз Владимир князь испугается,
 Об Ильи Муромца схватается.
 — Как бы был ум'ня жив несудимый богатырь Илья Муромец,
 Да я не слышал бы я этой угрозы великие. —
 Да приходит честная вдовица княгиня Апраксия

130 Ко князю Владимиру.

Она бьет челом да и поклоняется:

— Да уж ты, свет-государь наш, Владимир князь!

Да ты прости меня, я виновата есть:

Да жив-то Илья да ведь Муромец,

135 Он сидит во тёмном во погреби.

Я сделала подкош тут тайную

Да во тот ли во погреб глубокие,

Я поила, кормила его сорок дней. —

Да говорит ей Владимир князь:

140 — А и же ты, честная вдова, княгиня Апраксия!

Если правду говоришь до любви буду жаловать,

А если нет жива, буду казнить твою голову. —

Приходи князь во погреб глубокие,

Тот погреб сорока сажень.

145 Он приходит к Ильи, поклоняется,

Говорил-то Владимир Ильи таковы слова:

— Ты прости, сударь Ильюшенка, во первой вины,

Этому делу были виновны человальники. —

Да приходит во погреб честная вдова княгиня Апраксия,

150 Да приходит, Ильи поклоняется:

— А и же ты, сильный богатырь Илья Муромец!

Послужи ты за веру христианскую,

Да и за землю российскую,

Да за славный за Киев град,

155 За вдов, за сирот, за бедных людей,

За меня молодую княгиню Апраксию,

Да за князя за стольного Владимира. —

Говорил тут Илья-де Муромец:

— А и же ты, честная княгиня, вдовица Апраксия!

160 Я иду служить за веру христианскую,

И за землю российскую,

Да и за стольные Киев град,

За вдов, за сирот, за бедных людей,

И за тебя, молодую княгиню, вдовицу Апраксию,

165 А для собаки-то князя Владимира

Да не вышел бы я вои из погреба. —

Выходил-то Илья из погреба глубокого,

Он седлал-уздал своего коня доброго,

Он садился на добра коня,

170 Брал он в руки шальгу железную,

Да железну шальгу дорожную,

Да котора была весу ровно сто пудов,

Да поехал он во чисто поле,

Где стояла сила собаки царя Галина.

175 Только видели молодца на коня ведь саждающе

Да не увидели, куда его поедучи.

Он как взял этой шальгой помахивать,

Да и по татарам пошалкивать,

- Да кудá ли махнё — ушцá падё,
 180 А назадь отмахнё — переулиди,
 Да испробил он всех до единого.
 Приезжал ко шатру-де он царскому,
 Да он берёт-де в полон самого царя Галина,
 Предал его смерти скорые.
 183 Да тем решилося царство татарскоё,
 Покорилась земля-де Корельская
 Да стольнёму князю Владимиру,
 Да стали татáрове
 С той пóры дань платить,
 190 И тем это дело прикончилось.

Былина записана Гильфердингом от крестьянина из дер. Мамонова И. М. Кропачева или Лядкова, 65 лет.
 [Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 1175—1179, № 257. Запись 13 августа 1871 г.]

Былина эта важна для истории образа Ильи Муромца, выступающего здесь в роли предводителя «голей кабацких». Характерно наименование князя Владимира «собакой» и заявление Ильи Муромца, что «для собаки-то князя Владимира» он «не вышел бы вон из погреба».

В былине, записанной Гильфердингом от Никифора Прохорова [«Онежские былины», стр. 233—236, № 47. Запись 26 июля 1871 г.], гнев Ильи изображается так:

А тот ли-то князь да стольнё-киевской,
 А й сделал как задёрнул свой почестной пир
 Для князей, для бояр да для богатырей,
 А для тых богатырей да русских,
 Чтобы всяко званіе да шло туды,
 А на тот, на тот да на почестный пир,
 А к стольнёму князю ко Владимиру.
 Да забыл он позвать да что лучшего,
 А что лучшего, да лучшего богатыря,
 А старого казáка Ильёу Муромца.
 Да тут-то ведь к Ильёше не к лицу пришло,
 А не к лицу пришло, стало похабно есть,
 И тут-то Илья да роззодорился,
 А тут-то Илья да розретивился.
 Как скоро натянул он свой тóгой лук,
 А клал он тут стрелочку каленую,
 А тут-то сам Ильёшенка роздумал:
 — А что мне, молодцу, будё поделати?
 А я нынь, молодец, е розгневанной,
 А я нынь, молодец, есть роздрáженной. —
 Как он-то за тым тут повьдумал,
 А стрелил-то он тут по божьим церквам,
 А по тым стрелил по чудным крестам,
 А по тым маковкам золоченым.
 Да пали тут тыи маковки,
 Да пали тут, отпали на сыру землю,
 Да сам он закрычал тут во всю голову:
 — Да ай же вы были, голи мои,
 А голи мои вы кабацкии,
 А доброты-то вы еще царскии!
 А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,
 А обирайте маковки вси золоченыи!

А подёмте-ко вы да со мной еще
А тот-то на тот да на дарев кабак... —

К рассказу об Илье и голях кабадких присоединен в нашей былине рассказ о победе Ильи над Галином (чаще Калином) дарем. Былина об Илье и Калине встречается часто отдельно или в другой связи.

8. ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ.

- Да й спорбдила Добрыню рѣдна матушка,
Да возрѣстила до полногѣ до возраста;
Стал молоденькой Добрынюшка Микитинец
На добромъ коне в чисто поле поезживать,
5 Стал он малых змеёнышев потаптывать.
Призжал Добрыня из чиста поля,
А й сходил-то как Добрынюшка с добра коня
И он шел в свою полату в белокаменну,
Проходил он во столову свою горенку,
10 Ко своей ко рѣдною ко матушки.
Говорила тут Добрыни рѣдна матушка:
— Ай же свет, моё цалѣ любимѣ,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Ты на добромъ коне в чисто поле поезживашь,
15 Да ты малых змеёнышев потаптывашь.
Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Да ты далече, далече во чисто поле,
Ко тым славнымъ горам да к сорочинскимъ,
Да ко тым норам да ко змеиньимъ,
20 Не топци-ко ты там малых змеёнышев,
Не входи-ко ты во норы в змеиньы,
Не выпускай-ко полонов оттуль расейскихъ,
Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Ко той славною ко матушки к Пучай-реки,
25 Не ходи-ко ты купаться во Пучай-реки,
То Пучай-река очюнь свирипая,
Во Пучай-реки две струйки очюнь быстрыхъ:
Перва струечка в Пучай-реки быстрымъ быстра,
Друга струечка быстра, быдѣто огонь секет. —
30 То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Родной матушки-то он не слушатся,
Выходил он со столовой своёй горенки
Да й во славныя полаты белокаменны,
И одевал соби одѣжиду снарядную
35 Да й рубашечки-манешечки шелковеньки,
Всю одѣжиду одел он да хорошеньку,
А хорошеньку одѣжиду снарядную;
Выходил он из полаты белокаменной
Да й на свой на славный на широк на двор,
40 Заходил он во конюшеньку стоялую,
Брал добра коня он богатырского,

- Брал добра коня Добрынюшка, заседывал,
 А й садился-то Добрыня на добра коня,
 Да с собою брал он паличку булатною,
 45 Да й не для-ради да драки кроволитьца великого,
 А он брал-то для потехи молодецкою.
 То повыехал Добрынюшка в чисто поле
 На добром кони на богатырскоём,
 То он ездил целый день с утра до вечера
 50 Да по славну по роздольцу чисто полю.
 Похотелось-то молодому Добрынюшки
 Ему съездити во далече чисто поле,
 Да й ко тым горам ко сорочинским,
 Да й ко тым норам да ко змеиным.
 55 Й он спустил коня да богатырского,
 Да й поехал по роздольцу чисто полю.
Еще день за день как быто дождь дождит,
Да й неделя за неделей как река бежит:
 То он день едет по красному по солнышку,
 60 Да он в ночь ехал по светлому по месяцу,
 Приезжал он ко горам да к сорочинским,
 Стал он ездить по роздольцу чисто полю,
 Он-то ездил целый день с утра до вечера,
 Потоптал он много множество змеёнышов.
 65 Й услышал то тут молоденькой Добрынюшка—
 Его доброй конь да богатырский
 А й стал на ноги да конь припадывать.
 А й поехал-то молоденькой Добрынюшка
 От тых славных от гор от сорочинских
 70 Да й от тых от нор он от змеиных,
 Да й поехал-то Добрыня в стольней Киев-град.
Еще день за день как быто дождь дождит,
Да й неделя за неделю как река бежит;
 То он в день едет по красному по солнышку,
 75 А он в ночь едет по светлому по месяцу,
 Он повыехал в роздольцо в чисто полё.
 Похотелось тут молодому Добрынюшки
 Съездить-то ко славной ко Пучай-реки,
 Посмотреть ему на славную Пучай-реку.
 80 То он ехал по роздольцу чисто полю,
 Да приехал он ко славной ко Пучай-реки,
 Становил коня он богатырекого,
 Да й сходил Добрыня со добра коня,
 Посмотрел-то он на славную Пучай-реку.
 85 Похотелось тут молодому Добрынюшки
 Покунатися во славной во Пучай-реки;
 Он одёжицу с себя снимал всю до-нага,
 Да й пошел-то он купаться во Пучай-реку.
 Там на тую пору на то времечко
 90 А й на славной да на Пучай-реки

- Да й случились быть тут красны девушки
 Оны клеют тонко беленькое платицо,
 Говорят оны молодому Добрынюшки:
 — Ты удаленькой дородней доброй молодец!
 95 То во нашою во славной во Пучай-реки
 Наги добры молодци не куплются,
 Оны куплются в тонких белых полотняных рубашечках. —
 Говорил-то им молоденькой Добрынюшка:
 — Ай жо, девушки да вы голубушки,
 100 Беломойници вы, портомойници!
 Ничего-то вы ведь, девушки, не знаете,
 Только знайте-тко вы, девушки, самы себя. —
 Он пошел-то как купаться во Пучай-реку,
 Перешол Добрыня перву струечку,
 105 Перешол Добрыня другу струечку,
 Перешол-то он Пучай-реку от бережка до другого;
 Похотелось тут молодому Добрынюшки
 Покупаться во Пучай-реки, поныркати.
 Там на тую пору на то времедко
 110 Да из далеча далеча из чиста поля,
 Из-под западней да спод сторонушки,
 Да й не дождь дождит да й то не гром громит,
 А й не гром громит, да шум велик идет:
 Налетела над молодого Добрынюшку
 115 А й змеиницо да то Горыницо,
 А й о трех змеиницо о головах,
 О двенадцати она о хоботах;
 Налетела над молодого Добрынюшку,
 Говорила-то змеицо таковы слова:
 120 — А топерь Добрынюшка в моих руках,
 А в моих руках да он в мойей воли!
 А 'ще что я похочу, то над ним сделаю:
 Похочу-то я молодого Добрынюшку,
 Похочу, Добрынюшку в полон возьму,
 125 Похочу-то я, Добрынюшку-то и огнем пожгу,
 Похочу-то я, Добрынюшку-то и в себя пожру. —
 И у того ли у молодого Добрынюшки
 Его сердце богатырско не ужакнулось;
 Он горазд был плавать по быстрым рекам,
 Да й нырнул-то он от бережка ко другому,
 130 Да й от другого от бережка ко етому.
 И он воспомнил тут свою да родну матушку:
 — Не велела мне да родна матушка
 Уезжать-то далече в чисто полё,
 135 Да й ко тым она горам ко сорочинским,
 Да й ко тым норам да ко змеиным,
 Не велела мне-ка сзидить ко Пучай-реки,
 Не велела мне купаться во Пучай-реки.
 Да и не зато ли где-ка поньчу странствую? —

- 140 И он ащó нырнул от бережка до бережка,
Выходил Добрыня на крутой берёг.
Тут зменищицо Горынищицо проклятоё,
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тела белого.
- 145 Й у того ли у молодого Добрынюшки
Не случилось ничто быть в белых ручушках,
Да и ёму нечим со змеищом попротивиться.
Поглянул-то как молоденькой Добрынюшка
По тому по крутому по бережку,
- 150 Не случилось ничто лежать на крутоём на бёрегу,
Ёму ничегó взять в белыи во ручушки,
Ёму нечим со змеищом попротивиться.
Ёна сыплет ёго искрой неутышною (*так*),
Ёна жгёт ёгó да тело белос.
- 155 Столько увидал молоденькой Добрынюшка,
Да й на крутоём да он на бёреги
То лежит колпак да земли греческой;
Ен берёт-то тот колпак да во белы ручки,
Он со тою ли досадушки великою
- 160 Да ударил он зменища Горынища.
Еще пала-то змея да на сырú землю,
На сыру-то землю пала во ковыль траву.
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Очень смелой был да оворотистой;
- 165 Да й скочил-то он змеищу на белы груди,
Роспластать-то ёй хотит да груди белыи,
Он хотит-то ёй срубить да буйны головы.
Тут зменищицо Горынищицо молиласи:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
- 170 Не убей меня да змеи лютою,
Да спусти-тко полетать да по белú свету.
Мы напишем с тобой записи промеж собой,
То велики записи немалыи:
Не съезжаться бы век по веку в чистом поли,
- 175 Нам не делать бою драки кроволития промеж собой,
Бою драки кроволития великого. —
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Ёи скорёшенько сходил-то со белой груди;
Написали оны записи промеж собой,
- 180 То велики оны записи немалыи:
Не съезжаться бы век по веку в чистом поли,
Нам не делать бою драки кроволитица промеж собой.
Тут молоденькой Добрынюшка Микитинец
Он скорёшенько бежал да ко добру коню,
- 185 Наделвал свою одёжицу спарядную,
А й рубашечки-манешечки шелковеньки,
Всю одёжицу надел снарядную,
Он скорешенько садился на добра коня,

- Выезжал Добрыня во чисто поле,
 190 Посмотреть-то на змеищу на Горынищу,
 Да которым она мѣстечком полѣтит по чисту по полю.
 Да й летела-то змеищу через Киев град,
 Ко сырѳй земли змеинищу припадала,
 195 Унесла она у князя у Владимира,
 Унесла-то плѣмничку любимую,
 Да прекрасную Забавушку Путятидну.
 То приехал-то Добрыня в стольный Киев град,
 Да на свой Добрыня на широкой двор,
 Да сходил Добрынюшка с добра коня.
 200 Подбегает к нему паробок любимыи,
 Он берѣт коня да й богатырского,
 Да й повел в конюшенку в стоялую,
 Стал добра коня да ѣн россѣдывать,
 Да стал паробок добра коня кормить-поить,
 205 Он кормить-поить да стал улаживать.
 То молѳденькой Добрынюшка Микитинец
 Он прошел своѣй полатой белокаменной,
 Заходил он во столову свою горенку
 Ко своѣй ко родною ко матушки,
 210 То ничим Добрынюшка не хвастает.

- Тут молѳденькой Добрынюшка Микитинец
 На почестен пир ко князю стал похаживать;
 То ходил Добрынюшка по дѣнь поры,
 Да ходил Добрыня по другѳй поры,
 215 Да ходил Добрынюшка по третей день.
 То Владимир князь-от стольнѣ-киевской
 Он по горенке да и похаживат,
 Пословечно государь он выговаривал:
 — Ай жо вы мои да князи бѳяра,
 220 Сильни русьские могучие богатыря,
 Ёще вси волхи бы все волшебники!
 Есть ли в нашеѣм во городи во Киеви
 Таковы люди, чтоб ѣездить им да во чисто поле,
 Кѳ тым славным горам да сорочинским,
 225 Кѳ тым славным норам да ко змеинным,
 Кто бы мог сходить во нѳры во змеинныи,
 Кто бы мог достать да плѣмничку любимую,
 А прекрасную Забавушку Путятичну? —
 Таковых людей во граде не находится;
 230 Не могут-то ѣездити во дѳлече чисто поле,
 Кѳ тым славным ко горам ко сорочинским,
 Да ко тым норам да ко змеинным.
 Тут Владимир князь-от стольнѣ-киевской
 А й по горенки да князь похаживал,
 235 Пословечно государь ѣн выговаривал:
 — Ай жо вы мои да князи бѳяра,

- Сильни русьскии могучие богатыря!
 Задолжал-то я во земли во неверных,
 У меня-то дани есть неплочены
- 240 За двенадцать год да с половиною. —
 Приходил-то он к Михайлушке ко Пóтыку,
 Говорил Михайлы таковы слова:
 — Ты, Михайло Пóтык сын Иванович!
 А й ты съезди-тко во землю в Политовскую,
 245 К королю-то к Чубадею к политовскому,
 Отвези-тко дапи за двенадцать год,
 За двенадцать год да й с половиною. —
 При́шол к старому к казáке к Ильи Муромцу,
 Говорил Владимир таковы слова:
- 250 — Ай ты старья казак да Ильи Муромец!
 А ты съезди-тко во землю-то во Шведскую,
 А ко тому королю ты съезди к шведскому,
 Вывези-тко дани за двенадцать год,
 За двенадцать год да с половиною. —
- 255 Тут Олешенька Григорьевич по горенке похаживат,
 Пословечно князю выговариват:
 — Ты Владимир князь да столен-киёвской!
 А й накшнь-то ту ведь службуку великую,
 Да велику слúжобку немалую,
- 260 На того да на молодого Добрынюшку,
 Чтобы съездил он во дáлече чистó поле,
 Кó тым славным ко горам да сорочинским,
 Да сходил бы он во норы во змеины,
 Отыскал бы твою плémничку любимую,
- 265 Да прекрасную Забавушку Путятичну,
 А привёз бы ён Забаву в стольнè-Киев град
 Да к тоби ко князю на шпрокой двор,
 Да привел бы во палаты в белокаменны,
 Да он подал бы тебе ю во белы руки. —
- 270 Тут Владимир князь да стольнè-Киевской
 Приходил-то он к молодому Добрынюшки,
 Говорил Добрыни таковы слова:
 — Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
 Налогаю тоби слúжобку великую,
- 275 Да й велику слúжобку немаленьку,
 А й ты съезди-тко во дáлече далéче во чистó поле,
 Кó тым славным ко горам ко сорочинским,
 Да сходи-тко ты во норы во змеины,
 Отыщи-тко плémничку любимую,
- 280 А прекрасную Забавушку Путятичну,
 Привези-тко ты ю в стольнè-Киев град,
 Приведи-тко мни в палаты в белокаменны,
 Да подай-тко ты Забаву во белы руки. —
 Тут молоденькой Добрынюшка Микитинец
- 285 Он за столиком сидит, сам запечалился,

- Запечалился он, закручинился.
 Выходил-то он за столиков дубовых,
 Выходил он за скамеечок окольных,
 Проходил-то ён полатой белокаменной,
 290 Выходил он из полаты белокаменной,
 Он с честна пиру идет да и не весело.
 Приходил в свои полаты белокаменны,
 Проходил он во столову свою горенку,
 Ко своей ко родною ко матушки.
- 295 Говорит Добрыни родна матушка:
 — Ай ты свет моё дадо любимое,
 Да й молоденькой Добрынюшка Микитинец!
 Что с честна пиру пришел да ты не весело?
 То местечико было в пиру не по чину?
- 300 Али чарою в пиру тебя приобнесли?
 Аль кто пьяница дурак да приобгалился?¹ —
 Говорил Добрыня родной матушки:
 — Ай жо свет моя ты родна матушка!
 Да в пиру-то место было по чину,
- 305 А'ще чарой во пиру меня не обнесли,
 Да то пьяница дурак да не обгалился, —
 А й Владимир князь-от стольнѣ-киевской
 Наложил-то мни ка служобку великую,
 А й великую мни служобку не малую:
- 310 Велел съездить мни во далече в чисто поле,
 Ко тым славным ко горам да к сорочинским.
 Он велел сходить во норы во змеиныи,
 Отыскать мне велел плѣмничку любимую,
 А прекрасную Забавушку Путятичну,
- 315 Да и привезти велел ю в стольнѣ-Киев
 град,
 Привезти ко князю на широкой двор,
 Привести ю во палаты в белокаменны,
 Подать князю-то да во белы руки. —
 Говорила тут Добрыни родна матушка:
- 320 — Ты молоденькой Добрынюшка
 Микитинец!
 А ты ешь-ка, пей, да на покой ложись,
 Утро мудренее живет вечера. —
 То молоденькой Добрынюшка Микитинец
 Он посл-то ештушок сахарных,
- 325 Да попил-то питьцов медвяных,
 Молодой Добрыня на покой улѣг.
 Да й по утрушку да то ранѣхонько,
 До исход зори да раннѣ-утренной,
 До выстаиванья да красна солнышка,
- 330 Да й будила-то Добрыню родна матушка:

¹ Насмелся.

— А ставай-ко ты, молоденькой
Добрынюшка!

- Да ты делай дело повеленое,
Сослужи-тко эту служобку великую. —
Молодой Добрынюшка Микитинец
- 335 Он скоренько стал да то й от крепка сна,
Умывался-то Добрынюшка белёшенько,
Надевался он да й хорошоохонько,
Выходил он из полаты белокаменной
Да й на свой на славный на широкой двор,
- 340 Проходил ён во конюшеньку в стоялую,
Брал коня Добрыня богатырского,
Да й седлал Добрынюшка добра коня,
Да й садился-то Добрыня на добра коня,
Выезжал Добрыня с широка двора.
- 345 Тут заплакала Добрынюшкина матушка,
Она стала-то ронить да слёз горючих,
Она стала-то скорбить да личка белого,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Я Добрынюшку несчастного спордила!
- 350 Как войдет-то ён во поры во змеиньи,
Да войдет ко тым змеям ко лютым,
Поросточат-то его да тело белое,
Еще выщют со Добрыни суровую кровь. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинец
- 355 Он поехал по роздольцу чисту полю.
Еще день-то за день быдто дождь дождит,
А неделя за неделю как река бежит;
Да он в день ехал по красному по солнышку,
То он в ночь ехал по светлому по месяцу,
- 360 Он подбехал ко горам да к сорочинским,
Да стал ездить по роздольцу чисту полю,
Стал он малых змеёнышев потаптывать.
Й он проездил целый день с утра до вечера,
Притоптал-то много множество змиёнышов.
- 365 Й услышал молоденькой Добрынюшка —
Ёго доброй конь да богатырский
А стал на ноги да конь припадывать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинец
Берет плеточку шелкову во белы руки,
- 370 То он бил коня да й богатырского,
Первый раз его ударил промежу уши,
Другой раз ударил промежу ноги,
Промеж ноги он ударил промеж задниц,
Да й он бил коня да не жалухою,
- 375 Да со всей он силы с богатырскою,
Ён давал ему удары-ты тяжелыи.
Его доброй конь да богатырский
По чисту полю он стал посакивать,

- По целой версты он стал помахивать,
 380 По колену стал в землюшку погрязывать,
 Из землюшки стал ножёк ён выхватывать,
 По сеной купны земельки ён вывёртывал,
 За три выстрелу (*tak*) он камешки откидывал.
 И он скакал-то по чисту полю, помахивал,
 385 И он от пог своих змеёнышев отряхивал,
 Потоптал всех малых змиёнышов.
 Подъезжал он ко норам да ко зменным,
 Становил коня он богатырского,
 Да и сходил Добрыня со добра коня
 390 Он на матушку да на сыру землю,
 Обладался-то (*tak*) молоденькой Добрынюшка
 Во доспехи он да в свои крепки:
 Во-первых брал саблю свою острую,
 На белы груди коньё клал муржамедкоё,
 395 Он под левую да и под правую
 Пологал ён пализку булатную,
 Под кушак ён клал шалыгу подорожную,
 И он пошел во ты во норы во зменны.
 Приходил ён ко норам да ко зменным;
 400 Там затворамы затворено-то медными,
 Да подпорамы-то подперто железными,
 Так нельзя войти во норы во зменны.
 То молоденькой Добрынюшка Микитинец,
 А подпоры он железны откидывал,
 405 Да и затворы-ты он медны отдвигивал,
 Он прошол во норы во зменны.
 Посмотрел-то он на норы на зменны,
 А и во тех норах да во зменных
 Много множество да полонów сидит,
 410 Полонá сидят да всё расейски,
 А и сидят-то там да князи бóяра.
 Сидят русьскии могучии богатыря.
 Похотелось-то молодому Добрынюшки,
 Похотелось-то Добрыни полонá считать,
 415 И он пошел как по норам да по зменным,
 Начитал-то полонów ён много множество.
 Да и дошел ён до змеинища Горынища;
 А и у той-то у змеища у проклятоу
 Да и сидит Забавушка Путятична.
 420 Говорил Добрыня таковы слова:
 — Ай жо ты, Забавушка Путятична!
 Да ставай скоренько на резвы ноги,
 Выходи-тко ты со нор да со зменных,
 Мы поедем-ко с тобой да в стольнё-Киев град.
 425 За тебя-то езу да я странствую
 Да и по далечу далечу по чистым полям,
 Да хожу я по норам да по зменным. —

- Говорит ёму змеинищо Горынищо:
 — Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
- 430 Не отдам тебе Забавушки Путятичной
 Без бою без драки кроволития,
 А у нас-то с тобой записи написаны
 Да у тою ли у славною Пучай-реки,
 Не съезжаться б нам в роздолъиде чистом
 поли,
- 435 Нам не делать бою драки кроволития
 Да промеж собой бы нам великого.
 Ты приехал ко горам да сорочинским,
 Потоптал ты малых змеёнышов,
 Выпускаешь полонá отсюль расейскии,
 440 Увезти хотишь Забавушку Путятичну. —
 Говорил-то ей молоденькой Добрынюшка:
 — Ай же ты змеинищо проклятая!
 А й когда ты полетела от Пучай-реки,
 Да зачим жо ты летела через Киев град?
- 445 Да почто же ты к сырой земли принадала?
 Да почто же унесла у нас Забавушку
 Путятичну? —
 Брал-то ю за ручушки за белыи,
 Да за ней брал ю перстни за злаченыи,
 Да повел-то ю из нор он из змеинных.
- 450 Говорил Добрыня таковы слова:
 — Ай же полонá да вы расейскии!
 Выходите-тко со нор вы со змеинных,
 А й ступайте-тко да по своим местам,
 По своим местам да по своим домам. —
- 455 Как пошли-то полонá эти расейскии
 А й со тых со нор да й со змеинных,
 У них сделался да то и шум велик.
 Молодой-то Добрынюшка Микитинец
 Приходил Добрыня ко добру коню,
 460 А й сядил-то ён Забаву на добра коня,
 На добра коня сядил ю к головы хребтом,
 Сам Добрынюшка сядился к головы лицём,
 А й поехал-то Добрыня в стольнё-Киев град.
 Он приехал к князю на широкой двор,
 465 Да й сходил Добрыня со добра коня,
 Опущает он Забавушку Путятичну,
 Да повел в полаты белокаменны,
 Да он подал князю ю Владимиру
 Во его во белыи во ручушки.
- 470 А тут этой старинушки славу поют.

Былина записана А. Ф. Гильфердингом от Рябинина; текст записан
 во время пребывания Рябинина в Петербурге 24 ноября 1871 г.
 [Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 470—480,
 № 79.]

9. ПРО ДОБРЫНЮШКУ НИКИТИЧА
И ПРО АЛЕШЕНЬКУ ПОПОВИЧА.

- Во том ли городи, во Киеви,
У ласкова князя Владимира
Заводитце верно почестной пир
На вси ли то князьев да на богатырей.
5 Говорил то князь да стольно-Киевской,
Да князь Владимирской:
— Уж вы слушайте да вси князя и богатыри,
Уж вы думайте ко думу за единое,
Кто бы, кто съездил в земли далекне,
10 Кто бы, кто собрал дани пошлыны
Как за стары годы и за нынешны,
За ти за все да за двенадцать лет,
Выбирать мы станем охотничков. —
Охотничков да не находитце.
15 Они выбрали Кириллу Тонкопленковича.
У того ли то Кириллы были три брата,
Они могут съездить в земли далекне,
Они могут собрать дани пошлыны
За стары годы и за нынешны,
20 А за ты за вси за двенадцать лет.
Уж большой брат туляетце за среднего,
А средний туляетце за меньшево,
А от меньшево, от бедново ответу нет.
Из-за того ли з-за кончика, з-за нижного
25 Вот проговорил малыят скоморошипка,
Молодой ли то Алешенька, Попович сын:
— Уж ты дарь, ты дарь, стольно-Киевской,
Да князь Владимирской,
Ты позволь ко слово вымолвить:
30 Если ладно я скажу, ты за ладно почитай,
А неладно я скажу, ты мне да в том прости.
Тот ли то Кирилла Тонкопленкович,
Он молодец холост, не женат,
Он со девушкам призабавитце,
35 Со молодым молодками забавитце,
Нам послать его, да не дождатися.
Нам послать Добрынюшку Никитича:
Уж ли тот молодец женат, не холост,
Он со девушками не забавитце,
40 Он с молодыми молодкам не забавитце.
Он выправит дани вси пошлыны
За стары годы и за нынешны,
За ты за все да за двенадцать лет. —
Говорил ли князь, да стольно-Киевской,
45 Стольно-Киевской, да князь Владимирской:
— Ай да ты, малыят скоморошипка,

За твои слова, да за умные
Ни в том бы тебе мистечки посиживати. —
Начал писать листы посольщи.

- 80 Подавали Добрынюшки Никитичу.
Молодой ли то Добрынюшка Никитич,
Пошел ли то не весел со почетного пиру.
Он припол в свою палату белокаменку,
Садился на бросову белу лавочку,
85 Он повесил свою буйну головушку
Ниже плеч своих могучих богатырских.
Подходила к нему родитель-матушка,
Чесна вдова Офимья Тимофеевна:
— Уж ты слушай-ко, рожено мое дитятко,
90 Уж ты что пришел не весел со почетного пиру?
Разве пьяница тебя да обсмеялся,
Али чара тебя не рядом дошла,
Али Владимир тебя князь не уотчевал? —
— Уж ты слушай-ко, родитель, моя матушка,
95 Пьяница меня не обсмеялся,
Чара мне рядом дошла,
Владимир-князь меня уотчевал,
Только накинул на меня службу великую —
Великую службу немалую:
70 Надо съездить мне да в земли далекне,
Надо мне собрать да данни пошлины
За все за те да за двенадцать лет. —
Молодой Добрынюшка Никитич,
Он сошел во стойлу лошадиную,
75 Выбирал себе добра коня наезжена;
Он порточки на порточки накладывает,
Уж он войлучки на войлучки палагивает,
На верех седелко бкованное,
Стремена железа сбукатного:
80 Шамаханьской шолк не рвется,
А булатна нить не трется,
Булат-железо то не ржавеет.
Не для ради красы, басы, ужожества, —
Ради крепости богатырского.
85 Садился боярин на добра коня,
Со своей ли матушкой прощается,
Молодой жены да он наказывает:
— Молода жена, Настасьюшка Викулична,
Уж вы ждите-ко меня да со чиста поля:
90 Если год не буду, ждите два года,
Если два не буду, ждите три года,
Если три не буду, ждите шесть годов,
Если шесть не буду, ждите двенадцать лет.
А двенадцать лет не буду — там тебе, Настасьюшка, своя

ВОЛЯ —

- 95 Хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть ты за князя поди, хоть за боярина,
Только не ходи за Олешеньку Поповича.
Олешенька Попович мне — крестовой брат,
Крестовой брат патче родново. —
- 100 Уж видли добра молодца тут едучи,
А не видли разудалого поедучи.
Во чистом поле да одна кудрявка да завиваетце,
Молодой ли боярин да убераетце.
Молода Настасьюшка Викулична
- 105 Стала жить и быть, и времечко коротать.
Уж ли день ли за день, как вода текет,
А ниделя за ниделей, как трава растет.
А прошло ли того время с году чиста —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
- 110 А день ли за день, как вода текет,
А ниделя за ниделей, как трава растет.
Прошло ли того времечки два года —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
И день ли за день, как вода текет,
- 115 А ниделя за ниделей, как трава растет.
Прошло ли того времечки три года —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
А день ли за день, как вода текет,
А ниделя за ниделей, как трава растет.
- 120 Прошло ли того времечки шесть годов —
Не видать Добрынюшки с чиста поля.
А день ли за день, как вода текет,
А ниделя за ниделей, как трава растет.
Прошло ли того времечки двенадцать лет —
- 125 Не видать Добрынюшки с чиста поля.
Начал ли тут Олешенька подхаживати,
Стал Настасьюшку Викуличну подсватывати:
— Молода Настасьюшка Викулична,
Не идишь ли за меня да во замужество? —
- 130 Настасьюшка не собираласи,
За его, ведь, замуж не сбералася,
А совсем Настасья отказалася!
Приходил Олешенька, Попович сын,
Говорил Настасьюшки таково слово:
- 135 — Молода Настасьюшка Викулична,
Ты нейдешь да за меня да во замужество.
А вчерася я был да во чистом поле,
А Добрынюшка Никитич убит лежит —
Буйна голова да ко синю морю,
- 140 Резвы ноженьки да во ракитов куст.
Сквозь его ли раны, сквозь кровавые,
Проросли травоньки шелковые,
Расчвели цветочки лазоревые. —

- Отвечала Настасьюшка Викулчна:
 145 — Уж ты не был вчера во чистом поле,
 Уж ты ездил где-нибудь с собаками на заводках. —
 Молодой Олешенька, Попович сын,
 Он сошел к царю да князю жалиться.
 Как пришел ли князь к Настасьюшки Викулчной,
 150 Говорит Настасья таково слово:
 — Молода Настасьюшка Викулчна,
 Нейдешь за Олещу во замужество —
 Я возьму тебя на свой да дом работницей,
 На реку да я поставлю портомойницей,
 155 Я во хлев тебя поставлю коровницей. —
 Молода Настасья Викулчна
 Спросила богоданную свою матушку:
 — Ты послушай-ко, богоданна моя матушка,
 Под боярином жить, да будто под чертом,
 160 Лучче птти мне за Олешеньку в замужество. —
 Тут пошла за Олешеньку да во замужество.
 Они свадебку играли по три дня, три суточки.
 А у молода Добрынюшки Никитича
 Конь ни ест, ни пьет, ни кушает;
 165 Молодой Добрынюшка Никитинич
 Уж он бил коня да по тучным ребрам,
 Говорил коню да таковы слова:
 — Уж ты конь, ты конь, да травяной мешок,
 Што ни ешь, ни пьешь, да проклаждаешься?
 170 Ты каку невзгоду мне начеешься? —
 Отвечал ли конь, да сквозь обиду он:
 — Молодой Добрынюшка Никитинич,
 Ты не бей меня да по тучным ребрам,
 Я скажу тебе да весть нерадостну:
 175 Как твоя теперь да молода жена,
 Как походит она да во замужество,
 Как ни за князя, ни за боярина,
 За молода Олешеньку Поповича. —
 Тут садился боярин на добра коня,
 180 Начал он Бурушка подхлестывати,
 Пятовую шерсточку прохлестивати.
 Еще начал его Бурушка подсекакивати:
 С горы на гору конь перескакивает,
 Реки да озера промеж ног спустил,
 185 Перелесочки да перескакивая.
 Как приехал ко палаты белокаменной,
 Он услышал в палате зычон голос.
 Сидит старуха на печи-печи,
 Да на печном столби,
 190 Как сидит старушка да учитывает:
 — Прошло двенадцать учетных годичков,
 Закатилось красное солнышко,

- Как уехал сын мой возлюбленный.
 Уж нынечу, топерече закатище
- 195 Батюшко да светел месяц:
 Выходит невестушка любовная
 Ни за князя, ни за боярина —
 За молода Олешеньку Поповича. —
 Колотился Добрынюшка в золото кольцо:
- 200 — Ты не плачь, старушка, не обидуйся,
 Отложи широкое воротичко. —
 Сопустилася старуха таково слово:
 — Отойдите-тка, гори-пьяницы,
 От моих сиродкиих воротичек.
- 205 Кабы был Добрынюшка во живности,
 Ни ходили бы гори-пьяницы
 Круг моих сиродкиих воротичек. —
 Молодой Добрынюшка Никитинич
 Еще крикнул он по богатырскому,
- 210 Еще свиснул он по молодецкому:
 — Отложай, старуха, скоро, наскоро! —
 Тут идет старушка перепалася,
 Сама себя да раздвигалася:
- 215 — Не в слезах то мне да привиделось,
 Не во снах ли мне да показалось? —
 Отворила широкии воротичка:
 — Как здорово, родитель, моя матушка,
 Где моя да молода жена? —
 — Ты послушай-ко, рожено мое дитятко,
- 220 Послушай-ко, молода жена
 Находит она да во замужество
 Ни за князем, ни за боярином,
 А за молода Олешеньку Поповича. —
 Молодой Добрынюшка Никитинич
- 225 Не скидывает платьица дорожного,
 Как берет тугой да лук разрывчатой,
 Берет калену стрелу расстрельчатую,
 Хочет застрелить Олешеньку Поповича,
 С молодой Настасьишкой Викуличной.
- 230 Говорит ему родитель-матушка:
 — Ты послушай-ко, роженое мое дитятко,
 Что на поезде ей да ты наказывал. —
 Молодой Добрыня Никитинич
 Скидывал он платьиде дорожное,
- 235 Умывался он белым белехонько.
 Одевался да он хорошихонько.
 Он берет гусельники яровчаты,
 И пошел он на чеснои пир, на свадебку.
 Он пришел на чеснои пир, на свадебку;
- 240 А крес кладет да по писаному,
 Он поклон кладет да по ученому.

- Поклонился он на все четыре стороны,
 Самому князю Владимиру в особину.
 — Уж ты князь, ты князь, да стольно-Киевский.
 245 Стольно-Киевский, да князь Владимирский.
 Уж и нет ли мне да где местечка —
 Молодому мне да погусельщику? —
 Все то местечка да попризаняты,
 Только местечко да на печи, печи,
 250 На печи, печи, да на печном столби.
 Молодой Добрынюшка Никитинич
 Он и пыли, гризи не распахивал,
 Прямо садился платицом цветным.
 Начал гусельники налаживати,
 255 Начал звончатый настраивати.
 Уж он струночки приводит от Царяграда,
 А призывочки приводит от Новгорода.
 Как начал ли он в гусельники поигрывать,
 Как начал ли он во звончатые поскрыпывать,
 260 Уж как все тут на пиру порасплакалися,
 А Владимир-князь да распотешился,
 За столом стал в перстилки пощелкивати,
 На столы стал поженьки покидывати.
 — Не бывало у меня такова погусельщика
 265 Опосля Добрынюшки Никитича!
 Сопускайся-ко, молодой погусельщикоч,
 Тебе первое местечко подли меня,
 Друго местечко супротив меня,
 А уж третье место — против князя
 270 И с княгиней да молодые. —
 Сопускался Добрыня со печна столба
 И садился против князя и княгинюшки,
 Против князя и княгинюшки молодые.
 Говорил Владимир таковы слова:
 275 — Молода Настасьюшка Викулична,
 Ты налей ко чару зелена вина,
 Поднеси молодому погусельщику
 За ево игру, да за умильную. —
 Молода Настасьюшка Викулична
 280 Наливала чару зелена вина,
 Подносила молодому погусельщику.
 Вышивал да молодой да погусельщикоч,
 Говорил Добрыня таково слово:
 — Уж ты царь, ты царь, да стольно-Киевский,
 285 Стольно-Киевский, да князь Владимирской.
 Позволь налить чару зелена вина. —
 Наливал Добрыня чару вина горькова.
 Невелика тая чара, полтора ведра,
 А уж весом тая чара полтора пуда.
 290 Сопустил он перетень со правой руки,

Подавал Настасьюшке Викуличне:
 — Молода Настасьюшка Викулична,
 Уж ты пей до дна — так увидать добра,
 А не пьешь до дна, так не видать добра. —
 205 Молода Настасьюшка Викулична
 Принимала таю чару единой рукой,
 Выпивала таю чару на единой вздох.
 Говорила тут Настасьюшка таково слово:
 — Уж ты дарь, ты дарь, стольно-Киевский,
 300 Стольно-Киевский, да князь Владимирский.
 Што не тот ли мой муж, што подле меня,
 Уж как тот ли мой муж, што супротив меня. —
 Уж как брал ли тут Добрынюшка Никитинич,
 Уж он брал Олешу за жолты кудри,
 305 Как волок ли он Олешу во новы сени, —
 Што бы не повадно добру молодцу вперед было
 Как манить ли молодых молодухек,
 Как на то ли тебе хватит красных девушек.

Получено от А. Ф. Оргиной, 29 лет, жены председателя
 РИКа в с. Дерезузове, Заонежского р., которая записала эту
 былину от бабушки Акулины, 84 лет, жившей в дер. Большой
 Кугановолок, Пудожского р., и умершей в 1924 г.
 [Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института
 антропологии и этнографии Академии Наук СССР.]

В варианте былины о Добрыне и Алеше, записанном Гильфердингом
 от сказителя С. К. Панова, с. Кугановолока на Водлозере [Гильфер-
 динг. — Онежские былины, 1873, стр. 996—999, № 211. Запись 8 августа
 1871 г.], эпизод сватовства Алеси разработан иначе:

А й как пошел тут Алешенька да Поповский сын,
 А й пошел ли тут ко князю Владимиру,
 А й ко тому ли свету, ко солнышку,
 А й на совет пошел думы крепкии.
 — А й ты послушай-ко, наш батюшко, как Владимир князь,
 А й пособи-тко мне, помоги-тко мне,
 А мне повывсватать нынь молодой жены,
 Той Настасьи ли свет Викуличной.
 А й ведь она надо мною нынь надсмехается,
 А й как она надо мною нынь да надрыгается.
 А й напишите вы указы престрогии,
 А й нынь как те манифесты да немилосливы:
 А й чтобы в городи да во Киеви,
 А й чтобы не были жоны безмужнии,
 А й чтобы не жили люди беспашпортныи.
 А если найдутся жоны безмужнии,
 А й найдутся люди да беспашпортныи,
 А й высылать их из города да из Киева,
 А й высылать их на чужу на дальнюю на сторону,
 А их лишать государевой своей вотчины. —
 А й как писали указы престрогии,
 А й нынь как те манифесты немилосливы,
 А й рассылали по городу да по Киеву,
 А й нынь как вси ты люди беспашпортныи убоилисе,
 А й молодыи жоночки перепалисе,
 А й как со той со страсти со ужастии.
 А й как пошла свет Настасья Викулична,
 А й как пошла за Алешеньку во замужество.

Сюжет этой былины принадлежит к числу широко распространенных в мировом фольклоре и литературе. Укажем, например, «Одиссею» Гомера и кавказскую сказку «Ашик-Кериб», известную в обработке Лермонтова.

10. АЛЕША ПОПОВИЧ.

Из славнова Ростова красна города
Как два ясные соколы вылетывали,
Выезжали два могучие богатыри,
Что по имени Алешинька Поповичь млад,
А со молодым Екимом Ивановичем.
Оне ездят богатыри плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Оне ездили, гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскучева,
Толко в чистом поле наехали,
Лежит три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горючъ камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Поповичь млад:
— Ай ты, братец Еким Ивановичь,
В грамоте поученои человек,
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано. —
И скочил Еким со добра коня,
Посмотрилъ на каменю подписи:
Росписаны дороги широкие:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога в Чернигов град,
Третья ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.
Говорил тут Еким Ивановичь:
— Ай, братец, Алеша Поповичь млад,
Которой дорогой изволиш ехать? —
Говорил ему Алеша Поповичь млад:
— Лутче нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру. —
Втапоры поворотили добрых коней
И поехали оне ко городу ко Киеву.
Не доехавши оне до Сафат реки,
Становились на лугах, на зеленыхъ.
Надо Алеши покормить добрых коней.
Раставили тут два бела шатра;
Что изволил Алеша опочив держать.
Ап мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножемши, в зеленъ луг пустил;
Сам ложился в свои шатер опочив держать.

Прошла та почь осеня,
Ото сна Алеша пробужаетца,
Встает рано ранешенько,
Утреней зарею умываетца,
Белаю ширинкаю утираетца,
На восток, ои, Алеша, богу молитца.
Молоды Еким сын Ивановичь
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку.
И приказал ему Алеша скоро седлать добрых коней.
Асдавши он Еким добрых коней,
Нарежаютца оне ехать ко городу ко Кисву.
Пришел тут к ним калика перехожен;
Лапатки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой,
В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд налита свищу чебурацкова.
Говорил таково слово:

— Гои вы еси, удалы молодцы,
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он Тугарин трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глас калена стрела;
Конь под ним, как лютой зверь,
Из ханлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоитъ. —
Привезался Алеша Поповичь млад:
— Аи ты, братец, калика перехожая!
Дай мне платье каличее,
Возми мое богатырское;
Лапатки свои семи шелков,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополую,
Шляпу сорочинскую земли греческой,
В тридцать пуд шелепугу подорожную,
В пятьдесят пуд налита свищу чебурацкова. —
Дает свое платье калика Алешу Поповичу не отказываючи,
А на себе надевал то платье богатырское.
Скоро Алеша каликою нарежаетца
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалища булатное,
Пошел за Сафат реку.
Завидел тут Тугарин Змеевичь млад,
Заревел зычным голосом,

Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичь едва жив идет.
Говорил тут Тугарин Змеевичь млад:
— Гои еси, калика перехожая!
А где ты слыхал и где видал
Про молода Алешу Поповича?
Аи я бы Алешу копьем заколол и огнем оналил. —
Говорил тут Алеша каликаю:
— Аи ты ои еси, Тугарин Змеевичь млад!
Поезжал поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говориши. —
И подъезжал к нему Тугарин Змеевичь млад.
Сверстался Алеша Поповичь млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлеснул ево шелепугою по буцной голове,
Роспиб ему буцну голову;
И упал Тугарин на сыру землю.
Скочил ему Алеша на черну грудь;
Втапоры взмолилда Тугарин Змеевичь млад:
— Гои еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Поповичь млад?
Токо ты Алеша Поповичь млад,
Сем побратуемся с тобой. —
Втапоры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платья с него снимал цвѣтное на сто тысячей
И все платья на себя надевал,
Садился на ево добра коня и поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Ивановичь и калика
перехожая,
Испужалися ево, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алеша Поповичь млад;
Обвернетда Еким Ивановичь,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе,
Показалося ему, что Тугарин Змеевичь млад.
И угодил в груди белые Алешы Поповича,
Сшиб из седелечка черкескова,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Ивановичь
Скочил со добра коня,
Сел на груди ему,
Хочет пороть груди белые;
И увидел на нем золот чюден крест,
Сам заплакал, говорил калики перехожему:
— По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что убих своего братда родимова. —
И стали ево оба трести и качать,

И потом подали ему питья заморскова;
От того он здрав стал.
Стали оне говорити и между собою платьем меняти;
Калика свое платье надевал каличье,
А Олеша свое богатырское;
А Тугарина Змеевича платье цветное
Клади в чебодан к себе.
Сели оне на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Аи будут оне в городе Киеве на княженецком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привезали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни;
Молятся Спасову образу
И бьют челом, поклоняютца
Князю Владимиру и княгине Апраксевне
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимир князь:
— Гои вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут,
А по имени вам мочно место дать,
По изочеству можно пожаловати. —
— Говорит тут Алеша Попович млад:
— Меня, асударь, зовут Алешою Поповичем,
Из города Ростова, старова попа соборнова.
Втапоры Владимир князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
— Гои еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место в передней угол,
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захош. —
Не садился Алеша в место большее,
И не садился в дубову скомью;
Сел он со своими товарищи на полатной брус,
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей;
Сажали в место большое,
И подле ево сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы,
Понесли ества сахарные и питья медяные,
А питья все заморские.
Стали тут пить-есть, прохложатися,
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за щеку мечит,
Те ковриги монастырские;

И не честно Тугарин питья пьет:
По целой чаше отхлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапору Алеша Поповичь млад:
— Гои еси ты, ласковой сударь, Владимир князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесанон?
Нечестно у князя за столом содит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарные,
Тебе князю насмехаетца.
А у моего сударя батюшка
Была сабачишна старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та сабака подавилася;
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет. —
Тугарин почернел, как осенняя ночь;
Алеша Поповичь стал, как светел месяц.
И опять втапору повары были догадливы;
Носят ества сахарные,
И принесли лебедушку белую;
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученку левую,
Завернула рукавдом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
— Гои вы еси, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белова,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича. —
Он взявши Тугарин лебедь белую,
Всю вдруг проглатил, еще тут же ковригу монастырскую.
Говорит Алеша на полатном брису:
— Гои еси, ласковой асударь Владимир князь,
Что у тебе за болван сидит,
Что за дурак неотесаной?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест,
По целой ковриге за щеку мечит
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя батюшки,
Федора поца ростовского,
Была коровишна старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Вышла чан браги пресныя,
От того она лопнула.
Взял за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет. —

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул чингалишша булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на тот верток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил чингалишша Еким Ивановичь,
Говорил Алешу Поповичу:
— Сам ли ты бросаешь в его или мне велишь? —
— Нет, я сам не бросаю и тебе не велю:
Завтра с ним переведаюсь.
Бьюсь я с ним о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысячи,
А бьюсь о своей бушной голове. —
Втапоры князи и бояра скочили на резвы поги,
И все за Тугарина поруки держат;
Князи кладут по сту рублей,
Бояра — по пятидесят,
Крестьяна — по пяти рублей.
Тут же случилися гости купеческие;
Три корабля свои подписавают
Под Тугарина Змеевича, всяки товары заморския,
Которы стоят на быстром Непре.
А за Алешу подписавал владыка черниговской.
Втапоры Тугарин звился и вон ушол,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы поги,
Стала пенять Алешу Поповичю:
— Деревенщина ты, заселщина!
Не далъ посидеть другу милому! —
Втапоры твою Алеша не слушался,
Звился с товариши и вон пошол.
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат реке;
Поставили белы шатры, стали опочив держать;
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
— Создан, боже, тучю грозную,
Аи тучи-то з градом дождя! —
Алешины молитвы доходны ко Христу,
Дает господь бог тучю з градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажные:
Падает Тугарин, как сабака, на сыру землю.
Приходил Еким Ивановичь,
Сказал Алешу Поповичю,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша нарежаетца;
Садился на добра коня,

Взял одну сабелку вострюю
 И поехал к Тугарину Змеевичю.
 И увидел Тугарин Змеевичь Алешу Поповича,
 Заревел зычным голосом:
 — Гои еси ты, Алеша Поповичь млад!
 Хош ли я тебе огнем спалю,
 Хош ли, Алеша, конем стопчу,
 Али тебе Алешу копьем заколю? —
 Говорил ему Алеша Поповичь млад:
 — Гои ты еси, Тугарин Змеевичь млад!
 Бился ты со мною о велик заклад
 Битца, драгца един на един,
 А за тобою поне силы сметы нет
 На меня, Алешу Поповича. —
 Оглянетца Тугарин назад себя;
 Втапоры Алеша подскочил, ему голову срубил,
 И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
 Алеша скочил со добра коня,
 Отвезал чембур от добра коня
 И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
 И привезал к добру коню,
 И привез в Киев на княженецкой двор,
 Бросил среди двора княженецкова.
 И увидел Алешу Владимир князь,
 Повел во светлы гридни, сажал за убрашы столы;
 Тут для Алешини и стол пошел.
 Сколко время покушавши,
 Говорил Владимир князь:
 — Гои еси, Алеша Поповичь млад!
 Час ты мне свет дал;
 Пожалуй, ты живи в Киеве,
 Служи мне, князю Владимиру,
 До любви тебе пожалую. —
 Втапоры Алеша Поповичь млад
 Князя не ослушался, стал служить верою и правдою.
 А княгиня говорила Алешини Поповичу:
 — Деревенщина ты, заселшина,
 Разлучил меня з другом милым,
 С молодым Змеем Тугаретиним. —
 Отвечает Алеша Поповичь млад:
 — А ты гои еси, матушка, княгиня Апраксевна!
 Чуть не назвал я тебе суюю,
 Суюю ту волочанкаю. —
 То старина, то и деянье.

[«Сборник Кириши Данилова», изд. Публ. библ., СПб., 1901,
стр. 74—80.]

В подлинной рукописи Кириши Данилова нет деления текста на стихи; нет также и знаков препинания. Запись Кириши, повидимому, воспроизводит былинну, коптанинированную из двух различных текстов: Алеша

11. ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА.

- Как из дáлеча было из чистá поля,
 Из-под белыя березки кудреватыи,
 Из-под того ли спод кустичка ракитова,
 А й выходила-то турица златорогая,
 5 И выходила-то турица со турятами,
 А й расходились турьи да во чистóм поли,
 Во чистом поли туры да со турицою.
 А й лучилосье тураам да мимо Киев град итти,
 А й видли над Киевым чудным чудно,
 10 Видли над Киевым дивным дивно.
 По той по стены по городови
 Ходит девица душа красная,
 А на руках носит книгу Леванидову,
 А не только читас, да вдвой плаче.
 15 А тому чуду туры удивились,
 В чисто поле возвратились,
 Сошлись, со турицей поздорóвкались:
 — А ты здравствуешь, турица, наша матушка! —
 — Ай здравствуйте, туры, да малы детушки!
 20 А где вы, туры, были, что вы видели? —
 — Ай же ты, турица, наша матушка!
 А й были мы, туры, да во чистóм поли,
 А лучилосье нам, тураам, да мимо Киев град итти,
 А й видели над Киевом чудным чудно,
 25 А й видели над Киевом дивным дивно:
 А по той стены по городови
 Ходит-то девица душа красная,
 А на руках носит книгу Леванидову,
 А не столько читает, да вдвой плаче. —
 30 Говорит-то ведь турица, родна матушка:
 — Ай же вы, туры, да малы детушки!
 А й не девица плачет, да стена плаче,
 А й стена-то плаче городовал,
 А она ведает незгодушку над Киевом,
 35 А й она ведает незгодушку великую. —
 А из-под той ли страны да спод восточныи
 А наезжал ли Батыга сын Сергíевич,
 А он с сыном со Батыгой со Батыговичем,
 А он с зятем Тараканчиком Корабликовым,
 40 А он со черным дьячком да со выдумщиком.
 А й у Батыги-то силы сорок тысячей,
 А у сына у Батыгина силы сорок тысячей,
 А у зятя Тараканова силы сорок тысячей,
 А у черного дьячка, дьячка выдумщика,
 45 А той ли той да силы счёту нет,
 А той ли той да силы да ведь смету нет:
 Соколу будет лететь да на межённий долгий день,

- А малою-то птички не облететь.
 Становилась тая сила во чистом поли.
- 50 А по греху-ли-то тогда да учинилосе,
 А й богатырей во Киеви не лучилосе:
 Святополк богатырь на святѣих на горах,
 А й молодой Добрыня во чистом поли,
 А Алешка Попович в богомольной стороны,
- 35 А Самсон да Илья у синѣ моря.
 А лучилосе во Киеви голь кабацкая,
 А по имени Василей сын Игнатѣевич.
 А двенадцать годов по кабакам он гулял,
 Пропил-промотал все житье-бытьѣ своё,
- 60 А й пропил Василей коня доброго,
 А с той ли-то уздицей тесмяною,
 С тем седлом да со черкальским,
 А триста он стрелочек в залог отдал.
 А со похмелья у Василья головка болѣт,
- 65 С перепоею у Василья ретиво сердце щемит,
 И нечим у Василья опохмелиться.
 А й берет-то Василей да свой тугой лук,
 Этот тугой лук Васильюшко разрывчатой,
 Налагает ведь он стрелочку каленую.
- 70 А й выходит-то Василей вон из Києва,
 А стрѣли-то Василей да по тем шатрам,
 А й по тем шатрам Василей по полотняным,
 А й убил-то Василей три головушки,
 Три головушки Василей, три хорошеньких:
- 75 А убил сына Батыгу Батыговича,
 А убил зятя Тараканчика Корабликова,
 А убил черного дьячка, дьячка выдумщикка
 И это скоро-то Василей поворот держал
 А й во стольѣй во славной во Киев град.
- 80 А этот тут Батыга сын Сергѣевич
 А посылает-то Батыга да скорых послов,
 Скорых послов Батыга виноватого искать.
 А й приходили-то солдаты каравульнии,
 Находили-то Василья в кабаки на печи,
- 85 Приводили-то Василья ко Батыги на лицо.
 А й Василей от Батыги извиняется,
 Низко Василей поклоняется:
 — Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!
 А убил я три головки хорошеньких,
- 90 Хорошеньких головки что ни лучшеньких:
 Убил сына Батыгу Батыговича,
 Убил зятя Тараканчика Корабликова,
 Убил черного дьячка, дьячка выдумщикка.
 А со похмелья у меня теперь головка болѣт,
- 95 А с перепоею у меня да ретиво сердце щемит.
 А опохмель-ко меня да чарой виною,

- А выкупи-ко мне да коня доброго,
 С той ли-то ўздицей тесмяною,
 А с тем седлом да со черкальским,
 100 А триста еще стрелочек каленных.
 Еще дай-ко мне-ка силы сорок тысящей,
 Пособлю взять-пленить да теперь Киев град.
 А знаю я воротца незаперты,
 А незаперты воротца, незаложенны,
 105 А во славный во стольней во Киев град. —
 А на ты лясы Батыга приукинулся,
 А выкупил ему да коня доброго,
 А с той ли-то уздицей тесмяною,
 А с тем седлом да со черкальским,
 110 А триста-то стрелочек каленных.
 А наливает ему чару зеленá вина,
 А наливает-то другую пива пьяного,
 А наливает-то он третью мѣду сладкого,
 А слил-то эти чары в единое место.
 115 Стала мерой эта чара полтора ведра,
 Стала весом эта чара полтора пуда.
 А принимал Василей единою рукой,
 Выпивает-то Василей на единый дух.
 А крутешенько Василей поворáчивалсе,
 120 Веселешенько Василей поговáривае:
 — Я могу теперь, Батыга, да добрым конём владать,
 Я могу теперь, Батыга, во чистом полѣ гулять,
 Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой махать. —
 И дал ему силы сорок тысящей.
 125 А выезжал Василей во чистое полѣ
 А за ты эти за лесушки за темные,
 А за ты эти за горы за высокие,
 И это начал он по силушке поѣзживати,
 И это начал ведь он силушки порубливати,
 130 И он прибил-прирубил до единой головы.
 Скоро тут Василей поворот держал.
 А приезжает тут Василей ко Батыги на лицó,
 А й с добра коня Васильюшка спускается,
 А низко Василей поклоняется,
 135 Сам же он Батыге извиняется:
 — Ай прости-же ты, Батыга, во такой большой вины!
 Потерял ведь я силы сорок тысящей.
 А со похмелья у меня теперь головка болит,
 С перепою у меня да ретиво сердце щемит,
 140 Помутились у меня да очи ясные,
 А подрожало у меня да ретиво сердце.
 А опохмель-ко ты меня да чарой винною,
 А дай-ко ты силы сорок тысящей,
 Пособлю взять-пленить да я Киев град. —
 145 А на ты лясы Батыга приукинулся,

- Наливает ведь он чару зеленá вина,
Наливает он другую пива пьяного,
Наливает ведь он третью мёду сладкого,
Слил эти чары в единое место.
- 150 Стала мерой эта чара полтора ведра,
Стала весом эта чара полтора пуда.
А принимал Василей единою рукой,
А выпивал Василей на единый дух,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
- 155 Веселешенько Василей поговаривает:
— Ай же ты, Батыга сын Сергíевич!
Я могу теперь, Батыга, да добрым конём
владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом полé
гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелкой
махать. —
- 160 А дал ему силы сорок тысячней,
А садился Василей на добра коня,
А выезжал Василей во чисто полé
А за ты эти за лесушки за тёмные,
А за ты эти за горы за высокие,
- 165 И это начал он по силушке поéзживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
И он прибил-прирубил до единой головы.
А разгорелось у Василья ретиво сердце,
А й размахалась у Василья ручка правая.
- 170 А й приезжает-то Василей ко Батыги на лицо,
И это начал он по силушке поéзживати,
И это начал ведь он силушки порубливати,
А он прибил-прирубил до единой головы.
А й тот ли Батыга на уход пошол,
- 175 А й бежит-то Батыга, запинается,
Запинается Батыга, заклинается:
— Не дай боже, не дай бог да не дай дítям
моим,
Не дай дítям моим да моим внучатам
А во Киеви бывать да ведь Киева видать! —
-
- 180 Ай чистыи поля были ко Опскову,
А широки раздольица ко Киеву,
А высокие-ты горы Сорочинский,
А церковно-то строенье в каменной Москвы,
Колокольной-от звон да в Нове-городе,
- 185 А й тёртые колачки Валдайские,
А й щавливы щеголиви в Ярославви городи,
Дешёвы поцелуи в Белозёрской стороне,
А сладки напитки во Питери,

А мхи-ты болота ко силю морю,
 190 А шельё каменьё ко сиверикю,
 А широки подола Пудожаночки,
 А й дублёны сарафаны по Онёги по рекі,
 Толстобрюхие бабенки Лёшмозёрочки,
 А й пучеглазые бабенки Пошозёрочки,
 195 А Дунай, Дунай, Дунай,
 Да боле петь вперед не знай.

Былина записана Гильфердингом от крестьянина Ив. Фёпопова из дер. Мелентьевской, 50 лет, слепого с 5-летнего возраста. [«Онежские былины», стр. 321—325, № 60. Запись 28 июля 1871 г.]

Знаменитый запев этой былины (туры и турица) поется иногда и отдельно; концовка былины совершенно не связана с ее содержанием и представляет собой своего рода скоморошью прибаутку («небылицу», как назвал ее сам сказитель, добавив, что ее певал после этой былины его учитель, старый калыка Мещанинов).

В некоторых вариантах былины особенно подчеркивается враждебное отношение к Василию бояр; с другой стороны, сам Василий относится к боярам враждебно. Так, в былине, записанной Н. Е. Ончуковым от сказительницы Ф. Е. Чуркиной (из дер. Чуркиной, бывш. Устьдылемской вол., на Печоре), говорится:

Да пошел-де тут князь да нынь домой назад,
 Да стрелеют они да добра молодца,
 Да того-же они Василья сына Игнатьева,
 Да садили его да за дубовой стол,
 Подносили-де дыру да полтора ведра.
 Да завидели тут думные бояре толстобрюхие,
 А и это им порато¹ да за беду стало:
 — А кака эка честь сёдни Васиньке Игнатьеву! —
 А и тут нецё князь говорить не смет.
 Говорит-то Васинька Игнатьевич:
 — Да ещо-ли я вам, Васинька, понадобится! —
 Говорят-то бояра толстобрюхий:
 — Тибё сказано ведь, Васинька, отказано. —

 Кабы тут-де ведь Васиньке за беду стало,
 За великую досаду показалосе,
 Тут седлал он, уздал да коня доброго,
 Тут не видно поезки молодецкой,
 Только видно Василий на коня скочил,
 На коня-то скочил, да он коня стегнул.
 Как приехал² тут де Васинька Игнатьевич:
 — Как я еду-ли я с вами в стольно-Киев-град,
 Я грометь-шурмовать да стольно-Киев-град,
 Мы новыбьём-де всю силу самолучшую,
 Уж мы тех-же бояр да толстобрюхийх... —

[Н. Ончуков. — Печорские былины, СПб., 1904, стр. 30—31.]

В другом варианте [Ончуков, стр. 68—69] Василий хочет убить самого князя Владимира.

¹ Очень.

² К татарам.

- 1 Подымалось чудище не малое,
 Не малое да не великое:
 Голова у него да как пивной котёл,
 А глаза у него да как пивны чаши,
- 2 Промежу ушами каленá стрела
 Промежу глазами пядь бумажныя,
 Плечи у него была коса сажень,
 Коса сажень нынче печатная.
 Набирал набор он ровна три года:
- 10 У которого было ведь семь сынов,
 Он ведь шесть сынов ноньче себе берёт,
 А седьмого дома он оставливал,
 Отцу-матушки да на пропитанье.
 У которого ведь было шесть сынов,
- 15 Он ведь пять сынов ноньче себе берёт,
 А шестого дома он оставливал,
 Отцу-матушки да на воспитанье,
 У которого было ведь пять сынов,
 Он четыре ноньче себе берёт,
- 20 А пятого дома оставливал
 (*До одинака всё так*).
 Он ведь набрал силы много множество:
 Впереди его на сорок тысячей,
 По правой его руки да сорок тысячей,
 По левой руки да сорок тысячей,
- 25 Позади его да числу-смёты нет.
 Он пришел ко городу ко Киеву,
 Што под те под стены он ведь каменны,
 Он садился нонь да на ремечат стул,
 Он писал ерлык да скорописчатой,
- 30 Он ведь просит у них да стольне Киев-град,
 Без бою, без драки, нонь без седения,
 Без того кроволития великого.
 Он послал посла да скоро наскоро:
 «Ты поди, посёл, да скоро наскоро
- 35 Через стенушку да городовую
 Мимо башенки да наугольней,
 У ворот не спрашивай воротников,
 У дверей не спрашивай придверников,
 Ты уж в гридню иди и лица не чьти
 (*Прежде у князей так комнаты
 те назывались — гридни*),
- 40 Лица не чьти, бою не кланейся,
 Ерлык на стол клади да сам вон иди.
 Говори ты речь да не с упадкою,
 Не с упадкою да не с охваткою
 (*Это наказывал идолице-то*).

- Пошел, пошел да скоро наскоро
 45 Через стешушку да городовую
 Мимо башенки да неугольней,
 У ворот не спрашивая воротников,
 У дверей не спрашивая придверников,
 В гридню идет и богу не кланеетца,
 50 Ерлык на стол кладёт да сам и вон идёт,
 Говорит речь да не с упадкою,
 Не с упадкою да не с охваткою.
 Брал тут ноньде да Владимир князь,
 Брал ерлык да он прочитывал,
 55 Как пришло нонь поганое Издолицо,
 Ко тому ко городу ко Киеву,
 Он и нагнал силы, он несметные,
 Он и просит нонь да стольне Киев град,
 Без бою, без драки он, без сеценья,
 60 Без того кроволития великого.
 Тут-то князь и опечалился
 Да сам-то говорит да таково слово:
 «Кабы был по прежнему Илья-казак,
 Илья-казак Илья Муромец
 (*Илья-то Муромец в погребѣ засажѣн был*).
 65 Пособил-ка мне да думу думати,
 Думу думати да горе мыкати,
 Отдать или не отдать стольне Киев-град
 Без бою, без драки, нонь без сеценья,
 Без того кроволития великого».
 70 Говорит кнегина тут Апраксея:
 «Што батюшка нын Владимир князь,
 Сходи-тко ты во глубок погреб,
 Не жив ли там Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович?»
 75 Как Владимир князь красно солнышко
 Пошел-то он да во глубок погреб,
 Открывали замки да все немецкия,
 Как снимали плеті железныя,
 А сидит там стар, весь волосом оброс
 (*Книгу читат*).
 80 Падал тут князь на колени
 Перед старым Ильей Муромцем,
 Да низко ему поклонянтде:
 «Уж ты батюшко наш старый казак,
 Старый казак Илья Муромец,
 85 Илья Муромец сын Иванович!
 Пособи-тко мне думу думати,
 Думу думати да горе мыкати.
 Как пришло ко городу ко Киеву
 Поганое Издолице,
 90 Он нагнал силы много мнѣжества,

Он вель просит у нас да стольне Киев-град
Без бою, без драки, нонь без сеценья,
Без того кроволития великого».

Тут сидит-то старый, очей низвёл.

95 Побежал-то он ¹ ко кнегина Апраксине:

«Уж ты матушка кнегина Апраксина,
Ты поди-тко во глубоком погреб,
Там есь жив старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

100 Попроси да ты его уж милости!»
(*Она его всё содержала, всё кормила*).

Пошла кнегина тут Апраксина,

Пала она на колени перед погребом:

«Уж ты батюшко да наш старый казак,

Наш старый казак да Илья Муромец,

105 Илья Муромец да сын Иванович!

Пособи-тко нам думу думати,

Думу думати да горе мыкати,

Как отдать-то не отдать до стольне Киев-град

Без бою, без драки, нонь без сеценья,

110 Без того кроволития великого.

Тут старый выскочил из погреба

(*Сорок сажень погреб был, выскочил еще выше*),

Пошел Илья по городу, по Киеву.

Забегал-то князь да во первой након,

Низко ему поклоняйтце:

115 «Уж ты батюшко да наш старый казак,

Старый казак Илья Муромец!

Пособи-тко мне думу думати,

Думу думати да горе мыкати,

Отдать иль не отдать да стольне Киев град

120 Без бою, без драки, нонь без сеценья,

Без того кроволития великого».

Идёт-то старый, очей низвёл

(*Не остановился, осерчал на его*).

Забегал-то князь во второй након,

Ищо того ниже поклоняйтце:

125 «Уж ты батюшко да наш старый казак,

Старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец да сын Иванович!

[В стихах 128—133 повторяются стихи 117—122.]

Забегал-то князь во третьей након,

Ищо того ниже поклоняйтце:

130 «Уж ты батюшко наш старый казак,

Наш старый казак Илья Муромец,

Илья Муромец сын Иванович!

¹ Князь.

[В стихах 139—143 повторяются стихи 117—121.]

- Я тебе пожалую пятьдесят бочек зелена вина,
Пятьдесят-то бочек пива пьяного,
135 И пятьдесят боченков меду сладкого
(Жалует это князь),
Плису-бархату да на белой шатер».
Тут-то стар остоялся.
Говорит-то он таково слово:
«Ты уж думу думай не со мною, а с боярами,
140 Со боярами да с толстобрюхими
(Бояре нажалили, прежде ведь было бояр).
Попросите сроку на три года»
(Илья-то Муромец сказал).

- Попросили сроку на три года:
Не дават поганый Издолищо на три мессяца,
Не дават веть сроку на двенадцать дён
(Войска нет, иде скоро завернешь?
Ишь сколько чудовищ было!).
145 «Попросите сроку на двенадцать дён,
А на тринадцатый бою-драке быть».
Призвал тут стар Добрыню Никитича:
«Ой еси Добрыня Никитич млад,
Обседывай ты своего добра коня,
150 Двенадцать дён объезжай всю землю вокруг,
Всю вокруг землю, повселенну всю,
Захватывай по украинам,
Забирай всё, русских могущих бохатырей».
Обседлал Добрыня добра коня,
155 Объезждал он в двенадцать дён всю вокруг землю,
Всю вокруг землю, повселенну всю,
Захватывал по украинам,
Забирал все русских могущих бохатырей.

Ну вот он объехал в двенадцать ден и набрал: тут был Олёша Попович, Саксон Колыбанович, братья Суздальцы.

- Как на утре то было ранешенько,
160 На светлой зори раноутренней
(Сейчас у их тут будет бой),
На выкате солнышка красного,
Вставал-то старый со постелюшки,
Умывалса он да ключевой водой,
Утиралса полотёнышком беленьким,
165 Помолилса спасу преображенскому,
Божьей матушки да богородицы,
Ходил на улицу широкоую,
Смотрел и здрел да во чисто полё:
Как неверно собрание да скошевалось,
170 Оно стоит да в боевых рядах.
Забегал-то стар да во белой шатер:
«Уж вы братьица мои да товарищи,

- Вы обсе́дывайте понь да добрых коней,
 Надевайте латы вы булатныи,
 175 На шеи кольдуги позолощены,
 Берите палицы железныи,
 Берите сабельки вострыи,
 Берите копыя немецкии,
 Берите ножищо чинжалищо».
- 180 Говорит тут стар да таково слово:
 «Ой еси Добрыня Никитич млад,
 Ты останься во белом шатре,
 Берегди, стерегди белой шатёр,
 Потому што конь твой приубегалса,
 185 А ты на кони приуездилися.
 Помолилися спасу превышнему,
 Божьей матушке да богородицы,
 Дружка с дружкой распостилися
 (Бат, не один живой не придет).
 Говорит тут стар да таково слово:
- 190 «Я поеду середь матицы
 (Это вишь середкой),
 А вы поезжайте по украинам.
 Если бох нам будет нонде напо́мощь,
 То рубите силу вы без вывету»
 (Не щадит никого).
 Поехал стар-то середь матицы,
- 195 Остальня дружина по украинам.
 Поганой Издолищо заметалосе,
 Не знать оно засыпаетси,
 Не знать оно оглупаитси.
 Махнул-то стар да саблей вострою,
- 200 Слетела голова как пуговица
 (Того убил).
 Они рубили силу ту без вывету,
 Днём вырубили да рано,
 Приезжают они ко белу шатру.
 Было тут два братца да два Суздальдя,
- 205 Их на дело не бывало и не видано,
 Они порато приросхвасталися:
 «Кабы было во матушки во сырой земли
 золото кольцо,
 Повернули мать сыру землю
 (Хвастливо-то слово, видишь, мило живё),
 А была бы на небо лесница,
- 210 Присекли силу всю небесную.
 Говорит-то стар да таково слово:
 «За эти за речи за похвальные
 Всем завтра нам придется лежать да в
 чистом полю».
- На утре то было ранешенько,

- 213 На светлой зори раноутренней,
 На выкате солнышка красного,
 Стал-то старый со постелюшки,
 Умывался он да ключевой водой,
 Утирался полотённышком беленьким,
- 220 Помолился спасу преображенскому,
 Божьей матушки да боѳородицы,
 Выходил на улицу широкую,
 Посмотрел и здрел да во чистó полѳ;
 Как неверно собранье скошевалосе:
- 223 Которого секли они нѳтрое,
 Тот втроем садитса на одну лошадѳ;
 Которого секли нѳдвое,
 Тот вдвоѳм садитса на одну лошадѳ.
 Забегал тут стар да во белѳй шатѳр:
- 230 «Уж вы братица мои товарищи,
 Не докуль вам спать, порѳ вставать!
 Я ведь был на улице широкое,
 Я смотрел и здрел да во чистó поле,
 Там неверно собранье нынче ожило:
- 235 Мы которого секли ведь нѳтрое,
 Тот втроем садитса на одну лошадѳ;
 Которого секли мы нѳдвое,
 Тот вдвоѳм садитса на одну лошадѳ,
 А поганое Издолице о трех головах.
- 240 За вѳерашние за реци за похвальныя,
 Всем нам будет лежать во чистѳм полѳи».
 Говорит тут стар да таково слово:
 «Вы обседывайте понече добрых конѳей,
 Не оставлю Добрыню во белѳм шатѳрѳ
- 245 Берегѳи, стерегѳи белѳй шатѳр».
 Помолился спасу ведь превышнему,
 Божьей матушки да боѳородицы,
 Дружка с дружкою распростилса.
 Говорит тут стар да таково слово:
- 250 «Я поеду по украину,
 А вы поезжайте сѳредь мѳтицы.
 Если бог нам будет нѳпомощь,
 Вы рубите силу нунь без вывету».
 Стар поехал по украину,
- 255 А дружина поехала сѳредь мѳтицы.
 Поганое Издолице заматалосе,
 Не звать оно засынаетсе,
 Не звать оно оглунаетсе.
 Махнул-то стар да саблей вострою,
- 260 Слѳетели головы, как пуговицы
 (Три головы его отсекли).
 Они рубили силу нунь без вывету,
 Не мало не много двенадцать дѳи

(Ншь ведь дело!),
 Не пиваючи и не едаючи,
 И опочив они не держали
 (Без отдыху, без всякого.
 И ничего они не держали, не спали).
 265 Приезжают они ко белу шатру.
 Не приехало два братця, два Суздальця
 (Которы то хвастались).
 Тем и кончилось.

Былина записана А. М. Астаховой 1 июля 1928 г. от М. Г. Антонова, крестьянина дер. Усть-Низема, Лешуконского р., Архангельской обл., 59 лет.

[Рукописноеохранилище Фольклорной секции Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Печатается в сборнике А. М. Астаховой «Былины Севера», т. I, № 12.]

Сказитель сопровождал пение былины многочисленными замечаниями и пояснениями; они отмечены в тексте скобками и курсивом.

13. ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВИЧ.

Жил Буславьюшка — не старился,
 Живучись Буславьюшка преставился.
 Оставалось у Буслава чадо милое,
 Милое чадо рожиное,
 5 Молодой Васильюшка Буславьевич.
 Стал Васинька на улочку похаживать,
 Не легкие шуточки пошучивать:
 За руку возьмет, рука прочь,
 За ногу возьмет, нога прочь;
 10 А которого ударит по горбу,
 Тот пойдет — сам сутулится.
 И говорят мужики Новгородские:
 «Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
 Тебе с встою удачей молодецкою
 15 Наквасити река будет Волхова».
 Идет Василий в широкие улочки,
 Не весел домой идет, не радобен,
 И встречает его желанная матушка,
 Честна вдова Авдотья Васильевна:
 20 — Ай же ты, мое чадо милое,
 Милое чадо рожиное,
 Молодой Васильюшка Буславьевич!
 Что идешь не весел, не радобен?
 Кто же ти на улущке приобидел? —
 25 «А никто меня на улущке не обидел.
 Я кого возьму за руку, рука прочь,
 За ногу кого возьму, нога прочь,
 А которого ударю по горбу,
 Тот пойдет — сам сутулится.
 30 А говорили мужики Новгородские,

- Что мне с эстою удачей молодецкою
 Наквасити река будет Волхова».
- И говорит мать таковы слова:
 — Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
- 35 Прибрай-ка себе дружину хоробрую,
 Чтоб никто ти в Нове-граде не обидел. —
 И налил Василий чашу зелена вина,
 Мерой чашу полтора ведра,
 Становил чашу среди двора
- 40 И сам ко чаше приговаривал:
 «Кто эту чашу примет одной рукой
 И вынет эту чашу за единый дух,
 Тот моя будет дружина хоробрая!»
 И сядил на ремничат стул,
- 45 Писал скорописчатые ярлыки; |
 В ярлыках Василья прописывал:
 «Зовет-жалует на почестен пир»;
 Ярлычки привязывал ко стрелочкам
 И стрелочки стрелял по Новуграду.
- 50 И пошли мужики Новгородские
 Из тоя из церкви из соборныя,
 Стали стрелочки нахаживать,
 Господа стали стрелочки просматривать:
 «Зовет-жалует Василий на почестен пир».
- 55 И собиралися мужики Новгородские уваламы,
 Уваламы собиралися, переваламы,
 И пошли к Василью на почестен пир.
 И будут у Василья на широком на дворе,
 И сами говорят таковы слова:
- 60 «Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
 Мы теперь стали на твоём дворе,
 Всю мы у тя еству выедем
 И все напиток у тя вышьем,
 Цветно платице повиносим,
 65 Красно золото повиытадим».
- Этыя речи ему не слюбился.
 Выскочил Василий на широкий двор,
 Хватал-то Василий черленый вяз
- 70 И зачал Василий по двору похаживати,
 И зачал он взлом помахивати.
 Куды махнет, туды улочка,
 Перемахнет, переулочек:
 И лежат-то мужики уваламы,
 Уваламы лежат, переваламы,
- 75 Набило мужиков как погодою.
 И зашел Василий в терема златоверхие:
 Мало тот идет, мало новой¹ идет

¹ Мало — вскоре. Новой — другой.

- Ко Васильюшке на широкий двор.
 Идет-то Костя Новоторжанин
 80 Ко той ко чары зелена вина,
 И брал-то чару одной рукой,
 Выпил эту чару за единый дух.
 Как выскочит Василий со новых сеней.
 Хватал-то Василий черленый вяз,
 83 Как ударил Костю-то по горбу:
 Стоит-то Костя — не крянется,¹
 На буйной головы кудри не ворохнутся.²
 «Ай же ты, Костя Новоторжанин!
 Будь моя дружина хоробрая,
 90 Поди в мои палаты белокаменны».
 Мало тот идет, мало новой идет,
 Идет-то Потанюшка Хроменький
 Ко Василью на широкий двор
 Ко той ко чары зелена вина.
 93 Брал тое чару одной рукой
 И выпил чару за единый дух.
 Как выскочит Василий со новых сеней,
 Хватал-то Василий черленый вяз,
 Ударит Потанюшку по хромым ногам:
 100 Стоит Потанюшка — не крянется,
 На буйной головы кудри не ворохнутся.
 «Ай же, Потанюшка Хроменький!
 Будь моя дружина хоробра,
 Поди в мои палаты белокаменны».
 105 Мало тот идет, мало новой идет,
 Идет-то Хомушка Горбатенький
 Ко той ко чары зелена вина,
 Брал-то чару одной рукой
 И выпил чару за единый дух.
 110 Того и бить не шел со новых сеней:
 «Стуцай-ка в палаты белокаменны
 Пить нам напитки сладкие,
 Ества-то есть сахарния,
 А бояться нам в Нове-граде некого!»
 115 И прибрал Василий три дружины в Нове-граде.
 И завелся у князя Новгородского почестен пир
 На многих князей, на бояр,
 На сильных могучих богатырей,
 А молодца Василья не почествовали.
 120 Говорит матери таковы слова:
 «Ай же ты, государыня матушка,

¹ Не тронется.

² Здесь иногда прибавляется:

Сам говорит таковы слова:

— Быдто матушка по головке подрочивает,

Быдто матушка по головке поглаживает. —

- Честна вдова Авдотья Васильевна!
Я пойду к князьям на почестен пир».
Возговорит Авдотья Васильевна:
- 123 — Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожиное!
Званому гостю место есть,
А незваному гостю места нет. —
Он Василий матери не слушался,
- 130 А взял свою дружинну хоробрую
И пошел к князю на почестен пир.
У ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Прямо шел во гридню столовую.
- 133 Он левой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый стол,
За дубовый стол, в большой угол,¹
И тронулся на лавочку к пестно-углу,
И попехнул Василий правой рукой,
- 140 Правой рукой и правой ногой:
Все стали гости в пестно-углу;
И тронулся на лавочку к верно-углу,
И попехнул левой рукой, левой ногой:
Все стали гости на новых снях.
- 145 Другие гости перепалися,
От страху по домам разбежались,
И зашел Василий за дубовый стол
Со своей дружиною хороброю.
Опять все на пир собиралися,
- 150 Все на пиру наедалися,
Все на почестном напивалися
И все на пиру порасхвасталися.
Возговорил Костя Новоторжанин:
— А нечем мне-ка, Косте, похвастати:
- 153 Я остался от батюшки малешенек,
Малешенек остался и зеленешенек.
Разве тым мне, Косте, похвастати:
Ударить с вами о велик заклад
О буйной головы на весь на Новгород,
- 160 Окроме трех монастырей —
Спаса Преображения,
Матушки Пресвятой Богородицы,
Да еще монастыря Смоленского. —
Ударили они о велик заклад,
- 163 И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:
«Итти Василью с утра через Волхов мост;

¹ Большой угол или большо-угол — где поставлены иконы; верно-угол — ближе к дверям; пестно-угол или пестный угол — против устья печки.

- Хоть сваят Василя до мосту,
 170 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова;
 Хоть сваят Василя у моста,
 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова;
 175 Хоть сваят Василя посеред моста,
 Вести на казень на смертную,
 Отрубить ему буйна голова.
 А уж как пройдет третью заставу,
 Тожно больше делать нечего».
- 180 И пошел Василий со пира домой,
 Невесел идет домой, не радощен,
 И стречает его желанная матушка,
 Честна вдова Авдотья Васильевна:
 — Ай же ты, мое чадо милое,
 185 Милое чадо роженое!
 Что идешь невесел, не радощен? —
 Говорит Васильюшка Буславьевич:
 «Я ударил с мужикамы о велик заклад —
 Игти с утра на Волхов мост:
- 190 Хоть сваят меня до моста,
 Хоть сваят меня у моста,
 Хоть сваят меня посеред моста,
 Вести меня на казень на смертную,
 Отрубить мне буйна голова.
- 195 А уж как пройду третью заставу,
 Тожно больше делать нечего».
- Как услышала Авдотья Васильевна,
 Запирала в клеточку железную,
 Подперла двери железные
- 200 Тым ли визом черленьим.
 И налила чашу красна золота,
 Другую чашу чиста серебра,
 Третью чашу скатна жемчуга,
 И понесла в даровья князю Новгородскому,
- 205 Чтобы прости сына любимого.
 Говорит князь Новгородский:
 «Тожно прощу, когда голову срублю!»
 Пошла домой Авдотья Васильевна,
 Закручинилась пошла, запечалилась,
- 210 Рассеяла красно золото и чисто серебро
 И скатен жемчуг по чисту полю,
 Сама говорила таковы слова:
 — Не дорого мне ни золото, ни серебро,
 ни скатен жемчуг,
 А дорога мне буйная головушка
- 215 Своего сына любимого,
 Молода Васильюшка Буслаева. —

- И спит Василий, не пробудится.
 Как собирались мужики уваламы,
 Уваламы собирались, переваламы,
 220 С тыма шалыгамы подорожными,
 Кричат оны во всю голову:
 «Ступай-ка, Василий, через Волхов мост,
 Рушай-ка заветы великие!»
 И выскочил Хомушка Горбатенький,
 225 Убил-то он силы за цело сто,
 И убил-то он силы за другое сто,
 Убил-то он силы за третье сто,
 Убил-то он силы до пяти сот.
 На смену выскочил Потанюшка Хроменький
 230 И выскочил Костя Новоторжанин.
 И мыла служанка, Васильева портомойница,
 Платица на реке на Волхове,
 И стало у девушки коромыселко поскакивать,
 И стало коромыселко помахивать,
 Убило силы-то за цело сто,
 235 Убило силы-то за другое сто,
 Убило силы-то за третье сто,
 Убило силы-то до пяти сот.
 И прискочила ко клясточке железная,
 240 Сама говорит таковы слова:
 — Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
 Ты спишь, Василий, не пробудишься,
 А твоя-то дружина хоробрал
 Во крови ходит, по колесн бродит. —
 245 Со сна Василий пробуждается,
 А сам говорит таковы слова:
 «Ай же ты, любезная моя служаночка!
 Отопри-ка дверцы железные». —
 Как отперла ему двери железные,
 Хватал Василий свой черленый вяз
 250 И пришел к мосту ко Волховскому,
 Сам говорит таковы слова:
 «Ай же, любезна моя дружина хоробрал!
 Поди-тко теперь опочив держать,
 255 А я теперь стану с ребятами поигрывать». —
 И зачал Василий по мосту похаживать,
 И зачал он вязом помахивать:
 Куды махнет, туды улица,
 Перемахнет — переулочек.
 260 И лежат-то мужики уваламы,
 Уваламы лежат, переваламы,
 Наблио мужиков как погодою.
 И встрету идет крестовый брат,
 Во руках несет шалыгу левяноста пуд,
 265 А сам говорит таковы слова:

- Ай же ты, мой крестовый брателко,
 Молодой курень, не попархивай,
 На своего крестового брата не наскакивай!
 Помнишь, как учились мы с тобой в грамоты:
- 270 Я над тобой был в те поры больший брат,
 И вынь-то я над тобой буду больший брат. —
 Говорит Василий таковы слова:
 «Ай же ты, мой крестовый брателко!
 Тебя ли чорт несет навстречу мне?»
- 275 А у нас-то ведь дело дется:
 Головамы, братец, играемся.
 И ладит крестовый его брателко
 Шальгой хватить Василья в буйну голову.
 Василий хватил шальгу правой рукой,
- 280 И бил-то брателка левой рукой,
 И пинал-то он левой ногой,
 Давно у брата и души нет;
 И сам говорил таковы слова:
 «Нет на друга на старого,
- 285 На того ли на брата крестового:
 Как брат пришел, по плечу ружье принес». —
 И пошел Василий по мосту с шальгой.
 И на встречу Васильюшку Буслаеву
 Идет крестовый батюшка, Старичище Пилигримище:
- 290 На буйной головы колокол пудов во тысячу,
 Во правой руке дзык во пятьсот пудов.
 Говорит Старичище Пилигримище:
 — Ай же ты, мое чаделко крестовое,
 Молодой курень, не попархивай,
- 295 На своего крестового батюшка не наскакивай! —
 И возговорит Василий Буславьевич:
 «Ай же ты, мой крестовый батюшка!
 Тебя ли чорт несет во той поры
 На своего на любимого крестничка?»
- 300 А у нас-то ведь дело дется:
 Головамы, батюшка, играемся.
 И здынул шальгу девяноста пуд,
 Как хлынул своего батюшка в буйну голову,
 Так рассынался колокол на ножевые черенки:
- 305 Стоит крестный — не кренется,
 Желтыя кудри не ворохнутея.
 Он скочил батюшку против очей его
 И хлеснул-то крестного батюшка
 В буйну голову промеж ясны очи:
- 310 И выскочили ясны очи, как пивны чаши.
 И напустился тут Василий на дома на каменные.
 И вышла мать пресвятая богородица
 С того монастыря Смоленского;
 «Ай же ты Авдотья Васильевна!

213 Закличь своего чада милого,
Милого чада роженного,
Молода Васильюшка Буслаева:
Хоть бы оставил народу на семена».
Выходила Авдотья Васильевна со новых селей,
320 Закликала своего чада милого.

Былина записана Рыбниковым от сказителя, имя которого неизвестно; Рыбников говорит о нем: «В Колодозере я отыскал первостепенного сказителя, слишком девяностолетнего старика, знавшего древние рассказы о Старе, Чуриле, Илье, Дюке, Михайле Потыке, Василье Буслаеве; будь я здоров, я с ним не расстался бы; а тут пришлось записать 5 былин, и некого было попросить заступить мое место, потому что даже старшина был неграмотен». [«Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. II, изд. 2, М. 1910, стр. 430—431, 465—474, № 169.]

Вместо «князя Новгородского» в некоторых текстах говорится о «мужиках новгородских» или о «старшинах новгородских». Эпизод укращения Василия матерью передается иногда значительно подробнее. Например, в былине, записанной Рыбниковым от лодочника на реке Шале (или Водле), «два князя Новгородских, воевода Николай Зиновьевич, старшина Фома Родионович» — просят мать Василия унять сына:

Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Одевала платица черныя,
Одевала шубу соболонную,
Полагала шелом на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимофеевна
Унимать своего чада любимого.
То выгодно собой старушка догадалася, —
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучие:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшко Буславьевич!
Украти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,
Уброси свое смертное побонше,
Оставь мужичков хоть на семена. —
Тут Васильюшко Буславьевич
Опускает свои руки к сырой земле,
Выпадает ось железная из белых рук
На тую на мать сыру землю,
И говорит Василий Буславьевич
Своей государыне матушке:
«Ай ты, свет сударыня матушка,
Тая ты старушка лукавал,
Лукавая старушка, толковал!
Умела унять мою силу великую,
Зайти догадалася позади меня,
А ежели б ты зашла впереди меня,
То не спустил бы тебе, государыне матушке,
Убил бы заместо мужика Новгородского».
И тогда Васильюшка Буславьевич
Оставил тое смертное побонше,
Оставил мужиков малу часть,
А набил тых мужиков, что пройти нельзя.

Тут приходят князья Новгородские,
 Воевода Николай Зиновьевич,
 Старшина Фома Родионович,
 Ко тому Васильюшку Буславьеву,
 Пали ко Василью в резвы ноги,
 Просят Василья во гостебыще,
 Сами говорят таковы слова:
 «Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
 Прикажи обрать тела убитыя,
 Предать их матери сырой земле;
 Во той ли во реченьке Волхове
 На делую на версту на мерную
 Вода с кровью смесилася:
 Без числа пластина принарублена».
 Тут-то Васильюшка Буславьевич
 Приказал обрать тела убитыя,
 Не пошел к им в гостебыще:
 Знал де за собой замашку великую.
 А пошел в свои палаты белокаменны
 Ко своей государыне ко матушке
 Со своею дружиною со хороброю.
 И жил Васильюшка в праздности,
 Излечил дружицушку хоробрую
 От тых от ран кровавых,
 И привел дружину в прежнее здравие.

[«Песни, собранные Рыбниковым», т. II, изд. 2, стр. 357 —
 359, № 150.]

Былина является типично новгородской и связана с особыми условиями жизни в Новгороде. Так, изображение боя дружины Василья Буслаева (в приведенном тексте эта «дружина» состоит только из трех товарищей Василия, обычно же речь идет о тридцати или тридцати трех молодцах) с «мужиками новгородскими» является отражением подлинных столкновений, происходивших между новгородскими боярами и буржуазией. Так, например, под 1418-м годом в Новгородской летописи рассказывается следующее:

«Человек некий Степанко, изымавшэ боярина Данила Ивановича, Божина внука, держащи вопияше людем: «а господо! пособи́те ми тако на злодеа сего!» Людие же, видяше его вопль, влечахуть аки злодеа, к народу и казниша его ранами близ смерти и, сведши и с веча, сринуша и с мосту». Проезжавший рыбак спас боярина. Боярин решил отомстить своему врагу, захватил его и начал мучить. «Слышав же народ, яко изиман бысть Степанко, начаша звонити на Ярославли дворе вече; и сбрахуся людий множество, кричаху воишоше по многы дни: «пойдем на оного боярина и дом его расхытим». И пришед в доспесех с стягом на Кузмадемиану улиду, пограбиша дом его и иных дворов много и на Яневе улиде берег пограбиша. . . И паки възъярившеся, аки пиане, на иного боярина, на Ивана на Исвлича, на Чюдещеве улиде, и с ним много разграбиша домов боярских, но и монастырь святаго Николая на поле разграбиша, ркуше: «зде житнице боярьскыи». И еще, того утра на Людогиши улиде изграбиша дворов много, ркуше, яко «нам супостаты суть», и на Прускую улиду приидоша, и они паки отбишася их». На Торговой стороне (откуда приходили нападавшие на бояр) распространился слух, что Софийская сторона вооружается. «И начаша звонити по всему граду, и начаша людие срыскивати с обою страну, аки на рать, в доспесех, на мост великий; блше же и губление: овы от стрел, овы

же от оружия, беша же мертви, акї на рати; и от грозы тоя страшныя и от возмущения того великаго вострясся весь град и нападе страх на обе страны. Слышав же владыка Семеон особную рать промежу своими детьми и попусти слезы из очию и повеле предстоящим собрати сбор свой; и вшед архиепископ в дерковь святыя Софоя, нача молитися с слезамни облечеся в священныя ризы с своим сбором, и повеле крест господеи и пресвятая богородицы образ взяти, иде на мост. И пришед святитель, ста посреде мосту и взем животворящий крест, нача благословляти обе стране... И разошася молитвами святыя богородицы и благословеннем архиепископа Семеона, и бысть тишина в граде».

Имя Василия Буслаева упоминается в Никоновской летописи под 1171-м годом («того же лета преставися в Новгороде посадник Васька Буслаевич»), но никаких сведений об этом посаднике не имеется.

14. ВАСИЛИЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ.

Под славным великим Новым городом,
По славному озеру по Илменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
А плавает-поплавает червлен карабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
Аи молода Василья со сво дружиною хоробраю,
Тритцать удалых молодцов.
Костя Никитин корму держит,
Малинкой Потаня на носу стоит,
А Василен по караблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
— Свет моя дружина храбрая,
Тритцать удалых добрых молодцов!
Ставте карабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Нову городу. —
Аи тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок;
Походил тут Василен ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинуска хоробрая,
Толко караулы оставили.
Приходит Василен Буслаевич ко своему двору
дворянскому,

Ко своей сударыне-матушке,
Матерои вдове Амелфе Тимофеевне;
Как выюн около ея убиваетца,
Просит благословение великое:
— А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое
Итти мне Василью в Ерусалим град
Со своею дружиною хоробраю,
Мне-ка господу помолитися,

Святой святыни приложитися,
Во Ердане реке искупатися. —
Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
— Гои еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василии Буслаевичь!
То коли ты поидеш на добрые дела,
Тебе дам благословенне великое;
То коли ты, дитя, на розбой поидеш,
И не дам благословенне великова,
Аи не носи Василья сыра земля. —
Камень от огни разгораетца,
А булат от жару растопляетца;
Материна сердце распусъщается,
И дает она много свинцу-пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное.
— Побереги ты, Василии, буину голову свою! —
Скоро молодцы собираютца
И с матерои-вдовиц прощаютца.
Походили оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Илменю.
Бегут оне уж сутки, другие,
А бегут уже неделю, другую;
В стречю им гости-карабелщики:
Здравствуй, Василии Буслаевичь!
Куда молодец поизвольил погулять? —
Отвечает Василии Буслаевичь:
— Гои еси вы, гости карабелщики!
А мое та веть гулянье неохотное:
С молода бита много, граблена,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямова пути
Ко святому граду Иерусалиму. —
Отвечают ему гости карабелщики:
— Аи гои еси, Василии Буслаевичь!
Прямым путем в Ерусалим град
Бежать семь недель,
А околнои дорогой — полтора года.
На славном море Каспидкием,
На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия;
Не много не мало их, три тысячи;
Грабят бусы, галеры, разбивают червленые карабли. —
Говорит тут Василии Буслаевичь:
— А не верую я, Васюнка, ни в сон, ни в чох,
Аи верую в свои червенои вяз;
А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем. —

И завидел Василен гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу;
Походил су Василен сын Буславевичь
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василен в полу горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость.
Пнул Василен тою голову с дороги прочь;
Провещитца пуста голова человеческая:
— Гои еси ты, Василен Буславевичь!
Ты к чему меня, голову, побрасоваещ?
Я молодец не хуже тебя был;
Умею я, молодец, волятися.
А на той горе Сорочинский,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой. —
Плонул Василен, прочь пошел:
— Али, голова, в тебе враг говорит или нечистов
дух? —

Пошел на гору высокую;
На самой сопки тут камень стоит,
В вышину три сажени печатные,
Аи через ево толка топор подать:
В дальину три аршина с четвертью.
И в том та подпись подписана:
«А хто де станет у камня тешитца,
Аи тешитца, забавлятися,
Вдоль скокать по камению,
Сломить будет бунну голову».
Василен тому не верует;
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперек тово камению поскакивати,
А вдол та ево не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския;
Сходят оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспидкому
На ту на заставу карабельную,
Где та стоят казаки разбойники,
А стары атаманы казачия;
На пристани их стоят сто человек.
Аи молоды Василен на пристан стань,
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил та Буслан на крут бережок,
Червеным вязом попираетца.
Тут караульщики, удалы добры молодцы,

Все на карауле испужалися,
Много ево не дожидаютца,
Побежали с пристани карабелныя
К тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят, не дивуютца,
Сами говорят таково слово:
— Стоим мы на острову тритцать лет,
Не видали страху великова;
Это де идет Василии Буславьевичь,
Знать де полетка соколиная,
Видеть де поступка молодецкая. —
Пошагал та Василии со дружиною,
Где стоят атаманы казачия;
Пришли оне, стали во единой круг.
Тут Василии им поклоняетца,
Сам говорит таково слово:
— Вздравствуйте, атаманы казачия!
А скажите вы мне прямова пути
Ко святому граду Иерусалиму. —
Говорят атаманы казачия:
— Гои еси, Василии Буславьевичь!
Милости тебе просим за единой стол хлеба
кушати. —

Втапоры Василии не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
Наливали ему чару зелена вина в полтара ведра;
Принимает Василии единой рукой
И вышил чару единым духом,
И толко атаманы тому дивуютца,
А сами не могут и по полу ведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Збираетца Василии Буславьевичь на свои червлен
карабль.

Дают ему атаманы казачия подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую — красна золота,
Третью — скатнова земчюга;
За то Василии благодарит и кланяетца,
Просит у них до Ерусалима провожатова.
Тут атаманы Василью не отказовали,
Дали ему молодца провожатова,
И сами с ним прощались.
Собрался Василии на свои червлен карабль
Со своею дружиною хоробраю;
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспидкому.
Будут оне во Ердань реке,
Бросали якори крепкия,
Сходни бросали на крут бережок.

Походил тут Василен Буслаевич
Со своею дружиною хороброю в Ерусалим град.
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василия Буславьевича,
И обедню с понафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.
На другой день служил обедни с молебнами
Про удалых добрых молодцев,
Что с молоду бито много, граблено.
И ко святой святыни приложился он,
И въ Ердане реке искупался
И расплатился Василен с попами и с дьяконами,
И котория старцы при церкви живут,
Дает золотой казны не считаючи.
И походит Василен ко дружине из Ерусалима
На свои червлен карабль.
Втапоры ево дружина хоробрая
Купалися во Ердане реке.
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
— Почто вы купааетесь во Ердане реке?
А некому купатися опричь Василья Буславьевича:
Во Ердане реке крестился сам господь Иисус

Христос,

Потерять ево вам будет,
Болшова атамана Василья Буславьевича. —
И оне говорят таково слово:
— Наш Василен тому не верует ни в сон, ни в
чох. —

И мало время позондучи,
Пришел Василен ко дружине своей,
Приказал выводить карабль из усья Ердань реки.
Подняли тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспидкому,
Приставали у острова Куминскова.
Приходили тут атаманы казачия,
И стоят все на пристани карабелныя.
Ан выскочил Василен Буслаевич из своего
червленаго карабля,
Поклонились ему атаманы казачия:
— Здравствуи, Василен Буслаевич!
Здорово ли съездил въ Ерусалим град? —
Много Василен не бант с ними,
Подад писмо в руку им,
Что много трудов за их положил,
Служил обедни с молебнами за их молодцов.
Втапоры атаманы казачия звали Василья обедати,

И он не пошел к ним;
Продался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспийскому к Нову городу.
Ан едут неделю споряду, ан едут уже другую,
И завидел Василен гору высокую, Сорочинскую.
Захотелось Василью на горе побывать;
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василен со дружиною.
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова — человечья кость.
Пнул Василен тою голову з дороги прочь;
Провещитца пуста голова:
— Гой еси ты, Василен Буслаевич!
К чему меня голову попиноваш
И к чему побрасоваеш?
Я молодец не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинские.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове. —
Плюнул Василен, прочь пошел;
Взашел на гору высокую, на ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокои камень, в вышину три сажени
печатныя,

А через ево толко топором подать;
В долину три аршина з четвертью.
И в том та подпись подписана:
«А хто де у камня станет тешитца,
Ан тешитца, забавлятися,
Вдоль скакать по камению,
Сломить будет буну голову».
Василен тому не верует,
Стал со дружиною тешитца и забавлятися,
Поперек камению поскаковати.
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по камению
И не доскочил толко четверти и тут убился.
Под каменем, где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свои червлен карабль;
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову городу,
И будут у Нова города,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы кренко стоял и не патался он.
Пошли к матерои вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися, все писмо в руки подали.

Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:

— Гои вы еси, удалы добры молодцы!

У меня шныне вам делать печево;

Подите в подвалы глубокия,

Берите золотой казны не считаючи. —

Повела их девушка, чернавушка,

К тем подвалам глубокиим,

Брали оне казны по малу числу.

Пришли оне к матерой вдове,

Взговорили таковы слова:

— Спасибо, матушка Амелфа Тимофеевна,

Что пошла-кормила-обувала и одевала добрых
молодцов. —

Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна

Приказала наливать по чаре зелена вина;

Подносит девушка чернавушка тем удалым
молодцам;

Ап выпили оне сами, поклонилися,

И пошли добры молодцы, кому куды захотелся.

В былине нашел отражение факт патристичества русских людей в так называемую святую землю (в Иерусалим), а вместе с тем факт новгородского «ушкунничества», военных походов для захвата новых земель. Василий Буслаев выступает здесь в качестве молодца, не верующего «ни в сов, ни в чоха».

15. САДКО.

Во славном в Новеграде

Как был Садкэ купец, богатый гость.

А прежде у Садка имущества не было:

Одни были гуселки яровчаты;

5 По пирам ходил-играл Садке.

Садка день не зовут на почестен пир,

Другой не зовут на почестен пир

И третий не зовут на почестен пир.

По том Садке соскучился:

10 Как пошел Садкэ к Ильмень озеру,

Садился на бел-горюч камень

И начал играть в гуселки яровчаты.

Как тут-то в озере вода всколыбалася,

Тут-то Садке перспался,

15 Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,

Другой не зовут на почестен пир

И третий не зовут на почестен пир.

По том Садке соскучился:

20 Как пошел Садке к Ильмень озеру,

Садился на бел-горюч камень

- И начал играть в гуселки яровчаты,
 Как тут-то в озере вода всколыбалася,
 Тут-то Садке перепался,
- 23 Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
 Садка день не зовут на почестен пир,
 Другой не зовут на почестен пир
 И третий не зовут на почестен пир.
 По том Садке соскучился:
- 30 Как пошел Садке к Ильмень озеру,
 Садился на бел-горюч камень
 И начал играть в гуселки яровчаты.
 Как тут-то в озере вода всколыбалася,
 Показался царь морской,
- 35 Вышел со Ильменя со озера,
 Сам говорил таковы слова:
 «Ай же ты, Садке новгородский!
 Не знаю, чем буде тебя пожаловать
 За твои за утехы за великие,
- 40 За твою-то игру нежную:
 Аль бессчетной золотой казной?
 А не то ступай во Новгород
 И ударь о велик заклад,
 Заложы свою буйну голову
- 45 И выряжай с прочих купцов
 Лавки товара красного,
 И спорь, что в Ильмень озере
 Есть рыба — золоты перья.
 Как ударишь о велик заклад,
- 50 И поди-свяжи шелковой невод,
 И приезжай ловить в Ильмень озеро:
 Дам три рыбины — золоты перья,
 Тогда ты, Садке, счастлив будешь».
- Пошел Садке от Ильменя от озера.
- 55 Как приходил Садке во свой во Новгород,
 Позвали Садке на почестен пир.
 Как тут Садке новгородский
 Стал играть в гуселки яровчаты;
 Как тут стали Садке понаивать,
- 60 Стали Садку поднашивать,
 Как тут-то Садке стал похвастывать:
 «Ай же вы, купцы новгородские!
 Как знаю чудо чудное в Ильмень озере:
 А есть рыба — золоты перья в Ильмень озере».
- 65 Как тут-то купцы новгородские
 Говорят ему таковы слова:
 «Не знаешь ты чуда чудного,
 Не может быть в Ильмень озере рыбы —
 золоты перья». —
 «Ай же вы, купцы новгородские!

- 70 О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца повыкинулись,
- 75 Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень озеро:
Закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
- 80 Закинули другую тоньку в Ильмень озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новгородские
- 85 Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке все по-небесному:
- 90 На небе солнце, и в палатах солнце,
На небе месяц, и в палатах месяц,
На небе звезды, и в палатах звезды.
Потом Садке купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
- 95 Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
- 100 Похвальбамы все похвалялись.
Иный хвастает бесчетной золотой казной,
Другой хвастает силой — удачей молодецкою,
Который хвастает добрым копом,
Который хвастает славным отечеством,
- 105 Славным отечеством, молодым молодецеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
- 110 Все на почестном напивались,
Похвальбамы все похвалялись.
Что же у нас Садке ничем не похвастает,
Что у нас Садке ничем не похваляется?»
Говорит Садке купец, богатый гость:
- 115 «А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платье не носится,

- Отдавал он настоятелям новгородским
 Денежек он тридцать тысячней.
 На свою бессчетну золоту казну
 Построил Садке тридцать кораблей,
 170 Тридцать кораблей, тридцать черленных;
 На ты на корабли на черленые
 Свалил товары новгородские,
 Поехал Садке по Волхову,
 Со Волохова на Ладожско,
 175 А со Ладожска во Неву-реку,
 А со Невы-реки во сине море.
 Как поехал он по синю морю,
 Воротил он в Золоту орду,
 Продавал товары новгородские,
 180 Получал барыши великие,
 Насыщал бочки сороковки красна золота,
 чиста серебра,
 Поезжал назад во Новгород,
 Поезжал он по синю морю.
 На синем море сходилась погода сильная,
 185 Застоялись черлены корабли на синем море:
 А волной-то бьет, паруса рвет,
 Ломает кораблики черленые;
 А корабли нейдут с места на синем море.
 Говорит Садке купец, богатый гость,
 190 Ко своей дружины ко хоробрыя:
 «Ай же ты, дружинишка хоробрая!
 Как мы век по морю ездили,
 А морскому царю дани не плачивали:
 Видно царь морской от нас дани требует,
 195 Требуется дани во сине море.
 Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Визмайте бочку сороковку чиста серебра,
 Спускайте бочку во сине море».
 Дружина его хоробрая
 200 Визмала бочку чиста серебра,
 Спускала бочку во сине море:
 А волной-то бьет, паруса рвет,
 Ломает кораблики черленые;
 А корабли нейдут с места на синем море.
 205 Тут его дружина хоробрая
 Брала бочку сороковку красна золота,
 Спускала бочку во сине море:
 А волной-то бьет, паруса рвет,
 Ломает кораблики черленые;
 210 А корабли все нейдут с места на синем море.
 Говорит Садке купец богатый гость:
 «Видно, царь морской требует
 Живой головы во сине море.

- Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
 213 Я сам сделаю на красном на золоте.
 Всяк свои имена подписывайте,
 Спускайте жеребья на сине море:
 Чей жеребей ко дну пойдет,
 Таковому итти в сине море».
- 220 Делали жеребья вольжаны,
 А сам Садке делал на красном на золоте,
 Всяк свое имя подписывал,
 Спускали жеребья на сине море:
 Как у всей дружины хоробрья
- 223 Жеребья гоголем по воды плвуют,
 А у Садка купца ключом на дно.
 Говорит Садке купец, богатый гость:
 «Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Этыя жеребья не правильны:
- 230 Делайте жеребья на красном на золоте,
 А я сделаю жеребей вольжанный».
- Делали жеребья на красном на золоте,
 А сам Садке делал жеребей вольжанный,
 Всяк свое имя подписывал,
- 235 Спускали жеребья на сине море:
 Как у всей дружины хоробрья
 Жеребья гоголем по воды плвуют,
 А у Садка купца ключом на дно. ¹
-
 Говорит Садке купец, богатый гость:
- 240 «Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Видно, дарь морской требует
 Самого Садка богатого в сине море.
 Несите мою чернилицу вальяжную,
 Перо лебединое, лист бумаги (гербовый)».
- 243 Несли ему чернилицу вальяжную,
 Перо лебединое, лист бумаги (гербовый).
 Он стал именьице отписывать:
 Кое именье отписывал божьим церквам,
 Иное именье нищей братии,
- 250 Иное именье молодой жены,
 Остатнее именье дружины хоробрья.
 Говорил Садке купец, богатый гость:
 «Ай же, братцы, дружина хоробрая!
 Давайте мне гуселки яровчаты,
- 255 Поиграть-то мне в остатнее:
 Больше мне в гуселки не игрывати.
 Али взять мне гусли с собой во сине море?»
 Внимает он гуселки яровчаты,

¹ Этим не оканчивается испытание: Садко предлагает дружине сделать жеребья дубовые, а сам делает липовый; потом дружина делает жеребья липовые, а он дубовый. (Примеч. собирателя.)

- А ты шпенечки повыломай.
 Скажи: «У меня струночек не случилось,
 А шпенечков не пригодилось,
 310 Не во что больше играть:
 Приломались гуселки яровчатые».
 Скажет тебе царь морской:
 «Не хочешь ли жениться во синем море
 На душечке на красныя девушке?»
 315 Говори ему таковы слова:
 «У меня воля не своя во синем море».
 Опять скажет царь морской:
 «Ну, Садке, вставай поутру раншенько,
 Выбирай себе девицу-красавицу».
 320 Как станешь выбирать девицу-красавицу,
 Так перво триста девиц пропусти,
 И друго триста девиц пропусти,
 И третье триста девиц пропусти:
 Позади идет девица-красавица,
 325 Красавица-девица Черनावушка, —
 Бери тую Чернаву за себя замуж.
 Как ляжешь спать во перву ночь,
 Не твори с женой блуда во синем море:
 Останешься на веки во синем море;
 330 А ежели не сотворишь блуда во синем море,
 Ляжешь спать с девицу-красавицу,
 Будешь, Садке, во Новеграде.
 А на свою бесчетну золоту казну
 Построй церковь соборную Микола Можайскому».
 335 Садке струночки во гуселках повыдернул,
 Шпенечки во яровчатых повыломал.
 Говорит ему царь морской:
 «Ай же ты, Садко новгородский!
 Что же не играешь в гуселки яровчатые?» —
 340 «У меня струночки во гуселках выдернулись,
 А шпенечки во яровчатых повыломались,
 А струночек запасных не случилось,
 А шпенечков не пригодилось».
 Говорит царь таковы слова:
 345 «Не хочешь ли жениться во синем море
 На душечке на красныя девушке?»
 Говорит ему Садке новгородский:
 «У меня воля не своя во синем море».
 Опять говорит царь морской:
 350 «Ну, Садке, вставай поутру раншенько,
 Выбирай себе девицу-красавицу».
 Вставал Садке поутру раншенько,
 Поглядит, идет триста девушек красных.
 Он перво триста девиц пропустил,
 355 И друго триста девиц пропустил,

- И третье триста девиц пропустил;
 Позади шла девица-красавица,
 Красавица-девица Чернавушка:
 Брал тую Чернаву за себя замуж.
- 360 Как прошел у них столованье почестен пир,
 Как ложится спать Садке во первую ночь,
 Не творил с женой блуда во синем море.
 Как проснулся Садке во Нове-граде,
 О реку Чернаву на крутом кряжу;
 365 Как поглядит, ажно бежат
 Свои черленые корабли по Волхову.
 Поминает жена Садка со дружиной во синем
 море:
- «Не бывать Садку со синя моря!»
 А дружина поминает одного Садка:
 370 «Остался Садке во синем море!»
 А Садке стоит на крутом кряжу,
 Встречает свою дружинишку со Волхова.
 Тут его дружина сдивовалася:
 «Остался Садке во синем море,
 375 Очутился впереди нас во Нове-граде,
 Встречает дружину со Волхова!»
 Встретил Садке дружину хоробрую
 И повел в палаты белокаменны.
 Тут его жена зрадовалася,
 380 Брала Садка за белы руки,
 Целовала во уста во сахарния.
 Начал Садке выгружать со черленых со
 кораблей
 Именьице — бессчетну золоту казну.
 Как повыгрузил со черленых кораблей,
 385 Состроил церкву соборную Миколы
 Можайскому.
 Не стал больше ездить Садке на сине море,
 Стал поживать Садке во Нове-граде.

Былина записана Рыбниковым от А. П. Сорокина, крестьянина дер. Повинка на Сумозере [«Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. II, изд. 2, стр. 243—254, № 134]. Позднее та же былина была записана и Гильфердингом [«Онежские былины», 1873, стр. 384—399, № 70. Запись 1 августа 1871 г.]. Сорокин выучился былинам мальчиком и молодым человеком, когда подолгу жил на мельнице, где собирались крестьяне из окрестных деревень и коротали время, распевая «старинь».

Былина Сорокина очень длинная и сложная: она включает в себя и историю обогащения Садко и рассказ о его споре с «настоителями новгородскими», и рассказ о пребывании его на дне морском у морского царя. Запись Гильфердинга значительно подробнее записи Рыбникова.

Имя Садко упоминается в новгородских летописях (под 1167-м годом говорится: «На ту же весну заложи Садко Сытиниц церковь камяну святую Бориса и Глеба»), но неизвестно, связано ли это имя с именем былинного героя.

Трезвычайно ярко отражены в былине черты новгородского торгового быта. Вместе с тем она имеет сказочно-фантастический характер (особенно во второй половине), отчасти напоминающий финские сказания о Вейнемейнене («Калевала», руна 41-я).

16. ДЮК СТЕПАНОВИЧ.

- Ай ведь было жило во дальнем славном городе,
Шьто во той было Корелы во богатые,
Там-то жил был ведь дородней доброй молодець,
Ишь тот-ли боярин Дюк Степановиць,
5 Ай ведь сильней был могудей богатырь-от.
Ай у Дюка-та было у Степановича,
Ише был у ево да все широкой двор,
Ай ведь был-то у ево да все широкой двор,
Как широкой ево двор да на семи верстах,
10 На семи-то верстах был, да семидесети был семи столбах;
Эти столбички-ти были столбы точоны,
Столбы точоны, были позолочоны;
Да у каждого столба все было-то по золотому по колечушку;
Ише крышоцька была на домн золочоная.
- 15 Ай сидела-то ведь Дюкова все родна маменька,
Посажона была у Дюка родна маменька
Ише та вдова Омельфа Тимофеевна,
Посажона на стули рыта бархата,
На коври-то ево была да красна золота;
20 Как в ее было в полаты белокаменной
Надведено же над ей-то было красно солнышко,
Надведено над ей ведь был да млад светел месяць,
Ише зори-ти были, звезды частые,
Вся луна была над ей да поднебесная.
- 25 Тут не беденька березка к земли клонитце,
Ни зелененькая, кудрява выгибантце, —
Тут дородней доброй молодець да низко кланялсэ,
Ише тот-ли боярин Дюк Степановиць,
Ише тот-ли богатырь да приудалой-от,
30 Ко своей-то он родимой милой маменьки,
Он к чесной вдовы к Омельфы к Тимофеевной:
— Уж ты дай-ко мне-ка, матушка родимая,
Уж ты дай-ко мне-ка, матушка, благословленьце
Мне-ка съездить-то, дородно добру молодцу,
35 Мне-ка съездить-то теперь как в красен Киев-град,
Мне ко ласковому князю ко Владимиру,
Посмотреть-то мне-ка князя со кнегиною,
Посмотрать-то мне князей да всех бояр тут,
Посмотрать мне-ка могудних сильних богатырей. —
40 Говорит-то ему матушка родимая:
— Уж ты гой еси, мое ты дядо милое,
Молодой же ты Дюк да свет-Степановиць!

- Ты поедешь, мое дитятко, не хвастай-ко,
 Ты не хвастай-ко своим-то все именищем,
 45 Ты не хвастай-ко своим да широким двором,
 Ты не хвастай-ко своим многим да платьем цветным-то,
 Ты не хвастай-ко ухваточкой своей все богатырьчкою,
 Ты не хвастай-ко своим-то ты добрым конем. —
 Говорит-то тут ведь Дюк да Дюк Степановиць:
 50 — Уж ты гой еси, родима моя матушка,
 Ты чесна вдова Омельфа Тимофеевна!
 На меня-то как найдут, я все не уступлю тут им. —
 Собираюсь-то ведь молодой-от наш боярин Дюк
 Степановиць,
 Собирайтче он да все скорехонько;
 55 Только видели-то добра молодца сряжаючись,
 Не видали тут поездки богатырьскою.
 Приезжает тут удалой доброй молодець,
 Ише тот ли ведь боярин Дюк Степановиць
 К широку-ту двору ведь, все князю ко Владимиру;
 60 Он приехал-то да все во ту пору,
 Он во ту же пору приехал, все во ту время, —
 Ишше князя-та Владимира ведь дома нет:
 Шьчо ушол-то князь Владимир стольне-кнеськой,
 Он ко той ушол ко ранной ко заутрени.
 65 Оставлял-то он своего коня доброго,
 Оставлял-то он у князя все на широком двори,
 Сам пошол-то во божью церковь соборную,
 Во соборну божью церковь богомольную;
 Замарал-то он сафьяны все сапожоцьки
 70 Шьчо по тем-ли по москам, москам дубовым.
 Говорил-то млáдой все боярин Дюк Степановиць:
 Говорил-то ведь он, дак будто гром гремел:
 — Шьчо сказали про Киев-град, шьто — хорош город; —
 Уходил-то я сапожоцьки сафьяные! —
 75 Приходил-то он ведь скоро во божью церковь,
 Говорил-то ведь тут он да таковы речи:
 — Уж ты здрастуй, князь Владимир стольне-кнеськой! —
 Говорит-то князь Владимир таковы речи:
 — Уж ты гой еси, ты дородней доброй молодець!
 80 Я не знаю-ту тепере, как тебя все именем зовут,
 Я не знаю, звеличать как из очетесьва. —
 Говорит-то тут боярин Дюк Степановиць:
 — Я наехал-то из той-ли из Корелушки богатя,
 Ише тот-ли я, богатой-от боярин я,
 85 Я богатой-от боярин Дюк Степановиць.
 Благослови-ко ты меня, все Владимир-князь,
 Мне-ка стать-то все на крылос все на правой-от,
 Послужить-то мне, попеть хошь мне во Киеви,
 Мне за той попеть обедней воскресеньскою. —
 90 Говорит-то князь Владимир таковы речи:

- Тебя бох благословит, да молодой боярин Дюк
 Степановиць! —
 Ай запел-то скоро, зачитал все Дюк Степановиць! —
 Божья церковь-та тут да потрясаласе,
 Всё окошечка в божьей-то церькви покосиласе,
 65 Все народ-то, люди добры, с ног попадали;
 На ногах-то стоит да сам Владимир-князь,
 На ногах же он стоит, качаитце;
 За праву-ту руку дёржит все Добрынюшка Микитич млад,
 За леву же руку дёржит-то Олешенька Попович млад.
 100 Говорит-то князь Владимир стольне-кневской:
 — Уж ты гой еси, дородней доброй молодець,
 Молодой же съвет боярин, Дюк Степановиць!
 Тибѣ полно-то стоять, все петъ на крыласи! —
 Перестал-то тут ведь Дюк да свет Степанович.
 105 Как отпели, отслужили службу божью-ту,
 Говорит-то князь Владимир таковы речи:
 — Ты пойдем-ко-се, пойдем, удалой доброй молодець,
 Уж ты сильней же, могудей руськой ты богатырь наш,
 Шьчо по имени боярин Дюк Степановиць!
 110 Ты пойдем-ко-се ко мне да ты ведь хлеба, соли псь,
 Хлеба, соли ко мне псь да сладка меду пить. —
 Пошол-то боярин-то богатой Дюк Степановиць;
 Шьчо приходит во палаты княженескые;
 Он ведь крест-то все кладет да по писаншому,
 115 Он поклон-от все ведет да по учопому,
 Он ведь князю-то Владимиру все низко кланялсѣ
 Шьчо со той-ли со княгиной Опраксей Королевисьней.
 Сбирал-то князь Владимир для ево поцесен пир,
 Сбирал-то все князей да своих бояров,
 120 Сбирал-то руських могучих все богатырей;
 Он содил-то молодого-то боярина-та Дюк свет Степановича,
 Он содил-то все его да все к себе близко.
 Он сидит-то Дюк Степанович, не пьет, не ест, не кушает,
 Говорит-то князь Владимир стольне-кневской:
 125 — Уж ты шьто ты, как дородней доброй молодець,
 Молодой-ли ты боярин, Дюк Степанович!
 Ты не пьешь-то, все не ешь сидишь, не кушаешь,
 Уж ты беленькой лебедушки не рушаешь;
 Уж ты мекши-ти кушаешь, корки проць откладывашь? —
 130 Говорит-то тут боярин, Дюк Степановиць:
 — Уж ты гой еси, Владимир-князь да стольне-кневской!
 Потому-то я сизу не пью, не ем, не кушаю, —
 Как у вас-то ведь пецьки все кирпичные
 Да помельшко у вас ведь все сосновое;
 135 На помельшко льитѣ воду болотную.¹
 Я скажу тибѣ, да все Владимир-князь,

¹ Шьтобы не горело. (Примеч. сказительницы.)

- Я скажу-ту про сибя, тебе поведаю,
 Я скажу-то все тебе я про широкой двор:
 Шьчо у мя-то ведь, у доброго у молодца,
 140 Иише дом у мяя стоит ведь на семи верстах,
 На семидесети у мяя па семи столбах;
 Иише кажной все столбичок был точоной,
 Столбик точоной, кажной позолочоной;
 Как у кажного столба-та было все да по колецюшку,
 145 Но тому-то было все по золоту кольцю.
 Ай ведь есь у мяя, у Дюка, добра молодца,
 На двори у мяя да на конюшном все
 Как живет у мяя да петьдесят да все людей робочных;
 Иише есь у мяя, у доброго у молодца,
 150 Иише платиця живет у мяя да цвѣтного —
 Мне носить-то будет, добру молодцу, в голу на кажной
 денецек,
 Носить год да по три платя переменных в день.
 Иише есь у мяя, у добра-та все молодца,
 Иише крышорька у мяя да красна золота;
 155 Золото у мяя крымецюшко паратное,
 Как колецюшко у дверей золото у мяя.
 Петьдсесет у мяя ведь, все у добра молодца,
 Петьдсесет-то тут у мяя все портомойниць-то,
 Тут белье они стирают у мяя, у добра молодца;
 160 Иишэ есь у мяя, иишэ у добра молодца,
 Шьчо друго у мяя-то петьдесят мукосейниць-то;
 Шьчо иише у мяя, у добра молодца,
 Петьдсесет все у мяя да все колачьиць-то.
 Шьчо у мяя-то, у мосей-то родной матушки,
 165 У чесной вдовы Омельфы Тимофеевны,
 Да па стули сидит она все рыта бархата;
 На коври она сидит, на красном золоти;
 Надьведено ведь надь ей да красно солнышко,
 Надьведено надь ей да млад съветел мѣсець,
 170 Надьведены зори утряпы да зъезды частые,
 Вся луна надь ей у мяя все поднебесная.
 У мосей-то у родимой все у матушки
 Иише пецьки-ти у ей были муравлены,
 Ай помельишко у ей было шолковое;
 175 На помельишко она ведь льет воду медовую,
 Пересынает она под да все тут сахаром;
 Ай колачки пекет она круписчаты;
 Тут колачик-от съешь, другого хочитцэ;
 Как другой-от скушашь — об третьем душа бажит.
 180 Я иише же, доброй молодець, похвастаю:
 Как стоит-то у мяя тыш серебряной да позолоченой;
 Я иише же, доброй молодець, похвастаю:
 У мяя в тыну текет река медовая,
 Россыпайтьце у реченьки все золота руда;

- 185 Я ище же, доброй молодець, похвастаю:
 Не имею я коня все переменного, —
 Как наводит-то мой Бурушко все каждой день,
 Каждой день-то он наводит, переменят, шерсть
 переменную. —
 Как свезали тут, сковали добра молодца,
- 190 Посадили ево в темницю во темную.
 — Говорит-то князь Владимир таковы речи:
 — Уж вы гой еси, дородни добры молодцы,
 Вы два руського могучого богатыря!
 Посжай в первых Добрынюшка Никитич млад,
- 195 Посжай второй Олешенька Попович млад;
 Опишите вы все Дюково именище,
 Вы берите-ко чернил да вы з бумагами,
 Накладите-ко вы больше — лошадиной воз. —
 А наклали они бумаг, чернил все лошадиной воз,
- 200 Как поехали они во ту славну Корелу во богатую.
 Не доехали они да все до города;
 Увидали-то у Дюка крышу на дому его;
 Говорят-то тут они все таковы речи:
 — Как горит, верно, Корелушка богатая! —
- 205 Приезжают они ко Дюку на широкой двор,
 Говорят-то все они да промежу собой:
 — Дюк Степанович, наверно, не пустым хвастат. —
 Описали-то они да все жили три месеца,
 Описали они только все одни конюшной двор.
- 210 Шьчо пошли они поближе, Дюковой искать да рѳдной
 матушки;
 Им стредялась-то им встрету все им женшина;
 Они кланелись ей все до низкой земли:
 — Здрастуй, Дюкова ты рѳдна матушка!
 Ише Дюк-от тебе да все поклон послал,
- 215 Он поклон тебе послал, все низко кланялсѳ. —
 Говорила-то тут им все женшина:
 — Ише есь-то нас у Дюка до петидесят.
 Я не Дюкова-та как да рѳдна матушка,
 Ише Дюкова я да портмоиница. —
- 220 Ведь пошли они ище вперед;
 Тут как стретилась им да друга женшина;
 Они кланелись все ей до низкой земли:
 — Здрастуй, Дюкова да рѳдна матушка! —
 — Я ведь Дюкова все да мукосейница;
- 225 Ише есь то нас у Дюка до петидесят. —
 Тут пошли они да все опять вперед;
 Стретилась тут им да все ведь женшина;
 Ише кланелись они ей до низкой земли:
 — Здрастуй, Дюкова, ты, рѳдна матушка!
- 230 Ише Дюк-от тебе да все поклон послал. —
 — Я не Дюкова-то все ведь рѳдна матушка,

- Я ведь Дюкова все ведь я коласьница. —
 Говорят-то тут дородьни добры молодци,
 Шьчо два руського могущего богатыря,
 233 Как по имени Добрынюшка Микитиць млад,
 А по имени Олешенька Поповиць млад:
 — Уж ты гой еси, да ты все женьшина!
 Доведи-ко нас до Дюковой до рódной матушки —
 Описать нам все в доми именице. —
- 240 Тут ведь доводила она до Дюковой до рódной матушки,
 До чесной вдовы Омельфы Тимофеевны;
 Шьчо на стули спит да рыта бархата,
 В дорогом она сидит вся в красном золоти.
 Они кланелись ей все до низкóй земьли:
 245 — Здрастуй, Дюкова ты рódна матушка!
 Ишше Дюк-от тебе да все поклон послал,
 Шьчо поклон-от послал, да велел низко кланитце. —
 Говорит-то ево все родна матушка:
 — Как мое-то ведь все дитятко захвасьливо,
 250 Шьчо захвасьливо дитятко мое, все неуступчиво.
 Я про то ведь вам скажу: он не пустым хвастат. —
 Говорят-то тут дородьни добры молодцы:
 — Мы приехали описывать его именице. —
 Говорила родима ево маменька:
- 253 — Пусть продаст-то князь Владимир стольне-киевьской,
 Ише Киев-от продаст пушай на бумагу-ту,
 Он Чернигов пусть продаст да на черпила-та;
 Тогда опишут-то, бывает, ево именице,
 Ише вдовей-от дом да все сиротской-от. —
- 260 Они стали тут писать да все описывать;
 Они так-то все на то они полóжились:
 — Как писать то нам ведь нать три годицка,
 Не описать-то нам будет всего именица. —
 Описали-то ево все платье цвётное, —
- 263 Как носить-то надоть платьице все цвётное,
 На три года нать носить, нать на три месяца,
 Каждой день носить-то по три платья переменные.
 Тут ведь они да росьмехнулись,
 Росьмехнулись они, все удивились;
- 270 Тут всего они имения отступались:
 — Шьчо же хвастат доброй молодец, нас не оманиват,
 Он ведь бьлом хвастат, все-то былью-ту. —
 Пряежают они-то скоро ко князю ко Владимиру;
 Росказали все про Дюково именице.
- 273 Говорил-то князь Владимир таковы речи:
 — Выпускайте вы ведь Дюка-ка из темной тёмници. —
 Говорил-то все он Дюку таковы речи:
 — Молодой ты свет-бойрин, Дюк Степанович!
 Ты просьти, просьти миня хошь виноватого,
 280 Ты просьти-ко все миня, князя Владимир! —

- Тут садитце Дюк Степановиць
 На своего-то он всё тут на добра коня.
 Как ударились они с Цюрилушком все Плёнковым
 Шьчо о ту-ли они заповедь великую;
- 283 Говорит-то все Чурилушко все Плёнковиць:
 — У меня-то ведь у шубоцьки да есь три пуговики;
 Запоет у этих пуговок как соловей-тиця. —
 Говорит-то ведь как Дюк Степанович:
 — У меня-то есь у шубоцьки да все ведь как не пуговики, —
- 290 Зарыцят у меня ведь вси зьвери рыкучие,
 Запоют-то вси ведь птици иностраные, —
 Зьвеселять-то всех во городи во Киеви. —
 Говорит-то все Чурило такovy речи:
 — Уж ты гой еси, богатой ты боярин, Дюк Степанович!
- 295 Мы поедем-ко с тобой все на Почай-реку;
 Перескодит у которово все конь через Почай-реку,
 У которого не перескодит, у того нать голова все с плець. —
 Они так промежу собой ударились.
 Перескодил-то у Дюка у Степановича
- 300 Через ту-ли через матушку через Поцй-реку;
 Как Цюрилушка-та пал ведь доброй коницек в Поцй-реку,
 Уронил-то Цюрилушка в Почай-реку.
 Тут стал-то боярин молодой все Дюк Степановиць,
 Он ведь вытянул Чурила со добрым конем.
- 305 Говорит-то тут Владимир-князь да стольне-киевской:
 — Молодой ты наш боярин, Дюк Степановиць!
 Шьчо ты знаешь, надь Цюрилом теперь сам суди,
 Ты суди-ко, Дюк да ты Степановиць,
 Ты суди у мня Чурилушка своим судом. —
- 310 Говорит-то молодой боярин Дюк Степановиць:
 — Я не буду-ту судить Чурила все свет-Плёнковица,
 Я тово-ли все бабьего угольничка;
 Я оставлю-ту ходить его, все жить во городи во Киеви,
 Я у ласкового князя у Владимиря;
- 315 Пушшай з девками он, з бабами он управлитце! —
 А поехал молодой боярин Дюк Степанович,
 Роспрошшайтце со князем со Владимиром,
 Со кнегиной с Опраксеей с Королевисьней,
 Роспрошшайтце с Добрынюшкой Никитичом,
- 320 Роспрошшайтце с Олешенькой с Поповичом,
 Со всима-ти он со руськими с могучима богатырьми;
 Уежает он к родимой к милой матушки,
 Он ко той вдовы чесной Омельфы Тимофеевны.

Былина записана в 1899 г. А. В. Марковым на Белом море от крестьянки с. Нижняя Зимняя Золотица А. М. Крюковой, 45 лет, родом с Терского берега.

[А. Марков. — Беломорские былины, М. 1901, стр. 101—109, № 15.]

А. М. Крюкова — одна из замечательнейших исполнительниц былин: от нее записано 60 былин, в том числе много очень длинных и ряд весьма

редких (князь Глеб Володьевич, Ждан-даревич и пр.). Собирателем сообщает о ней следующие сведения (приводим в сокращении):

Дед А. М. Крюковой по матери был церковным сторожем и старостой; он был грамотен и научил читать и писать своих детей — двух сыновей и трех дочерей. Один из двоюродных братьев А. М. Крюковой, по ее словам, так любил читать и писать, что даже песни и старины пел по какой-то рукописной книжке. Однако мать А. М. Крюковой только еле-еле разбирала церковное письмо, а сама А. М. Крюкова совершенно неграмотна (о чем очень жалеет). Еще девочкой, лет девяти, она стала «перенимать» старины; стоило ей послушать один раз старину, как она уже запоминала ее на всю жизнь (по ее словам). Большую часть своих старин она выучила в детстве, главным образом, от матери и от дяди, а также от соседей и подруг. Выйдя замуж в Золотицу (на Зимний берег), она пополнила здесь запас своих старин от свекра, В. Л. Крюкова, и других лиц. «К содержанию старин она относится с большим доверием, и только некоторые невероятные частности позволяет себе называть «вракой»; вместе с тем пение старин (как и стихов) она считает весьма похвальным делом, и чаще всего поет их в рождественский пост; перед тем, как «сказывать» старину, она заранее ее обдумывает, боясь как бы не соврать, потому что, по ее словам, «убавишь или прибавишь (в содержании, а не в складе старин),—таковые прокляты; а стихи-ти (т. е. если неверно споешь духовный стих) — паче»... Большею частью она поет старины своим детям, которых у нее было 9 человек, но четверо умерло, и теперь осталось 2 девушки, девочка 9 лет и 2 мальчика; обе взрослые дочери переняли у нее некоторые старины... При народе же она не любит петь, и потому не пользуется славою хорошей сказательницы.

«Она отличается особенною религиозностью, которая переняла к ней от матери, простаивавшей, как она говорила, целые ночи на молитве, и еще более развилась после замужества под влиянием тяжелой жизни. Эта сторона ее характера отчасти отражается и в ее старинах: действующие в них лица часто молятся, служат молебны и панихиды. Направление религиозности у нее... отличается приверженностью к старине и отвращением ко всяким переменам и нововведениям, так что по духу она совершенная староверка... Великим постом и вечером накануне праздников она любит петь духовные стихи. Кроме старин и стихов, она знает несколько сказок... знает также причитания невесты на свадьбе и множество песен как свадебных, так и не-обрядовых. Нужно заметить, что она строго отличает от старин исторические песни XVIII и XIX вв., которых она знает несколько... После выхода замуж Аграфена Матвеевна почти перестала петь песни, кроме величальных, которые она поет на свадьбах...

«Феноменальная ее память обнаруживалась, между прочим, в том, что она поправляла мелкие ошибки в своих старинах, пропетых днем раньше: она помнила, как спела название какого-нибудь города или реки; когда встречалось что-нибудь оригинальное, например, эпитет: кипарисовое седло, отчество Алеша: Леонтьевич, — она обыкновенно упоминала, в каких старинах встречаются эти особенности...

«Старины она поет довольно слабым, но приятным голосом, не детонирует и хорошо выдерживает размер стиха. Она говорила, что каждая старина поется на свой голос, но... большинство старин пела одним и тем же протяжным напевом, чтобы удобнее было записывать, и только для немногих

старин, например, о Кострюке, о вдове, ее дочери и сыновьях корабельщиках, она употребляла особенный голос»...

[А. Марков. — Беломорские былины, стр. 27—30.]

17. СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

- Супротив праздника велика дни,
Накануне было Благовещенья,
Выпала пороха, снежок молодой.
По той по порохе, по белу снежку,
5 Ходил там ведь гулял купат¹ молодец,
По имени Чурилушко сын Плёнкович.
Дорого на нём было цвѣтно платьѣ,
Шапочка была соболиная,
На ножках сапожки — зелен сафьян,
10 Зелена сафьяну турецкаво,
Мудрово покрою немецкаво,
Крепкаво шитья ярославскаво;
Около носочка — личко катить,
Под пята Чурилу соловей пролетит.
15 Ходил-шапил по городу по Киеву,
Красныя те девки ведь стекла рвут,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На его ли на дороднее дородиство,
Старыя старухи ведь клюхи те грызут,
20 Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородиство.
Зашол-загулял он ко Бермятину двору,
Ко ему ли-то Бермяты высокóму терему.
Бермяты во доме не случилосе,
25 Ушол к благовещинской заутрины,
Одна в доме Катерина дочь Микулична,
Отпирала она окошко косівчатое,
Отворяла она околенку стекóльчатую,
Сама говорит таково слово:
30 — Премлáдый Чурилушко сын Пленкович,
Пожалуй ко мне на высок терем. —
Отворяла она воротца широкие,
Пошли они в высоки новы тѣрема,
Брали они доску ту шахматную,
35 Да стали играти они шашками.
Проговорит Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сын Пленкович,
Буде ты меня поиграешь, с меня сто рублей,
А как я тебя поиграю, тебе бог простит. —
40 Раз сыграл, да он матá ей дал,
Наиграл на Катерину он ведь сто рублей;
Другой раз сыграл, да он матá же ей давáл,

¹ Не знает. (Примеч. Гильфердинга.) Купат — купав, красив, хорош.

- Наиграл на Катерицу он ведь два ста рублей;
Третий раз сыграл, он матá же ей лавал,
43 Наиграл на Катерину он ведь триста рублей.
Проговорит Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сын Пленкович,
Полю нам играть с тобой пашками,
Пойдем мы во спальню во теплую,
50 На ту на кроватку тисовую,
На ту на перину пуховую,
Лягем-ко мы спать — забавлятися. —
А девка ведь ходит служáнка ево,
Ходит она девка стучит да ворчит:
65 «Я пойду к Бермяты накучú да намучú».
Тому Катерина не пытается,
С Чурилом на перины забавляются.
Надевала девка платье-то дветное,
Пешла к благовещенской заутрены,
60 Приходит она в церковь соборную,
Отворяет двери-ти на пяту,
Да крест-от кладёт по писаному,
Поклон-от ведёт по ученому,
На все она стороны поклоняется,
65 Старому Бермяты на особинку:
«Престарелыя Бермята сын Васильевич!
Не хорошо у нас в доме учипилосе,
Есть у тебя ведь и гость гостит,
Гость щаплив есть и гость ломлив,
70 Не зван у тебя и не приказыван,
Премладый Чурилушко сын Пленкович,
С Катериной на перины забавляются».
Проговорит Бермята таково слово:
— Гой еси девка служанка моя!
75 Буде правду говоришь, девка, пожалую тебя;
А неправду говоришь, тебе голову срублю. —
Проговорит девка служанка ево:
«Буде мне веры не ймешь, поди сам досмотри».
Пошел от благовещенской заутрены,
80 Ко своим пошел он ко высоким теремам,
Здымался на крылечко на красное,
Да брякал в колечко серебряное.
Как раз он побрякал, да нет никово,
Другой раз побрякал, да нет же никово,
85 Третьей раз побрякал поцуще тово,
Высокие тэрема пошаталисе,
Маковки со тэремов понадали,
Выходила Катерина дочь Микулична,
Сафьяны башмачки на босóй ноги.
90 Проговорит Бермята сын Васильевич:
— Что ты, Катерина, не уборна идешь,

- Севодня у нас праздник Благовещеньё. —
 Проговорит Катерина дочь Микулична:
 «Гой еси Бермята сын Васильевич!
- 95 Угорела я севодня, голова болит,
 Щемит у меня ретиво сердце,
 Не могла так хорошо обрядитесе.
 Тому ли Бермята не пытается.
 Пошел он в высоки новы теремы,
- 100 Увидел на стопке шапочку Чурилкуву:
 — Эту я ведь шапку на Чуриле видал. —
 Проговорит Катерина дочь Микулична:
 «Гой еси Бермята сын Васильевич!
 У моево родимово у брателка,
- 105 С Чурилом ведь платьцом поменянось,
 А добрыми копиями побратанось».
 Тому ли Бермята не пытается,
 Пошел он во спальню во теплую,
 Увидел под кроваткой сапожки Чурилкувы,
- 110 Увидел на кровати Чурилко лежит.
 Как брал он со стопки саблю вострую,
 Не утрена зорюшка просвѣтила,
 А вострая сабелька просвѣркала,
 Не скаченная жемчужинка катиласе,
- 115 Чурилкува головушка с плеч свалиласе
 На ту ли на чѣреду кирпичную,
 Не красная камка расстилаетсе,
 Чурилкува кровь проливаетсе
 На ту ли на чѣреду кирпичную,
- 120 Не белой горох рассыпаетсе,
 Чурилкувы желты кудри валяются
 По той ли по чѣреды кирпичныя.
 Видит Катерина, что беда пришла,
 Деться Катерины стало некуда,
- 125 Брала Катерина востр булатный нож,
 Поставила тупым концом в сыру землю,
 А вострым концом в ретиво сердце.
 Погинуло втапор две головушки,
 Чурило с Катериной со Микуличной.
- 130 Прожили говенье великое,
 Пропустили ведь неделю они светлую,
 Старья Бермята сын Васильевич
 Да шли с девкой в церковь обвенчалисе
 Со той ли со девкой служанкой ево.
- 135 Стали жить и быть да век коротати.
 А мы ведь Чурила в старинах поем.
 Ах дудай-дудай больше вперед не знай!

Былина записана Гильфердингом от крестьянина дер. Орьмы Н. Ш., Шведова, 65 лет, грамотного. [Г и л ь ф е р д и н г. — Онежские былины, 1873, стр. 1312—1315, № 309. Запись 24 августа 1871 г.] Шведов научился пению

- К Осподню же гробу-то приложитисе.
 И подайте нам милостинку спасеную. —
 Говорил-то Добрынюшка Никитиць млад,
 40 Говорил-то Алешенька Поповиць млад:
 — У нас нету при собе-то, калики, золотой казны;
 Подождите вы все же князя Владимира, —
 Он вель скоро вель к вам-то сеяс прикатитца. —
 Прижеат Владимир-князь стольне-киевской;
 45 Они кланелись, калики, ему до низкóй земли:
 — Уж ты здрастуй-ко, красно наше солнышко,
 Ты Владимир же, князь наш стольне-киевской!
 Ты подай-ко нам милостину спасенаю. —
 Подавает князь милостину спасеную,
 50 Подавает вель им да красна золота.
 Говорят тут калики все перехожие:
 — Да спасет-то тебя-то как боже-осподи! —
 Говорил-то Владимир все таковы речи:
 — Уж вы спойте-тко, калики перехожие,
 55 Уж вы спойте-тко, мне да все Еленьской стих. —
 Как запели калики все перехожие,
 Перехожи калики, все переброжие, —
 Мать сыра же земля та потрясаласе;
 Под одну руку дёржит Владимира,
 60 Под праву руку держит Добрынюшка Никитиць млад,
 Под леву-то руку держит Алешенька Поповиць млад;
 Покатилася у Владимира с плещь да буйна голова.
 Унимает Добрынюшка все Никитиць млад:
 — Перестаньте петь, калики перехожие;
 65 Иише князь-от Владимир цють он жив стоит. —
 Перестали петь калики все перехожие.
 Говорит-то Владимир-князь стольне-киевской:
 — Вы подите, калики вы перехожие,
 Вы подите, калики, вы к моей-то кнегини-то,
 70 Вы ко той-ли к Опраксеи все Королевисьи;
 Напоит вас кнегина у меня, накормит всех,
 Да подаст-то вам милостину спасеную. —
 Как пошли-то калики все перехожие;
 Как приходят они-то все в красен Киев-град,
 75 В красен-от град, иише в матушку каменну Москву.
 Как приходят они скоро под окошоцько,
 А запели у полат-от всё у царьских,
 А запели они-то славной Еленьской стих.
 А увидяла Опраксея-то Королевисья,
 80 Подавала она милостинку спасеную,
 Приказала заходить-то в полаты княжененские;
 Она садила калик-то все за дубовы столы,
 Ще за те-ли за скатерти все за браные.
 Ише стали калики да все роздеватисе,
 85 Они стали-то осподу молитисе:

- Они крест-то кладут да по писанному,
 Да поклон-от ведут они по ученому,
 Поклоняютце они все спасу пречистому
 Да саятце они все попить, поись,
 90 Все попить, поись-то они, покушати.
 А отшли, отъели они, откушали;
 Благодарят Опраксею все Королевисьню.
 Опраксея-та тут да им все зговорила:
 — Уж ты гой еси, Михайлушко сын Касьяновиць!
 95 Оставайтесь-ко вы надевать же всё. —
 А Михайлушко был-то все красафциком;
 Красота-та в см была в лицї непомерная, —
 На Михайлушка царица-та обзарилаась:
 — Ты пойдем со мной, Михайлушко, во полаты княжененские
 100 Мне-ка надоть с тобой-то слово вымолвить. —
 Да Михайлушко все он да не дюсувет,
 Как Касьяновиць он не понимает ето;
 Да зовет, думат, царица по хорошему.
 Как приходит к царици-то в спальню хорошую,
 105 Говорит ему царица все речи безумные,
 Все безумные речи да беспонятные:
 — Я прельстилась, Михайлушко, на твою красу. —
 Как зовет она его к себе на кровать все спать.
 Тут Михайлушко все да испугаитце,
 110 Тут Касьяновиць все перенадаитце;
 Убежал от Опраксеи от Королевисьни
 Ко своей-то ко молодой ко дружинишки; ¹
 Сам горяцима слезами весь обливаецте:
 Он ведь молит за ей все бога-господа,
 115 Он ведь мать прецисту-ту богородицу:
 — Ты прости, боже, царицю в злом помышлении,
 Ты ведь в глухих речях да в непростимых. —
 Он ведь сам-то не спит да богу молитце.
 Понесла на ето зло-то Опраксея Королевисьня;
 120 Подговорила Олешеньку все Поповици:
 — Принеси-ко Михайлушкову ко мне сумоцьку,
 Принеси ты Касьяновици котомоцьку. —
 Он ведь скоро приносил к ёю потихошеньку;
 Распорали они сумоцьку рыта бархата,
 125 Положили они-то все золотú дяшу,
 Из которой князь Владимир все по приезде шьет;
 Зашивали ведь суноцьку все иголоцькой.
 А Михайлу-ту Касьяновицию не спитце-то
 Перед великой напраслиной, извевагушкой. ²
 130 — Мы пойдемте-тко, Касьянушко Немпосливой;
 Ишше полно спать в полатушках проклаждатися! —

¹ Ко каликам, — молодые были. (Замеч. исполнительницы.)

² В стариннй поетьеде. (Замеч. исполнительницы.) Извевага — несчастие, тревога.

- Они скоро калики-ти всё ставали все,
 Они скоро калики-ти одевались,
 Они скоро калики да распрошались,
 135 Со кнегиною они больше прошшались.
 После их наехал князь из диста поля;
 Заискали-то тут вель золотой цыши,
 Ис которой князь Владимир-от по приезду пьет.
 Ише Олешенька да скоро сказывают,
 140 Принимает грехи-ти на свою душу:
 — Етто было у мня, князь, сорок калик в гостях;
 Унесли-то они, верно, твою цышу. —
 Посылал князь Владимир-от он скорых гондѣв;
 Как нашли ету цышу да у Михайлушка.
 145 Да судить стали Михайла они своим судом:
 Законопали Михайлушка в сырú землю,
 Да вконопали Михайлушка в земью по поясу
 Да отсекли его взяли буйну голову;
 Прирубили-присекли на мелкí части.
 150 Ише сами пошли-то богу молитнсе,
 Ко тому пошли к Онтонью, все к Феодосею.
 Помолитнсе они да попрошшались;
 Как пошли они вель скоро да исъ пешшеры-то:
 — Приворотимте ко Михайлушку на могилу-нать. —
 155 А приходят к Михайлу-ту на могилу-ту,
 Да Михайло-то стоит-то все живехонек,
 Да живехонек стоит он, здоровехонек;¹
 Красота-та во лици не утераласе.
 — Уж вы шьто от миня, братцы, убежали-то? —
 160 Они стали прошатьсе тут со слезами всё.
 Говорит-то Михайлушко таковы реди:
 — Мы пойдемте-тко, братцы, в красен Киев-от град,
 В красен-от Киев-град, пойдем в матушку камешnú
 Москву —
 Мы не ради Опраксеи да Королевисъни,
 165 Хоть мы ради пойдемте князя Владимира:
 Розгнилась вель Опраксеюшка Королевисъня,
 За грехи-ти вель все же пала в гноишшо;
 Как Владимир-от князь от нее отступилсэ-то;
 Посмотрять-то зайдет он — нос завязыват.
 170 Я душу-то на ее-то на грешноú тело. —
 Как приходят-то они в красен Киев град,
 Ише прямо ко князю свету-Владимиру,
 И Владимир стрещят их от всей радости:
 — Вы не можете ли, калики, да излицить у мня,
 175 Излицить-то Опраксеи все Королевисъни? —
 И пришил-то Михайлушко, слезно богу молитнсе;

¹ Ожил святым духом, в-кои-пор они ходили в монастырь. (Замеч. исполнителицы.)

- Он ведь дунул своим-то все святым духом,
 У ей свалились коросты да ведь вси от ей;
- 180 Она сделалась ведь здрава-здоровехонька.
 Наредилась она в ризы драгоценные,
 Наредиласе, сама ведь не постыдиласе;
 Входит, каликам-то низко кланялась:
 — Уж ты гой еси, Михайлушко Касьяновиц!
- 185 Ты просьти миня в вины грешно виноватыя,
 Ты просьти миня ище, Михайлушко, во второй вины:
 Пристыдила я твое лицо непорочное,
 Пристыдила я тебя-то рецьми напрасныма.
 Ты просьти миня, Владимир князь стольце-киевской:
- 190 За Михайлушка-та я ведь пала во гноишшо.
 Я обзарилася, Михайлушко, на твою красу. —

Былина записана А. В. Марковым от А. М. Крюковой [см. былинну о Дюке. А. М а р к о в. — Беломорские былины, стр. 139—144, № 22]. Она особенно любопытна по изображению «калик» — одного из разрядов носителей были и духовных стихов; паломничество калик (путешествие в Иерусалим) — бытовое явление старой Руси.

19. ВАВИЛО И СКОМОРОХИ.

- У десной вдовы да у Ненилы
 А у ней было дяло Вавило.
 А поехал Вавилушко на ниву
 Он веть нивушку свою орати,
- 3 Ишша белую пшоницю засевати:
 Родну матушку ходё кормити.
 А ко той вдовы да ко Ненилы
 Пришли люди к ней веселые,
 Веселые люди не простые,
- 10 Непростые люди, скоморохи.
 — Уж ты здрастуёш, десна вдова Ненила!
 У тя где дяло да нынь Вавило? —
 — А уехал Вавилушко на ниву;
 Он веть нивушку свою орати,
- 15 Ишша белую пшоницю засевати:
 Родну матушку ходё кормити. —
 Говорят как те веть скоморохи:
 — Мы пойдем к Вавилушку на ниву;
 Он не идёт ле с нами скоморошыть? —
- 20 А пошли скоморохи к Вавилушку на ниву:
 — Уж ты здрастуёш, дяло Вавило,
 Тибе нивушка да те орати,
 Ишша белая пшониця засевати,
 Родна матушка тибе кормити! —
- 25 — Вам спасибо, люди веселые,
 Веселые люди, скоморохи:
 Вы куды пошли да по дороги? —

- Мы пошли вѣтъ тут да скомороштыть;
Мы пошли на ѡнишшѡё дярьсво
- 30 Переигрывать дая Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,
Ишша додь его да Перекрасу.
Ты пойдѣм, Вавило, с нами скѡморѡштыть. —
- 35 Говорыло то дядо Вавило:
— Я вѣдь песѣн петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазѣн. —
Говорыл Кузьма да со Демьяном:
— Заиграй, Вавило, во гудолик
- 40 А во звоньцятѡй во переладѣць;
А Кузьма з Демьяном припособит. —
Заиграл Вавило во гудолик
А во звоньцятѡй во переладѣць,
А Кузьма з Демьяном припособил.
- 45 У того вѣдь дяда у Вавила
А былѡ в руках-то понюгальцѣ (*mak*), —
А и стало тут погудальцѣ;
Ишша были в руках-то у его да тут вѣдь вожжи, —
Ишша стали шолковые струнки.
- 50 Ишше то дядо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые;
Он похо[б]дит с има да скомороштыть.
Он повел их да вѣтъ домоѡ жа.
- 55 Ишша тут десна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити.
Понесла 'на хлебы-те ржаные, —
А и стали хлебы-те пшонные;
Понесла 'на куру-ту варѣпу, —
- 60 Ишша кура тут да вѣтъ взлетѣла,
На пѣдьней столб села да запѣла.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые,
- 65 И спускат Вавила скомороштыть.
А идут скоморохи по дороги.
На гумни мужык горох молотит.
— Тѡбе бох помѡшь, да вѣтъ кресьянни,
На белѡ горѡх да мѡлотити! —
- 70 — Вам спасибо, люди весѣлые,
Весѣлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороги? —
— Мы пошли на ѡнишшѡё дярьсво
Переигрывать дая Собаку,
- 75 Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета,

- Ишша додь его да Перекрасу. —
 Говорыл да тот да веть кресьянин:
 — У того царя да у Собаки
- 80 А окол двора да тын залезной,
 А на каждой тут да на тыщичьки
 По целоведей-то сидит головки,
 А на трех ведь на тыщинках
 Ишша нету целоведих-то тут головок;
- 85 Тут и вашим-то да быть головкам. —
 — Уж ты ой еси да ты кресьянин!
 Ты не мог добра нам веть (и) здумать,
 Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
 Заиграй, Вавило, во гудоцик
- 90 А во звоньдятьой во переладець;
 А Кузьма з Демьяном припособят. —
 Заиграл Вавило во гудоцик,
 А Кузьма з Демьяном припособил:
 Полетели голубята-ти стадами,
- 95 А стадами тут да табунами;
 Они стали у мужика горох клевати.
 Он веть стал их тут кидигами шьбати;
 Зашибал, он думат, голубят-то, —
 Зашибал да всех своих ребят-то.
- 100 — Я ведь тяшко тут да согрешыл веть.
 Это люди шли да не простые,
 Не простые люди-те, светые, —
 Ишша я веть им да не молилса. —
 А идут скоморохи по дороги.
- 105 А на стредю им идё мужык горшками торговати.
 — Тобе бог помощь да те, кресьянин,
 А-й тебе горшками торговати! —
 — Вам спасибо, люди весёлые,
 Весёлые люди, скоморохи;
- 110 Вы куды пошли да по дороги? —
 — Мы пошли на инишьшой царьсво
 Переигрывать царя Собаку,
 Ишша сына его да Перегуду,
 Ишша зятя его да Пересвету,
- 115 Ишша додь его да Перекрасу. —
 Говорыл да тот да веть кресьянин:
 — У того царя да у Собаки
 А окол двора да тын залезной,
 А на каждой тут да на тыщичьки
- 120 По целоведей-то сидит головки;
 А на трех-то веть да на тыщичьках
 Нет целоведих да тут головок;
 Тут вашим да быть головкам. —
 — Уж ты ой еси, да ты кресьянин!
- 125 Ты не мог добра да нам веть здумать,

- Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
 Заиграй, Вавило, во гудоцик
 А во звоньцятой во переладець;
 А Кузьма з Демьяном приприсобит. —
- 130 Заиграй Вавило во гудоцик
 А во звоньцятой во переладець,
 А Кузьма з Демьяном приприсобил;
 Полетели куронки (*mak*) с ребáми,
 Полетели пеструхи с дюхарями,
 135 Полетели марьюхи с косяцями;¹
 Ишша стали мужику-то по оглоблям-то садитьсе.
 Он веть стал тут их да бити
 И во свой веть воз да класти.
 А поехал мужык да в городоцик,
 140 Становилса он да во релоцик,
 Розвезал да он да свой возоцик, —
 Полетели куронки с ребами,
 Полетели пеструхи с дюхарями,
 Полетели марьюхи с косяцями.
- 145 Посмотрел во своём-то он возоцьку, —
 Ишше тут у его одны да црепоцьки. —
 — Ой! я ташко тут да согрешил веть:
 Это люди шли да не простые,
 Не простые люди-ти, светые, —
- 150 Ишша я веть им-гот² не молилса. —
 А идут скоморохи по дороги.
 Ишша красная да тут девиця
 А она билё да полоскала.
 — Уж ты зрастуёш красна девиця,
 155 На белó холсты да полоскати! —
 — Вам спасибо, люди весёлые,
 Весёлые люди, скоморохи;
 Вы куды пошли да по дороги? —
 — Мы пошли на инишьшоё царьсево
- 160 Переигрывать царя Собаку,
 Ешше сына его да Перегуду,
 Ешше зятя его да Пересвета,
 Ешше доць его да Перекрасу. —
 Говорыла красная девиця:
- 165 — Пособи вам бох переиграти
 И того царя да вам Собаку,
 Ишша сына его да Перегуду,
 Ишша зятя его да Пересвета
 А-и доць его да Перекрасу. —
 170 — Заиграй, Вавило, во гудоцик

¹ Пеструхи — «тетера», марьюхи — «полевая пти[ца]», косачи — «польник, пол[ева] пт[ица]», — объяснила М. Кривошленова. [Дюхари — чухари, глухари.]

² говорит (?).

- А во звоньцятый во переладець;
 А Кузьма з Демьяном припособит. —
 Заиграл Вавило во гудоцик
 А во звоньцятый во переладець,
 175 А Кузьма з Демьяном припособил.
 А у той у красной у девици
 А были у ей холсты-ти веть холшовы, —
 Ишша стали полковы да атласны,
 Говорит как красная девица:
 180 — Тут люди шли да не простые,
 Не простые люди-те, светые,
 Ишша я веть им да не молилась. —
 А идут скоморохи по дороги,
 А идут на йнишьшое дярсьво.
 185 Заиграл да тут да царь Собака,
 Заиграл Собака во гудоцик
 А во звоньцятый во переладець,
 Ишша стала вода да прыбывати:
 Ишша ходе водой их потопити.
 190 — Заиграй, Вавило, во гудоцик
 А во звоньцятый во переладець;
 А Кузьма з Демьяном припособит. —
 Заиграл Вавило во гудоцик
 И во звоньцятый во переладець,
 195 А Кузьма з Демьяном припособил:
 И пошли быки-те тут стадами
 А стадами тут да табунами,
 Ишша стали ваду (*tak*) да упивати;
 Ишша стала вода да убывати.
 200 — Заиграй, Вавило, во гудоцик
 А во звоньцятый во переладець;
 А Кузьма з Демьяном припособит. —
 Заиграл Вавило во гудоцик
 А во звоньцятый во переладець,
 205 А Кузьма з Демьяном припособил:
 Загорелось йнишьшое дярсьво
 И сгорело с краю и до краю.
 Посадили тут Вавилушка на дярсьво.
 Он привез веть тут да свою матерь.

Былина записана в 1900 г. А. Д. Григорьевым от М. Д. Кривополеновой, крестьянки дер. Шотогорки на левом берегу реки Пинеги.

[А. Григорьев. — Архангельские былины и исторические песни, т. I, М. 1904, стр. 376—381, № 85 (121).]

Былина о Вавиле и скоморохах известна только по тексту Кривополеновой. Она является образцом возвеличения и прославления скоморохов, которым приписывается способность производить чудеса. Этот легендарный сюжет включает в себе отражение и выражение крестьянских настроений: крестьянский сын, победив царя Собаку, становится царем.

Марья Дмитриевна Кривополенова, по словам А. Д. Григорьева, — лучшая сказительница былин на Пинеге. Собиратель сообщает о ней следующие сведения (приводим в сокращении).

В 1900 г. Кривополеновой было 57 лет. Жила она очень бедно, муж ее пьяница, и она ездила по чужим деревням, собирая милостыню. Отец ее умер рано; ее и других детей «растил» дедушка. От дедушки, который ходил по морю и был на Кедах, она научилась старинам, которые пела в молодости вместе с младшей сестрой. О знании ею былин осведомлены многие, за 50 верст от Шотогорки знают ее имя; когда она приходила куда-нибудь, ее просили петь старины; особенно часто пела она Кострюка. А. Д. Григорьев рассказывает: «Так как в дер. Шотогорке многие осведомлены о знании Марьей старин, то, при слухе о моем прибытии к ней для

записи старин, к ней сейчас же собралась большая толпа любопытных крестьян и крестьянок, которые и в следующие дни приходили друг за дружкой или по нескольку сразу... Вечером же в первый день записи толпа настолько заинтересовалась подвигами Ильи Муромца, что, воспользовавшись остановкой записи по случаю того, что я стал пить чай, упросила Марью допеть про Илью М. до конца специально для нее; а вечером второго дня собравшиеся послушать терпеливо слушали трудную и длинную старину о Вавиле, удлинявшуюся еще благодаря остановкам при записи, дождались ее окончания и приветствовали его возгласами: «Слава богу, конед». Однажды Марья вместе со сказительницей Варварой Чадиной продавала на Усть-

М. Д. Кривополенова.

Ежуге сено и пела там свои старины перед собравшимися мезенцами». Она знала 14 старин, 5 духовных стихов, ряд сказок и песен. «Старины она знает хорошо (систово); поет их она быстрым распевом духовных стихов, энергично, отрывисто, с резкими ударами».

[А. Григорьев. — Архангельские былины и исторические песни, т. I, стр. 333—336.]

Впоследствии, в 1915 г., еще раз записала былины Кривополеновой О. Э. Озаровская [см. О. Озаровская. — Бабушкины старины, изд. 2, Гиз, М. 1923]. В том же году вместе с О. Э. Озаровской Кривополенова поехала в Москву, затем в Петроград, где выступала с большим успехом. В 1916 г. она опять приехала в Москву, затем побывала на Украине и на Кавказе, выступала в Харькове, в Екатеринодаре и в других городах, получила медаль и диплом от Географического общества.

После Октябрьской революции, в 1920 г., Кривополенова, по предложению А. В. Луначарского, еще раз приехала в Москву, а затем выступала в Петрограде, Твери, Саратове, Харькове, Ростове, Новочеркасске, Таган-

роге, Краснодаре, Вологде, Архангельске. Ей был назначен академический паек. Умерла она в 1924 г.

20. АГАФОНУШКА.

Аи на Дону-Дону, вызбе на дому,
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подполная,
Аи широко разлолье перед печью шесток,
Чистое поле по подъявочью,
Аи синее море в лохани вода,
А у белова города у жорнова,
А была стрельба веретенная,
Аи пушки-мушкеты горшечныя,
Знамена поставлены помелныя,
Востры сабли кокошники,
Аи тяшкия палицы шемшуры,¹
Аи те шемшуры были тюменских бабъ.
Аи билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорнову,
О том пироге о яшном мушнике.
Аи билися-дралися день до вечера,
Убили оне куриду пропашшую.
Аи на ту та на драку-великой бой
Выбежалъ силюи могучь богатырь,
Молодой Агафонушка Никитинъ сынъ.
Аи шуба на немъ была свиныхъ хвостовъ,
Болестью опушена, комухой² подложена,
Чпыри да вереды то пуговки,
Сливныя³ коросты то петелки...
На ту же на драку-великой бой
Выбежали тутъ три могучие богатыри;
А у первова могучева богатыря
Блинами голова испроломана,
А другова могучева богатыря
Соломой ноги изломаны;
У третьева могучева богатыря
Кишкою брюхо пропорано.
В то же время и в тот же часъ
На море, братцы, овин горить с репою со
печенкою.

Аи среди синя моря Хвалынского
Выросталъ ли тутъ крековист дуб,
А на том на сыром дубу крековистом
Аи сивая свинья на дубу гнездо свила;

¹ Шемшура — род шапочки, надеваемой под платок, под кокошник.

² Комуха — лихорадка.

³ Слившиися, сплошныя.

На дубу гнездо свила и детей она свела,
 Сивинких поросяточок, поросяточок полосатинных.
 По дубу они все разбегаются,
 А в воду оне глядят, притонуть хотят,
 В поле глядят, убежати хотят.
 Аи по чистому полю карабли бегут,
 Аи серой волк на корме стоит,
 А красна лисица потащивает:
 Хоть вправо держи, хоть влево затем, куда хош.
 Оне на небо глядят, улетети хотят;
 Высоко ли там кобыла в шебуре¹ летит;
 Аи чорт ли видал, что медведь летал,
 Бурою корову в кохтях носил;
 В ступе де курица объегнилася,
 Под шеском та карова ещо снесла,
 В осеку² овца отеллася.
 Аи то старина, то и деянье.

[«Сборник Кириши Данилова», изд. Публ. библ., стр. 110—111.]
 Текст этот представляет собою пародию на былину; такие пародии записаны рядом собирателей (Ончуков, Григорьев и др.).

¹ Шебура, шабура, шабур — крестьянская ткань, а также рабочий армяк из этой ткани.

² Осек — огороженный выгон.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И ПРЕДАНИЯ.

Историческими песнями называются эпические песни, связанные с конкретными историческими лицами и событиями (в отличие от былин, в которых эта конкретизация далеко не является четкой). Наиболее ранние известные нам песни связаны еще с эпохой борьбы с татарами (Авдотья Рязаночка, Щелкан Дудетьевич). Особенно много песен сложилось в эпоху Ивана Грозного (о взятии Казани, о покорении Сибири, о покушении на жизнь сына, о смерти Грозного и пр.). Эти песни по своему поэтическому характеру близки к былинам. Позднее в песнях нашли отражение антикрепостнические настроения крестьянства; таковы в особенности песни о Степане Разине и о Пугачеве. В XVIII—XIX вв. исторические песни приобретают преимущественно характер военных песен; они создавались в качестве одного из средств воздействия на солдатскую массу и применялись в делах националистической военной пропаганды (таковы песни о различных генералах и о военных событиях). Но крупные исторические события вызывали отклики и в подлинных народных песнях; таковы, например, песни о войне с Наполеоном в 1812 г. Существуют также предания — рассказы об исторических лицах и событиях.

1. АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА.

Славные старые король Бахмет турецкие,¹
Воевал он на землю российскую,
Добывал он старые Казань,² город подлесные.
Он-де стоял под городом,

5 Со своей силой-армией,
Много поры этой было времени,
Да-и розорил Казань город подлесные,
Розорил Казань де город на-пусто.
Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
10 Да и княгинь-боярыней

¹ Вместо — татарский.

² Вместо — Рязань: героиня песни — Рязаночка.

- Тех живых в полон побрал.
 Половил он народу многи тысячи,
 Он повел-де в свою землю турецкую,
 Становил на дороги три заставы великие:
- 15 Первую заставу великую —
 Напускал реки, озера глубокие;
 Другую заставу великую —
 Чистые поля широкие,
 Становил воров-разбойников;
- 20 А третью заставу темны́ лесы —
 Напустил зверьёв лютых.
 Только в Казани во городе
 Оставалась одна молодая жонка, Авдотья Рязаночка.
 Она пошла в землю турецкую
- 25 Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
 Да она пошла полону просить.
 Шла-де она не путем, не дорогою,
 Да глубоки ты реки, озера широкие
 Те она пловом плыла,
- 30 А мелкие ты реки, озера широкие
 Да те ли она бродком брела.
 Да прошла ли она заставу великую.
 А чистые поля те широкие,
 Воров-разбойников тех о полдён прошла,
- 35 Как о полдён вору лютые
 Те опочив держа.
 Да прошла-де вторую заставу великую.
 Да темны ты леса дремучие,
 Лютых зверей тех о полночь прошла,
- 40 Да во полночь звери лютыи
 Те опочив держа.
 Приходила во землю турецкую
 К славному королю Бахмету турецкому,
 Да в его ли палаты королевские;
- 45 Она крест-от кладет по писаному,
 А поклоны-ты ведё по учёному,
 Да она бьё королю-де челом, низко кланялась.
 — Да ты, осударь король-де Бахмет турецкий!
 Розорил ты нашу стару Казань город подлесную,
- 50 Да ты князей наших, бояр всех повырубил,
 Ты княгинь наших, боярыней тех живых в полон
 побрал,
 Ты брал полону народу многи тысячи,
 Ты завел в свою землю турецкую.
 Я, молодая жонка, Авдотья Рязаночка,
- 55 Я осталасе в Казани единешенька.
 Я пришла, сударь, к тебе сама да изволила,
 Невозможно ли будет отпустить мне народу сколько-
 нибудь пленного,

- Хощь-бы своево-то роду-племени? —
Говорит король Бахмет турецкие:
- 60 — Молодая ты жонка, Авдотья Рязаночка!
Как я розорил вашу стару Казань подлесную,
Да я князей, бояр я всех повырубил,
Я княгинь, боярыней да тех живых в полон побрал,
Да я брал по́лону народу многи тысячи,
- 65 Я завел в свою землю турецкую,
Становил на дорогу три заставы великие:
Первую заставу великую —
Реки, озера глубокие;
Вторую заставу великую —
- 70 Чистые поля широкие,
Становил лютых воров-разбойников;
Да третью заставу темны леса —
Напустил зверьев лютых.
Да скажи ты мне, жонка Авдотья Рязаночка!
- 75 Как ты эти заставы прошла и проскала? —
Говорит молодая жонка, Авдотья Рязаночка:
— Ай ты, славный король Бахмет турецкий,
Я эти заставы великие
Прошла не путём, не дорогою,
- 80 Как я реки, озёра глубокие
Те я пловом плыла,
А чистые поля те широкие,
Воров-то разбойников,
Тех-то я о полдён прошла,
- 85 О полдён воры-разбойники
Они опочив держа.
Темные леса ты лютых зверей,
Тех-де я в полночь прошла,
О полночь звери лютые
- 90 Те опочив держа. —
Да те ли речи королю прилюбилисе,
Говорит славны король Бахмет турецкие:
— Ай же ты, молодая женка, Авдотья Рязаночка!
Да умела с королем ричь говорить,
- 95 Да умей попросить у короля полону-де, головушки,
Да которой головушки боль век не нажить будё. —
Да говорит молода жонка Авдотья Рязаночка:
— Ай ты, славны король Бахмет турецкие!
Я замуж выйду да мужа наживу,
- 100 Да у м'ня будет свекор — стану звать батюшко,
Да ли буде свекрова — стану звать матушкой,
А ведь буду у них снохою слыть.
Да поживу с мужем, да я сынка рожу,
Да воспою, вскормлю, у м'ня и сын будё,
- 105 Да стане мёня звати матушкой.
Да я сынка женю да и сноху возьму,

- Да буду ли я и свекровой слыть.
 Да еще же я поживу с мужем,
 Да и себе дочь рожу,
 110 Да воспою, вскормлю, у м'ня и дочь будё,
 Да стапе меня звати матушкой.
 Да дочку я замуж отдам,
 Да-й у мёня и зять будё,
 И буду я тещей слыть.
- 115 А не нажить-то мне той буде головушки,
 Да милого-то братца любимого.
 А не видать-то мне братца буде век и по веку. —
 Да те ли речи королю прилюбилсе,
 Говорил-де он жонке таково слово:
- 120 — Ай же ты, молодая жонка, Авдотья Рязаночка!
 Ты умела просить у короля полону ли головушки,
 Да которой-то не нажить и век будё.
 Когда я розорил вашу стару Казань город
 подлесные,
 Я князей, бояр-де всех повырубил,
 125 А княгинь, боярыней я тех живых в полон
 побрал,
 Брал полону народу многи тысячи,
 Да убили у м'ня милого братца любимого,
 И славного пашу турецкого,
 Да-й не нажить мне братца буде век и по веку.
- 130 Да ты, молодая жонка, Авдотья Рязаночка,
 Ты бери-тко народ свой полонёные,
 Да уведи их в Казань до единого.
 Да за твои ты слова за учливые,
 Да ты бери себе золотой казны,
- 135 Да в моей-то земли во турецкие,
 Да ли только бери себе, сколько надобио. —
 Туту жёнка Авдотья Рязаночка
 Брага себе народ полонёные,
 Да и взяла она золотой казны,
- 140 Да из той земли из турецкие,
 Да колько ей-то было надобио.
 Да привела-де народ полонёные
 Да во ту ли Казань во опустелую,
 Да она построила Казань город на ново.
- 145 Да с той поры Казань стала славная,
 Да с той поры стала Казань-де богатая,
 Да тут ли в Казани Авдотьино имя
 возвеличилось,
 Да и тем дело кончилось.

Записано от П. М. Кропачева-Лядкова, как и былина об Илье
 и голях кабацких.
 [А. Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 1187—1190,
 № 260.]

2. ТАТАРСКИЙ ПОЛОН.

- Что в поле за пыль пылит?
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят:
То тому, то сему — по добру кошу;
3 А как зятю теща доставалася,
Он заставил ее три дела делать:
А первое дело — гусей пасти.
А второе дело — бел кудель прести.
А третье дело — дитя качать.
10 «И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бел кудель пряду,
И я ноженьками дитя качаю:
Ты баю-баю, мило дитятко!
Ты по батюшке — злой татарченко,
15 А по матушке — родной внученок;
У меня ведь есть приметочка:
На белой груди что копецка.
Как услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
20 «Ты, родная моя матушка!
Ах, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны сколько надобно,
25 Жемчугу да злата-серебра!»
Ах, ты, милое мое дитятко!
Мне не надо твоей золотой казны:
Отпусти меня на святую Русь;
Не слышать мне здесь пенья церковного,
30 Не слышать звону колокольного».

Песня записана М. Ю. Лермонтовым (нередко она печаталась в собрании сочинений Лермонтова в качестве одного из его произведений). Известны и другие подобные тексты [см., например, «Песни, собранные Киреевским», вып. VII, стр. 195; Якушкин. — Русские песни, стр. 79—82].

3. ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ.

А и делалось в орле,
Переделалось в Болшой.
На стуле золоте,
На рытом бархоте,
На черчатой камке
Сидит тут дарь Азьяк,
Азьяк Тавруловичь;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает

По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев дарь дарил,
Азьяк Тавруловичь,
Городами столынами:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме!
Одново не пожаловал

Любимова шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал,
Ево дома не случилось:
Уезжал-та млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синяя,
Брал он, млад Щелкан,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты.
С князем брал по сту рублей,
З бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которова денег нет,
У тово дитя возмет,
У которова дитя нет,
У того жену возмет,
У которого жены-т нет,
Тово самово головой возмет.
Вывез млад Щелкан
Дани, невыходы,
Царския невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде цены еи нет;
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем узда дорога, —
Царская жалованье,
Государево величество;
А нездя, дескать,
Тоя узды не продать, не променять
И друга дарить
Щелкана Дюдентевича.
Поговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
— Гои еси, царь Азвяк,
Азвяк Тавруловичь!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев:¹
Василья на Плесу,
Гордея в Вологде,
Ахрамея в Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,

Пожалуй-ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи. —
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Тавруловичь:
— Гои еси, шурин мой,
Щелкан Дюдентевичь!
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимова,
Крови ты чашу надеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия;
И тогда я тебе пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи. —
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови надедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан,
Он судьбою насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьбою сидел:
И вдовы-та бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-та старья,
Мужики-та богатья,
Мужики посадкия,
Оне жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичем.
От народа оне с поклонями.
Пошли, с честными подарками

¹ По смыслу стих этот является лишним.

И понесли оне честныя подарки:
Злата, серебра и скатнова зем-
чюга.

Изошли ево в доме у себя,
Щелкана Дюдентсвича;
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан

Зачванелся он, загорденелся,
И оне с ним раздорили.
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут ево разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

[«Сборник Кирши Данилова», изд. Публ. библ., стр. 13—14.]

Песня четко связана с историческими фактами, о которых рассказывает Тверская летопись. В 1325 г. в Орде был убит великий князь Тверской Дмитрий Михайлович, и великим князем стал Александр Михайлович. Вскоре двоюродный брат хана Узбека (Азвяка) Шевкал, сын Дюдения (Щелкан Дудентьевич), по приказанию хана, явился в Тверь «и въздвиже гонение велико на христианы насильством, и граблением, и биением, и поруганием». 15 августа 1327 г., когда татары отняли лошадь у некоего дякона, «диакон же сжалився изело начат въпити глаголя: «о мужи Тверьстии, не выдайте!» И бысть между ими бой: татарове же, надеюшися на самовластие, начаша сечи, и абие стекошася человеци и смятошася людие, и удариша в колоколы, и сташа вечием, и поворотися весь град, и весь народ том часе събрашася, и бысть в них заматня, и кликнуша тверичи, и начаша избивати татар, где кого застроив, и самого Шевкала убиша и всех порядку».

4. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ.

Среди было Казанскова царства
Что стояли белокаменны полаты,
А из спалны, белокаменной полаты,
Ото сна тут дарица пробужалася,
Семиону-царю она сон расказала:
— А и ты встань, Семпон-царь, пробудися!
Что ночесь мне, дарице, мало спалося.
В сповиденьице много виделося:
Как от синова московскова царства
Кабы сизой орлишша стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалася.
Что на наше веть царство напывала. —
А из синова московскова царства
Подымался великой князь Московский,
А Иван-сударь Васильевич, Прозритель,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство,
За пятнадцать верст,
Становились оне подкопью под Булат-реку;

¹ Булак.

Подходили под другую под реку — под Казангу,
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;

Взятие Казани Иваном Грозным.
(Лубочная картинка.)

Воску ярова свечу становили,
А другую веть на поле в лагире;
Еще на поле свеча та згорела,
А в земле-то идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь Московский,

1.

Из ханского рода был один человек,
 Имя его было Шыгали;
 Возмутителем он был другом,
 Пленником в руках у неверных.
 Много людей пошло (к русским),
 Много денег дав, взяли
 В этом городе Казани
 Сделали его ханом.
 Шыгали хану Иван Русский
 Много денег обещал
 За то, чтобы он в порох налил воды.
 Шыгали также обещал;
 Он сам себя не знал.
 Его глаза также не могли насытиться деньгами;
 От неверных русских взяв деньги,
 В порох он налил воды,
 Неверный русский усилился,
 Правоверный мусульманин унизился.

2.

В тысяча пятисотом году
 Казань в руках мусульман (еще была).
 К этому городу Казани
 Иван Русский пришел.
 Иван Русский в поле
 При ратных людях.
 При городе Казани
 Бой-драка произошла.
 Это и боем-то (успешным) не было:
 Казани города он не взял.
 На этой Свияжской горе
 Неверный крепость поставил.
 Мусульмане увидели,
 Расспросив, исследовав, узнали.
 — Эта земля наша!
 Откуда ты пришел? — сказали они.
 — Безбожный неверный, ты пришел,
 Здесь поселился.
 У кого ты взял дозволение? —
 (Так) говоря, их удалили.
 Неверные, воздавая почет,
 К его величеству Ядигеру пришел,
 После того с позволением
 На этой горе остался.

3.

Был один человек — имя его Чура,
 Много русских побить ему бог помогал.
 Было одно живое существо, имя его никто не знал,
 Как зашел он в Казань-город, никто не видал.
 Сказали (Чуре): — Эй ты, Чура! Ведь тебе бог помогает,
 А божьей воле противиться нельзя:
 Ивана-то Русского ты бы в мелкие части изрубил. —
 Чура вошел к Ивану, а Иван в палате сидит;
 Чура вошел в палату и отрезал ему голову.
 Иван сидел да ужинал, в то время и отрезал ему голову.
 Ивановы слуги пришли, чтобы взять посуду,
 А голова оказалась в чашке.

5. ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ СЫНА.

- Когда ж то воссияло солнце красное,
Тогда-то водарился у нас Грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич.
Заводил он свой хорош почестный пир.
5 Все на почестном напивались,
И все на пиру порасхвастались.
Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
— Есть чем царю мне похвастати:
Я повынес даренье из Царя-града,
10 Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль себе в руки взял,
И повыведу измену с каменной Москвы! —
С-по тыя было палаты белокаменной
Как не красное солнышко катилося,
15 А не скатный жемчуг рассыпается,
Ходит маленькой Иванушко даревич-государь,
Испроговорит он таково слово:
— Что не вывести измены с каменной Москвы:
Сидит-то измена за одним столом,
20 Ис-пьет измена одни кушанья,
Платица носит одноцветные,
Сапожки на ножках одноличные. —
Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
— Уж ты, маленькой Иванушко даревич-государь!
25 Ты подай же изменщика мне на очи,
Я изменщику голову срублю. —
Испроговорил Иванушко даревич-государь,
Глуным детским разумом промолвился:
— Как на братца сказать, так мне братца жаль,
30 На себя мне-ка сказать, так мне-ка живу
не бывать;
Буде сказать мне на братца своего,
На того на Федора Ивановича.
Ей ты, государь, родной батюшка!
Когда ж мы брали с тобой Царский-град,
35 Ты-то ехал по краечку,
Я-то ехал по другому,
А братец мой ехал по середочки,
Наперед послов он порассылал,
Чтобы удалые поразбегались,
40 А малые по кувырк-травы развалилися,
А старые при домах оставалися.
Теперичу измена вся повыстала. —
Разгорячился Грозный царь Иван Васильевич,
Скричал же своим зычным голосом:
45 — Ай вы ей, палачи немилостивы!
Вы возьмите-ка Федора Ивановича

- За тые за ручки за белые,
 За тые за перстни за злачные,
 Сведите-ка Федора в чисто поле,
 50 На тое болотцо на Житное,
 На тую на плашку на липову,
 Отрубите ему буйну голову!—
 Во тую ли пору, в то время,
 Все палачи поразбегались.
- 55 Которые разумные, растулялися.¹
 Оставался вор Малютушка Скуратов сын.
 Сам говорил таково слово:
 — Я много казнил царей, царевичей,
 Без счету королей, королевичей,
 60 И тебя, Федора, не спущу!—
 Берет его за ручки за белые,
 За тые за перстни за злачные,
 Повел Федора в чисто поле,
 На тое болотцо на Житное,
 65 Срубить Федору буйну голову.
 Услыхала Авдотья Романовна,
 Его государыня родна матушка,
 Она чеботы обула на босу ногу,
 Кунью шубоньку одела на одно плечо,
 70 Побежала на горку на Вшивую²
 Ко своему ко братцу ко родимому,
 Ко тому Никиты Романовичу.
 Сретает братец ей родимый,
 А сам говорит таково слово:
 75 — Что же ты, сестрица, не в покруте,
 В одной ты шубе черных соболей?—
 Говорит Авдотья Романовна:
 — Ты ей же, братец мой родимый,
 Ты ей, Никита Романович!
 80 Над собой невзголушки не ведаешь:
 Нет жива твоего любимого племянничка,
 Того ж де Федора Ивановича:
 Повел вор Малютушка Скуратов сын
 На тое болотцо на Житное,
 85 На тую плашку липовую,
 Срубить Федору буйну голову.—
 Как тот Никита Романович,
 Он кидается, скоро бросается,
 Берет узду в руки тесмянную.
 90 Одевал на мала бурушка-кавурушка,
 Садился скоро на добра коня,
 Не на седлана, не на уздана,

¹ Попрягались.

² Местность в Москве.

- Городом едет, голосом кричит,
 Голосом кричит, сам рукой машет:
 95 — Ты ей, вор Малютушка Скуратов сын!
 Не казни-ка ты молодого царевича,
 Ты не тем ли кусом сам задавишься. —
 Малютка, того не пытаючи,
 Берет Федора за желты кудри,
 100 Клонит на плашку на липову,
 Хочет срубить буйну голову.
 Наехал Никита Романович,
 Смахнул саблей вострой,
 Отнес Малютки буйну голову,
 105 За него постушки неумильные.
 Он брал де Федора Ивановича,
 Увозил на горку на Вшивую.
 Сегодня день был субботный,
 Завтре день воскресный де,
 110 Ехать нам ко ранной ко заутрени.
 Как тот Грозный царь Иван Васильевич,
 Как нет жива молодого царевича,
 Сокрутился он во платье опальное,
 Заложил лошадей воронных
 115 Под ты кареты под черные,
 Поехал ко ранной ко заутрени.
 А тот Никита Романович,
 Со тыя со великия радости,
 Одел на себя платье цветное,
 120 Платье цветное, самолучшее,
 Поехал ко ранной ко заутрени.
 Крест кладет по-писаному,
 Поклон ведет по-ученому
 На все три-четыре стороны,
 125 А Ивану Васильевичу в особипу.
 — Ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
 Со своей со любимой семьей,
 Со молодой со Авдотьей со Романовной,
 Со своима со малыма детушкамы,
 130 Со тым со Федором Ивановичем,
 Со тым Иваном Ивановичем! —
 Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
 — Ты ей же, шурин мой любимый,
 Ты ей, Никита Романович!
 135 Знать ты над собой невзгодушки не ведаешь?
 Ведь нет жива твоего любимого племянничка,
 Того де Федора Ивановича:
 Увел вор Малютушка Скуратов сын
 На тое на болото на Житное,
 140 На тую плашку липовую,
 Срубить да ему буйну голову. —

- Целует во уста во сахарные,
 190 Сам говорит таково слово:
 — Мне-ка чем тебя наскори пожаловать?
 Дать тебе села со приселкамы,
 Али дать города с пригородкамы,
 Али дать тебе золотой казны? —
 195 Говорит Никита Романович:
 — Есть у меня золотой казны,
 Есть городов с пригородкамы,
 И есть и сел со приселкамы,

Ермак, покоритель Сибири.
 (Лубочная картинка.)

- То мне молодцу не похвальба;
 200 А ты дай-ка мне Микитину вотчину:
 Хоть с петли уйди, хоть коня угони,
 Хоть коня угони, хоть жену уведи,
 Столько ушел бы в Микитину вотчину, —
 Того доброго молодца бог простит. —
 205 Он пожаловал Микитиной его вотчиной:
 Хоть с петли уйди, хоть коня угони,
 Хоть коня угони, хоть жену уведи,
 Столько ушел бы в Микитину вотчину, —
 Того доброго молодца бог простит.
 210 Тут век про Микиту старину скажут,

Синему морю на тишину,
Вам добрым людям, на послушанье.

[«Песни, собранные Рыбниковым», т. I, изд. 2, № 31, стр. 212—218.]

Песня записана Рыбниковым от А. Е. Чукова (по прозвищу Бутылка), крестьянина дер. Горка, бывш. Повенедкого у., Олонецкой губ., ныне Автономной Карельской ССР. Позже эту же песню записал от Чукова Гильфердинг [А. Гильфердинг. — Онежские былины, 1873, стр. 784—789, № 153]. В основу песни положен исторический факт убийства Грозным сына Ивана.

6—7. О КСЕНИИ БОРИСОВНЕ ГОДУНОВОЙ.

6.

Сплачется малая птичка,
Белая пелешка:
— Охте мне, молоды, горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малые дети побити,
Меня пелешку поймати. —
Сплачется на Москве царевна:
— Охте мне, молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отрепьев, Рбстрига,
Что хочет меня полонити,
А полонив, меня хочет постричи,
Чернеческий чин наложити,
Ино мне постритчися не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молодцев посмотретьи.
Ино, ох, милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити,
После царского нашего житья,
И после Бориса Годунова?
Ах, малые наши теремы!
А кому будет в вас да седеги,
После царского нашего житья,
И после Бориса Годунова? —

7.

А сплачется на Москве царевна,
Бориса дочь Годунова:
— Ино, боже, спас милосердый!
За что наше царство загибло —
За батюшково ли согрешенье,
За матушкино ли немоленье?
А светы вы, наши высокие хоромы,
Кому вами будет владети
После нашего царского житья?

А светы браные убрusy!
 Береза ли вами крутити?
 А светы золоты ширинки!
 Лесы ли вами дарити?
 А светы яхонты-сережки!
 На сучье ли вас задевати,
 После царского нашего житья,
 После батюшкова преставленья,
 А свет Бориса Годунова?
 А что едет к Москве Росстрига
 Да хочет теремы ломати,
 Меня хочет, царевну, поймати,
 А на Устюжну на Железную отослати,
 Меня хочет, царевну, постритчи,
 И в решетчатый сад засадити.
 Ино, охти мне горевати,
 Как мне в темну келью ступити,
 У игуменьи благословиться? —

Эти песни были записаны для священника английского посольства Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. и весьма близки к изображаемым событиям. Возможно, что они сочинены каким-либо московским грамотеем, но сочинены в народном стиле и по образцу подлинных народных песен.

[В. Миллер. — Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., Пгр., 1915, стр. 627—628 и 628—629 (как две отдельные песни). Мы приводим песни Джемса в несколько упрощенной транскрипции.]

Приводим еще одну песню, записанную для Джемса, без приурочения к определенным историческим событиям:

Бережечек зыблется,
 Да песочек сыплется,
 Ледочек ломится,
 Добры кони тонут,
 Молодцы томятся.
 Ино, боже, боже!
 Сотворил ты, боже,
 Да и небо, землю;
 Сотвори же, боже,
 Весновую службу!
 Не давай ты, боже,
 Зимовые службы!
 Зимовая служба —
 Молодцам кручинно,
 Да сердцу надсадно.

Ино, дай же, боже,
 Весновую службу!
 Весновоя служба —
 Молодцам веселье,
 Сердцу утеха.
 И емлите, братцы,
 Яровы весельца;
 А садимся, братцы,
 В ветляны стружечки;
 Да грянемте, братцы,
 В яровы весельца,
 Ино, вниз по Волге!
 Сотворил нам, боже,
 Весновую службу!

[Соболевский, VI, стр. 164—165, № 211.]

8. КОНЧИНА КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА-ШУЙСКОГО.

Ино что у нас в Москве учинилося?
 С полуночи у нас в колокол звонили,
 А расплачутся гости-Москвичи:
 — А теперь наши головы загибли,

Что не стало у нас воеводы,
 Васильевича князя Михаила. —
 А съезжались князья, бояря, супротиво к ним
 Мстиславский князь, Воротынский;
 А между собой они слово говорили,
 А говорили слово, усмехнулись:
 — Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся. —
 А расплачутся Сведские Немцы:
 — Что не стало у нас воеводы,
 Васильевича князя Михаила. —
 Побежали немцы в Новгород,
 И в Новгороде заперлися,
 И многий мир-народ погубили,
 И в латынскую землю превратили.
 [В. Миллер. — Там же, стр. 581—582.]

Песня эта также была записана для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Скопин-Шуйский умер в 1610 г. Любопытно сопоставить с этой песней, почти современной самому событию, более сложную песню, известную по записи XVIII в.

МИХАЙЛО СКОПИН.

А во тои же славной каменной
 Москвы,
 У тово ли было князя Воротынского,
 Крестили младова кнезевича.
 А Скопин-князь Михаила кумом был,
 А кума была дочи Малютина,
 Того Малюты Скурлатова.
 У тово-та князя Воротынского
 Как будет и почетной стол,
 Туто было много князен и бояр и
 званых гостей.
 Будет пир во полу-пире,
 Княжецкой стол во полу-столе,
 Как пьявинки тут расхвастались:
 Силны хвастает силою,
 Богатой хвастает богатством;
 Скопин-князь Михаила Васильевич
 А и не пил он зелена вина,
 Только одно пиво пил и сладкон
 мед.
 Не з болшева хмелю он
 похващаетца:
 — А вы, глупой народ, неразумные!
 А все вы похваляетесь безделицей.
 Я, Скопин, Михаила Васильевич,
 Могу, князь, похвалитися,
 Что очистел царство Московское
 И велико государство Росиское;
 Еще ли мне славу поют до веку
 От старова до малова,
 А от малова до веку моего. —
 А и тут боярам за беду стало,
 В тот час оне дело зделали,

Поддержули зелья лютова,
 Подсыпали в стокап, в меду сладкие,
 Подавали куме ево крестовья,
 Малютиной дочи Скурлатовой.
 Она, знавши, кума ево крестовая,
 Подносила стокап меду сладкова
 Скопину-князю Михаилу
 Васильевичу.
 Примает Скопин, не отпираетца,
 Он выпил стокап меду сладкова,
 А сам говорил таково слово:
 — Услышел во утробе неловко добре!
 А и ты съела меня, кума крестовая,
 Малютина дочи Скурлатова,
 А зазнаючи мне со зельем стокап
 подала,
 Съела ты мене, змея подколодная! —
 Голова с плеч покатилася,
 Он и тут, Скопин, скоро со пиру
 пошел.
 Он садился, Скопин, на добра коня,
 Побежал к родимой матушке;
 А только успел с нею проститися,
 А матушка ему пенять стала:
 — Гой еси, мое чадо милая,
 Скопин-князь Михаила Васильевич!
 Я тебе приказовала,
 Не велела ездить ко князю Воротын-
 скому,
 А и ты меня не послушался,
 Лишила тебе свету белова
 Кума твоя крестовая,
 Малютина дочи Скурлатова. —

Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послуша-
нье,
Молодым молодцам на перениманье,

Еще нам, веселым молодцам, на
потешенье,
Сидючи в беседе смиренных,
Испиваючи мед, зелена вина,
Где-ка пиво пьем, тут и честь
воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

[«Сборник Кириши Данилова», изд. Публ. библ., стр. 115 — 118;
мы даем только вторую часть песни, стр. 117 — 118.]

Наконец, песня о Скопине известна в виде настоящей былины:

СКОПИН.

Во славном во городе во Кieve,
У ласкова у князя у Владимира,
Родилось у его да чадо милое,
Со той-же со радости великой,
Завёлся у князя-то почесен пир,
Пра многих князей да многих бояров,
Пра тих-же мещан 'ся городовых,
Пра тих-же купцей, людей торговых.
Да все на пиру пьяны-веселы,
Да все на пиру потешаютце.
Ростешилса солнышко Владимир-князь,
Он погуливал по гриденки по светлой,
По той-же по середи кирпичатой,
А резвыма ногами ён постушывал,
Белыма руками прирозмахивал.
Из редей-то Владимир выговаривал:
— Ты ой есь, княгина да мать Апраксия!
Нам кого-же поставити в кумушки? —
Говорит-то княгина мать Апраксия:
— Надо бы съездить во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позвать удала добра молодца,
А Скопина-ли Михаила сына Ивановича.
Его-же поставити во кумушки. —
— Кого-же послати в Малу Галичу? —
— Послать нам Добрынюшку Микитица,
А Добрынюшка Микитиц он крестовой брат,
А послушат Скопин своего крестовушка. —
Говорит-то наш солнышко Владимир-князь:
— Ож ты ой есь, Добрынюшка Микитиц блад!
Ты съезди во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Позови-ко юдала добра молодца,
Ко князю его да всё во кумушки. —
На то-де добрый молодец не ётельшалса,
Да стал-то Добрынюшка срежатисе,
Скоре-де того он сподоблеитце,
Уздает, седлает коня доброго,
Ён скорё садитца на добра коня,
Он поскал во Галичу во Малую,
Во ту-же Карелу прибогатую,
Ко тим-же ко теремам высокием,
Ко тим-же окошечкам косявчатым,
Ко тому же крылечушку прекрасному...
Проходит Добрынюшка Микитиц блад,

Да молитца Добрыня господу богу,
 Да кланятца на все четыре стороны:
 — Да здравствуй, мой названушко, крестовой брат! —
 — Да здравствуй, Добрынюшка, крестовой брат! —
 Да скоро скочил да на резвы ноги,
 Берёт-то его да за белы руки,
 Да хочет он делать пир великия,
 Да ради своего он крестовушка.
 — Ож ты ой есь, названой мой крестовушко!
 Скопин-ле Михайло сын Иванович!
 Нельзя мне сидети на чесном пиру.
 Я послан к тебе да на ускóрую,
 Ёт ласкова князя от Владимира,
 Зовут-то тебя ёни во кумушки. —
 Приходит юдалой доброй молодец,
 Скопин-ле Михайло сын Иванович,
 Ка сваей ко матушке родимоей,
 Ён кланятца ей да во резвы ноги:
 — Ой, моя маменька родимая,
 Чесная вдова благочестивая!
 Спусти мя во стольнёй славной Киев-град,
 А мне дай благословенье великое. —
 — Не дам благословенье великое,
 Итти тебе, ехать в стольнёй Киев-град,
 А ты-же во хмелю да не сурадливой,
 Там злые бояришка подмолвщики,
 Касабрюхие воры, подговорщики. —
 Однако-же кланятца в резвы ноги:
 — Ты ой, моя матушка родимая!
 Чесная вдова благочестивая!
 Ож не даш благословленья великого,
 Поеду-же, поезду в стольнёй Киев-град. —
 Ёднако-же дала благословеньицо,
 С буйной-де главы и до сырой земли.
 Да стали молодцы да нынь срежатисе,
 Скорей-же того да сподобляютце.
 Уздаёт, сздаёт коня доброго,
 Он и скоре сядица на добра коня,
 Да едут во стольнёй славной Киев-град,
 Ко ласкову князю на почесен пир.
 Окрестили, молитвили бладенеца,
 Ставал-то Скопин да ён во кумушки,
 Со той-же Скурлатой со Малутиной.
 Выходили ёни да из божьей церкви
 Ко ласкову князю на почесен пир,
 Да все на пиру напивалисе,
 Да все на чесном да похваляютце,
 Из ума-де Скопин да вышиваитце,
 Во хмелю-де Скопин да похваляитце:
 — Да много Скопин да по землям бывал,
 Да много Скопин да городов бирал,
 Не боялся Скопин да сорока полков,
 Сорока-де полков да сорок тыседных,
 Я Малуту-даря да во полон бирал,
 Я Малутину дочь держал парукою,
 Парукою держал я, полюбовницой,
 На остатках дал князю во служеньицо. —
 И та-же Скурлата дочь Малутична,
 Спускаетца она да во глубок погреб,
 Выносила-ле цару зелья лютого,
 По краям-то-ле цары как ключи кипят,

На середка-де дары да огонь горит,
 Он и шьет, Скопши, дару за единой дух,
 Скатилося с плеч голова, как пуговица.
 Сидит-то Скопши да не по прежнему.
 Подхватили Скопина сына Михайловича,
 Да садили его да на добра коня,
 Да везли-бы его к матушке родимой.
 Да встречала его матушка, горько плакала,
 Похоронила она сына своево любимого.
 Да та его матушка родимая,
 Да зла паленица преудалая,
 Выходила ёна да вон на улицу.
 Суредила ёна да коня доброго,
 Да скоро садилца на добра коня,
 Да едет во стольней славной Киев-град,
 Ко тим же полатам княженевским,
 Крычит под окошечком косявчатым:
 — Падайте-тка мне да виноватого!
 Отвечают там-де слуги верные:
 — Виноватого в доме не лучилосе,
 Отлучился виноватой во чисто полё. —
 Аж тут Маривьяна поворот даёт,
 А едет она во чисто полё,
 Выхала на горы на высокие,
 Да зрит-то, смотрит да во вси стороны,
 Завидела во поле шатёр стоит,
 Стоит-то шатер да чернобархатной.
 Она едет ко шатру как чернобархатну,
 А берёт-то-ле стрелочку каленую,
 Откинет у шатра да полу правую,
 Да спит тут Скурлата дочь Малютична:
 — Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
 Да полно-те спать, право пора ставать. —
 Ото сну-то Скурлата просыпаица,
 Выходит ёна да вон на улиду,
 Берёт Маревьяна нынь востро копьё,
 Втыкаёт тупым кощем в сыру землю,
 Берёт-то Скурлату дочь Малютичну,
 Посадила ей... на востро копьё.
 Да тут-то Скурлаты смерть случилосе,
 А оттуль Маривьяна поворот даёт.

Былина записана Н. Е. Ончуковым в 1902 г. от слепого сказителя А. И. Дитятева, 71 года, в с. Великая Виска, бывш. Пустозерской вол., на Печоре.

[Н. Ончуков. — Печорские былины, СПб., 1904, стр. 321—325, № 81; мы приводим текст с небольшим сокращением.]

Уже в повести XVII в. о смерти князя Скопина-Шуйского видны следы существования в то время эпической песни о Скопине, более сложной, чем песня, записанная для Ричарда Джемса: ... «И как будет после честного стола пир на весело, и дьявольским омрачением злодеяица та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем. И в той чаре в питии изготовано лютое питье смертное. И князь Михайло Васильевич выливает ту чару досуха, а не ведает, что злое питье лютое смертное. И не в долг час у князя Михайла во утробе возмутилося, и не допировал пиру почестного и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как всходит в свои

хоромы княжедкие, и усмотрела его мати и возрила ему во ясные очи; и очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются. И восплакалася горько мати его родимая и во слезах говорит ему слово жалостно: «Чадо мое, сын князь Михайло Васильевич, для чего ты рано и борзо с честного пиру отъехал? Любо тебе богоданный крестный сын принял крещение не в радости? Любо тебе в пиру место было не по отечеству? или бо тебе кум и кума подарки дарил не почестные? А хто тебя на пиру честно упоил честным питием? И с того тебе пития век будет не проспаться. И сколько я тебе, чадо, в Олександрову слободу приказывала: не езди во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышат ядом зминым, изменничьим!»...

9. ПОП ЕМЕЛЯ.

- Выпала порошица на талую землю;
По той по порошице шел тут обозец,
Не мал, не величек, да семеро саней,
Да семеро саней, по семеро в саях.
5 Во первых-то саях атаманы сами,
Во вторых-то саях эсаулы сами,
А в четвертых саях разбойники сами,
А в пятых-то саях мошеники сами,
А в шестых-то саях да Гришка с Маринкой;
10 А в седьмых-то саях сам поп-от Емеля.
Сам поп-от Емеля, а крест на рамени,
А крест на рамени в четыре сажени,
Рукой благословляет, крестом наделяет:
«Духовные дети, полезайте в клетки,
15 Головы рубите, а душ не губите;
Если бог поможет, пона не забудьте,
Если чорт обрушит, пона не клендите».
Попадья Олена на воду смотрела,
На воду смотрела, ворам говорила:
20 «Не ездите, дети, во чужие клетки, —
Будет вам невзгола, будет непогода».
Не слушались вору попадья Олены,
Сели-засвистали, коней нахлытали.

[Н. Аристов. — Об историческом значении русских разбойничьих песен, Воронеж, 1875, стр. 25.]

Песня относится к событиям начала XVII в.; быть может, основой ее являются предания об историческом лице, попе Еремее, активном участнике борьбы с поляками. Но в песне поп Емеля является соучастником Григория Отрепьева и Марицы.

10. ЗЕМСКИЙ СОВОР.

Жил-был государь-дарь.
Алексей сударь Михайлович московской.
И выходит от ранней заутрени христовьской,
И ставится на лобное место,

- 5 И на все стороны государь поклонился,
 Испроговорил надежа-государь-царь:
 «Ай же вы, князи и бояра!
 Пособите государю дума думати,
 Дума думать, а и не продумать бы.
- 10 Что наступает король литовский,
 Наступает-то на город на Смоленец».
- А из больших бояр боярин выступает,
 Он близенько к государю подходит,
 Он низенько государю поклонился,
- 15 Испроговорил великий боярин:
 «Ай же ты, государь-царь,
 Алексей сударь Михайлович московской!
 Благослови слово сговорити,
 А не прикажи-тко за слово меня сказнити:
- 20 А Смоленец есть строесье не московско.
 А Смоленец есть строеньице литовско;
 Во Смоленце силы нету, казны не бывало:
Отдадим-ко мы город Смоленец
 Без бою, без драки великия
- 25 И без большого кроволития».
- А к тем речам государь не принимался,
 Испроговорил государь-царь:
 «Ай же вы, князи и бояра!
 Пособите государю дума думати,
- 30 Дума думать и не продумать бы.
 Наступает на Смоленец король литовский,
 Станем ли за Смоленец постояти?»
- Из средних бояр боярин выступает,
 Поблизенько к государю подходит,
- 35 И низенько государю поклонился,
 Испроговорит великий боярин:
 «Ай же ты, государь-царь,
 Алексей сударь Михайлович московской!
 Благослови мне слово сговорити,
- 40 А не прикажите за слово сказнити:
 А Смоленец есть строесье не московско,
 А Смоленец есть строеньице литовско,
 Силы во Смоленце нету, казны не бывало:
Отдадим-ко мы город Смоленец
- 45 Без бою, без драки великия,
 Без большого кроволитья».
- А к тем речам государь не принимался,
 Испроговорит государь-царь,
 Алексей сударь Михайлович московской:
- 50 «Ай же вы, князя и бояра!
 Пособите государю дума думати,
 Дума думать, а не продумать бы.
 Наступает на Смоленец король литовский,

- Станем ли за Смоленец постояти?»
- 55 Из меньших бояр боярин выступает,
 Поблизенько к государю подходит,
 И низенько государю поклонился,
 Испроговорит меньший боярин:
 «Ай же ты, государь-царь,
 60 Алексей сударь Михайлович московской!
 Благослови мне словечко сговорити,
 А не прикажи за слово сказнити;
 А Смоленец есть строенье не литовско,
 А Смоленец есть строенье не московско,
- 65 В Смоленце силы сорок тысяч,
 Казна есть бесчечна:
 Надо нам постоять за Смоленец,
 А не надо нам отдавати».
- Испроговорит слово государь царь,
 70 Алексей сударь Михайлович московской:
 «Ты знаешь с государем говорити:
 Посздай-ко в Смоленец воеводой,
 Постой за город Смоленец».
- Этых первых двух бояринов
 75 Приказал царь сказнити.

Песня опубликована Рыбниковым. [«Песни, собранные Рыбниковым», т. II, изд. 2, стр. 393—395, № 158.] Исполнитель — Г. Амосов, крестьянин дер. Уная Губа на восточном берегу Онежского озера; Рыбников не виделся с ним и напечатал шесть текстов его по чужой записи.

В основе песни лежит исторический факт осады русскими войсками завятого поляками Смоленска и сдачи его поляками в 1654 г.

11—17. О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ.

11.

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
 На тихом Дону, во Черкасском городе;
 Породился удал-добрый молодец,
 По имени Стенька Разин Тимофеевич.
 Во казачий круг Степанушка не хаживал,
 Он с нами, казаками, не говаривал,
 Ходил, гулял Степанушка во царев кабацк,
 Он думал крепкую думушку с голытьбою:
 — Судари мои, братцы, голь кабацкая!
 Поедем, мы, братцы, на сине море гулять,
 Разобьем, братцы, басурмански корабли,
 Возьмем мы казны, сколько надобно,
 Поедем, братцы, во каменну Москву,

Купим мы, братцы, платье дветное,
Купивши дветно платье, на низ поплывем! —

Песня записана А. И. Мякутиным в станице Рассыпной, бывш. Оренбургской губ., ныне области, в 1904 г., от урядника Афанасия Шепачева, 81 года.

[А. Мякутин. — Песни оренбургских казаков, т. I, стр. 13—14.]

Такая же песня (почти буквально) помещена в «Песеннике» Чулкова (XVIII в.).

12.

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге Черноярские стружечки,
Забелелися на мачтах тонкие белые парусочки.
Что не черный ворон гаркнул, что возговорит Стенька Разин:
— Ой вы гой еси, казачье наше вольное собрание!
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалейте!
Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
Черноярский городочик что на утренней на зоре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал. —
Как один, братцы, увидел и один, братцы, услышал,
Господин большой болярин, черноярский воевода:
Шол он от ранняя обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой во набатной,
Чтоб стрельды да собирались, пушкарн бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.
Што возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
— И вы пороху не теряйте и снарядов не ломайте,
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возмет. —
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великова раскату воеводу долой сбросил,
Ево маленьких деток он всех за ноги повесил.

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. VII, стр. 148.
Перепечатка из издания XVIII в.: В. Ф. Трутовский. — Собрание русских простых песен с нотами, ч. II.]

Песня изображает исторические события, в частности — казнь Астраханского воеводы (12 июня 1670 г.). Любопытно, что даже современники в официальных документах указывали на неуязвимость Разина. Так, Симбирский воевода, князь Иван Дашков, пишет в донесении царю: «Донские казаки — атаман Стенька Разин да есаул Ивашко Чернояред, а с ними 1000 человек, да к ним же пристают Волжские ярыжки, караван астраханской остановили выше Царицына, а как они воры мимо Царицына Волгою плыли и с Царицына де стреляли по ним из пушек, и пушка де ни одна не выстрелила, запалом весь порох выходил, а стояли от города в 4 верстах и присылали они на Царицын есаула, чтоб им дать Льва Плещеева да купчину Кызылбашского, и взяли на Царицыне у воеводы наковальню и мехи и кузнечную снасть, а дал им он, убоясь тех воров, что того атамана и есаула пицала, ни сабли, ни што не возмет, и все де войско они берегут» [А. Попов. — Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, М. 1857, стр. 23].

В славном-то во городе во Ва́стракани
 Очудился-проявился там детинушка незна́мый человек,
 Да незнамой, незнакомый чей, неведомый откуль.
 Баско-щепетко по городу погуливат,
 Черной бархатний кафтанчик на распáшечку таскал,
 Перстирску¹ опояску но́сил в правые руки,
 Зелены сафьянны сапожки но́сил на шелковых чулках,
 Черну шляпу со полями носил на жёлтых кудрях.
 Он ведь штафам, офицерам² не кланяется,
 Востроканьскому губернатору челом не бьёт,
 А челом-то ему не бьёт да под суд нейдёт.
 А й увидел губернатор из око́шка молодца́,
 Воскричал-то губернатор громким го́лосом своим,
 Громким голосом своим на своих верных слуг:
 — Уж вы слуги, мои слуги, слуги ве́рные мои,
 Слуги ве́рные мои да банбандеры³ урванци!
 Уж вы польте-приведите удалого молодца́,
 Удалого молодца́ да к губернатору на двор. —
 Приводили молодца да к губернатору на двор,
 Становили молодца против паратнего крыльца.
 Выходил-то губернатор на паратнеё крыльцо,
 И говорил-то губернатор таково слово:
 — Ты скажись-ко, скажись, детинушка, незна́мый человек,
 Да незнамый, незнакомый, неведомый откуль!
 Да ты какой орды, какой земли,
 Да какого отца, да чьею матери?
 Али со Дону казак, али казачий сын? —
 Отвечал-то молодец не с упадкою:
 — Я не со Дону казак да не казачий сын,
 Я из-за матушки Москвы да я со Камы со реки,
 Со Камы со реки да Сеньки Разина сын.
 Завтра батюшко придет, дак ты умей-ко гостя встретиши.
 Хорошо ты гостя встретиши — кунью шубу подарит,
 Уж ты худо гостя встретиши — во тюрьму́ ты посадит,
 А й мало-то тово — дак и на виселицу. —
 Ах по утру во полдён да красно солнышко пекёт,
 Ах по Камы по реки да лёгка лодочка бежит,
 И всем-то лодка изукрашена,
 Да молодцами ведь эта лодка изусажена.
 В этой лодочке гребцов да сидит со́рок молодцов,
 Посреди-то этой лодки Сенька Ра́зин сидит.
 Как грянули, прихватили прямо к губернатору на двор,
 Не успел-то губернатор Сеньки встретиши,

¹ Персидскую.

² Штаб-офицерам.

³ Бомбардиры.

Ах посадил-то Сенька Разин губернатора в тюрьму,
Мало-то тово — ево на виселиду.

Записана А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. от крестьянина
П. Я. Меньшикова, с Тамбасезера.
[«Онежские былины», 1873, стр. 1225—1226, № 271.]

Эта песня о «сынке» (т. е. посланце, агенте) Разина является наиболее популярной из всех песен разинского цикла.

14.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала река-матушка Камышенка,
Что вела-то за собою берега круты,
Круты-красны берега, луга зеленые,
Она устьицем впадала в Волгу матушку.
Как по той-ли реке-матушке Камышенке
Выплывают ли стружечки есаульские,
На стружечках тех сидят гребцы бурлацкие:
Все бурлаки, все молодчики заволжские.
Хорошо все удалыцы были наряжены:
На них шапочки собольи, верхи бархатны;
На камке у них кафтаны однорядочны;
Канаватные бешметы в нитку строчены,
Галуном рубашки шелковы обложены,
Сапоги на всех на молодцах сафьянны.
Они веслами гребли да пели песенки,
К островочку среди Волги становилися:
Они ждали-поджидали губернатора,
Губернатора ли ждали астраханского.
Как возговорят бурлаки тут удалые:
— Еще что то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторски:
Кого ждали-поджидали, того ляд несет. —
Астраханский губернатор догадался тут:
— Ой вы гой еси, бурлаки, люди вольные!
Вы берите золотой казны, что надобно,
Вы берите двестно платье губернаторско,
Вы берите все диковинки заморские.
Вы берите все вещицы астраханские! —
Как возговорят удалы люди, вольные:
— Как твоя не дорога нам золота казна,
Нам не дорого ни платье губернаторско,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские:
Дорога нам твоя буйная головушка. —
Буйну голову срубили с губернатора,
Они бросили голову в Волгу-матушку,

Сами молодцы ему тут пасмехались:

— Ты добре, ведь, губернатор, к нам строгонек был,
Ты, ведь, бил нас, ты губил нас, в ссылку ссылавал,
На воротах жен, детей наших расстреливал! —

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. VII, М. 1868,
стр. 149—150.]

Перепечатка из песенников XVIII в. Подобные песни существуют об убийстве князя Карамышева (более ранние), а позднее — об убийстве князя Репнина, Гагарина, Голицына.

15.

На заре-то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлова месяца,
Не сокол летал по поднебесью,
Ясаул гулял по насадику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
— Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, козаки Донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до черна моря,
До черна моря Азовскова,
Помсгался весь козачей круг;
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Понмали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову. —

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. VII, стр. 41. Перепечатка из издания XVIII в.: М. Д. Чулков. — Собрание разных песен, ч. I, 1770, № 134.]

Песня особенно четко проявляет симпатии к Разину.

16.

Ах, туманы вы мои, туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска, ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца
прочь!
Ты возмой-возмой, туча грозная,
Ты пролей-пролей, част крупен дождик,
Ты размой-размой землю тюрьму,

Чтоб тюремнички, братцы, разбежались,
 Во темном бы лесу собирались.
 Во дубравушке во зелененькой
 Ночевали тут добры молодцы,
 Под березонькой они становились,
 На восход богу молились,
 Красну солнышку поклонились:
 «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Над горой взойди над высокою,
 Над дубравушкой над зеленою,
 Над урочищем добра молодца,
 Что Степана свет Тимофеевича,
 По прозванью Стеньки Разина.
 Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Обогрей ты нас, людей бедных,
 Добрых молодцев, людей беглых:
 Мы не воры, не разбойнички,
 Стеньки Разина мы работнички,
 Есауловы все помощнички.
 Мы веслом махнем — корабль возьмем,
 Кистенем махнем — караван собьем,
 Мы рукой махнем — девицу возьмем».

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. VII, стр. 153—154.
 Место записи неизвестно.]

17.

Вы леса ль мои, лесочки, леса темные,
 Вы станы ль мои, станочки, станы теплые!
 Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
 Все товарищи, все приятели поразловлены,
 По злодейкам по тюрьмам порассожены.
 Только я то ли, добрый молодец, не пойман был.
 По прозваньюцу меня звали Стенька Разин сын,
 Я не год гулял, я не два года,
 Я гулял-то ровно тридцать лет.
 Как пошел-то я ко синю морю,
 Ко синю морю, ко Дунай-реке,
 У Дунай-реки перевоз кричал:
 «Перевезите-ка меня, добра молодца,
 На ту сторону, на белый камешек!»
 На белом камешке стал скончаться,
 При кончинушке стал наказывать,
 Стал наказывать и выговаривать:
 «Ах вы, милые сотоварищи!
 Похороните меня, добра молодца,
 Промежду трех дорог, первой Питерской,
 Другой Владимирской, третьей Киевской.
 Вов правую ручку дайте саблю вострую,
 Вов левую ручку калену стрелу,

В головах поставьте чуден-дивен крест,
 Вов ногах поставьте ворона коня.
 Кто ни идет, кто ни едет мимо молодца,
 Мимо молодца, всяк помолится:
 —Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
 Тут лежит-то Стенька Разин сын! —
 Приходили тут сотоварищи,
 Помолилися на чуден-дивен крест,
 Тому-то братцы сдивовалися,
 Стеньке Разину поклонялися:
 — Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
 Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
 Вов леву руку калену стрелу,
 Ты ударь-ка буйной палицей
 По бедрам нашим широким.¹
 Кабы знали мы, уж ведали,
 Выручили бы с бела камня,
 С бела камня, со Дунай-реки,
 Со Дунай-реки, со широконойкой.
 Покажи-ка нам златы латы тут,
 Златы латы тут серпентинные! —
 Погрузили во Дунай-реку
 Сотоварищи Стеньку Разина.
 Со Дунай-реки сотоварищи
 На Амур пошли думу думати;
 У Амур-реки крута гора,
 Крута гора високая;
 На той горе распрощалися,
 Друг другу поклонялися:
 — Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
 Разойдемтесь-ка по диким местам! —

Песня записана Рыбниковым в Петрозаводске от захожих крестьян из бывш. Екатеринбургского у. Пермской губ. (ныне Свердловской обл.). [«Песни, собранные Рыбниковым», т. II, изд. 2, стр. 721—722, № 221.] Изображению смерти Разина здесь придан глубоко лирический характер.

Песнями о Разине интересовался А. С. Пушкин. Еще в 1824 г. он писал из Михайловского брату Льву. «Вот тебе задача: историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Пушкин записал песню о сынке Степана Разина (см. у нас № 3): «В городе то было во Астрахане» и «Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке». Кроме того, он перевел на французский язык из сборника Чулкова песни, приведенные у нас под № 1 и 5, а также песню о князе Карамышеве, близкую к № 2. Не ограничиваясь записью подлинных песен, Пушкин написал также ряд подражаний им (1826 г.): «Как по Волге реке, по широкой, выплывала востроносая лодка», «Ходил Стенька Разин в Астрахань город», «Что не конский топ, не людская молвь, не труба трубача с поля слышится».

¹ За то, что не спохватились и не выручили Стеньку Разина.

18. КАЗНЬ СТРЕЛЕЦКОГО АТАМАНА.

Из кремля ли, кремля, крепкого города,
От дворца ли, дворца государева,
Что до самой Красной площади,
Пролегала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут тут казнить доброго молодца,
Доброго молодца — большего боярина,
Что большего боярина — атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не остушается,
Что быстро на всех людей озирается;
Что и тут он царю не покоряется.
Впереди-то идет грозен палач,
В руках несет остер тонор;
Позади пят — отец с матерью,
Отец с матерью, молодая жена.
Отец-мать во слезах слово молвили:
«Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Царю белому Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную,
Авось тебя тогда господь бог помилует,
Государь царь тебя пожалует,
Оставит буйну голову на могучих плечах».
Каменеет сердце молодецкое,
Добрый молодец отца-матери не слушает,
Над молодой женой насмехается,
О милых детях не болезнует.
Что и тут он царю не покоряется.
Отрубили ему буйну голову
Что по самы могучи плеча.

Песня записана А. А. Григорьевым у дыган. [П. И. Якушкин. — Русские песни, стр. 90.] Почти точно такая же песня была напечатана еще в XVIII в. в сборнике Чулкова [см. «Сочинения М. Д. Чулкова», т. I, изд. Акад. Наук, СПб., 1913: «Собрание разных песен», ч. II, № 129, стр. 418—419.]

В основе песни — казнь стрельцов в 1698 г.

19. СТРЕЛЬЦЫ И КРЕСТЬЯНИН.

Шли стрельцов молодцов
Пятьдесят человек,
Сами сговорились, сами смóлвились:
— Ежели бы нам, ребятушки,
Кобылушку солóвую.
Нам-бы только экинаж везла —
Сами-бы мы пешки шли! —
Едет крестьянин, дуб сволок:

Под крестьянином кобылушка солóвая.
Взглянули они, сами смéхнулись:
— Что в Христа молили, то господь нам
дал!

Ну-ка, сем-ка, мы, ребятушки, навáлимся! —
Видит крестьянин неминуемое свое,
Распрягает он кобылушку солóвую,
На колено дугу распрямливает;
Всех перебил, будто волк переел,
Спíны понабил, как сычуг снарядил.
— Ну-ка, ребята, челобитную писать,
Челобитную писать, к Москве посылать,
К Москве посылать, ко царю подавать!
Ко Москве нам иттить, —
Нам и правыми быть,
Правыми быть, — виноватыми слыть.
Ну-ка, ребята, по своим домам!
Заставим мы жеп банюшки топить,
Банюшки топить, свои спинушки
лечить.

Раны на нас не копейчатые,
Раны на нас — всё дубинный шлях. —

Песня записана в бывш. Орловской губ., ныне области.
[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. IX, М. 1872.
Дополнения, стр. III—V.]

20. ПЕТРОВЫ НОВОБРАНЦЫ НА ВОРОБЬЕВЫХ ГОРАХ.

(в Москве)

За славною рекою за Москвою,
За высокими горами Воробьёвы,
Пролежала тут широкая дорожка;
Широкím-то она, дороженька, не
широ́ка,
А пробоем-то она, дороженька, не
пробойна.
Уж по той-ли по дорожке по широкой
Еще шли-прошли солдаты новобраны.
Илучи́ они, солдаты, сами плачут,
Во слезах они дороженьки не видят,
Во възрыданьице словечушка не молвят:
— Что гораздо мы пред богом согрешили,
Государя мы царя распрюгневили:
Уж как отдал нас не русскому началу,
Что нъ русскому начальнику, — немчину:
Он и бьёт-губит солдатушек напрасно. —

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. IX, стр. V—VI,
дополнения. Перепечатка из песенников XVIII в.]

21.

В тем сударыня¹ простила,
 Жить по старому пустила.
 Полтора года страдали,
 Всё даря себе искали.
 Нашли себе дари —
 Донского казака,
 Емельяна Пугача,
 Сын-Ивановича.
 Он со силой собрался,
 Под Гурьев поднялся.
 Стрельба была не сносна,
 Стоять было не можно.
 Он видит, что не взять —
 Воротился взад.
 С большой силой собрался,

Под Яик поднялся.
 Под Яик подходил,
 Баталипу сочинил.
 Они зачали палить,
 Силу-армию валить.
 Из Яика-городка
 Протекала кровью река,
 Круты горы закачались,
 Сыра земля затряслась;
 Сыра земля затряслась,
 Мелка рыба вниз пошла,
 Мелка птишка со гнезда.
 Мелка птишка со гнезда²
 Укрепила Пугача
 Сын-Ивановича.

Песня записана Языковым в Головинне, бывш. Симбирской губ.,
 ныне Куйбышевской обл.
 [«Песни, собранные П. Киреевским», вып. IX, М. 1872,
 стр. 245—246.]

22.

Из-за леса-леса тёмного
 Не бела зоря занималася,
 Не красно солнце выкаталося:
 Выезжал туто добрый молодец,
 Добрый молодец, Емельян козак,
 Емельян козак сын Иванович.
 Под ним добрый конь-сив-бур-шахматный,
 Сива гривушка до сырой земли.
 Он идет-спотыкается,
 Вострой сабелькой подпирается,
 Горючим слезьми заливается:
 — Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься?
 Али чаишь над собой невзгодушку,
 Невзгодушку, кроволитьеде?
 Мы блися троя суточки,
 Не пиваючи, не едаючи,
 Со добра коня не слезаючи...

Песня записана в бывш. Оренбургской губ., ныне области.
 [«Песни, собранные П. Киреевским», вып. IX, стр. 217.]

Песня записана без окончания; в ней особенно ясно выражено сочувственное отношение к Пугачеву.

23.

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
 — Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иваныч,

¹ Государыня.

² Новобранцы, новые участники движения.

Много ли перевешал князей и бо́рей? —
 — Перевешал вашей братья семь сот семи тысяч.
 Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
 Я бы чипу-то прибавил, спину-то оправил,
 На твою-то бы на шею варóвинны¹ вожжи.
 За твою-то бы услугу повыше подвесил! —
 Граф и Панин испужался, руками шибался:
 — Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
 Поведите-повезите в Нижний городочек,
 В Нижнем объявите, в Москве покажите! —
 Все Московски сенаторы не могут судити.

Песня записана в Головине, бывш. Симбирской губ., ныне Куй-
 бышевской обл., Языковым.

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. IX, стр. 248.]

24. О ВОЙНЕ 1812 ГОДА.

Не в лужах-то вода поляя разливалась:
 Тридцать три кораблика во поход пошли,
 С дорогими со припасами — свинцом-порохом.
 Французский король дарю Белому отсылается:
 «Припаси-ка ты мне квартир-квартир, ровно сорок
 тысяч,

Самому мне, королю, белые палатушки.
 На это наш православный царь призадумался,
 Его царская персонушка переменялася.
 Перед ним стоял генералушка — сам Кутузов.
 Уж он речь-то, говорил, генералушка,
 Словно как в трубу трубил:
 «Не пужайся ты, наш батюшка, православный царь!
 А мы встретим злодея середí пути,
 Среди пути, на своей земли,
 А мы столики поставим ему — пушки медные,
 А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
 На закусточку поставим — каленых картеть;
 Угодать его будут — канонерушки,
 Провожать его будут — всё козачушки».

[Бывш. Тульская губ., Ефремовский у., ныне Тульская обл.
 «Песни, собранные П. Киреевским», вып. X, М. 1874,
 стр. 1—2.]

25—26. ОБ АРАКЧЕЕВЕ.

25.

ГЛАС ВОИЮЩЕГО В ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ.

Жизнь в военном поселении —
 Настоящее мученье,
 Только не для всех!

Поселяне голодают,
 Зато власти поживают
 Очень хорошо!

¹ Варовые, т. е. помягче и порастяжнее.

Для полков здесь — заточенье,
 Голод, холод, изнуренье —
 Хуже, чем в Крыму.
 Здесь ячмень дают уланам,
 А рожь прячут по карманам —
 Так заведено.
 В ряд по струнке, как солдаты,
 Поселянские здесь хаты,
 Все по чертежам.
 Чисто прибрано снаружи,
 А внутри... едва ли хуже
 Можно отыскать.
 Комитеты, магазины,
 Образцовые овины —
 Только на показ.
 Окружные, областные —
 Все мошенники такие,
 Каких не найдешь.
 Казначей, аудиторы
 И квартирмейстры — все воры.

.....

Писаря — капиталисты,
 Мрут, как мухи, кантонисты,
 Воздух, вишь, такой!
 Хлеб казенный не родится,
 Зато собственный спорится —
 Некуда девать!
 Страшно плохи лазареты,
 Зато собствены кареты
 У смотрителей.
 Люди в поле убирают,
 Здесь же графа ожидают,
 Площади метут.
 Офицерик-оборванец

Записана в бывш. Херсонской губ. [«Русская старина», 1872,
 ноябрь, стр. 591—593.]

По складу своему песня позволяет думать о литературном происхожде-
 нии ее.

Первый был в полку,
 По уши в долгу, —
 А как здесь пообживется,
 Всем на свете заведется,
 Брюхо отростет.
 А спросите у любого:
 — С содержанья небольшого
 Как живете вы? —
 — Хотя сами не богаты,
 На богатых мы женаты,
 Этим и живем. —
 Им пример — начальник штаба,
 Он же строил, ведь, дворец.

 На те денежки дворцовы
 Взял именьище Чернова —
 Вот вам образец!
 Из полков завод исправил,
 Тем доходец поприбавил,
 Ай да молодец!
 Ведь Панаев генерал
 Для следствия приезжал,
 Было, плут, струхнул,
 Долги руки помогли,
 Все к порядку привели —
 И концы к чертям!
 Вот пасторовы детишки
 Добывают так чинишки,
 А починочку — в карман!
 Жизнь в военном посменье —
 Настоящее мученье,
 Только не для всех.
 На бумаге все прекрасно,
 А на деле так ужасно,
 Хоть не говори.

26.

Бежит речка по песку
 Во матушку во Москву,
 В разорёну улицу,
 К Аракчееву двору.
 У Ракчеева двора
 Тута речка протекла,
 Бела-рыба пущена.
 Тут и плавали-гуляли

Девяносто кораблей:
 Во всякнем корабле
 По пятисот молодцов,
 Гребцов-песенников.
 Сами песенки поют,
 Разговоры говорят,
 Все Ракчеева бранят:
 — Ты, Ракчеев, господин,

Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил,
Дорóженьки проторил,

Он канавушки прорыл,
Берёзами усадил,
Бедных людей прослезил! —

Песня записана А. С. Пушкиным в бывш. Псковской губ., ныне Калининской обл.

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. X, М. 1874, стр. 211—212.] Песня частично является переложением более ранних песен о князе Гагарине [см. Киреевский, вып. VIII, стр. 297—302].

Использована В. Г. Короленко в рассказе «В-облачный день».

РАССКАЗЫ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦАХ И СОБЫТИЯХ.

ПРО ПАНОВ.

Когда Гришка Отрепьев водарился, то Марина приказала ему звать в Москву поляков. Открыто им въезжать в город было нельзя, и поляков стали возить в бочках, по три-четыре человека в бочке. Много-ли, мало-ли навозили, но один раз везли бочки с поляками по Москве, а навстречу шел дьячок, к заутрени благовестить. Увидел бочки и спросил: «Што везете?» — «Мариново придано». Дьячок ударил посохом по бочке, поляки и заговорили. Дьячок побежал на колокольню и стал звонить в набат. Кинулся народ, и поляков перебили. Те поляки, что были привезены раньше, испугались и убежали из Москвы.

Бежали куда глаза глядят, часть добежали до Выгозера, поселились на одном острове, и устроили городок¹, и стали грабить народ. На Деревенском наволоке жил тогда один житель — Койка. Паны разбойники с Койкой ознакомились, к нему въезжали и Койку пока не трогали. Но полякам не нравилась жена Койки, злая и зубастая старуха. Вот они и собрались убить ее. Койка как-то ушел в лес, паны понаехали, а старуха догадалась, забилась под корыто и лежит. Паны искали, искали, не могли найти и говорят между собой: «Куда к чорту девалась эта зубатая старуха!» Старуха под корытом и не вытерпела: «Да, я слово против слова ответить знаю».

Паны вытащили старуху из-под корыта и убили. Раззадорились, пошли искать и Койку; поймали и его хотели убить. Койка и говорит: «Что вам меня убивать, у меня ведь денег нету, я лучше вас отвезу к Надвоицам. Там богато живет Ругмак, у него денег много». Паны согласились. Койка посадил их в лодку и повез. Когда стали подъезжать к Надвоицам, Койка панам и говорит: «Смотрите, там много народу, надо подъехать скрытно. Я заверну вас в парус и скажу, что везу на мельницу хлеб». Паны согласились. Койка завертел их в парус и положил на дно лодки.

Когда подъезжали к Падуну², на Выг-реке, Койка выскочил из лодки на камень, лодку подтолкнул в Падун и закричал: «Ну, теперь,

¹ На Выгозере есть остров Городовой.

² Падун — водонад на Выг-реке.

вставайте!». Папы вскочили и увидели, что перед ними Падуны; остановить лодку не могли, все в Падуны потонули.

Койка знал, что на одном острове у папов деньги в котле закопаны, съездил на остров, выкопал котелок¹, а с Деревенского наволока переехал на то место, где теперь погост. Койкинцы от него и пошли².

[Н. Е. Оичуков. — Северные сказки, СПб., 1908, стр. 500—502, № 232 а.]

По словам собирателя, рассказы о «панах» довольно многочисленны.

О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ.

1.

Сенька Разин был из казаков из донских. Когда он предается нарочи³. Возьмет нитки, как лодке быть, и сядут в нее, и под нее плеснет ложку воды, и поплывут из острога по городу, и песни поют. — Он, по-нашему, как бы как дьявол был. Стреляют в них, стреляют, стреляют. «Стой-ко-те!» — кричит его сила. Перестанут стрелять; они снимут с себя одежды, повытряхнут пули и отдадут назад; а сами стреляют, как «прядь» делают⁴. Сенька заговаривал от пуль.

Слава о его похождениях и о хорошей жисти у него была на всю Россию. Вместе с бродяжной, вольной народ ходил к нему нарочи.

Шел купец, две бочки вина положил на лодку. Разинцы остановили. Пристал. Товары набрасывают, набрасывают себе в добычу. Купец смекает, так весь товар выбрасают. «Стой-те», — говорит, — «братцы, у меня две бочки вина есть». — «А, вино есть! Клади товар в лодку, выкатывай вино-то».

Как пошел купец, его лямошник снял лямку и говорит купцу: «Прощай, не то иду к Сеньке»...

Приходит: «Возьмите меня». — «А мы таких и ищем!» Одели его, как купца, а стару лапоть побросали в огонь.

Сенька Разин из осилков был. Помер своею смертью.

Вот как не стало Сеньки, его товарищи пели:

Не спасибо тебе, матушка Волга-река, —
Исподелала часты городочки,
Испоставила крепки караулы...

Записано А. А. Макаренко в дер. Кежемская Заимка от крестьянина В. И. Сизых, 60 лет.

[А. А. Макаренко. — Сибирские песенные старины. «Живая старина», вып. II, 1907, стр. 40.]

2.

Степка Разин на своей кошме-самолетке-самоплавке перелетал с Дона на Волгу, а с Волги на Дон. На Дону было у него место, называется камень, а на Волге был у него бугор. Пограбит суда на Волге — полетит на Дон. Не было спуска ни царским судам, ни

¹ На Выг-озере есть остров Котельный.

² Есть селение Койкинцы.

³ Нарочно, для видимости.

⁴ Стреляют беспрерывно.

куческим, ни большим, ни мелким: со всех судов Стенька брал подать; а кто вздумает обороняться, тех топил, а господ больших ловил да в тюрьму сажал. Вот и шлет к нему сам царь: «Зачем,—говорит,— ты царских судов не пропускаешь?» А Стенька говорит: «Я мол, ваше царское величество, не знаю, какие есть суда царские, какие нецарские». Царь приказал на всех царских судах ставить гербы. Стенька поэтому не трогал их и пропускал, и дани не брал. Царь за это прислал к нему в подарок шапку. Только тогда купцы сговорились, да и на свои суда стали ставить гербы, а Стенька, как это узнал, и говорит: «Нельзя разобрать, какие суда есть царские, какие нецарские!» — и опять со всех судов стал брать дань.

Много лет он таким образом летал с Дона на Волгу, с Волги на Дон; а взять его никаким войском нельзя было, для того что он был чернокнижник. Потом собрал он шайку и поплыл в Персию, и воевал он там два года, и набрал так много богатства, что и счесть и сметить невозможно, а как ворочался, в Астрахани воеводы не хотели пропустить его. Стенька говорит: «Пропустите меня воеводы; я вам ничего дурного не сделаю!» Воеводы-таки не пропустили, а велели палить на него из ружей и из пушек, только Стенька, как был чернокнижник, — его нельзя было дойти ничем; он такое слово знал, что ядра и пули от него отскакивали. Тогда подманила его девка Маша, как в песне поется, — но и тут Стенька улизнул от беды, и за эту штуку не простил воеводам. На другой год он пришел в Астрахань с войском и осадил кругом город. А в Астрахани жили больше все неверные. Стенька приказал палить холостыми зарядами и послал сказать, что жалеет православных христиан, а просит, чтоб христиане отворили ему ворота. Христиане и отворили ворота; он, как пошел, всех неверных ограбил, а иных до смерти побил, и воевод побил за то, что его не пропускали, как он ворочался из Персии, а христианам ничего худого не сделал. Тогда был в Астрахани митрополит; стал он его, Стеньку, корить и говорить ему: «Вишь, какая у тебя шапка — царский подарок; надобно, чтоб тебе теперь за твои дела царь на ноги прислал подарок — кандалы». И стал его митрополит уговаривать, чтоб он покался и принес повинную богу и государю. Стенька осерчал на него за это, да притворился, будто и в самом деле пришел в чувствие и хочет покаяться, и говорит митрополиту: «Хорошо, я покаюсь; пойдем на соборную колокольню; я стану с тобой вместе и оттуда перед всем народом принесу покаяние, чтоб все видели, да и тоже покаюсь». Как взойшли они на колокольню, Стенька схватил митрополита поперек, да и скинул вниз. «Вот, — говорит, — тебе мое покаяние!» За это его семью соборами прокляли! Товарищи его как узнали, что он семью соборами проклят, связали его и отправили в Москву. Стенька, едучи, сидит в железгах, да только посмеивается. Привезли его в Москву и посадили в тюрьму. Стенька дотронулся до кандалов разрывом-травой — кандалы спали, потом Стенька нашел уголек, нарисовал на стене лодку, и весла, и воду, — все как есть, да, как известно, был колдун, сел в эту лодку и очутился на Волге. Только уж не пришлось

ему больше гулять. Ни Волга-матушка, ни мать сыра земля не приняли его. Нет ему смерти. Он и до сих пор жив.

Одни говорят, что он бродит по городам и лесам и помогает иногда беглым и беспаспортным. Но больше говорят, что он сидит где-то в горе и мучится.

Сообщено Н. И. Костомаровым.

[Н. И. Костомаров. — Бунт Стеньки Разина, М. 1863, стр. 377—379.]

О ПЕТРЕ I

Как только время свободное ему от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выведывал о их мастерстве: все научиться хотелось всему. Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водки, а его не подчует. «Ты, видно, ничего не умеешь?» — спрашивает. — «Что больно обтрепан?» — «Нет», — говорит, — «умею вот такое-то ремесло». — «А как вот эту вещь делать?» — «Так вот», — говорит. «Врешь!» — «Нет, ты врешь!» Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что он врет. Петр остался этим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал; и наполнил мастерового в доск.

[Садовников, стр. 371—372, № 114а.]

Рассказы о Петре I стали возникать и ходить в народе очень рано.

Вот рассказ о Петре I, сообщенный историком С. М. Соловьевым [см. «Песни, собранные П. Киреевским», вып. VIII, стр. 342—343]: «704 года гулящий человек Никита Мияин в Преображенском объявил, — дворцового повара Якова Чуркина жена при нем говорила:

«Как государь и его ближние люди были за морем, и ходил он по Немецким землям, и был в Стекольном,¹ а в Немецкой земле Стекольное царство держит девица. И та девица над государем ругалась, ставила его на горячую сковороду и, сняв со сковороды, велела его бросить в темницу. И как та девица была именинница, и в то время князи ее и бояре стали ей говорить: „Пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государыня!“ И она им сказала: „Подите, посмотрите: буде он валется, и для вашего прошения выпущу“. И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: „Томен, государыня“. И она им сказала: „Коли томен, и вы его выньте“. И они его вынув, отпустили.

«И он пришел к нашим боярам, и бояре перекрестились, сделали бочку и в ней набили гвоздья, и в тое бочку хотели его положить. И про то уведомил стрелец и прибежал к государю к постеле и говорит: „Царь-государь, изволь встать и выйти! Ничего ты не знаешь, что над тобою чинитца“. И он, государь, встал, и вышел, и тот стрелец на постелю лег на его место: и бояре пришли, и того стрельца, с постели схвати и положи в тое бочку, бросили в море».

¹ В Стокгольме.

Когда поймали Пугача и засадили его в железную клетку, скованного по рукам и ногам в кандалы, чтобы везти в Москву, народ валма-валил и на стоянки с ночлегами и на дорогу, где должны были провозить Пугача, — взглянуть на него; и не только стекался простой народ, а ехали в каретах разные господа и в кибитках купцы.

Захотелось также взглянуть на Пугача и Салтычиха. А Салтычиха эта была помещица злая-презлая, хотя и старуха, но здоровая, высокая, толстая и на вид грозная. Да как ей не быть было толстой и грозной: питалась она — страшно сказать — мясом грудных детей. Отберет от матерей, от своих крепостных, шестинедельных детей, под видом, что малютки мешают работать своим матерям, или другое там для виду наскажет, — господам кто осмелится перечить? И отвезут-де этих ребятишек куда-то в воспитательный дом, а на самом-то деле сама Салтычиха заколет ребенка, изжарит и съест.

Дело было под вечер. Остановился обоз с Пугачом на ночлег; приехала в то же село или деревню и Салтычиха: «Дай-де и я погляжу на разбойника-душегуба, не больно-де я из робких». Молва уже шла, что когда к клетке подходил простой народ, то Пугач ничего не разговаривал; а если подходили бары, — то сердился и ругался. Да оно и понятно: просто черный народ сожалел о нем, как жалеет о всяком преступнике, когда его поймают и везут к наказанию, — тогда как, покуда тот преступник ходил по воле и от его милости не было ни проходу пешему, ни проезду конному, готов был колья поднять, — сожалел по пословице: «лежачего не бьют»; а дворяне более обращались с укорами и бранью: «что, де, разбойник и душегуб, попался!»...

Подошла Салтычиха к клетке; лакейки ее раздвинули толпу. «Что, попался разбойник?» — спросила она. Пугач в ту пору задумавшись сидел, да как обернется на зычный голос этой злодейки, и богу одному известно, слышал ли он про нее, видел ли, или просто-напросто не понравилась она ему зверским выражением лица и своей тушей, — да как гаркнет на нее; застучал руками и ногами, индо кандалы загремели; глаза кровью налились: ну, скажи, зверь, а не человек. Обмерла Салтычиха, насили успели живую домой довести. Привезли ее в имение, внесли в хоромы, стали спрашивать, что прикажет, а она уже без языка. Послали за попом; пришел батюшка; видит, что барыня уж не жилица на белом свете, исповедывал глухую исповедью; а вскоре Салтычиха и душу грешную богу отдала. Прилетели в это время на хоромы ее два черные ворона... Много лет спустя переделывали дом ее и нашли в спальне потаешную западную и в подполье сгнившие косточки.

[«Живая старина», вып. II, 1890, стр. 139—140.] Из бывш. Луюковского у., Нижегородской губ., ныне Горьковской обл.

О Пугачеве ходили также рассказы среди различных народностей, принимавших участие в его движении. Вот один из таких рассказов:

МОРДОВСКОЕ ПРЕДАНИЕ (РАССКАЗ СТАРУХИ).

— Ух, сынок, — говорит старуха. — На моей памяти была баба Цебарка; она умерла двухсот лет, она хорошо помнила пугачевское время. В старину (бывало) Цебарка выйдет на улицу, сядет на завалинку и скажет: «Эй, соберитесь-ка близ меня, послушайте меня, что я расскажу вам о пугачевском времени». Народ соберется, стоит вокруг Цебарки и слушает. Цебарка начнет рассказывать: «Когда придут пугачевцы, мы все спрячемся. Пугачевцы видят, что никого нет, начнут нас манить: «Хорошенькие женщины, добрые женщины, выходите. Пугачев ушел назад, кубанды-собаки ушли назад». А мы знаем, что они заманивают, не выходим. Потом мы привыкли, стали жить с пугачевцами в одном месте. Пугачевцы крестьян не трогали, они очень не любили господ. Лишь только Пугачев найдет барина, он срубит ему голову и бросит, словно собаку. Господа видят, — дело плохо, начали одеваться по-крестьянски. А крестьяне сердиты на господ, скажут Пугачеву про барина. Пугачевцы подойдут к барину и спросят его: «Ты кто?» — «Я крестьянин», — скажет барин. — «Покажи-ка свои руки», — скажет пугачевец. Барин покажет. — «Твои руки больно белые, тебя надо повесить», и повесят барина.

Таким образом пугачевцы перевешали всех господ. За то спасибо пугачевцам. Куда бог прикажет им итти, там пусть они увидят хорошее...

[А. А. Шахматов. — Мордовский этнографический сборник, СПб., 1910, стр. 55—56. Запись 1905—1906 г.]. Сухой Карабулак, бывш. Саратовского у., ныне Саратовской обл.

АРАКЧЕЕВ.

Аракчеев был очень суровой господин — собака! У его была чернокнижица полюбовница, которая имела над ним власть. В своих книгах читала и знала все, что делается. Ее давно хотели убить, но с книгами не могли. Один раз книги украли и ее бросались убивать, она за книги — их нет. Так и умерла. Аракчеев тогда все бросил, все дела и убежал.

Рассказал Н. П. Охутин, 80-летний старик из дер. Роговской, бывш. Кирилловского у. (ныне Вологодской обл.).

[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 297, № 163.]

БАЛЛАДНЫЕ ПЕСНИ.

Под именем балладных песен мы выделяем эпические песни повелительно-эпического характера. Песни эти частично близки к былинам и нередко относились к числу былин, особенно новгородских (например, песня о «Госте Терентии»). Другие балладные песни близки к историческим песням XVII—XVIII вв. и являются выражением крестьянских антикрепостнических настроений (такова, например, знаменитая песня о Ваньке-Ключнике).

1. ГОСТЬ ТЕРЕНТИЙ.

Ой, ты гой еси, Терентий гость,
Славен ты, богат человек!
У тебя, дикать, жена молода
Оленушка Клементьевна,
Клементьевна-Демснтьевна.
Ее с вечера недуги берут,
К полуночи ее немочь бьет,
К белой заре лихорадка трясет;
Немочь-то черная,
Лихорадка красная:
Пухотá, подживóтна скорбь.
Тут возговорит жена молода
Оленушка Клементьевна:
— Ой, ты гой еси, Терентий гость,
Ты славен-богат человек!
Что ты мастерóв не спрашиваешь,
Подмастерьев не допытываешь? —
Тута Терентий гость
Встает п' утрú рапёхонько,
Обувается гладёхонько,
Умывается белёхонько,
Надевает шубу новую;
Он пошел по Нову-городу,
Он стал протíво хреста,

Протї хреста, протїв чуднова,
 Протї чудна Остафейскова,
 Навстречу ему скоморохи,
 Скоморохи, люди вежливые,
 Люди вежливы-очестливые;
 Они взглянутся — улыбнутся,
 А отвернутся — рассмѣхнутся.
 Тут возговорит Терентий гость:
 — Ой, вы гой еси, скоморохи,

Скоморохи пляшут и поют перед Олгарием песню о даре
 Михаиле Федоровиче
 (Олгарий. — Описание путешествия по Московии) XVII в.

Скоморохи, люди вежливые,
 Люди вежливы-очестливые!
 Вы много по земле ходокі,
 Вы много всем скорбїям знатокі,
 Вы скорби ухаживате,
 А недуги уговаривате!
 У меня, братцы, жена скорбнїа,
 Оленушка Клементьевна,
 Клементьевна-Дементьевна;
 Ее с вечера недуги берут,
 В полуночь черна немочь бьет,

К белой заре лихорадка трясёт. —
Их тута скоморохи
Сглянутся — улыбнутся,
Отвернутся — рассмѣхнутся:
— Ой, ты гой еси, Терентий гость,
Славен-богат человек!
Ты поди-ка во холщѣвой ряд,
Купи холщѣвой мех,
Ты не дорого — три денежки дай,
А мочалище — полденежки:
Стало — без полушки грош.
Садися в холщѣвой мех! —
Пошли они к Терентью старому,
К Оленушке Клементьевне,
Клементьевне-Дементьевне,
Встречат их молода жена,
Оленушка Клементьевна:
— Ой, вы гой еси, скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливые-очестливые!
Не видали ли немѣлово мово,
Терентья старого,
Терентья богатого? —
И тут скоморохи
Взглянутся — улыбнутся,
А отвернутся — рассмѣхнутся:
— Мы видели немѣлово твово,
Терентья старого,
Против хреста, проти чудного,
Проти чудна Остафейского;
Его вороны потаскивают,
Черпѣ кобели поволакивают! —
Возговорит жена молода,
Оленушка Клементьевна:
— Избыла де я немѣлово свово,
Терентья старого,
Терентья богатого,
Нажила я свою волюшку! —
Тут возговорят скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы-очестливые:
— Ты слышишь ли, мешок,
Ты слышишь ли, холщѣв,
Что про тебя говорят,
Про твою буйну головушку? —
Он стал в мешке потягиваться,
Стал поволакиваться:
Холстинушка разорвалась,
А мочалище порвалось.

Встает тут Терентий гость
На свои на резвы ноги,
Он берет трость жимолосну,
Половина свинцу налита;
Он стал скорби ухаживати,
Стал недуги уговаривати.
Тут возговорят скоморохи,
Скоморохи, люди вежливые,
Люди вежливы-очестливые:
— Ой, ты гой еси, Терентий гость!
Ты сам скорби ухаживаешь,
А недуги уговариваешь! —

Песня записана в бывш. Симбирской губ., ныне Куйбышевской обл. [«Песни, собранные П. Киреевским», вып. VII, стр. 48—51.]

Широко распространенный анекдотический сюжет, известный и в виде сказок [см., например, Афанасьев. — Народные русские сказки, № 240].

2. ВАНЬКА-КЛЮЧНИК.

Во Москве было у князя Волконского,
Тут живет да поживает Ваня-Ключничек,
Молодые-то княгини полюбовничек.
Как год живет, другой живет — князь не ведает.
На третий-то на годочек князь доведался,
Через ту ли через девушку-то сennую,
Через сennую, да через самую последнюю.
Закричал тут князь Волконский зычным голосом:
— Уж вы слуги мои, слуги, слуги верные!
Вы сходите, приведите Ваню-Ключника. —
И стал же князь Ванюшу да расспрашивать:
— Ты скажи-ко мне, Ванюша, скажи правду всю,
Ты который год с княгиней во любви живешь? —
На первый-от раз Ванюша не покался.
Он расспрашивал Ванюшу ровно три часа.
Что уж тут-то наш Ванюша и покался.
Закричал же князь Волконский громким голосом:
— Уж вы слуги мои, слуги, слуги верные!
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный двор. —
Повели же тут Ванюшу широким двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрийская рубашка ровно жар горит,
Козловы новы сапожки поскрипывают.
У Иванушки кудеречки рассыпаются,
А идет-то сам Ванюша, усмехається.
Привели же тут Ванюшу на конюшный двор,
Там и начали Ванюшеньку наказывать.
Александрийская рубашка с телом смешана,
Казимирова сибирочка вся изорвана,

Что русые-то кудеречки прирастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.
Закричал же наш Ванюша громким голосом:

Уж ты барин ли наш, барин, ты Волконский
князь!

Поставлено зелено вино — кто не пьет его?
Приготовлены закусочки — кто не кушает?
Как у нас-то с княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было попито,
Приготовленных закусок покушано! —
Закричал же князь Волконский громким голосом:
— Уж вы слуги мои, слуги, слуги верные!
Вы копайте-ка две ямы, две глубокие,
Становите-ка два столба, два высокие,
Перекладину кладите вы кленовую,
Вы повесьте тут Иванушку изменника,
Молодые-то княгини полюбовника! —
Что Иванушка во петельке качается,
А княгиня-то в тереме кончается.

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. Шейн, стр. 240, № 886.]

Одна из популярнейших песен (свыше 20 текстов приведено в томе I собрания Соболевского). Историческая основа ее точно не установлена, но песня упорно называет Москву, князя Волконского, иногда улицу Дмитровку и т. п.; повидимому, она тесно связана с конкретным историческим фактом.

Старинная песня была литературно обработана поэтом В. Крестовским, и эта обработка, в свою очередь, проникла в фольклор и получила широкое распространение (причем текст Крестовского сокращается и изменяется). Приводим одну из записей песни в ее новом виде:

Что не ягода лесная
Спела, зрела и красна, —
Одна княгиня молодая
С князем в тереме жила.
Как у князя был Ванюша,
Кудреватый холостой,
Ваня ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
Он не даривал княгиню
Не батистом, кумачем,
А подарил Ваня княгиню
С руки перстень золотой.
Князь дознался, догадался,
Не давал жену в позор.
— Вы слуги мои, холопы,
Слуги верные мои!
Вы подите приведите
Ваню ключника ко мне! —
Что ведут, ведут Ванюшу,
Ветерочком кудри вьет.
Князь выспрашивал княгини:

— Что такое у тебя? —
А потом спросил Ванюши:
— Сколько лет знаком с женой? —
— Не скажу я вам всей правды,
Всей я правды не скажу,
Про то ведают подушки
Да пуховая постель. —
— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Чем ты даривал её? —
— Я ничем ее не дарил,
Только делал по ее. —
— Вы слуги мои, холопы,
Слуги верные мои!
Вы сходите в чисто поле,
Вы там врите столбы,
Вы повесьте там Ванюшу
На шелковом поясу!
Пусть завянет там Ванюша,
Как травинка на меже,
Пусть княгиня помирает
Во светлице на ноже! —

[Бывш. Костромской губ., ныне Ивановской обл., Шейн, стр. 238,
№ 882.]

Время проходит, время летит,
 Время проводит, ничто не льстит.
 Любила княгиня камер-лакея,
 Любила она четыре года;
 На пятом году князь догадался,
 На княгиню прогневился:
 — Слуги мои, слуги вы верные, нелицемерные!
 Вы поймите камер-лакея,
 Вы поймите молодого,
 Руки, ноги вы свяжите
 И вы бросьте в тое реку,
 В тое реку во Смородинку! —
 Княгиня догадалась,
 Молодая стосковалась;
 Разболела, захотела свежей рыбы,
 Свежей рыбы, белужины:
 — Слуги мои верные,
 Слуги мои нелицемерные!
 Возьмите вы шелковый невод,
 Поймите мне свежей рыбы,
 Свежей рыбы, белужины! —
 Сколько ловили, не изловили;
 Только поймали белое тело,
 Белое тело камер-лакея,
 Камер-лакея молодого.
 — Не кладите вы на землю,
 Вы положите на скамью,
 Вы несите во светлицу,
 Отворьте-откройте двери, окошки!
 Подымитесь вы, буйные ветры!
 Вывейте из князя душу,
 Вы вложите в камер-лакея,
 Вы вложите в молодого! —
 Ее ветры не послушались,
 Из князя душу не вывели
 И в камер-лакея не вдували.
 — Ох вы, мои резвые ноги,
 Знать-то вы ко мне не находились!
 Ох вы, мои белые руки,
 Знать-то вы меня не наобнимались!
 Ох вы, мои очи ясные,
 Знать-то вы на меня не нагляделись!
 Ох вы, мои уста сахарные,
 Знать-то меня не нацеловались!
 Ох вы, мои цветные платья,
 Знать-то мне вас не носить!
 Ох вы, мои черные платья,

Знать-то мне вас надевати!
Знать-то мне цветное платье скидавати,
Надевать-то мне платье черное! —

Песня записана в бывш. Симбирской губ., ныне Куйбышевской обл. [«Песни, собранные П. Киреевским», вып. V, стр. 180.]
При пении каждый стих повторяется. Известны тексты в песенниках XVIII в. Первые две строчки взяты из стихотворения Сумарокова «Часы», или «На суету человека».

4.

Что под ельничком, да березничком,
Под частым, мелким орешничком,
Тут ходил, гулял, вороной конь, —
Трой сутки не кормлен был,
А две недели не поён стоял,
Черкаское-то седло на бок сбил,
Золотую узду в грязь втоптал,
А шелковой пояс изорвал.
Что у Сидора Потаповича
Солучилоя несчастье:
Жена мужа погубила,
Острым ножичком зарезала,
На ножичке сердце вынула,
На булатном оно встрепенулося, —
А шельма женка усмехнулася,
Во холодный погреб бросила,
Дубовой доской прихлопнула,
Черным чоботом притопнула, —
Сама ушла во нову горницу.
Она умылася белешинько,
Снарядилася хорошихонько,
Сама села под окошечко:
Поглядывать в окошечко.
Вот идут деверья милые:
— Невестушка, лебедь белая!
Что ты так поснарядилася?
Ты куда же брата девала?
Или ты его зарезала?
Ты снимай-ко платье цветное,
Надевай платье печальное
Да ступай-ко на суд праведный. —

[Бывш. Новгородской губ., ныне Ленинградской обл. Шейн,
стр. 241, № 891.]

5.

У ключа, ключа, ох, да у студеного,
У колодезя, ох, да у глубокого,
Молодой казак, ох, да не коня поил,
Не коня поил, ох, да жену губил.

Как жена мужу, ох, да взмолилася,
Ниже поясу, ох, да поклонилася:
— Ах ты гой еси, ох, да молодой казак!
Не губи меня, ох, да середь бела дня,—
Погуби меня, ох, да в темну ноченьку,
Чтоб добры люди, ох, да не видели,
Малы детоньки, ох, да спать улягутся.—
На утро дети, ох, да стали спрашивать:
— Ах, ты гой еси, ох, да родной батюшко!
Ты куда девал, ох, да нашу матушку?—
— Ваша матушка, ох, да в новой горнице,—
Она белится, ох, да румянится,
Ко божьей церкви, ох, да собирается.—
И пошли они, ох, да ко божьей церкви:
Перед образом, ох, да помолилися,
На все стороны, ох, да поклонилися,
Стали спрашивать:— Ох, да люди добрые!
Не видали ли, ох, да нашей матушки?—
— Пролетел здесь, ох, да черной ворон,
В когтях пронес, ох, да праву рученьку,
Праву рученьку, ох, да с золотым кольцом,
С золотым кольцом, ох, да вашей матушки.—

[Бывш. Пермской губ., ныне Свердловской обл. Шейн,
стр. 246—247, № 903.]

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ.

Отдел лирических песен чрезвычайно разнообразен по происхождению и по характеру. Сравнительно невелико число сохранившихся до нас песен собственно земледельческо-крестьянского характера, т. е. таких, в которых изображались бы условия крестьянского труда. Среди них следует особенно отметить песни, изображающие тяжесть крепостнического строя для крестьянства; близко примыкают к ним песни дворовых. Таких песен было, несомненно, много, но крестьяне не сообщали их собирателям, опасаясь наказаний, да и сами собиратели неохотно записывали подобные песни; наконец, царская цензура не пропускала эти песни в печать.

Значительно количество песен, связанных с такими социальными явлениями, как разбойничество, бурлачество, ямщичество, рекрутчина. И эти песни говорят о тяжести жизни крестьянства и о сочувствии к тем, кто выступал против крепостнического гнета.

Семейные (или бытовые) песни обыкновенно говорят о тяжелом положении женщины, на которую в крепостническом строе легли, по словам Некрасова, «три тяжкие доли»: «с рабом повенчаться, ... быть матерью сына-раба и... до гроба рабу покоряться». Отсюда — печальный тон этих песен.

Но народ, даже в самых тяжелых условиях, не терял бодрости и веры в свои силы. Поэтому мы встречаем немало песен бодрых, веселых, шуточных и юмористических. Звучат в них и ноты социальной сатиры, направленной против «господ» и попов. Многочисленны и богаты песни любовные.

В семейно-бытовых и любовных песнях более позднего времени (с XVIII в.) нередко проявляется воздействие литературы. Отсюда, в частности — и некоторые особенности поэтики песен (образы, символы, язык).

Однако в основе их лежит подлинное народное творчество, ярко образное и глубоко-эмоциональное. Тексты и мелодии народных лирических песен вдохновляли многих поэтов и музыкантов и послужили основой для создания замечательных произведений.

Только с ним ли, со любезным с тем дружком, рассталась.
При пути-то было, при широкой, при большой дорожки,
Там стояли новы высоки, новы покои.
Што ль в этих новых высоких, новых покоях
Сидел душечка, да удаленькой ли размолодчик;
Он оперся ли белой грудью, парень, на окошко;
Горючи слезы ронит парень за окошко.

[Бывш. Архангельской губ., Онежского у., ныне Архангельской обл. Ф. И. Истомин и Г. П. Дютш. — Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой, СПб., 1894, стр. 190.]

4.

По весне-то было, весне красныя,
Что по лету было по теплому,
На тихой вешной на заводи,
На свежей воде на ключевья,
Тут и плавала серая утица;
Не одна она плавала: с сизым селезнем.
Что да у сизого было у селезня
В три ряда косы заплеталися;
Во четвертый ряд косы по воде плывут,
По воде плывут, да по тихия,
По тихой лебединыя.
Не сами косы заплеталися:
Заплетала косы серая утица,
Что своим она правым крылышком,
Правым крылышком, сизым перышком.
У дородна было добра молодца
В три ряда кудри завивалися,
Не сами кудри завивалися:
Завивала их красна девица,
Что своей она правой ручушкой,
Золотым веретешечком.

[Гор. Мезень. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II, ч. 1, стр. 20, № 1250.]

5.

Мой сизой голубчик!
Ты зачем, для чего
В садик не летаешь?
Буйным ветром
Сизого относит,
Частым дождем
Крылья, перья мочит.
Мой миленькой,
Мой милой дружочик!
Ты почто, для чего

Редко в гости ходишь?
Твой отец и мать
Тебя не спускают,
Твой род-племя
Тебе запрещают.
Удалой молодчик
Сидел, посидел
Во темной темнице;
У той у темной,
У темной у темнице

Ни дверей нету,
Нету ни окошек;
Еще в ней нету
Ни красна крылечка, —
Только есть одна
Труба дымовая;
Из той трубы
Дым-от повеваает.
Меня молоду
Горе разбирает:
Пойду молода
С горя в зелен садик;
Пойду, возьму я
Ключи золотые,
Отопру я сундуки,
Ларды кованые,
Возьму денег я

Ровно сорок тысяч:
Стану дружка я,
Дружка выкупати,
Из неволюшки
Его выручати.
Ох! грозен судья,
Судья воевода!
Моя казны,
Казны не примаает.
Меня молоду
Горе разбирает:
Пойду молода
С горя в чисто поле,
Пойду, нарву я
Лютого коренья,
Буду, стану я
Судью опонти.

[Гор. Холмогоры. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II, ч. 1, стр. 7, № 1183. Запись 1843 г.]

6.

Улетает мой соколик (улетает далеко:
Отъезжает друг любезный в Питер, дальний городок!
Я не мало слез точила об голубчике своем,
Я не мало его просила: хоть немножко помани!
Не согласен моя радость, хочет бросить, (п)озабыть.
Я в те пор дружка забуду, когда скроются глаза,
Как закроют очи ясны тонким белым полотном,
И завейут очи ясны мелким желтеньким песком.
На свою я на могилку легкой птичкой прилечу,
И на эту на могилку тяжел камень положу;
Я на камушке срисую, на бумажке напишу,
На бумажке не простой, на гербовом на листу:
«Вы подруженьки, голубки, не любите никого!»

[Гор. Шенкурск, бывш. Архангельской губ., ныне области.
«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия»,
вып. II, ч. 1, стр. 36—37, № 1307.]

7.

Полно солнышко из-за лесу светить,
Не цветите в поле алые цветы!
Полно, девида, по молодде тужить!
— Уж как же не плакать, не тужить, —
Мне такого дружка во веки не пажить!
Вы молодчики молоденькие,
Вы дружки мои хорошенькие!
Ваши ласковы приятные слова,

Без огня вы мое сердце разожгли,
 Вы без ветру мои мысли разнесли.
 Разнесли мысли по чистым по полям,
 По зеленым садикам, лужкам,
 По уездным по далеким городам.
 Кто бы, кто бы моему горю помог?
 Кто бы, кто бы мое сердце взвеселил?
 Кто-б любезного с дорожки воротил?
 «Воротись-ко, мой любезный друг, назад!
 Меньше-б стало мое сердце тосковать,

Песня «Вечер поздно из лесочка».
 (Лубочное издание.)

Не сидела-б в новой горенке одна,
 Не лежала-б белой грудью на окно,
 Не ронила-б горькие слезы за окно,
 Не смотрела-б в чисто поле далеко».

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. Шейн, № 731.]

8.

Калинушка с малиною, лазоревый цвет,
 Уж как та веселая беседка, где мой милый пьет.
 Уж он пить не пьет, да голубчик мой за мной, младой, шлет.
 А я молода да младешенька замешкалася
 За тем, за сем да за делочком, за делом своим,

За утками да за гусями, за журонькой.
 Уж как журонька да по бережку похаживает,
 Шелковую он да травоньку пощипывает,
 Речные воды да холодные похлебывает,
 За реченьку да за быструю поглядывает.
 Как за реченькою да за быструю слободка стоит,
 Слободушка да не малая — четыре двора,
 Во каждом во дворике там по кумушке есть.
 «Вы, кумушки, голубушки, подружки мои,
 Кумитесь да любитесь, любите меня,
 Как пойдете во зелен сад, возьмите меня,
 Как станете да цветочки рвать, сорвите и мне,
 Как станете да веночки вить, совейте и мне.
 Пойдете на речку, бросайте венки, бросайте венки,
 Как станете бросать, бросайте и мой.
 Как все венки да поверх воды, а мой потонул,
 Как все друзья домой пришли, а мой не пришел».

[Дер. Смешково, бывш. Череповецкого у., Новгородской губ.,
 ныне Ленинградской обл. Е. Линева. — Великорусские песни
 в народной гармонизации, вып. II, СПб., 1909, стр. 21, № 10.]

9.

На лугах да на лугах зеленых,
 На травах да на травах шелковых,
 На цветах-то, цветах лазоревых,
 Выростала тут грушица зеленая,
 Расцветала ли яблоня кудрявая.
 Что под яблонью той было под кудрявою,
 Что под грушицей той было под зеленою,
 Молодец ли девушку журил-бранил,
 Он журил-бранил, девке наговаривал,
 Разговаривал девушку, обманывал:
 «Не ходи-тка, девка, молода замуж,
 Молода, девка, взамуж за старого.
 Что за старого, девка, за седатого!
 Не теряй-ка, девушка, своей красоты,
 Не расплетывай своей трубчатой косы,
 Не вылетывай ты ленты алыя,
 Ленты алыя, подаренныя, —
 Подареньице друга милого!»
 Не во пору дарил, не во время —
 На проходе-то дарил весны красныя,
 На пролетье-то дарил лета теплого,
 На зачине дарил осень грязныя...

[Гор. Мезень, бывш. Архангельской губ., ныне области. А. И. Со-
 болевский. — Великорусские народные песни, т. II, СПб.,
 1896, стр. 151, № 180.]

— Не сиди, девушка, поздно вечером,
 Ты не жги, не жги восковой свечи,
 Ты не шей, не шей бра́на полога,
 Ты не трать, не трать пусто золота!
 Не спать девушке в этом пологе,
 Тебе спать, девушка, во синём море,
 Во синём море на желтóm песке,
 Обнимать девушке круты́ берега́,
 Целовать девушке сер горюч камень!
 — Не серди меня, добрый мо́лодец!
 Ведь я девушка не безродная:
 У меня, девушки, есть отец и мать,
 Отец и мать, два братца милые.
 Я велю братца́м — подстрелить тебя,
 Подстрелить тебя, потребить душú.
 Я из косточек терем выстрою,
 Я из ребрышек по́лы выстелю,
 Я из рук из ног скамью сделаю,
 Из головушки яндову солью,
 Из суставчиков налью стаканчиков,
 Из ясных очей чары выпные,
 Из твоей крови наварю пива́.
 Созову я всех подруженек,
 Посажу я всех по лавочкам,
 Сама сяду на скамеечку.
 Вы подруженьки мои, голубушки!
 Загану́ я вам загадочку,
 Вам хитру́, мудру́, недогадливу:
 Во милóм живу, по милóм хожу,
 На милóм сижу, из милóва пью,
 Из милóва пью, кровь милóва пью. —
 Тут все девушки призадумались,
 Одна девица порасплакалась:
 Эта девица была — сестрица:
 — Говорила я братцу милому:
 Не ходи, милый, к девушке в слободу, —
 Что тебя девушка совсем сгубит. —

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. Шейн, № 751.]

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
 Во той во беседушке девицы сидят,
 Девицы сидят, речи говорят:
 — Лучина, лучинушка березовая!
 Что же ты, лучинушка, неясно горишь,
 Неясно горишь, не вспыхиваешь?

Али ты, лучинушка, в печи не была? —
 — Я была в печи вчерашней ночи,
 Дихая свекровушка воду пролила,
 Воду пролила, меня залила. —
 Сестрицы, голубушки, ложитесь спать:
 Ложитесь спать, вам некого ждать!
 А мне красной девиде всю ночьку не спать —
 Кровать убирать, мила дружка ждать;
 Убранни кроватушку, сама лягу спать.
 Первый сон уснула — без миленького;
 Второй сон уснула — без сердечного;
 Третий сон уснула — зоря белый день.
 Из-под белой зорюшки мой милый идет,
 Собольею шубочкой пошумливает,
 Пуховою шляпочкой помахивает,
 Сафьянны сапожки поскрывают;
 — Что же ты, добрый молодец, давно не пришел? —
 — Душа-красна девица, позамешкался:
 С угрюмой женой побранка была,
 Журила, бранила тебя и меня.
 А я ее бил, бил чуть живу пустил. —
 — Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
 С угрюмой женою тебе век вековать,
 Со мной, красной девицей — ночьку почевать. —

[Село Малое Болдино, бывш. Лукояновского у., Нижегородской
 губ., ныне Горьковской обл. Запись А. С. Пушкина. «Песни, со-
 бранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II, ч. 2,
 стр. 234, № 2555.]

12.

Ах да у соловушки крылья примахалися,
 Примахалися,
 Ах да сизы перушки, ах да поломалися,
 Поломалися.
 Ах да у молодчика кудри завивалися,
 Завивалися.
 Ах да теми ли кудерками девки дивовалися,
 Дивовалися.
 Дивовавши кудерками, замуж похваталися,
 Похваталися.
 Вышедши молодушкой, жизнью обижалися,
 Обижалися:
 «Ах да распроклятая жизнь наша замужняя,
 Жизнь наша замужняя.
 Ах да я у матушки жила, как цветок цвела,
 Как цветок цвела.
 Ах да я у батюшки жила, как венок плела,
 Как венок плела.

Ах да я молодужкой живу, как в огне горю,
Как в огне горю».

[Бывш. Смоленской губ., ныне области. Шейн, № 830.]

13.

✓ Спится мне, младшенькой, дремлетя,
Клонит мою головушку на подушечку;
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Хор

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает;
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая! —

Спится мне, младшенькой, дремлетя,
Клонит мою головушку на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Хор

Стучит-гремит, стучит-гремит,
Снохе спать не дает:
— Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая! —

Спится мне, младшенькой, дремлетя,
Клонит мою головушку на подушечку,
Мил любезный по сеничкам похаживает,
Легохонько, тихохонько поговаривает:

Хор

— Спи, спи, спи, ты, моя умница,
Спи, спи, спи, ты, разумница!
Загонена, забронена, рано выдача. —

[Гор. Тверь, ныне Калинин. Шейн, № 833; ср. «Кому на Руси
жить хорошо».]

14.

Вы раздайтесь, расступитесь, люди добрые.
Вы на все ли на четыре на сторонки,
Уж вы дайте мне, младеньке, погуляти,
Мне шелковые травы да потоптати,
Мне лазоревых цветочков посрыватьи,
Покудова батюшка-сударь замуж не выдал,
Покудова матушка-сударыня не сговорила
За того ли за детину, за невежу;

На кабак идет детина, скажет,
 С кабака идет невежа, восклицает:
 — Еще дома ли жена-то молодая?
 Отпирала бы жена да широки ворота!—
 Уж как я ли, молоденька, была тороплива,
 Поскорешенько с постелюшки вставала,
 И покрепче воротехки зашпирала,
 Посмелые со невежей говорила:
 — Ты поюй, поюй, невежа, за воротми!
 Тебе мягкая постеля— снегова пороха,
 А высокое згололье— подворотня,
 Шитой бранной положок— дятые звезды,
 Крепки, строги караулы— серые волки.
 Каково тебе, невежа, за воротми,
 Таково-то мне, младеньке, за тобою,
 За твоею за беспутной головою!—

[Гор. Шенкурск, бывш. Архангельской губ., ныне области. «Песни,
 собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II, ч. 1,
 стр. 31, № 1287.]

15.

Из ворот было воротечек
 Из новых было решешатых
 Выходили красны девушки,
 Что весной они на улиду гулять.
 Выносили красны девушки
 Соловьяшка на белых руках.
 Соловьяшка посовистывает,
 Красным девушкам наказывает:
 — Погуляйте, красны девушки,
 Во своей воле у батюшка,
 У родных у матушки.
 Неравно замуж выйдется,
 Неровен злодей навяжется:
 Либо старый удушливый,
 Либо младый невежливый,

Либо ровнюшка пьяница дурак,—
 Не отпустит на улиду гулять.—
 Я старя мужа потешила,
 На осинушку повесила,
 На осинушку на горьбую,
 На шипиду на колючую,
 На крапивушку жегучую,
 Пусть осинушка качается,
 Мой старый муж величается,
 Пусть осинушка обломится,
 Мой-от старый муж обрвется,
 О шипиду он околется,
 О крапивушку обожжется,
 В быстрой речке закупається,
 В свежей воде захлебается.

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. Шейн, № 888.]

16.

Я малешенек у матушки родился,
 Я глушешенек у матушки женился.
 Ой люли, люли, мальчик я родился.
 Я привел себе жену молодую,
 Словно яголку, ее, боровую.
 Повела меня жена к тестю в гости,
 Привела меня жена к березовой роще,
 Привязала меня жена к белой березе,

А сама-то и пошла, сама загуляла,
 Ровно девять-то денечков ко мне не бывала.
 На десятый-ли денечек пришла, приходила,
 Что такие-ли речи она говорила:
 — Хорошо-ли те, негодный, в пиру пировати? —
 — Государыня жена, мне уж не до пиру!
 Соловьишки головушку всеё расклевали,
 Комарики-сударики ножки обточили. —
 — Уж будешь ли, негодный, поить меня квасом? —
 — Государыня жена, стану я сытою,
 Что сытою, что сытою, сладкой медовою. —
 — Уж и станешь ли, негодный, кормить меня хлебом? —
 — Государыня жена, стану калачами. —
 — Уж и станешь ли, негодный, пускать меня в гости? —
 — Государыня жена, поли хоть и вовсе! —

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Шейн, № 861.]

17.

Ах, Парашенька, Парасковьюшка,
 Счастливая Параня,

таланливая! (—2)

Она растворит квашонушку на
 донышке,

Что на донышке во ведёрушке:

По уторам-то мука,
 Среди квашни-то вода.

Три недели квашня кисла,
 Квашня кисла не выкисла,

На четвертую неделю
 замолаживалась.¹

Ах, на пятую неделю
 Стала хлебушки валять.

Она по полу валяла,
 По подлабочью катала,

На печи пекла,
 Кочергой сгребла, (—2)

Кулаки прижгла. (—2)

Она склала в коробок,
 Поехала в городок

И расклала на полок.
 Ах, никто хлеба не кушит,
 И никто не торгует.

А Казанские кушцы

Пересмешливые:

Они хлеба не купили,
 Только цену-то набили.

Она склала в коробок,
 Поехала во домок.

Ах на встречу Паране
 Еще тот да иной,

Ах тот да иной,
 Дворянин молодой.

— Что, Паранюшка, везешь?

Что, Паранюшка, продаешь? —

— Я не камня везу,

Не кирпичи продаю,

Уж я хлебы везу:

Мяжки, беленькие,
 Востро-кисленькие. —

Приехала во домок,
 Склала хлебы в уголок.

У них сивая свинья-то
 Догадлива была,

Она хлебов тоже не ела,
 Только корочки измяла, (—2)

Три недели пролежала,
 На четвертой на неделе

Свою душу отдала.

[Бывш. Самарской губ., ныне Куйбышевской обл. Шейн, № 934.]

¹ Начала бродить.

На печке сижу,
 Посиживаю,
 Заплатки плачу,
 Приплачиваю,
 Все мужа браню,
 Прибраниваю:
 — Продай, муж, корову
 С лошадушкою!
 Купи, муж, шубейку —
 Всю на золоте,
 Опушку боброву
 Жемчужной бороть.¹
 А я соберуся —
 К обедне пойду.
 А люди-то скажут:
 «Чья така идет:
 Либо с барского двора,
 Либо земского жена?»
 От обедни приду —
 Пообедаю,
 На печке лягу,
 Погреюся. —
 Идет муж с двора,
 Несет воровины возжи,
 Воровины возжи,
 Несмоленный кнут.
 — Слезай, жена, с печки,
 Надевай хомут!

[Бывш. Владимирской губ., ныне Ивановской обл. Шейн, № 948.]

Уж ты, мать моя, матушка,
 Мать, бела лебедушка!
 Ты на что меня хорошу родила,
 Черноброву, приглядчивую?
 Мне нельзя к обедне сходить,
 Нельзя богу молитися,
 Добрым людям поклонитися.
 А на меня-ли люди зарятся,
 А попы-то запеваются,
 А дьячки-то зачитаются.
 Просвириши сын по церкви
 ходил,
 Он тихохонько на ножку ступил,

[Бывш. Самарской губ., ныне Куйбышевской обл. Шейн, № 587.]

Поедем, жена, в рошу,
 В рошу по дрова. —
 Приехал в целик,
 Наклад воз велик.
 Он в горку-то едет —
 Похлыстывает,
 А с горки-то едет —
 Подсвистывает,
 В деревню-то едет —
 Ребятам кричит:
 — Ребята, ребята,
 Кобылка добра!
 Кобылка добра —
 Великий воз везла. —
 Приехал ко двору,
 Выпрягал жену.
 Засыпал жене
 Сена и овса: (2)
 — Ешь, моя жена! —
 В скорое время
 Возмолилася:
 — Продай, муж, шубейку
 Всю на золоте,
 Купи, муж, коровенку,
 Хоть безрогишку,
 Купи, муж, лошадку,
 Хоть бесхвостиньку. —

Пол-осмины мне просвир посулил.
 Мне просвиры-то хочется,
 А полюбить-то не хочется.
 Полюбил меня из лавочки купец,
 Посулил он мне китаечки конец.
 Мне китаечки-то хочется,
 А полюбить-то его не хочется.
 Полюбил меня крестьянин
 молодой,
 Посулил мне свои соломы
 аржаной.
 Мне соломки-то не хочется,
 Полюбить его хочется.

¹ Борт (?), край.

Сговорила меня мать
 За крестьянина отдать.
 «Нейду, нейду, маменька,
 Замуж за крестьянина:
 С крестьянином жить — тру-
 диться,
 Рано встать, поздно ложиться,
 Сено косить, жито жать,
 С требухой в овин сажать.
 — Нейду, нейду, маменька,
 Замуж за крестьянина».

Сговорила меня мать
 За сапожника отдать.
 «Нейду, нейду, маменька,
 Замуж за сапожника:
 Сапожник вор, буян,
 С утра до вечера пьян,
 Жену морит голодом,
 Заморозит холодом.
 — Нейду, и т. д.».

Сговорила меня мать
 За солдатика отдать.
 «Нейду, нейду, маменька,
 Замуж за солдатика:
 Солдат — хоть будь строевой,
 С ним всегда ешь хлеб с водой;
 Часто пивом, медом поит,
 Торговать на рынок водит.
 — Нейду, и т. д.».

Сговорила меня мать
 За купчика отдать.
 «Нейду и т. д.:

Купец гадкий вор и плут,
 Через год будет банкрот,
 Его посадят в тюрьму,
 А я по миру пойду.
 — Нейду и т. д.».

Сговорила меня мать
 За поповича отдать.
 «Нейду и т. д.:

Будь он дьякон или поп,
 В камилавке протопоп:
 С требой ходит по ночам, —
 Не даст спать моим очам.
 — Нейду и т. д.».

Сговорила меня мать
 За штаб-лекаря отдать.
 «Нейду и т. д.:

С ним веселья вовсе нет:
 Смотри в спирт, да на ланцет;
 Он мне рвотного прибавит,
 На тот свет меня отправит.
 — Нейду и т. д.».

Сговорила меня мать
 За боярина отдать.
 «Иду, иду, маменька,
 Замуж за боярина:
 Жизнь боярина — что твой рай,
 То и дело, что гуляй, —
 В клуб, на бал,
 В театр катайся,
 Или дома забавляйся.
 — Иду, иду, маменька,
 Замуж за боярина».

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Шейн, № 580.]

21.

Сидела Катюшинька
 В новой горенки одна,
 Шила моя Катинька
 Тонки белы рукава,
 Вышивши рукавчики,
 В терем к батюшке пошла:
 — Родимый мой батюшка,
 Ты подумай обо мне! —
 — Думаю, подумаю:
 В монастырь, Катя, поди! —
 — Родимый мой батюшка,

В монастырь я не гожусь,
 На старой игуменье
 Всю рясу изорву,
 Молоду священнику —
 Ему в щеку запалю,
 Молодых монашенёк —
 А я всех их оскверню.
 Уж я всех оскверню. —
 Сватался к Катиньке
 Из Сан-Петербурга купец,
 Хвалил он, похваливал

Он свое житье-бытье:
 — У меня, у молодца,
 Полторасто кораблей! —
 — Думаю, подумаю:
 Я за этого пойду. —
 Сватался к Катиньке
 Из Москвы генерал.
 Хваливал, похваливал
 Он свое житье-бытье;
 — У меня, у молодца,
 Полторасто душ крестьян. —
 — Думаю, подумаю:
 Я за этого пойду. —
 Сватался к Катиньке

[Бывш. Вятской губ., ныне Кировской обл. Шейн, № 597.]

22.

А у мене мужичек с кулачек —
 Да поехал на ярмарочик.
 Ах люли, да полюли мои,
 В саду ягоды малиновыи!

(Припев после каждых двух стихов.)

Да купил мне коровушку
 На мою бедну головушку.
 Да купил мне коровушку рябу,
 До коровушки доёнушку нову.
 До коровы нужно рано вставать,

[Украина, бывш. Харьковской губ., ныне области. Шейн, № 611.]

Из трактира музыкант.
 Хваливал, похваливал
 Он свое житье-бытье:
 — У меня, у молодца,
 Только скрипка да гудок. —
 — Думаю, подумаю:
 Я за этого пойду.
 Сыта-ли, не сыта,
 Всегда буду весела;
 Выду я на улочку,
 Будет честь мне, похвала,
 Честь мне будет, похвала —
 Музыкантова жена. —

Я-ж привыкла все до полудня
 спать,
 Я не вмею ни коровушки донть,
 Я не вмею ни доёнушки помыть.
 Как погнала коровушку на росу,
 Да увидела медведика в лесу,
 Да медведик ты, мой батюшка,
 Разорви мою коровушку,
 Слобони мою головушку,
 Ай люли, полюли мои,
 В саду ягоды малиновыи!

23.

Соловей мой соловьюшка,
 Соловей мой молоденькой:
 Как тебе не скучится,
 Во сыром бору сидючи,
 На зелены сады гляючи?
 — Молодая молодушка,
 Молодая хорошал!
 Как тебе не скучится,
 За старым мужем живучи,
 На старого чорта гляючи? —
 — Сестриды подруженьки!
 Пойду разгуляюсь я,
 Нарву хмелю ярьего,
 Напою мужа пьяного,
 Положу спать среди двора,
 Среди двора на погребце;

[Бывш. Курской губ., ныне области. Шейн, № 612.]

Постелю ему постелюшку,
 Постелюшку мягкую:
 Солому гречишную,
 В голова пшенишную,
 Зажгу ту постелюшку,
 Огнем жарким полумем,
 Закричу я громким голосом:
 — Соседи мои соседушки,
 Соседи люди добрые!
 Не видали-ли откуда туча шла?
 Моего мужа гром убил,
 И гром и моланья сожгла,
 А меня молодешеньку,
 Молоду бог помиловал:
 С кровати свалилася,
 Доской накрылася. —

Во поле береза стояла,
 Во поле кудрявая стояла.
 Некому березу заломати,
 Некому кудряву заломати.
 Я ж пойду, погуляю,
 Белую березу заломаю;
 Срежу с березы три пруточка,
 Сделаю три гудочка,
 Четвертую балалайку.
 Пойду на новые на сени,
 Стану в балалаечку играти,
 Стану я старого будити:
 Встань ты, мой старый, проснися,
 Борода седая, пробудися!
 Вот тебе помои, умойся!
 Вот тебе рогожка, утрися!
 Вот тебе лопата, помолися!
 Вот тебе борона, расчешися!
 Вот тебе лапотки, обуйся!
 Вот тебе шубенка, оденься!

Во поле береза стояла,
 Во поле кудрявая стояла.
 Некому березу заломати,
 Некому кудряву заломати.
 Я ж пойду, погуляю,
 Белую березу заломаю;
 Срежу с березы три пруточка,
 Сделаю три гудочка,
 Четвертую балалайку.
 Пойду на новые на сени,
 Стану в балалаечку играти,
 Стану я милого будити:
 Встань ты, мой милый, проснися!
 Ты, душа моя, пробудися!
 Вот тебе водица, умойся!
 Вот полотенце, утрися!
 Вот тебе икона, помолися!
 Вот гребешок, расчешися!
 Вот тебе башмачки, обуйся!
 Вот тебе кафтанчик, оденься!

[Собрание русских народных песен с их голосами. На музыку положили Иван Прач, ч. I, СПб., 1790, стр. 87. Перепечатано у Соболевского, II, № 347.] После каждого стиха, кроме первого и третьего обеих строф, припев: Лей-ли, ле-ли, с повторением последних трех или четырех слогов стиха; этот припев повторяется.

(Припевы во время пляски.)

Ой пить и попить,
 И коровушку пропить:
 Пускай она не ревётъ,
 Мне досады не даётъ!
 Ой пить будем,
 И гулять будем.
 Когда смерть придетъ,

Помирать будем.
 Пришла смерть,
 Пришла смерть
 От самого бога;
 Не хочется умирать:
 Гуляла немного.

[Бывш. Курской губ., ныне области. Шейн, № 661.]

Рассышься, горох,
 На двенадцать дорог!

Я б пошла за торгаша, —
 Нету денег ни гроша.

—
 Ходи, барыня, смелей, —
 Музыканту веселей.

—
 Хочешь — любишь,
 хочешь — нет;

—
 Полюбила б ковали, —
 Да воля не моя.

—
 Ни копейки денег нет;
 Ни копейки, ни гроша, —
 Походочка хороша.

Ходи изба, ходи печь!
Хозяину негде лечь:

На печи широко, —
Растянешься далеко.

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Шейн, №№ 650, 651,
652, 656, 657, 654.]

ПЕСНИ О КРЕПОСТНИЧЕСТВЕ.

1.

Во лесу, лесу дремучем
Тут поет, поет соловьюшка,
Тут кукует горька кукушечка,
Да никто ее голоса не слушает,
Одна слушает сиротинушка,
Сиротинушка, сenna девушка:
— Государыня, родная матушка!
Выкупи из неволюшки,
Из неволюшки — дома барского:
Пристоялись резвы ноженьки,

Примахались белы рученьки,
Качаючи дитя барского. —
— Уж ты милое мое дитятко!
Золотой казны у нас нет с тобой.
Ты терпи, горя не сказывай:
Тебе стерпится, тебе слюбится.
Носи платья, не складывай:
Износя платьице, сложить
можно,
И стерпя горе, сказать можно. —

[«Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II,
ч. 2, стр. 265, № 2676. Без указания местности.]

Часто антикрепостнические мотивы влетают в песни лирического,
«семейного» характера. Приведем ряд таких песен.

2.

Из за леса, леса темного,
Из за садика зеленого
Собиралась туча грозная
Со снегами, со сыпучими,
Со морозами, со трескучими.
Дочка к матке собиралася;
Пособравшись, дочь поехала.
Поехала дочь, не доехала:
Среди лесу становилася:
Лошаденка истомилася;
Лошаденка истомилася,
Тележонка изломалася,
Все каточки раскатились;
Все каточки раскатились,

Ко дубочку прикатились.
На дубу сидит соловушка.
— Ах ты птушка, птушкавольная!
Ты лети, лети в мою сторонушку,
Ко батюшке во зеленый сад,
А к матушке во вновь¹ терем.
Ты неси, неси, соловушка,
Ах, батюшке, да низкой поклон.
А матушке челобитьице;
Что пропали наши головы
За боярами, за ворами!
Гонят старого, гонят малого
На работушку ранешенько,
А с работушки позднешенько. —

[Бывш. Смоленской губ., ныне области. Шейн, № 853.]

3.

Калинушку с малинушкой водой залило, —
На ту пору матушка меня родила.
Не собравшись с разумом, меня замуж отдала.

¹ Нов.

Я три года у матушки в гостях не была.
 На четвертый год вздумала, пошла.
 Я скинуса, сброшуся горькой пташечкой,
 Полечу я, горькая, в матушкин садок,
 Сяду я, горькая, на сладкую яблонь:
 Слезами-то горючими весь сад затоплю,
 Причетыми горькими живот-сердце иссушу.
 А матушка ходить по новым сеним,
 Невестушек, ластушек побуживаеть:
 — Невестушки, ластушки, встаньте скорей!
 Што у нас во садику пташечка поётъ?
 Где она, горькая, причеты беретъ? —
 Большой-то брат скажетъ: «Давай застрелим!»
 Средний брат скажетъ: «Давай поймаем!»
 А меньшей-то брат скажетъ: «На что вам ее?
 Не наша ли горькая с чужой стороны?
 Поди же ты, горькая, в наш высок терем,
 Про свое горе расскажи, про наше спроси:
 Как батюшку с матушкой за Волгу везуть,
 Большого-то брата в солдаты кують,
 А среднего-то брата в лакеи стригуть,
 А меньшого-то брата — в прикащики».

[Бывш. Тульской губ., ныне области. Шейн, № 852.]

Вы кудри ль, мои кудри,
 Хорошо ль, кудри, расчесаны,
 Как по плечикам лежат
 И развийтись хотят.
 Как завила, завила
 Чужа дальня сторона.
 Как плакала, тужила
 Наша Обозерска слобода.
 Наша Обозерска слобода,
 Что нагуляться не дала.
 Разорил нашу сторонку
 Злодей боярин, господин,
 Как повыбрал он, злодей,
 Молодых наших ребят,
 Молодых наших ребят
 Во солдатушки,
 А нас, красных девушек,

[Бродский, Мендельсон, Сидоров, стр. 178, № 22.]

Во служаночки,
 Молодых молодушек
 Во кормилочки,
 А матушек с батюшками
 На работушку.
 Собрались наши ребятушки
 Что на круту горушку,
 Отказали наши ребятушки
 Своему боярину-господинушке:
 — Ты злодей наш господин,
 Мы тебе не солдатушки,
 Красны девушки тебе
 Не служаночки,
 Молодые молодушки
 Не кормилочки,
 И батюшки с матушками
 Не работнички. —

5.

Уж мы сядем, посядем,
 Посидим же мы, ребята,
 До самого вечера,

Споем песню мы, ребята,
 Да про наше про житье,
 Да про горюшко свое:

Что в неволе все живем,
Крепостными век слышем.
Как и наши господа
Все немилостливые,
Нерассудливые:
На работу посылают,
Куском хлеба попрекают,
А крестьяне завидуют,
Что дворовому житье:
Он и пашеньки не пашет,
Сохи в руки не берет,
В оброк денег не кладет...
Ах, вы, глупые крестьяне,
Поживите-ка с нами!
Уж и нет хуже на свете,
Как дворового житье:
Куда крикнут — беги скоро,
Чтобы дело было споро.

Обернулся назад,
А мне палкою грозят!
У нас завтра, братцы, праздник,
Надо нам погулять.
Погуляли молодцы
Что до утра, до зари!
Пришли домой по утра,
Припас барины по кнуту!
Уж мы стали оправдаться,
А велят нам раздеваться;
Рубашечки скинем с плеч,
Велит барины сечь.
— Ах ты, барская душа!
Али нет тебе суда? —
Хоть и биты были больно,
Да погуляно довольно.
Хоть и спишушка больна,
Сударушка нажита.

[Бродский, Мендельсон, Сидоров, стр. 173, № 24.]

Приводим вариант:

Уж вы! следите, ребята, посидимте, господа,
Споем песню про себя,
Не сами про себя, про свое житье-бытье,
Про крестьянских мужиков.
Крестьяне завидуют лакейскому житью:
«Нет лучше на свете лакейского житья, —
Они пашеньки не пахнут, косы в руки не берут».
Глупые крестьяны! сами пожили бы с нами,
Або всем бы вы спознали,
Как лакеи-то живут:
Придет праздник воскресенье —
Нам хочется погулять,
Попроситься — не отпустят,
Не спросясь птти нельзя.
Дождуся вечеру — не спросясь гулять пойду!
А я, мальчик, зазевался,
С девчонкою застоялся;
Аглянулся я назад —
Ан мне палочьем грозят.
Придем рано поутру,
Изготовлено по кнуту;
Станем оправдатца,
Велит нам раздеватца,
Рубашонки сняли с плечь,
Начали нас больно сечь;
Хотя спишы биты больно,
Да погуляно довольно;
Хотя спишы и пазбиты,
Да сударушки нажиты. —
Наши господа нерассудливые и нерозрядливые,
На работу гонят рано,
С собой хлеба дают мало,

Хотя брать не запрещают,
Да опосле укоряют:
Работы мало работали,
Хлеба много поедали.
Работали от ражденья,¹
С нас не пот — вода льет —
Господин веры нсймет.

[Село Архангельское, бывш. Симбирского у., Симбирской губ., ныне Куйбышевской обл. «Песни, собранные П. Киреевским». Новая серия, вып. II, ч. 2, стр. 188, № 2372.]

ПЕСНИ САТИРИЧЕСКИЕ И ПАРОДИИ.

1.

Как у нас в сельце Полванове
Боярин, дурак, в решете пиво дедил,
А дворецкий, дурак, в сарафане пиво сливал.
— Возьми, дурак, бочку, — больше пива наслива-
ешь!

А поп-от, дурак, косарем сено косил.
— Возьми, дурак, косу, — больше сена накопишь!
А пономарь, дурак, на свинье сено возит.
— Возьми, дурак, лошадь, — больше сена навозишь!
А попович, дурак, шилом сено подавал.
— Возьми, дурак, вилы, — больше сена подашь!
А крестьянин, дурак, косточкой пашню пахал.
— Возьми, дурак, соху, — больше пашню напашешь.

Песня эта записана для императрицы Анны Иоанновны. 30 июня 1739 г. она писала Семену Андреевичу Салтыкову: «У Василия Федоровича Салтыкова² в деревне поют песню крестьяне, которой начало: «Как у нас в сельце Полванове да боярин-то дурак решетом пиво дедил». Оную песню вели написать всю и пришли к нам немедленно, послав в ту деревню человека, который бы оную списать мог».

[Шейн, № 965.]

2.

ПТИЦЫ.

Протекло теплое море,
Слетались птицы стадами,
Сиделись птицы рядами,
Спращивали малую птицу,
Малую птицу синицу:
— Гой еси ты, малая птица,
Малая птица синица!
Скажи нам всю истинну-правду,
Скажи нам про вести морские:

Кто у вас на море больший?
Кто у вас на море меньший? —
Провещает малая птица,
Малая птица синица:
— Глупые вы русские пташки!
Все птички на море большие,
Все птички на море меньшие.
Орел на море воевода,
Перепел на море подъячий,

¹ От раченья, усердно.

² Главнокомандующего в Москве.

Петух на море цаловальник,
 Журавль на море водоливец:
 То-то долгиe ноги,
 То-то французское платье:
 По обельному зернушку ступает!
 Чиж на море живописец,
 Клеет на море портной мастер,
 Сова у нас на море графиня:
 То-то высокие брови,
 То-то хорошая походка,
 То-то желтые сапожки!
 С ножки на ножку ступает,
 Высокие брови подымает.
 Гуси на море бояре,
 Утята на море дворяне,
 Чирята на море крестьяне,
 Воробьи на море холоны:
 Везде воробейко срывает,
 Бит воробейко не бывает.
 Лебеди на море князи,
 Лебедушки на море княгини,
 Желна у нас на море трубачей,
 Ворон на море игумен:
 Живет он всегда позад гумен.
 Грачики на море старцы,
 Галочки — старочки-чернички,
 Ласточки — молодушки,
 Касаточки — красные девочки;
 Красная рожа — ворона:

Зимою ворона по дорогам,
 Летом ворона по застрехам.
 Рыболов на море харчевник,
 Дятел на море плотник:
 Всякое дерево он долбит,
 Хочет нам храм соорудати.
 Сокол у нас на море наездник:
 На всякую птицу налетает,
 Грудью ее побивает.
 Кулик на море рассыльщик,
 Кокушка-то вздорная кликушка,
 Блинница на море цапля,
 Чечет — гость торговой.
 Сорока-то у нас шеголиха:
 Без калача не садится,
 Без милого спать не ложится,
 Пешая к обедне не ходит —
 Все бы ей в богатых колымагах,
 Все бы она во коляске,
 Все бы ей кони вороные,
 Все бы ей кареты золотые,
 Все бы ей ребята молодые,
 Все бы молодые, холостые.
 Бедная малая птичка,
 Малая птичка синичка.
 Сена косить не умеет,
 Стадо ей водить не по силе,
 Гладом я, птичка, помираю. —

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. II, ч. 2, стр. 299—300, № 2813. Без указания местности.]

Песня известна еще по записям XVIII в. Нередко она записывалась и печаталась вместе с былинами, а в сборнике «Русская баллада» включена в число баллад. Однако песня эта не имеет ни былинного, ни балладного характера, почему мы и помещаем ее здесь.

3.

Не спасибо игумну тому,
 Не спасибо всей братье его:
 За что молоду в черниды стригут,
 Молодешеньку поскимливают?
 Не мое дело в чернидах сидеть,
 Не мое дело к обедне ходить,
 Не мое дело молебны служить;
 Как мое дело в беседе сидеть,

Как мое дело пиво-вино пить.
 Посошельде под лавку брошу,
 Камилавку на стол положу;
 А сама, млада, по келье пройду,
 Молодешенька, погуливаю,
 Подниму ль я посошельде свое,
 Надену ль я камилавку свою,
 Поларю ль я сестрице своей!

[И. Прач. — Собрание русских народных песен с их голосами, ч. I, СПб., 1790, стр. 165 («Хороводная»). Перепечатано у Соболевского (VII, стр. 318—319, № 357).]

Я по келейке хожу, я черничку бужу:
 — Ты, черничка, встань, спасеничка, встань!
 Ведь к обедне звонят и часы говорят,
 Люди сходятся, богу молятся! —
 — Не могу я встать, головы поднять;
 У меня спина болит, наклониться не даст. —
 Я по келейке хожу, я черничку бужу:
 — Ты, черничка, встань, спасеничка, встань!
 Музыка пришли и скрипиды принесли! —
 — Ах, встати было, поплясати было,
 Поломать костей, взвеселить гостей!
 — Ты, черница, — грех! спасеница, — грех!
 — Я голик возьму и грехи подмету:
 И под лавкой грехи, и на лавке грехи,
 По всей келье грехи! —

[Рукописный сборник XVIII в. Соболевский, VII,
стр. 320—321, № 361.]

МОНАШЕСКАЯ.

(На глас: Тебе, бога, хвалим.)

Дал нам бог строителя,
 Строителя, разорителя
 И бражника-пьяницу,
 Хлебодара скупого.
 Он по малу нам хлеба даё,
 Нам этого хлеба на обед не стаё.
 Рассердимся, братие,
 На отца на игумена!
 Не пойдем ни к обедни, ни к заутрени,
 Ни к его честному молебну!
 Открою нам погреба холодные,
 Опустя черпале медные,
 Различхнем!
 Почерпнем!
 По компании разнесем!
 Слава тебе, холодному погребу,
 И тебе, архимандриту новому!

[Дер. Острица, бывш. Осташевского у., Тверской губ., ныне Калининской обл. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II, ч. 2, стр. 326, № 2916.]

БУРЛАЦКИЕ И ЯМЩИЦКИЕ ПЕСНИ.

По утру то было раным-рано,
 На заре то было на утренней,

На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лужей, озер подымались, —
Подымаются добры молодцы,
Добры молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые —
На канавушку на Ладожску,
На работу государеву.
Провожают их, добрых молодцев,
Отды, матери, молоды жены
И со малыми со детками.

[Из песен «Ваньки Каина». Комаров. — Обстоятельные и верные истории двух мошенников, первого... Ваньки Каина..., второго Картуша, СПб., 1779, стр. 139. Перепечатано у Соболевского, VI, стр. 472—473, № 569.]

2.

Не вечерняя заря, братцы, приутухла,
Полунощная звезда, братцы, восходила.
Что во славном было городе Казани,
Что на крутеньком, на красном бережечке,
Что на желтом на сыпучем на песочке,
Тут не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки;
Они думали крепкую думушку заедино:
«Ах, состроим мы, ребятушки, сгребной стружок
И поделаем заключинки кленовые,
Изнавесим мы веселочки ветловые,
Что мы грянем, ребятушки, вниз по Волге,
Остановимся, ребятушки, среди Волги
Супротив того стольникова дому».
Что у стольничья приказчика дочь хороша,
Что просилась дочь у батюшки погуляти:
— Ай, пусти, пусти меня, батюшка, погуляти,
Понизовых тех бурлаков поглядети... —
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну девицу до пьяна.
Уж как та ли красна девица уснула
У поволжского атамана на коленях.
Да что взговорит поволжский атаман:
— Уж мы грянемте, ребятушки, вниз по Волге,
Чтобы не было от стольника погоня. —
Ото сна ли красна девица пробудилась
И за очи с отцом, с матерью простилась:
— Ты прости, прости, мой батюшка родимый!
Ты скажи от меня матушке челобитье! —

[Песенник 1780 г. Соболевский, I, стр. 324 — 325, № 246.]

Вольная птичка-пташечка, перепелочка,
 Куда она захотела, туда и полетела,
 Где местечко излюбила, тут и села;
 Садилась вольная пташечка в чистом поле,
 При широкой при московской при дороженьке,
 Во белую ярую во пшенку,
 Горемычную свою песенку запела.
 Не ной, не ной, ретивое сердечко!
 Не плачь, не плачь, душа красна девида!
 Не батюшка, не матушка замуж выдали,
 Сама ты, девица, похотела,
 За вольного за низового бурлака.
 Сказали: у бурлака денег много;
 У него один алтын во котомке,
 Да вязовая дубина за плечами.

[Песенник 1780 г. Соболевский, II, стр. 334, № 396.]

Уж ты, степь ли моя, степь Моздокская,
 Степь Моздокская!
 Широко ли, далеко, степь, ты протянулася,
 Протянулася,
 От Саратова ты, степь, до села Царицына,
 До Царицына.
 Пролегала по степи большая дороженька,
 Дорожка широкая...
 Проезжали по ней молоды извозчики,
 Молоденькие;
 Как лошадки у них буланые,
 Все буланые,
 Хомуты то у них серебряны,
 Серебряны;
 Как узды то на них все наборные,
 Все наборные;
 Как тележки то у них все шиповные,
 Все шиповные...
 Случилось у них несчастье,
 Да немалое:
 Захворал да занемог у них добрый молодец,
 Млад извозничек...
 Он просил то, он просил своих товарищей,
 Товарищей:
 «Ах вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
 Товарищи!
 Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
 Вороных коней.
 А сvezите вы, братцы, батюшке низкий поклон,

Низкий поклон,
Родной матушке челобитьице,
Да челобитьице,
Малым детушкам мое благословеньице,
Благословеньице,
Молодой моей жене полну волошку,
Всю свободушку».

[Бывш. Елецкого у., Орловской губ., ныне Орловской обл.
Лопатин и Прокунин. — Сборник русских народных лири-
ческих песен, М. 1889, № 15. Перепечатано у Соболевского
(т. 1, стр. 433 — 434, № 345).]

ПЕСНИ РАЗВОЙНИЧЬИ.

1.

Как бывало мне, ясну соколу, да времячко:
Я летал, млад ясен сокол, по поднебесью,
Я бил-побивал гусей-лебедей,
Еще бил-побивал мелку пташечку;
Как бывало мелкой пташечке пролету нет...
А нонече мне, ясну соколу, время нет:
Сижу я, млад ясен сокол, во поиманье,
Я во той ли в золотой во клеточке,
Во клеточке, на жестяной напесточке,
У сокола ножки сопутаны,
На ноженьках путнички шелковые;
Занавесочки на глазеньках жемчужные!
Как бывало мне, добру молодцу, да времячко:
Я ходил-гулял, добрый молодец, по синю морю,
Уж я бил-разбивал суда-корабли,
Я татарские, армянские, бусурманские;
Еще бил-разбивал легки лодочки,
Как, бывало, легким лодочкам проходу нет...
А нонече мне, добру молодцу, время нет:
Сижу я, добрый молодец, во поиманье,
Во той ли во злодейке земляной тюрьме.
У добра молодца поженьки сокованы,
На поженьках оковушки немецкие,
На рученьках у молодца замки затюремные,
А на шеюшке у молодца рогатки железные!

[Бывш. Саратовской губ., ныне области. Соболевский, VI,
стр. 384—385, № 480.]

2.

Как светил да светил месяц во полуночи,
Светил в половину;
Как скакал да скакал один добрый молодец
Без верной дружины.

А гнались да гнались за тем добрым молодцем
 Ветры полевые;
 Уж свистят да свистят в уши разудалому
 Про его разбой.
 А горят да горят по всем по дороженькам
 Костры сторожевые;
 Уж следят да следят молодца-разбойничка
 Царские разъезды,
 А сулят да сулят ему, разудалому, в Москве
 Белокаменной
 Каменны палаты.

[Бывш. Самарской губ., ныне Куйбышевской обл. Соболевский, VI, стр. 309, № 398.]

3.

Ах ты, змеюшка, змея лютая.
 Из норы ползешь, — озираешься,
 По песку ползешь, — извиваешься,
 По траве ползешь, — всю траву сушишь.
 Ты душа моя, красна девица,
 Исушила ты добра молодца,
 Как былинушку во чистом поле;
 Довела его до гибели,
 До ужасные темной темницы.

[«Карманный песенник, или сборник лучших светских и простонародных песен», М. 1796, стр. 200. Перепечатано у Соболевского (т. VI, стр. 371, № 465).]

4.

Скушно-тошно сидеть рыбкине во сетке,	Приобтер я резвы ноги Железными кандалами,
Тошно пташечке во клетке:	Приобсек я белы руки Аглицкими нарушениями;
Видит бедная клетку очень редку,	Проглядел я ясны очи Сквозь железную решетку.
Да избавиться не может.	Погляжу я, бедненький, подоле:
Крылья-перья, бедная, все обсекла,	Ходит милая на воле;
По клеточке летавши;	Один я сижу в неволе —
Вострый носик притушила,	В Новгороде в остроге.
Все по щелочкам клеавши.	

[Бывш. Ярославской губ., ныне области. Соболевский, т. VI, стр. 429—430, № 533.]

5.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
 Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
 Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос итти
 Перед грозного судью — самого царя...

Еще станет государь-царь меня спрашивать:
 — Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
 Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал:
 Еще много ли с тобой было товарищей? —
 — Я скажу тебе, надежа, православный царь,
 Всю правду скажу тебе, всю истину,
 Что товарищей у меня было четверо:
 Еще первый мой товарищ — темная ночь,
 А второй мой товарищ — булатный нож;
 А как третий-то товарищ — то мой добрый конь,
 А четвертый мой товарищ — то тугой лук;
 Что рассыльщики мои — то калены стрелы. —
 Что возговорит надежа православный царь:
 — Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
 Что умел ты воровать, умел ответ держать!
 Я за то тебя, детинушка, пожалую
 Среди поля хоромами высокими —
 Что двумя ли столбами с перекладиной! —

[Шесенник 1780 г. Соболевский, VI, стр. 331—332, № 424.]

6.

Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая,
 Сиротинушка ты горькая, горемычная!
 Запой-ка ты, сиротка, с горя песенку!
 — Хорошо вам, братцы, петь, — вы пообедали,
 А я, сирота, лег не ужинавши,
 Лег не ужинавши, встал не завтракавши!
 У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли,
 Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей;
 Одна корочка-засушенка и та летошняя! —
 — Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспородил? —
 — Воспородила меня, сиротку, родна матушка;
 Воспоила, вскармила меня Волга-матушка;
 Воспитала меня легка лодочка ветлянешка;
 Возлелеяли меня няньки-мамки — волны быстрые;
 Возростила меня чужа дальна сторона Астраханская;
 Я со этой со сторонушки на разбой пошел. —
 — Ты скажи, скажи, сиротка, с кем разбой держал? —
 — Не один я разбой держал, — с тремя товарищами:
 Первый мой товарищ — ночь темная;
 Другой мой товарищ — конь, добра лошадь;
 Третий мой товарищ — стально ружье! —

[Бывш. Саратовской губ., ныне области. Соболевский, VI, стр. 306—307.]

7.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
 Над горюю ты взойди над высокою,

Над дубровою взойди над зеленою.
 Обогрей ты нас, добрых молодцев,
 Сирот бедных, солдат беглых!
 Что пониже то было села Юркина,
 А повыше то было села Лыскова,
 Протекала там быстрая реченька,
 Быстрая реченька, славная Керженка.
 Что никто по ней не проезживал,
 Никто следику не прокладывал.
 Что плыла ль по ней легкая лодочка,
 Легкая лодочка, все разбойничья.
 На корме сидит атаман с ружьем,
 На носу стоит есаул с багром,
 Посеред лодки бел тонкой шатер.
 Что под тем шатром золота казна;
 На казне сидит красна девица.
 Взговорит она громким голосом:
 — Мне вечер, молодой, мало спалось,
 Мало спалось, много виделось;
 Нехорош-то мне сон пригрезился:
 Атаманушке быть застрелену,
 Есаулушке быть повешену,
 А мне, девушке, быть на волюшке. —

[Соболевский, VI, стр. 317, № 407.]

8.

Загуляла я, красна девица, загуляла
 Со удалыми со добрыми молодцами,
 Со теми ли молодцами — со ворами.
 Немного я, красна девица, гуляла:
 Гуляла красна девица тридцать шесть лет.
 Была-то я, красна девица, атаманом
 И славным и преславным есаулом.
 Стояла я, красна девица, при дороге,
 Со вострым я со ножичком булатным:
 Ни конному, ни пешему нет проезда.
 Немного я, красна девица, душ губила:
 Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
 А старого и малого в счет не клала.
 Я ездила по городам, по уездам:
 Захотела красна девица загуляти
 Во славное во Московское государство.
 Захотелось мне, красной девице, посмотретьи,
 Богатых там кушцов мне поглядети,
 Мне каменны палаты поломати,
 Железные запоры отпирати.
 Загуляла я, красна девица, загуляла
 На славное петровское на кружало.

Без счету я, девица, деньги выдавала,
Не глядя рублевички за стоечку бросала:
— Вы пейте, мои товарищи, веселитесь! —
Уж тут-то я, красна девица, бодрость оказала,
Уж храбро я и бодро поступала,
Атамановы поступки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали:
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, во полицу,
Подымали красну девицу на дыбу.
Уж смело красна девица отвечала:
— Пойдите, судьи мои, не судите!
Чего вам от меня больше желати?
Сама я вам, красна девица, повинюся.
Немного-то я, красна девица, гуляла,
Гуляла я, красна девица, тридцать шесть лет;
Была я, красна девица, атаманом
И славным и преславным есаулом;
Стояла я, красна девица, при дороге,
Со вострым я со ножичком булатным:
Ни конному, ни пешему нет проезда;
Немного я, красна девица, душ губила:
Погубила я, красна девица, двадцать тысяч,
А старого и малого в счет не клала.
Захотела я, красна девица, загуляти
Во славное в Московское во царство:
По широким по улицам походить,
Богатых там купцов поглядети,
Мне каменны палаты поломати,
Железные запоры отпирати.
Загуляла я, красна девица, загуляла
На славное петровское кружало:
Не глядя я рублевички вынимала,
За стоечку без счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Уж тут меня, девицу, признавали:
По имени красну девицу называли,
По отечеству меня величали;
Назад руки красной девице завязали,
Повели меня, красну девицу, во полицу.
Судите, судьи, меня поскорее:
Раскладывайте огни на соломе,
Вы жгите мое белое тело,
После огня мне голову рубите!
Вы слушайте, судьи, моего приказа:
Ведите меня с товарищи в чистое поле,
Зачинайте вы власть всех сряду,

Меня, красну девицу, напоследок! —
Я, лежа там, красна девица, возрыдала,
Об товарищах своих я пожалела:
Что рано я вас, девица, погубила,
Я в сей вине, красна девица, причина:
Простите, мои приятели-доброхоты!

[«Песни, собранные П. Киреевским», вып. IX, М. 1872,
стр. 192—195.]

Речь идет об известной по многочисленным песням и преданиям
«Таньке Растокинской», разбойнице из с. Растокина (под Мос-
квой) в первой половине XVIII в.

ПЕСНИ О РЕКРУТЧИНЕ И СОЛДАТЧИНЕ.

1.

Что вились-то мои русы кудри, вились — завивались,
Как слышали мои русы кудри на себя нецгодые,
Что уж быть-то мне, доброму молодцу, во солдатах,
Что стоять-то мне, доброму молодцу, в карауле.
Вот стоял я, добрый молодец, в карауле;
Пристоялись у меня, у молодца, мои скоры ноги.
Как задумал я, добрый молодец, задумал бежати.
Что бежал я, добрый молодец, не путем-дорогой,
И бежал я, добрый молодец, темными лесами.
Во темных лесах, добрый молодец, весь я ободрался,
Под дождем я, добрый молодец, весь я измочился.
Прибежал я, добрый молодец, к своему подворью.
Прибежавши, добрый молодец, под окном я постучался:
— Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти обсушиться!
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обогреться! —
— Я б пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя!
Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чистое поле:
Что буйным ветром тебя, мое дитятко, там обсушит,
Красным солнышком, мое дитятко, обогреет! —
Как пошел-то я, добрый молодец, пошел, сам заплакал:
— Уж возмись, загоритесь вы, батюшкины хоромы!
Уж ты сгинь, пропади, матушкино подворье! —

[Соболевский, VI, стр. 298—299, № 384.]

2.

Не беды-то ли снега, снега в чистом поле, в поле забелелися,
Ах, и забелелися!
Забелелися моего милого-любезного каменны палаты,
Ах, и палаты;
Во палатах-то ли стоят, стоят два столика, столы дубовые,
Ах, дубовые;
За столами сидят, сидят два молодчика, парня молодые,
Ах, молодые;

Во руках они держат, держат они перушки, перья лебедины,
Ах, лебедины.

Около них-то ли стоит, стоит красна девица, сама горько
плачет,

Ах, и горько плачет.

Что один-то ли, один, один добрый молодец плакать унимает,
Ах, и унимает:

«Ты не плачь-ка ли, не плачь, не плачь, красна девица, не
плачь, не печалься,

Ах, не печалься!

Что не быть-то ли, не быть твоему дружку милому, не
быть во солдатах,

Ах, и во солдатах!

А что быть-то ему, быть во донских казаках,

Ах, и во казаках!»

[Бывш. Московской губ., ныне области. Соболевский, VI,
стр. 11—12, № 15.]

3.

✓ По дорожечке да по широкия,
По широкия да по Московския
Тут и шла, прошла сила-армия,
Сила-армия, да конна гвардия:
Три полка солдат
Все молоденьких, безбороденьких,
Все холостые, да неженатые.
Впереди солдат знамена несут,
В барабаны бьют барабанщицки;
Ружья светлые, замки крепкие;
Ружья сбрыкали, солдаты силакали:
Во поход пошли, во дорожечку,
Хоть не в дальнюю, во печальную.
Во дорожечке думу думали,
Думу думали, речь говорили:
«Еще где, братцы, будем день дневать,
Ночь коротати?
Будем день дневать во чистом поле,
Ночь коротати во сыром бору,
Во темном лесу все под сосною,
Под кудрявою, под жаровою;
Нам постелюшка — мать сыра земля,
Одеялышко — ветры буйные,
Омываыице — частый лождичек,
Утираыице — шелкова трава,
Родной батюшко нам — светел месяц,
Красно солнышко — родна матушка,
Заря белая — молода жена».

[Гор. Мезень. «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия»,
вып. II, ч. 1, стр. 28, № 1275.]

4.

Запобедны наши головушки молодецкие,
 Заунывны наши сердечушки рекрутские:
 На остаточках доброму молодцу погуляти
 Мне по своей по родимой по сторонке,
 По любезной, по веселой, по Воложской.
 Я в последни добрый молодец гуляю.
 Ты еще прости во последний раз!
 Мне не жаль, не жаль самого себя,
 Только жаль мне, жаль красной девицы.
 Ты прости, прости, родимая мать;
 Ты еще прости, родной батюшка.
 Ты на что, родной батюшка, меня засеял,
 На несчастьице, родна матушка, спородила?
 Уж ты отдал меня, батюшка, во солдатушки
 За тех ли братьев за родимых.
 Ты прости, прости, красна девица,
 Во последний раз полюбовница!
 Ты не плачь, не плачь, красна девица,
 Не тужи обо мне, полюбовница:
 Если хуже меня наживешь, заплачешь;
 Если лучше меня наживешь, меня забудешь.
 Ты прости, прости, моя милая!
 Во последний раз я целую вас.
 Не судачьте-ко, родны братьица,
 Ты не плачь, не тужи, родна матушка:
 Я пойду волей во солдатушки.

[Там же, № 1276.]

5.

Не былинущка в чистом поле зашаталася,
 Зашаталася бесприютная моя головушка,
 Бесприютная моя головка молодецкая.
 Уж куды-то я, добрый молодец, ни кинуся, —
 Что по лесам, по деревням все заставы,
 На заставах ли все кренки караулы,
 Спрашивают печатного наппорта,
 Что за красною печатью сургучевой.
 У меня ль, у доброго молодца, своеручный,
 Что на тоненькой на белой на бумажке.
 Что куды-то ни пойду, братцы, ни поеду,
 Что ни в чем-то мне, добру молодцу, нет счастья.
 Я с дороженьки, добрый молодец, ворочуся,
 Государни своей матушки спрошуся:
 Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
 Под которой ты меня звездой породила,
 Ты каким меня и счастьем наделила?

[Песенник 1780 г. Соболевский, VI, стр. 307 — 308, № 395.]

6.

Ты пеки, пеки, красно-солнышко,
 Ты свети, свети, светел месяц,
 Ты со чистыми со звездами,
 Ты со светлою со луною,
 Чтобы нам, старикам, ворами-мироодам,
 Чтобы видно было на кабаке итти,
 На кабаке итти да дума думати:
 У богатого взять — не отдати,
 У бедного взять, дак разорити!
 Есть за реченькою, за рекою,
 У вдовушки у старушки
 Один, одинакий сын Иванушка, —
 Нам того отдать да во солдаты.
 Он хорош, пригож да уродился,
 Он девушкам да прилюбился,
 Он всему миру да пригодился.

[Бывш. Архангельской губ., ныне области. Соболевский, VI, стр. 62—63, № 79.]

7.

Пошла ли ты, моя головушка,
 Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной головою,
 Не за братцевой, не за сестрицыной легкой работой...
 Что поймали-то раздоброго молодца, поймали в прилуке,
 Что у той ли у прилуки, у красной у девки.
 Что куют-то меня, доброго молодца, куют во железо;
 Посадили меня, доброго молодца, в козырные¹ сани,
 Привезли-то меня, добра молодца, в город, во губернию;
 Привели-то меня, добра молодца, привели, ко приему;
 Посадили меня-то, добра молодца, во красное стуло;
 Как и стали меня, разудалого, стричь-то они, брити.
 Уж вы брейте мои кудерюшки, брейте, не жалейте!
 Отошлите мои кудерюшки ко красной ко девке!

[Бывш. Орловской губ., ныне области. Соболевский, VI, стр. 41, № 54.]

8.

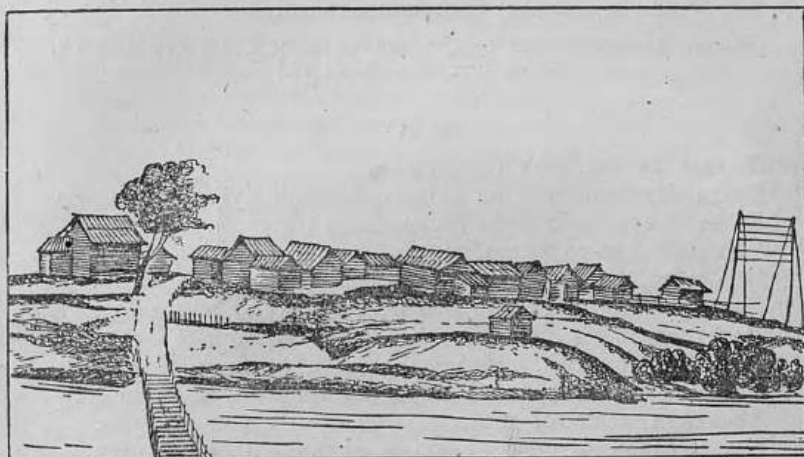
Как при стежке, при дорожке стоял бел шатерик.
 Как во том белом шатре молодой полковник.
 Он конверты развергает, указы читает,
 Он указушки читает, казаков пытается:
 — Отчего вы, казаченьки, очень худы, бледны? —
 — Оттого мы худы, бледны, что мы очень бедны:
 Как мы день-то во походе, а ночь в карауле;

¹ Козырь — головки; загнутая сверху часть или суживающаяся спинка саней.

С караула сменяемся, идем на бекеты; ¹
 Со бекетов сменяемся, идем на секреты,
 Не разуты, не раздеты.—
 [Бывш. Донской обл., ныне Ростовской обл. Соболевский,
 VI, стр. 156, № 199.]

9.

Как далече-далеченько во чистом поле,
 Еще того подале — во раздольице,
 Как не белая березонька к земле клонится,
 Не бумажные листочки раздуваются,
 Не шелковая ковыль-травонька расстилается, —
 Еще стелется-расстилается полынъ горькая.
 Ох, и нет тебя горчее во чистом поле,
 А еще того горчее служба царская!
 Что ни день-то, ни ночь нам, солдатушкам, угомону нет;

Деревня XVII в. из окрестностей Москвы.
 (Альбом Мейерберга, XVII в.)

Темна ноченька приходит,
 Нам, солдатушкам, на карауле быть;
 Бел денечек наступает, —
 Нам, солдатушкам, во строю стоять;
 Во строю стоять нам, солдатушкам,
 По ружью держать;
 Пристоялися резвы ноженъки ко сырой земле,
 Придержалися белы рученьки к строеву ружью,
 Пригляделись наши глазыньки на часты звезды!

[Бывш. Оренбургской губ., ныне области. «Песни, собранные
 П. Киреевским», вып. IX, М. 1872, стр. 153—154.]

¹ Пикеты.

10.

По Архангельской дороге
Идет армия солдатов.
Все солдаты слезно плачут;
Лишь один солдат не плачет, —
Он по армии гуляет,
Он во скрипочку играет,
Всех солдатов утешает:
— Вы не плачьте-ка, солдаты,
Вы не плачьте, молодые! —
— А и как же нам не плакать?
Наши дома все далеют,
Отды-матери стареют,
Наши женушки гуляют,
Наши дети сиротают! —

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. М. Картыков. —
Русские песни, Вологда, 1922, стр. 18, № 28.]

11.

Шли солдатухи слободой,
Манят девушек за собой:
— Вы пойдемте-ка, девушки,
с нами,
С нами, добрыми молодцами,
Недалече — до Казани!
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно;
У нас денежек предовольно,
У нас домики пребогаты —
Белокаменные стоят палаты;
Меж домами-то течет речка,
Течет реченька медовая,
По ней струечка золотая! —

Что за реченькой стоял кустик,
Стоял кустик, куст ракитов;
На кусточке соловейко,
Соловеюшко сидит, громко
свищет,
Громко свищет он, воспевает,
Красных девушек унимает:
— Не сдавайтесь вы, девки
красные,
На солдатские на обманки:
У солдатухек дома — горы,
Дома — горы каменисты;
Меж домами-то течет речка,
Течет речка да кровяная;
По ней струечка слезяная. —

[Село Кола, бывш. Архангельской губ., ныне Кольско-Лопарского р.
Мурманского окр. Ленинградской обл. Соболевский, I, стр.
315—316, № 234.]

12.

Что победные головушки солдатские!
Они на бой и на приступ — люди первые,
А к жалованью — люди последние...
Как со вечера солдатам поход сказан был,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету солдаты на приступ пошли.
Что не грозная туча подымалася,
Что не черные облака сходились, —
Что подымался выше облак черный дым,

Загремела тут стрельба ружейная;
Что не камушки с крутых гор покатались, —
Покатались с плеч головушки солдатские;
Что не алое сукно в поле зазелось, —
Зазелелась тут кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули, —
Так воскликнут молоды жены солдатские.

[Песенник 1780 г. Соболевский, VI, стр. 116, № 145.]

13.

Как доселева у нас, братцы, через темный лес
Не пропархивал тут, братцы, млад белой кречет,
Не пролетывал, братцы, ни сизой орел;
А как нынче у нас, братцы, через темный лес
Пролегла-лежит широкая дороженька;
Что по той ли по широкой по дороженьке
Проезжал туто удалый добрый молодец...
На заре то было, братцы, да на утренней,
На восходе было красного солнышка,
На закате было светлого месяца, —
Как убит лежит удалый добрый молодец;
Что головушка у молодца испроломана,
Ретиво сердце у молодца испрострелено;
Что постелюшка под молодцем — камыш-трава,
Изголовьице под молодцем — част ракивов куст,
Одеяличко на молодце — темная ночь,
Что темная ночь, холодная осенняя...
Прилетали к добру молодцу три ласточки:
Что как первая-то пташка — родная матушка,
А другая-то пташка — то мила сестра,
Ах, как третья-то пташка — молода жена.
Они взяли мертво тело за белы руки,
Понесли они то тело во высокий терем...
Его матушка плачет — что река льется,
А родная сестра плачет — как ручьи текут,
Молода жена плачет — как роса падет:
Красное солнышко взойдет, — росу высушит;
Как замуж она пойдет, то забудет его...

[Песенник 1780 г. Соболевский, I, стр. 444—445, № 358.]

РЕКРУТСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ.

Рекрутские причитания по своему характеру близки к похоронным, а вместе с тем — к песням о солдатчине. Они возникли на основе тяжести военной службы для крестьянства в старое время. Эта военная служба продолжалась всю жизнь, позднее (с XVIII в.) — 25 лет, так что проводы в «рекруты» означали почти проводы в могилу. Сама военная служба отличалась чрезвычайно тяжелыми условиями, солдаты подвергались самым унижительным и жестоким наказаниям; такое наказание («зеленую улиду») и тяжесть солдатской жизни рисует Ирина Федосова в приводимых нами причитаниях.

ИЗ ПЛАЧА ПРИ ПРОВОДАХ СОЛДАТА С ПОВЫВКИ.

Вопит жена от имени солдата:

.....
И как к оружию несчастных приучали,
И мы не в день, не в ночь, победныи, не спали.
И ты послушай-ко, родитель-моя матушка:
И хоть студёная холодна эта зимушка,
И хоть плящни¹ морозы, неудобныи,
Хоть на улиде — погода непомерная,
Хоть буйны ветры с снежком идут перистыи,
И столько нас, бедных солдатешков несчастныи,
И на ученьице нас гонят тут на улочку,
И на гладкое, на чистое на полюшко;
И хотя-ж бьет эта погода непомерная,
И во несчастны нам во ясныи во очушки,
И веют ветрышки во блеклое во личушко,
И хоть зябет² наше рет(л)ивое сердечушко,
И не куда-ж да тут, родитель, не деваешься,
Тут от ветрышка, родитель-то, не скроешься,
И от погодушки, родитель, не схоронишься,

¹ Палашие, жгучие.

² Зябнет.

И со шириночки, ¹ родитель, тут не выскочишь.
 И тут командуе(т) начальство превеликое;
 И от оружьяна зябѹт да ручки белыи,
 И от снежку да зябѹт резвы наши ноженьки,
 И принавие(т) наше бедно это личушко.
 И ты не плачь, моя родитель, не тоскуй еще,
 И мне-ка дай волю, родитель, те(бе) повысказать;
 И я повыскажу, родитель, ты повыслушай:
 И на ученьице стоим да день до вечера,
 И с руки на руку оружье перекладываем,
 И с ноги на ногу ведь мы да переступываем,
 И справа на левой ведь мы да всё повертываем,
 И выше головы оружье подымаем,
 И поскорешеньку оружье заряжаем.
 И не дай боже то, родитель, не дай господи
 Уж как этой грозной службы государевой!
 И хоть оружьеце у нас да всё промахнется,
 Аль плечо с плечом у нас да всё не сойдется,
 Аль ступня с ступней у нас да не сровняется,
 И тут заметят кумандеры-то ведь, ротныи,
 И по белу лицу дают да нам затрещенье,
 Аль по головы дают они заушенье,
 Аль под белую-то грудь они — подтычину.
 И как во ту пору, родитель, в тое времечко,
 И прозабудем мы родиму свою сторону;
 И не до вас да нам, родитель-родна матушка,
 И мне не до своих сердечных своих детушек;
 И я повыложу с ума да молодѹ жену.
 Хотя с ученьица в казармы ворочасмся,
 И мы придем да во казармы во казенныи;
 И не дубовыи столы да нам расставлены,
 И всё непиты скатерти да нам розос(т)ланы;
 И нам ведь яствушки готовы не сахарныи,
 И да нам питьица готовы не медвяныи;
 И точно питьице, победным нам, скотиное,
 И еденице, несчастным, лошаиное,
 Удаһице — мякинны нам сухарики,
 Упоенице — нам водушка со ржавушкой.

.....

Солдат к матери:

Еще слушай же, родитель, моя матушка,
 И как вешныи ручьи да разливаются,
 И так у нас да горьки слезы проливаются,
 И на ученьице, родитель, на мученьице,
 И уже бьют да нас, победных, без повинности, ²

¹ Шириночка — шеренга, строй солдат плечом к плечу.

² Провинность.

И до ран да бьют, родитель, до кровавых,
 И до умертвия победных бьют головушек,
 И скрозе строй гонят бесщастных нас солдатушков,
 И не доносят тут ведь резвы наши ноженьки,
 И доведут да нас солдатушки бесщастныи;
 И тут мы падем от побоев о сыру землю,
 И тут ряхнемся ума-разума в головушке;
 И мы не чу(в)ствуем ведь добрых-то людюшек,
 И мы — самы себя с побоев тут не ведаем,
 И на плечах да мы не слышим тонко-белых рубашечек,
 И мы лежим да со побоюшков без навиду.
 И тут подóймут ¹ нас солдаты новобраныи,
 И под бесщастны горе-горьки белы рученьки,
 И сговорят эты солдаты новобраныи:
 — Ес(т)ь-ли душенька у вас да во белых грудях,
 Ес(т)ь-ли зреньце у вас да во ясных очах? —
 И мы не чу(в)ствуем, победнушки, не знаем;
 И так избиты мы, победы, исколочены,
 И ко сырой земле, победы, приклонены,
 И поднимают нас солдаты, выговаривают:
 — И да ты можешь-ли, бесщастной-то солдатушко,
 И ты поднять свою бесщастную головушку,
 И ты от матушки поднять да от сырой земли,
 И уже стать да на бесщастны на резвы ноги,
 И всё поднять свои бесщастны белы рученьки? —
 И столько в ту пору, родитель, в тое времечко,
 И мы родиму свою сторону спомянем,
 И мы желанных вас родителей проклянем,
 И вы зачем да нас бесщастных спородили.

.....
 [Е. Барсов. — Причитания Северного края, ч. II, М. 1882,
 стр. 201—203, 220—221.]

ИЗ ПЛАЧА ПО ЖЕНАТОМ РЕКРУТЕ.

К народу: суседка, у которой муж в солдатах:

Вы послушайте, народ да люди добрыи,
 И вси приближни спорядовыи суседушки,
 И да што я скажу, победная головушка,
 И как была да в эвтом городе Петровском,
 И расставалась как с любимой семеюшкой:
 И как жива эта разлука пуше мертвой,
 И расставаньце — с солдатом новобранным,
 С своей милой надежной сдержавушкой.
 И не опомнюсь я, горюша, не опаятусь,
 И как простилася, победна, пороссталася;
 И тут ведь обмерло ретливое сердечушко,

¹ Поднимут.

И тут я пала ведь, горюша, о сыру землю.
И спамячу¹ его ласковыи словечушка,
И он наказывал, победу уговаривал:
«И ты живи, бедна горюша-молода жена,
И ты со моима-то братьицам родимым;
И да ты расти-ко сердечных малых детушек,
И работай да ты крестьянскую роботушку,
И ты не впадайся в веселыя гульбищечка,
И отмени, бедна, бладычни божии празднички;
И хотя ж пойдешь ты, печальная головушка,
И по бладычным, горюшица, по праздничкам,
И не убавишь ты кручинушки, прибавишься;
И ведь род-племя теперечко отступится,
И сродчи-сроднички ведь нынь да приотрекнутся,
И от тебя вси от победной от головушки,
И все по прежнему не будет ведь почтеньица,
И все любимого тебе да угощеньица».
И тут я в ум взошла, кручинная головушка,
И тут повыстала от матушки сырой земли;
И голова да у горюшицы скружилася;
И тут смахнула я бессчастны свои рученьки,
И крепко зажала ретливое сердечушко:
«Уже ой да мне-ка, светушки, тошнешенько,
И мне-ка жаль-тошно надежной головушки».
И потеряла белой свет да из ясных очей,
И тут не видла я, кокоша горегорькал,
И во кою пошли солдатушки сторонушку,
И как в котору путь широкою дороженьку:
И я в горях, бедна, горюшица, не знала,
И во слезах да я, победна, не видала.
И пригодилися ведь добры да тут людюшки,
И сговорили мне кручинной головушке:
«И ты одумайся, горюша, приочувствуйся,
И да ты погляди в подзападну сторонушку,
И ты на тую путь широкою дороженьку,
И как идут бедны солдатушки походный,
И погляди сзади, кручинна ты головушка,
И на плечах да ведь ранчи у них потряхают,
И тут головушкой — идут, бедны — покачивают».
И нет солдатушкам ведь вольной этой волюшки,
Им сглянуть да на путь широку дороженьку,
И на бессчастливых сглянуть да молодых жен;
И не посмнют оны взад обворотитися,
И не посмнют снять ведь киверов солдацких,
И со бессчастной со солдацкой буйной головы;
И уныват да их бурлацкое сердечушко,
И обмерат да их солдацкая утробушка;

¹ Вспомню.

И им ведь жаль-тошно родимой своей стороны,
 И потонние жаль сердечных малых детушек,
 И на уме держат несчастных молодых жен;
 И как идут да там победныи солдатущки,
 И как не видят в слезах широкой дороженьки,
 И во кручинушках не видит свету белого;
 И оны так идут несчастныи, тоскуют;
 И тут бы не несли солдатов ножки резвыи,
 И позади у них идут да провожатели,
 И говорят да все солдатущкам походным:
 «И вы идите-тко, солдатущки, не мешкайте,
 И ускоряйте путь широкую дороженьку,
 И расставайтесь вы скорей да с молодым женам,

И. А. Федосова.

И вы прощайтесь-ко теперь да с своей стороной».

И уж как этых солдатущков походных
 И удолать¹ стане великая кручинушка,
 И хоть не пьяны путем идут, все шатаются,
 И не глядят да на свет ясны у их очушки;
 И тут остались мы несчастныи молодыи жоны
 И на пути да мы остались на дороженьке,
 И на прогулушке на широкой на уличке,
 И по сырой земле, победныи, катаемся,
 И слезно плачем мы, горюшии, причитаем,
 И столько не весто² на сем да на белом свете,
 И столько судит ли бладыко многомилостлив
 И увидеть да нам, надежныим головушкам,

¹ Одолевать.

² Неизвестно.

И уж как этых солдатешков несчастных.
 И да им дальняя путь широка дороженька,
 И далеко бедны солдаты отсылаются —
 И на сине море оны да отправляются;
 И потеряшечку, горюши, потеряли мы,
 И оброночку, горюши, обронили ведь,
 Потеряшечку, горюши, во пятьсот рублей,
 И мы оброночку, победы, в целу тысячу:
 И не дай, Господи, на сем да на белом свете —
 И не радию я несчастная головушка —
 И столько многим я, горюша, людям добрым
 И уж как этого злодийна расставаньица,
 И што горючима слезами обливаньица.
 И нам не дали-то судьи неправосудный
 И расстаться столько времечки на два часа;
 И постоять да нам победным, подумать —
 И посоветовать с любимыма семеюшкам;
 И как лучицушку скорешенько сломили,
 И так в поход бедных солдатом снарядили.

[Е. В. Барсов. — Причитанья Северного края,
ч. II, М. 1882, стр. 136—139.]

ИЗ ПЛАЧА ПО ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ.

Быдьте прокляты, злодии супостаты!
 Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая;
 И секите вы кудри поскорая,
 И точите вы бритвы повостряя,
 И уж вы бриите его да побеляя;
 Охти-мни, да мне тошнешенько.
 И кабы-мне да эта бритва наостреная,
 И не дала-бы я злодийной этой некрести,
 И над моим ноньку рождением надрыгаться;
 И распорола-бы я груди этой некрести,
 И уж я выняла-бы сердце тут со печенью,
 И распластала-бы я сердце на мелки куски,
 И я нарыла-бы корыто свиным в месиво;
 А и печень я свиным на уеданьице.

[Е. В. Барсов. — Причитанья Северного края,
ч. II, М. 1882, стр. 74—75.]

Все три отрывка взяты из плачей Ирины Федосовой.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ И ДЕТСКИЕ ПЕСНИ.

Колыбельные песни, предназначенные для убаюкивания детей, обычно отличаются большой нежностью; в них высказываются пожелания всеобщего счастья ребенку, в том числе богатства. Самая обстановка, окружающая ребенка, изображается богатой и пышной (см. № 1). В некоторых песнях ясно видна связь с бытовыми условиями трудовой жизни (например, в «рыбацкой» колыбельной — см. № 3). На основе чрезвычайно тяжелых условий жизни крестьянства, когда дети являлись тяжелым бременем, возникали иногда и такие песни, в которых высказывается пожелание смерти ребенку.

Собственно детские песни нередко являются отголосками поэзии взрослых и результатом перехода этой поэзии в детскую среду; так, песенки во время дождя, в сущности, являются заговорами, игра в Кострому произошла из обряда похорон Костромы (или Кострубоньки; это — обряд прощания с летом). В детских песнях нередко отчетливо заметны следы старины (например, тигун в считалке № 1, воевода в считалке № 4); звучат в них (конечно, по-детски) и мотивы социальной вражды (например, в дразнилке № 5 насмешка над бариним и его семьей).

Обыкновенно детские песенки кратки и просты, но очень ярки и живы; интересно в них, между прочим, употребление неопытных слов и «заумного» языка, наблюдающегося у различных народов.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ.

1.

Глупый сон, сон!
Неразумная дрема!
Баю; баю! Неразумная дрема,
Мимо ты ходишь,
Колыбели не находишь.
Вот тут колыбель
Во высоком терему,
Висит колыбель
На высоком на краю:

Крюк золотой,
Ремни бархатные,
Колечки витые,
Крюки золотые.
Мамушки, нянюшки,
Качайте дитя!
Сенины красны девки,
Прилюбоквайте!
«Вырасту большая,

Буду в золоте ходить,
Буду в золоте ходить,
Парчеву шубу носить,
Мамушкам, нянюшкам
Обносочки дарить,
Старым старушкам
По повойничку,
Молодым молодкам
По кокошничку,
Сенным девушкам
По ленточке». —
Золото монисто, —

То маменьке;
Соболи, куницы, —
То папеньке;
Сон да дрема, —
Да то Машеньке.
(Если большое дитя:)

Шолуди короста, —
То папеньке;
Доброе здоровьеце, —
То Машеньке.
Спи в камке,
А расти в парче.

[Бывш. Псковской губ., ныне Ленинградской обл. Шейн, № 9.]

2.

Котинька коток,
Котя, серенький хвосток!
Приди котик почевать,
Мово Лешиньку качать,
Прибаюкивати.
Я тебе, коту,
За работу заплачу:
Беленький платочек
На шею навяжу,

А другой голубой
В ручки подарю.
А еще тебе, коту,
За работу заплачу:
В Великий пост —
Редьки хвост,
Склянку вина
И конец пирога.

[Тула. Шейн, № 20.]

3.

Баю-бай, баю-бай,
Рыбка семга, приплывай!
Рыбка семга, приплывай,
Олексейку поджидай.
Олексейко подрастет,
С татой на море пойдет,
Станет семгу он ловить,
Станет маму он кормить.

[Терский берег. Запись зимой 1932—1933 г. Н. Колпакова-Карзубова. — Промысловые мотивы в фольклоре Терского берега. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л. 1934, стр. 235.]

4.

Баю баю да укачиваю,
Да укачулькиваю,
Да улюлькиваю.
Александрюшка, да добрый
мальчик мой,
Да одинакий дорогой,
Бай, бай, бай,

Да еще бог дай,
Да дай поскорее,
Штобы жить веселее.
Баю, бай да укачиваю,
Да уговариваю,
Приговариваю:
Бай да люю,

Поскорей усыплю.
Бай да убай,
Поскорее засыпай,
Ай люли, люли,
 маленькой,
Да люли, люли,
 коротенькой.
Спи, соколодек,
Спи, голубодек,
Спи, мой милый,
Спи, мой сизой,
Да люлю, маленькой,
Да люлю, коротенькой.
Баю, баю, бай,
Да вылетали гулюшки,
Стали гули вылетать,
Стали гули гулевать.
Баю, бай, бай,
Саню повалою,
Лю, лю, лю,
Саньку валю.
Санька маленький,
Баю да убаю,
Одинакого.
Да мой желанный,

Да мой коротенькой,
Да мой хорошенькой,
Бай да бай,
Да ты, Санюшка,
Бай, бай,
Миленькой.
Санюшка, мой соколок,
Саня, сизой воркунок,
Саня, бай да побай,
Саня, засыпай.
Лю, лю, лю,
Сон да дрема
Накатись на глаза
Да на Саннушкины.
Сон ходе по улке,
А дрема по терему;
Сон от говорит:
«Я скорее усыплю»,
А дрема то говорит:
«Я скорее удремлю».
Бай, бай, Санюшка,
Бай, бай, Саня, миленький,
Бай, Санюшка,
Дорога моя ножедка.

[Дер. Карпова гора, Пинежского р., Архангельской обл. Записано
И. Левиной 27 июня 1927 г. от Х. П. Завершиной, 26 лет.
Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института
антропологии и этнографии Академии Наук СССР.]

5.

Бай бай, бай бай,
Спи-ко, Витя, засыпай.
Баю баю, баю бай,
Ну-ко, Витенька,
Ну-ко, крошенька.
Баю бай, бай баю,
Не ложись на краю,
Не ложись на краю,
Прибежит серый волчок,
Прибежит серый волчок,
Схватит Витю за бочок,
Схватит Витю за бочок,
Потащит он во лесок.
Бай бай, бай бай,
Не ложись, Витя, на край,
С краю, Витя, упадешь,
Головенку ушибешь.

Байки побайки,
Спи-ко, Витенька,
Байки побайки,
Спи-ко, крошенька.
Я баю баю баю,
Витю спать я повалою,
Еще маленького,
Еще глупенького.
Баюшки баю баю,
Отец пошел за рыбою,
Мать пошла коров доить,
Сестра ушла пеленки мыть,
Сестра ушла пеленки мыть,
А у нас Витя не спит.
Баюшки баю баю,
Спи-ко, Витенька,
Спи-ко, крошенька.

Лю лю, лю лю, лю лю лю,
 Баюшки бай да бай,
 Витенька ты мой,
 Ягодинка дорогой,
 Спи-ко, Витенька,
 Спи-ко, крошенька.
 Бай бай, бай бай,
 Спи-ко, Витя, засыпай,
 Спи-ко, Витя, засыпай,
 Головы не подымай.
 Байки побайки,
 Матери китайки,
 Отцу кулиду,¹
 Брату бок наколоду,
 А сестрицы родной
 Полушалок голубой.
 Баю баю, баю бай,
 Ты, собачка, не лай,
 Ты, собачка, не лай,

Пустолайка, не кричи,
 У нас Витю не буди.
 Баюшки баю баю,
 Спи-ко, Витенька,
 Спи-ко, крошенька.
 Вы, ребятки, лечь в кровати,
 Спать пора ложитца,
 Перед сном, перед едой
 Нужно нам умытца,
 Ручки, щечки, умыть,
 Личико и шейку;
 Не шалите перед сном,
 Прыгать не годитца,
 Спите, детки, крепким сном,
 Сладкий сон приснитца.²
 Кошки покошки,
 Прилетели мошки,
 Байки побайки,
 Прилетели зайки.

[Село Ковда, Кандалакшского р. АССР. Записано А. М. Астаховой 13 июля 1933 г. от А. Прокопьевой, 13 лет. Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.]

ДЕТСКИЕ.

ПОТЕНЬКИ.

1.

Долгоногий журавель
 На мельницу ездил,
 Диковинку видел:
 Коза муку мелет,
 Козел засыпает,
 А маленьки козленочки
 Муку выгребают,
 А барашки круты рожки

В дудочку играют,
 А сороки-белобок
 Пошли танцовать,
 А вороны стережены
 Пошли примечать.
 Сова из-за угла смотрит,
 Ногами топчит,
 Головой вертит.

[Бывш. Самарской губ., ныне Куйбышевской обл. Шейн, № 82.]

2.

Поповы-то детки
 Горох воровали,
 На пона сказали.
 Пона-то связали,
 Пона-то послали.

Сидит он в коробу,
 Словно божий раб в гробу,
 Понадья-то ревет,
 Всех за бороду дерет,
 Поповы-то ребята

¹ Кулиду.

² Стихи, начиная с «Вы, ребятки, лечь в кровати», взяты из песни, которую учили в школе.

Лежат на полатах,
А поп уещает:
«Грешно, свет, браниться!
Давай-ка мириться
Во имя Христово!»
Винишка купили,
Попа напоили,
А на мировую

Отдали гнедую,
Два поросенка,
Да целого теленка,
Политоф вина,
Да четыре блина:
Хошь пей, хошь лей,
Хошь домой вези,
Лошадям меси.

[Бывш. Самарской губ., ныне Куйбышевской обл. Шейн, № 97.]

3.

Дон, дон, дон!
Загорелся кошкин дом.
Бежит курица с ведром —
Заливать кошкин дом.

[Бывш. Тверской губ., ныне Калининской обл. Шейн, № 131.]

4.

Уж как шла лиса по тропке,
Нашла грамотку в охлопке.
Она по лесу ходила,
Громким голосом вопила.
Лиса лычки драла,
Лиса лапотки плела.

Вот и села на пенек, —
И читала весь денек:
Будто небо провалится
И земля загорится,
Лисе негде будет жить —
И пришлось с горя тошиться.

[Бывш. Владимирской губ., ныне Ивановской обл. Шейн, № 133.]

ПЕСЕНКИ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ.

1.

*Солнышко, ведрышко,
Выгляни, высвети!
Твои дети на повети
По камушкам скачуть.
Камушки трясутся,
Кипки волокутся;
Кошкам по ложкам,
Собакам по грошкам.

[Бывш. Рязанской губ., ныне области. Шейн, № 141.]

2.

Дай бог дождю
В толстые вожжи!
Поливай весь день
На наш ячмень,
На бабью рожь,
На мужичий овес,

На девичью гречу,
На малпчы просо.

[Там же. Шейн, № 134б.]

3.

Дождик, дождик, пуше!
Дадим тебе гуши,
Дадим тебе ложку —
Хлебай понемножку.
Я — убогий сирота —
Отворяю ворота
Крючком, пяточком,
Беленьким платочком.

[Там же. Шейн, № 137.]

ДРАЗНИЛКИ И ИЗДЕВКИ.

1.

Уж ты, Филя, простота!
Купил лошадь без хвоста,
Поехал жениться, —
Привязал корытце.
Корытце болтается,
Жена сидя улыбается.

[Там же. Шейн, № 190.]

2.

Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина —
Не чернилом, не пером,
Из лохани помелом.

[Г. Виноградов. — Детская сатирическая лирика,
Иркутск, 1925, стр. 36, № 70.]

3.

Петька-петух
На заваленке протух,
Яичко снес,
Казакам снес,
Казаки не берут,
Петьку за уши дерут.

[Омск. Виноградов, № 100, стр. 38.]

4.

Как по речке по реке
Ехал рыжий на быке,

Рыжий красного спросил:
— Чем ты бороду красишь?
— Я ни краской, ни помазкой,
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал.

[Тула. Шейн, № 197.]

5.

Пегушка пегая
Мимо двора бегала,
Диковинку видела:
Едет барин на козе,
А барыня на баране,
А малые барчата,
Словно поросята:
В закоулках хрючат, —
Знать, спать не хотят.

[Бывш. Самарской губ., ныне Куйбышевской
обл. Шейн, № 203.]

СЧИТАЛКИ.

1.

Ты куколка, я куколка,
ты маленька, я маленька,
приди ко мне в гости.
Я б радешенька была,
да боюсь тивуна.¹
Ты не бойся тивуна:
тивун тебе не судья,
судья — наш владыка.

[Г. Виноградов. — Русский детский фольклор,
I, Иркутск, 1930, № 403е, стр. 199.]

Упоминание тиуна встречается в весьма разнообразных песенках-считалках. Вот еще одна из них:

Куколка, куколка,
ячменная струколка,
что ты дома не была?
Боялась дрыгуна:²
дрыгуновы дети
хотели летети,
пришли попу сказати,
а поп с печки,
отшиб плечки;
попадья с грубки,
отшибла губки;

¹ Тивун — тиун, судья.

² Неопытное слово «тиун» («тивун») заменено здесь словом «дрыгун».

бабка Арина
горов доила.
Звездой лоб
лысый поп.

[Виноградов, № 403в, стр. 199.]

2.

Заяц белый,
куда бегал?
В лес дубровый,
лыки драг.
Куда клал?
Под колоду,
под дуброву.
Кто украл?
Родион.
Пойди вон!

[Виноградов, № 387д, стр. 194.]

Любопытны вариации этой считалки:

а) Заяц белый, куда бегал? Лыко драг. Куда клал? Под колоду. Кто украл? Родион, пойди вон	на боярский двор. Там шапки пушат, перепушивают, ожерелки садят, пересаживают, в коробейку кладут, не докладывают, да и вам берегут.
--	---

[Виноградов, № 494, стр. 211.]

б) Заяц белый, куда бегал? В лес дубовый. Что там делал? Лыки драг, Куда клал? Под колоду. Кто украл? Раз, два, три —	это, верно, ты; раз, два, три, четыре, пять — это, верно, ты опять; раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь — это, верно, ты совсем; раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь — становися в угол носом.
---	--

[Виноградов, № 92, стр. 150.]

В последнем случае видим, в сущности, соединение двух отдельных считалок в одну.

3.

В синем море-океане
золотой корабль плывет,
а на острове Буяне
темный лес растет.
Станем думать да гадать,
как нам сосны сосчитать;

как ни думай, ни гадай,
только нас ты догоняй.

[Виноградов, № 362, стр. 189.]

4.

Таракан дрова рубил,
комар по воду ходил,
грязью ногу завязил;
муха вытаскивала,
живот надрывала;
попадья, широкая размазня,
породила воробья двухвостень-

кого;
повадился воробей
к красным девушкам ходить.
Вышвод¹ его поймал.
Ах ты, батюшка-евод!
Ты не бей меня кнутом,

остриги меня кругом,
на макушечке оставь,
во попы меня поставь!
Кто ни едет, кто ни-йдет —
Что ты, батюшка, служишь без
порток?

Я не ездил во торги,
не купил себе портки,
я поеду во Торжок,
я куплю себе порток:
выстрочены, поистрочены.
Кто тебе строчили?
Таракашки источили.

Пример более сложной считалки (считалкой оказывается здесь шутливая песенка).

[Виноградов, № 444, стр. 204—205.]

5.

Экэтэ пэкэтэ	ики пики
дукэтэмэ	драматики
аболь фаболь	донэ занэ
доминэн,	заяц, вон.

«Заумная» считалка.

[Виноградов, № 177и, стр. 161.]

МОЛЧАНКИ.

1.

Сорок амбаров	кошку драчу,
сухих тараканов,	мышь погану —
сорок кадушек	кто промолвит,
мокрых лягушек,	тот все съест.

[Виноградов, № 3, стр. 141.]

2.

Шел молчан
по всем городам;
кто стукнет-брякнет,
за волосы драть,

¹ Воевода.

до слез добивать.
Последнее слово: тпру.
Аминь!

[Виноградов, № 9а, стр. 142.]

ИГРОВЫЕ.

1. Мак.

Играющие составляли круг, в середине которого садился один (выбранный по жребию) — Ермак. Круг двигался и пел:

Маки, маки, маковицы,
Золотые головки!
Станемте мы так,
Спросимте про мак!

Тут один из круга спросит:

Ермак, Ермак!
Поспел ли мак?

Ермак:

Только посеян.

Хор снова начинал петь первый куплет, который он повторял после каждого из четырех следующих вопросов Ермаку; последний отвечал: на второй — «Всходит», на третий — «Цветет», на четвертый — «Зреет», на пятый — «Поспел».

[Бывш. Костромской губ., ныне Ивановской обл. Шейн, № 276.]

2. Кострома.

Эту игру играли преимущественно девочки. Выбирали они по жребию двух: одну — в бабушку или няньку, а другую — в большую Кострому. Нянька садилась на пол, больная ложилась к ней на колени, а остальные все, взявшись за руки, ходили вокруг них и пели:

Костромушка, Кострома,
Сударыня ты моя!
Состарила ты меня
Своим умом-разумом,
Своею походкою,
Скорою поговоркою.

Играющие: Тук-тук у ворот!

Нянька: Кто там?

Играющие: Кузьма Криворот.

Нянька: Зачем?

Играющие: Кострома дома?

Нянька: Нету-ти, в город уехала.

Хоровод опять ходил с тою же песнею вокруг няньки и, остановившись, представлял еще какой-нибудь из участниц возобновить разговор с нянькой в таком роде:

Играющие: Тук-тук у ворот!

Нянька: Кто там?

Играющие: Кузьма Криворот.

Нянька: Зачем?

Играющие: Кострома дома?

Нянька: Обедает.

Повторялось то же, и на вопрос играющей «Кострома где?» няня отвечала: «Живот заболел».

Играющие: Тук-тук у ворот!

Нянька: Кто там?

Играющие: Кузьма Криворот.

Нянька: Зачем?

Играющие: Кострома где?

Нянька: При смерти.

На следующие вопросы отвечали:

За понами послали.

Под образами лежит.

Обмывают.

Унесли на погост.

Кострому хоронили, и все ложились спать недалеко от нее. Ночью Кострома вставала и, ударяя по несколько раз каждого из спящих, приговаривала: «Пеките блины, поминайте Кострому». Спавшие вскакивали и рассказывали друг другу: «А что я видел во сне! Кострома приходила и говорила: Пеките блины, поминайте Кострому». Все шли на место погребения Костромы. Последняя вскакивала и гонялась за всеми до тех пор, пока не переловит их всех. Этим игра и кончалась.

[Бывш. Курской губ., ныне области. Шейн, № 280.]

ПОСЛОВИЦЫ.

Пословицы — один из самых элементарных видов художественного творчества; это — краткие (обычно в одной фразе, то более сложной, то простой) образные выражения той или иной мысли.

Пословицы записывались обыкновенно без всяких указаний на их происхождение. Однако самый характер пословиц обычно достаточно четко вскрывает их историческое происхождение. Так, некоторые мифологические пословицы восходят своими корнями, может быть, еще к периоду доклассового общества. Церковно-правовые пословицы являются результатом церковной пропаганды, которая велась в течение многих столетий, начиная с X—XI вв. Крепостнический период дал, главным образом, пословицы о «господах», о чиновниках, о попах (последние могли возникать еще и раньше). Феодално-крепостнические отношения отразились преимущественно и в пословицах хозяйственных. Крепостнические взгляды на женщину проявились в ряде пословиц о женщинах; враждебное отношение к рабскому и вынужденному труду явилось основой бытовых пословиц, говорящих о труде. Совершенно иное отношение к труду и к женщине мы видим, например, в пословицах и частушках нашего времени (см. в отделе «Пооктябрьский фольклор»).

Великая социалистическая революция в корне изменила положение женщины; ленинско-сталинская политика привела к новой жизни все отсталые и угнетенные народности и слои населения старой России и сделала женщину равноправным членом строящегося социалистического общества, а труд стал «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства». Появились и новые пословицы, примеры которых мы приводим в отделе «Пооктябрьский фольклор».

О КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ.

Князья в платье, бояре в платье, — будет платье и на нашей брате.

✓ Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а тот, кто по ней за сохой ходит.

✓ На одно солнце глядим, да не одно едим.

Утиногo зoбa не нaкoрмишь, a гoспoдскoгo кaрмaнa не нaпoл-
чишь.

Барскoй рaбoты не пeрeрaбoтaeшь.

Нуждa учит, a бaридинa мучит.

Один с сoшкoй, a сeмeрo с лoжкoй.

Рoем зeмлю дo глины, a eднм мякинy.

Зoлoтo мoeм, a сaми гoлoсoм вoeм.

Хлeб дa вoдa — тo нaшa крeстьянскaя eдa.

Лeг — свeрнулcя, встaл — встряхнулcя, вoт мoя жизнь.

Хoрoшo в нaймe, дa не дaй, бoжe, мнe.

Вoзьмeшь лычкo, oтдaшь рeмeшoк.

В гoрoдe не пaшут, дa кaлaчи eдят.

Крeстьянскими мoзoлями и бaры сьты живут.

Барскaя хвoрь — мужицкoe зoрoвьe.

Бeлые рyчки чужие тpyды лoбят.

Бoгaтый и в бyдни пирyeт, бeдный и в пpaздник гoрyeт.

От тpyдoв пpaвeдных не нaживeшь пaлaт кaмeнных.

От рaбoты не бyдeшь бoгaт, a бyдeшь гoрбaт.

Пpaвдa в лaнтях, a кривдa хoть и в кривых, дa в сaпoгax.

Ешь мeдвeдь бaринa, oбa не нaдoбны.

Бaтyшкa Питeр бoкa нaм вытeр, бpaтцы зaвoды yнeсли гoды,
a мaтyшкa кaнaвa сoвсeм дoкoнaлa.

О СУДЕ И О ЧИНОВНИКАХ.

Кoзa с вoлкoм тягaлaсь, рoгa дa кoпытa oстaлись.

В сyд нoгoй — в кaрмaн рyкoй.

Сyд пpaмoй, дa сyдья кривoй.

Из сyдa, чтo из пpyдa — сyх не выйдeшь.

Сyхaя лoжкa рoт дeрeт.

Нeпoдмaзaннoe кoлeсo скpипит.

Зeмля лoбит нaвoз, лoшaль — oвeс, a вoeвoдa — пpинoс.

Вoeвoдa хoть и не стoит лыкa, a стaвь eгo зa вeликo.

Вoeвoдскaя пpocьбa — стрoгий пpикaз.

Пeрo стpaшнo не y гyсaкa, a y дьякa.

Пoдьячий лoбит кaлaч гoрaчий.

Пoдьячий — пoрoды сoбaчьeй, пpикaзный — нaрoд пpoлaзный.

Кaрмaн сyх, тaк и сyдья глyх.

Зaкoн — дышлo: кyдa пoвeрeшь — тyдa и вышлo.

Кaзeннaя пaлaтa oт мужикoв бoгaтa.

Кaзнa вoюeт, a сyмa гoрyeт.

О ПОПАХ.

Сyдeйский кaрмaн, чтo пoпoвскoe бpyxo.

Пoпoвскoe бpyxo из сeми oвчин спитo.

У пoнa глaзa зaвидyщие, рyки зaгpeбyщие.

Рoдись, крeстись, жeпись, yмирай — зa вce пoпy дeньги oтдaвай.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ (СТАРЫЙ БЫТ).

Ранний пар к позднему в амбар не ходит.
Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.
Хоть голодать, а добрым семенем засеивать.
На Феклу копай свеклу.
До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

БЫТОВЫЕ (СТАРЫЙ БЫТ).

Дело не медведь, в лес не убежит.
Всего вдруг не сделаешь.
Тише едешь, дальше будешь.
Кто богат, так тот мне и брат.
Не обманешь — не продашь.
Товар лицом продают.
Денежка счет любит.
Ласковое теля двух маток сосет.

О ЖЕНЩИНАХ (СТАРЫЙ БЫТ).

Курица не птица, баба не человек.
У бабы волос долог, да ум короток.
Бабе дорога — от печи до порога.
Свекор — гроза, а свекровь выест глаза.

О ВЕРОВАНИЯХ.

Взял боженьку за ноженьку, да и об пол.
Который бог вымочит, тот и высушит.
Жил в лесе, молился пням.
Старый ворон мимо не каркает.
Был бы лес, будет и леший.
Кто не верит приметам, нет тому житья на свете.

ИСТОРИЧЕСКИЕ.

Здесь словно Мамай воевал.
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.
Погиб, как пшвед под Полтавою.
Голодный француз и вороне рад.
Приехал Кутузов бить французов.

[Иллюстр. — Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках, М. 1915.

Даль. — Пословицы русского народа. М. 1862.]

СКАЗКИ И АНЕКДОТЫ.

Сказки и анекдоты (образцы которых мы объединяем в настоящем отделе) — один из богатейших и разнообразнейших видов дореволюционного фольклора.

Сказки — рассказы фантастического или авантюрно-повеллистического характера. В фантастике и чудесном элементе сказок обычно отражаются мифологические представления (частью вошедшие и в позднейшие религиозные системы; отсюда — «сказочность», например, библейских и т. п. рассказов). Передки также в сказках следы прежних стадий экономического и социального развития (людоедство, кровосмешение, жестокие казни и пр.). Сказки мифологического характера возникали еще в доклассовом обществе, где им придавалось серьезное значение: в них верили, использовали их в обрядах и т. п. Близки к древнейшим мифологическим рассказам «бывальдины» или предания о «сечистой силе» (о домовых, леших и пр.), отражающие анимистические представления (см. выше отдел преданий).

В более позднее время сказки явились в особенности выражением чаяний и ожиданий народных. Героями сказок часто являются крестьянский сын, крестьянин-бедняк, солдат. Сохраняя многие черты глубокой древности, сказки вместе с тем впитывают в себя элементы позднейшей жизни. Так, например, волшебная сказка о трех царских дочерях, известная во многих вариантах, в изложении Аксаментова приобретает ярко выраженный солдатский характер: пляска-солдат посрамляет генералов и становится царским наследником. В сказке «Жалная старуха» отчетливо проявляются черты крепостнического периода; сказка «Горе» рисует дифференциацию деревни (бедный и богатый брат) и выражает стремление к зажиточной жизни.

Народная среда выдвинула многих мастеров-рассказчиков. Издавна существовали также вышедшие из народной среды специалисты-профессионалы, занимавшиеся рассказыванием сказок (они рассказывали сказки, между прочим, и в высших слоях, вплоть до царских семей). Эти народные мастера и профессионалы создали богатую и своеобразную поэтику сказок, и сказки являются одним из важнейших видов устного народного творчества.

Анекдотами в устном творчестве называют рассказы юмористического характера и небольшого (а иногда и очень малого) объема. В отличие от сложных по композиции сказок, в анекдотах, как правило, излагается какой-либо один эпизод, одно событие. Однако существуют рассказы анекдотического характера более сложные по составу; такие рассказы называют анекдотическими сказками (такова, например, сказка о ловком воре «Капсирко» или сказка «Старичок Осип и три попа»). Такие анекдотические сказки примыкают к сказкам новеллистического характера (например, «Хам-вор» или «Горшеня»), и граница между этими жанрами не является особенно точной.

По изложению анекдоты обычно отличаются от сказок большей простотой. Основная задача их — вызвать комический эффект; некоторые анекдоты строятся только на игре слов, на каком-либо остроумном изречении и т. д.

Анекдоты — одна из самых жизненных и гибких форм фольклорных произведений. Они легко откликаются на самые разнообразные явления действительности, в них особенно четко проявляется социальная и политическая направленность. Многие анекдоты явно и резко направлены против помещиков, чиновников, попов.

Рано анекдоты проникли в литературу; с ними связаны французские фавль, немецкие шванки, многие итальянские новеллы и так называемые «фацеции». Еще в XVII в. в России появился в переводе с польского языка сборник анекдотов под заголовком «Фацецы или жарты польские». В фольклоре анекдоты чрезвычайно многочисленны и широко распространены.

Приводим описание рассказывания сказок из статьи А. А. Макаренко «Две сказки русского населения Енисейской губернии» («Живая старина», 1912, вып. II—IV, стр. 353—354):

Мне пришлось встретить на Ангаре, в...с. Кежме, интересного «показателя» сказок. Это был пожилой крестьянин-старожил, полный слепец с ранних годов женитьбы, крайне бедного положения, поддерживаемый трудами своей жены и сына, которые вели скромное сельское хозяйство. Имя ему было Ефим Максимович, а по фамилии Кокорин; в общезнании называли его попросту Чима. Это был доброй души человек, приветливый, полезный для окружающих своим острым умением вести на память календарное днеисчисление. У Чимы имелся, кроме того, богатый запас поговорок, загадок, задач, присказок, песенного и сказочного материала, а главное, он обладал живым воображением, горячей фантазией и незаурядной плавностью речи, чем положительно увлекал своих слушателей. Они собирались то к нему в избу, то приглашали его на устроенное где-либо собрание. Чима занимал их побасенками, сказками. Так коротали кежемцы долгие зимние ноченьки.

Еле-еле горит своим фитильком крохотная лампочка без стекла, стоя на вбитой в стенку полочке. Сизые волны махорочного дыму, пар от людских тел и копоть лампочки почти заволокли ее слабый свет. Тесно набилась в небольшую избу взрослые и малые. Размякли и разопрели они, сидя в своей «лопоте» (одежде), подогретые топившейся железной печкой и близким прикосновением друг к другу. Многие из них уже прикурили и спят. Остальные с неослабным вниманием и жадным любопытством дослушивают рассказ о необычайных перипетиях сказочного героя, который

для них, людей с примитивною мыслью и непосредственными чувствами, в данное время являлся чуть ли не реальной личностью, а его происхождения — как бы осколком действительности, но удивительной, заманчивой, привлекательной своей красочной обстановкой, трагизмом положения действующих лиц, чудесными оживлениями и благоприятным исходом в конечном результате. Более экспансивные, не могущие овладеть собственным спокойствием, то и дело подавали реплики и вставляли свои комментарии в особо, по их мнению, поразительных местах сказки. Да и сам Чима, в одном случае, как красноречивый «посказитель», в другом, поддавшись невольно очарованию сказочного повествования, то делал многозначительную паузу, запуская понюшку табачку в свой нос, заимствуя из своей или предупредительно предложенной соседом тавлинки, то изменял интонацию голоса, из ровного повествовательного тона переходил на мрачный или повышенный и живой, чем производил неотразимое впечатление на слушателей, психологию коих Чима изучил вполне.

Между тем, у Ефима Максимовича представление о сказке было самое реалистически-прозаичное. Свое отношение к ней он выразил однажды в стильной поговорке: «Песня — быль, сказка — врач». Несмотря на это, он ценил народный сказочный вымысел как продукт вольного творчества человеческого ума, перед которым он по своему преклонялся, и как сюжет многообразного воображения, на канве которого и его, Чимы, фантазия могла, не стесняясь, вышивать цветистые узоры собственных картин и положений. Сказка давала ему самому, может быть, приятный отдых от докучливых мыслей, навеваемых его слепотой и горькой участью. В сказке Ефим Максимович упражнял свою речь, красовался ее благозвучностью и гладкостью или рифмой, вычурностью и образностью выражений, которые он сам творил или черпал в сказочном стиле неведомого творца, как и тот юмор, каким бывает пересытана иная сказка, иная побасенка. Способ изложения сказки показывал воочию умение Чимы распорядиться сказочным материалом так, чтобы видны были начало и конец сказки да и середка стояла бы у места, в непосредственной связи с предыдущим и последующим. Сказка собирала ему аудиторию. Ею Чима, долгими часами, будоражил мысль и чувства слушателей, уносил их воображение в сказочный мир, в сферу деяний эпических героев и козней людей с злой волей и всякой «нехристи». Сказкой Ефим Максимович отвлекал на время свою среду от будничных дел, отупляющей работы и обстановки, от нерадостных дней невзрачной действительности.

✓ 1. ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК.

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целой воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе, как мертвая. «Вот будет подарок жене», сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел вперед. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбе да по рыбе, все по рыбе да по рыбе. Повыбросала всю рыбу, и сама ушла.

— «Ну старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу.» — «Где?» — «Там на возу — и рыба, и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах ты, старой хрен! такой-сякой! ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманек!» — «Дай мне рыбку!» — «Налови сам да и ешь». — «Я не умею». — «Эка, вить, я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в пролубь — рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел на реку, опустил хвост в пролубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! бейте его! бейте его!» Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплату, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? меня всего исколотили!» — «Эх, куманек, — говорит лисичка-сестричка, — у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня большей твоего прибили; я насылу плетусь». — «И то правда, — говорит волк, — где тебе, кумушка, уж итти, садись на меня, я тебя довежу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет». — «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманек, говорю: битый битого везет». — «Так, кумушка, так!»¹

— «Давай, куманек, построим себе хатки». — «Давай, кумушка!» — «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную». Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке — лубяную, а волку — ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! — говорит волк, — ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть». — «Пойдем, куманек, еще покопаемся, кому-то кого достанется есть». Вот, лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит: «Прыгай! если ты перепрыгнешь через яму —

¹ Сказка о лисе и волке в бывш. Тамбовской губ. (ныне области) оканчивается несколько иначе. Встречается избитый волк с лисою. «Бирюшка, бирюшка! (бирюк — волк), а где же ты хвост-то потерял?» спрашивает лиса. «Да вот я от твоей науки принял такой муки, что и хвост-то потерял». — «Ци! бирюшка! с кем беда не живет; посмотри-ка, мне и головушку всю испробили». Волк сажает лису на себя и везет, она припевает: «Битый небитого везет». Волк услышал припев лисы, увидел, что она смеется над ним, и растерзал ее.

тебе меня есть, а не перепрыгнешь — мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну, — говорит лисичка, — сиди же тут!» — и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просится к мужику в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? я за нее и гусочку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку,
За скалочку — гусочку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ошпиала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? я за нее индюшечку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку,
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас, сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ошпиала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка? я за нее не возьму и невесточку!» Мужик — делать нечего — отдал ей за индюшечку невесточку, лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку,
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невесточку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» — «Я, лисичка-сестричка, пустите переночевать». — «У нас и без тебя тесно». — «Я не потесню вас, сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку вышустил из мешка невесточку, а впишал туда собаку.

Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит: «Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шкваркнет мешок с собакою, да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! слезь сюда, я тебя исповедаю. У тебя семьдесят жен, ты всегда грешон». Петух слез, она хватя его и скупала.

Записана А. Н. Афанасьевым в бывш. Бобровском у. Воронежской губ., ныне области.

[А. Н. Афанасьев. — Народные русские сказки, № 1а.]
Одна из популярнейших сказок о лисе и волке; известны многочисленные варианты ее, европейские, кавказские, среднеазиатские и североазиатские, африканские и североамериканские. В различных случаях в одну сказку объединяется различное количество отдельных эпизодов.

✓ 2. ЛИСА-ПОВИТУХА.

Жили-были волк да лисичка. У лисички-то изба была ледяная, а у волка-то лубяная. Лето стало — у лисички избашка и растаяла. Пошла она к волку на фатеру проситься: «Пусти-ко, кум, меня на лесенку». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно».

Взошла кума на лесенку; как бы добраться до печки? Начала она умолять кума не вдруг, а потихоньку, помаленьку: «Пусти-ко, кум, меня на крылечко-то». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Взошла на крыльцо: «Пусти-ко, кум, меня в си(е)нцы-те». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно».

Взошла в сени: «Пусти-ко, кум, меня в избу-то». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» Пришла в избу: «Пусти-ко, кум, меня на голбчик-от». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум». — «Ну, лизь инно!» Влезла на голбчик: «Пусти-ко, кум, меня на полатцы-те». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум!» — «Ну, лизь инно!» А с полатей просится: «Пусти-ко, кум, меня на печку-то». — «Нет, кума, не пушшу». — «Пусти, кум!» — «Да уж лизь ты!» с досадою сказал волк.

Легла кума на печку, да и постукивает хвостиком: «Чу! кум, меня зовут бабиться». — «Поди», отвечает кум. Пошла кума на вышку, нашла кринку масла да и почала ее; пришла назад в избу. Волк спрашивает: «Кого бог дал, кума?» — «Початышка». Легла опять да постукивает, и говорит: «Чу! кум, меня бабиться зовут!» — «Поди, кума!» Сходила на вышку и пришла назад. Волк спрашивает: «Кого бог дал, кума?» — «Середышка». Легла опять на печку да постукивает, и говорит: «Чу! кум, меня бабиться зовут». — «Поди, кума!» Воротилась кума, а волчок-от спрашивает: «Кого бог дал, кума?» — «Заскребышка».

Волк хотел оладьи печи, пошел на вышку, а масла-то нету. Спрашивает он куму: «Ты, кума, съела масло?» — «Нет, ты, кум! Ляжем-ко на шесток-от, у кого масло выпрежится?» Волк уснул, а у лисички

выпреглось масло; она им и вымазала кума. Пробудился волк; лисичка ему и говорит: «Ведь ты, кум, съел!» Он говорит: «Нет, ты, кума!» Спорили да спорили и не могли переспорить один другого...

Кума рассердилась, пошла куды-то и легла на дорогу, а мужик с рыбой ехал да и думает, что лисичка пропала, взял ее и бросил на сани. Она проела у него бочку с рыбой и рыбу рассыпала. Приехал мужик домой и посылает жену: «Поди-ко, жена, я лисицу привез». Пошла жена: ни рыбы, ни лисицы нет. Лиса собрала рыбу и плет к куму волку: «Ли-ко, ¹ кум, сколько я наудила!» — «Поведи-ко меня, кума, научи». — «Вот как удь: хвост-то умочи в воду-то». Пошел кум, умочил хвост да и приморозил. Лисичка стала смяться над кумом: «Есни, есни на небе, мерзни, мерзни у волка хвост!» Он не учул да и спрашивает: «Чего ты, кума, говорила?» — «Чтоб бог дал тебе боле рыбы-то». Бабы пришли да и убили волка, а лисичка убежала.

Записана в бывш. Чердынском у., Пермской губ., ныне Свердловской обл.

[А. Н. Афанасьев, — Народные русские сказки, № 2b.]

3. ЛИСА И РАК.

Лиса и рак стоят вместе и гварят прамёш sibя. Лиса гварит раку: «Давай с тобой пирганятца». Рак: «Штош, лиса, ну, давай!» Зачали пирганятца. Лишь лиса пабегла, рак удышилси лисе за хвост. Лиса да места дабегла, а рак ни атдышляида. Лиса абярнулась пысма-треть, вярнула хвостом, рак атдышилси и гварит: «А я давно уж жду тибя тут».

Записана в бывш. Тамбовской губ., ныне области.

[Афанасьев, № 15.]

Рассказ басенного характера; древнейшие тексты известны с XIII в. Приводим для сравнения армянскую притчу Вардана (XIII в.):

Лиса и рак подружились друг с другом и побратались; принялись за работу, поселили вместе, во время жатвы трудились вместе, как принято у земледельцев, и навалили кучу пшеницы. Лиса говорит раку: «Начальники и старшины нашего села благоусмотрели, чтобы ты взял одну часть, а я две части». Рак сморщился при этих словах лисы; принялись они судить и рядить, но оставались при разных мнениях, и спор между ними затянулся. Рак тогда говорит лисе: «Иди, пойдем в дальнее место и побежим; кто раньше другого достигнет вороха, тот пусть возьмет две части пшеницы». Услыхав это, лиса очень обрадовалась.

Отошли они подальше от гумна. Рак поставил лису вперед и говорит: «Беги раньше меня!» Рак ухватился за кончик хвоста лисицы и последовал за нею, чего лиса от сильной радости не могла заметить. Когда лиса добралась до гумна, в душе сказала: «Обернусь и посмотрю, идет ли рак?» Когда поворачивалась она, рак с кончиком ее хвоста достал до вороха. Рак взял меру, стал мерить и приговаривать: «Бъ смилай уаёт», что в армянском

¹) Гли-ко, гляди-ка.

переводе значит: «Во имя бога, один». Увидев рака на ворохе, лиса с удивлением сказала: «Быстро бегать, положим, ты умел, но кто выучил тебя арабскому языку?» Такою мудростью победил рак лису и взял себе две части шеницы.

Притча поучает нас в духовных вещах рассуждать мудро. Соломон изволил говорить: «Мудрость воспевается на концах улиц». Апостол говорит: «По мудрости будете узнаваемы в духовных (вещах)». Вот по истине лиса — коварное и умное животное, и за коварство она уподобляется диаволу. Но рак победил лису мудростью: так же следует нам мудро выбрать добрый путь. Обманув диавола, люди войдут в божье царство и получат мзду от господя: возьмут они то, что взял рак, и будут блаженны в неомраченных радостях.

[Н. Я. Марр. — Сборники притч Вардана, ч. I. СПб., 1899, стр. 19.]

4. ПАНУТАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ.

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клоч и тот пололам, а коли вилы в бок — так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник: за каждый час на промысле, и где плохо лежит — тут у него и брюхо болит. Вот однажды лежат себе козел да баран и разговаривают промеж себя; где ни взялся котик-мурлышко, серый лобик, идет да таково жалобно плачет. Козел да баран и спрашивают: «Кот-коток, серенькой лобок, о чем ты, холя, плачешь, на трех ногах скачешь?» — «Как мне не плакать? Била меня старая баба, била-била, уши выдирала, ноги поломила да еще удавку припсала». — «А за какую вину такая тебе гибель?» — «Эх, за то гибель была, что себя не опознал да сметанку слизал». И опять заплакал кот мурлыко. «Кот-коток, серый лобок! о чем же ты еще плачешь?» — «Как не плакать? Баба меня била да приговаривала: ко мне придет зять, где будет сметаны взять? За неволю придется колоть козла да барана». Заревели козел и баран: «Ах, ты, серый кот, бестолковой лоб! за что ты нас-то загубил? Вот мы тебя забодаем!» Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали втроем думу думать: как быть и что делать? «А что, середний брат баранко!» спросил мурлыко: «крепок ли у тебя лоб: попробуй-ка о ворота». Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат мрасище-козлище, разбежался, ударился — и ворота отворились.

Пыл столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот-серый лоб. Устал он и возмолился названным братьям: «Ни то старший брат, ни то средний брат! не оставьте меньшого братишку на съеденне зверям». Взял козел, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам. Долго бежали — и день и ночь, пока в ногах силы хватило. Вот пришло крутое крутище, станова становище; под тем крутищем — скошенное поле, на том поле стога, что города, стоят. Остановились козел, баран и кот

отдыхать; а ночь была осенняя, холодная. «Где огня добыть?» думают козел да баран; а мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами. Стукнулись козел с бараном да таково крепко, что искры из глаз посыпались: берестечко так и зарыдало. «Ладно», молвил серый кот, «теперь обогреемся», да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путем обогреться, глядь — жалует незванный гость, мужик-серячок Михайло Иванович. «Пустите», говорит, «обогреться да отдохнуть: что-то неможется». — «Добро жаловать, мужик-серячок муравейничек! Откуда, брат, идешь?» — «Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться». Стали вчетвером темную ночь делить, медведь под стогом, мурлыка на стогу, а козел с бараном у тепнины. Идут семь волков серых, восьмой белой — и прямо к стогу. «Фу-фу», говорит белый волк, «не-русским духом пахнет. Какой-такой народ здесь? давайте силу пытать!» Заблеяли козел и баран со страстей, а мурлышка такую речь повел: «Ахти, белой волк, над волками князь! не серди нашего старшого: он, помилуй бог, сердит! — как расходится, никому не сдобровать. Аль не видите у него бороды? В ней-то и сила; бородаю он зверей побивает, а рогами только кожу сымает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дискать, поиграть с твоим меньшим братишком, что под стогом-то лежит». Волки на том козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вот он крепился-крепился, да как хватит на каждую лапу по волку; запели они Лазаря, выбрались кое-как да, поджав хвосты, подавай бог ноги!

А козел да баран тем времечком подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, а козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли. Волки стоят под елью, зубы оскалили и воят, глядя на козла и барана. Видит кот серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать: «Раз волк! два волк! три волк! — всего-то по волку на брата. Я, мурлышко, давеча двух волков съел и с косточками, так еще сытхонек; а ты, большой братим, за медведями ходил, да не изловил — бери себе и мою долю!» Только сказал он эти речи, как козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А мурлыка знай свое кричит: «Держи его, лови его!» Тут на волков такой страх напал, что со всех ног принустили бежать без оглядки. Так и ушли.

[Афанасьев, № 19в.]

Приводим для сравнения юрскую сказку:

ЛИСИЦА.

Лисица нашла два чума. В одном из них жили медведь, волк и росомаха, в другом — корова и чайка-мартышка.

— Тут мирный народ живет, — подумала лисица и поселилась с коровой и чайкой.

Корова и чайка рассказали лисице, что вдалеке от них стоит третий чум, а кто живет в нем — они не знают. Лисица пошла узнавать, кто живет в этом чуме. Она тихонько подошла к нему и стала подсматривать, прислушиваться. В чуме было тихо, и возле него никого не было. Лисица увидела развешанные на крыше чума росомашьи шкуры:

— Возьму, это может мне пригодиться.

Лисица стащила одну шкуру и вернулась в свой чум. Вечером она послала чайку к соседям разузнать, что они будут делать завтра.

Чайка вспорхнула и улетела. Лисица и корова недолго ждали ее. Чайка прилетела обратно.

— Ну, что ты узнала? — спросила лисица. — Говори нам.

— Я тихонько села у дымохода и услышала, как медведь сказал росомахе: «Завтра утром мы с волком пойдем на охоту, а ты останешься домовничать. Пока мы ходим, ты убей корову из соседнего чума и приготовь нам поесть».

— Хорошо, — сказала лисица, — давайте ложиться спать.

Утром медведь и волк ушли на охоту, росомаха осталась домовничать. Лисица подала корове росомашью шкуру и сказала:

— Мы с чайкой пойдем на охоту, а ты сиди в чуме и никого не бойся. Если росомаха придет к тебе, ты возьми шкуру и скобли ее. Росомаха скажет: «Корова, я пришла убить тебя», а ты ей ответь: «Как ты меня убьешь? Я сама убила вчера одну росомаху, вот теперь сижу и выделываю ее кожу».

Только что лисица с чайкой ушли на охоту, к корове прибежала росомаха и говорит:

— Корова, я тебя убью.

— Подожди немножко, — сказала корова. — Дай мне доскоблить шкуру. Вчера я убила одну росомаху, теперь сижу и мучаюсь с ней.

Росомаха испугалась и убежала. Сидит она в чуме и ждет смерти.

К вечеру лисица и чайка вернулись с охоты. Они убили одну куропатку. Поели. Корова рассказала, как она напугала росомаху.

— Это хорошо, — сказала лисица и послала опять чайку разузнать, что добыли медведь с волком и что они будут делать завтра.

Чайка вспорхнула и улетела к соседнему чуму. Села тихонько у дымохода и слушает, как медведь говорит росомахе:

— Эх, ты-ы! Корова испугалась. Завтра останется домовничать волк. Пока мы с тобой ходим на охоту, он убьет корову и приготовит нам много мяса. Волк не побоятся коровы.

Чайка вернулась назад и все, что слышала, рассказала лисице.

— Волка бояться нам нечего. Ложитесь спать.

Ночью лисица сбегала к третьему чуму и притащила домой волчью шкуру и улеглась спать.

Утром медведь и росомаха ушли на охоту, волк остался домовничать. Лисица дала корове волчью шкуру и сказала:

— Мы с чайкой пойдем на охоту, а ты сиди в чуме и никого не бойся. Если придет к тебе волк, ты возьми волчью шкуру и скажи ему так же, как говорила росомахе.

Лисица с чайкой ушли на охоту. К корове прибежал волк и говорит:

— Корова, я тебя убью.

— Не торопись, дай мне доскоблить шкуру, — ответила корова. — Видишь, я убила вчера одного волка, вот теперь сижу и мучаюсь с ним.

Волк увидал шкуру, испугался и убежал от коровы.

К вечеру лисица и чайка вернулись с охоты. Они убили опять одну куропатку. Корова рассказала, как она напугала волка. Посмеялись.

— Это хорошо, — сказала лисица и снова послала чайку разузнать, что добыли медведь с росомахой и что они думают делать завтра.

Чайка улетела, все разузнала и вернулась назад.

— Ну, рассказывай, что ты слышала, — сказала лисица чайке.

Чайка ответила:

— Они ничего не добыли. Медведь сидел и говорил волку с росомахой:

— Эх, ребята! Какие же вы оба трусы. Коровы испугались. Теперь вот и приходится нам всем ложиться спать голодными. Утром вы идите вдвоем на охоту, а я останусь домовничать. Я то не испугаюсь коровы. Я задавлю ее.

Корова заплакала.

— Не плачь, — сказала лисица короле. — Ночью, когда наши соседи крепче уснут, мы тихонько встанем и убежим отсюда подальше.

Лисица, корова и чайка покинули свой чум. Они бежали всю ночь. Корова устала до того, что еле-еле шагает.

Лисица увидела, что корову оставляют силы, подвела ее к дереву и говорит:

— На этом дереве будем ночевать. Нам нужно скрыть свои следы. Лезьте.

Стало светать. Смотрит лисица: за ними погоня. Медведь, волк и росомаха бегут по ихнему следу. Добежали до дерева и потеряли след. Крутились, крутились. Медведь и говорит:

— Давайте подождем здесь дня. Со светом мы найдем, куда они убежали.

Все трое улеглись под деревом и уснули. У коровы с испугу заболел живот.

— Ой, лисица! — говорит она. — У меня живот болит. Что мне делать?

— Терпи.

— Не могу-у! — закричала корова и оборвалась с дерева.

Она упала на землю, да так напугала медведя, волка и росомаху, что те вскочили и кто куда...

Лисица прыгнула с дерева и сказала:

— Нам вместе не жить, а без меня вы пропадете. Пока вас не съели, я дам вам такой совет: ты, корова, иди на Енисей, там найдешь избу, в которой живет человек. Ты приди к нему и живи с ним. Он будет твоим хозяином. Без хозяина тебе в тундре не жить, у тебя голова плохая. А ты, чайка, отправляйся на полдень. Там ты найдешь теплое место и прозимуешь. Тут ты одна пропадешь. Будешь летать, куда попало, да крутить головой. Ты совсем глухая. Отправляйтесь, а я пойду разыскивать напуганных зверей и дам им тоже совет, как дальше жить. А то они осмелеют и будут мне за вас мстить.

Лисица нашла медведя. Он был напуган короле так, что лежал.

— Что ты думаешь делать? Как думаешь жить дальше? — спросила лисица.

— Как жил, так и жить буду, — сказал медведь.

— Но, нет! Так жить ты не будешь, — сказала лисица. — Пока ты жив, копай землю и на всю зиму ложись спать.

— А что я буду есть?

— Лижь свою лапу и этого хватит. До ползими лежи на одном боку а потом перевернись на другой бок и так лежи до весны.

Медведь принялся рыть себе нору. Лисица ушла искать волка. Нашла и говорит ему:

— Ты, что лежишь? Неужели так объелся, что не можешь ходить? Положим, мы жили недалеко друг от друга, и я знаю, как вы голодали. Это ты свалился с испугу. Скажи, что корова тебя напугала.

— Это ты ее научила, чтобы она разогнала нас, — сказал волк.

— Да, — сказала лисица. — Я разогнала вас, чтобы вы не жили вместе. А то вы никого не боялись. Пока я не позвала корову, ты лучше иди в тундру и живи там один. На еду можешь давить оленей. Ходи, где хочешь: места я тебе не указываю. Оленей давить старайся больше у бедных людей. У бедных людей стада маленькие, олени заезженные и охраняются плохо. У них нет нанятых пастухов, как у богатых. Беги.

Волк вскочил и убежал. Лисица пошла искать росомаха.

Разыскала и говорит ей:

— Ты что лежишь?

— Я испугалась коровы, — ответила росомаха.

— Хорошо, что корова тебя не убила и не содрала с тебя шкуру. Как же ты думаешь жить?

— Как? Как жила, так и жить буду.

— О, нет! Так жить ты больше не будешь, — сказала лисица. — Я тебе этого сделать не дам. Если хочешь остаться живой, тогда я укажу места, где тебе жить, и укажу пищу.

Росомаха до того была напугана коровой, что согласилась сделать так, как ей укажет лисица.

— Согласна, так слушай, — сказала лисица росомахе. — Ты ходи там, где захочешь. Когда тебе будут попадаться людские могилы, ты их разворачивай и ешь покойников. Если покойников не будет, ты ищи людские ловушки и ешь в них добычу. Ловушки зорь у бедных людей, потому что бедные люди заняты работой у богатых людей и им бывает некогда вовремя осматривать свои ловушки. Больше я тебе ничего не скажу. Иди.

Росомаха вскочила и убежала:

— Ну, теперь мне не страшно, — сказала лисица и отправилась искать себе лучшую жизнь.

Рассказал Килю Янтоне в Туруханске весной 1931 г.

[Северные сказки. Собраны и обработаны М. Ошаровым, Новосибирск, 1936, стр. 221—226.]

5. КОЗА.

Сидит козел и плачет: он послал козу за орехами; она пошла и пропала. Вот козел и заплак:

«Нет козы с орехами,

Нет козы с каменными!

Добро же, коза! пошлю на ты волки».

Волки найдут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, волки! пошлю на вас медведь».
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, медведь! пошлю на ты люд».
Люди неидут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, люди! пошлю на вас дубье».
Дубье нейдет людей бить,
Люди неидут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, дубье! пошлю на ты топор».
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди неидут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, топор! пошлю на ты камень».
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди неидут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, камень! пошлю на ты огонь».
Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди неидут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!
Добро же, огонь! пошлю на ты воду».
Вода нейдет огонь лить,

Огонь нейдет камень палить,
Камень нейдет топор тупить,
Топор нейдет дубье рубить,
Дубье нейдет людей бить,
Люди неидут медведь стрелять,
Медведь нейдет волков драть,
Волки неидут козы гнать:

«Нет козы с орехами,
Нет козы с калеными!

Добро же, вода! пошлю на тя бурю».

Буря пошла воду гнать,
Вода пошла огонь лить,
Огонь пошел камень палить,
Камень пошел топор тупить,
Топор пошел дубье рубить,
Дубье пошло людей бить,
Люди пошли медведь стрелять,
Медведь пошел волков драть,
Волки пошли козу гнать.

«Вот коза с орехами,
Вот коза с калеными».

[Записана в бывш. Никольском у., Вологодской губ., ныне области. Афанасьев, № 27а.]

Сказка принадлежит к числу так называемых цепных или кумулятивных (с постепенным нарастанием). Источник подобных сказок-песен видят в еврейском пасхальном песнопении; приводим это песнопение в переводе:

Один козлик, один козлик!

Которого отец купил за две зузы.¹

Один козлик, один козлик!

Пришла кошечка и съела козлика, которого отец купил за две зузы.

Один козлик, один козлик!²

Пришла собаченка и укусила кошечку, что съела козлика и т. д.

Пришла палочка и прибила собаченку, что укусила кошечку и т. д.

Пришел огонек и сжег палочку, что прибила собаченку и т. д.

Пришла водица и потушила огонечек, что сжег палочку и т. д.

Пришел бык и выпил водицу, что потушила огонечек и т. д.

Пришел резник и убил быченочка, что выпил водицу и т. д.

Пришел ангел смерти и убил резника, что зарезал быченочка и т. д.

Один козлик, один козлик!

Пришел святой (т. е. бог) — да будет он благословен — и умертвил ангела смерти, что убил резника, который зарезал быченочка, что выпил водицу, потушившую огонечек, что сжег палочку, прибившую собаченку, которая укусила кошечку, что съела козлика, которого отец купил за две зузы.

Один козлик, один козлик!

[И. Шейн. — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северозападного края, т. II, СПб., 1893, стр. 689—690.]

¹ Мелкая монета.

² Припев повторяется после каждой строфы.

Построила муха терем; пришла вошь-поползуха: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Муха-горюха; а ты кто?» — «Я вошь-поползуха». Пришла блоха-попрядуха: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха да вошь-поползуха». Пришел комар долгоногой: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха». Пришла мышечка-тютюрюшечка: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар-долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка». Пришла Лиса Патрикеевна: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар-долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка». Пришел зайюшка из-под кúстышка: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар-долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я Лиса Патрикеевна». Пришел волчище-серое хвостище: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар-долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я Лиса Патрикеевна, я зайюшко из-под кúстышка». Пришел медведь толстоногий: «Кто, кто, кто в терему? кто, кто, кто в высокóм?» — «Я муха-горюха, я вошь-поползуха, я блоха-попрядуха, я комар-долгоногой, я мышечка-тютюрюшечка, я ящерка-шерошёрочка, я Лиса Патрикеевна, я зайюшка из-под кúстышка, я волчище-серое хвостище». Все из терема: «А ты кто?» — «Я тýпыш-лýпыш, всем подгнётýш», сказал медведь, спустил лапой по терему и разбил его.

Записана в бывш. Архангельской губ., ныне области.
[Афанасьев, № 43а.]

✓ 7. СИВКА-БУРКА, СВИНКА ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА,
УТКА ЗОЛОТЫЕ ЙЕРУШКИ, ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ
И ЗОЛОТОГРИВЫЙ КОНЬ.

Жил старик со старухою; у них было три сына: двое умных, третий дурак. Старик со старухой померли. Перед смертью отец говорил: «Дети мои любезные! Ходите три ночи на мою могилу сидеть». Они кинули между собою жеребей; досталось дураку итти. Дурак пошел на могилу сидеть; в полночь выходит отец его и спрашивает: «Кто сидит?» — «Я, батюшка, — дурак». — «Сиди, мое дитяго; господь с тобою!» На другую ночь приходится большому брату итти на могилу; большой брат просит дурака: «Поди, дурак, посиди за меня ночку; чтó хочешь — возьми». — «Да, поди! Там мертвецы прыгают...». — «Поди; красные сапоги тебе куплю». Ду-

рак не мог отговориться, пошел другую ночку сидеть. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его отец и спрашивает: «Кто сидит?» — «Я, батюшка, — дурак». — «Сиди, мое дитятко; господь с тобою!»

На третью ночь надо среднему брату итти, то он просит дурака: «Сделай милость, поди — посиди за меня; что хочешь — возьми!» — «Да, поди! Первая ночь страшна была, а другая еще страшнее: мертвцы кричат, дерутся, а меня лихорадка трясет!» — «Поди; красную шапку тебе куплю». Нечего делать, пошел дурак и на третью ночь. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его батюшка и спрашивает: «Кто сидит?» — «Я — дурак». — «Сиди, мое дитятко; господь с тобою! Вот тебе от меня великое благословение». И дает ему три конских волоса. Дурак вышел в заповедные дуга, прижог-припалил три волоса и крикнул зычным голосом: [«Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился, наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — не вздумать, не взгадать, ни пером написать. √

Поутру царь клич кличет: «Кто в третьем этаже мою дочь Милолику-царевну — с разлету на коне — поделует, за того отдам ее замуж». Старшие братья собираются смотреть, зовут с собой дурака: «Пойдем, дурак, с нами!» — «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов да набью галок — и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил три конские волоса и закричал: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился, наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился: сделался такой молодец, что не вздумать, не взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул и понесся; его конь бежит, земля дрожит, горы, доли хвостом застилает, пни, колоды промеж ног пускает. Через один этаж перескакал, через два — нет, и уехал назад.

Братья приходят домой, дурак на полатах лежит; говорят ему: «Ах, дурак! Что ты не пошел с нами? Какой там молодец приезжал — не вздумать, не взгадать, ни пером написать!» — «Не я ли, дурак?» — «Да где тебе такого коня достать! Утри прежде под носом-та!» На другое утро старшие братья собираются к царю смотреть, зовут с собой дурака: «Пойдем, дурак, с нами; вчера приезжал хорош молодец, нынче еще лучше приедет!» — «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов, набью галок и принесу — и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил конские волосы: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Ду-

рак в левое ушко влез — напился, наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился, сделался такой молодец — не вздумать, не взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через два этажа перескакал, через третий — нет; воротился назад, пустил своего коня в зеленые, заповедные луга, а сам пришел домой, лёг на печи.

Братья приходят: «Ах, дурак, что ты не пошел с нами? Вчера приезжал хорош молодец, а нынче еще лучше; и где эта красота родилась?» — «Да не я ли, дурак, был?» — «Эх, дурак дурацкое и говорит! Где тебе эдакой красоты достать, где тебе эдакого коня взять? Знай на печи лежи...». — «Ну, не я, так авось завтра узнаете». На третье утро собираются умные братья к царю смотреть: «Пойдем, дурак, с нами; нынче он ее поделует». — «Нет, не хочу; я в поле пойду, кузов возьму, набью галок, домой принесу — и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припал конские волосы и закричал громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Сивка-бурка бежит, изо рта полями пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился, наелся; в правое ушко влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — не вздумать, не взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через все три этажа перескакал, царскую дочь в уста поцеловал, а она его золотым перстнем ударила в лоб.

Воротился дурак назад, пустил своего доброго коня в заповедные луга, а сам пришел домой, завязал голову платком, лёг на полати. Братья приходят: «Ах, дурак! Те два раза молодцы приезжали, а нынче еще лучше; и где эдакая красота родилась?» — «Да не я ли, дурак, был?» — «Ну, дурак дурацкое и орёт! Где тебе эдакой красоты достать?» Дурак развязал платок, всю избу осветил. Спрашивают его братья: «Где ты эдакой красоты доставал?» — «Где бы ни было, да достал! А вы все не верили; вот вам и дурак!»

На другой день царь делает пир на весь православный мир, приказал сзывать во дворец и бояр, и князей, и простых людей, и богатых и нищих, и старых и малых; царевна же станет выбирать своего нареченного жениха. Умные братья собираются к царю на обед; дурак завязал голову тряпичею и говорит им: «Теперь хоть не зовите меня, я и сам пойду». Пришел дурак в царские чертоги и забился за печку. Вот царевна обносит всех вином, жениха выбирает, а царь за ней следом ходит. Всех обнесла, глянула за печку и увидела дурака; у него голова тряпичею завязана, по лицу слюны да сопли текут. Вывела его Милолика-царевна, утерла платком, поцеловала и говорит: «Государь батюшка! Вот мой суженой». Видит царь, что жених нашелся; хоть дурак, а делать нечего — царское слово закон! И сейчас же приказал обвенчать их. У царя известное дело — ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дурак стал третий. Один раз призывает он своих умных зятьев и говорит таково слово: «Зятья

мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую я вам велю: есть в степи уточка золотые пёрушки; нельзя ли ее достать мне?» Велел оседлать им добрых коней и ехать за уточкою. Дурак услышал и стал просить: «А мне, батюшка, дай хоть водовозницу». Дал ему царь шолудивую лошадедку; он сел на нее верхом, к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял хвост в зубы, погоняет ладонями по бедрам: «Но, но, собачье мясо!» Выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал с нее шкуру и закричал: «Эй! слетайтесь, галки, карги¹ и сороки! Вот вам батюшка корму прислал». Налетели галки, карги и сороки и съели все мясо, а дурак зовет сивку-бурку: «Стань передо мной, как лист перед травой».

Сивка-бурка бежит, изо рта полымя пышет, из ушей дым столбом валит; дурак влез в левое ушко — напился, наелся, в правое влез — в цветно платье нарядился и стал молодец. Добыл утку золотые пёрушки, раскинул шатер, сам в шатре сидит; а возле уточка ходит. Наехали на него умные зятья, спрашивают: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка!» Отвечает дурак: «В вашу пору — братец вам». — «А что, братец, продаешь уточку золотые пёрушки?» — «Нет, она не продажная, а заветная». — «А сколько завету?» — «С правой руки по мизинцу». Отрезали по мизинцу с правой руки и отдали дураку; он в карман положил. Приехали зятья домой, легли спать; царь с царицею ходят да слушают, что зятья говорят. Один говорит жене: «Тише, руку мне развердила». Другой говорит: «Ох, больно! Рука болит».

Поутру царь призывает к себе умных зятьев: «Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи свинка золотая щетинка с двенадцатью поросятами; достаньте мне ее». Приказал оседлать им добрых коней; а дураку опять дал шолудивую водовозницу. Дурак выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру: «Эй! слетайтесь, галки, карги и сороки! Вам царь корму прислал». Слетелись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дурак вызвал сивку-бурку, вещь каурку, добыл свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами, и раскинул шатер; сам в шатре сидит, свинка около ходит. Наехали умные зятья: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка». — «В вашу пору — братец вам». — «Это твоя свинка золотая щетинка?» — «Моя». — «Продай нам ее; что возьмешь?» — «Не продажная, а заветная». — «Сколько завету?» — «С ноги по пальцу». Отрезали с ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

На утро призывает царь своих умных зятьев, приказывает им: «Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи кобыла золотогривая с двенадцатью жеребятами; нельзя ли достать ее?» — «Можно, батюшка!» Приказал царь оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шолудивую водо-

¹ Вороны.

возницу. Сел он к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял в зубы хвост, ладонями погоняет; умные зятья над ним смеются. Выехал дурак в чистое поле, ухватил клячу за хвост; содрал шкуру: «Эй! Слетайтесь, галки, карги и сороки! вот вам батюшка корму прислал». Слетелись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тут закричал дурак громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой».

Сивка-бурка бежит, изо рта польями пышет, из ушей дым столбом валит. Дурак в левое ушко влез — напился, наелся, в правое влез — в цветно платье нарядился и стал молодец. «Надо, — говорит, — добыть кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами». Отвечает ему сивка-бурка, вещая каурка: «Прежние задачи были ребячьи, а это дело трудное! Возьми с собой три прута медных, три прута железных и три оловянных; станет за мною кобылица по горам, по долам гоняться, приустанет и уадет наземь; в то время не плошай, садись на нее и бей промеж ушей всеми девятью прутьями, пока на мелкие части изломаются; разве тогда покоряшь ты кобылицу златогривую». Сказано — сделано; добыл дурак кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами и раскинул шатер; сам в шатре сидит, кобылица к столбу привязана. Наехали умные зятья, спрашивают: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка». — «В вашу пору молодец — братец вам». — «Что, братец, твоя кобыла к столбу привязана?» — «Моя». — «Продай нам». — «Не продажная, а заветная». — «А сколько завету?» — «Из спины по ремню». Вот умные зятья жались-жалась и согласились; дурак вырезал у них по ремню из спины и положил в карман, а им отдал кобылицу с двенадцатью жеребятами.

На другой день собирает царь пир пировать; все сошлись. Дурак вынул из кармана отрезанные пальцы и ремни и говорит: «Вот это — уточка золотые пёрушки, вот это — свинка золотая щетинка, а вот это — кобылица златогривая с двенадцатью жеребятами!» — «Что ты бредишь, дурак?» спрашивает его царь, а он в ответ: «Государь батюшка, прикажи-ка умным зятьям перчатки с рук снять». Сняли они перчатки: на правых руках мизинцев нет. «Это я с них по пальцу взял за уточку золотые пёрушки», говорит дурак; приложил отрезанные пальцы на старые места — они вдруг приросли и зажили. «Сними, батюшка, с умных зятьев сапоги». Сняли с них сапоги — и на ногах не хватает по пальцу. «Это я с них взял за свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами». Приложил к ногам отрезанные пальцы — в миг приросли и зажили. «Батюшка, сними с них сорочки». Сняли сорочки, у обоих зятьев из спины по ремню вырезано. «Это я с них взял за кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами». Приложил те ремни на старые места — они приросли к спинам и зажили. «Теперь, — говорит дурак, — прикажи, батюшка, коляску заложить».

Заложили коляску, сели и поехали в чистое поле. Дурак прижог, припалил три конские волоса и крикнул громким голосом: «Сивка-

бурка, вешая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой»]. Конь бежит, земля дрожит, изо рту полями пышет, из ушей дым столбом валит, прибежал и стал, как вкопанный. Дурак в левое ушко влез — напился, наелся, в правое влез — в цветное платье нарядился, и сделался такой молодец — не вздумать, не взгадать, ни пером написать! С того времени жил он с своей женою по-царски, ездил в коляске, пиры задавал; на тех пирах и я бывал, мед-вино пивал; сколько ни пил — только усы обмочил!

[Афанасьев, № 106а. Из собрания П. В. Киреевского.]

✓ 8. О ТРЕХ ЦАРСКИХ ДОЧЕРЯХ.

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь с царицей, у его были три дочери. Они жили благополучно, царствовали, и минуло старшей дочери семнадцать лет, и проситца она у своих родителей в сад погулять. Те ей, как дозволили идти, вжала она своих нянек и пошла.

Сколько они по саду ходили, гуляли, вдруг царевны у их не стало. Давай они ходить, искать, гъркать, кликать, нигде не оказывается. Только они пришли во дворец, докладывают государю: «Ваша царевна скрылась, неведомо куда». Царь изделал розыск, и везде сколько ни искали, но нигде не могли найти. Итак, значит, пропала его старшая дочь.

Стали жить при двух дочерях. Так как средней минуло тоже возраст семнадцать лет, и вот также она просит своих родителей, чтоб дозволили погулять. Они ей говорят: «Ну, иди, только смотри, берегись, будь осторожна. Далеко от своих нянек не отходи, будь при них, так как твоя старшая сестра без весте погибла». Вот она пошла со своим нянькам, начали ходить по саду, забавляться разным цветам, и вдруг скрылась у их и вторая царская дочь.

Вот они сколько также её кликали, искали, нигде не могли доискаться и догартаться. Приходят из саду и докладывают государю: «Што ваша дочь из глаз наших безъизвестно скрылась, неведомо куда». Царь таким же образом искал, трудился, изделал розыск, и везде сколько ни искали, но нигде не могли найти.

Так погибла и вторая дочь. Остались они при одной и живут они втроечком, тешат, нежат свою дочь, и вот так же, как и эта, достигла возраста семнадцать лет, таким же родом и эта просится у них в сад погулять. Они ей говорят: «Што же, вот как две старшие сестры ходили и погибли без весте, чтоб и над тобой не случилось». Она и говорит: «Я, ведь, от нянек своих никуда не шкроюсь».

Вот она также пошла со своим нянькам, начали ходить по саду, забавляться разным играм, но она была всегда при няньках. Вдруг иноткуль вжался вихрь, подхватил и уташил из глаз их, и уганил неизвестно куда. И они, как видят, дело это неминуемое. Надо лать знать родителям, приходят и докладывают государю: «Што

вот из глаз наших неоткуль взялся вихрь и унёс царевну». Царь видит, это дело не ладно, ходил крестный ход в сад и начал на том месте служить молебны, но и это ничего не помогло, и дочь его так и пропала, неизвестно куда.

Царь думал и гадал, как бы сделать дело, может хоть одна где найдётся. Начал вызывать охотников: «Кто только разыщет мою хоть одну дочь, за того я оддам замуж, и половину своего царства оддам». Вот выискался один ерой-генерал, и приходит: «Я пойду разыскивать. Дайте мне полк солдат и пять тысяч денег». Государь это ничего не жалеет, все дал генералу.

Генерал отправилша разыскивать царских дочерей, выходит из городу, — в конце города стоит кабак. Генерал и говорит: «Вот, ребята, я вас попотчеваю, а тогда подём». Заходит, берёт водки и выносит солдатам: «Пейте, ребята!» — а сиделец начал его спрашивать: «Куда путь дорьжите?» Генерал всё ему рассказал: «Иду разыскивать царских дочерей, которые без весте из саду пропали».

Сиделец ему и говорит: «Не желаете ли в карты со мной поиграть?» Генерал и говорит: «Што ж, можно!» (Начальство падуче в карты играть.) Дай, сля он играть с сидельцем: сиделец выиграл у него все деньги. «Ну-с, теперя под чего будем играть?» — «Давай играть под солдат!» — «Давай!» — И вот сиделец выигрывает полк солдат. — «Ну-с, теперя под чего?» — «Давай под одёжду». Генерал и одёжду ему проиграл. — «Ну, теперя под чего?» — «Давай под самого тебя играть!» — И вот выигрывает самого его. Когда выиграл его самого и посадил в столб, генерала етого.

Государь ждет месяц, нет никакого известия от генерала. Государь опять клич делает: «Кто только разыщет мою хоть одну дочь, за того я оддам замуж и половину своего царства оддам!» Вот выискалша опять же ерой-генерал и приходит: «Я пойду разыскивать! Дайте мне полк солдат и пять тысяч денег!» Государь это ничего не жалеет, все дал генералу.

Генерал отправилша разыскивать царских дочерей, выходит из городу, — в конце города стоит кабак. Генерал и говорит опять же: «Вот, ребята, я вас попотчеваю, а тогда подём». Заходит, берёт водки и выносит солдатам, што вот пейте, ребята! А сиделец начал его спрашивать: «Куда путь дорьжите?» — Ну, етот генерал ему вино рассказал, што как у царя три дочери без весте из саду пропали и «што я иду их разыскивать».

Сиделец ему и говорит: «Не желаете ли в карты со мной поиграть?» Генерал говорит: «Што ж, можно!» Сля он играть с сидельцем; сиделец выиграл у него все деньги. «Ну-с, теперя под чего будем играть?» — «Давай играть под солдат!» — «Давай!» — И вот сиделец выиграл полк солдат. — «Ну-с, теперя под чего?» — «Давай под одёжду!» — «Давай!» — И вот генерал и одёжду проиграл. — «Ну, теперя под чего?» — «Давай под самого тебя играть!» — И вот выигрывает самого его. Когда выиграл его самого и посадил в столб, генерала етого.

Вот государь опять ждёт месяц: нет никакого известия от генерала. И опять же он клич делает: «Кто только разыщет дочь

вою, за того я оддам замуж и половину своего царства оддам!» И был солдат-пьяница, приходит к государю, и говорит: «Ваше императорское величество, дозвольте мне итти ваших дочерей искать». — «Куды ты пойдешь, пьяная морда? — ступай под забором прошиши». Он и говорит: «Куды хотите меня девайте, но я все-таки желаю ваших дочерей найти».

Государь подумал, помечтал и потом: «Да ведь из пьяниц-то лучше выходит. Да-к что же ты, с чем ты пойдешь?» — «Да мне ничего не надо, дайте мне 25 рублей денег и пойду. Бог даст и найду». Государь подумал, подумал: «25 рублей — небольшие деньги — ну прощёт, пускай прощёт!»

Вжал он деньги и отправилша. Выходит за город, доходит до этого же кабаку. Но как пьянице не терпится, надо зайти в кабак, хоть стаканчик да выпить. Заходит он в кабак. Сидельца самого тут нету, а за стойкой стоит дочь его. Солдат попросил стаканчик, выпил и спрашивает у ей: «Ражи вы ждешь сиделец?» Она говорит: «Нет, у меня есть отец и мать». — «А где же они?» — «А они ушли, — говорит, — в баню. А на что же вам их?» — «А я так спросил».

Потом эта дочь и говорит: «А куда же вы пошли, куда путь дорьжите?» Солдат ей и говорит: «Я пошел царских дочерей искать». — «Где же вы их найдёте?» — «Может быть, и найду — всё равно пойду страмствовать. Вот у нас раньше ушли два генерала с двум полкам, и неизвестно, где они, и я к имя ушел вдобавок». — «Хо-хо, — говорит, — да оне у нас!» — «Кто у вас?» — «Да вот так. Потому што, как первой генерал припол с полком, купил вина солдатам, и мой отец приглашал его поиграть в карты, и они сляли играть, и мой отец выиграл с его деньги, потом солдат, потом одёжу, и самого его, и посадил в столб. И также и другого, — говорит, — и сейчас они оба в столбе сидят». Солдат и говорит: «А как же он с имя играт?» — «Да, вот как, етот стул не простой, как на него сядёт — как он любого, кажного обыграт».

Солдат мотнул себе на ус ето дело. Нельзя ли, мол, етим стулом завладать. Просит он другой стаканчик, загусить гля смелости. Покуда он выпиват стаканчик, всё поджидат, скоро ли придёт сиделец. И вот тем временем приходит сиделец из бани. «Куда ж ты пошел, куда путь дорьжишь?» — «Пошел вот царских дочерей разыскивать!» — «Хо-хо! Где тебе их найти досталось!» — «Да, может, и найду». — «Да нет, не найти! Деньги есть?» — «Есть».

А солдат вроде как притворилша пьяным, и уже на стул етот сля. «Да, давай лучше в карты сыграм!» Солдат говорит: «Давай!» Сиделец достаёт карты и говорит солдату: «Ты садись сюды, а я сяду на етот стул». Солдат говорит: «Нет, я хорошо ждешь сижу, мне здесь ловчэ». Сидельду делать нечего, солдата со стула не может сжить. И думат на уме: «Все-таки ты пьяный, и тебя околначу».

Ну вот начали играть. Сначала солдат выигрывает все деньги, что у сидельца было, потом отыгрывает етих солдат назат, потом отыгрывает у него всё имущество. Больше уж у сидельца не под

чего играть. А про генералов забыл, што они в столбу стоят. Вот и в конце-концов вспомнил: «Да, ведь, у меня еще есть два генерала». Приводит этих генералов и проигрывает их. И остался безо всего.

Солдат говорит: «Ну, теперя што будем делать с тобой, под што будем играть?» Сиделец говорит: «Да не под чего боле». Солдат говорит сидельцу: «Ты больше никогда с солдатом не играй. Вот, на тебе назат одёжу, и не обидься никогда на меня, а вы, ребята, ступайте ж на своё место, служите, значит, солдаты! А вы, генералы, пойдитемте вместе!»

Зашли на базар, купил пять пудов верёвки и заставил генералов тащить. Вот шли они чистым полем и подходят к ущелью, или, сказать, глубокому авраку. Вот спускаются етот аврак, пошли по етому авраку и дошли до норы. И когда остановились у етой норы, солдат и говорит: «Ну, ребята, жделаем зыбку из етой верёвки, и вот я буду спускаться на верёвке, а вы бытёте у етой норы. Когда я буду дёргать, то вы тогда тащите».

Когда солдат спустился в ету нору и пошел по етому ущелью, и видит: етоит оловяной дворец. Заходит он во дворец и видит, шидит старшая царская дочь. Он и говорит: «Зрастуй, царевна!» Она и говорит: «Здрастуй, русека кожа. Слыхом не слышать и видом не видать! Сюда и зверь не забёживал и ворон костей не

СКАСКА
О золотом, серебряном и медном царствах

Внекоторымъ было царстве внекоторомъ государствѣ жилъ царь испругую своєю и мели усеба трехъ прекрасныхъ сыновеи и уькоторыхъ называли болаша Василей царевичъ асреднаго Феодоръ царевичъ аменьшой Иванъ царевичъ Водинъ день царь прогнали волаца всаду испругую своєю в другъ поднесла вихоръ мунесъ царевну изгласъ ево очемъ царь вельма вильпе чаленъ долгое время соболезна освоеи счруге старшина его два сына испроса успешнаго бца своего Влагословеннаго но отравилиса впуть свои жкаты и мте ри своии едучи они (своими людьми долгое время издедали вдику етль расичну ли полатни ожидали нлудда тли кого ктовы указаль дорогу одна ко чрезтри годъ никого невидали амежду темъ подрося меншой братъ Иванъ царевичъ ипотъ также испроса уотца своего блголосвеннаго простасъ отравилиса впуть

Сказка о золотом, серебряном и медном царствах.
(Лубочное издание.)

залётывал, а ты сам на дом пришёл!» — «Да я, — говорит, — пошёл от вашего родителя вас разыскивать». Она говорит: «Да как же ты меня оттуль возьмёшь? Так как, — говорит, — у меня трёхглавый змей, он прилетит, тебя съест». — «Ну да, — говорит, — съест ли подавится».

Она немножко подумала и говорит: «Вот што жделаем. Вот в шкапу стоят его напитки. Один с сильным напитком, а другой с бессильным. Да-к вот, я возьму да и переставлю их: сильные на бессильные, а бессильные на сильные. Да-к вот, когда он прилетит, он сразу узнает, што русска кожа сидит, ты на время спречься. И когда уж будет тебя вызывать, выходи и говори с им смелё. И когда он вам подаст напиток с бессильного места, вы пейте, потому што у вас силы прибудет, а сам он выпьет заместо сильного — бессильной. Тогда вы можете с ём биться». Ну и он, значит, спрятался.

Вдруг в скором времени летит трёхглавый змей, прилетает ко дворду, ударился об земь и жделалша молодцом. Заходит в дом, и говорит: «Фу, русская кожа! Сюда и зверь не забёживал и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришел. Ну-те, выходи!» Царевна ему отвечает: «Вы, — говорит, — по Русé летали и русского духу пахватались». — «Што мне врёшь? — говорит, — выходи кто такой есь?»

Солдат выходит, говорит: «Што тебе надо?» — «Зачем ты сюда пришел? Кто тебя звал?» — «Я пришел, — говорит, — освободить царевну из твоих дявольских кохтей». — «Што ты со мной заговорел? Шчас я тебя раздавлю!» Он говорит: «Врёшь, идёлишно проклятое. Либо съешь, либо подавишься!» Он говорит: «Ну што ж, будем биться, или мириться, иль братоваться?» — «Не на то, — говорит, — я пришел, штоб мириться, а штобы биться». — «Ну, всё-таки, — змей говорит, — давай перво выпьем, потом будем биться». Солдат говорит: «Давай!»

Змей отворят шкап, достаёт бутылку с бессильного места (а они уж переставлены с сильным напитком). Солдат, когда выпил, и говорит: «Што я тебя сейчас раздавлю». А змей выпил с бессильным. Змей, когда выпил, и говорит: «Ну, бей!» Солдат ему говорит: «Русской дух никогда не начинает вперёд, а наоборот. Начинай ты!» Змей его ударил — солдат стоит, как столн. А змей от своего удара пошатнулся.

Солдат как размахнулся, так все три головы и отшиб. Он взял, выташил его, тело сожог, пенелок развеял. Царевна даёт ему оловянное яичко, говорит: «Переброшь его из руки в руку». Он переброшил из руки в руку, и оловянного дворда не стало. «Ну-с, теперь пойду вашу среднюю сестру искать». Царевна говорит: «У ей шестиглавой змей». Солдат не взирает ничего и идёт дальше.

Когда доходит, видит стоит серебрепой дворец. Заходит туда, и там сидит средня царская дочь. Он заходит и говорит: «Здрастуй, царевна!» Она и говорит: «Здрастуй, русская кожа! Слыхом не слыхать и видом не видать, зверь не зарыскивал, и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришёл». — «Да я, — говорит, — пошёл от

вашего родителя вас разыскивать». Она говорит: «Да как же ты меня оттуль возьмёшь? Так как, — говорит, — у меня шестиглавый змей. Он прилетит, тебя съест». — «Ну да, — говорит, — съест ли подавится».

Она немножко подумала и говорит: «Вот што сделаю. Вот в шкапу стоят у его напитки. Один с сильным напитком, а другой с бессильным. Я сейчас возьму и переставлю их. Сильны на бессильные, а которы бессильные на сильные. Да-к, вот когда он прилетит, он сразу узнает, што русская кожа сидит, ты на время спречься. А как будет уже тебя вызывать, выходи да говори с ним смелё. И как он вам подаст напиток с бессильного места, вы пейте, потому што у вас силы прибудет, а сам он выпьет заместо сильного — бессильной. И тогда вы можете с ём биться». Ну, и он, значит, спрятался.

Вдруг в скорое время летит шестиглавый змей, прилетат ко дворцу, ударилна об жемь и жделална молодцом. Заходит в дом и говорит: «Фу, русска кожа, сюда и зверь не забёживал и ворон костей не залётывал, а ты сам на дом пришол. Ну-ка, выходи!» Царевна ему отвечает: «Вы, говорит, по Русе летали и русского духу сами пахваталишь». — «Што ты мне врёшь? — говорит, — выходи, кто такой есть!»

Солдат выходит и говорит: «Ну што кричитё, што тебе надо?» — «Зачем ты сюды пришел? Кто тебя звал?» — «Я пришел, — говорит, — ослобонить царевну от твоих дьявольских кохтей». — «Што ты со мною заговорил, сейчас я тебя раздавлю!» Он говорит: «Врёшь, идблинши поганое! Либо съешь, либо подавишься!» Он говорит: «Ну што же, будем биться, иль мириться, иль братоваться?» — «Не нато, — говорит, — я пришел, штоб мириться, а штобы биться». — «Ну, всё-таки, — змей говорит, — давай перво выпьем, потом будем биться». Солдат говорит: «Давай!»

Змей отворят шкап, достает бутылку с бессильного места, и подаёт солдату. Солдат, когда выпил, и говорит: «Ну, я тебя сейчас раздавлю!» А змей, как бутылки переставлены, выпил с бессильным. Змей и говорит: «Ну, бей!» Солдат ему говорит: «Русской дух никогда не начинат вперед, а наоборот! Начинай ты!» Змей его ударил — солдат стоит, как столб. А вот теперь солдат размахнулся, змею три головы сошиб. Змей снова размахнулся, ударил солдата — солдат пошатился. Рассердился тогда солдат, ударил змея, ешио три головы сошиб. Потом он вжал его, выгашши, тело сожог, пецелок развеал.

Тогда царевна дает ему серебряное яичко и говорит: «Вот перебрось его из руки в руку». Он перебросил из руки в руку, и серебряного дворца не стало. «Ну, теперь пойду вашу младшую сестру искать». Царевна говорит: «У ей девятиглавой змей». Солдат на это ничего не взирает и идет дальше.

Когда доходит, видит стоит золотой дворец. Заходит туда и там шидит младшая царевна. Он входит и говорит: «Здравствуй, царевна». — «Здравствуй, русская кожа! Слыхом не слышать и видом не видать. Зверь не зарыскавал, и ворон костей не залётывал,

«а ты сам на дом пришол!» — «Да я, — говорит, — пошол от вашего родителя вас разыскивать». Она и говорит: «Да как же ты меня возьмёшь? У меня, — говорит, — девятиглавой змей. Он прилетит, тебя съест». — «Ну, да, — говорит, — съест либо ишо подавится».

Она немножко это подумала и говорит: «Вот што жделаю. Вот в шкапу стоят у его напитки. Один с сильным напитком, а другой, значит, бессильной напиток. Я ипечас возьму и переставлю их: сильные на бессильные, а которы бессильны на сильные. И когда он прилетит, дак сразу узнает, што русская кожа пришла, и ты спрячешься. А как будет тебя вызывать, выходи и говори с ём смелё. И как он тебе подаст напиток с бессильного места, — и ты пей, потому што у тебя силы прибудет, а он вышёт, у него силы убудет. И тогда будешь ты с ём биться». Ну и солдат спряталша.

В скорое время прилетает девятиглавой змей, прилетает ко дворду, ударилша об жемлю и жделалша молодцом. Заходит в дом и говорит: «Фу, русская кожа! Сюда и зверь не зарыскавал и ворон костей не залётывал, а ты сам сюда на дом пришел! Ну-ка выходи!» — Царевна ему говорит: «Да вы, — говорит, — сами на Русе летали и русского духу нахватались». — «Што ты мне врешь, — говорит, — выходи, кто такой есть!»

Солдат выходит и говорит: «Ну што кричишь, што тебе надо?» — «Зачем ты сюда пришел? Кто тебя звал?» — «Я пришол освободить царевну из твоих дьявольских кохтей!» — «Што ты со мной заговорел — ипечас я тебя раздавлю!» Солдат говорит: «Врешь идолишно поганое! Либо съешь, либо подавишься». Змей опять говорит: «Ну, што же, будем биться, или мириться, или братоваться будем?» — «Не на то, — говорит, — я пришол, штоб братоваться, а штоб биться». — «Ну, всё-таки, — змей говорит, — давай перво вышьем, потом будем биться». Солдат говорит: «Давай!»

Змей отворят шкап, достаёт бутылку и солдату подаёт. А как они уже переставлены, солдат вышел с сильного места, а змей выпил с бессильного. Вот змей и говорит: «Ну бей!» Солдат ему на то отвечает: «Русской дух никогда не начинает вперед, а наоборот. Начинай ты!» Вот змей ударил, солдат пошатнулся; солдат размахнулся — сразу три головы сшиб; змей во второй раз ударил — прошиб солдату висок, а солдат осердилша, развернулша, ударил — сшиб пять голов. Змей в третий ударил — пошатнулся сам; а солдат в третий раз размахнулся и сшиб последнюю голову. Он вжал, вытащил его, тело сожог, пепелок развеял. Царевна даёт ему золотое яичко и говорит: «Перебрось его из руки в руку!» Он перебросил, и золотого дворда не стало. «Ну, теперя пойдем со мной».

Когда доводит их до норы, содит старшую царевну в самую ету зыбку, дёрнул — генералы ее потащили. Когда вытащили, спускают обратно ету зыбку — он содит и вторую царевну. Когда они вытянули, спускают и третью, он тогда содит и младшую. Когда они вытянули младшую, и больше веревку не спускают и говорят царевнам: «Скажите, што мы вас нащли», и взяли с их клятву, штобы они не сказывали про солдата. И вот так пошли домой, солдат остался в етой норе.

Солдат ждал, ждал — обратно не спускают. Ничего солдату делать, отошел от этой норы, достал оловянное яичко, переброшил из руки в руку, и вот перед ним стал оловянный дворец. Зашел он во дворец, крикнул: «Духи, где вы?» Явились перед ним двенадцать духов. «Что угодно?» — Подавайте мне выпить и закусить». Те сейчас же накрыли ему стол. Тот, например, выпил и закусил, сидит и думает: «Што я теперя буду делать?»

Вынул яичко, переброшил из руки в руку, оловянного дворца не стало. Потом походил по норе, достает серебряно яичко. Перебросил из руки в руку, и вот перед ним серебряной дворец. Взошел в его, походил по ём, вскричал: «Духи, где вы?» Явились перед ним двенадцать опять духов: «Что вам угодно?» Он говорит: «Подайте мне выпить и закусить». Те накрыли ему стол, он выпил и закусил. Походил по дворцу, нет ничего. Походил по норе, достает яичко, переброшил из руки в руку — не стало серебряного дворца, и думает: «Дай-ка, построю я золотой дворец!»

Достаёт золотое яичко, из руки в руку переброшил, стал перед ём золотой дворец. Заходит в его, и увидал: висит в углу балалайка. Вжал он ету балалайку и зачал на ей играть. Вот чертёнок по чертёнку и набрались полный дворец. «Ондай, солдат, нашу балалайку!» Солдат сидит, играют, а черти все просят: «Ондай нашу балалайку!» Потом солдат имя и говорит: «Вот што, черти проклятые, выташните меня из этой норы, отдам вам ету балалайку. А ешли не сумеете выташнить, то не ондам».

Черти в тот раз в ответ: «Пойдем к норе, сейчас выташим, только ондай балалайку». Подходят к норе, и давай лестницу делать. Стают чертёнок на чертёнка и плетут лестницу. «Ну, солдат, теперь выходи!» Солдат тогда вышел из норы и бросил имя балалайку. Да и пошел обратно в город.

Когда приходит в город и стаёт к бедному старику на квартиру. Итак, у дая вот-вот свадьба. Генералы-то пришли и сказали: «Мы спасли дочерей», и государь за их ондаёт. Ну, дочери отцу говорят: «Што, вот што, папаша, когда оне нас сумели достать, и пускай нам достанут чулки, которые у нас на тем свете были». Потом, государь призывает генералов этих, своих нареченных зятевей и говорит: «Вот што, нареченные мои зятевя, когда вы сумели моих дочерей достать, то сумеете и чулки достать, которые на их были на тем свете».

Вот имя, значит, задача. Почем же оне знают, какие чулки у дочерей на тем свете были. И вот стали по городу рыскать, разыскавать, кто бы взяла связать царским дочерям чулки, которые у их на тем свете были. Солдат опять и услышал. Да и говорит старику: «Ступай-ка, ледко, не увидишь ли этих генералов и берись ети чулки связать, которые у их на тем свете были, только не ошибайся, проси дороже!»

Старик пошел, и как раз ему ети генералы стречу. «Здрастуй, дедушко!» — «Здрастуйте!» — «Вот што, дедушка, не возьмёшься ли сделать царским дочерям чулки, которые у их на тем свете были?» Старик говорит: «Да, могу!» — «А што же будут стоить?» — «Да,

за три пары три тысячи рублей!» — «Ладно, только штоб к утру были готовы!» — «Ладно», говорит. Генералы дают ему деньги. Старик отправилша обратно.

Когда приходит домой и солдат его спрашивает: «Ну, чо, взялна?» — «Да, взялна!» — «Што за работу взял?» — «Три тыщи рублей!» — «Ну, так ладно, ей тащи штоф вина!» — Старик говорит: «Да, што же мы напьёмся пьяны, когда же будем работать?» Солдат говорит: «Дак што, ешли не хочеш итти по вино, так работай сам, дело не моё!» Старик думает: «Так беда и так беда!» Нечего делать старику, пошол, принёс штоф вина, выпили со стариком, и солдат ложится спать. Старик думат: «Вот беда!»

Ну, делать нечего, несколько покрутился и сам свалился. Солдат, когда проснулся, видит: старик спит. Достает чулки и кладет на стол и будит старика: «Вставай, дедко, неси свою работу, сдавай генералам!» Старик, когда разбудился, видит — лежат на столе чулки, взял эти чулки и понес генералам. Солдат ему и говорит: «Если генералы спросят: те ли самы чулки? говори, што те».

Когда приносят генералам чулки, те говорят: «Те ли, старик, чулки?» — «Точно так, те!» Тогда генералы взяли чулки и пошли к государю. Когда приходят к государю и подают. «Вот, самые эти чулки!» Государь берет чулки и несет дочерям. «Вот, любезные дочери, вот вам и чулки!» Дочери ему в ответ: «Да, папаша, самые те! Вот што, папаша, когда оне достали нам те чулки, пускай доставут те ботинки, в которых мы на тем свете были».

Государь приходит к генералам и говорит: «Ну, когда вы сумели достать чулки, достаньте и те ботинки, в которых оне на тем свете были, и штоб к утру были готовы!» — «Ладно!» Поворотились генералы от государя и давай ладить, етого старика искать. Солдат опять говорит старику: «Ну, дедко, ступай, верно, тебя генералы ищут. Будут рядить ботинки делать, беришь, только дороже проси!» — «Ладно!» Дедко идёт, а генералы гоняют, етого старика ищут. Завидели етого старика, возрадовались и кричат: «Здрастуй, дедушка!» — «Здрастуйте!» — «Вот што, дедко, не возьмешь ли ты ботинки жделать, в которых царски дочери на тем свете были?» — «Да, ладно, батюшки, возмушь». — «Што же будет за работу стоять?» — «Да, по две тыщи рублей», говорит. «Ладно!» Они ему дают деньги, и штоб к утру было готово, а ешли не будет, готово, то «мы тебя сказним!»

Старик приходит и обсказывает солдату, што вот, мол, вжал забаз. «Што за работу вжал?» — «Да, по две тыщи!» — «Ну так, ладно, тащи вина три бутылки!» А старик твердит одно: «А когда же будем ботинки делать?» Солдат отвечает: «Так делай, я тебя не унимаю! А ето дело не твоё. Я тебе говорю, тащи вина!» Старику нечего делать — пошол, притащил три бутылки вина, выпили, и солдат свалился, старик видит, делать нечего, сам ложится спать.

Солдат проснулся — старик спит. Солдат достаёт ботинки, ставит на стол и будит старика. «Ну, дедко, вставай, ботинки готовы! Сдавай генералам». Старик стаёт, видит — готовы ботинки, вжал

и понёс генералам. Солдат ёму и говорит: «Ежли спросят, те ли самые ботинки, скажи, што те!»

Старик идет к генералам, приносит им ботинки; они говорят: «Те ли, старик, ботинки?» — «Так точно, те самые!» Генералы берут и являются к царю. «Вот самые те ботинки!» Государь берёт и несет дочерям. «Вот, любезные дочери, вам те самые ботинки». Дочери посмотрели и ему в ответ: «Да, папаша, те самые. Вот што, папаша, теперь, когда оне нам достали ботинки, пусть достанут те платья, в которых мы на тем свете были, и штоб к утру было готово!» Король приходит к зятевьям: «Ну, когда вы сумели чулки и ботинки достать, достаньте и те платья, в которых оне, значит, на тем свете были».

Генералы давай опять старика разыскивать. Солдат посылат старика: «Иди, дедко, тебя, однако, генералы ищут, снаряжайся сработать платье царских дочерей, в которых оне на тем свете были. Да, мотри, проси дороже!» Генералы увидели старика. «Так и так, дедушка, возьмишь за работу! Сделай то самое платье, в которых царски дочери на тем свете были!» — «Ладно!» — «Да штоб к утру было готово, а то скажем!» Старик и на это: «Ладно!» — «Што же будет стоять?» — «По три тыщи рублей». Ну, генералы и на это согласны.

Старик приходит домой. «Ну што, вжал заказ?» — «Вжал». — «Што за работу вжал?» — «Да вот, по три тыщи рублей!» — «Ну, ладно, тащи два штофа!» Ну, старик уж стал маленько на солдата надеяться. Напилишь оба в лоск пьяны и улеглишь спать. Солдат проснулся — старик спит. Достает платьица и кладёт на стол; старик стаёт — видит: платьица готовы. Солдат опять ему наказывает: «Ежли спросят, те ли платьица, говори, што те!»

Ну и опять всё так же. Получили генералы и несут государю. Государь несёт платья дочерям. Те смотрят — эти самые: «Ну, дак вот што, ежли сумели это достать, пусть построят нам дворцы, которые у нас на тем свете были, и штоб к утру были готовы». Государь приходит к генералам. Так и так, объявляет, «што вот постройте к утру эти дворцы, которые у них на тем свете были». Ну, эти генералы опять старика искать.

А солдат уж знат, опять старика посылает: «Торгуйся строить дворцы, да мотри, дороже бери». Вот старик пошел, а генералы на стречу бегут, увидели старика: «Так и так, дедушка, возьмишь за работу! Жделай те дворцы, в которых царевны на тем свете были». — «Што ж, ладно!» — «Да штоб к утру было готово, а то скажем!» Старик опять: «Ладно!» — «А што будет стоять?» — «Да, по десять тыщеч рублей!» Генералы на это согласны. Опять же приходит к солдату, обещывает ему, што вот вжал заказ. «Што за работу вжал?» — «Да вот по десять тыщеч!» — «Ну, так тащи четверть вина!» А старик твердит: «А когда же будим дворцы ставить?» — «Так хош нечас делай, я тебя не унимаю!» Старику нечего делать, ну напилишь оба в лоск и улеглишь.

Утром рано солдат стаёт, пошел против царского дворца, переброшил три яичка и поставил три дворца. Утром государь про-

будился, взглянул в окно, и видит, как против окна золотой дворец. Он вышел на парадное крыльцо, посмотрел и полюбовался, што вот, дескать, в каких дворцах мои дочери жили. Приходит к дочерям и говорит: «Вот, любезные мои дочери, те же самые дворцы, в которых вы на тем свете были». А те промежду собой говорят: «Наш благодетель здесь где-то, нужно его найти», и просят у отца дозволения, штоб он дозволил имя прогуляться по городу. А имя не дорога прогулка, как дорого то, штоб найти своёго благодетеля.

Ф. И. Аксаментов.

А солдат тем временем пошел в кабак, напилша пьяным и вывалялша в грязэ и лежит себе орёт. Те услышали по голосу, што вот наш благодетель где-то ревёт, отыскали его, и видят лежит он весь в грязэ. Шлегли с кареты, оттерли его, и посадили его в карету. Привезли во дворец и говорят отду: «Вот, папаша, наш благодетель, а не те мошеники-генералы, которые оставили его в подземном ушшелье, а от нас взяли клятву, штобы не говорить про его, а достали, дескать, мы вас».

Царь за его генералов прогнал со своей земли и лишил право звания, а младшая царская дочь вышла за етого солдата, и государь ондал солдату в приданое половину своего царства.

Царь за его генералов прогнал со своей земли и лишил право звания, а младшая царская дочь вышла за етого солдата, и государь ондал солдату в приданое половину своего царства.

Сказка записана М. К. Азадовским летом 1915 г. от крестьянина с. Анги, Верхотурского окр. (в Сибири), Ф. И. Аксаментова, 70 лет.

[М. Азадовский. — Русская сказка. Избранные мастера, т. II, «Академия», 1932, стр. 28—55.]

Сюжет этой сказки один из самых популярных (см., например, в сборнике Афанасьева, № 71), но рассказан он Аксаментовым очень своеобразно. В говоре Аксаментова наблюдается частая (но необязательная) мена свистящих и шипящих звуков («напилша», «просят» и пр.).

9. БОРМА-ЯРЫЖКА.

Царь Иван Васильевич кликал клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?» По трое суток кликал он клич, но никто не являлся. Приходит Борма-Ярыжка. «Я, — говорит, — могу достать, а для этого мне надо снарядить корабль, да тридцать человек дайте мне матросов; корабль чтобы весь был окован жостью, все снасти и мачты, да тридцать бочек в него пороху, да на три года провизии, и если я через три года не ворочусь, значит — меня вживе не будет. А теперь мне с молодцами дайте попить да погулять». Ну, вот он

шесть недель с ними пьянствовал, пропился весь. Пошли на корабль. Ветер был попутный, подняли паруса и живо затопились.¹

Приезжают к Вавилонскому царству. Он сошел на берег, взял двоих с собой матросов. А Вавилонское царство все было съедено змеями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашел он в ней корону, скипетр и рук державу и книжку при них. Матросы говорят: «Ну, теперь добыли — пойдемте на корабль!» А он: «Нет, — говорит, — надо в город сходить, а то нас будут спрашивать, а мы ничего не знаем». Змеи все пежирали, ничего кругом не осталось, а спали между обедней и заутреней в светло Христово воскресенье. В это время Бормá и вышел на берег. Царь Вавилонский издал указ, чтобы на всем змеи были вырезаны и написаны: и на чашках, и на ложках, и на монетах. Бог его и наказал; все эти змеи ожили и послаи все живое. Около города, вместо стены, змея обвивалась.

Ну, вот Бормá-Ярыжка, чтобы перелезть стену и змея не задеть, слепил лестницу и перелез. Когда он шел городом, змеи, как мертвые, под ногами лежали. Иная взметнется, как наступят, и опять спит. Он никого живого не нашел и пошел прямо во дворец. Приходит — все комнаты пустые, а в последней царской комнате спит (сделанная) Царь-Девка — на половину змея, на половину девка. Она над всем змеиным царством царствовала. Когда Бормá-Ярыжка вошел, она увидела и говорит: «А, Бормá-Ярыжка! Ты шел из Русского царства доставать корону, скипетр, рук державу и книжку, и они у тебя?» — «У меня». — «Достал?» — «Достал». — «Разорву, съем». — «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мне мяса? Вот я тебе двоих в залог оставлю, да и остальных приведу: все одно вместе пропадать. Через час вернусь». Она отпустила его да и говорит: «Ну, ступай, да не обмань!» Не успел он ступить из ее комнаты, Царь-Девка на матроса одной ногой ступила, другой разорвала при нем же.

А Бормá-Ярыжка, как прибыл на корабль, так и закричал: «Рубите канаты! поднимайте паруса!» Проходит час; Царь-Девка видит — его нет. Посмотрела — ан чуть парус видно. «А, хитёр, мудёр Бормá-Ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы, змеи мои, змеи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вот на этот корабль, утопите его!» А Бормá сейчас велел три бочки порошу вынуть, разбить их и рассыпать по палубе. Змеи налетели, обделили корабль и все снасти обделили. Царь-Девка прыгает на крыльце, радуется: «А, попался!»

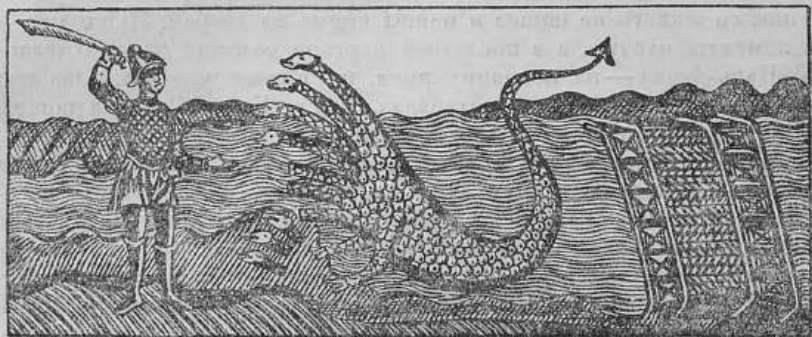
Он огонь в порох и кинул. Порох взорвало, и у змеев все крылья опалило; которых добили, которых пожгли. «А! — сказала Царь-Девка, — хитёр-мудёр Бормá-Ярыжка!» Потом велел он матросам все бочки выкатить и разбить на палубе, а сам в лодку сел один и уехал. «Когда змеи налетят, вы порох и зажгите!»

Прилетел Змей Горыныч, что около города стеной лежал, и с ним много змеев. Двадцать семь бочек с порохом взорвало. Змеев многих пожгло, а Змей Горыныч уделел и начал корабль топить. Корабль и потонул. Царь-Девка на крыльце залясала. «Ну, Бормá-

¹ Поплыли.

Ярыжка! Потонул-таки!» — «Ну, чорт, пляши! Я-то здесь, да вот то-варищей жаль». Поплакал Бормá да и стал думать: «Что делать мне? Водой ли плыть, сухим ли путем итти? Водой поплыву, хоть и скорей может (быть), да есть нечего будет. Нет, лучше сухопутьем. Тут хоть корешок найдешь, с голоду не умрешь». Вышел из лодки, пошел.

Шел много ли мало ли, приходит к великолепному дому. Обружен дом каменной стеной, и ворота заперты. Начал стучаться — отзвыу нет, никто не откликается. А любопытство его разбирает: кто тут живет? Разбойники, что ли? Сел на лавочку и стал ждать. К вечеру идет великан одноглазый, с лесом ровен. «А, Бормá-Ярыжка! Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Ты у сестры моей был?» — «Был». — «Корону, скипетр, рук державу и книжку достал?» — «Достал». — «Змею выжег?» — «Выжег». — «Сестру мою обманул?» — «Обманул». — «Ну, я тебя разорву — съем!» — «Ну, чего есть-то: разве от меня сыт будешь? А вот давай по-братски сделаем: у тебя вот один глаз-то, а я тебе два сделаю. Ты теперь одно царство видишь,

Иван-царевич и змей.
(Лубочное издание.)

а тогда — два. Пойдем! Где у тебя казна и камня драгоценные?» Нашел, посмотрел. «Для глаза, — говорит, — надо. Станок ладить давай, тебя положить!» Сделал станок, да связал великана снастями. «Ну-ка рванись, а то ведь глаз-то испортить можно». Тот как рванулся, так все и перелетело, и второй раз тоже. Скрутил Бормá великана воловьими жилами и спрашивает: «Ну-ка, теперь не разорвешь?» — «Нет», говорит.

Он пошел, взял олова, растопил, да и говорит великану: «Растворь глаз-то, а то ошибешься — не такой сделаешь». Тот раскрыл глаз, а Бормá и вылил туда горячего олова. Великан порвал воловьи жилы, все взорвал и поломал. «А, — говорит, — ты меня обманул! Ну, да стой, найду». Затворил ворота и камень к ним привалил. Некуда Борме деться. А у одноглазого, вроде товарища, козел громадный жил. Вот Бормá-то и подвизался козлу под брюхо, а то не уйдешь, пожалуй, — и давай его под бока щекотать. А козел-то привык с одноглазым играть, разбежится, разбежится, да и ткнет.

лись оне на почлег в поле, утром стают — жеребеночек. Они давай спорить; один говорит:

— Мой жеребенок, моя кобыла ожеребилась.

А другой:

— Нет, врешь — моя телега ожеребилась.

Спорили, спорили, пошли к барину — пусть он рассудит. Приходят к барину, а барина дома нет. Выходит барыня:

— Чо, мужички, скажете?

— Рассуди, барыня! моя кобыла ночью ожеребилась, а он говорит: «моя телега ожеребилась».

— Чо вы спорите: ты иди со своей телегой в одну сторону, а ты иди со своей кобылой в другую — за кем побежит жеребенок, того и будет.

— Правильно.

Согласились, поблагодарили и пошли. Приезжат барин домой, ему рассказывают, как приходили мужики и как барыня их рассудила. Он говорит барыне:

— Ты, вѣдь, знашь, дорогая, наше условие? Бери, что тебе мило, что тебе любо, и иди от меня.

— Хорошо, только давай погуляем эту ночь, а потом разойдемся.

— Идет.

Давай оне гулять. Она его разным винам угожат, он все пьяне да пьяне, а барыня не пьет. Свалялся барин и спит. Барыня выходит на крыльцо, крѣчнт:

— Запрягай тройку, кладите перину и подушки в тараптас. Берите барина и кладите его.

Ехали, ехали, он просыпается, видит, что они едут куда-то:

— Стой, куда везете?

— Как куда? Ты сказал: что тебе мило, что тебе любо, бери. Ты мне мил и ты мне люб — вот я везу тебя.

Плонул барин:

— Тьфу, ты, стрижена, перехитрила!

Вернулись домой, стали жить-поживать.

Сказка записана М. В. Красноженовой 2 марта 1929 г. в г. Красноярске от В. И. Старцевой, 80 лет. [Сборник М. В. Красноженовой. — Сказки Красноярского края, стр. 219—222, № 27.] В. И. Старцева усвоила сказки в детстве от своей приемной матери, У. Н. Прокопьевой, крепостной крестьянки, бежавшей от помещицы.

Две последние сказки близко родственны, развивая в сущности одну и ту же тему о мудрой девушке; нередко эпизоды обеих этих сказок объединяются или встречаются в других сочетаниях.

Тема отгадывания загадок и загадочных речей встречается в разнообразных сказках; сказки о мудрой невесте принадлежат к числу популярнейших (некоторые сходные мотивы встречаются в «Повести о Петре и Февронии», получившей свое оформление в XVI в. и известной во множестве списков).

Аналогичные мотивы встречаются также в песнях:

1.

— Загадать ли тебе, девица, шесть загадок? —
 — Отгадаю, сын купеческий, хоть десяток. —
 — Уж и что это, девица, краше лета?
 Уж и что это, девица, выше леса?
 Уж и что это, девица, без коренья?
 Уж и что это, девица, чаще роши?
 Уж и что это, девица, без умолку?
 Уж и что это, девица, без ответу? —
 — Краше лета, сын купеческий, красно солнце,
 Выше леса, сын купеческий, светел месяц,
 Чаще роши, сын купеческий, часты звезды,
 Без коренья, сын купеческий, крупен жемчуг,
 Без умолку, сын купеческий, течет речка,
 Без ответу, сын купеческий, судьба божья. —
 — Отгадала ты, девица, отгадала,
 Уж и быть за мною, быть моей женою. —

[Бывш. Московской губ., ныне области. Шейн, стр. 213, № 812.]

2.

Девка платье мыла,
 Вальком колотила,
 Бело полоскала,
 Круто выжимала,
 Дружка поджидала.
 Едет милый с поля
 На вороном коне:
 — Бог помочь, девица,
 Тебе платье мыти! —
 — Благодарствуй, детинка,
 На добрым слове. —
 — Девица хороша!
 Напой мово коня
 Среди синя моря,
 На камушке стоя, —
 Чтобы конь напился,
 Ковер не смочился. —
 — Молодец хороший!
 Спей мне башмачки
 Из желтова песочку,
 Чтоб башмачок не сносился,
 Чтобы песок не ронился
 И не тер бы белых ног. —
 — Напряди, милая, дратвы
 Из дождевой капли,
 И шей, милая, халатик
 Из булатной стали.
 Сталь булатная картина,
 Чтобы пуля не пробила,
 Чтобы мог ее носить. —
 — Сруби, миленький, мне терем
 Из маковых зерен,
 Чтобы были двери,
 Двери, две кровати,
 Чтоб могла я спать,
 Чтобы снился милый мне сон. —

[Бывш. Тверской губ., ныне Калининской обл.
 Шейн, стр. 215, № 818.]

✓ 19. БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ.

На одном хорошем тракту стоял монастырь. Этот монастырь посещало очень много народу. Ни один не проезжал мимо этого монастыря. В одну прекрасную время, утром рано пришлось проехать одному крестьянину. Человек как религиозный, хотел он зайти и помолиться. И уж не тут-то было. Монастырские ворота были очень крепко заперты. Давай стучаться в ворота. Подумал, что крепко спят в монастыре. Ну, никак не дождался никого он.

Только стал прислушиваться. Не то были гимны, не то стихи, или просто песни. «Дак это что же, оказывается, гулянка?! Оказывается беспечальный монастырь!» Вынимает крестьянин памятную книжку, отрывает листок, пишет крупным шрифтом: «беспечальный монастырь». Скрывает таким скрытым месте, залезил и уехал.

Не долго прошло это времени, пришлось проезжать этим трактом государю. И вот он тоже захотел помолиться в монастыре. Да только попалась ему эта самая бумажка на глаза. Что такое? С изумлением смотрит: «беспечальный монастырь». — «Как же это печали нету у его? Ковда я ведаю всем государством, и то печали и нужды у меня по горло!»

Заходит он в монастырь. На встречу ему идет отец-игумен с крестом. Приложился ко кресту государь. «Да что же это, оказывается, у вас беспечальный монастырь?» Игумен несколько струсил. «Что бы значили эти слова государя?» Остается в недоумении. Государь опять-же ему повторяет: «У вас, оказывается, беспечальный монастырь?» — «Откуда вы это знаете?» игумен спрашивает смиренно. «Да, вот, пойдемте посмотреть; на улице у вас есть какая-то вывеска: беспечальный монастырь».

Когда игумен увидел это, стал извиняться, что кто-то устроил такую подлость. Что мы в монастыре не можем быть беспечальны. Государь сказал, что это не зря, а наверно, кто-то знает вашу беспечальность. «Дак, вот что, отец игумен, я наложу на вас печаль!» — «А какую же вы хотите наложить печаль на нас?» — «Да вот даю вам недельный срок. Задам вам задачу, чтобы вы мне ее разъяснили. И так попечались эту неделю все бы монахи. Первая задача будет: сошпигать на небе звезд; вторая задача — небеса выше или тот свет дальше, как называют? И потом, оцените меня: что стою я?» Счас слял и уехал.

Игумен приносит такую печаль всем монахам. «Вот что, братья, государь заехал помолиться — вместо моления оставил нам печаль». Монахи все в недоумении. «Что такое, отец игумен говорит такое непонятное? Дак, говори же, отец игумен, правду ли ты, врешь ли?» — «Дак, вот что, братие, кто-то насмеялся над нами, залезил бумажку. Написано жирным шрифтом: беспечальный монастырь. Он за эту-то вывеску и оставил нам печаль».

— «А какую же?» — «Дал нам недельный срок, чтобы сосчитать на небе звезды — первая задача; а вторая задача — узнать: небеса выше или тот свет дальше, а третья задача — оценить самого царя,

что он стоит». — «Вот так-так!» Все захнули. Где же это смёрт-ному человеку угадать такие задачи? — «Делать нечего, придумайте. Может кто и угадат?»

А время близко. Никто не думает угадывать. А только думают, что казнит всех. Один думает монах: «Так и так, жизнь недалеко, а уж лучше погулять и повеселиться. Дай, пойду в трактир, выпью порядком, чтоб скорее время только прошло, чем беспокоить себя».

И приходит он в трактир, заказывает огромный запас такой, трактирщик удивился, зачем же такой большой запас? — «А с горя и с печали», говорит монах. А тут как раз один трактирский пьяница: «Что вы, отец, что вы, отец, какая вам печаль?»

— «Да не говори, брат, некогда мне с тобой растабарывать». — «Что ты, отец, может быть я тебе помогу». — «Едва ли ты своим кабацким делом поможешь мне-ка. Вот что, брат, государь ныне проездом наложил на игумена и монахов печаль. Задали три задачи, и никому они не выполнимы». — «А какие были задачи?» спрашивает пьяница. А тот и стал ему шутя рассказывать. «Да ведь, оказывается совсем пустяки, — говорит пьяница, — очень просто, могу отгадать я».

Монах даже оставил свое гулянье. И вот повел его к отцу-игумену, который щедро тебя наградит. Ковда приходит к отцу-игумену, монах заявляет про этого пьяницу. «Вот что, отец-игумен, оказывается, человек находится нас выручать». — «Да неужели?» — говорит отец-игумен. — «А вот сами можете лично переговорить с ним».

Берет отец-игумен этого пьяницу, ведет в свою комнату. «Ну дак что, брат, говорил тебе послушник всю эту историю?» — «Да, очень хорошо запомнил». — «Ну дак, брат, берись. Что будет стоять, заплотим». — «Дак что тут плата — я не особенно в ей нуждаюсь. Прежде всего я должен надеть вашу игуменскую одежду и облачение. Ведь надо привукнуть мне за это время ходить, как игумену, а то я, — ведь знаете, — просто пьяница». — «Давай, сейчас и поменяем одеждую оба».

Пьяница надевает одежду игумена, а свою подраную дает ему. Нечего делать — хотя и неприятно, приходится надевать. Ковда они переделались, пьяница и говорит ему: «Отец-игумен, представьте мне несколько десетей бумаги». — «А гля чего это?» спрашивает отец-игумен. «Его лично мое дело. Надо, ведь, счета как-нибудь сводить, звезды представить, а время уж близко».

Отец-игумен заказал послушнику принести бумаги. Принесли несколько десетей бумаги, и вот он взял карандаш и начинает писать. Писать-то было чо. Только заглавие поставил: подсчёт звезд. А тут стал ставить цифры несложные такие. Где 20, где 30, а где и сотню, и 1000 поставил, а где и 2 и 3. И так закончил все эти бумаги в цифрах.

Ковда приходит отец-игумен к нему. «Ну как, доканчивашь, ли нет?» — спрашивает его. «Да покончал», говорит. «А остальное измерил как? Как до неба и до того свету?» — «Да это я давно знаю», тот пьяница говорит. Ну-с, ладно, значит делать нечего было.

Приходит время — назначенный срок уже подошел. Все монахи ждут с нетерпением царя. Только один игумен ни об чем не думает. Как будто бы не его дело. И вдруг появилась коляска. Приезжает государь со всею пышностью. Встречает его игумен с крестом. «Ну как, отец-игумен, — спрашивает его государь, — угадали то, что я вам задал?» — «Да не знаю», говорит пьяница.

Усадил государя в кресло, а сам приносит несколько десетей бумаги, подает государю. «Можете просмотреть, ваше императорское величество». Царь начинает рыться в этих бумагах. «Да что ты, отец-игумен, наврал тут много?» — «Что вы, ваше императорское величество, в чем вы узнали, что я тут наврал?» — «Конечно наврал! Одне цифры да и цифры и больше ничего!» — «А вот я счет-то не могу вам сказать, каки там миллионы или легионы. Я вам и составил, а вот если вы не верите, то можете проверить сами».

Царю смешно показать, кто же может на небе звезд проверять? «Правда, — говорит, — что частями-то, верно, вы могли сосчитать. Ну, а как вторую задачу? Узнали, ли нет вы, тот свет дальше или небеса выше?» — «Да уже узнал». — «Ну а как?» — «Да, вот я на небе слышу стучают-брякают, а до того свету должно-быть далеко. Мой отец теперь же уехал на тот свет двадцать пять лет и до тепере его нет. Поэтому далеко дальше тот свет». — «Однако неправда, — говорит государь, — ведь это все надо знать на деле». — «Узнайте сами, может быть и поверите мне-ка», говорит отец-игумен.

Государю тоже так забавно показалось — нашел правильное разъяснение. «А ну-ка, как теперь третью задачу: поденили вы меня?» — «Да вы, ваше императорское величество, стоите двадцать девять рублей». — «Как так, что ты? Каким ты способом мог меня так оценить? Когда простой поденщик берет тридцать рублей в месяц!» — «А очень просто», говорит игумен стог. «Ну а чем вы докажете?» — «А вот у нас небесный царь был продан за тридцать серебрянников. А вы-то, ведь, земной — на рупь должны дешевле быть».

Царь рассмеялся и ничего не сказал. «Да-к вот угадайте, что я думаю на уме?» государь говорит. «Да и это угадал». — «И что же?» — «Да-к вы думаете: все-ж таки молодец, игумен монастыря! А вот вы и ошиблись». — «Как так?» — «А это молодец — не игумен, а я — пьяница трахтирей и кабака!»

Как так? Пошли спросы и допросы. Ну и выяснили, что сам-то игумен уклонился, и разъяснил все это дело игумен-пьяница. Тогда пьяницу оставили игуменом монастыря, а игумена отправили шляться по трахтерам и кабакам.

Записано М. К. Азадовским в 1925 г. от крестьянина с. Малый Хобок в Тункинской долине (100 км к югу от Байкала) Е. И. Сорокикова.

[М. Азадовский. — Русская сказка. Избранные мастера, т. II, стр. 300 — 305.]

Один из популярнейших в мировом фольклоре анекдотов. Известно, между прочим, стихотворение А. Н. Майкова на эту тему: «Пастух (Испанская легенда)», 1866.

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его осударь Иван Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня оглянулся.

«Благодарим, просим со смиреньем». — «Знать, вздремнул?» — «Вздремнул, великий осударь, не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет». — «Экой ты смелый, Горшеня! люблю этаких. Ямщик! поезжай тише. А што, Горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — «Съизмолоду, да вот и середовой стал». — «Кормишь детей?» — «Кормлю, ваше дарское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет». — «Хорошо, Горшеня, но все-таки на свете не без худа?» — «Да, ваше дарское величество! На свете есть три худа». — «А какие три худа, Горшенюшка?» — «Первое худо: худой сосед, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум». — «А скажи мне, которое худо всех хуже?» — «От худова соседа уйду, от худой жены тоже можно, а от худова разума не уйду — все с тобой». — «Так, верно, Горшеня! ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Приметят гуси с Руси, перышки ошиплешь, а по правильному покинешь!» — «Годится, так покину — как придет, а то и наголо». — «Ну, Горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду». Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Осударь стал глядеть, и оказались ему три тарелочки глиняны. «Ты наделаешь мне едаких?» — «Сколько угодно вашему дарскому величеству?» — «Возов десяток надо». — «На много дашь время?» — «Месяц». — «Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня». — «Спасибо, Горшенюшка!» — «А ты, осударь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?» — «Буду в дому, у купца в гостях». Осударь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ дарской и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к Горшене и говорит ему: «Бог за товаром, Горшеня». — «Просим покорно». — «Продай мне весь товар». — «Нельзя, по заказу». — «А што тебе, ты бери деньги, не повинят из этого, коли не взял златка под работу. Ну, што возьмешь?» — «А вот што: каждую посудину насыпать полно денег». — «Полно, Горшенюшка, много!» — «Ну, хорошо: одну насыпать, а две отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпают, да высыпают; сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют — товару все много. «Как быть, Горшенюшка?» — «Ну, што ни жадал? Нечего делать, я тебя уважу, только знаешь, што? Свези меня на себе до этого двора, отдам и товар, и все деньги». Боярин мялся, мялся, — жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего, сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярина; в споре дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих же мест везти тебя?» — «Вот до этого двора и до этого дому». — Весело поет Горшеня, против дому он

высоко поднял. Осударь услышал, выбег на крыльцо, признал Горшено: «Ба! Здравствуй, Горшенюшка, с приездом». — «Благодарю, ваше царское величество». — «Да на чем ты едешь?» — «На худом-то разуме, осударь». — «Ну, мозголов, Горшеня, умел продать товар. Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, Горшеня, кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, Горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил, — а ты не умел владеть боярством. Ну, Горшеня, прилетали гуси с Руси?» — «Прилетали». — «Перышки ощибал, а по правильному покинул?» — «Нет, наголо, великий осударь, всего ощибал».

Записана Н. М. Языковым в бывш. Симбирской губ., ныне Куйбышевской обл., со слов крестьянина с. Головина.

[Афанасьев, № 186 b; первоначально сказка была напечатана в «Москвитяине» (1843, № 1, стр. 130—131).]

Любопытно приурочение сказки к имени царя Ивана Грозного. Следующая сказка более или менее аналогичный сюжет связывает с именем Петра I.

✓ 21. ЦАРЬ ПЕТР И КРЕСТЬЯНИН.

Насхал царь Петр в лесу на мужика: мужик дрова секет. И говорит ему царь: «Божья ти помочь крестьянствовать!» — «Мни-ка надо бога на помочь!» — «А велико ли у тебя, старичок, семейство?» — «А семейство у меня — две дочери да два сына». — «Не велико-ж твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?» — «Кладу я деньги на три статьи: во-первых — долг плачу, а в других — в долг даю, а в-третьих — в воду мечу». Царь призадумался: что-б это значило, что старик и в долг дает, и долг платит, и в воду мечет? И говорит ему старик: «В долг даю — двух сыновей кормлю; долг плачу — старого отца и мать кормлю, а в воду мечу — двух дочерей кручу». — «Ну, — говорит ему царь, — умная ты голова, старичок. Будут со святой Руси белы гуси, умей-ка щипать. А теперь веди меня в степи, я дороги не знаю». — «Почто я тебя поведу? Найдешь сам дорогу: иди прямо, сверни вправо, тут повороти влево, а там опять вправо». — «Этой я грамоты, — говорит царь, — не знаю. Ты меня сведи». — «А мне, сударь, в крестьянстве день дорого стоит». — «Дорого день стоит, да я тебе заплачу». — «А, заплатишь, так поедем!»

Сели они на однололку и поехали. Дорогой стал царь мужичка выспрашивать: «Далече ль, мужичек, бывал?» — «Кое-куда, бывал, сударь». — «А видал ли царя?» — «Царя не видал, а надо б посмотреть: согласился бы и помереть». — «Так смотри, в степях царь будет». — «А как я царя узнаю?» — «Все будут без шапок бегать: один царь в шапке». Как приехали в степь, увидели люди царя, все шапки под пазухи, бегом бегают. А мужик ширит глаза: двое стоят в шапках; и спрашивает: «Кто же царь?» Говорит ему Петр Алексеевич: «Видно, кто-нибудь из нас царь!»

Записано П. Н. Рыбниковым в 1860 г. от лодочника на реке Шале (Водле) в Заонежье.

[«Песни, собранные Рыбниковым», т. II, изд. 2, стр. 368—369, № 153.]

Бывало, живало — купец да купчиха. Бывало у них один сын. Они торговали справно. Был купец богатейший. Купец помер, купчиха тоже померла. У них остался один сын. Ну живет, поживает один. Нать, верно, женится. «Кака мне невеста взять, у купца-ле кого, у генерала, у крестьянина богатого, где искать?»

Потом идет возле речки по угору, гуляет (как твой сын вчера гулял по угорам, по лугам), девица белье полощет, весьма хороша, ему приглянулась.

Удумал: возьму я эту девицу взамуж. Што ж, што она не богата, — вовсе приглядна. И говорит:

— Ты девица, какого рода, какого отца?

— Я бедного сослэвья, у меня отец сапожник, живет бедно.

— Пошла ли за меня взамуж?

— Кака я невеста? Я человек бедной.

Потом девица пошла. Он за ей след пошел узнать, какого она места. Приходит девица, — избушка маленька. Он зашел в фатеру. Отець у их сидит сапоги работает.

— Ну, купец именитой, што вам тако нать? Сапоги работать али стары починять?

— Не сапоги работать, не стары починять, пришел я на вашей девице свататься.

— Што ты, купец, смеишься! Возмеш ли ты мою дочерь? Вы богаты, а мы бедны.

— Славиться не будем, бери из магазина, што надобно: люди будут убиваться, што именитой у бедного берет, а кожды справимся да обвенчаемся, тоды и свадьбу поведем.

Обвенчались, ширком да свадебкой. И живут вовсе хорошо: и советно и богато, и так на эту хозяйку идет торговля хорошо, дак...

Жили, пожили. В Пруссии-городе сторела лавочка. В той лавочке товару было всех боле.

— Как же мы будем эту лавочку строить? Хозяйку взять невозможно; здесь оставить — *порато*¹ хороша, к ей люди подобьются. — Вот и печалуется день и два ходит, печалуется. Она и спрашивает:

— Што вы, господин, ходите эдакой туманной?

— А как будем лавочку строить? Тебя оставить дома не смею: с умом жить не сумеешь. А людей послать, дак много утраты будет.

Она говорит:

— Срежайся ехать! Буду одна жить, сама себе сохранны.

Одела ему сорочку беленьку:

— Если сорочка бела замарается, то я с ума сбилась, а если рубашка бела, дак живу кренко, *исправильно*.

Вот он и уехал в Пруссию-город ставить лавочку. И живет поживает, может, и с год време, а рубашка на ем бела, как снег.

¹ Очень.

Он стал торговать. У его товар вовсе хорошо идет, а у иных купцев — плохо. Другие купцы, его не любя, королю доносят, что он волшебник, *волшебет*: у его товар идет, а у нас нет.

Этот король собрал пир и на пир созвал торговых людей там — каких-нибудь генералов, хрестьян и всякого звания людей и этого купца созвал на пир.

У него рубашка вся бела, бела как снег. Стали пировать и *жировать*, потом пошла гулянья. Потом они стали бороться и все прибились и все припотели и все *припатрались*:¹ этот купец со всеми переборолся, у его рубашка все бела.

Король сочтил его волшебником *знатливым*: знат много, — нать его в тюрьму.

— Зачем же вам меня заширать? Никак я не волшебник. Мне рубашку жена надела. Если как с умом живет, все рубашка бела, а если забалует, так и рубашка замарается.

Король того не внимаает. Его в теремной замок.

Потом и удумал к хозяйке послать слугу верного.

Дал сто рублей денег.

— Поезжай, подбейся к ней. К хозяйке еговой! — Слуга поехал в город.

Из Пруссии! Из Пруссии приехал! Куда ему фатера? Нать штоб чисто, бело! К этой купцовой хозяйке его на фатеру.

Купцева хозяйка: «пожалуйста, милости просим!» Чужестранного человека поит, кормит, чаем, кофею, всем угощает.

Он и стал ей говорить:

— Эки вы хороши, эки вы ненаглядны, как вы жить можете без мужа? Вот я дам сотню денег, не можете ли со мной позабавиться?

Она говорит:

— Грех! Большой грех!

Он говорит:

— Да што ты, што ты. Да твой муж не так живет, мы про его знаем, он близко.

Она и согласилась, взяла сотню денег у его. Пошла во спальню.

Он и говорит:

— Вались, говорит, ко стенке!

Она отвечает:

— Я никовды со своим мужем ко стенке не сплю, ложись сам, а я на краю.

Он и повалился, *бажкою*,² ко стенке. Она раздевалась, да помешкала немножко, валиться стала, — у ей там были пружины; пружинки толкнула, — он сейчас полетел у ей вниз в погреб.

Вот она ему дала за дурные слова, как свинину режут, так таку пишшу дала. Дала веретено, куделю и прялку. Приказала напрядь нитку тонку, как шолчину, так пойдет тебе пишша хороша тогда. Он престь не умеет. Бился, бился, потом напред нитку, как шолчина. Потом пошла ему пишша хороша.

¹ Перепачкались.

² Дорогой, милый.

Король там его ждет. Нету посыльного: вот он там гуляет, вот забавляется!

Ишша ждет:

— Вот такой, сякой уехал, гуляет верно там с ей! Другого пошло, ишша верней и лучша! Триста денег дам!

У куща все рубашка бела.

Другого послал посыльного. Другой таким же случаем приехал в город; к ей подбиваться стал:

— Эка ты красива, эка хороша! Не можно ле с тобой позаваться? Вот тебе триста денег.

Она с им таким же *побытом*¹ в спаленку пошла, да бух его в погреб!

Одному ишша уж хороша идет, а другому ишша худа ишша.

Король весь прихлопотался. Хлопочет, хлопочет: куда девались, нету, нету.

— Гуляют там видно с ей! Сам поеду!

Посмотрел, у куща рубашка все бела.

— Накладу ящик денег, неужели нельзя подбиться к этой хозяйке?

Вот и поехал сам в тот город, в тую деревню.

Народ:

— Из Пруссии король! Из Пруссии король! Куда ему фатера?

— Фатера ему у купцовой хозяйки: у ей чисто, у ей бело!

Ну, вот и у хозяйки.

Хозяйка принимает хорошо, поит и кормит. Она его чаем, кофем, всякими напитками угощает.

Он стал ей говорить:

— Эки вы хороши, да эки вы красивы! Возьмите эдакой яшние денег, согласитесь со мной! — говорит король.

Она говорит:

— Не соглашусь. Поезжай на полсутки в город, а я схожу к бачьку-духовнику, спрошу, простимой ле грех. Как простимой, так соглашусь, а непростимой, так и на деньги не обзарюсь.

Он и уехал. Вот она и пошла к бачьку. Бачько выходит из б ай ны: запарел, заруменил. Она и говорит: «Простимой ле грех из-за мужа согрешить?»

А он и говорит: «Непростимой, большой. А согрешим со мной, дак грех не будет, за нас мир замолит!»

Она говорит:

— Приежай часу в девятом вечера!

И вышла.

— Пойду схожу к благочинному!

Пришла к благочинному.

— Простимой ле грех из-за мужа согрешить?

Благочинному эта красавица нать:

— Нет, непростимой, большой грех, а со мной, дак не будет грех: епархия замолит!

— Приежай в часу десятом!

¹ Образом, способом.

Пошла к архирею:

— Простимой ле грех из-за мужа согрешить?

Архирей' тоже на эту красавицу обзавидовал:

— А согрешим со мной, дак вся империя замолит.

— Приежжай в часу одиннадцатом!

Она ушла домой.

Там она ящик опорожила и склала деньги куда ле.

Вот живет, поживает. И звонок у ворот.

— Кто, кто приехал?

Бачко заехал в гости. Она потихоньку да помаленьку самовар наставлят. Чай попивают. С час немного и време.

Опеть звонок у ворот.

— Это кто насхал?

— Благочинной.

А чин чину повинуется ведь. Чин чина боится. Бачко дрогнул.

— Я-то куды, я-то куды?

Она говорит:

— У меня ящик есь большой, ты в ящик!

Стала опеть благочинного угощать, с час време прошло, а тут звонок у ворот.

— Кто, кто у ворот?

— Архирей.

Благочинной архирея боится:

— Ох, ох, я-то куды деваюсь? Што архирей скажот: зачем к женщины пришел? Я-то куды?

— В ящик!

И два там собрала.

Стала архирея угощать. — Король-ат и садит. Едет. Звонок.

— Кто, кто у ворот?

— Из Пруссии король!

Испугался архирей.

— Я-то куды? Расстрижет меня!

— В ящик!

Король приехал.

— Ходила к попу духовнику? Спрашивала ле?

— Ходила. Грех большой, непростимой. Не буду грешить

— Скорей, — король-от разгорячился, — несите мой ящик в сани!

Слуги вынесли. Король поехал домой с ящи...

(Хохот пресек рассказ.) С ящиком!

Вот и поехали. Едет, гонит! У купца все не марается рубашка.

Приехал король, кликал пир и выпустил ейного мужа.

Пировал-жировал.

— Есь ле в Пруссии эка хозейка, штоб не согрешила, на эки деньги, на эдаки деньги не обзарилась!

Отворяет ящик: тут поп, благочинной, архирей...

Три штуки заперано.

А у хозяйна все рубашка бела.

— Поезжай домой да выпусти, там сидят двое ишша.

Сказка записана О. Э. Озаровской от М. Д. Кривошолоновой
(см. выше былинку «Вавила и скоморохи»).

[О. Э. Озаровская. — Пятиречие, Л. 1931, стр. 22—29, № 1.]

Вторая часть сказки близка к древне-русской повести о Карпе Сутулове [Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене его, како не оскверни ложа мужа своего].

23. ХАМ-ВОР.

Жил-был Хам-вор. Он был в стенах у царя, сидел — пойман был. И вот к им опять вор повадился ходить. Они приходят к тому Хаму-вору. И спрашивают:

— Что нам с этим вором делать?

Он говорит:

— Возьмите, оденьтесь простым человеком и пойдите по улице, как воровать.

Вот царь нарядился и вышел. Пошел, и встречается ему воришка-хулиган и говорит:

— Здоров, товарищ.

— Здорово!

— Куда пошел?

— А посмекать чего-нибудь.

— Пойдем вместе.

— Пойдем.

— А куда пойдем?

— А пойдем к царю. *(Царь-то говорит.)*

Тот и говорит.

— Что ты, подлец, — говорит, — кого хлеб-соль ешь, того и воровать хочешь!

Да хлоп его по затылку. Вор — царя-то!

— А куда пойдем?

— А пойдем лучше к графу. *(Вор говорит.)*

Пришли к графу. Дает вор царю когти.

— Полезай, — говорит.

— Нет, я не умею лазить, нисколько не лазивал.

— Ну, давай я сам полезу.

Полез, в спальню аккуратно залез. Залез, да и слушает. А граф с графиней в постели лежат, разговаривают:

— Я завтра буду именинник, собери бал и пригласим царя и первую чарку нальем с ядом царю. *(Отравить хотят царя!)*

Он слез и говорит:

— Подумай, чего хочет граф, царя отравить нашего хочет. Как бы ему донести?

— А я, — царь говорит, — близко живу, дак я скажу.

Приезжает царь назавтра к графу в гости, и вот ему подавают первую чарку. Он не пьет, не берет ее, графу велит вышить самому.

— Как вы, — говорит, — именинник, — пейте сами.

А тот не хочет, не пьет, а царь настаивает: «пейте». Он подносит чарку к губам, хочет пить, а жена подскочила, в роде нечаянно его по руке задела, он и уронил чарку. Царь и спрашивает: — Почему вы не выпили? Сейчас это вино на следствие к доктору.

И признали, что вино с ядом. Графа посадили с графиней обоих в тюрьму.

К им опять вор ходит — к царю.

— Как его, Хам-вор, поймать?

— Возьмите, соберите пир и позовите всех бедных и богатых на этот пир и насыте золота и серебра на пол. Верно золото это убывать будет.

Вот и верно, золото стало убывать, на пиру заметили. А у воришки в подошвы дырки сделаны, и в дырку он золото и собирал. А как пошли осматривать, он ножик уронил, да стал подымать, и начал у всех подошвы подрезывать. Стали смотреть, а у всех подрезано, — и у графов и у князей. Пришли к Хаму и говорят, что у всех подрезаны подошвы. Хам и говорит:

— Возьмите стену в спальню вашей дочери выпилите и бочку смолы поставьте, он, верно, вздумат ночью к ей в спальню идти.

Так и сделали. А их было двое. Вот первый и говорит:

— Сегодня твоя очередь стену ломать.

Он бросился да и угодил в бочку, в смолу-то. До головы и вскочил. Тому некогда было утаскивать, он взял, да голову ему и отрезал и унес с собой. Пришли, Хаму-вору говорят:

— Поймали вора, да без головы.

— Ну, не тот вор, который без головы, а тот вор, который голову унес.

— Ну, что делать?

— А возьмите это тело, обмойте, да везите по городу, верно, выскочит жена.

Так и сделали, повезли тело по городу. И вдруг выбегает женщина и плачет.

А воришка забежал к ей в избу, и у ней топилась печка, и кишел чугуи, и лежал ребенок в люльке. Он взял да ребенка и заварил. Выскочил и говорит:

— Что вы глядите на нее, она ума решилась — ребенка в люльке заварила.

Посмотрели — так и есть. Значит, опять не нашли. Тело так и похоронили. Приходят к Хаму-вору.

— Ничего не могли найти.

— Ну, — говорит, — и вор хитер. Возьмите самолучшего козла в золоте, серебре и ведите по городу, с ним людей снарядите.

Повели козла по городу, вдруг он говорит:

— Я сегодня именинничек, так повеселиться хочу, зайдите ко мне, пожалуйста. Повеселиться хочу.

Они зашли, и он их напоил пьяными. И обнимал козла, да и их раздел. Да их монахами одел, да и отвез к монастырю их. Ну, они проснулись, да и смотрят один на одного и спрашивают:

— Гришка, ты?

— Я.

— Васька, ты?

— Я.

— Пошто ты монахом?

— А где у нас козел-то? — говорят.

— Как мы теперь к дарю-то явимся? С какой повинной головой? И пошли к дарю.

— Казни, — говорят, — потеряли козла и не знаем как. Вот так и так, шли по городу, звал нас человек именинник в гости. И вот он нас напоил и пьяными одел и повез в монастырь.

Ну, пошли к Хаму-вору и рассказывают:

— Ну, да это, — говорит, — и вор. Я — вор, а уж это... Возьмите самолучшего повара, и пусть повар идет, нюхает — наверное он будет жарить козла.

Снарядили самолучшего повара. Повар идет и нюхает — где пахнет козлом. А он и увидел в окно.

— Что смотришь, — говорит, — идешь?

— А квартиры ищу для одного, нет ли такой?

— А у меня отличная комната для холостого. Зайдите посмотреть.

Он зашел, а тот начинает его угощать, говорит:

— Я вчера был именинник, дак у меня остался козел, да все дак я вас угощу, — говорит.

Ну вот повар и говорит:

— Я не только нюхал, а и сам кушал козла.

Сидит, радуется. Ну, он угостился, вышел, да на воротах и написал:

«Был в сем доме, ел козлятину».

Вор и посмотрел, да взял со своего дома стер, а пошел к графу и князьям и написал: «Был в сем доме, ел козлятину». Вот приходит повар домой и говорит:

— Не только козла нюхал, но имел счастье есть козлятину.

— А ты знаешь, в каком доме ел?

— А я на воротах написал: «Был в сем доме, ел козлятину».

Пошли смотреть, а оказалось у графа, да у князя, да у самых главных лиц написано на воротах: «Был в сем доме, ел козлятину».

— Да неужели ты в этих домах был?

— Нет я в этих домах не был.

Так и вернулись к Хаму-вору.

Записана И. В. Карнауковой в 1926—1929 гг. в дер. Обросово (на Пинеге) от Л. З. Залусской, 39 лет.

[И. В. Карнаухова. — «Сказки и предания Северного края», стр. 223—226, № 119.]

В сказке соединены два сюжета: 1) о воре и даре; ходивших вместе воровать, и 2) о ловком воре, похищающем у дара сокровища.

Первый сюжет любопытен по своим историческим приурочениям. Так, на русской почве он связывается то с именем Ивана Грозного (подобный рассказ сообщает, например, еще англичанин Самуил Коллинс, служивший

врачом при царе Алексее в 1659—1666 гг.: «Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне», перев. П. Киреевского, М. 1846, стр. 16), то с именем Петра I [П. К. С и м о н и. — Сказки о Петре Великом. «Живая Старина», I—II, 1903].

В 1730, 1745, 1752, 1754 гг. в Тайной канцелярии допрашивались колодники о сказке, ходившей в народе и связанной с именем Петра I. Они рассказывали: «Ходил государь Петр Великой по Москве по городу в ночи один, и стретился с ним вор, и государь спросил его: что он за человек, и оной вор сказал, что он вор. И вор де государя спросил: а ты де что за человек, и государь сказал: я де такой же вор, как и ты. И государь с тем вором побратался крестами, и вор назвался старшим братом, а государь младшим. И стал де тот вор его, государя, звать воровать, и государь де сказал: разве де итти воровать во дворец, и за то де тот вор государя был дубиною и говорил государю: пойдем де воровать лучше к сенатору, и пошли к тому сенатору, и по приходе вор влез на окно и слушал, что говорить, и прислушал де, что тот сенатор говорит: завтра де надобно мне звать государя к себе в гости и отравить до смерти. И вор де прикликал государя, чтобы он те слова слышал, и государь влез в окно и, слышав те же слова и слезши де с окна, пошли в кладовую палату и покрали столько денег, сколько им надобно было, и стали на пути, и вор де государю говорил, чтобы деньги те между собою разделить, а государь сказал: понеси де ты деньги домой, а я завтра их возьму, для того, что де мне теперь домой принести нельзя, и вор де государю говорил: ты де меня завтра где найдешь, и государь тому вору говорил: как де государь в Кремле пойдет к обедне и все де люди станут на колена, а ты де на колена не вставай, и потому де я тебя узнаю. И по утру де так тот вор и сделал, и взят де тот вор». Рассказчик, показавший это, был наказан кнутом и сослан в Оренбург.

Второй сюжет известен в мировой литературе и в фольклоре по рассказу Геродота (V в. до н. э.). Приводим этот рассказ:

СОКРОВИЩЕ РАМПСИНИТА.

По словам жрецов, Рампсицит был так богат и имел столько денег, что ни один из последующих царей не только не мог превзойти его в этом отношении, но даже приблизиться к нему. Для сохранения своих сокровищ в безопасности он велел построить каменную кладовую, одна стена которой примыкала к наружной стороне его дворца. Однако архитектор с злым умыслом устроил так, что один из камней можно было легко вынимать из стены двум человекам или даже одному. По сооружении кладовой, дарь поместил в ней свои сокровища. По прошествии некоторого времени, строивший кладовую архитектор незадолго перед смертью подозвал к себе сыновей — у него их было два — и рассказал им, что он сделал при постройке царской сокровищницы в заботливости о том, чтобы они жили богато. При этом отец в точности объяснил все касательно выемки камня, дал им мерку его и заключил, что, если они сохранят ее, будут казначеями царской сокровищницы. По смерти архитектора, дети его не замедлили приступить к делу; ночью отправились в царский дворец, нашли в стене камень, который вынули без труда, и унесли с собою много сокровищ.

Отворивши кладовую, царь с изумлением заметил, что в сосудах неоставало сокровищ, и не знал, кого обвинить в краже, так как печати на дверях были целы и кладовая оставалась запертой. Когда, открывая кладовую второй-третий раз, он видел, что сокровищ становится все меньше, так как воры не переставали обкрадывать его, тогда он поступил так: заказал капканы и поставил их кругом сосудов с сокровищами. Воры пришли попрежнему; один из них пролез в сокровищницу, подошел к сосуду, но тотчас попал в капкан. Сознавши свою беду, вор поспешно окликнул брата, объяснил ему случившееся, посоветовал тотчас взлезть и отрубить ему голову; иначе, если его увидят и узнают, кто он, то должен будет погибнуть вместе с ним и брат. Тот согласился с этими соображениями, поспешил по совету брата и, приладивши камень, поспешил домой с головою брата.

На следующий день царь вошел в кладовую и был поражен видом обезглавленного трупа в западне, тогда как кладовая оставалась нетронутой, не было в нее ни входа какого-либо, ни лазейки. Царь был в недоумении и придумал следующее: велел повесить труп вора на стене и подле него поставил стражу, обязанную, согласно его приказанию, арестовывать и вести к нему всякого, у кого она заметит слезы или сострадание. Когда труп был повешен, мать убитого сильно скорбела, о чем и говорила с оставшимся в живых сыном; наконец, потребовала от него каким бы то ни было способом снять труп со стены и доставить ей; в противном случае, — угрожала мать, — она пойдет к царю и откроет, что сокровища у ее сына.

Вообще мать сильно нападала на оставшегося в живых сына, и увещания его не успокаивали матери. Тогда он пустился на такую хитрость. Снарядил несколько ослов, навьючил на них мехи, полные вина, и погнал. Подошедши близко к повешенному трупу и его страже, он потянул к себе висевшиеся концы двух или трех мехов и развязал их; вино потекло, а он бил себя по голове и громко кричал, делая вид, будто не знает, к какому из ослов ему прежде броситься. Стража, при виде текущего в избобилин вина, стала сбегаться на дорогу с сосудами в руках и собирала пролитое вино, как доставшееся на их долю; а тот ругал то одного, то другого из них и притворно сердился. Когда стража стала утешать его, он притворился, что мало-помалу смягчается, что гнев его проходит, наконец, прогнал ослов с дороги и снова навьючил их. Стража еще больше разговорилась с ним, и один из сторожей подшучивал над ним и рассмешил его, за что и получил в подарок мех вина. Стража расположилась тут же, где стояла, и принялась пить, причем приглашала и его, предлагая остаться и пить вместе с нею. Тот послушался их и остался. Так как во время попойки сторожа обращались с ним очень ласково, то он подарил им и другой мех вина. Стража выпила много, опьянела и заснула глубоким сном на том самом месте, где пила. Когда наступила глухая ночь, вор снял труп брата, а всей страже в знак поругания остриг правые бакенбарды; труп положил на ослов и погнал их домой, исполнивши таким образом повеление матери. После еще некоторых проделок, из которых вор вышел невредимым, царь велел по всем городам объявить, что он дарует безнаказанность этому человеку и обещает ему богатые подарки, если он только предстанет пред царские очи. Вор поверил обещанию и явился к царю. Рамсисит сильно удивился ему и выдал за него свою дочь, как за умнейшего из людей; египтян он считал мудрейшими из народов, а этого человека мудрейшим из египтян.

В одной деревне был мужичок не очень богат. Детей у него было семеро или восьмеро. И так он очень бился хлебом и скудался, так што два, три дня голодом сидел. В некое время легли спать со своѣй женой. «Ну, што теперь мы станем делать, раз хлеба нет?» — «А вот што, баба: у барина дача есть. Я лутше поеду в почное время, бревно или два срублю». А баба ему на ответ и говорит: «Как, мужик, действительно, у нас лошадь худая, ты поедёшь? Неравно тебя в лѣсе там застанут. На сторожа попадешь, а нет — на барина». — «Да ведь што будет, што бох подаст. Делать нечего; поеду, раз надумал».

Таким образом, напехал кошель сена, запряг лошадку и поехал. Приезжает он в эту дачу, к самому этому помещику, и сворачивает с дороги. Оммял место и прибрал две ёлочки. Дал лошади сена, а сам пошел рубить эти ёлки. Срубил эти ёлки и обделал, как следует, честь честью. Срубил, надо наваливать было на лошадь. Навалил на дровни, завязал, как следует, и мызгнул на её. Она — лошадь худая, не повезла. Он разгорел на её, поругал и распряг. Потом дерево свалил, оглобли связал, и потом давай дерево вывозить.

Недалёко от дороги, как видать стало большую дорогу, — и слышит кто-то едет. Вот он остановился и смотрит. Едет этой дачи барин и говорит своѣму кучеру: «Кучер, кто-то у нас в дачи рубит». Посылает своёво кучера: «В эту повёртку сходи, узнай!» Тот кучер туда сбежал. Видит — мужик стоит на дороге, отдыхает с возом. Вот ему мужик ¹ и говорит: «Мужичок, иди, тебя барин требует».

Как мужичок испугался! Делать нечево, и пошел на дорогу. Вошел на дорогу, шапку снял и кланяется. И просит у барина прощенье. «Виноват, барин, ребят много, нужда заставила итти в лес». Вот барин и говорит: «Ну што, мужичок: дрова срубил, што с ними делать будешь?» — «Свезу в город и продам. И куплю хлеба пуд или два, тогда будут у меня ребята есть». Барин ему и говорит: «Мужичок, я тебя сошлю». А мужик и говорит: «Ваша воля! Куда хотите, туда и девайте». — «Вот, значит, это тебе, мужичок, не добыча! А вот я тебе дело дам, такую задачу дам, если ты сделаешь, тогда награжду деньгám и хлебом». — «Ну, ладно, сказывайте, какую делать причину». — «Вот у меня жеребед пяти-годовалый есть. Вот вы его украдите, тогда я вас награжду, а если не украдите, тогда я сказню — голова на плаху!»

Вот мужичок подумал сам себе: «Ну, да ладно, украду». Барин говорит: «Украдешь, так я тебя буду ждать». — «Так што, барин, дозвольте деревка увести, уж коли срублены». — «Ну, да ладно!»

Вот барин уехал, а мужичок навалил два дерева и привез домой. Приезжает домой, два деревка свалил под окно и лошадку выпрег, а сам в избу пошел и стал одёжу скидывать с себя. Скинул как

¹ Кучер?

одежу эту, сигарочку свернул, закурил и говорит своей бабе: «Баба! Ставь на стол ужинать». А ему баба на ответ: «А што ужинать? Што припас, то и ужинать!» — «Ну ладно, баба, придётся так лёжиться спать. В лесе рубил, устал, да и поись нечево».

Легли спать. Вот он и стал своей жене рассказывать: «Я, — говорит, — севодня, баба, понал на самово барина! Съехал в лес, да и понал на самово». — «Вот понал на барина, што тебе за это будет?!» — «Да не знаю!» — «Понал на барина, не помилуют».

Он и говорит своей жене: «Задал мне задачу барин. Решу, так помилует, а нет — голова на плаху! Делать нечево, барин раз мне сказал, я ему ответил, што сделаю, украду жеребца вашево». Посоветовались с женой. «Как, баба, нам ловчѣе украсть жеребца-то? Придётся вина четверть купить и мѣду на двугривенной». — «Ну, да как, мужик, вина-то? Да денег нету». — «А вот у тебя сарафан есть, снеси продай: может быть, кто купит, рублишка три дадут за его».

Делать нечево, баба взяла сарафан в деревню и продала. Приходит домой, отдаёт мужику деньги три рубля. Мужик деньги получил, зашёл в кабак, купил четверть вина и пошёл в ловку. Зашёл, купил на 20 коп. меду полфунта. Пришёл домой и говорит своей жене: «Вот што, баба, делать нечево! Одна у нас корова, да надо как-нибудь сметаны разживаться — на, сними бурак». Вот баба взяла сметаны с кринок наснимала, бурак этот и принесла мужику.

Та ночь приходит. Мужику надо итти этово жеребца красть. Мужичок и отправился сам себе преспокойно. Близко ли, далѣко, не дошёл вѣрст пяти. Ну, барин — сказано, в котору ночь придѣт вор — запер жеребца в конюшни под замки и приставил трех сторожей и трех собак. И наказал этим сторожам: «Если вы прокараулите этого жеребца — и голова на плаху!» Оне ему ответ и говорят: «Ладно, барин, будем свою голову беречь!»

Никаких делѣв, никаких беспокойств, зашли в скотную, взяли лампу и сидят преспокойно. Этот мужичок приходит к конюшнѣ. Его звали Капсирко. Подошел к конюшнѣ, — как собаки на него заурчали. Сам себе и думает: «Как это мне половчѣе сделать, штобы собаки не заметили». Вот он помаленьку пробрался к воротам; было подворотечко, у подворотечки окошечко было небольшое. Взял бурачок, сметану вылил на землю. Собаки этот дух услышали — и давай сметану лизать, и урчать отстали. Этот мужичок стал потихоньку под подвал рытться.

Вот он, как вырыл эту ямку, и зашел преспокойно, тихим образом в конюшню, вычерпнул спичку и осмотрел, где конь стоит, этот Сивко. Осмотрел с коня Сивко уздечку (уздечко висело на стопочке) и поставил четвертную вина, где конь ел в еслях сено, а сам забрался под эти если и забился в назѣм.

Через несколько времени очередь сторожу нести сено коню. Приходит. Сено взял и стал класти сено в если, а сеном забряк о стекло. «Вдруг што такое брякает?!» Взял фонарь в руки, посмотрел: четверть водки! Сичас эту четвертную взял и закрывал: «Ну, ребята! бог послал четвертную вина, пьем!» — говорит. Приносит

в скотную. «Ну, ребята, давайте теперь по чашечке выпьем!» А один старик и говорит: «А как, если мы выпьем по чашечке, может, по другой захочем?» А этот, кто принес: «По одной выпьем и больше не станем». И третий сторож говорит: «А если выпьем, да прокараулим — и голова на плаху!» — «Ничего, выпьем по чашечке, а больше и не будем». Раскупорили четвертную и налили по чашечке, и выпили.

Выпили и поманили. Один говорит: «Давай, товарищ, наливай по другой!» По другой налили и выпили. Как по две чашечки выпили, у них и зашумело в голове. Они заговорили и писенки запили. Один говорит: «Да што: по две выпили, давайте и по третьей!» Вот они по третьей налили и выпили. И сделались гораздо пьяны и писни запили, и остаточки все допили. Напились и спать полегли: даром што жеребец. Вот спать легли. Это Капсиршко услышал, што спать полегли, — тихо все, не слышать, взял уздечку, вычерпнул спичечку, оглядел коня, где стоит, отворил ворота и надел уздечку. Вывел коня на улицу, подвел к камню, сел и уехал.

Вдруг просыпаются утром сторожа. Один сторож и говорит: «Пойти посмотреть коня. Стоит ли? А не то, может быть, украли». Сторож сошел: коня и нет. В скотную и своим товарищам и говорит: «Всё, ребята! У нас коня нету!» — «Ну, што, — говорят, — у нас голова на плаху теперь к нам». Другой говорит: «Делать нечево, раз провинились и быть нам!» В утре, как часов в девять, стаёт барин и проверяет сторожей. Пришол — в конюшне коня нет. И приходит в скотную и говорит своим сторожам: «Где же у вас конь?» Ну, как оне виноваты, стацл у барина прощенья просить. Барин рассердился и приказал их голова на плаху снять всем им.

«Ну делать нечево! Капсирко украл, нужно наградить его». Барин взял две тысячи рублей и два воза хлеба, приказал работникам свезти к Капсирко на дом. Деньги отдал работникам. Возы наклали и поехали туда к Капсирку. К Капсирку привезли. «Вот, барин прислал тебе два воза хлеба и 2000 руб. денег!» Мужичок и говорит: «Ну, баба, слава богу, зажили теперь мы, стали богаты!»

Мужик живет себе спокойно неделю и другую, денег много и хлеба того боле. Все две недели прожил, потом ево барин опять и приказывает этово Капсирко к себе опять на дом. Посылает ему письмо, и по письму является этот Капсирко к ему в дом, к барину. И говорит: «Што, барин, нужно, чего требуете?» — «А вот што, Капсирко: у меня есть до тебя просьба — укради барыню. Украдешь, так деньгам награжу. Не украдешь, голова на плаху!» Подумал сам себе и говорит: «Коня украл, а барыню не хитро украсть». Сам себе шапочку снял и домой преспокойно отправился.

Приходит и говорит своей жене: «Барин опять дал мне приказ украсть мне барыню. Если не украдешь — голова на плаху, а украдешь — деньгам наградит». Вот ладно, хорошо, набасялся в ту ночь, как надо барыню украсти, запряг Сивко краденово в санишки,

в неражии, а сам набасился, как кудеса,¹ и перемарался весь в саже. Сел на этого коня и поехал к барину к дому.

Подъезжает к барининому дому и едет мимо паратнаво крыльца и пасвистывает. Бароня и говорит барину: «Я выйду, пойду посмотрю, што его за чудо едет?» Барин и говорит ей: «Смотри, не выходи!» — «Нет, барин, не терпится, выйду посмотрю». Барин не мог унять. Как она вышла на крыльцо и спустилась на нижние ступеньки, а этот Капсирко не зевал долго. Эту барыню дап-дарап, и в сани, и увез.

Идет близко ли, далёко, доехал до озера и видит, што какой-то человек там сидит и говорит: «Ково везешь?» А Капсирко на ответ: «Барыню везу». (Он не человек, а чорт из озера.) — «Продай мне эту барыню!» — «А сколько, — говорит, — возьмешь?» — «А шляпу денег навалишь?» — «Ну, ладно, делать нечево, отдавай барыню, а шляпу денег навалю».

Вот чорт взял барыню за руку и повел в жилище к себе. А своим чертятам приказал носить денег в шляпу. А этот Капсирко не будь глуп, взял провертел дыру в шляпе. Вот, черти носили, носили денег, покуда саней не наносили, а шляпы не могли наносить. Как сани стали наношены полны денег, и шляпа стала полна денег. Капсирко денежки обрал и поехал домой с деньгам. Приехал домой и живет сам себе баринином: денег много, всего слава богу. Живет преспокойно.

Проходит неделя и другая, и стало барину без барыни скучно жить одному. Делать нечего, говорит: «Не выкупить мне у Капсирко барыни обратно своей?» Приказывает этого Капсирко к себе в дом. Капсирушко, как услышал, што барин приказывает, отправляется к барину в дом. Приходит к барину и говорит: «Што, барин, нужно? За чем требовали?» Этот барин и говорит: «Што, Капсирушко, обратно мне барони не возвратишь?» — «Ну же, отчево, барин, можно! А сколько ты за труды мне положишь?» — «А вот што: только возврати обратно, тогда половину дачи подпину и десять тысяч денег». — «Ну, ладно, коли я возвращу барыню, но только с тем уговором, штобы два ведра вина и несколько рогоз».

Вот ладно. Преспокойно Капсирушко отправился к озеру, где он барыню продал, пришел на то место, сделал как бы шалашечку и стал преспокойно сидеть у озера. Сидит да веревки вьет. Вот выходит из озера чертенок и говорит: «Чево, Капсирушко, делаешь?» А Капсирушко ему на ответ: «Стану веревки вить, да озеро сушить, да чертят душиить!» Вот чертенок испугался и опять в воду убежал туды.

Вот чертенок и говорит старшему чорту, на́большему. На́большой посылает опять чертенка побольше. Вот другой чертенок выходит из воды и спрашивает у Капсирко: «Што делаешь?» — «Да вот нонче годы такие — вот буду веревки вить, озеро сушить, да чертят давить всех». Как чертенок этот испугался, опять в воду убежал. Делать нечего, приходится приходиться старшему чорту, самому главному.

¹ Ряженые, маскированные.

Вышел и спрашивает: «Што будешь делать?» — «Да вот веревки вить, да озеро сушить, да чертят душить». — «И почему же ты станешь?» — «А отдай мне барыню назад». А чорт и говорит ему: «А как я тебе барыню отдам?» — «Вот сделаем три шутки; если который которого переборим, того и барони». — «А вот што, Капсирко, давай свиснем. Кто шибче свиснет, тот в воду упадет, тому барони не видать». Вот ладно. Чорт и говорит: «Ставай, Капсирко, на бережок на самой. Я буду топерь свистать».

Капсирушко стал на берег, чорт свиснул своей повестью, и Капсирко чуть в воду не упал. Капсирко и говорит: «Ну, чорт, топерь ты ставай — я буду свистать». А чорт и говорит: «Ладно! Я глаза завяжу». — «Да завяжи покрепче, штобы глаза не вылетели». Вот чорт стал к самому краю воды на берег, а Капсирко взял дубинку и ему по уху как раз даст — чорт в воду и улетел.

Выходит из воды и чорт и говорит: «А вот, Капсирко, есть еще предметы: кто друг дружку обежит, тово и барони». Этот Капсирко и говорит: «Эй ты, чорт, чево ты схватываешься со мной? Есть у меня внучок семи лет — и тот тебя обежит».

У Капсирко был пойман зайчик: они стали рядом оба и побежали. А Капсирко взял своего зайчика полонул,¹ ударил, оба и побежали. Где за зайцем гониться чорту? Чорт порвал всё по кустам, не мог внучета догонить. Как чорт бежит обратно, а Капсирко ему и говорит: «Чево тихо бежишь? У меня внучет прибежал». А у него был другой пойман зайчик.

Ну, делать печево! «Ну, дам ешно третью штуку: кто кого победит, тово и барони». А этот Капсирко и говорит ему: «Ой ты, чорт, меня обежать не мог, где тебе меня обделать? У меня есть дед семидесяти лет — и тот тебя обделат». Этот чорт и говорит: «Где есть-от?» — «А вот, поди, он тут и лёжит». Чорт приходит в это место, где лежит этот дед, и говорит: «Ей, где ты, дед семидесяти лет, выходи, будем барахтаться!» А этот дед, действительно, был медвѣдь — славной. Чорт и говорит: «А как ево звать?» — «А этово дедушка зовут Михайло».

Не порато хотелось выходить медвидю из берлоги, да делать нечево, надо выходить барахтаться. Вышел медвѣдь, и стали барахтаться с чортом. Так барахтались, медвѣдь так чорта уломал, што боже упаси нас. Вот чорт и зарыкал: «Капсирко, закинь деда своево семидесяти лет, и барони не надо. Бери её!»

Через несколько времени чорт приказал вывести баронию из своево жилища. Баронию вывели к Капсирке. Он взял её, и преспкойно отправились от озера. Привел эту баронию к барину и отправился, как получил деньги и подписали половину усадьбы, к себе домой. Пошел мимо баринова саду, где ходила свинья, Золотые Щетинки, с поросятами. А барин, действительно, — эту свинку пасли три пастуха — и наказал он этим пастухам: «Если вы эту свинку, Золотые Щетинки, прокараулите, то голова на плаху».

¹ Пугнул.

А Капсирко видит: день красной был. Тихонько в сад зашел, свинку взял, напугал, обвязал ее и за плечо, а поросят в карман оклад и отправился. Потом этих поросяток пастухи хватились. «Поросляток нет!» Барин узнал, — поросляток нету, и голова на плаху — готово. Послаў за свиньей погоню. Лошадей запрягли и поехали.

Вот вор слышит, што догоняют, недалёко. Как сделать? Сторону свернул, свинку оставил и за конавочку вышел: вывитриться ему надо. Взял, присел и накатал да и шапочкой закрыл, да сам стоит у этой шапочки. Вот кучер увидал его и стал спрашивать: «Не видал ли ты вора со свиньей, не прохаживал ли здесь?» Человек ему и говорит: «Нет, батюшка, не видал». — «А што, я могу догонить егово вора?» — «Нет, тебе не догонить, потому што ты не умеешь на конех ешно ездить». — «А што, дорога одна?» — «Нет, сюда дорога, и туда дорога, и этак дорога. А я бы догони». — «Так што, брат, догони». — «Нет, товарищ, нельзя мне догонеть. Так вот што — я рад бы догонеть, да поймал сокола и посадил под шапку. Так вот нельзя от него уйти».

А этот кучер и говорит: «Да што, я постою, постерегу. Догони, пожалуста!» Кучера оставил беречь сокола, а сам того. Сел на кони и поехал.

Кучер остался один, стоял долго времени. Ждет, ждет — человека нет и коней нету: угнали. Сам себе и думает: «Што за сокол? Надо погледить!» Взял тихонечко, маленечко туда руку пихнул под шапочку, потом руку вынул и всю руку в навозе перемарал. Потом и заругался. «Што теперь мне будет? Свиньи не догнал и коней потерял!» Делать нечево, отправился домой.

И сам [барин] остался не при чом торговать кирпичом. И я там был, пиво пил, но усам текло, а в рот не попало.

Записана бр. Соколовыми в 1909 г. от церковного сторожа с. Раменья, бывш. Кирилловского у., ныне Вологодской обл.

В. В. Богданова, 30 с лишним лет.

[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 154—159, № 86.]

В сказке соединены два сюжета: 1) о ловком воре — один из популярнейших сюжетов, и 2) о состязании с чортом. Последний сюжет известен в обработке Пушкина («Сказка о попе и о работнике его Балде»); сохранилась также сделанная Пушкиным запись сказки Арины Родионовны.

25. СТАРУХА.

Вот жил старик со старухою. Ничего они не знали, и так они обедняли. Старуха сидит и говорить: «Старик, што я подумала! Люди умывают, ходять, повивают, а я ничему не сродна». — «Да што, старуха, с тобою сделалось?» — «Я надумала, не знаю, тебе понравится или нет». — «Ну, понравится, не понравится — все равно буду слушать». — «Вот придет праздник — воскресенье, давай пирогов напекем, барана зарежем, водки возьмем, да ребят кликнем — напоим, накормим их».

Вот так и сделали. Нанекли пирогов, водки взяли и ребят зазвали. Пьют, едят ребята, не знают из-за чего. Попили, поели и заиграли. «Ребята, садитесь в кружок, я вам расскажу. Вы играть-то играйте, а ходить приглядывайте: где у кого што плохо лежит. Один-то играйте, забавляй себя, а другие берите и прячьте. Тоды придите и мне скажите, а я буду угадывать. А я буду с них деньги-то брать, да опять будем пьянствовать». Тым ребятам на руки. Попили, пообедали хорошо, да хочется ешшо. «А што», старуха говорить: «вреды то нет, ведь не совсем возмуть».

Вот там они идут по селу, песни играют, а эти мешки прибирают. Приходят. «Ну, бабушка, мы украли семь мешков да два хомута!» — «Да где ж положили?» — «Да там вон, в логу». Вот на утри и бабы вскричались, мужики взворчалися: «Што такое, кража сделалась — мешки накрали!» Ребята идут. «Што такое?» — «Да вот, ребятунки, обокрал кто-то!» — «Вы знаете, што есть бабка Салманея, украдкой угадывае, потихонечку ворожа». — «Да неужели правда?» — «Да, правда. Я ходил — об невесте ворожил, как все равно обрезала».

Тот вскакивае мужик в избу. «Баб, сходи к Салмонее, говорят — хорошо ворожа!» Та подхватила ребенка — да бежать. «Баб, баб, у нас-то с бляхами хомуты спанали да семь мешков!» — «И, дитёнок, не охота ворожить». — «Да, бабушка, заплачу за охоту!» — «Ну, три рубля да пуд хлеба — я тебе скажу, не солгу». — «Э, кабы найти, не пожалею ничего!»

Налила блюду воды и сама похаживае, на нее поглядывае и говорит: «Вот, ваши мешки и хомуты в этом логу лежать». Та баба побяжала домой: «Бабушка, бабушка Салмонеея говорить, мешки наши в целости там-то лежать». Побег тот мужик туды, все в целости, не увезли их. Прибегае за лошадь. «Правда, угадала. Ну, баба, молчи, никому не рассказывай!» Привез мешки и понес ей пуд муки и три рубля.

Те ребята опять заходят в другую воскресенье, пьянствуют, тоже обед собрали. Сами играют, пляшут, а дела не затевают. Один растрёна у сенец лошадь привязал, те ссадили, да в лес увели. Потом, этот и взымкался туды-суды, лошадь пропала. Жалко тому, как у самого пропажа была — побег и рассказал: «Иван, Иван, я там угадал. Э, как бабушка Салмонида хорошо угадывае!»

Тот мужик к этой бабушке Салмониде бежать. Прибегае. «Бабушка Салмонида, ты не знаешь всю горе?» — «Знаю, знаю, я слыжала». — «Помоги». — «Да, могу помочь». — «Што возьмешь с меня?» — «Да барана». — «Э, кабы лошадь нашел, не пожалею барана — на водку дам». Она наливае в блюду воду, вокруг похаживае. да на блюду поглядывае. «Вот, — говорить, — за твою лошадь берется, да мужики дерутся — ты их сейчас захватишь».

Он туды бежать, а там стерегли пастухи, те за овцами побяжали, он подумал, што к лошади. Прибежал, его лошадь стоять привязанная. Отвязал он лошадь, приехал. «Эх, баба, вот так»

угадка, как же мы про нее не знали?» — «Да я чуточку слыхивала, что украдкой ворожа». — «Да, баба, нельзя всем правду говорить — ведь ее убьют так-то».

Оказалась старуха такая ворожейка, прославилась по всем губерниям. Вот у царя сделалась пропаша. Там и говорят: «Да, ведь, эта старуха угадывае». Сечас царь запрягае лошадь, посылает кучера за ней. А у него деньги унесли горничная да лакей и повар. И взяли в конюшню спрятали. Ну што делать, когда кучер едет за ней, тут им надо сказывать четвертому. «Ну как она: угадае, кода поставит кашолку яиц в тарантасе».

Подъехали к ее двору. Кучер: «Вот, государь прислал за тобой: беда приключилась!» Загоревала бабка. Как там солгать? Прямо, ведь, голова долой. Ну што делать — как так занялася, ведь откаться ей нельзя. Ну, эта бабка говорить: «Теперь, должно, отворожилась я!» Убирается сабе, как к смерти. Влезла она на тарантас, подбирает она свою юбочонку и себе на уме приговаривае: «Ну, бабка, садись на яйца!» — Кучер так торопко вскричал: «Получай, бабка, это тебе государь прислал в поларки!» Вытаскивает из тарантаса яйца лукошко и подаёт (старика). — «На тебе, скушай, а я еще там буду сыта!»

Приезжает к государю. «А што, бабка, с ручательством берешься?» — «А што книги скажут, я, ведь, по книгам читаю». — «А когда ж это будет?» — «Да вот, в ночь буду вычитывать». — Бабке некуда бежать, надо как-нибудь лгать. Выскочили лакей и повариха. «Как там?» спрашивают у кучера. «Да как только стала на тарантас садиться, угадала!» Што делать, те приуныли и затосковали: «Иде такого чорта достали?!» Повариха говорить: «Э, да погоди, — што бог даст. Нельзя ли нам вперед с ей обойтиться?» Ну, лакей говорить: «Погоди оказываться, поглядим над ей утром».

Вот она книгу раскрыла и богу молиться. «Помолюсь хоть при последках к смерти!» А там один из них стоять, слушает, што будет говорить. Вдруг кочет закричал. Она и говорит: «Один есть!» Тот прибежал к своим: «Узнала, што я стою». Переменяется другой туда слушать. Стояла она, стояла — другой кочет закричал: «Слава тебе, господи, и другой есть!» Тот поднимается бежать. «Ну, как там?» — «Узнала!»

Любопытнo третьему пойтить послушать — и третьи кочета закричали: «Ну, слава тебе, господи, третий есть — теперь мне пора на покой!» — Она их не видит, а до третьих кочетов богу молилась, а они подумали: она узнала.

«Ну, што теперь делать?» — думают себе. «Ну, пойдём к ней туда». — «Нет, — лакей говорить, — не надо ходить, мы себе плохо надумаем». Дал государь им утку, лакей поймал ворону. «Дай, я ей о жарю, узнае аль нет?» Вот он утку сжарил и ворону. Потом подасть ей ворону. «Иди, бабка, кушать, государь-батюшка тебе обед состряпал».

Она зашла в царский дом, да по стенам-то глядит, какие тут убранные стены хороши. А лакей подал, а сам под дверь стал. Она

стоять и говорить: «Эх, ворона, ворона, залетела в такие хоромы?» Лакей торопко вскочил: «Подожди, бабка, я ошибся, не то кушанье подал!» Мчится оттуда с вороной. Те стоять: «Што такое?» — «Угадала!»

Прибегает лакей, бух ей в ноги. Та бабка вытарашила глаза: «Что такое?» — «Бабка, нельзя ли от беды отвесть?» — «Да можно». Та бабушка повеселела, стала улыбаться, да утятинкой весело наминается. Утятинки кусочек съела и водочки захотела. Тот лакей рад стараться, с бутылкой несется. «Пей, бабушка, сколько угодно, только от беды отведи!» — «Отведу, отведу, дитёнок, не будете вы виноваты. А где они едят?» — «Да в конюшне». — «Ну я вроде как пойду прогуляться, а ты вперед зайди, да ту мне месту покажи, чтоб нам придумать, как сказать и вас оправдать».

Вот лакей отправился, бабку ждёт, поглядывает, штой-то долго она не идет. Пословица говорить: «на вору шапка горит!» Он думает, што она вперед государю скажет. Кучер говорить: «А што ж ты; пришол один, ты бы уж бабку ту вел!» Вдруг бабка является. Повеселел лакей — он ей рассказал, свою похоронку¹ показал.

Вот после обеда она, как поевши, лежит и отдыхает. Ну царю-то не терпится, не ждёт, когда в дом к нему вернется. Приходит к ней туда. «Ну, как, бабка, узнала?» — «Да узнала!» — «А кто их смыл?» — «Да их сонный сам взял, да и забыл, над тобой што-то случилось, ты их взял, да в конюшню пошел, да в навоз закопал!» — «Да, бабка, надо мной случается: какой-то лунатик находит. Сплю, так и сонный пойду». — «Да, да!»

Бабка веселей стала, как он сказал дорогу ту. «Вот ты положил и забыл!» — «Ах батюшки, сколько я людей оклеветал, сколько они плакали!» А лакей стоит, слушает. Бежить, своим остальным говорить: «Ведь бабка нас оправдала». Ну, прислуги то не надеются, а все смерти ожидают; ведь не у мужика живут, а ведь у дая. Вот царица и ругается на дая. Жалко прислуг, и она их туда позвала. Вот повар говорить: «Теперь нам аминь». Нет, лакей подслушал, говорить: «Оправдала». Приходят они

А. К. Барышникова («Куприяниха»).

¹ Спрятанное (схороненное).

в дом, а она стоит при нем. Царица говорить: «Давайте царя бить». Слуги вскричали: «Што, за што?!».— «Вот, над нашим государем лунатик наработал. Вот, ведь, мы ему правду говорили, што у нас никто не возьметь; мыслено ли то, што у царя из-под голов взять, да отнести. Тут уж ясно видно, что сам отнес». Кучер и говорить: «И государыня в два раза сказала».

Потом эта бабка отправляется домой, он ей всего наклак туды за работу. А старик уже ее не жидает живую. Стречает, обрадовался. «Как старуха, там?» — «Всех оправдала». — «Всех и сама осталась жива?» — «И сама осталась жива. Да дело-то, ведь, плохое. Как бы нам удумать — бросить эту риду». Старик говорит: «Там бы только оправдалась, а я тут придумал». — «А чево теперь нам надо, мы так стали богаты». — «Да давай, старуха, свою гнилушку сожгем и всю на нее вину положим». Как ворожить-то ей надо, сказать: «Мол, книжка ворожейная сгорела». Старуха говорить: «Я не могу теперь ворожить, я могу теперь богатством этим прожить». И так они ото всего отказались. Теперь живут, поживают. Я у них была, и мед пила, на грудь текло, в рот не пошло. А старик такой простой. Веселые люди! Басенке теперь конец.

Записана Н. П. Гринковой в 1926 г. в с. Верейка, Воронежской обл., от А. К. Барышиковой («Куприянихи»).

[М. Азадовский. — Русская сказка. Избранные мастера, т. II, стр. 146—156.]

✓ 26. ПРО НУЖДУ.

Вот как бедный мужичек, в худенькой своей одеженке, в дрянненькой обувченке и работает в мороз, и резко рубит — не нагреется; лицо его от морозу разгорается. И въезжает в селенье барин, и не больше как двое, с кучером, и остановились. «Бог помочь, тебе, мужичек!» — «А спасибо же, сударь!» — «В какую стужу ты рубишь?» — «Эх, сударь, нужда рубит».

Барин этому делу изумился, спрашивает кучера: «А что, кучер, какая это Нужда? Знаешь ли ты ее?» — «Я только сейчас, сударь, слышу». Спрашивает барин мужичка: «Какая же это, мужичек, Нужда? Охота бы мне ее поглядеть где она у тебя?» Мужичек и говорит: «На что тебе, сударь?» — «Да охота мне ее поглядеть».

И в то же время в чистом поле, на бугрине, в зимнем време, как стояла со снегом былина. «А, — сказал мужик, — а вон, сударь, на бугре Нужда стоит. Вон она как от ветру шатается, и никто не догадается». Барин и говорит: «Нет ли времечка тебе ее нам указать?» — «Пожалуй, можно, сударь». Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле Нужду глядеть.

Выехали они на бугрину и проехали эту былинку, а другая-то дальше стоит. И указывает мужик рукой: «А вон, сударь, она в стороне — нам ехать нельзя: снег глубок». — «Покарауль-ка, — сказал барин, — наших тройку лошадей: я схожу, погляжу».

Барин слез да и пошел, а кучер-то говорит: «Да, сударь, возьмите и меня: и мне охота поглядеть». — «Пойдем, кучер!» — и по-

лезли по снегу два дурака. Эту былинку пройдут, другую найдут, а еще Нужду не видят.

Вот мужичек-то был не промах, выстегнул их тройку лошадей, сел да и полетел. Только они его и видели. И не знают, куды уехал. Вот полазали по снегу два дурака, тут их постигла нужда. Оборотились этим следом, на дорожку вышли, к повозочке подошли, а лошадушек след простыл.

Думали, думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то нет, и повозку-то бросить жалко. Говорит барин кучеру: «Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хоть на пристёжку». Кучер говорит: «Нет, вы, барин, посправне, немножко посильнее; вы — в корень, я — в пристёжку». Ну, нечего делать, запрягся барин в корень. Вот и везут да везут; повезут да пристанут.

Этот же мужичек припрягал ихих лошадей, надел одёжку другу и пошел повстречу. «Что это вы, барин, повозку на себе везете?» — Барин сердито говорит: «Уди! Это Нужда везет». — «Какая же это Нужда?» — «Ступай вон там в поле, на бугре». А сам везет да везет.

До села доехал, лошадей нанял. Приехал домой на троечке, на чужих. Нужду увидал: тройку лошадей потерял.

Записана Д. Н. Садовниковым от Абрама Новопольцева в с. Помряськине, бывш. Ставропольского у., Самарской губ., ныне Куйбышевской обл.

[Д. Садовников. — Сказки и предания Самарского края, СПб., 1884, стр. 225—226, № 67.]

✓ 27. СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ.

В усадьбе была барыня и до того была сердитая — никому житья не было. Этта староста утром как придет спросить, что наряд дать какой, — ёна ево не отпустит, так што не отхвостнет. А мужикам-те житья не было никаково: драла, как собак.

Солдатик проходил на побывку домой. Пришлось ему поцевать в этой усадьбе. Ему это все рассказали, а ён и сказал:

— У меня есть сонных капель.

Дали ей сонных капель. Ёна уснула. Солдат велел лошадей запрядь. В деревне был сапожник, и до того сердит, — да-к страсть. Вот ён к этому сапожнику и отправил ю. Сапожник не знал, шил сапоги, а ён положил на постелю, а ёво жёну взял туды, положи на барынину кровать.

Вот сапожника жена пробудиласе, видит — дом пресотлишной. Сейчас служанки подбегают, подают на руки.

— Я до дево дослужила... Откуда берется? Это што такое?

Помылась, подали полотеньце, вытерлась. Подают самовар, села она дий пить. Староста приходит на динодьках. Она зглянула, што за мушшчина.

— Вам, — говорит, — што надо?

— Я, — говорит, — барыня, к вам пришол спросить, какой наряд дадите, што работать.

Ана догадалась:

— Нешто вы не знаете? Што вѣра делали, то и севодни делайте. Староста вышел на куюню и говорит:

— Севонни какая барыня добренна, просто от роду такая не бывала!

Ну, ёна живет тут мисяц, и другой, и так ею росхвалили хрестьяна, што цесть отдать.

Вот барыня утром пробудилась и кричит:

— Слуги!

А ён сидит, пьет.

— Слуги!

— Ты што, такая-сякая?

А ёна:

— Што такое, сволюдь?

— Ах ты, стерва неспясна!

Скодил со стула, сдернул с ноги ремень, и давай ею нахаживать:

— Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и цець затоцплять!

И до тово катал ею, колько ему хотелось. Потом ёна взмолилась. Побрела за дровам, принесла дров, затоцила цець, кой-цево сварила. Ну, это время так продолжалось месяца два. А ён ею раза три да четыре изрянно поколотил.

И потом этот солдат дал сонных капель и переменил иф.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты.

— Што это? Я в старом доме. Откуда я взялась?

Спросила служанок:

— Служанки, как же я сюды попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала.

Приснилось, знать, ей.

И с теф пор барыня мягкая-розмягкая розделалась, а шведова жена стала жить по-старому.

Записана бр. Соколовыми в 1908 г. от крестьянина дер. Тереховы-Малаховой, бывш. Белозерского у., ныне Вологодской обл., Г. Е. Медведева.

[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, стр. 69—70, № 45.]

Сюжет этого рассказа является одним из знаменитых мировых сюжетов; он может быть сопоставлен с арабской сказкой «Калиф на час», с драмой Кальдерона «Жизнь есть сон» и комедией Шекспира «Укрощение строптивой» (рамочный эпизод). Приводим еще один текст этой анекдотической сказки, записанный М. В. Красноженовой 13 июня 1929 г. от Е. И. Чичаевой, крестьянки дер. Заледеевой, Красноярского окр. (рассказчице было 49 лет).

✓ ЦАРИЦА И СОЛДАТ.

Один солдат стоял на часах, когда Екатерина царствовала. И она шла мимо его, он улыбулся. Она спрашивает:

— Ты чо же улыбаешься?

Ну, он, как простой солдат, ничо в свое оправдание сказать не мог, она и дала ему дело: на утро, как встанет — двадцать палок получить. Ну,

это продолжалось целый год — как утро, встанет солдат, ему двадцать палок. Из сил выбился, куда деться? Вот пришел он один раз в кабак, печальный и грустный, сидит, голову повесил. Потом подходит к нему один пьяница:

— О чем, служивый, задумался? О чем печально голову повесил?

— Что же тебе сказать? Ты моему горю не поможешь.

— А почему ты знаешь? Может помогу?

— Нет, моему горю никто на свете не поможет.

Ну, солдат ему рассказал, что как было:

— И теперь время год, как я каждый день терплю тако наказанье.

— Хм, а купишь полбутылки? Я помогу.

— Да, кабы помог, я бы бутылку купил.

— Нет, мне будет и полбутылки.

Солдат купил ему полбутылки.

— Ну, — говорит, — теперь я напишу тебе лист и дам, — говорит, — Ты вот приходи завтра вечером в этот же кабачек, я тебе все расскажу.

Солдат ждет — не дождется вечера. Приходит вечер. Он написал ему лист и дает и говорит:

— Вот возьми этот лист и обойди вокруг дворца; когда ты пойдешь, стража будет вся спать; когда обойдешь вокруг дворца, все и придворные уснут. Тожно заходи к дарице в покой и бери ее на право плечо и неси. На такой-то улице на Васильевском острове есь сапожник, и у его жена точь-точь Екатерина и зовут Екатериной. Она сродственны, как родны сестры, а сапожник злушший-презлушший. Ну, и вот, ты положи ее подле сапожника, а жену его унеси, в покои положи.

Ну, солдат так все и сделал: государыню взял, принес к сапожнику, а сапожнику принес в покой.

Ну, ладно. Сапожник утром проснулся, а он нюхал табак, толкнул жену в бок и говорит (он гнусавый был):

— Баба, баба, давай рог.

Она говорит:

— Это что тако? Кто тут такой?

— А ты кто така?

— Ах ты, сволочь, я — дарица!

Как сапожник соскочит:

— А, ты дарица!

Как принялся ее волтузить — некогда ей и думать. Вот она и думает: «Что это тако! Если человек, так он не может мной распоряжатца, а если я померла, то, быть-может, меня в ад отправили — так это, верно, чорт».

Опеть и заснула. Вот она утром лежит, он ее в бок:

— Баба, что не стаешь?

— Отвяжись, я дарица, — и снова волтузить! Заставлят ее завтрак варить, она за что не возьметса, ничо не выходит.

— А, дак ты, верно, и правда дарица, — опять волтузить. После обеда он говорит:

— Баба, баба, поищи-ка в голове.

— Да ты что, сволочь, ведь я тебе сказала, что я дарица.

Ну, опять тоже... На другой день он ее заставляет рубахи стирать, а ее все хлоп да хлоп, шибко уж злой был. Она уж боится и не говорит, что царица, повинуется, а сама и думат: «Верно, в аду — и все, как у нас; такой же город».

Ковды стирала, все руки истирала, а рубахи не постирала.

Так с Екатериной продолжалось три дня. А в это время Катерина-сапожница проснулась и видит — все не так, и думат: «Верно, бог за мои мученья простил мои грехи и отправил в рай».

Проснулась раньше, чем полагается царице вставать, походила, посмотрела — туалет, платье и все. Потом ковды вышли часы, ковды надо одевать государыню, явились фрейлины, и давай одевать, напудривать, локоны навивать (вишь, каки у ней локоны были), и никто ее не заметил, только старшая фрейлина заприметила, что она чуть ростом повыше. Только все удивлялись, в каком покойном настроении — что одели, причесали, и никаких капризов.

Государыне в этот день надо в сенат ехать, она ездил со старшей фрейлиной всюду. У фрейлины у этой брату суд по политическому делу был, либо вешать надо, либо в Сибирь на каторгу. Она и говорит ей:

— Ковды будут вам передовать суда решенье, передовайте мне через плечо и говорите: «без суда и следствия».

Ну, како бы дело ей не давали, она все передает и говорит: «без суда и следствия, без суда и следствия». Все в сенате удивлены, что Екатерина севодня добра. Доходит дело до наказания воинской повинностью, та опять ей тихо говорит:

— Говорите, что наказание телесно отменено.

Она сама добавила:

— Все прошшаю, наказание телесно отменяю.

Прошло три дня. Приходит солдат в тот же кабачек (по всем войскам радость пошла, что отменены наказания), этот говорит солдату:

— Возьми, с этим листом обойди, опять все будут спать, ты возьми Екатерину, положи в покой, а сапожницу обратно к сапожнику.

Вот солдат унес ее, привносит и кладет. Только ушел, сапожник проснулся, давай локтем толкать:

— Баба, баба, давай-ка рог.

Она говорит:

— Ах ты, сволочь, ведь я царица!

— А, ты опять царица! — и давай волгузить.

Проснулась Екатерина, смотрит — в своих покоях, и думат:

«Че это я — то-ли во сне видела, то-ли наяву случилось».

Заходит старша фрейлина и спрашивает она.

— Сегодня у нас какой день?

Та посмотрела: «Ага! — Вот такое-то число, Ваше величество». Она лежит и думат: «Неужели было приключенье?». Взглянула на свои руки, а руки-то истираны: «Правда, было». Потом она и думат: «Ведь, я вот в три дня и то сколь я пережила, а солдата-то я наказала, уж больше году прошло, что он должен вынести, а я присудила безо всякой пощады». Потом, ковды одели ее, она и говорит:

— Позовите ко мне такого-то солдата.

Солдата сейчас же привели. Она подошла и хлоп его по правому плечу: — Ну, — говорит, — расскажи-ка мне, голубчик, только всю правду, как было что? Како вышло приключение?

Солдат по чистой совести все рассказал, не мог ни слова скрыть.

— За муки твои дарю тебя генералом, а за правду — майером — генерал-майер будешь. Покажи мне, где этот живет сапожник?

Потом солдат рассказал, велела запретить тройку в дышла и покатила в своей коляске, в которой всегда ездила. Приезжат, подкатила коляска — спрашивает: «Такой-то здесь живет?» Он гнусавит:

— Здесь, здесь.

Она безо всякой помощи спрыгнула, заходит в лачугу опять, смотрит на его жену, и она точь-точь так же красива. Кладет двадцать пять тысяч на стол и говорит:

— Вот тебе, сапожник, двадцать пять тысяч, брось сапожничать и не бей свою жену. Жена твоя будет у меня младшей фрейлиной.

После этого Екатерина добре стала.

[Сборник М. В. Красноженовой. — Сказки Красноярского края, стр. 93—97, № 9.]

✓ 28. БАРИН И ПЛОТНИК.

Шел плотник между двумя деревнями — Райковой и Адковой. Встретился ему барин приезжий из другой губернии и спрашивает:

— Ты, мужик, из какой деревни идешь?

— Из Райковой.

— А я куда еду?

— В Адкову.

— Ах ты, дурак! Ты — мужик, да из Райковой, а я — барин, да в Адкову... Слуги, взять его и всыпать ему хорошенько!

Лакей соскочил, схватил плотника и давай его бить; били сильно, а потом уехали.

«Ладно, — думает плотник, — не пройдет это тебе даром».

Узнал мужик, где барин живет, и идет к нему; приходит. А барин любил строиться и строил мызу. Барин не узнал плотника и подрядил его мызу строить. Зовет его плотник в лес бревна выбирать. Барин пошел. Пришли. Плотник ходит по лесу, да обухом по деревьям постукивает, да ухо прикладывает.

— Ты что же это, как узнаешь?

— А ты обойми дерево, приложь ухо, и ты услышишь.

— Да у меня руки не хватают!

— Ну я тебя привяжу.

Привязал плотник барина к дереву, взял вожжи и давай дуть. Дул, дул, барин еле жив остался. А мужик бил да приговаривал:

— Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу: не обижай мастерового человека.

Взял барскую коляску и уехал. Барина еле нашли в лесу через три дня, уж при смерти был.

Хворает барин от мужицкого угощенья, а плотник переделал так, что не узнать, и приходит лечить барина. Докладывают барину,

что пришел лекарь. Барин обрадовался, а лекарь велел истопить байну. Пошли в байну. Помыл, потер лекарь барина и говорит:

— Ну, теперь надо, барин, тебя попарить; только тебе не вытерпеть, надо тебя привязать к скамье.

Барин согласился, и опять плотник вздул барина, да еще по голому телу хуже пришлось.

— Ну, еще раз от меня тебе битому быть: не обижай мастерового человека.

Сговорился плотник с братом: велел брату прогнать мимо барского дома на барских лошадях, которых плотник угнал из лесу. Барин увидел в окно и послал всех своих слуг в погоню. Гнали, гнали слуги, вора не догнали, а пока ездили, барин был один дома, плотник пришел к барину и еще раз поколотил его.

— Ну, барин, помни смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека.

На утро барин приехал в город, увидел плотника, спрашивает:

— Мужичок, ты ведь вчерашний?

— Никак нет, мне сорок пять лет, какой-же я вчерашний!

Записана Н. Е. Ончуковым в 1903—1904 гг. в г. Повенец от неизвестного сказочника.

[Н. Ончуков.— Северные сказки, СПб., 1908, стр. 491—492, № 223.]

Собиратель рассказывает (стр. 489—490): «Я приехал в Повенец и остановился в единственном там помещении для приезжих, на постоялом дворе, где есть и отдельные комнаты. Однажды вечером в соседнюю со мной комнату вошло несколько человек, повидимому, рабочие плотники, и, громко разговаривая, начали укладываться спать... Пришедшие, наконец, улеглись, потушили огонь и стали просить кого-то рассказать сказку. Тот вначале отнекивался, впрочем не очень, и вскоре принужден рассказывать. Я сразу почувствовал, что рассказчик — мастер своего дела. Но записывать дословно не было никакой возможности: рассказ все время сопровождался возгласами одобрения, восхищения, иногда даже восторга слушателей (например, проделками плотника над бариним)...».

29. БАРЫНЯ И ДЫПЛЕНКИ.

Была богата усадьба. Жил барин богатый. Барин помер. Осталась одна барыня жить.

Этой барыне в одно время пришли мысли: захотелось ей, чтобы курица высидела пятьдесят дыпленков, все черненьких. Да и думает барыня: «Пожалуй, этого и невозможно; пожалуй, курица и не согреет яйца».

А все-таки барыне нестерпимо хочется пятьдесят дыпленков, всех черненьких.

Вот эта барыня и горничной поминула про свое желание, а горничная пришла в людскую. Горничная говорит: «Вот нашей чего барыне хочется: чтобы курица высидела пятьдесят дыпленков, всех черненьких».

Прислуга заговорила:

— Да разве возможно этого?

А горничная и говорит:

— Невозможно, да хочется.

А ихний кучер и говорит:

— Скажи, барыне, я могу высидеть.

Вот горничная доложила барыне, что ихний кучер может высидеть пятьдесят дыпленков. Барыня обрадовалась.

Барыня сейчас же позвала к себе кучера. И барыня говорит своему кучеру:

— Ну, что, Федор, можешь высидеть вот пятьдесят дыпленков, всех черных?

Федор говорит:

— Могу, барыня. Только это, барыня, дорого стоит высидеть.

А барыня говорит:

— Куда расход пойдет?

— Да вот, барыня, мне надо особенну избушку. Ну, барыня, можно занять пока баню.

Барыня согласилась, чтоб баню занять на три недели.

— И шейте мне полушубок дубленый, из двадцати овчин чтобы был, шарф теплый кушите, кушак красный и теплые сапоги. И пищу мне нужно получать хорошую: каждый день четвертную вина, а если не будет хватать, то прошу добавлять. Да жареной телятины вдоволь, яичницу, да и какая мне пища по вкусу придет. И чтобы ко мне один человек пищу носил. Да за труды мне пятьдесят рублей, барыня. И чтобы эта одежда в мою пользу поступила мне. Да после этого месяц на отдых меня.

Барыня на все согласна. Барыня думает: «Во что бы ни встало, чтобы высидел пятьдесят дыпленков, всех черных». Еще думает и наградить Федора.

Вот Федор и согласился. Свил себе в бане гнездышко Федор и положил пятьдесят яиц. Когда Федор все устроил, и барыню попросил посмотреть. Барыня пришла в баню, посмотрела на гнездышко, и очень рада барыня стала. А Федор не думал и сидеть, был в бане, вино да чай попивал, да телятину поедал, да своих товарищев угощал.

А Федор все-таки не тумак, знает, как барыню обмануть. Федор, в который день показывал гнездышко, посадил обыкновенную наседку на тринадцать яиц, да даже не одну, а бог даст какая-нибудь наседка хошь два, три и высидит черненьких дыпленочка. А Федор все время продолжал: пил да попивал, да телятинку поедал, да своих товарищев угощал.

Вот Федору и порции водочки не стало хватать. Барыне доложили, что порции не хватает. Барыня приказала еще четвертную ему дать каждый день; — полведра уж ему.

Вот стали три недели проходить. А бог не без милости. На Федорово счастье первая наседка и высидела двух черненьких дыпленочков. Вот Федор и посылает свою служанку к барыне:

— Поди барыне покажи да поскорее мне принеси, а то долго терпеть не могу — сердце ломит.

Вот служанка двух дышленков взяла и барыне принесла, а барыня увидела дышлят, на весь свет обрадовалась, что Федор стал выводить дышлят. Барыня на дышлят заинтересовалась, служанка и говорит:

— Барыня, на дышлят долго любоваться нельзя! Дышлячья мать наказывала: долго не держи, скорей принеси, а то сердце очень заломит, терпеть не могу, сказал.

Вот через несколько времени:

— Дело-то я начал, — Федор говорит, — надо суметь и кончить, — сам себе думает. — Ведь всем был хорош обед, а приходится одному делать ответ, чтобы не быть Федору перед барыней негодяем.

Вот Федор своим друзьям и говорит:

— Вот вы, ребята, шили, ели, теперь меня пожалейте и сберегите. Вот вы теперь ночью баню зажгите, и меня с гнезда стащите, и из бани вытащите: хотя я буду в огонь кидаться, но меня держите за шубу, не пускайте. А баня шибко загорится, барыне поскорей доложите.

Вот его дружки так и сделали. Баня шибко загорелась; барыне доложили, а уже Федора из бани вытащили. И Федор кричит, как наседка:

— Клу, клу, клу!

А его дружки-слуги крепко за шубу держат. А Федор так в пламя и кидается, так и кидается, а в бане там дышлятки чикают. И барыня это все слышит. А барыня кричит:

— Боже мой, боже мой! Держите, держите клуку! Видишь, как горячо материное сердце, сама себя не жалеет, в пламя кидается. А его друзья все держат, не пускают.

Баня сгорела, и Федорово гнездышко сгорело.

А барыня сильно горевала и тужила. Еще раз Федору предлагала высидеть пятьдесят черных дышленочков, да Федор не взялся. И говорит Федор:

— Ведь, барыня, очень трудно высиживать.

Барыня Федору говорит:

— Да вот ты, Федор, не похудал!

Федор говорит:

— Да, не похудал, ведь я пищу хорошу получал.

А барыня все-таки в своем слове выстояла: за труды Федору пятьдесят рублей дала, и шубу теплую тоже отдала, и отдохнуть тоже целый месяц дала. А прислуга, дружки Федора благодарили, спасибо говорили за его ловкую выдумку и за его угощенье.

Записана незадолго до революции от нижегородского (ныне Горьковская обл.) сказочника.

[Сборник Ю. М. Соколова «Барин и мужик», «Academia», М. 1932.]

30. МУЖИК И БАРЫНЯ.

Жили-были мужик да баба, а у них были два сына. Обоим им не приходилось дома жить, один и ходил все по чужой стороне. Вот раз он пошел на чужую сторону и надел два армяка — черный

да желтый, и два башлыка такие же. Идет он путем-дорожкой попадаетеся ему навстречу барин, едет на паре. И приказал кучеру остановить коней. Остановил кучер коней, подозвал барин мужика к себе.

— А, — гыт, — добрый человек! Вижу, ты по чужой стороне бывал.

— Да, точно так, — гыт, — бывал.

— И много народу видал?

— Видал на своем веку порядочно.

— Скажи, пожалуйста, кто лучше — из попов или из судей, или из нашего брата — из бариней?

Он думал, думал и говорит:

— Из попов, так половина дураков.

— А как так?

— А потому, что как поп поторопится, так и скоро может пропеть, а нет, так и истово поет.

— А из судей?

— Из судей две трети дураков есть.

— Почему же?

— А потому, что судьи, кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду поливают.

— Ну и это хорошо. А из нашего брата, из бариней?

— Из вашего брата две трети дураков, да треть безумников.

Барин и говорит кучеру:

— Кучер, погоняй! — и поехал.

Отъехал недалеко и говорит барин кучеру:

— Что же, кучер, ведь он нас ни во что поставил?

— Да я давно думаю, что он вас ни во что поставил, да не смею сказать.

— Ой, ты, чудака, ты бы давно сказал! Давай поворачивай коней да спросим, почему он нас ни во что поставил.

Заворотили коней и поехали. Увидал этот мужик барина, снял черный армяк и черный башлык, а надел желтый армяк да желтый башлык, подошел к сосне и подпер сосну плечом, а сосна та наклонилась на озимь.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не видал ли мужика в черном армяке и черном башлыке?

— Да, — гыт, — сейчас прошел мимо такой точно.

— Можем мы его догнать?

— Догнать-то можно, да это дорог-то много.

— А не знаешь, какой он дорогой пошел?

— Как не знать, я бы сразу нашел его.

— Так, сделай милость, приведи его сюда.

— Мне нельзя уйти-то: сосна-то наземь упадет.

— Ну, мы с кучером подержим сосну-то.

— Давай, могу сходить, пешком-то только не догнать, надо лошадь.

— Кучер, отстегни ему лошадь.

Барин держит сосну, а кучер отстегнул лошадь. Мужик сел на лошадь и потурил. Съездил в лесок и едет опять назад.

— Вот что, — говорит, — я там его догнал, посадил на лошадь, он и поехал было неладно, а как ежели мне сидеть, так он за мной нейдет, так давайте другую лошадь, мы на лошади-то и приедем.

Велел барин выпрячь и другую лошадь. Мужик сел на одну, а другую в повод, да и поехал в то село, из которого был барин. Приехал к барыне и просит пять тысяч денег:

— Барыня, — говорит, — давай скорее пять тысяч, барин купил сто десятин лесу.

А та говорит:

— Давай записку.

— А какая записка? Видишь его коней?

Принесла барыня пять тысяч денег и отдала мужику. А он у нее еще попросил какой-нибудь повозки.

Барыня говорит:

— У нас худых повозок нет, так возьми вон стеклянную.

Заложил мужик коней да и говорит:

— Эти две лошади, пожалуй, не выслужат. Давайте еще лошадь.

— Запрягай в корень сивка, — говорит барыня, — недавно еще обучили.

Сел мужик да и поехал домой.

А барин с кучером стояли, стояли, не могут дождаться. Вот и говорит барин кучеру:

— Не обманул ли нас мужик-от?

— А я давно думаю, что обманул, да вам не смею сказать.

Барин закричал:

— Ой, ты, фирюль! Я бы давно оставил сосну-то, так пускай у него озимь-то захлеснуло. Давай — оставим сосну, отбегай, чтобы не задавило.

Кучер откочил, а сосна и не думает валиться.

— Что же сосна-то не падает? Давай, — говорит, — толкнем.

Понихали, понихали, не могут спихнуть.

— Давай, — говорит барин, — разбежимся да толкнем, она и слетит.

Как разбегутся, кучер все прибежит прежде барина. И говорит барин кучеру:

— Ты отойди подале, а я поближе, так вместе к сосне и прибежим.

Отошел кучер дальше, а барин ближе. Бегут вместе к сосне. Подбегает кучер к сосне и упал, а барин через него да лбом о сосну. Лоб-от весь и расшиб, кровь пошла. Завязался он и пошел к своей повозке.

И спрашивает барин у кучера:

Что тяжелше: тарантас везти или хомуты нести?

И говорит кучер:

— Конечно, сами знаете, лошадь идет в тарантасе, так никогда не вспотеет, а под хомутом все мокро. Так как хомут не тяжелше?

— Так неси, кучер, ты хомуты, а я тарантас повезу: я тяжелого не могу нести.

Надел кучер на обе руки по хомуту и легошенько пошел, а барин так и нагибается, тарантас тащит, так что даже пот со всего полил. Отстал барин от кучера из виду вон и закричал:

— Подожди, подожди!

Остановился кучер и ждет барина. Подвез барин тарантас и говорит:

— Клади-ка хомуты в тарантас, да повезем вместе.

Кучер положил хомуты в тарантас, да лишь сунул в колеса по стягу, а сам пихал лениво. Барин понатужился, — не может с места сдернуть.

— Нет, — говорит, — возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу. Кучер выдернул стяги, взял хомуты и пошел вперед.

Доехал барин до своего села, выскочила барыня и говорит:

— Поздравляю вас с новой кучей!

Барин вытаращил глаза и спрашивает:

— С какой кучей?

— Да ведь ты послал мужика, он увез пять тысяч денег на ваших конях да стеклянную повозку.

Барин провздыхался да захохотал:

— Ну, хоть не одного меня обманул, и барыню обдул этот самый мужик.

[Бывш. Вологодской губ., ныне области. (Н. А. Иванцкий. — Материалы по этнографии Вологодской губернии, М. 1890, стр. 204, № 39).]

31. ПОМЕЩИК И СТАРОСТА.

Помещик приезжает в свою усадьбу-имение и кричит:

— Эй, староста! Да ты где в это время находился?

— В овине сушился, ваше шкабродие.

— Ну если бы овин загорелся?

— А я вышел бы да погрелся.

— А хорошо ли мои крестьяне живут?

— Хорошо, ваше шкабродие: у семи дворов один топор, и тот без обуха, и трсе ворот, и все на огород, и одни не запираются, а другие не затворяются, а третьи чорт знает где валяются.

— А хорошо ли мои крестьяне едят?

— Хорошо, ваше шкабродие: душу не морят, кашу не варят, горшок у кого постучится, у того круп-то не случится.

— Говорят, в моем имении много скота?

— Много, ваше шкабродие: кто любит ветчинку, кто солонинку, кто баранинку, спорят, спорят да ничего и не сварят, да все порожи чаны.

— А все говорят в моем имении хлеба много?

— Много, ваше шкабродие: я сам семь скирдов намолотил и склал на полатях, а кот-Васька хвостом махнул да все к чорту смахнул.

— Говорят в моем имени кони хороши? Приведи-ка парочку, чтобы в дышла ходили.

— Хороши, ваше шкабродие: двое под узды, чтобы не плясали, четверо с боков, чтоб не упали.

— А ты собрал ли мне оброк с моих крестьян?

— Собрал: с Фомки да с Еремки по две копейки, а с Валейки одну копейку.

— А почему с Валейки одну копейку?

— А потому, ваше шкабродие, что он беден, как бес, — по три дня хлеба не ест, да он обижается, велика семья, да и барин-то свишня.

— Давай деньги, давай деньги!

— Ваше шкабродие, я шел улицей Ордынкой, зашел тепло в кабачок, выпил винца на пяточок, на копеечку закусил и на лешку табачку купил. На-ко, барин, понюхай!

— Прочь, негодяй! Что же мне остается сделать?

— Да не больше, не меньше, как умирать. Да и то: наша жизнь — сказка, а смерть — развязка, а гроб — коляска, и ехать не тряско!

Записано М. М. Зиминым в бывш. Костромской губ., ныне Ярославской обл.; записи производились в 1914—1916 и 1919 гг.

[М. З и м и н. — Ковернинский край. Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. XVII, Кострома, 1920, стр. 63, № 89.]

32. СТАРИЧОК ОСИП И ТРИ ПОПА.

Вот в одном селенье жил старичок Осип. Жили они со старушкой двоём. У их были две коровушки и лошадка, онбариншко, овинишко и все такое. Однажды со старухой он стал разговаривать. Вот старуха: «Мы живем, слава богу, хорошо, а хорошо бы переехать когда-нибудь на пустошку одним пожить». Этот старик на ответ: «Не худо, старуха, пожить одним. Пожалуй можно бы. А вот ужо, старуха, собранье будет, сберутся сусиди, я поговорю об этом». Как собранье сельское собралось, пришел старичок Осип на собранье. «Здрастуйте, — говорит, — сусиди!» — «Здрастуй, — говорят, — Осип!» — «Вот, есть небольшая подскотина. Для одново будет». Вот судили, ему сказали: «Ну, с богом, только земли нигде не бери, только знай одну подскотину свою». Старичку Осипу сделали приговор. Старичок преспокойно стал собираться на житье туды. Старичок потихоньку, помаленьку перевез избушку туды, поставил её на место там, перевез овинчик, онбарчик, покрестьянски.

И стали они жить, поживать да добро наживать, да земельку разделявать, распахивать, да сенокос чистить. Распахали земельку, посеяли овса, а овес уродился на первый год очень хороший. Дождались тово время, как его надо обрабатывать. Намолотили овсеца, так што целой онбарчик овсеца навалили. И стали опять на другой год, и рожки посеяли на землю, потом оўса посеяли. У них

хлеба как народилось очень много. И они стали жить так добро, хорошо и хлеба три онбара накопили. В одно время прекрасное легли спать, старик со старушкой. Старуха ему и говорит: «Теперь мы, слава богу, живем хорошо, у нас всево вдоволь, благодать господня. Как бы нам денег, так жизнь прекрасная была, премилая!» А старичок Осип и говорит своей жене: «Вот, баба, дура деревенская, из хлеба полдела деньги сделать!» — «Да как, батько, сделаешь деньги?» — «Да как сделаешь?! Взять ево возик или два, да свезти на ярмонку, вот и деньги». — «Ну, дак ладно!» — «Ну, коли, старуха, денег захотела, иди в онбар и нагребай ржи, пудов 30 воз». Старуха, не будь глупа, зашла в онбар, нагребла ржи 10 мешков. Нагребла, приходит домой. «Ну, батько, я нагребла!» — «Нагребла, так ладно».

Старик никаких манеров не дожидался, взял, наклап и поехал на ярмонку. Съехал он на ярмонку, стал на крайшек базара. Стоит с хлебом, у него хлеба никто не купит, никто не берет. Стоял, до вечера времени простоял, никто не берет этово хлеба. «Ну, делать нечево! Не итти ли в трактир, не возьмут ли хлеба там?» говорит. Пришел он в трактир, видит, што буфетчик за буфетом. «Што, буфетчик, хлеба тебе надо или нету?» А буфетчик ему на ответ: «Как хлеба не надо?! Да денег нет, все деньги в расходе». — «Ну, да што денег нет, — я и вином запью». Значит, этот буфетчик послал своево половово, приказал, чтобы хлеб висили. Свисили хлеба пудов 30.

Пришел старичок в трактир, сел на стул, разболок свой деревенской балахон серой, отороченной сукном. Снял с себя шляпу треугольную, скатанную из одной шерети. Вот ево буфетчик и спрашивает: «Што, дедушка Осип, много ли тебе вина надо?» — «Да вина мне одну четвертную, да и будет», говорит. Как принесли старику четвертную водки на стол, подали ему стаканчик чайный. Старик сидит, да вино попивает. Вот, как четвертную выпил, а против этой комнаты была другая, против дружки дверь во дверь. Там в комнате сидел поп, да чай пил и смотрит на этово старика: «Смотри, — говорит, — какой старик старой, престарой, да четвертную водки выпил». Старик этот подзывает к себе буфетчика: «Буфетчик подходи, буду рассчитывать с тобой». Буфетчик подходит ко столу. Он надевает шляпу треугольную, домашней катки, снимает с головы и трясет, о стол колотит. «Ну, буфетчик, плачено?» Буфетчик ему: «Ну, ладно, дедушка Осип, плачено, плачено». А поп себе моучашком, моучашком про себя: «Што за чорт? Я чашку поною, и то пяточок берут, а он четвертную выпил — ничево не платит». Старичок и говорит: «Ладно, ехать пора домой». Буфетчик приказал половым: «Подите, старику лошадь направьте честь чество».

Старику лошадку направили, сел и поехал домой. Подъезжает к дому, да писенки попевает. Услыхала ево старушка, отпирает ворота и стричает старика. Стритила: «Ой, слава богу! Видно, с деньгам старик приехал, да водочкой ешино угостили». — «Да, матка, угостили», говорит. «Ну, старик, а как: деньги домой привез или нет?» — «Нет, матка, не привез». — «А кому хлеб-то продал?» —

«Да буфетчику». — «Ну, да ладно, не пропадет за буфетчиком: деньги, когда угодно, получим».

Живут недельку, живут опять и другую. Старик и говорит: «А, матка, у нас хлеба много, — ешшо воз сvezти продать». — «Ну, ладно, так в самом деле схожу, нагребу онбар хлеба». Старуха опять нагребла 10 мешков оўса. Вот старик опять преспокойно уклад вoзoк, лошаdку запряг и поехал. Съехал на базар. Стал по край базара. Постоял, постоял — никто хлеба не купит, никто и не берет. «Эх, чорт побрал! Чем стоять, сvezти опять старому буфетчику, тот возьмет», говорит. Вот опять старичок лошаdку заворотил и повез хлеб в трактир. Приходит буфетчик. «Што, буфетчик, хлеба надо?» А буфетчик ему на ответ: «Как хлеба не надо? Да деньги то все в расходе!» — «Ну, давай, да не разговаривай, я вином запью». Буфетчик приказал слугам свисить хлеб.

Свисили хлебец, старичок пришол в трактир. Ну и спрашивает сво буфетчик: «Ну што, дедушка, много ли тебе вина надо?» Старичок Осип: «Да мне вина теперь нужно две четвертные». Вот старику принесли две четвертные, поставили на стол. Старик как сел за стол, снул с себя серой балахон домашней, домашнюю шапку катаную трехугольную. Как он выпил две четвертные, а в другой комнате сидел да водочку пил поп. Вот, как старичок Осип выпил винца, и говорит: «Ну, буфетчик, подходи, рассчитываться буду». Старичок шляпу с головы снимает и колотит во стол шляпой трехугольной. «Плачено», говорит. Буфетчик говорит: «Ладно, ладно, дедушка Осип, плачено, поезжай с богом». А поп сидел, сороковочку выпивал и думает сам про себя: «Вот я сороковочку выпью, деньги нужно отдать, а со старика не берут».

Как старик одевается, с богом, и отправляется домой; приезжает домой, писенки запевае. Старуха выбегает, радoшно старика стричает. Вышла, ворота отворила: «Што, старик, привез деньги?» — «Нет, — говорит, — матка, не привез, у буфетчика все деньги в расходе». А она ему в ответ: «Ну, ладно, за буфетчиком деньги не пропадут». Старик ей говорит: «Да, вот на такое-то число посулил, деньги отдаст». Вот опять дома живут недельку и другую. Опять старик старухе и говорит: «Што, старуха, давай хлеба продадим ешшо». — «Ну, ладно, старик, давай продадим». Вот старуха сошла в онбар, и давай ржи нагребать 10 мешков. Старик опять воз на-клял, лошаdку запряг и поехал опять на ярмонку. Съехал на ярмонку, постоял, постоял, хлеба никто не купит, никто и не берет. Постоял опять. «А, чорт! Место знаю, пойду сvezу старому буфетчику, денег нету — вином запью».

Приехал к старому буфетчику и говорит: «Што, хлеба надо?» А буфетчик ему на ответ: «Нам, дядя Осип, хлеба-то надо, да деньги все, — говорит, — в расходе». — «Ну, да ладно, я вином запью». Буфетчик приказал прислуге свисить хлеб. Вот как свисили хлеб, вот старик приходит в трактир и говорит: «Давайте вина три четвертные. Две себе да четвертная старухе за утруждение». Старичок преспокойно снял домашней балахон да шляпу. Сидит винцо пьет, да писенки поет. Как водочку две четвертные выпил,

опять таким способом напротив этой комнаты сидел поп да бутылочку водочки пьет. Этот сам себе поп и говорит: «Што за чорт! Какая лафа! Вино пьет, а денег не платит». Старик вышел две четвертные. «Ну, буфетчик, подходи! Пора домой ехать, буду с тобой рассчитываться!» Вот буфетчик подходит ко столу. Старичок Осип снимает шляпу домашней катки и колотит о стол. Осип буфетчику и говорит: «Ну, плачено, буфетчик!» А буфетчик: «Ладно, ладно, дедушка Осип, поезжай с богом».

Буфетчик приказал дедушку лошадку выправить на дорогу. Дедушко в сани сел да писенки запел. Приезжает к дому, старушка выбегает, старика стричает: «Ну, што, старик, привез ли деньги?» А он на ответ: «Нет, старуха, буфетчик посулил на такое-то число деньги». Выпрягли они лошадку. Старушка самоварчик поставила, и сили чаю пить. Этот старик и говорит старухе: «Поди, старуха, в саних четвертная водки стоит». Вот старушка сходила, четвертную водки принесла. И начали они водочку распивать, и писенки попивать. Писенки попили и преспокойно уклались себе спать.

Вот однажды времё, собрались попы на собранье. Выпили водочки попы и потом стали разговаривать кое-что про чево и про мелочи. Один скажет: «Ох, у меня лошадь хороша». А другой говорит: «Што ты лошадь! У меня попадья хороша. Вот есть, чем похвастать». А третий поп говорит: «Это што за рассказы! А я вот штучку знаю, так знаю. А вот я однажды съехал в город, зашел в трактир, приказал чаю на одного. Подали мне чай и сижу, чаек попиваю. А потом вокурат компата против компаты. Сидел старик да вино пил, четвертную. А выпил четвертную, вдруг кликнул буфетчика и говорит: «Подходи, буфетчик, буду рассчитываться». А я на него все смотрел. Буфетчик подошел. Вдруг он снимает треугольную шляпу и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено». Другой поп говорит: «Да што ты! Да и я эту штучку видел». Опять третей поп: «Да што вы бахвалите! Да и я эту штучку видел, што шляпа платит деньги». Вот как попы принапились пьяные вдрызг. Один поп и говорит: «Вот кабы эта шляпа нам, понам, так мы бы попили».

А эти три попа были сродственники: тесть с двумя зятьевыми. Эти попы зговорились между собою и стали разговаривать, што «давайте поедем и куним эту шляпу у Оськи старика». Зговорились, запрегли лошадь и поехали. Доехали до деревни. Приехали и спрашивают дороги: «Где-то есть здесь такой старичок, — зовут Осипом?» Тут им в деревне рассказали дорогу, где старичок живет. Вот они туды и поехали. Едут ево стариковой пустошью. Вокурат выезжает сам Осип из лесу, везет воз дров. Увидал старик попов. «Здравствуйте, батюшки», говорит. Вот эти попы: «Дедушко Осип, мы к тебе едем, к вашей милости». — «А зачем вы едете?» — «Да вот нам сказали, што у вас такая-то шляпа есть, вот мы идем купить шляпу». Дедко и говорит им: «Да што вы, батюшки, продам ли я шляпу? Она миня поит и кормит, и баско водит». — «Да, дедушко, мы тебе денёг за шляпу много дадим». — «Много ли, батюшки, денёг дадите?» — «А сколько?» — «Да ниже

пятисот не отдам. Да и то в том условии, да как старуха согласится. Та отдаст ли?»

Поехали со стариком к его дому. Приезжают. Старуха выбегает. «Ах, здравствуйте, батюшки». — «Здравстуй, бабушка, здравстуй». — «Ой, я сейчас, батюшки, самоварчик поставлю, да вас чайком угощу». А они ей на ответ говорят: «Ой, бабка, мы не для чаю приехали, а дело делать». — «А зачем, батюшки?» — «Да вот у дедка шляпу покупать приехали. Вот мы у дедки шляпу сторговали». — «А за сколько вы, батюшки, шляпу сторговали?» — «Да за 500 рублей». — «Што вы, батюшки! Дедко-то вам шляпу продал, а я не продам». — «А што, бабушка, што не продаси! Ведь денег много — 500 рублей». — «Што вы, батюшки, у нас шляпа поит и кормит, и баско водит». Ну, старухе говорили. «Делать нечево! Только вам я ниже пятисот пятидесяти рублей не отдам». Три попа друг на дружку поглядели. «Ну да уж, — говорят, — пятьсот рублей дали, а 50 рублей не убьет нас, отдадим. На троих, чево стоит!» Отдали 550 рублей деньги за шляпу. Тесть и говорит зятевьям: «Ну вы как хотите, любо не любо, а я вам шляпы не отдам. Спробую сам, каково шляпа работает».

Как попы от Осипа уехали домой, тесть и поехал на ярмонку в город, нарядился в эту неражую шляпу деревенскую треугольную и поехал в город. Приехал в город, зашел, где почище гостиница, занял там два номера себе, две комнаты, привел гостей и стал приказывать разных вин и кушанья. Эти гости попиrowали, оделись и домой отправились по домам все. Этот поп остался один, надо рассчитываться с буфетчиком. «Ну, буфетчик, подходи, буду рассчитываться». Снимает эту шляпу с головы треугольную и колотит о стол: «Ну, буфетчик, плачено!» Вот буфетчик и говорит: «Што ты, батюшка, меня морочишь! Деньги отдай 50 рублей». — «Ах, извините, буфетчик, наверно не тем углом колонул». Ну, вот и другим углом колонул, дело ничево не выходит. «Ну, буфетчик, плачено!» — «Да что, батюшко, где плачено? Деньги отдай». Ну, делать нечево. Как поп не упирался, надо денег отдать 50 рублей. «Ах, чорт, тебя побери! Наказала меня шляпа на 50 рублей». Делать нечево, отдал поп деньги. «Ну, ладно, и зятевьям не скажу. Они побогачее, — пускай изъян примут». Домой приехал, помалкивает преспокойно себе.

Приезжает к нему на дом старшой зять. «Ну, што, тесть, каково шляпа отвечала?» Ему на ответ: «Ну, шляпа ответит! Хоть на сто рублей, так заплатит!» И поехал старшой зять опять это в город. Приехал в город, пришел, выбрал почище гостиницу и взял себе две комнаты, и набрал там гостей вдвое больше, чем у тестя. Набрал гостей — попов, учителей, всех там набрал. Гости пришли, и давай их угощать. Приказал носить буфетчику разны водки и кушанья и всево. Гости погостили честь-честью и поблагодарили за хлеб за соль, и отправились домой.

Этому попу надо расчитываться с буфетчиком. «Ну, буфетчик, подходи к столу, расчитываться буду с тобой». Буфетчик подошел к столу. Ну, этот поп снял с головы шляпу треугольную. Колотит

о стол. «Плачено?» говорит. Вот буфетчик и смотрит, и глаза выпучил: «Да што ты! Меня морочить ли, што ли? Отдай деньги сто рублей мне. Вот вас другой поп такой дурак находится. Што вы морочите!» Вот поп и говорит: «Ах, извините, не тем углом колонул». Колонул. «Плачено?» говорит. Буфетчик: «Да што ты! Как плачено?» — «Ах, извините». И третьим углом колонул. Буфетчик ему: «Да што ты, батюшка! Плати, не то полицию позову, с грехом отдаси». Попу делать нечево, 100 рублей — да надо отдавать, да 100 рублей не пеша ходит. «Ну, ладно, так и сяк, — пускай-ко и я свояку не скажу. У него приход хорошей, побогатее меня, и не скажу, што заплатил 100 рублей».

Приезжает свояк к свояку и спрашивает: «Ну што, свояк, какво шляпа работает?» А он ему на ответ: «Да шляпа хоть на 100 рублей ответит». Свояк у свояка взял шляпу и поехал опять в город. Приезжает в город, в гостиницу, просит номер для гостей. Взял две комнаты, набрал гостей даже больше, чем свояк, втрое больше. Ну, как гости пришли, приказал этот поп буфетчику носить разных вин и кушаньев. Гости попиrowали несколько времени и отправились по домам. Остался поп, надо расдтитываться. Вот поп шляпу надевает и буфетчика призывает. Буфетчик подходит. «Подходи, расдтитываться буду». Поп шляпу с головы снимает, колотит о стол. «Буфетчик, — говорит, — плачено?» А буфетчик глядеу, глядеу: «Да што это у вас третьей поп находится такой дурак, да все с этой шляпой!». Буфетчика разгоричили, он взял попа, сгреб за косы и давай рвать. Делать нечево, поп закрывал: «Ладно, чорт побери! Отдам деньги, только оставьте». Вынул кошелек из кармана и отдал полтора ста рублей деньги, и поехал домой.

Приехал домой, три попа и собрались в одном месте; тесть с тремя¹ зятевьями. Как они водочки привыпили, напились пьяные, и стали разговаривать. Один поп и говорит: «Естолько перестолько, поедем, убьем Оську старика». А в то время, когда они разговаривали, ходил зимогор (в Петербурге зовут «посадский»), он эти разговоры услышал, што поны этово старичка хотят убить. Этот сичас посадский отправиуся из этой поповы к старику. Приходит в деревню. Спросил дорогу, приходит к старику к этому Осипу и говорит: «Дедко Осип, тебя хочут такне-то поны убить». Как зимогора старик чайком напоил и на папойку чай дал, и сахару, и краюшку хлеба. «Ну, спасибо, што сказал. Вот, старуха, приедут, нас убьют. А пристать некому, а людей мало у нас». Вот и придумал: «Вот што, старуха. Я снаряжу крест, и потом ты меня нареди, а я лягу в передний угол, ты меня саваном закрой, а сама ворота запри, ходи по сараю и причитай».

Через несколько времени слышит, што поны едут; приехали поны, стучают у ворот, а старуха ходит по сараю да причитает. Эти поны домятся в ворота. «Ой да куды вы, батюшки, приехали, как и старик у меня помер, надо снаряжать да класть в гроб. Вот хожу веточки собираю, отречей да вишиков в гроб покласти». Вот

¹ Ошибка рассказчика: с двумя, а не с тремя.

ворота выломали и в избу вошли, а старуха-та все ходит по сараю и причитает и в избу не заходит. Один поп и говорит: «Вот я ево за 500 рублей мертво да крестом колону». Вот как колонул раз крестом, а тот руку и откинул. А другой поп и говорит: «Ну, ты неладно колотишь! Дай-ко я хорошенько». Взял другой поп крест в руки и ударил. Он опять ногу откинул, а третей поп говорит: «Ну, вы неладно колотите, дайте-ко я колону, он весь скочит». Вот третей поп взял крест, да как ево ударил! Старик свернулся с лавки, попу в поги бух: «Ой, батюшко, спасибо тебе, спасибо! Оживил меня, а не то старухе беда бы без меня жить было».

Попы обратно лошадь вернули и уехали. Приехали домой, разъехались по своим домам. Вдруг по всей России империи и пошел слух: в таком-то городе, такой-то номер генерал. Жена генерала дала знать по всей России: кто если мог воскресить ее мужа, тово бы наградила несметной суммой. Эти попы собрались вместе и стали межю собою толковать. Вот один поп и говорит: «Мы одново старика Осша воскресили этим крестом. Возьмем ево, пойдём и купим у старика этот крест». Вот, эти попы запрягли лошадь и поехали туда к старику. Приехали к старику и стали говорить: «Дедушко, мы к твоей милости приехали!» — «А зачем, батюшки, приехали?» — «А вот приехали, крест у тебя надо купить нам». — «Што вы, батюшки, продам ли я крест? Он меня поит и кормит, и баско водит. Я, глядишь, ково воскрешу! Мне и дают то петерочку, то десяточку. Вот я со старухой живу и питаюсь этим». — «Ну да што, дедушко, продаси крест». — «Да ведь как, батюшки, продать-то? Сколько дадите мне?» — «А сколько, дедушко, возьмешь ты-то?» — «Да ведь как, батюшки! Как вам любо не любо, а я ниже пятисот креста этого не отдам».

Вот, эти попы друг на дружку посмотрели и пятьсот рублей эти деньги отдали за крест. Слыи и поехали. Приехали домой и с дому отправились, где генерал номер. Приехали в такой-то город, доспросились, дом какой номер, какая квартера. Дом — № 50, кв. 33. Приходят на куфню туда, их спрашивают: «Вы оживать пришли?» — «Тошно так, мы оживать пришли». Их запустили в комнату, где генерал был наряжённый. Тогда заперлись в комнату, там их только трое. Один одному и говорит: «Давай крестом!» Один взяў крест и взяў ево шмякнул крестом. Покойник не стает. Один и говорит: «Ты неладно колотишь, дай я снова колону». Вот, как снова колонул, так еле со столов не уронили, а родитель (?) не встает. Вот третей опять поп говорит: «Дай ко я свисну, дак он у меня скочит». Третей так ево ударил, што череп с него сшиб. Потом оне тут напугались, сронились над столом. Захватят — беда, некуда не уйдешь. Оживить не оживили, а наказовать наказовались. Вот друг дружку, надо, стали друг дружке толковать. Один поп и говорит: «Вот што, давай сделаем условие, штобы никто три часа к ёму не ходил». Вот они так сделали; вышли на куфню, счас генеральше: «Вы через три часа только идите туда в горницу, а пока не ходите». Три часа времени много. Помаленьку, понемногу надо утенуть из города.

Вот лошадей нанели и тигу из города. А уж на ихние деньги старичок Осип кабачок открыл. Преспокойно, как старушка померла, себе водочку поторговывал. Вот эти попки и едут. Едут, увидали, што вывеска старика Осипа на кабачке. Один поп посмотрит: «Ух, здесь Оська торгует вином. Ишь на наши деньги, как хапит!» Один поп и говорит: «Он за наши деньги хапит, пойдем убьем ево». А два попа: «А как мы ево убьем? Поедем мимо!» — «Нет, нельзя, надо убить ево». Слизли с тарантаса, ямщик вернул коней и уехал. Раньше кабаки ставнями закрывались. Старичок все ставни закрыл, — попасть к нему нельзя. Вот один поп: «Я попаду». Сичас перелез через забор и к окошку. Взял полено, разбил это окно, и полез туда. Полез, а старичок-от, не будь глуп, сичас туда, взял топор и бац ево по голове. Этому попу делать нечево. Взял ево за косы, заташшыл в кабак и бросил за бочку-сороковку.

Вот там два попа стоят, межу собой толкуют: «Што же как долго он старичонко убивает? Поди-ко, — посылает другово, — вам вдвоем сподручнее — скорее убьете». Другой поп туда через забор. Приходит к окну, опять таким образом взлизивает, как и тот. Старичок опять ударил ево обухом, и свернулся тот. Взял за косы, выташшыл в окно, опять за бочку бросил. Потом третей поп стоит, ждет, долго дожидается. Сам себе и говорит: «Што за чорт! Неужели двое убить ево не могут? Наверно помирились, вино пьют там. Надо итти и мне». Вот третей поп через забор, и тот туда. Опять к окну подошел и полез. И опять таким способом по лбу обухом ударил и убил. Выташшил этого попа за косы и повалил в передней угол на лавку. Этот поп лёжит.

А у Осипа был такой человек, вроде как звали ево Васильем. День ходил куски собирал, а к ночи в кабачок к Осипу. Пришел этот Василей почевать. Вот Осип и говорит: «Ой ты, Василей, Василей! Чего вчера не пришел? Какой-то был, не знаю — поп, не знаю — монах, вино пришел и меня прибил». Вот этот Василей и говорит: «Вот, дядя Осип, давай ево потоплю». Вот Василей взял монаха и понес в озеро топить. Взял на дорогу себе бутылочку водочки себе в карман и пошел преспокойно. Дошел до озера. Принес этово попа. Бац только в прорубь ево, утопил да сам и смотрит, — не выходит ли где. Посидит-посидит да стаканчик и выпьет. Как посидел до вечера, стало холодновато. И отправился опять к старику Осипу.

А уж старик Осип, не будь глуп, поволил опять этово ¹ попа на эту же лавку. Васька приходит к Осипу, отворяет двери и спрашивает у дяди Осипа: «Што, дядя Осип, што поп пришел, или нет?» Осип говорит этому Василию: «Ешино пуше стал хуже, пришел сердитее». — «Да што? Кажется, я ево топил да посмотрел в прорубь, не выходит ли оттуда. Ну ладно, дядя Осип, давай я потоплю да подольше посижу, — четвертную водки дашь». Вот взял попа на плечо, а четвертную под пазуху. Донес ево до озера. Опять таким же манером в прорубь, бац туда, только пузырьки пошли. Вот ладно

¹ То есть другого.

и сидит. Сидит, стаканчик выпьет да в прорубь поглядит — не выходит ли оттуда поп. Как просидел суточка, стало светать, на свету посмотрел на все стороны — не видать попа. Значит, без отрыжки готово. Опять преспокойно пришол к старику Осипу в кабачок.

Приходит в кабак и спрашивает у дяди Осипа: «Што же, дядя Осип, пришол ли поп?» А Осип ему на ответ: «Да што, Василей! Пришол ешно сердитее, меня почти прибил и вина больше выпил». Василей не видел, што в углу лежит третей поп. «Давай поўведра вина. Значит я этова попа несую, значит без отрыжки, не придет. Два дня просижу». Осип дал поўведра, он взяў поўведра, попа на плечо и к озеру. Вот принес к озеру, бац ево в прорубь, — только пузырьки пошли. Стоит кверху ногам березой. Сидит себе Василей, покуривает да водочку попивает. Вот он суточка сидит, другие сидит, попа все нет, не выходит из озера; значит, утопил уж! И на другие сутки, сидит, досидел до свету. А дело это было против воскресенья. Церковка была у озера; как стало светать, сторож, действительно, звонил. Надо заутреню служить. Одеся и пошол бережком. Вот Василей увидал этова попа, што поп идет. Скочил, да за попом драма и туда. «Ах, ты, чорт косматой! Я тебя три раза топил, а ты все выходишь!» Поп испугался: «Што ты, што ты! За что меня так?» Этот Василей: «Эх, за что ты у Осипа старика вино все припил и ево прибил? Я тебя прямо утоплю!» Никаким богам не мог молиться поп, схватил Василей ево за косы и понес в прорубь. Донес до проруби, взял за ноги: «Кайся грехами!» Попу не охота умирать. Взял за ноги и бац ево туды, — только пузырьки пошли. Утопил, посидел и отправился к старику Осипу в кабачок.

Пришол и спрашивает: «Ну што, дядюшка Осип? Не приходил поп?» — «Пет, батюшка, не приходил». — «Ну, значит я ево утопил». Сторож, действительно, звонил, а все попа нету. «Што за чорт?! Попа все нету! Пойду домой, к попу схожу». Пришол и спрашивает: «Где, матушка, батюшко?» — «Да батюшко ушол в церковь». — «Да как же, матушка, ушол в церковь? Я бы увидел, — трезвонить стал!» — «Да наверно, в церкву пришол туда». Сторож обратно вернулся в церковь, посмотрел, — в церкви нету. Стали попа искать, поискать — найти не знают где. Тем и кончилось. Я там тожо был, сказки сказывал. Кто слушал, тот скушал, а кто сказал, тот слизал.

Записана в 1908 г. от церковного сторожа В. В. Богданова в бывш. Белозерском у., Новгородской губ., ныне Вологодской обл.

[Напечатана в сборнике Б. и Ю. Соколовых. — Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 159 — 165, № 87.]

Сюжет известен еще по средневековым французским текстам (фабльо.)

33. ПРО МУЖИКА И СВЯЩЕННИКА.

Вот как был праздник, и свешшеник служил литургию, и после литургии начал проповедь. В проповеде говорелось так: «У кого што есть, то ондай свешшенику — в то место бог десять даст». И вот, как был один мужичок за обедней и была у его только одна корова,

он и думает на уме: «Неужели я корову свою ондам, мне бог в то место десять даст?»

Мужик приходит домой и говорит жане: «Вот што, баба, я сѣдни был за обедней, и свешшеник читал проповедь: у кого што есть, ондать свешшенику, в то место бог даст десять. И вот, как у нас одна корова, ондадим свешшенику, не даст ли бог в то место десять?» Жана и думает: «Ну, так што ж, на самым-то деле. Давай, мужик, ондадим!» Поймали корову и поташнили к свешшенику.

Когда приводят корову к свешшенику, мужик и говорит: «Вот, батюшка, вы севодни читали проповедь и говорели, што у кого есть, то ондай свешшенику—в то место бог десять даст. И вот, как у меня одна корова, я привел её к вам, не даст ли бог в то место десять». Свешшеник сказал: «Ага, спасибо!»—и велел опустить её во двор.

Да, и вот живет у свешшеника корова, и у его было девять быков своих, и корова с етим быкам стала ходить в поле. И вот настало лето, стал жар, скот стал ходить полднім; вот эта корова, как бежала вперед быков, быки за ей. И увидала, што у старого хозяина ворота пѣлы—и забегает прямо во двор, и быки за ей. Мужик заглянул в окно прямо во двор и увидал: «Вот, баба, верно, нам бог дал в то место десять!» И пошел, запер ворота. Да, пастух идет, заходит во двор выгонять етого скота. Мужик ему не дал, выгнал етого пастуха вон.

Пастух шечас к свешшенику и говорит: «Вот, батька, такот мужик не ондаёт быков». Батька смекнул ето дело, што дело не ладно будет. Собрался и пошел к мужику. Приходит и говорит: «Здрастуйте, Иван Иванович!»—«Здрастуйте, батюшка!»—«Вот, Иван Иванович, вы ондайте быков—быки-то ведь мои». Мужик говорит: «Нет, батюшка, я ничего не знаю. Вы же сами проповедь читали, што кто свешшенику ондаст, в то место бог десять даст. Ну, я и ондаю вам последнюю корову, в то место нам бог десять и дал. А я етому не причинен. Мне бог дал. Как хотитѣ, а корову не ондам и быков вам не ондам!» Свешшеник подумал, что с мужиком не жделаешь ничего... С тех пор мужик стал пользоваться быкам.

Записано М. К. Азадовским в 1915 г. в Верхотенском окр. от Ф. П. Аксаментова (см. выше «О трех царских дочерях»).
[М. Азадовский.—Русская сказка. Избранные мастера, т. II, стр. 66—69.]

34. ПОХОРОНЫ КОЗЛА.

Жили старик со старухою; не было у них ни одного дитища, только и было, что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти—только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому. Вот однажды случилось итти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес; старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет; щипал,

щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидел золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик! — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что сколько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе поживают, никакого горя не знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что все счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду, и ну таскать по избе.

— Ах ты, окаянный! Что выдумал! — вонючего козла хоронить.

— Так ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный: он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп, — я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине; может, он у тебя давно уж помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовился; сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер!

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо!

— Не бей меня, отец дьякон! — говорит старик. — Ведь козел-то был, почитай, совсем православный: как умирал, тебе сто рублей отказал за погребение.

— Эка ты стар и глуп! — сказал дьякон, — чтож ты давно не известил меня о его православной кончине; ступай скорей к дьячку, пушай позвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, прозвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что ж ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж прозвонить.

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал ваять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и начали похороны отпирать: положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с поном:

— Как вы смели похоронить козла? Ах вы, безбожники!

— Да ведь этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы: он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик! Я не за то жучу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал...

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

[Ю. Соколов. — Поп и мужик, «Academia», 1931, стр. 97—100.]

35. ПОП ПАХОМ.

Один приход без священника все жил. Крестьяне и выбрали мужичка пойти искать пона. Ну, пошел мужичок, и попался ему навстречу старичок.

— Как тебя зовут, старичок?

— Меня зовут Пахом.

— Так будь у нас поном!

Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он из дому, конечно, приказал жену и детей. Ну, дети у него работой занимались, хозяйством. У церкви земли, покосу было много. Они заживали да денежки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедня служить. Народа собралось много — слушать новаво пона. Ну, он обедню так служил: взял большую книгу, сверху поднял:

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Не знаем, — ответили ему.

— Не знаете, так нечего и сказывать!

Второй раз и говорят:

— Ну, ребята, как поп сделает так, скажем, что знаем.

Опять взял большую книгу, сверху поднял.

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Знаем.

— Ну, а знаете, так нечего и сказывать!

Недовольни миряне поном, что худо служит. Стали роптать при-

хожане. Ну, третью обедню стал служить. Много пришло прихожан: охотно обедню слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и зачал распевать:

— Тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра!
Потом и говорит:

— Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить!

Прихожане испугались, все из церкви и разбежались: испугались, что долго. Ну, прихожане уговорились, что надо прошенье подать архирею, что поп худо служит. Архирей отписал, что на такое-то время приеду на ревизию. Архирей приехал с певчими и с протодиаконом. Собралось прихожан много. Архирей заставил обедню служить отда Пахома. Ну, архирей пошел вместе слушать с певчими, с протодиаконом. И мужички вошли слушать, как при архирее будет служить. Начал обедню служить.

— Преосвященнейший владыко! Возглас первый: служаху при сей церкви двенадцать лет и составил капитал двенадцать тысяч. Вам жертвую шесть тысяч и протодиакону пятьсот рублей, певчим триста рублей. Поехал мужик на мельницу, навалиша большой воз, и смутилася кони его, и бысть глаз с небесе: прру.

Певчие и подхватили:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Архирей вышел и говорит:

— Миряне, поп-от ничево служит.

— Это при вас хорошо, а без вас плохо!

— Нет, пусть служит. Нельзя хаять!

Записано бр. Соколовыми в 1908 г. от псаломщика с. Раменья, бывш. Белозерского у., ныне Вологодской обл., С. П. Семенова.

[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, стр. 151—152, № 83.]

36. НЕБЫЛИЦА.

Жили-были три брата. Они пошли в лес дрова секти. Рубили-рубили, опознились. Стали костер разжигать, огня нету. Вот на ель вылезли и огонек увидели.

Старший брат говорит:

— Пойду-ка я огоньку спрошу.

Пошел, видит костер горит, тута леший лежит. Коло него и лисиц и куниц, да костерок дров.

— Дай-ко, батюшко, огоньку, — говорит.

— А скажи-ка мне небылу-небылицу, тогда дам огоньку, а не скажешь — дай ремень из спины.

Он и говорит:

— У нас была у батюшки помощь — дак сорок возов сена наставили.

— А, дурак! Я и один сорок возов наставлю.

Взял, вырезал ремень из спины и прочь прогнал.

Ну, другой пошел огонька просить. Шол-шол, до костра дошел:

— Дай, батюшко, огоньку.

— Скажи небылу-небывальщину, дам огня, а не скажешь — ремень из спины.

— У нас, — говорит, — была у батюшки помощь — дак сто возов дров порубили.

— От, дурак! Да я один сто возов нарублю.

Вырезал ремень из спины и прогнал.

Ну, младший брат пошел. Дошел до костра, сидит леший. Около него и лисиц и куниц, и поленья дров.

— Здравствуй, батюшка, дай огоньку.

— Скажешь небылу-небывальщину, дак дам, а не скажешь — дак ремень из спины.

— Скажу, — говорит, — только не пересекай,¹ а пересечешь — и куницы и лисицы мне.

— Ладно.

— Жили мы пожили три-девять братьев Иванов, сестра без названья, да мать Маланья. Вот родился у нас отец, сам с локо-ток, а нос с коробок. Вот поехали мы отца крестить. Я сел на кобылу, взял хвост в зубы и поехал. (Леший молчит, не пересекает.) Вот подъехали к рецки, моя кобыла скопила — брюхо разорвала. Передни ноги там, а задни по старым местам. Я вижу ссек, опистил, кобылы брюхо зашил. И даде поехал. И учуял, что за морем комары да мухи дороги, а телушки дешевы. Я давай комаров да мух ловить. Наловил мух да комаров — пятьдесят пудов. Наменял телушек на мушок, комаров на быков. Вот и погнал домой. Пригнал к морю — нет ни лодок, ни парохода через всю воду. Я взял быка за хвост да размахал, да бросил так и вовсе перебро-сил. Да на последню сам уденился, да тут и опутился. Гляжу на моей кобыле из виды ель выросла. Росла-повыросла, в небо вылезла. Я и полез на небо. Гляжу, а там все святы босы, на лугу лежат, слезы едят, а ходить босы боятся. Ну я их зажалел, стал быков бить да обутки шить, да на небо носить. Всех обул-одел, назад захотел. (Леший — тот не пересекает.) Стал я из дощя веревку вить, да на землю лезть. Ну лез-лез, да пошла буря-ураган. Стал веревку качать, мне кости ломать. Я качался, качался да в болото и попался. Весь в болото зашол, только волоски остались. Тут на голову повадилса мне волк ходить да гнездо вить. Ну я руки стал мотать. Ну мотал-мотал да и вымотал, да волка за хвост зацепил, да он меня и вытащил. (А тот не смеет пересечь.) Я тот хвост распорол, а там ящички, да ларьчики, да грамотки. А в той гра-мотке написано, что леший в лесу моему батюшке тысячу рублей должон...

— Врешь! Врешь, — леший говорит. (Не стерпел.) — Врешь!

Тот все куницы да лисицы обрал, огонек взял да ушол.

Записано в с. Малые Нисогоры от Н. Ф. Позднякова, 32 лет.

[И. В. Карнаухова. — Сказки и предания Северного края, «Аса- demia», 1934, стр. 294—295, № 145.]

¹ Не перебивай.

Я стал поутру, обувался на босу ногу, топор надевал, трои лыжи под поес подтыкал, дубинкою подпоясался, кушаком подпирался. Шел я не путем, не дорогой; подле лыщ¹ горы драл; увидал на утке озеро, топор в ее шиб² — не дошиб, другим шиб — перешиб, третьим шиб — попало, да иймо; утка-то скулбалась,³ озеро-то улетело. И пошел я в чисто поле, увидал: под дубом корова бабу доит. Я говорю: «Тетенька, маминька! Дай мне-ка полтора молока преснова ставд⁴». Она меня послала в незнамую деревню, в небывалую избу. Я пошел и пришел: квашня бабу месит. Я говорю: «Тетенька, маминька! Дай мне-ка теста». Она выхватила из мутовки квашню — хлысь по зубам. Я бежать. Вышел на улку: тут лайка собацит⁵ на миня: мне-ка дем оборонице? Я увидал: на саних дорога, выхватил из оглобель сани, хлысь лайке по зубам, и пошел домой да с горя спать повалился.

[Бывш. Шенкурского у., Архангельской губ., ныне области.
Афанасьев, № 231i.]

38. ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ (ПАРОДИИ).

1. Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди польд^а. Не сказать ли сказку опять с конца?

2. Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

3. Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце ялец.⁶ Тут и сказке конец.

[Афанасьев, № 250 а, б, с.]

4. Жил-был царь Ватута. И вся сказка тут.

[А. Можаровский. — Из жизни крестьянских детей, Казань, 1882, стр. 48.]

¹ Подле лыков.

² Кинул.

³ Всколебалась.

⁴ Полтора ставда (кувшина) пресного молока.

⁵ Собака лает.

⁶ Елец, рыба.

ДРАМА.

Фольклорная драма сравнительно небогата, так как для развития довольно сложного театрального искусства у крестьянства в царской России не было почти никаких возможностей. Разгром скоморохов в XVII в. помешал и этим представителям народного искусства создать значительное количество драматических произведений; но следы скоморошьяго искусства в народных драмах достаточно ясны. В известных текстах фольклорных драм обычно проявляется воздействие литературных источников (таковы, например, драмы «Царь Максимилиан» и «Лодка»). Нередко в драматических произведениях звучат те же антипомещичьи ноты, что, например, и в анекдотах; таковы пьесы «Лодка», «Барин и приказчик» и др.

ЦАРЬ МАКСИМЬЯН.

Действующие лица.

Царь Максимьян.
Адольфа, сын царя Максимьяна.
Аника-воин.
Крымский посол.
Дахмара.
Главный доктор Фома.
Скороход-фельдмаршал.
Палач Брамбеус.
Гусар.
Первый старик.
Второй старик.
Рестант.
Затюремный сторож.
Пажи.
Воины.

Все (*поют*).

Ездил, ездил русский Царь,
Православный Государь,
Из своей земли далече,
Свою славу выхвалял,

Грозно он карал врагов,
Много забрал городов;
От Москвы и до Парижа
Все он лавры пожигал.

Скороход. Здравствуйте, почтеннейши господа!

Вот и я прибыл к вам сюда.
За кого вы меня признаете?
За русского или за пруссака?
Я не есть русский и не есть прусский,
Я есть природный скороход-фельдмаршал
Грозного дара Максимиана.
Извините меня в том,
Что я сейчас нахожусь в платье худом.
У меня есть мундир,
Семдесят семь дыр,
Тридцать три заплатки,
А с меня взятки гладки.
А вот, почтеннейши господа!
Через четверть часа
Явится князь Адольфа сюда.

(Те же и Адольфа.)

Адольфа. Здорово, ребята!

Все. Здравия желаем!

Адольфа *(здоровается с крымским послом)*. О боги! О боги!
какие злые немилосердные люди и бояре наклевстали на меня
моему папаше, что будто бы я

На море Океане, на острове Буяне,
Построил себе каменный дворец.

Хрустальную башню и при том же огненный корабль с обыкновенной орудией и хотел идти войной на своего папашу.

Но я этого не думал-не гадал,

И в уме-разуме не держал.

Только я ходил, гулял

По столичным городам,

По острогам и тюрьмам.

И в одной тюрьме нашел себе отважного рестанта, который был душе моей полезен.

(Подходит к рестанту и спрашивает.)

Ты рестант, за что сидишь?

Рестант. За веру христианскую.

Адольфа. Что есть такое вера христианская?

Рестант. Которая сотворила небо, землю и воды,
Разные плоды и все народы.

Адольфа. Ех, друг, я сам за то страдаю,

За то навеки погибаю.

А ты желаешь на волю выйти?

Рестант. Желаю.

Адольфа (*Скороходу*). Скороход-фельдмаршал, явился перел князем Адольфой.

Скороход. О великий князь Адольфа!
Зачем скорохода-фельдмаршала призываете?
Или что делать повелеваете?

Адольфа. Сходи и приведи ко мне главного Министра.

Скороход. Пойду и приведу главного Министра.

(Те же и Министр.)

Министр. О великий князь Адольфа,
Зачем главного Министра призываете?
Или что делать повелеваете?

Адольфа. Послушай, главный Министр, кем посажен этот
рестант?

Министр. Не могу знать.

Адольфа. Сказывай, кем посажен?

Министр. Не могу знать.

Адольфа (*строго*). Говори, кем рестант посажен?

Министр. Вашим папашей.

Адольфа. Выпустить сейчас!

Министр. Я выпустить не могу.

Адольфа. Выпускай сейчас!

Министр. Я выпустить не могу. Вашим папашей посажен,
вашим папашей и выпустится.

Адольфа. Что папаша — то и я.

А то вот мой острый меч,

Слетит твоя голова с плеч.

Выпускай сейчас!..

Министр. Рестант, выходи.

Адольфа. Фу, боже мой! На меня какая грусть-тоска напала!

Крымский посол. Эх, друг Адольфа! пойдём на Волгу-реку

И там разгоним грусть-тоску.

(Оба уходят. Те же, Скороход и царь Максимьян.)

Скороход. Смирно, друзья!

Сейчас явится Царь Максимьян сюда...

Царь Максимьян (*входя*). Здорово, ребята.

Все. Здравия желаем!

Царь Мак. Взшло, взшло полудневное красное солнышко,

Взшло и осияло,

Осияло, осверкало и ободняло,

Дождались вы, друзья, белого дня.

Призна. и ли вы меня?

Все. Признали.

Царь Мак. За кого вы меня признали?

Все. За царя русского.

Царь Мак. Я не есть царь русский,

Не король французский,

Не король шведский,

И не султан турецкий,
А я из тех южных стран,
То есть грозный царь Максимиан.

Прошел я все южные страны и покорил пред своею державою Испанию, Германию, Немецчину, Туретчину, и все чужестранцы покорны пред моею державою.

Кто над царями царь,
Над рыцарями рыцарь,
Над повелителями повелитель,
Как не я, грозный царь Максимиан?
Хотя я не велик, но храбер;
Кто есть на сей земле со мной равен?
Хотя мой возраст мал,
Но я силен, грозен и удал.
Стану на горы, горы трещат;
Згляну на воды, воды кипят;
Топну об землю, земля потрясется;
От згляда моего на море корабль сколыбнется.
Африка, Америка и те испугаются,
Все державы прочие трепещут передо мною.
Зрите, князья и бояра! для кого сей трон
вооружен,

Окружен орлами и рыцарями, богатырями,
Как не для-ли меня, да не для-ли меня
Грозного царя Максимиана?

Все. Для грозного царя Максимиана.

Царь Мак. Если же для меня, то я сяду на оный
И буду судить по закону.
Правых, неправых, виновных, невинных.
Правых буду на волю выпускать,
Виновных буду по тюрьмам сажать;
Но больше я буду судить непокорного
сына Адольфу.

Если же я его рассужу не по закону,
То занеси меня, сизый орел,
За темные леса, за Американские острова;
И брось мой труп в морскую пучину,
Там мне будет горе, горе и кручина.

(Обращаясь к Скороходу.)

Скороход-фельдмаршал, явись пред троном грозного царя Максимиана!

Скороход. О великий повелитель,
Южных и всех восточных стран
покоритель!

Власть имеете, повелеваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Поди и приведи ко мне верных пажей.

(Те же и пажи.)

Паж и. О великий повелитель,
Грозный дарь Максимьян!
Власть имее, повелеваете,
На что верных пажей призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Пажи, вы мои, пажи верные!
Подите по край синего моря,
В белокаменные чертоги;
Принесите мне скиферт и державу;
На плеча порфиру
И на главу золотую карону.

Паж и. Пойдем по край синего моря,
В белокаменные чертоги;
Принесем скиферт, державу,
На плеча порфиру,
И на главу золотую карону.

Все *(поют песню)*.

Мы к царю идем,
Злат венец несем,
Царю главу накроем,
И на трон взведем.

Царь Мак. *(берет корону)*.

Зрите, князья и бояра,
Сия карона во все стороны блистала.
Много, много мне геройства предавала,
Надеваю сию карону
И буду владеть всем могуществом народа.

Все *(поют гимн)*...

Царь Мак. *(Скороходу)*. Скороход-фельдмаршал!

Явись пред троном грозного царя Максимьяна.

Скороход. О великий повелитель!

Власть имее, повелеваете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Поди и приведи ко мне моего сына Адольфу.

Скороход. Пойду и приведу.

(Те же и Адольфа.)

Адольфа. О дражающий мой родитель,

Всему миру покоритель!
Власть имее, повелеваете,
На что своего сына Адольфу
призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Где же ты по сие время скитался?

Адольфа. В красной лодочке катался,
С разбойничками знался.

Царь Мак. Да разве подобает царскому сыну
в лодочке кататься,

С разбойничками знаться?

Адольфа (на коленях). Прости, прости за все вины, папаша!

Царь Мак. За все вины прощаю,
За правую руку поднимаю,
За молодые лета, за ласковы слова.

(Поднимает Адольфу.)

Послушай, сын мой любезный,
Я наслышан тобою,
Что будто бы ты выхваляешься мною,
И на море Оксана, на острове Буяне
Построил себе каменный дворец,
С хрустальной башней.

И при том же огненный корабль с обыкновенными орудиями
и хотел идти войною на меня, но я и этому не поверил. А вот,
сын мой любезный, после твоего отбытия, твоя мать, моя жена,
царица о тебе стосковалась и померла. А теперь я женился на дру-
гой, на дерской богине. И она подвергает нам поверовать ейным
богам, — поверуй, сын мой, и поклонись.

Адольфа. Я ваши кумирческие боги
Подвергаю себе под ноги,
В грязь топчу, веровать не хочу.
Верую в господа нашего Иисуса Христа
И делую его в уста,
И содержу его закон.

Царь Мак. Прочь, дерзкий, непокорный!
Стань по левую руку трона.

(Обращается к Скороходу.)

Скороход-фельдмаршал, явись пред троном своего царя Макси-
мьяна!

Скороход. О великий повелитель,
Южных и всех восточных стран покоритель!
Власть имеете, повелеваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Сходи и приведи ко мне затюремного сторожа.
Скороход. Пойду и приведу затюремного сторожа.

(Те же и затюремный сторож.)

Затюремный сторож. Ты позволь, позволь, хозяин,
Мне по горнице пройти.
Стук, стук, в десять рук
Приударам, братцы, вдруг.
Стук, стук, в десять рук
Приударим, братцы, вдруг.

(Обращается к царю.)

О великий повелитель,
Грозный царь Максимьян!
Власть имеете, повелеваете,
На что затюремного сторожа призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Послушай, затюремный сторож!
Поди и отведи моего сына Адольфу в темницу
И мори его голодной смертью.
Дай ему фунт хлеба и фунт воды.

Затюремный сторож. Пуд хлеба, пуд воды? Он обожрется!

Царь Мак. Фунт хлеба, фунт воды! Казак, ему напомни.

Казак (*ударяет сторожа*). Фунт хлеба, фунт воды.

Сторож (*уходит*). Пуд хлеба, пуд воды; пуд хлеба, пуд воды.
Все (*поют песню*).

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест.
Сколько горести смертельной
Мне в разлуке с милой жить...

Царь Мак. Скороход-фельдмаршал, явись перед тронном
Грозного царя Максимьяна.

Скороход. О великий повелитель,
Южных и всех восточных стран покоритель!
Власть имеете, повелеваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Поди и приведи ко мне моего сына Адольфу
из пустыни.

Скороход. Пойду и приведу.

(*Те же и Адольфа.*)

Адольфа. О, дражающий, мой родитель,
Всему миру покоритель!
Власть имеете, повелеваете,
На что своего сына Адольфу призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Послушай, сын мой любезный!
Сидел ты три года в пустыне,
Морился голодной смертью.
Надумался ли там?
Скажи: веруешь ли нашим кумирческим богам,
Золотым стуканам?

Адольфа. Я сказал, что не верую я:
Ваши кумирческие боги
Подвергаю себе под ноги,
В грязь топчу,
Веровать не хочу.
Верую во Иисуса Христа,
И делую его в уста,
И содержу его святой закон.

Царь Мак. Прочь, дерзкий, непокорный!
Стань по левую сторону трона.
Разве не знаешь, что я могу тебя казнить
и миловать?

(Обращается к Скороходу.)

Скороход-фельдмаршал!

Явись пред троном грозного царя Максимиана.

Скороход. О великий повелитель,
Южных и всех восточных стран покоритель!
Власть имеете, повелеваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Отведи непокорного моего сына Адольфу
В темницу и мори его голодной смертью;
И не давай ему ни пить, ни есть
И на белый свет смотреть.

Скороход. Пойду и отведу,
В железо закую.

Все *(поют песню)*.

Не слышно шуму городского;

За Невской башней тишина.

И на штыке у часового

Горит полночная луна.

Царь Мак. Скороход-фельдмаршал, явись пред троном
Грозного царя Максимиана.

Скороход. О великий повелитель,
Южных и всех восточных стран покоритель!
Власть имеете, повелеваете,
На что скорохода-фельдмаршала призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Пойди, выйди за городские ворота,
Посмотри, кто так жалобно поет,
Моему сердцу покою не дает.

Скороход. Пойду, выйду за городские ворота,
Посмотрю, кто там жалобно поет.
Царскому сердцу покою не дает.

(Уходит и опять входит.)

Сын ваш здесь,

Да нельзя привезь.

Царь Мак. Отчего нельзя?
Что у нас войска мало?
Возьми полк, возьми два,
А представь его сюда.

(Скороход с пажами идут и приводят Адольфу к царю.)

Адольфа. О дражающий мой родитель,
Всеми миру покоритель!

Власть имете повелеваете,
На что своего сына Адольфу призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. Послушай, сын мой любезный!
Сидел ты четыре года в темнице,
Морился голодной смертью, надумался ли?
Скажи веруешь ли нашим кумирческим богам?

Адольфа. Верую! только мне, панаша, приготовь
Игрунов, плясунов и хор песельников.

Царь Мак. Встань по правую сторону трона.
Скороход-фельдмаршал! Явись пред тронном
Грозного царя Максимьяна.

Скороход. О великий повелитель... (и т. д.).

Царь Мак. Сходи и приготовь игрунов, плясунов
И хор песельников.

Все (*поют песню*).

Пора молодцу жениться,
Пора ехать со двора.
Ай да люли, ай да люли,
Пора ехать со двора.
Ты Настасья, ты Настасья,
Отпирай-ко ворота!
Ай да люли, ай да люли,
Отпирай-ко ворота,
Ай да люли, ай да люли,
Отпирай-ко ворота (и т. д.).

Адольфа. Вот так надсмеялся!

Царь Мак. Как так надсмеялся?

Адольфа. Не верую я вашим кумирческим богам
И золотым истуканам.

Царь Мак. Послушай, сын мой любезный!
Добра желаю, на сей трон сажаю,
С себя карону снимаю, на тебя возлагаю.
Поверуй, сын, и поклонись.

Адольфа. Я сказал вам, что не верую.

Царь Мак. Прочь, дерзкий! Стань по левую сторону трона.

(*К Скороходу.*)

Скороход-фельдмаршал! Явись пред тронном
Грозного царя Максимьяна!

Скороход. О великий повелитель! (и т. д.).

Царь Мак. Поди и приведи ко мне палача Брамбеуса,
Который тридцать пять лет сидел в темнице.

Скороход. Пойду и приведу палача Брамбеуса, который
тридцать пять лет сидел в темнице.

(*Те же и палач Брамбеус.*)

Палач Брамбеус. Среди полей необозримых
И лесов неустрашимых,

В чистом небе, в облаках,
В волокнистых стадах,
Из-под неба, из-под звезд,
Вот и я, палач, явился здесь.
Но не подумайте, господа, что я из темницы,
Я из тех мест,
Где лес выше небес.

Я палач, я Брамбеус...
О грозный царь Максимьян!
Власть имеете, повелеваете,
На что палача Брамбеуса призываете,
Или что делать повелеваете?
Или я вам в чем провинился,
Или мой меч притупился?
Или я стал глуп,
Или стал мой острый меч туп?

Царь Мак. Нет, почтенный друг!
Не в чем ты мне не провинился,
И твой острый меч не притупился;
Ты не стал глуп,
И твой острый меч не стал туп.
А зри себе верного, а мне непокорного
Сына Адольфу;
Выведи его на лобное место
И предай его злой смерти;
Сруби ему голову на правую сторону.

Палач Брамб. Вот, почтеннейшие господа,
Тридцать пять лет сидел в темнице
Глав не рубил,
Свой острый меч не тупил.
А теперь придется, царское слово не изменить,
Любезному другу, а царскому сыну
Адольфе голову срубить.

(К царю.) О грозный царь Максимьян! Рука не поднимается.

Царь Мак. Что тебе от меня нужно?

Палач Брамб. Хочу пить, гулять и веселиться,
Золотой казной поразжиться.

Царь Мак. Скороход-фельдмаршал! Явись пред троном
Грозного царя Максимьяна.

Скороход. О великий повелитель! (и т. д.).

Царь Мак. Поди и возвести по всем четырем странам
и пределам,
Чтобы открыли трактиры и погреба
И все питейные дома в честь палача Брамбеуса.
Скороход. Пойду и возведу по всем четырем странам
и пределам,
Чтобы открыли трактиры, погреба
И все питейные дома в честь палача
Брамбеуса.

Палач Брамб. Вот почтеннейшие господа!

Какая палачу Брамбеусу честь.

Где палач идет, там и водочку пьет;

Где побывает, там и выпивает.

Есть вино, пьем его;

Нет вина, пьем воду за свою свободу,

Зато денег ни копейки не платим.

Выпей-ко рюмочку от меня,

Грозный царь Максимиан!

Царь Мак. Что у тебя за праздник?

Палач Брамб. У меня велик праздник:

Жена именинница,

Твоему сыну Адольфе день ангела.

Царь Мак. Ну! Адольфы и поднеси.

Палач Брамб. Я Адольфы поднесу,

Всю брюшину растрясу.

А стаканчиком опохмелю,

Не найдет башки неделю.

Все (*поют*). Прощаюсь, ангел мой, с тобою,

Прощаюсь счастье мое.

Увы! я принужден судьбою,

Под сводом неба жить один.

Палач Брамб. Берегись, воробей!

Летит сокол с высоких гор.

Сабля острая блистает,

Адольфа смерти ожидает.

Адольфа. Подожди, палач, голову рубить,

Позволь к отцу сходить.

Палач Брамб. Или.

Адольфа. Когда я был на воле, друзей было довольно,

Когда попал в несчастье — не стало никого.

Прощай, север, юг; прощай, запад и восток;

Прощай, дари и цариды;

Прощай, красные девицы;

Прощай, народ-любитель,

И священная обитель,

Прощай и ты, отец душегубитель!

Палач Брамб. О любезный друг Адольфа, казни ты меня!

Адольфа. Нет, любезный друг,

К смерти приговорен я,

Казни ты меня.

Палач Брамб. За что любил,

За то и голову срубил.

Царя долг исправляю

И сам в след помираю.

Сабля моя острая, железо ржавое,

Пронзи, пронзи грудь мою

И тело до самого чрева.

(Адольфа и палач падают.)

Царь Мак. Скороход-фельдмаршал, явись пред троном
Грозного царя Максимиана.

Скороход. О великий повелитель! (и т. д.)

Царь Мак. Поди и приведи ко мне стариков гробокопателей.

Скороход. Пойду и приведу стариков гробокопателей.

(Скороход и старики.)

Скороход. Дома ли старики?

Перв. старик. Шо тебе надо?

Скороход. Васька старик, к царю.

Перв. старик. К какому косарю?

Скороход. Да не к косарю, а к царю.

Перв. старик. Скажи, что дома нету. Сегодня праздник.

Мы загуляли.

Скороход. Василий Иванович, к царю за наградой.

Перв. старик. Ага-га, как пришло туго,

Да и Василий Иванович.

А за каким виноградом?

Скороход. Да, не за виноградом, а за наградой!

Перв. старик *(ко второму старику)*. Мокей!

Втор. старик. А что, Патракей?

Перв. старик. Пойдем к царю.

Втор. старик. Зачем?

Перв. старик. За наградой.

Втор. старик. За каким виноградом? Теперь зима, вино-
град не растет.

Перв. старик. Да не за виноградом, а за наградой.

Втор. старик. А я думал за виноградом.

А за наградой, дак пойдем.

Перв. старик. Ну, давай пойдем!

Втор. старик. А скажи мне, за какой наградой?

Перв. старик. Да пойдем, я там скажу.

Втор. старик. Нет! Здесь скажи!

Перв. старик. Да пойдем же, я дорогой скажу.

Втор. старик. Нет, ты здесь скажи, а то я не пойду.

Перв. старик. А помнишь, как в Севастопольскую войну
Мы с тобой отличались?

Втор. старик. Помню, очень хорошо помню.

Перв. старик. Вот, наверное, хочет на сороковку нам с то-
бой дать.

Втор. старик. Ага-га, ну пойдем.

(Старики натываются на труп Адольфы и падают.)

Фу, черт возьми, какие тут такие колоды?

Аника-Воин. Тут не колоды, а тут царские воеводы лежат.

Старики. У вас все царские воеводы. *(Обращаются к царю.)*

Здравствуй, батюшко царь Максимиан!

На что стариков гробокопателей призываете,

Или что делать повелеваете?

И под нашу боготырскую руку

Сопротивник есть?

Царь Мак. Нет, старички, нет сопротивника под вашу руку.

А вот, почтеннейшие старички,

Сослужите мне службу:

Уберите это тело.

Старики. Какое нам дело?

Царь Мак. Да не какое дело,

А уберите это тело,

Чтобы оно сверх земли не тлело;

Дождь не мочил,

И черви не точили.

Старики. Да его и так черти не утащили.

Царь Мак. Я вам буду за это погодные платить.

Перв. старик. Мокей!

Втор. старик. А что, Патракей?

Перв. старик. Что он сказал?

Втор. старик. Он велит убрать это тело,

Да за то будет нам погодные платить.

Перв. старик. По городу водить?! Да ведь мы не чучалы,

Что нас по городу водить!

Втор. старик. Да не по городу водить, а погодные платить.

Перв. старик. Да куда мне с погонами; у меня свои три и новые в ранце лежат.

Втор. старик. А давай спросим, по сколько именно.

Перв. старик. Давай спросим.

Старики (*оба*). А, батюшка, царь Максимьян, по сколько именно?

Царь Мак. А двадцать пять леньков в спину,

Мало того, сто,

И пропадет ваша служба ни за что.

Перв. старик (*второму*). Давай, скажем, что не наше дело.

Втор. старик. Давай скажем.

Старики. Это, батюшка, царь Максимьян, не наше дело.

Царь Мак. Как, старички, не ваше дело?

Перв. старик. Давай скажем, что мы нездоровы.

Втор. старик. Давай скажем.

Старики. Батюшко, царь Максимьян! Мы нездоровы.

Царь Мак. Что же, старинушки, надо вас полечить.

Старики. Да, не худо бы помочить.

Царь Мак. Скороход-фельдмаршал, явись пред троном грозного царя Максимьяна!

Скороход. О великий повелитель! (и т. д.).

Царь Мак. Поди и приведи ко мне главного доктора, лекаря

И при том аптекаря.

Скороход. Пойду и приведу доктора, лекаря

И при том аптекаря.

(*Те же и доктор.*)

Доктор. Здравствуйте, почтеннейшие господа,
Вот и я к вам прибыл сюда.
За кого вы меня признаете?
За русского или за прусского?
Я не есть русский, я не есть прусский,
Я есть главный доктор Фома,
У меня есть лекарство, пластырь и сулема;
Я искусно лечу,
Из мертвых кровь мечу.
Ко мне приводят здравых,
А от меня уводят слабых;
Ко мне приводят на ногах,
А от меня увозят на дровнях.
Я зубы дергаю, глаза ковыряю,
На тот свет отправляю.
Нет ли здесь кого полечить, поправить,
Живого к смерти представить.
О грозный царь Максимьян!
Власть имеете, повелеваете,
На что главного доктора призываете,
Или что делать повелеваете?

Царь Мак. А вот, почтеннейший доктор, вылечи этих стариков.

Доктор (*ударяет перв. старика*).

Старик, старик! Что у тебя болит?

Перв. старик (*падает*). Ой, ой! Что ты дерешься. Кто ты такой?

Доктор. Я доктор, пришел вас лечить.

Втор. старик (*смеется*). Что, попало!

Перв. старик. Какой ты дохлый, так дерешься!

Вон дохлы валяются.

Доктор. Да не дохлой, а доктор пришел вас лечить.

Перв. старик. Да чего нас мочить, мы и так сухие.

Доктор. Да не мочить, а я пришел вас лечить.

Перв. старик. Да что нас лечить, мы и без того здоровы.

Доктор. А, может быть, что и болит,

Так надо полечить.

Перв. старик. Да ты у меня всю память отшиб,

Я не знаю что и болит.

Доктор. Спроси у товарища.

Перв. старик. А хорошо, он скажет?

Доктор. Он скажет.

Перв. старик. А как его зовут?

Доктор. Его зовут Мокей.

Перв. старик. А меня зовут Патракей.

Доктор. Ну, вот, вы точно братья.

Перв. старик. Мокей?

Втор. старик. А что, Патракей?

Перв. старик. А что у меня болит?

Втор. старик. А сороковочку купишь, дак скажу?

Перв. старик. Куплю, только скажи.

Втор. старик. У тебя болит голова.

Перв. старик. Вот, батюшко доктор,
Он мне сказал, что у меня болит голова.

Доктор. Твоя голова, обрить до гола.
Череп снять, мозгов убавить,
А туда полуштоф с вином поставить,
И заживет твоя голова.

Перв. старик. У меня еще болят зубы.

Доктор. Надо зубы дергать.

Перв. старик. Не надо, не надо дергать.

Доктор. Ну, надо заговорить.

Перв. старик. Надо загородить.

Доктор. Говори за мной.

Перв. старик. Города за тобой.

Доктор. Зубы, мои зубы.

Перв. старик. Зубы, твои зубы.

Доктор. Отвались нос и губы.

Перв. старик. Не надо, не надо... А чем табак то буду нюхать?

Доктор. Ну, говори за мной.

Перв. старик. Ну, города за тобой.

Доктор. Зубы, мои зубы.

Перв. старик. Зубы, мои зубы.

Доктор. В зубах черви.

Перв. старик. В зубах черви.

Доктор. Черви сохнут.

Перв. старик. Черви сохнут.

Доктор. А стары черти дохнут.

(Ударлет старика.)

Перв. старик *(падает)*. Нет, видно, его не обманешь.

Доктор. Старик, старик! Что у тебя болит?

Втор. старик *(падает)*. Да, кто ты такой? Чего ты дерешься?

Доктор. Я, доктор, пришел тебя лечить.

Втор. старик. Какой ты дохлой?
Вон дохлы валяются!

Доктор. Да, не дохлой, а доктор.

Втор. старик. А, доктор, а я думал дохлой.

Доктор. Ну вот, то-то, теперь узнал.

Дак скажи, что у тебя болит?

Втор. старик. Да, я не знаю теперь, что и болит,
Ты у меня всю память отшиб.

Доктор. Спроси у товарища: он скажет.

Втор. старик. А хорошо, он скажет?

Доктор. Он скажет, скажет.

Втор. старик. Да я не знаю, как его зовут.

Доктор. Спроси его: он скажет тебе, как его зовут.

Только кричи лучше: он немного глухой.

Втор. старик. Товарищ! тебя как зовут?

Перв. старик (*надаёт от крика*). Чего ты кричишь? Ведь я не глухой.

Втор. старик. А мне доктор сказал, что немного глухой.

Перв. старик. Глухой! у тебя все такие глухие.

Втор. старик. Ну, скажи, как тебя зовут?

Перв. старик. Меня зовут Патракей.

Втор. старик. А, Патракей! Ну хорошо... Батюшко доктор, его зовут Патракей.

Доктор. Ну, вот теперь скажи, что у тебя болит?

Перв. старик. Подожди, я спрошу у Патракея, что у меня болит.

Доктор. Ну, спроси, да скорее.

Втор. старик. Сейчас, сейчас, сейчас! Патракей!

Перв. старик. А что, Мокей!

Втор. старик. Скажи, что у меня болит?

Перв. старик. А сороковочку купишь, дак скажу?

Втор. старик. Куплю, только скажи.

Перв. старик. У тебя болит пуза.

Втор. старик. Батюшко доктор! Патракей говорит, что у меня пуза болит.

Доктор. Твоему пузу дать конфузу,

Навозу в рот,

Ты будешь вечный урод.

Вот и поправится твоя пуза.

Втор. старик. У меня еще болят ноги.

Доктор. Твои ноги, отрубить на пороге,

Осиновы приставить, тонцевать заставить.

Поправятся твои ноги.

Втор. старик. Еще у меня болит бок, девятый год,

И сам не знаю которо место.

Доктор. Здесь что-ли?

Втор. старик. Нет, пониже, пониже.

Доктор. Здесь что-ли?

Втор. старик. Нет, повыше, повыше.

Доктор. Дак здесь что-ли?

Втор. старик. Нет, пониже, пониже.

Доктор (*ударяет его саблей*). Да ты врешь, старый чорт.

Втор. старик. Нет, Патракей, видно его не обманешь.

Перв. старик. Нет, брат, не обманешь.

Пойдем лучше уберем.

Втор. старик. Пойдем уберем.

Оба старика. А мы забыли у дря спросить,

Усоишее тело отпеть или нет?

Пойдем воротимся, спросим.

Перв. старик. А ты что же один-то не спросил?

Втор. старик. А я почему знал?

Ты сам должен спросить,
Ты постарше меня.

Перв. старик. Ну, вместе пойдем спросим.

Оба старика. Батюшко, царь Максимьян,
Позволь нам усопшее тело отпеть?

Царь Мак. Отпойте, отпойте, старинушки,
Только побожественней для праздника.

Старики. Раз в крещенский вечерок девушки гадали,
За ворота башмачек, сняв с ноги, кидали.
В Мардинской роще появились мощи.

Шильце в руках,
И щетинка в зубах,
И при фартучке.

Это был сапожник.

Перв. старик. С праздником, Мокей!

Втор. старик. Спасибо, Патракей!

Перв. старик. Ну, что мы с ним теперь будем делать?

Втор. старик. А надо его сперва обыскать, нет ли чего,
Ведь он был царский сын, богатой.

(Обыскивают.)

Перв. старик. Ты что нашел, старый чорт?

Втор. старик. А тебе какое дело?

Перв. старик. А давай, что найдем, все вместе.

Втор. старик. Ну, давай. А я нашел часы.

Перв. старик. А что его чесать, он не полудивый был.
А ты что нашел, старый чорт?

Втор. старик. Я нашел ордена.

Перв. старик. Какие тут перления, что он завозил что ли
их куда?

Втор. старик. Да не перления, и не горденя, а ордена,
Которые под небесами летали,

Ко мне в карман попали.

А ты что нашел, старый чорт?

Перв. старик. Я нашел латы.

Втор. старик. Какие тут латы, ведь он не медведь был?

Перв. старик. Ну, давай теперь поправим его.

Втор. старик. Ну, давай, поправим. А ты можешь править,
Патракей?

Перв. старик. Нет не могу.

Втор. старик. А ты где прежде служил?

Перв. старик. Я служил на корабле «Тумане».

Втор. старик. А за кого ты там был?

Перв. старик. За камендора.

Втор. старик. А что у вас там было?

Перв. старик. У нас много кое-чего было:

Были у нас орудия дубовые,

Двадцати пяти-дюймовые,

Заряжающие с дула.

Заряжали ядром, а поджигали фитилем,

Как зарядят ядром, да пыж забьют,
И за него перлень привьют;
Да человек пятьдесят и ухватятся за его,
Как выстрелят, так и улетят вместе с пыжом,
А сзади за ядром, это у нас было спаситель-
ное средство.

А ты где, Мокей, служил?

Втор. старик. А я служил на корабле «Сильвестре».

Перв. старик. А большой был у вас «Сильвестр»?

Втор. старик. У нас был «Сильвестр» на семнадцать верст.
У нас и на марсах можно было жить,
На люке был питейный дом, а на гроте там
харчевня;

На кресели там была лавочка артельна.

Мы по брасам и ходили,

Сорока мы наград вино носили.

Тут в харчевнях мы поьем,

А на крьюсель обедать пойдем,

И опять назад пойдем.

Перв. старик. А ты за кого там был?

Втор. старик. Я там был за боцмана.

Перв. старик. Дак ты, значит, можешь хорошо править?

Втор. старик. Могу, очень хорошо могу;

Я, бывало, верно реи правил.

Перв. старик. Ну, давай покойника-то поправлять.

Втор. старик. Давай поправим.

Я буду смотреть.

Перв. старик. Ну, смотри, а я буду править.

Втор. старик. Ну, показывай, куда надо.

Перв. старик. Вправо, вправо,

Влево, влево,

Вправо, вправо,

Немного влево! Ну, теперь довольно!

Ну, теперь хорошо, очень хорошо.

Втор. старик. Теперь надо его смерить.

Перв. старик. Ну, давай смерим.

Втор. старик. Я буду мерить, а ты считай.

Перв. старик. А чем будешь мерить-то ты?

Втор. старик. Да четвертями.

Перв. старик. Какими чертями. Чертями разве мерят?

Втор. старик. Да русским счетом.

Перв. старик. Ну, давай!

Втор. старик. Раз!

Перв. старик. Раз!

Втор. старик. Два!

Перв. старик. Два!

Втор. старик. Три!

Перв. старик. Четыре!

Втор. старик. Пять!

Перв. старик. Он скоро будет живой опять.

Втор. старик. Ты, старый чорт, меня сбил со счету.

(Дерутся.)

(Первый старик уходит.)

Втор. старик. Мокеюшко, батюшко не ходи,
Пособи мне пожалуйста.

Перв. старик. А зачем дерешься, не пособию.

Втор. старик. Я больше не буду драться; пособи.

Перв. старик. Не будешь, дак пособию.

(Второй старик уходит.)

Патракеюшко, батюшко не ходи, подожди!
Я тебе сороковочку куплю.

Втор. старик. А будешь драться?

Перв. старик. Нет, больше не буду.

Втор. старик. Давай, мерь дальше.

Перв. старик. Шесть!

Втор. старик. Шесть!

Перв. старик. Семь!

Втор. старик. Семь!

Перв. старик. Восемь!

Втор. старик. Восемь!

*(Падают оба; один старик попадает пальцем в рот Адольфы.
Адольфа слегка кусает палец старика, skoчил и ушел. Старики
тоже уходят.)*

Дахмара. Отец, отец, душа милая,
Отец, ты пощади меня,
Аль ты не видишь мои слезы,
Оне не первы у меня.
Отец, отец, оставь угрозы.
Дочь Дахмару не брани.
Супруг мой взят сырой землею;
Другому сердце не отдам.

Царь Мак. Плачь, не плачь, дочь моя, слезы горю не
помогут.

(Те же и Гусар.)

Гусар. Здравствуйте, почтеннейшие господа.
Узнали ль вы меня?

Все. Нет, нет.

Гусар. Я гусар присяжный,
Имел с французом бой отважный,
Пули, ядра вокруг меня летали,
Но в меня, храброго гусара, не попадали.
Был убит подо мной конь вороной.
Храню я честь солдата:
Мне не надо ни серебра, ни злата.
А ты мною, царь, доволен?

Царь Мак. Доволен.

Гусар. Я награжден?

Царь Мак. Награжден.

Гусар. Иду я в ту страну, где я рожден.

Кончил, кончил дальний путь;

Дайте мне, гусару, отдохнуть.

Все (поют песню). Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял,
Надолго с милой разлучаясь,
Сказал: «Красавица, не плачь!
Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить.
Клянусь я честью и усами
Навек тебе не изменить».

Гусар (к Дахмара). Здравствуйте, прелестная моя Дахмара,
Позвольте мне вашу правую ручку взять
И к моему сердцу прижать.

Дахмара. Мечтание или очарование?
Не вы ли, любезный мой гусар, стоите предо мною?
Если же вы, то позвольте мне вашу
Правую ручку взять
И к моему сердцу прижать.

Крымский посол. Опять два друга сошлись.
Одному изменила,
Другому сердце отдала.

Гусар. Молчи, лжец!

Крымский посол. Если я лжец, то ты глуп.

Гусар. Если я глуп, то пойдем в чистое поле
Ума разума наберемся.

Крымский посол. Давно готов.

Гусар. Сражаюсь.

Крымский посол. Защищаюсь.
(Сражаются. Гусар падает.)

Царь Мак. Доктор, вылечи гусара
Во что бы то ни стало.

Доктор. Я гусара излечу,
А турок двадцать пять на тот свет откачу.
(Гусар встает и уходит.)

Все (поют).
Как прошли наши денечки,
Я в лужках гуляла там.
Все я пташки и зверечки,
Я пужала по кустам.

Пьеса напечатана с рукописи, которую Н. Е. Ончуков приобрел у С. Я. Коротких, волостного старшины Чекуевского общества на реке Онеге (1905—1907 гг.).

[Н. Е. Ончуков. — Северные народные драмы, СПб., 1911, стр. 1—47.]

Мы даем только часть текста, представляющего собою набор более или менее аналогичных сцен.

ЛОДКА.

Действующие лица.

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и с саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотой бумагой.

Эсаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения из серебряной бумаги. Разбойники, одеты в красивые рубахи, на головах меховые шапки со значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Богатый помещик, пожилой, иногда седой, в туфлях, пиджаке или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки Волги, на косной лодке; последняя сцена — на берегу, в доме Богатого помещика. Ни декораций, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Кукольный театр.

(О ларий. — Описание путешествия по Московии.)

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующее:

Привеб.
Ты дозволь, дозволь, хозяин,
В нову горенку войти!
Ой калина! Ой малина!
Черная смородина! (Дважды.)
В нову горенку войти,
Вдоль по горенке пройти.
Вдоль по горенке пройти,
Слово вымолвити!
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай, вырубим его!

По окончании песни выступает вперед Эсаул и, обращаясь к хозяину, говорит.

• Эсаул. Не угодно ли вам, хозяин, представления посмотреть?
Хозяин обыкновенно отвечает: «Милости просим! Добро пожаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на середину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Эсаул.

СЦЕНА 1-я.

Атаман (*топает ногою и кричит грозно*). Эсаул!

Эсаул (*точно так же топает ногой и кричит в ответ*).

Атаман!

Атаман. Подходи ко мне скорей!
Говори со мной смелей!
Не подходишь скоро,
Не выговоришь смело —
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская
служба ни за что!

Эсаул. Вот я перед тобой,
Как лист перед травой!
Что прикажешь, Атаман?

*Атаман. Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.

Эсаул. Слушаю, Атаман!

Запевает песню, хор подхватывает. Начало каждой строки запекает Эсаул.

Ах, вы горы, мои горы,
Горы Воробьевские!
Ничего-то вы, ах да горы,
Не спордили.
Спордили вы только, горы,
Бел-горюч камень.
Из-под камешка бежит
Быстра реченька... и т. д.

Атаман во время пения песни, в глубокой задумчивости, ходит взад и вперед со скрещенными на груди руками. По окончании песни осматривается, топает ногою и кричит.

Атаман. Эсаул! Подходи ко мне скорей... и т. д.

Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман. Будет нам здесь болтаться,
Поедем вниз по матушке по
Волге разгуляться.
Мигментательно сострой мне
косную лодку!

Эсаул. Готова, Атаман!
Гребцы по местам,
Весла по бортам!
Все в полной исправности.

В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодка), в котором расхаживают Атаман и Эсаул.

Атаман (*обращаясь к Эсаулу*). Молодец! скоро потрафил! (*Обращаясь к гребцам*). Молись, ребята, богу! Отваливай!

Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку, — изображается гребля и плеск весел.

Атаман. Эсаул! Спой любимую мою песню!

Эсаул (*вместе со всеми разбойниками поет*).

Вниз по матушке по Волге...

Атаман (*перебивает песню*). Эсаул! Подходи ко мне скорей...
и т. д.

Эсаул. Что прибавишь, могучий Атаман?

Атаман. Возьми подозрительную трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Смотри во все стороны:

Нет ли где пеньев, кореньев,

мелких мест,

Чтобы нашей лодке на мель

не сесть!

Эсаул берет картонную трубку и осматривается кругом.

Атаман (*кричит*). Зри верней, сказывай скорей!

Эсаул. Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. Сказывай, что видишь?

Эсаул. Вижу на воде колода!

Атаман (*как бы не расслышав*).

Какой там чорт — воевода!

Будь их там сто или двести —

Всех их положим вместе!

Я их знаю и не боюсь,

А если разгорюсь,

Еще ближе к ним подберусь.

Эсаул-молодец!

Возьми мою подозрительную трубку,

Поди на атаманскую рубку,

Посмотри на все четыре стороны,

Нет ли где пеньев, кореньев,

Мелких мест,

Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

Гляди верней,

Сказывай скорей.

Эсаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время издали слышно пение песни.

Среди лесов дремучих

Разбойнички идут...

Атаман (*сердито топает и кричит*).

Кто это в моих заповедных лесах гуляет

И так громко песни распевает?

Взять и привести сюда немедленно!

Эсаул (*выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается*).

Дерзкий пришелец в ваших
Заповедных лесах гуляет
И дерзкие песни распекает,
А взять его нельзя,
Грозится убить из ружья!
Ты не эсаул, а баба,
У тебя кишки слабы!
Сколько хочешь казаков возьми,
А дерзкого пришельца приведи.

Атаман.

Эсаул берет несколько человек и с ними выскакивает из лодки.

СЦЕНА 2-я.

Эсаул с разбойниками возвращается и приводит с собою связанного
Незнакомца.

Атаман (*грозно*). Кто ты есть таков?

Незнакомец. Фельдфебель, Иван Пятаков!

Атаман. Как ты смеешь в моих заповедных
лесах гулять

И дерзкие песни распевать?

Незнакомец. Я знать никого не знаю;

Где хочу, там и гуляю

И дерзкие песни распеваю!

Атаман. Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец. Роду-племени своего я не знаю,

А по воле недавно гуляю...

Нас было двое — брат и я.

Вскормила, вспоила чужая семья.

Житье было не в сладость,

И взяла нас завидость;

Наскучила горькая доля,

Захотелось погулять на воле.

Взяли мы с братом вострый нож

И пустились на промысел опасный;

Взойдет ли месяц среди небес,

Мы из подполья — в темный лес,

Притаимся и сидим,

И на дорогу все глядим:

Кто ни идет по дороге —

Купец богатый,

Или барин брюхатый —

Всех бьем,

Все себе берем!

А не то в полночь глухую

Заложим тройку удалую,

К харчевне подъезжаем,

Все даром пьем и подъедаем...

Но недолго молодцы гуляли,

Нас скоро поймали,
И с братом вместе кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог.
Я там жил; а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,
А все за какого-то старика признавал.
Брат скоро помер, я его зарыл,
А часового убил.
Сам побежал в дремучий лес
Под покров небес;
По чащам и трущобам скитался
И к вам попался.
Ежели хочешь, буду служить вам,
Никому спуску не дам!

Атаман (*обращаясь к Эсаулу*). Запниши его! Это будет у нас первый воин.

Эсаул. Слушаю, могучий Атаман! (*Обращаясь к Незнакомцу*). Как тебя зовут?

Незнакомец. Пиши — Безобразов!

Атаман снова приказывает Эсаулу взять подзорную трубу и посмотреть нет ли какой-нибудь опасности.

Эсаул (*заявляет*). На море чернедь.

Атаман (*как бы не расслышав*).

Что за черти?
Это — в горах черви,
В воде — черти,
В лесу — сучки,
В городах — судейские крючки,
Хотят нас изловить
Да по острогам рассадить.
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь.
Смотри верней,
Сказывай скорей.
А не то велью вкатить разиков сто —
Пропадет вся твоя эсаульская
служба ни за что!

Эсаул (*посмотрев слова в трубку*). Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. А что ты видишь?

Эсаул. Вижу на берегу большое село!

Атаман. Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело.
(*Обращаясь к гребцам*) Приворачивай, ребята!

Все разбойники хором подхватывают и весело поют песню:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережечку... и т. д. до конца.

Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу узнать, кто в этом селе живет.

Кто-нибудь из публики отвечает:

— Богатый помещик!

Атаман посылает Эсаула к Богатому помещику узнать:

Рад ли он нам,
Дорогим гостям?

СЦЕНА 3-я.

Эсаул (выходит из лодки и, подойдя к одному из участников представления, спрашивает). Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик. Богатый помещик.

Эсаул. Тебя-то нам и надо!

Рад ли ты нам,
Дорогим гостям?

Помещик. Рад!

Эсаул. А как рад?

Помещик. Как чертям!

Эсаул (грозно). Как-как? Повтори!

Помещик (дрожащим голосом). Как милым друзьям.

Эсаул. Ну, то-то же!

Эсаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману. Атаман велит разбойникам идти «в гости» к Богатому помещику.

Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни

Эй, усы! вот усы! Атаманские усы!..

Кончивши песню, шайка подходит к Богатому помещику. Атаманом и Помещиком повторяется почти буквально диалог с Эсаулом. В конце концов Атаман спрашивает: «Деньги есть?»

Помещик. Нет.

Атаман. Врешь, есть!

Помещик. Тебе говорю — нет.

Атаман (обращаясь к шайке, кричит). Эй, молодцы, жги, пали Богатого помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

[В. Сиповский. — Историческая хрестоматия по истории русской словесности, т. I, вып. 1, изд. 2, СПб., 1908, стр. 239—242.]

Речь Незнакомца отчасти построена на основе поэмы Пушкина «Братя-разбойники».

О ЗАМУЖЕСТВЕ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

37.

Мине мамка говорила,
Чтоб я замуж не ходила:
Она век замужем жила —
Много горя приняла.

[Бывш. Костромская губ.,
ныне Ярославская обл.]

39.

Ты не черпай, братец, воду,
Я не стану под венец;
Не отдать вам силой замуж:
С головы сшибу венец.

[Бывш. Ярославская губ.,
ныне область.]

41.

Ты не сватай, сват богатый,
Не гоняй свою рыжка:
Не пойду я none замуж, —
Дождать буду дружка.

38.

У меня сердечушко
Услышало невзгодушку:
Недолго в девушках пожить,
До будущего годушку.

[Бывш. Вологодская губ.,
ныне область.]

40.

Неужели тебе, маменька,
Родну дочушку не жаль?
Ты сама мне говорила,
Што замужем печаль.

[Бывш. Псковская губ.,
ныне Ленинградская обл.]

42.

Сидит тятенька на стуле,
И бутылочка с вином, —
Прошивает меня, девушку,
Навеки в чужой дом.

43.

у Скажи милая подружка,
Хороша ли бабья жизнь?
— Расхороша бабья жизнь, —
Хоть живая в гроб ложись.

[№№ 41—43. Бывш. Тверская губ., ныне Калининская обл.]

44.

В руки свечки подавали,
Со цветками голубым:
Мое сердечко замирало,
Повенчают не с любым.

[Бывш. Петербургская губ.,
ныне Ленинградская обл.]

46.

Глупо сделала девченка —
Замуж торопилася;
Увидала бабью жизнь —
Скоро прослезилася.

45.

у Я в девчонках красовалась,
Точно розанчик цвела;
Замуж вышла — позавяла,
Что кошенная трава.

[Бывш. Вологодская губ., ныне
область. Бывш. Псковская губ.,
ныне Ленинградская обл.]

47.

Девки, пой, пока поется:
Выйдешь замуж — не придется,
Не придется песни петь, —
Придется горюшко терпеть.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем невесело:
Я недавно вышла замуж —
Голову спровесила.

[М. № 46—48. Бывш. Тверская губ., ныне Калининская обл.]

49.

Не собирай ка-сь, девка, замуж,
В бабах жизнь нехороша,
От плохого жителя-долюшки
Болят бабья душа.

[Бывш. Псковская губ., ныне
Ленинградская обл.]

50.

Не ходи, подружка, замуж
За немилгого дружка.
Лучше в речке утопиться
Со крутого бережка.

[Бывш. Тверская губ., ныне
Калининская обл.]

51.

Болят, болят головушка...
Умри, моя свекровушка,
Не будет лютые змеи,
Большая буду у семьи.

[Бывш. Новгородская губ.,
ныне Ленинградская обл.]

52.

Под горой четыре дуба,
Там головушка моя;
Лучше деверя четыре,
Чем золовушка одна.

[Бывш. Тверская губ.,
ныне Калининская обл.]

БОГАТСТВО И БЕДНОСТЬ.

53.

Ты напрасно, милый, сваташь,
Все одно родитель не отдаст:
Сиротиночка ты бедный,
Богач тятенька-то наш.

[Бывш. Вологодская, Тверская губ., ныне Вологодская,
Калининская обл.]

54.

Милые родители,
Отдайте за учителя!
Он будет книжечки читать,
А я слушать да лежать!

[Бывш. Вологодская губ.,
ныне область.]

55.

В огороде нету ягод,
Одна травка белый пух;
Говорят — гуляю с бедным...
Богачей не надо двух!

[Бывш. Тверская губ., ныне
Калининская обл.]

56.

Хорошо богатой быть —
Богату больше любят;
Меня, бедну девушку,
Никто не приголубит.

[Бывш. Тверская губ., ныне Калининская обл.]

57.

В людях-то не родненьки:
Хлебаешь шей холодненьких,
Еще до солнышка встаешь,
Да на работушку идешь.

В чужих людях не дома,
 Не у батюшки в дому:
 Сперва хребтинушку натрут,
 Потом позавтракать дадут.

[Бывш. Ярославская губ., ныне область.]

60.

Нам не дороги часы,
 Не дороги калоши,
 Нам не дороги богаты,
 Дороги хороши!

[Бывш. Ярославская губ.,
 ныне область.]

62.

Я работал и потел,
 Без нужды зажить хотел;
 Глядишь, — подать, недорол...
 Нужда в двери так и прет.

[Бывш. Пермская губ.,
 ныне Свердловская обл.]

Деревенские хозяйки
 Стали губки надувать;
 Мы не робкого десятка, —
 Стали к чорту посылать.

61.

Перестал курить и пить,
 Думал, легче будет жить,
 Эдак делал, так пытал,
 Так и эдак голодал.

[Бывш. Ярославская, Пермская губ.,
 ныне Ярославская, Свердловская обл.]

63.

Старшина да стражники,
 Двое сотских-понятых,
 Самоварчик под руки
 И больше никаких.

[Бывш. Псковская губ.,
 ныне Ленинградская обл.]

64.

Ну, и время! Ну, и да!
 Мужику совсем беда:
 Нету хлеба, нет земли,
 А за податям пришли!

[Бывш. Вологодская губ., ныне область.]

СОЛДАТЧИНА.

65.

Выше лесу, выше темнова,
 Фонарики горят;
 У победеньких некрутиков
 Сердечушки болят.

[Бывш. Вологодская губ., ныне область.]

67.

Не ходи мимо казармов,
 Расхорошая моя!
 Служба царская тяжелая,
 И мне не до тебя.

[Бывш. Новгородская губ.,
 ныне Ленинградская обл.]

66.

Как не охота, не охота
 Во солдатушки итти,
 Пригорюнился мальчишка,
 Хожу как в забытти.

68.

Никому я не поверю,
 Что в солдатах хорошо:
 Я служу четыре года —
 Горемычное житье.

[Бывш. Тверская губ.,
 ныне Калининская обл.]

Эх, солдатское житье,
 Не житье — мученье,
 В воскресенье в шесть часов
 Гонят на ученье,
 Хлеба, соли дают мало,
 На работу гонят рано!

[Бывш. Костромская губ., ныне Ярославская обл.]

О ВОЙНЕ 1904—1905 гг.

70.

Миленка взяли и угнали
 Со японцом воевать;
 Через подлою Японию
 Придетца тосковать!

[Бывш. Вологодская губ.,
 ныне область.]

71.

Моего-то ли любимого
 Угнали на войну,
 Праву ручку прострелили
 Любому моему.

[Бывш. Тверская губ., ныне
 Калининская обл.]

72.

Очень, мамонька, обидно
 На японца — сатану:
 Забрили милого в солдаты
 И угнали на войну.

[Бывш. Псковская губ., ныне Ленинградская обл.]

73.

Полно, полно царю белому
 С японцем воевать;
 Отпустите мово милова
 На время погулять!

[Бывш. Тверская губ., ныне Калининская обл.]

74.

Нонче год такой тяжелый,
 Японец вздумал воевать,
 Мне, молодчику семейному,
 Итти — не миновать.

О ЦЕРКВИ.

75.

Как во нашем во селенье
 Безобразие идет:
 Дьякон ризу пропивает,
 Пошук песенки поет.

76.

Уж как Коженский дьячек
 Потерял подрясничек,
 Кабы голос был не бас,
 Он давно бы свиной пас.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.

77.

Дума в Питере сидит,
 Важно заседает:
 Про мужицкие нужды
 Ничего не знает.

78.

Наша дума модница —
 Богачу угодица;
 До бедняги мужика
 Ей нужда не велика.

21.

Придет свататься милаша,
Отдай, милый мой папаша.

23.

Придет свататься постылый,
Откажи, папаша милый.

25.

Первенчали, венцы сняли,
Меня замертво отняли.

[№№ 21—26. Бывш. Тульская губ., ныне область.]

22.

Придет свататься негодный,
Откажи, папаша родный.

24.

На сговор пойду, заплачу:
За какого иду клячу.

26.

Не ходите, девки, замуж,
Я страдатель ваш останусь.

27.

У солдатах жить мученья:
Солдат гонюль на ученья.

[Бывш. Курская губ., ныне область.]

[№№ 1—27. Е. Елеонская. — Сборник великорусских частушек, М. 1914.]

ПЕРЕДЕЛКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПЕСНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ХАРАКТЕРА.

Связь между литературой и фольклором проявлялась, между прочим, в том, что некоторые литературные произведения проникали в народную среду и приобретали фольклорный характер, подвергаясь более или менее значительным изменениям (например, история стихотворения Пушкина «Узник»).

Воздействие литературы на фольклор проявилось также в создании собственно устных произведений по образцу литературных. Таковы, в частности, так называемые «романсы» (песни лирического характера) и «баллады» (песни эпического, повествовательного содержания), образцы которых мы приводим в настоящем разделе.

Песни эти обычно характеризуются сентиментально-романтическим, «жестоким», содержанием и литературными приемами в изложении (рифмовка, литературные образы и обороты речи; этим, между прочим, новые баллады отличаются от старинных баллад, приближающихся к былинам и историческим песням).

Подобные произведения являются продуктом сравнительно позднейшего времени (преимущественно, вероятно, XIX — начала XX в.). Особенное распространение они имели в городской мелкобуржуазной (так называемой «мещанской») среде, но проникали также в среду крестьянства и даже рабочих.

«РОМАНСЫ» И ПЕРЕДЕЛКИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.

1.

Мой аленький цветочик
От солнышка повял,
Мой миленький дружок
Любил, да перестал.
Как сильный в поле ветер
Одно свое твердит,
Не раз я говорила,
Не два, голубчик мой:
Оставь свою досаду,

Побудь хоть час со мной!
Сказал: «Не возвращуся,
Не буду больше твой!»
Кака я уродилась,
Несчастная выросла,
В изменщика влюбилась,
В тирана молодца.
Тиран ты мой, мучитель,
Зачем мучишь меня?

Я мучаюсь, страдаю,
Сама знаю по ком,

Сама про то я знаю,
Не люди — про меня.

Песня записана Е. В. Адриановой в с. Падеринском, бывш. Тобольской губ., ныне Омской обл.

[Записки Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Русского географического общества (по этнографии), т. 1, вып. 1, Красноярск, 1902, стр. 189, № 136.]

2.

Недозрелая калинушка
В поле расцвела,
Мамашенька ругала
За милого дружка,
Сама того не знала,
В ково я влюблена.
Люблю дружка смёртельно,
Люблю я всей душой.
Какой дружок неверный, —
Смеётся надо мной.
Не смейся злой, учёбный,¹
Не смейся надо мной,
Господь тебя накажет
Неправильной судьбой,
Неправильной судьбою —
Неверною женою.
Ни витер в поле свишшет,
Мой милый на войне.

Никто так не страдает,
Как милый обо мне.
Он пулей не боялся,
Всё думал обо мне.
Пришло письмо печально.
Што мой милой убит.
Убит, убит мой милый,
В чистом поле лёжит.
Взвилася бы я пташкой,
Взлетела бы туды,
Все косточки собрала б,
Земле бы придала.
На том на самом месте
Поставлю монастырь,
Я скину это платье,
Надену черноту,
В монашенки пойду.

Песня записана бр. Соколовыми в 1908 г. в дер. Тереховой-Малаховой, бывш. Белозерского у., ныне Вологодской обл., от крестьянки Прины Филипповны. [Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 501, № 679.]

Песня довольно явно представляет собой сочетание двух романсов: 1) «Мамашенька ругала за милого дружка» (нередко встречается в песенниках, с несколько измененным началом: «Мамашенька бранится за милого дружка») и 2) «Не ветер в поле свишшет». Эти два романса в сущности противоречат один другому; однако такое же сочетание имеется и в следующей песне, опубликованной бр. Соколовыми (№ 680, песня записана в той же деревне). Два первых стиха — один из обычных зачинов довольно разнообразных песен.

Для сопоставления со второй частью песни ср., например, следующую песню из сборника Н. Прокунина «65 русских народных песен для одного голоса» (1881), № 9 (бывш. Тамбовской губ., Моршанского у., ныне Тамбовской обл.):

Я б желала себя вольной птичкой:
Я б могла везде летать,
Я бы все про все спознала...
Где Бутырский полк стоит,

Там мой миленький убит лежит,
Шелковой тафтой накрыт.
Открывала я шелковую тафту,
Стала в лицо признавать (два раза).

¹ Вариант: мучитель.

В лицо признавать, в уста целовать,	Ты прости, мой друг любезный,
Целовала — миловала,	Ты прости, мой друг милой!
Во дубовый гроб его я клала (два раза),	И надену черну рясу,
Сырой земле предавала;	В монастырь я жить пойду!
Сырой земле предала,	Одна в келейке запруса, —
Поклон низкий воздала:	Об милом я помолюся!

[Перепечатано в издании А. Соболевского — «Великорусские народные песни» (т. V, СПб., 1899, стр. 557—558, № 715).]

3.

Орелик, орелик, орел молодой
 Летит по воле, добычу искал,
 Найдемши добычу, сам в клетку попал.
 Сидит за решеткой орел молодой,
 Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет и бросает, сам смотрит в окно,
 Сам смотрит в окошко — товарища ждет.
 «Товарищ мой верный, давай улетим,
 Улетим далеко в чужие края,
 Где солнце не светит, луна никогда,
 Там ходит-гуляет зазноба моя,
 Зазноба, зазноба не маленькая,
 Зазнобила сердце твое и мое».
 — Стелю я постелю, стелю пухову,
 Кладу к изголовью, кладу высоко,
 Посулился милой вечерней порой,
 Приходит мой милой к Сашеньке в окно:
 «Отворь, моя Саша, отворь ворота,
 Пришел к тебе, Саша, Ваня-сирота»...

Песня записана в 1927 г. З. Н. Куприяновой в дер. Погромне, Московской обл.

[З. Н. Куприянова. — Песни деревни Погромны. «Язык и литература», т. VIII, Л. 1932, стр. 35—36.]

Она является, несомненно, переделкой стихотворения Пушкина «Узник». Для сравнения приводим подлинный текст:

Сижу за решеткой в темнице сырой.
 Вскормленный в неволе орел молодой,
 Мой грустный товарищ, махая крылом,
 Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет и бросает, и смотрит в окно,
 Как будто со мною задумал одно.
 Зовет меня взглядом и криком своим
 И вымолвить хочет: «Давай улетим!
 Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
 Туда, где за тучей белеет гора,
 Туда, где синеют морские края,
 Туда, где гуляет лишь ветер... да я!»

Нередко стихотворение Пушкина поется в этом именно виде, но отмечен также ряд переделок, подобных приведенной выше.

Приводим еще сибирский вариант.

Сидел за решеткой
Орел молодой.
Клевальную пищу
Клюет под окном;
Клюет и бросает,
Сам смотрит в окно.
И один мой товарищ
Задумал одно.
«Куда ж мы, товарищ,
С тобой полетим?»
«Полетим, товарищ,
На сини моря.
На синим на море
Бушует волна,
За этой волной
Белеет тюрьма.
Во этой тюремке
Несчастный сидел.
Несчастный сидит,
Сам в окошко глядит.
В окошко глядит —
Палача к себе ждет.
Идет палач в тюрьму
И кнут на руке.

Зашел палач в тюрьму —
Разбойника нет.
Защипкал, затопал —
Разбойник пришел.
— Судите-рядите.
Начальство, меня,
Бейте плетями
Спину вы мою, —
Знать я, мальчишка,
Достоин тому.
Смотрите, ребята,
В подзорну трубу —
Иду на смерть я.
Жгите, палите
Костры из огня,
Точите, вострите
Ножи и копыя.
Секите, рубите
Главу вы мою,
Бросайте в огонь
Вы мясо мое —
Пушай горит мясо
Пылат из огня...

Записано в бывш. Томской губ.

[«Записки Красноярского подотдела Восточносибирского отдела Русского географического общества», т. I, вып. 1, Красноярск, 1902, стр. 154, № 41.]

„БАЛЛАДЫ“ НОВОГО ТИПА.

1.

МАЛЬВИНА.

Тихо стонет сине море,
Тихо зыблется луна,
По долине, по дубраве,
По дорожке столбовой
Рыцарь бенный все спешит
Ко Мальвине молодой.
Тут Мальвину снаряжают
Мёртву бенную к венцу.
Она плачет, слезы льются,
Што со слёз рудья шумят.
— Вы, подружки, не спешите,
Дайте сердцу погрустить,
Вы ядино мне скажите:
Как мне милово забыть?
Мне забыть ево не можно,
Отдалась ему душой.
Праву руденьку давала,
Мне велел родитель мой. —
Долго ехал гось нежданный:

— Поздно рыцарь молодой! —
Для злодея всё не позно!
Рыцарь саблю обнажил,
Обнаживши саблю остро,
Да словечушка сказал.
Сабля вострая взвиласе,
Тут Мальвина померла.
Померла наша Мальвина,
С ней скондилася любовь.
Полотном тело прикрыли
И послали за попом;
Поп-то с певдием приехал
Мёртво тело отпевать.
Громко певдие запели,
На кладбище понесли,
Приносили на кладбище,
Востонула вся земля,
Вся селённая сказала:
— От любви померла. —

Тело в гробе говорило:
— Подойди, милой, сюда,
Подойди, милой, поближе,
Стань ко гробу моему,

Помолися, милой, богу,
Телу душу возврати.—
— Помолиться богу можно,
А воротить душа нельзя.—

Песня записана бр. Соколовыми в 1908 г. в дер. Тереховой-Малаховой, бывш. Белозерского у., ныне Вологодской обл., от крестьянки Т. А. Шарашовой.

[Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 503, № 685.] Песня эта часто встречается в песенниках 1911—1912 гг., но с именем Маруси, а не Мальвины.

2.

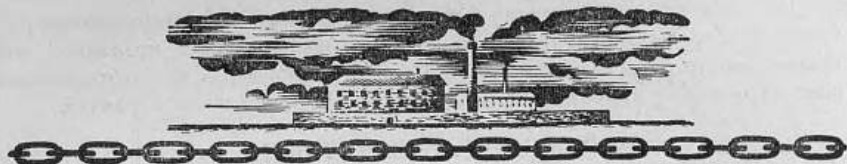
Как во нашей во деревне,
Во веселой слободе
Жил мальчишка лет в семнадцать
Неженатой, холостой;
Как любил-то свою девку
Обещался замуж взять.
Его люди научали:
«Ты спросись-ко у отца». —
— «Позволь, батюшка, жениться,
Позволь взять, кого люблю». —
Отец сыну не поверил,
Что любовь на свете есть:
«Есть на свете люди равны,
Надо всех равно любить».

Отвернулся сын, заплакал, —
Прямо к Саше в теремок,
Под окошком постучался:
«Выйди, Саша, на часок!
Дай мне руку, дай мне праву,
С руки перстень золотой;
Не отдашь с руки перстенька
Не увидимся с тобой». —
Пошел, вышел на крылечко,
Востру саблю обнажил;
Обнаживши востру саблю,
Себе голову срубил:
«Покатись, моя головка,
По шелковой по траве!»

Тогда отец сыну поверил,
Что любовь на свете есть.

[Истомин и Дютш. — Песни русского народа, стр. 182, № 21.]

РАБОЧИЙ ФОЛЬКЛОР.

С возникновением рабочего класса, естественно, должен был возникнуть и рабочий фольклор.

В среде рабочего класса жили, конечно, многочисленные произведения, возникшие еще в прежние времена в крестьянской среде (песни и рассказы различного рода), и потому весь устный репертуар рабочих не может считаться собственно рабочим фольклором ни по происхождению, ни по характеру.

С течением времени возникли такие произведения, в которых находили уже прямое отражение условия жизни рабочих. Однако и эти произведения не являются однородными. Песни о фабрике и о рабочих могли возникать и в крестьянской среде или в среде рабочих, еще не порвавших связи с крестьянством; такие песни отражали крестьянские взгляды на фабричную работу и на положение рабочих (таковы некоторые из ранних текстов песен о фабриках и о рабочих). Сами рабочие на ранних стадиях существования рабочего класса не были достаточно сознательными, и потому более ранние произведения еще не заключают в себе выражения подлинной идеологии рабочего класса.

Однако уже и в некоторых ранних записях рабочего творчества (например, в песне «О, се горные работы») эта идеология проявляется. В дальнейшем же растет самосознание рабочего класса, растет роль и значение передовых его групп, а затем и пролетарской партии, и примерно, с 80—90-х годов XIX в. рабочий фольклор приобретает свой истинный, подлинно пролетарский характер.

Рабочий фольклор разнообразен в жанровом отношении: мы встречаем здесь и частушки и песни более сложного характера, и пословицы, и предания, рассказы и сказки. В условиях городской жизни, в условиях большей культурности и грамотности, чем в деревне, дореволюционный рабочий фольклор оказывается более тесно связанным с книжной традицией: многие рабочие песни или непосредственно опираются на книжные источники, или созданы по образцу литературных. Заслуживает внимания и тот факт, что в рабочей среде нередко ходили собственно не песни, а стихотворения, предназначенные для декламации, а не для пения; в старом фольклоре мы подобного явления не знаем.

Вместе с тем произведения рабочего фольклора характеризуются особенно четкой реалистичностью, правдивым изображением подлинной действительности. Даже фантастический сюжет (например, в приводимых нами сказках о чорте) приобретает по существу реалистический характер.

ЗАВОДСКИЕ ЧАСТУШКИ.

1.

Распроклятый наш завод,
Перепортил весь народ:
Кому палец, кому два,
Кому по локоть рука.

3.

Грудь расшиб себе два раза
У мартеновских печей.
Я ослеп на оба глаза —
Хоть бы голову с плечей!

5.

Тяжело, братцы-ребята,
Тяжело на свете жить.
Зато можно, ведь, ребята,
В вине горе утопить... Эх-ма!
В утешение нам дано
Монопольное вино.

7.

Посмотрю на своего сына,
Сердце оборвется, —
Та же горькая судьбина
Ему достается.

Частушки №№ 1—8 записаны Г. Белорезским на Уральских заводах.
[«Русское богатство», 1902, № 12.]

9.

Мастер Цуба нас терзает,
В кабинет свой призывает,
На ключ двери запирает
И в любовниц превращает.

Записана П. Г. Ширяевой в 1932 г. на Карточной фабрике в Ленинграде по воспоминаниям рабочих.

Источником этой частушки является стихотворение «К работница Карточной фабрики» [«Рабочая мысль», 1901, № 11].

10.

Ой, подружка, ты, подружка,
Милая Наталия,
Ой, мне некого любить,
Кроме пролетария.

Частушки №№ 10—11 записаны в 1935 г. на шахтах и рудниках Донбасса [см. «Пролетарские поэты», т. II, стр. XXIX].

2.

Управитель наш подлец,
Всех замучил нас вконец:
В будни тяжело работаем,
В праздник отдыха не знаем.

4.

Эй ты, маменька родима,
Ты зачем меня родила?
Все работа, да работа
До тяжелого до пота.
Она сушит молодца,
Эх, до самого конца.

6.

Заперты мы на заводе
Тяжелой неволей:
Много долгу на народе,
Всяк себе не волен.

8.

Никуда нам нет пути,
Ни уехать, ни уйти.
Управитель это знает —
Нами лихо помыкает.

11.

Шла я с фабрики одна,
Прокламадию нашла,
Не пилося, не елося,
Прочитать хотелось.

Зачем пойду в солдаты,
 Зачем пойду служить
 Не матери, не отцу,
 А Николаю-подлецу?

[Напечатано в сборнике «Пролетарские поэты», т. I, стр. XXVI.]

ПЕСНИ РАБОЧИХ.

1.

Близко, близко городочка,
 Близ зеленого садочка,
 Близ зеленого сада,
 Близ города Ярославля,
 Не далече от реки,
 Початой слободы,
 На прекрасе-красоте,
 На высокой на горе
 Стоял фабричек большой.
 Во том фабричке ребята —
 Удалые молодцы,
 Удалые, молодые,
 Не женаты, холостые.
 Собиралися ребята
 С того фабрика гулять
 На прекрасу-красоту,
 На высокую гору;
 Садилися по краю,
 Близ зеленого сада,
 Близ зеленого сада,
 Близ города Ярославля;
 Садилися, песни пели,
 Соловьям свистать велели:
 «Соловьяшки, свищи!
 Разгуляться к вам пришли!»
 Соловьяшки свистали,
 Молодцев всех утешали.
 Как у нас было, ребята,

В Ярославле городе,
 В Ярославле городе,
 Во Толчковой слободе,
 У солдатки у вдовы,
 У солдатки у вдовы
 Были девки хороши,
 Был Васильюшка сынок,
 Ковры ткать мастеров;
 Ковры точет-вытыкает
 И наборы набирает;
 Он горазд письма писать,
 Горазд грамотки читать;
 При компанье пребывает,
 Сам во скрипочку играет.
 Заиграли на скрипиде
 Для души красной девиды,
 Для школьня, манерня,
 Для Пашеньки вдовиной.
 Говорила Паше мать,
 Уговаривал и брат:
 «Полю, Пашенька,
 уймись,
 С молодцами не водись!
 Доведут тебя ребята
 До слаушки до худой!»
 — «Хоть худой славы
 добиться,
 А со всеми поводитесь!»

Песня напечатана еще в конце XVIII в. в издании «Новый российский песенник» (ч. III, СПб., 1791, стр. 33); перепечатано у Соболевского (т. VI, стр. 456—458, № 533). Она производит впечатление сложенной из двух различных песен; но подобное соединение имеем также в записи П. В. Киреевского из с. Воронков, бывш. Звенигородского у., Московской губ., ныне области (запись эта относится к 30-м годам XIX в.: «Песни, собранные П. Киреевским. Новая серия», вып. II, ч. 1, № 1584).

Шестьдесят рублей в оброк.
 Я с хозяином расчелся,
 Ничего мне не пришлось.
 Из конторы воп пошел,
 Кулаком слезы утер.
 Как утерши горьки слезы,
 Отправлялся в дальний путь.
 Всю дороженьку проехал,
 Об расчете тосковал:

Куды денежки девал?
 Куды гривна, кудя рубль,
 Куды два с полтиною.
 А приехал я домой,
 Весь оборванный, худой,
 Словно жулик площадной...
 «Поживи-ка ты в деревне,
 Похлебай-ка серых шей,
 Поноси худых лаптей!»

Песня эта записана Е. Ф. Будде в бывш. Касимовском у.,
 Рязанской губ., ныне области.

[Е. Будде. — К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, Варшава, 1892, № 21: перепечатка у Соболевского (т. VI, стр. 453—454, № 350).]

4.

Славу богу, наш хозяин:
 Поправляются дела;
 Из кулька он во рогожку
 С дымом вылетит в трубу!
 Он за это полетит:
 По утру рано будит.
 Он нас чаем не поит,
 Плюхо ши про нас варит:
 Ни капусты, ни крупы, —
 Одной тепленькой воды!
 Мы водицы похлебали,
 Говядины ни куска!
 Все празднички работали, —
 У хозяина денег нет.

Будем денег мы просить, —
 Он глаза все перекосит.
 Ну так чорт с тобой, хозяин,
 Со работой со твоей,
 Со работой со твоей,
 Со прикащиком дурным,
 Со прикащиком дурным,
 С подмастерьем дорогим.
 Что за хваты, за ребята
 У... (называется фамилия
 хозяина) живут:
 Носят ситцевы рубашки
 Об семидесят заплата,
 На них синие халаты
 Подпоясаны ремнем...

[Бывш. Казанской губ., ныне АТССР. Соболевский, VI,
 стр. 467, № 562.]

5.

Лето красное проходит,
 Зима морозна настает;
 Зима морозна настает,
 У фабричных сердце мрет.
 С полуночи встает,
 На работу поспеет.
 На машине задремал,
 Праву ручку оторвал;
 Праву ручку оторвал,
 К отцу-матери послал.
 Отец с матерью идут,

Слезы в три ручья текут.
 А в народе говорят,
 Фабриканта все бранят...
 Ах, постылый ты завод,
 Перепортил весь народ,
 Перепортил, перегадил:
 Никто замуж не берет —
 И ни барин, ни купец,
 Ни фабричный молодец!
 Тот лишь замуж их возьмет,
 Кто свиной в лесу пасет!

[Бывш. Московской губ., ныне области. Соболевский, VI,
 стр. 468, № 563.] После каждых двух стихов припев: «Ай ли,
 катый ли, покатывай, катый», с повторением второго стиха.

6.

Что шахтерска жизнь проклята,	Уж шахтер до света пьян!
Кто не ведает про то?	В кабачок бежит детина, —
В божью церковь он не ходит.	Словно маковка цветет;
Он не знает про нее.	С кабака ползет детина —
День и ночь он работает,	Как лукошечка гола!
Ровно в каторге всегда!	Ой гола-гола-гола!
Придет праздник-воскресенье,	В чем мамаша родила.

Песня записана Г. И. Успенским
[«Новые народные песни». «Русские ведомости», 1889, № 110].

7.

О, се горные работы!	Бита мушиха кнутом.
Скажем, горные работы,	Ой вы, бедны бедняки,
Оне всем дают заботы!	Пятой части парняки.
Офицером быть нескучно,	Все вы знаете заботы,
При сем жить им неразлучно.	Как ударят на работы.
А наш пристав, офицеры-господа	На работы бьют, треложат,
Все исправности несли —	Мы противны быть не
Постояли да ушли.	можем.
Ой вы, бедны бедняки	Вот и слушаем опять,
Первой части бергамы, ¹	Как ударят часов пять,
Все вы знаете заботу,	В решеточки загремят,
Как ударят на работу.	Наше сердце уныват.
На работу бьют, треложат,	Инструмент нам принимать:
Мы противны быть не можем.	Молотки и гребки,
Ой ты, свет наша умыльна	Рудобойны молотки.
Змеевская плавильна!	По фонталам воду пустят,
Тонко, громко в доску бьет,	Наше сердце прионустят,
К себе в гости зовет.	Мы примамся работать,
Подле шурик, подле бок,	Золоту руду катать,
Есть корыто и гребок,	Как подрядчики на нас
Протыкальник, молоток;	Не косили б своих глаз,
Настилаем в шахту смесь	Не грозили бы рукой,
О четыреста пуд вес;	Не стращали бы лозой.
Как четыреста пуд вес —	Ой вы, братцы молодцы,
В одну смену все сожечь.	Пятой части молодцы.
Мастер ходит, подтверждает,	Приогрянем в молотки,
Чтобы шлак был не богат...	Разобьем руду в куски,
Постарайся, друг и брат,	Обер-штейгер старичок,
Чтобы Правдин ² был богат.	Чтобы не дал нам толчок.
Есть Шершневичка весела,	Как кончаем урок свой,
Речка валом обнесена,	Так отпустят нас домой,
С переулка третий дом,	А домой когда пойдем, —

¹ Бергама — бергамт, горная военная канцелярия.

² Правдин — уставщик.

Громко песни запоем,
Мимо Медера пойдем,
Мимо Кенига пойдем,

На базарочек зайдем,
Калачей на грош возьмем
И позавтракаем.

Записано Е. Парамоновым в Барнауле от бывшего
змеиногорского мастерового.
[«Томские губернские ведомости», 1865, № 17—18.]

Приводим другой сибирский вариант:

Наши горные работы
Всем чертям дают заботы:
Всяк стараться очень рад,
Чтоб подрудок был богат.
А забота наша в том,
Чтоб разделаться с урком,
Чтоб нарядчики на нас
Не косили б своих глаз;
Своих глаз бы не косили,
У нас денег не просили,
Не грозили бы рукой,
Не махали бы лозой,
Чтоб не выдрали пять раз,
Пока выробишь наказ...
Не успеешь, значит, лечь,
Как валится кожа с плеч,
Да отгудова валится,
О чем петь нам не годится.

В. И. Семеновский — Из истории обязательного горного
труда в Сибири, Иркутск, 1897.]

8.

Мужики вы, мужики,
Одним словом — дураки!
Вы во шахтах не бывали —
Нужды с горем не видали.
Вы во шахтах не бывали,
Нужды с горем не видали,
Вы пойдите в шахты с нами
Распознаете про все.
Вы пойдите в шахты с нами,
Распознаете про все,
Распознаете про все —
Про шахтерское житье.
Шахтер пашенку не пашет,
Косы в руки не берет,
Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.
Косы в руки не берет,
В казну денег не кладет.
Шахтер-холод, шахтер-голод,
Нет ни хлеба, ни воды.

Шахтер-холод, шахтер-голод,
Нет ни хлеба, ни воды;
Нет ни хлеба, ни воды,
Нет у воли никуды.

Записана в Свердловске, Октябрьский поселок, у Башурова
Ефима Ивановича, 67 лет. Он слышал песню в 1909—1910 гг. в
Кизеле.

[В. П. Бирюков. — Дореволюционный фольклор на Урале,
Свердловск, 1936, стр. 281, № 16.] Ср. выше антикрепостниче-
скую песню «Уж мы сядем, посадем».

9.

Белорецкий завод славный
На реке Белой стоит.
Управитель у нас главный
Одним глазом вверх глядит.
Затряслась земля сырая,
В гору реки потекли:

Стопудовую мадаму
Черти с лошади снесли.
Инженеру Покотило
Паром рыло обварило.
Жалко нам, братцы-ребята,
Что всего не окатило!

Песня записана Г. Белорецким в бывш. Пермской губ., ныне
Свердловской обл.

[Г. Белорецкий. — Заводская поэзия. «Русское бо-
гатство», 1902, № 12.]

10.

Кто на Охте не жывал,
Тот гора не знает,
А мы жили-поживали,
Все горе узнали.
Ай фабричные девчонки,
Почему все бледны?
— Потому мы худы, бледны,
Что живем мы бедно,
Поутру рано встаем,

Поздно спать ложимся...
У нас машинушки худые,
Шпинделя кривые;
Подмастерья молодые,
Ни черта не знают,
Только знают-понимают,
К мастеру подводят,
Мастера-то англичане,
Все штрафы становятся...

Записано А. М. Астаховой и З. В. Эвальд на фабрике «1 мая»
(бывш. акционерного общества бумагопрядильной мануфактуры
Бек, Джемс и К^о) в Ленинграде; по словам работниц, эта
песня исполнялась в начале 900-х годов также на фабрике
Штиглица (теперь им. Степана Халтурина).

11.

Жизнь наша нелегкая,
Трудно стало жить,
Семью свою родную
Приходится забыть.
Из деревни пишут:
Как ты там живешь?

Получки получаешь,
Домой денег не шлешь?
Получки получаю
В месяц рублей пять,
Иду и рассуждаю,
Куда мне их девать?

Записано А. М. Астаховой и З. В. Эвальд на фабрике «1 мая»
в Ленинграде; эта песня была очень популярна на фабрике
перед революцией.

ПЕСНЯ О СЛАВНОЙ ФАБРИКЕ ЧЕШЕРА.

Как на фабрике у Чешера
 Шла работа преуспешная.
 Господин хороший Чешер
 Всегда рабочих тешил
 И покончил дело так,
 Что прибавил в день пятак.
 Много он не говорит,
 Прямо пишет алфавит.
 А потом сказал: «Ей богу,
 Отниму все понемногу».
 В свою пользу всем один
 Заправляет он сатин.
 Чтоб пополнить все убытки,
 В ход пустил гнилые нитки.
 Одной глиной он шпихтует,
 А сифоны так и дуют.
 Хоть болеет весь народ,
 Зато Чешеру доход!
 А как ноги заболят,
 То расчет тебе сулят.
 Чтоб тепло не уходило,
 Вентиляторов не было.
 Из рабочих тянет пот
 Все Семенов идиот;

Прямо скажет кочегару,
 Чтоб нагнал побольше пару,
 Сам в контору прямо спать,
 Ничего не хочет знать.
 Он и раньше только знал,
 Шлихтовальню подметал.
 А за гнусное внушенье
 Получил он повышенье.
 Теперь видно по всему,
 Все доверено ему:
 В ткацкой, тоже трикотаж
 И четвертый весь этаж.
 А чтоб не было близён
 На то есть слепой Семен:
 Не пропустит и подкладки,
 Разбирает все до складки,
 А за близны и за грязь
 Он имел с Володей связь.
 А Володя не умен —
 Верит, что сказал Семен.
 Лишь крамольника узнают,
 Прямо тут же рассчитают,
 А будь «русский человек»,¹
 Не прогонят во весь век.

Песня напечатана в «Вестнике рабочих и рабочих волокнистых производств» (1907, № 1, 7 февраля, стр. 16); она была распространена среди рабочих-текстильщиков. Изображаются в песне подлинные факты и реальные лица.

ПЕСНЯ ФАБРИЧНЫХ.

У нас на Волге-то направо
 В Твери, городе большом,
 Где течет в тьмаку отрава,
 Там стоит огромный дом.
 Нет там лестницы парадной,
 В залах люстры не горят,
 Вместо музыки отрадной
 Целый день станки гремят.
 Там ведь все народ рабочий
 Век при бедности живет,
 От утра до темной ночи
 За работой спину гнет.

¹ Член черносотенного «Союза русского народа».

Люди все тому не рады,
Силен голод-лиходеи,
Он-то губит нашу долю,
Мать-отца велит забыть,
Заставляет унижаться,
Крепостное это несть,
Но куда же нам деваться,
Когда дети просят есть?
 Не погубишь детской доли,
 Не пошлешь с сумой ходить.
 Лучше сам пойдешь в неволю
 К фабриканту даром жить.
Наши девы чернобровы
За станками слезы льют,
Им хорошие основы
Мастера зато дают.
 И вот эти-то злодеи
 Без вины всегда бранят.
 А хозяева-тираны
 Крепостными быть велят.

[Напечатано в «Вестнике работниц и рабочих волокнистых производств», 1907, № 6, 7 июля, стр. 16.]

14.

СЕСТРОРЕЦКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД.

Рассказать, что ли, от скуки,
Терпим мы какие муки,
 Издательства.
Душно в нашей мастерской.
Собрались мы все гурьбой,
 Погуторили.
Да недолго говорили,
Дружно требовать решили
 Вентиляцию.
Мигом старосту послали.
Результат такой узнали:
 Запретить курить!
А начальник мастерской —
Изворотливый такой,
 Удивительно.
Взял бумажку, начертил —
Вентилятор в ход пустил,
 Закружился тот.
За куренье ж табаку
Штраф нам по четвертаку
 С перво-случаю,
На второй случай полтина...

Вот так разлюли-малина —
Вентиляция!
Только воздух не качает,
А карманы очищает
Ощутительно.

[Напечатано в журнале «Металлист», 1913, № 2,
4 февраля; подпись «Ночной».]

15.

НА ОБВОДНОМ-ТО КАНАЛЕ.

На Обводном-то канале
Дело вышло — загуляли
Все рабочие.
Там галоши работали,
Животы все надрывали
От усталости!
Были случаи — хворали,
Под машины попадали,
Все случалось!
Но вот хозяевам-купцам,
Благотетелям-отцам,
Показалось,
Что мало прибыли несет
Их резиновый завод
И галошницы.
А на самом-то ведь деле
Фабриканты захотели
Больше прибыли.
Живо дело закипело,
Заварилося и поспело
Чуть не в полчаса!
Яду с мазью наварили,
Чаны полные налили,
Благо дешево!
Все галошницы пришли,
Чаны полные нашли —
Заработали!
Но работать не удалось:
Дело с мазью оборвалось
У хозяйчиков.
Все галошницы от мази
«Заплясали», точно «князи»,
Увлекательно!
Полетели вверх ногами,
Да и об пол головами,
Точно пьяные!
И тащили без стеснения

И без всякого сумленья
Всех на улицу.
И рядом на снег поклали,
А потом и поливали
Всех водичкою.
А когда сочли всех вместе,
Набросалось штук их
двести —
Ведь не много же!
Финансисты осердились,
Что надежды их не сбылись,
Дело лопнуло.
На второй день приказали,
На работу всех погнали:
Приходите, мол.
Люди снова вверх ногами,
Да об пол головами —
Все попрежнему!
И на третий день пришли,
Чаны с ядом вновь нашли,
Как и следует.
Снова падали, как мухи,
Вроде будто как от скуки,
Удивительно!
Но теперь на снег не клали,
А в больницу посылали —
Полечитесь, мол.
И в листочках, что лавали,
Писаря всем написали:
«Головокружение».
А все коль жертвы сосчитать,
Наберется сотен пять, —
Это за три дня!
Взбунтовался тут рабочий,
Ведь и я имею очи,
Коль вам кажется?
И мой-то видят очи,

Что тут дело вроде ночи —
Темноватое.
А начальство приходило,
Все крамольников давило,
Забастовщиков.
Слухи разные пускали,
Будто яду подмешали
Агитаторы!
А один дурак большой
Слух пустил везде такой —
Поразительный:
Это ваши депутаты
Социалы-демократы
Отравили вас.
Вы ягнята раньше были —
Бастовать-то не ходили,
Ну, и учат вас!
А когда толпа собралась —
Положенье обсуждалось

О галошницах, —
Налетели фараоны, —
Понеслись такие стоны
Тут со всех сторон...
Было дело на Обводном.
Да писать о нем подробно,
Ну, опасново.
Заберут еще за это,
Да на крайний полюс света
Навек выгонят,
А ведь сам-то я больной,
И путь северный такой
Мне не выдержать.
Эх, было дело, было, братцы,
Записать бы это в святцы
Надо было бы,
Да ведь видите, друзья,
Говорить о всем нельзя:
Запрещается!

[Напечатано в газете «Путь правды», 1914, № 41, 20 марта;
подпись «Николай Иванов».]

СКАЗКИ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ.

КУЗНЕЦ И ЧОРТ.

Как начнет кузнец робить в кричне, наломает себе бока за четырнадцать часов, постоит у огня да вымажется весь в черную сажу, прямо на чорта похож станет.

Ну, а потом куда кузнецу деваться, куда пойдешь, кроме как в кабак. А кто не пил? — тогда каждый пил.

Придет кузнец в кабак, напьется в долг пьяным да начнет буйнить. Тут его кабатчик за шиворот да на улицу:

— Иди, грязный чорт! — а сам лишнюю полтину в книжку записет.

Кузнец пойдет домой. Наболеет у него на сердце, и почем зря кроет приказчиков, хозяина, кабак, всех чертей, ну, одним словом, всех, кто тянет кровь из жил.

Много «побасок» про эту жизнь сложено. Говорить-то их нельзя было — неровен час, услышит гад какой и до приказчика доведет. Вот тут-то и разбирайся.

Одну как будто припоминаю, может, только слово какое забыл.

Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака: «Иди, чертыка, страхотный».

Пошел кузнец по улице, идет и думает себе: «Хоть я не чорт, а со всем удовольствием согласен быть чортом и в аду жить. А вот пусть чорт на моем месте поживет, узнает, как мы-то живем».

А чорт — известно чорт. О нем скажешь, а он тут как тут. Услыхал, как кузнец чертыхается, думает: «Постой, друг, ты, видеть, не знаешь моего житья, вот я поведу тебя в ад, будешь помнить».

Подходит чорт к кузнецу и говорит:

— Здорово, кузнец, я тебя давно хотел видеть.

— А ты кто такой? — спрашивает кузнец.

Чорт покрутил хвостиком, подмигнул глазком и говорит:

— Не узнаешь, что ли? Ты ж со мной меняться хотел. Вот я сам чорт и есть.

Кузнецу что — чорт так чорт. Не любил кузнец словами долго распускаться и говорит:

— Давай меняться: я к тебе пойду — в ад то есть, а ты ко мне — в кричню. У тебя лучше.

Чорт говорит:

— Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так говоришь.

Одно слово, чорт свое и кузнец свое.

Тут чорт за попереченство осерчал на кузнеца и поволол его в ад: показать мучеников да грешников, которые в котлах смоляных варятся.

Пришли в ад, чорт повел кузнеца по геене огненной, показывает ему все, а сам думает, что кузнец устрашится и назад вернется, а кузнец идет, ему хоть бы что, как дома себя чувствует. «Кому — ад, мне — рай», — говорит. Ходили, ходили, чорт и спрашивает кузнеца:

— Ну как... страшно? Видишь грешников, как они живут — в котлах смоляных кипят?

Тут кузнец осерчал, да и говорит чорту:

— Иди ты к своей матери — к чортовой, значит, — не морочь мне голову. Пойдем, я тебе покажу ад! Дело верное, а то время тратим, а толку нет.

Поташил чорта кузнец к кричне. Вот приходят. Идут по кричне, а в ней ночь черна от пыли да от сажи: сто горнов горят; четырехста молотов стучат. Рабочие ходят, рожки у них, как полагается — нет кожи на роже.

Кузнец идет впереди, чорт позади. Тут начали сажать криду и мастеру на лопате подавать. Искры посыпались из глаз, чорт уж и дышать не может.

Тут и случись беда: кузнеца увидел хозяин и закричал:

— Ты что, чорт, расхаживаешь без дела, морду побью!

А чорт испугался, спрашивает кузнеца:

— Что он тут делает? А?

— Морды всем бить хочет и тебе побьет, — сказал кузнец, а сам хотел глянуть на чорта. Только это покосил через плечо глаз, чорт уже повернулся уходить.

Тут кузнец говорит чорту:

— Куда ты, чорт, это еще не все — ты хоть погляди, как хозяин с нами-то справляться будет. Научись, — говорит, — с грешниками в аду обращаться.

— Нет, — говорит чорт, крутнул хвостиком, и только его и видали.

А кузнец долго помнил, как чорта в кричню водил, и с чертями язык распускать закался.

Записано т. Алексеевым от рабочих Берестова Гавриила Ивановича, 61 года, и Кожурина Петра, 52 лет (Березовск, 1936). Берестов слышал эту сказку на Невьянском заводе в 1906 г., Кожурич — также на Невьянском заводе. Последний говорил, что «побаска эта тайная». [В. П. Бирюков. — Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1936, стр. 206—208.]

В основу сказки, повидимому, положена стихотворная «Сказка о попе и чорте», напечатанная впервые в «Рабочей мысли» (1899, № 7, стр. 2) и неоднократно перепечатывавшаяся в социал-демократических песенниках и периодических изданиях и популярная в рабочей среде, где ее пели на мотив «Из-за острова на стрежень» [см. «Пролетарские поэты», под ред. А. Л. Дымшица, I, изд. «Библиотека поэта», Л. 1936, стр. 36—39 (текст) и 333—334 (примечания)].

О МОЛОТОВОЙЦЕ И ЧОРТЕ.

В Билимбае на заводе робил тот человек, о ком буду речь вести. Посмотреть на него — немудрящий такой, а самолучший мастер был. Где он только ни побывал: и около домны робил, и в кричне у молота стоял. Лучше его никто кричу не ухватит; и чудное дело — огневик был, а на лице у него пятнышка ни одного не было. Не иначе, с чортом знался. Так люди говорили.

Потом ушел с завода — отпустили его. Опять неладно это дело. Человек он был в соку, неизробленный, а отпустили. Опять нечисто дело. И что бы вы думали? Золотишком занялся, местечко богатимое нашел, где — не сказывал. Вернулся, опять на работу пошел. Домишко себе выстроил — хороший, в два верха. С женой жил ладно, хорошо жил. Сын у него был, кузнецом на заводе робил. Здоровый такой, веселый. В драках первый человек. Отца рабочие не любили, а за сына стояли, когда надо и от начальства укроют. Сын полштофку или косушечку выпить непрочь, а отец — ни-ни и в кабак не ходил. А чтобы когда чорта помянуть — это боже упаси. Чудной такой. Ему кто скажет: «Иди к чортовой матери», а он: «Рад бы пойти, да не примает она меня. Это — женщина благородная».

Дело уже к старости стало, поставили старика к водосливному молоту. Стали люди примечать. В праздник закроет колесо, а молот сам ходит. Известно, «он» за него робил. Оно и вышло.

Старик в новом доме, что на золотишко построил, чертяку на стенке намалевал, как есть настоящий: рожки маленькие и копытца на ногах, хвостик — все как полагается. И каждый раз, как итти тому мастеру на работу, соберет он струмент весь и не забудет — к чорту подойдет, к тому, что на стенке, поклонится и молотом помашет. Так шло и шло.

Только это старик ослаб вовсе, зовет сына и говорит ему: — Видно, умирать мне времячко пришло — так вот, сын мой любезный, много я тебе сказать — не скажу, одно только прошу. Как умру я, не забывай чорта-батюшку, перед тем как на работу идти — поклониться и молотом перед ним помахать. Без этого тебе в жизни никакой удачи не будет.

Сын видит — старик уж отходить стал. Хотел уважить старика, пообещал ему не забывать чорта.

Старик с тем и помер.

С той поры как идет сын мастера-то на работу, возьмет струмент, пройдет мимо чертяки и молотом — раз его по роже и поидет. Так местечко то на стенке и отбивалось раз за разом. Одним днем треснул он чертяку на стенке молотом, стена в том месте и провалилась — на месте патрета-то. Из дыры чорт вышел.

«Так и так, — говорит, — за что ты меня мукой мучаешь? Уважения не оказываешь? Я тебе за это удачи не дам. Будешь ты век горевать». А мастер смеется над чортом. «Ничего, ты, — говорит, — не можешь. Враки все это». Чорт ему — свое, он — свое. Так и поспорили. «Чем спорить, — говорит мастер, — сделай то, чего я сделать не умею, тогда поверю. Видишь, вон там старуха с батожком ковыляет, сделай так, чтобы она как молоденькая побежала».

Чорт сейчас готов. Давай траву собирать, варево варить, старуху поить и так и далё.

Старуха выпила да руками как схлопает, батожок в сторонку швырнула и побегла. Чорт радуется:

— Ну, что — веришь теперь, что я все могу?

Мастер головой покачал:

— Это она от варева твоего побегла. И я такое сотворить могу. Напою тебя, и ты побежишь. Даром что не хочешь. А ты вот сделай так, чтобы наш кабатчик ко мне кланяться пришел да кусок хлеба просить стал.

Чорт не дослушал и побегал. Утречком, только вышел мастер на улицу, а ему говорят, что кабатчик совсем заницал: «Все как есть у него пропало добро-то. Обчистили хозяина. У его в кабаке драка завелась, мура такая заварилась, что не приведи господь. Пока он туды-сюды бегал да начальство созывал, его так почистили, что только стены голые остались. Все унесли. А кто — неведомо, не дознались».

Рассмеялся мастер и говорит чорту: «Ты мне голову не дурь, драться и я мастер не последний, а обчистить такую подлюку много охотников. Такое чудо и я сделать могу и без тебя чертяки. Вот ты нашего хозяина-то — заводчика, значит, билимбаевского — человеком сделай — вот тогда поверю».

Поскучил чорт, заскулил, побегал. Долго это возле хозяйского дома крутился, все чертячьи фокусы попробовал — не вышло. Вернулся к мастеру, хвостик опустил. «Нет, — говорит, — что хочешь сделаю, а хозяина вашего человеком сделать не могу».

Так и ушел.

Сообщено Я. И. Журавлевым, бывшим рабочим Верх-Исетского завода, теперь пенсионером. Сказку эту Я. И. Журавлев слышал от своего деда. Эту же сказку рассказывали кузнец С. В. Дерягин и старушка-няня А. Тихомирова, слышавшая ее в детстве от старых рабочих на заводе в Билимбае; знают ее и другие рабочие. [В. П. Бирюков. — Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 208—209 и 225.]

В основе сказки лежит известный в мировом фольклоре рассказ о том, как черт (или Христос) перековывает старых людей в молодых. Но рассказ этот в рабочей среде Урала приобретает своеобразный характер в связи с местными условиями.

ПЕСНИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

В революционных движениях прошлого песня всегда играла роль агитационного средства. Революционизирующее значение «Марсельезы», например, неоднократно подчеркивал Энгельс в своих письмах; он же высоко ценил народные датские баллады.

Первые русские революционеры, выступившие с оружием в руках против самодержавия, учитывали это агитационное значение песни. Рылеев и Бестужев создали ряд песен в народном духе, которые, по свидетельству современников, были распространены среди солдат и матросов. Революционные демократы 60-х годов и позднее народники также прибегали к песням, как к одному из средств агитации, и издали ряд нелегальных сборников революционных песен. Видную роль играли песни и в революционном движении 90—900-х годов, перед революцией 1905 г. и в период революции; в частности, многие песни печатались в социал-демократических (большевистских) изданиях. Многие из подобных песен проникали в среду рабочих и крестьян и начинали жить в устной традиции; по образцу песен книжного происхождения возникали и новые песни, жившие жизнью подлинных фольклорных произведений.

ПЕСНЯ ДЕКАБРИСТОВ

«Уж как шел кузнец Да из кузницы, Слава!	Первый нож На болгар, на вельмож, Слава!
Нес кузнец Три ножа, Слава!	Второй нож На попов, на святош, Слава!
А молитву сотворя, Третий нож на царя, Слава!	

Песня эта, являющаяся переделкой одной из «подблюдных», сочинена, по показанию Бестужева, Рылеевым и Бестужевым. Впервые она была напечатана как стихотворение Рылеева в нелегальном сборнике «Русская потаенная литература» (Лондон), составленном Н. П. Огаревым в 1861 г. Песня

пользовалась широкою популярностью среди революционной молодежи 1860-х годов. В следственном деле о караковцах она приведена с некоторыми изменениями в качестве революционной песни, ими распеваемой. [Покупание Каракова. Стенографический отчет, т. I, М. 1928, стр. 112, 306.]

ПЕСНИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

1. АРЕСТАНТ.

Ночь тиха, лови минуты.
У тюрьмы стена крепка,
И горит по коридору огонек сторожевой,
И блестит шпорой об шпору,
Ходит верный часовой.

«Часовой, Фендрик Ванюша,
Притаись, что будто спишь,
А я мигом чрез ограду
Тенью быстрой пронесусь.
Край родной проведать надо,
Жену, детей поцеловать,
А потом с ножом булатным
В темном лесе побывать». —

«Это все, барин, возможно,
Одного лишь я боюсь —
Отдадут под суд военный,
В Сибирь, на каторгу сошлют.
Ни ружья, ни пашки вострой
Ничего там не дадут,
Лишь дадут одну лопату,
К рукам тачку прикуют
И вертись, как окаянный, до 12-ти часов».

Час двенадцатый в лоходе,
Часовой обед несет
Чашку шей, да пайку хлеба.
Заглянул я в эту чашку —
Цельно стадо червяков.
Бросил чашку, бросил ложку,
Сам слезами залился —
Арестант ведь не собака,
Он такой же человек.

Песня эта, поюшаяся на мотив лирических протяжных песен, записана П. Г. Ширяевой в декабре 1934 г. от рабочего г. Иваново И. Батракова, который считал автором песни ивановского рабочего А. Соколова, изобразившего якобы в ней свой побег из тюрьмы.

[Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.]

На самом деле стихотворение это принадлежит другу А. И. Герцена — Н. П. Огареву (1813—1877); оно было написано в 1850 г. и впервые

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнута
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.
«Часовой!» — «Что, барин, надо?» —
«Притворись, что ты заснул —
Мимо б я да за ограду
Тенью б быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!» —
«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, то же я!
Пуля, барин, ничего бы
Да боюсь я батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»
Шопот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
Толь схоронят здесь живого?
Толь на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета
Да начальство станет бить...
Ни ножа, ни пистолета...
И конца нет сколько жить.

2. БАРКА.

(На голос «Дубинушки».)

Ой, ребята, плохо дело!
Наша барка на мель села —
Ой, дубинушка ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Белый дарь наш — кормщик пьяный,
Он завел нас на мель прямо.
Припев.
Шли теченью мы навстречу,
Понатерли лямкой плечи.
Припев.
Жгло нас солнцем полуденным,
Секло дождичком студенным.
Припев.
Ой, сидела барка грузно
И вести было натужно!
Припев.

Господа на ней сидели,
Веселились, песни пели.

Припев.

Силы нашей не жалели,
Все скорей велели.

Припев.

Они били нас дубиной,
А кормили нас мякиной.

Припев.

Нашей баркой заправляли,
Нам же шкинуть не давали.

Припев.

От такого управленья
Стала барка без движенья.

Припев.

Из-за глупости дворянской
Не стоять барке крестьянской.

Припев.

Чтоб придать ей снова ходу —
Покидаем бар мы в воду.

Припев.

Чтобы барка шла вернее —
Надо лодмана в три шеи.

Припев.

И тогда охотно, смело,
Снова примем за дело.

Припев.

«Барка» впервые была напечатана в нелегальном «Сборнике новых песен и стихов», изданном в 1873 г. петербургским народническим кружком чайковцев для пропаганды среди крестьянства. Автор «Барки» — Д. А. Клеменц (1848—1914), один из наиболее активных участников упомянутого кружка и пропаганды в народе; в 1878 г. был редактором нелегальной газеты «Земля и Воля»; впоследствии — видный этнограф.

В 1870-х годах, до появления позднейшей «Дубинушки» («Много песен слышал я в родной стороне»), «Барка» пелась в среде революционной молодежи. Написана по образцу трудовой «Дубинушки».

3. ДОЛЯ

Ах, ты доля, моя доля,
Доля горькая моя!
Ах, зачем ты, доля злая,
До Сибири довела?

Не за пьянство и буянство,
И не за ночной разбой,
Стороны родной лишился
За крестьянский мир честной!

Год в ту пору был голодный,
 Стали подати собирать
 И последнюю скотинку
 За бесенок продавать.
 Не стерпело ретивое,
 Я урядника убил,
 И за это преступленье
 Суд на каторгу судил.
 Очутился я в Сибири,
 В тесной шахте и сырой,
 Здесь я встретился с друзьями,
 Здравствуй, друг, и я с тобой!

Широко распространенная в песенной передаче «Доля» записана П. Г. Ширяевой в ноябре 1934 г. [Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.] Фольклорный вариант «Доли» коренным образом отличается от первоначального авторского текста, напечатанного впервые в 1873 г. в нелегальном «Сборнике новых песен и стихов», изданном петербургским революционным кружком чайковцев. Автор «Доли» — тот же Д. А. Клеменц, который составил революционную «Барку». Приводим для сравнения авторский текст.

ДОЛЯ.

Посвящается крестьянину Борунову.
 (На голос: «Сторона ль моя сторонка».)

Эх, ты доля, моя доля,
 Бесталанно горькая!
 Ты меня ли, моя доля,
 До Сибири довела.

 Не за пьянство, за булство
 И не за ночной разбой
 Стороны своей лишился —
 За крещеный мир честной.

С нас в голодный год несчастный
 Стали подати собирать
 И крестьянские пожитки
 Скотинушку продавать.

 Я от мира с челобитьем
 К самому царю пошел,
 Да схватили по дороге...
 До Питера не дошел.

И по царскому велению,
 За прошение мужиков,
 Его милости плательщик
 Сподобился кандалов.

 До стороны своей далеко!
 Эх! а надо бы узнать:
 Удалось ли односельцам
 С шеи подати скачать.

В позднейших перепечатках непонятное посвящение крестьянину Борунову опускалось; тем более оно не могло удержаться в устной передаче

песни, которая таким образом теряла непосредственную связь с событием. Архивные данные позволяют установить исторические черты личности Борунова. Он был безземельным крестьянином Холмского у. Псковской губ.; в 1860 г. работал на петербургских фабриках; в 1868 г. у него произошло крупное столкновение с местным волостным старшиною, которого он обвинил в растрате мирских денег; в качестве крестьянского ходатая он действительно подавал прошения в Петербурге. В 1869 г. по доносу старшины, при содействии кулацкой верхушки крестьянского «мира», он был арестован и два года находился в тюрьме. В 1871 г. Великолудский окружный суд оправдал его по обвинению в возбуждении крестьян против властей, но Борунов тотчас же по распоряжению губернатора был снова арестован и в административном порядке сослан в г. Кемь (Архангельской губ.), где прожил до начала 1880-х годов. Отчет об его процессе был напечатан в распространяемой газете «Голос», откуда Клеменц и взял необходимые для стихотворения подробности, соответственно идеализировав в агитационных целях образ своего героя.

4. ПЕСНЯ ТКАЧА.

Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес;
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе ключья хлопка,
Маслом прогорклым воиает удушливо —
Да, жизнь ткача не легка!

Нитка порвалась в основе канальская,
Эх! Распроклятая снасть!
Сколько греха-то ты применишь здесь на душу,
Господи, боже, так страсть!

Эх, да зачем же, зачем же льетесь
Горькие слезы из глаз?
Делу помеха, основа попортится,
Быть мне в ответе за вас!

Рученьки, ноженьки ноют сердечные,
Спинушку ломит, бока.
Грохот машин, духота нестерпимая,
Да, жизнь ткача не легка!

Как не завидовать главному мастеру,
Что у окошка стоит,
Чай попивает да гладит бородушку!
Видно, душа не болит!

Ласков на вид, а поди-ка ты вечером!
Станешь работу сдавать,

Он и работу бранит, и ругается,
Все нарочит браковать.

Так вот и ладит, чтоб меньше досталось
Нашему брату-ткачу.
Эх! Главный мастер, хозяин, надсмотрщик,
Жить ведь я тоже хочу!

[Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР.]

«Песня ткача» записана П. Г. Ширяевой в октябре 1934 г. от бывшерабочего Ижорского завода Ник. Сем. Власова; по указанию П. Г. Ширяевой рабочие Тульского оружейного завода пели эту «песню» со слов: «как не завидовать главному мастеру», выкидывая таким образом специфику ткацкого дела и приспособляя песню к любому производству. Записанная «Песня ткача» является фольклорным вариантом стихотворения «Дума ткача», написанного в конце 1872 г. — нач. 1873 г. и напечатанного в нелегальном «Сборнике новых песен и стихов», изданном в 1873 г. петербургским кружком чайковцев. Автор ее — член того же кружка поэт-революционер Сергей Силович Синегуб (1853—1907), организатор ранних рабочих кружков в Петербурге за Невской заставой, из которых вышли такие выдающиеся деятели рабочего движения, как ткач Петр Алексеев, рабочие Ф. Заозерский, Ст. Зарубаев и др. Как рассказывает сам Синегуб в своих воспоминаниях («Былое», VIII—X, 1906), «Дума ткача» написана была им после посещения одной из петербургских ткацких фабрик. И сам Синегуб и другие мемуаристы свидетельствуют, что стихотворение получило широкую распространенность среди рабочих в качестве песни.

5. ЗАМУЧЕН ТЯЖЕЛОЙ НЕВОЛЕЙ.

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил...
В борьбе за рабочее дело
Ты голову честно сложил...
Прожил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твой братья по делу,
К тебе на кладбище пришли...
Наш враг над тобой не глумился,
Кругом тебя были свои...
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...
Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах!
Нет — злоба нас только душила,
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно

Над прахом твоим поклялись!..
 С тобою одна нам дорога:
 Как ты, мы в острогах сгнием...
 Как ты, для рабочего дела
 Мы головы наши снесем!
 Как ты, мы, быть может, послужим
 Лишь почвой для новых людей,
 Лишь грозным пророчеством новых
 Грядущих и доблестных дней...
 Но знаем, как знал ты, родимый,
 Что скоро из наших костей
 Подыметя мститель суровый
 И будет он нас посильней!

Песня «Замучен тяжелой неволей» записана в декабре 1934 г. от народовольца Вл. Ив. Скляревича в Ленинграде в том самом виде, как об этом свидетельствует сам исполнитель, в каком она пелась в революционных харьковских и киевских студенческих кружках 1880—1890-х годов. Любимая песня Владимира Ильича Ленина и его безвременно погибшего брата Александра Ильича (повешен в Шлиссельбурге в мае 1887 г.), она была похоронным гимном до середины 1900-х годов, когда была вытеснена позднейшим похоронным маршем («Вы жертвою пали в борьбе роковой»). Принадлежит он беллетристу и поэту 1870—1880-х годов, Григ. А-др. Мачтету, близкому к революционным кругам середины 1870-х гг., и была впервые напечатана в нелегальной народнической газете «Вперед» в 1876 г. (№ 33 от 16/31 мая, стр. 284); неоднократно перепечатывалась позднее в нелегальных сборниках.

Первоначально песня имела заглавие «Последнее прощанье» и была посвящена «Замученному в остроге Чернышеву, борцу за народное дело». Павел Феоктистович Чернышев (1854—1876), на смерть которого и было написано в марте 1876 г. это стихотворение, — студент-медик, был одной из многочисленных жертв так называемого «дела о пропаганде в империи», из которого выделился самый крупный процесс того времени — «процесс 193-х (1877—1878)». Организатор революционных кружков молодежи, Чернышев в 1874 г. вел пропаганду среди крестьян Самарской губ., был арестован в августе того же года и находился в тюремном заключении до марта 1876 г., когда был выпущен на свободу в последней стадии туберкулеза. Умер он в больнице в Петербурге 27 марта 1876 г. и был похоронен 30 марта на Волковом кладбище. Похороны его были первой политической массовой демонстрацией в Петербурге; гроб его несли с Выборгской стороны на руках студенты в сопровождении громадной толпы; на могиле говорились революционные речи. Приводим для сравнения с песенным вариантом первые две строфы, как они были напечатаны впервые в газете «Вперед» в 1876 г.:

«Замученный тяжелой неволей,
 Ты славною смертью почил...
 В борьбе за народное дело
 Ты душные кости сложил.
 Служил ты немного, но честно
 Для блага родимой земли,
 И мы, твои братья по духу,
 Тебя на кладбище снесли».

ПЕСНИ 900-х ГОДОВ.

1. СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТКА НА 4 МАРТА 1901 г.

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Смуту унимать.
Утром рано нас взбудили,
Не кормили, — напоили
Водкою одной.
Позаправившись немного,
Повели нас в путь-дорогу.
К Невскому пошли.
Здесь во двор нас засадили
И накрепко запретили,
Чтобы не шуметь.
Не по нас была засада,
Земляков брала досада
На такой приказ.
Долго ль, мало ль мы
сидели
Втихомолку, не гудели.
Слышь команда нам:
«Выходите на дорогу
Фараонам дать подмогу.
Клейгельс ослабел».

Мигом вышли на свободу.
Видим — тысяча народу.
Весь народ шумел.
Тут и вольный, и военный,
И рабочий, и почтенный.
Все шумели тут.
Сперва начали студенты,
Подхватили тилигенты.
За шумел народ.
Молоток пошел тут в

дело:

Офидерик улетело,
Кровью залился.
Кутерьма затем стряслася,
Драка, свалка началась.
Бросились и мы.
Безоружных колотили,
Колотушкой молотили,
Словно на току.
Полилася кровь ручьями,
Заливались слезами
Многие тогда.

Песня эта записана на заводе «Большевик» (бывш. Обуховский) и напечатана в сборнике «Пролетарские поэты» (т. I, стр. 339—340). Она является откликом на разгон и избивание студенческой демонстрации у Казанского собора. Подобная же песня была напечатана в «Южном рабочем» 1902, № 8, февраль [см. «Пролетарские поэты», т. I, стр. 50-52].

Начало песни взято из песни о севастопольских событиях, сочиненной Л. Н. Толстым (или, во всяком случае, при его участии): «Как четвертого числа нас нелегкая несла горы отбирать» (о сражении 4 августа 1855 г.), или по другому варианту: «Как восьмого сентября мы за веру и царя от франдуз ушли».

2.

Братцы! Дружно песню грянем
Удалую — в добрый час!
Мы рабочих бить не станем, —
Не враги они для нас!
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Этой бойней осрамить!
Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне — братья нам!
И для честного солдата
Убивать их — грех и срам.
Сердце нам сжимали больно

Уж не раз их стон и плач;
 Этой бойни нам довольно,
 Русский воин — не палач!
 Пусть себе за ослушанье
 Нас начальство душит всех;
 Лучше вынести истязанье,
 Чем принять на душу грех!
 Так затынем же дружнее
 Нашу песню в добрый час:
 В мужиков стрелять не станем —
 Не враги они для нас!

Песня напечатана в «Голосе солдата» (изд. военной организации при Парижском комитете РСДРП, 1905, № 2, 23 декабря, стр. 4); печаталась в других нелегальных изданиях [см. «Пролетарские поэты», кн. I, стр. 369]. Она является революционно-пролетарской переделкой солдатской песни 60-х годов, напечатанной в сборнике «Солдатские песни» (Лондон, 1862, стр. 18—20):

Братцы! Дружно песню грянем
 Удалю в добрый час!
 В поляков стрелять не станем,
 Не враги они для нас!...

Среди рабочих Кременчуга была распространена другая переделка этой песни, связанная с еврейскими погромами:

Дружно, братцы, песню грянем
 И начнем мы в добрый час.
 Мы евреев бить не станем,
 Не враги они для нас.
 Только злые хулиганы
 Возбуждают убивать,
 Чтобы их невинной кровью
 Наши руки замарать.
 Брат идет ли против брата?
 А еврей — братья нам.
 И для русских, нас, рабочих
 Избивать их стыд и срам.
 Вспомним Кишинев и Гомель,
 Где был стон и плач,
 И войны уж нам довольно.
 Наш рабочий не палач.
 Так затынем, братцы, дружно
 Песню эту в добрый час:
 Мы евреев бить не станем,
 Не враги они для нас.

[Песня эта напечатана была в «Нижегородском листке» 3 августа 1905 г. (№ 205).]

3.

Стрелай солдат, в кого велят,
 Убей отца, родного брата,
 Убей жену, убей детей,
 Лишь помни памятку солдата:
 Рабочих бить вас поведут,
 Голодных убивать прикажут,
 По чарке водки вам дадут
 И этим совесть вашу губят.

В далекий край вас поведут,
На родине ведь не оставят,
Ружье, мундир вам выдадут,
Машиной быть заставят.

Поны тебя благословят,
Убьешь отца — греха не будет.
Они не врут, коль говорят:
«Бог вашу службу не забудет».

Крестьяне мрут по деревням,
Земли, работы, хлеба просят,
А им как буйным бунтарям
Штыки и пули преподносят.

Стреляй, солдат,
Коли штыком,
Кусай зубами,
Бей прикладом,
Но убивая не забудь,
Что убиваешь родного брата.

Песня эта записана Н. Н. Паялиным в 1933 г. от рабочих-текстильщиков в Ярославле [см.: Ал. Дымшиц.—Дооктябрьский рабочий фольклор. «Литературная учеба», I, 1936, стр. 142—143].

4.

Братцы, гонят нас далеко
От родимой стороны
В степи Дальнего Востока.
Да, ох, вернемся ль мы с войны?
Аль земли в России мало,
Коль в Китай за ней пошли?
Коли барство все забрало,
Так японец не при чем.
Ждет нас голод, ждет нас холод,
Ждет нас вьюга и метель;
Ждет безделье, ждет нас холод,
Вражья пуля и картечь.
Распостылое начальство
С жиру бесится, а мы —
Отвечай за их бахвальство
Подставляй под пулю лбы.

Записано П. Г. Ширяевой. Первоначально песня получена из архива завода «Большевик», где было указание на ее бытование в рабочей среде.

[Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Академии Наук.]

Другое указание о бытовании этой песни дал бывший типографский рабочий А. М. Филиппов, в июне 1933 г.

Песню пели на мотив «Было дело под Полтавой».

Временем распространения он считает 1906-й год, пели в пересыльной тюрьме г. Петербурга. В 1907—1910-х годах пели в культурных обществах. «Сампсониевское общество, — говорит Филиппов, — организовало экскурсии. На этих экскурсиях я был запевалой. Пели дружно и крепко».

От падших твердынь Порт-Артура,
 С манжурских кровавых полей,
 Калека солдат отставленный
 Семьи воротился своей.
 Оставил жену молодую
 И малого сына обнять,
 Увидеть родимого брата,
 Утешить на старости мать.
 К убогой жилище подходит,
 Ему не узнать никого:
 Чужая семья там ютится,
 Чужие встречают его.

— Ах, здравствуй-ка, здравствуй! Садись-ка!
 Небось, твои раны горят? —

— Скажите мне правду скорее,
 Всю правду. — Мужайся солдат!
 Твоя мать старушка недавно
 Казанской молиться пошла,
 Избита казацкой нагайкой,
 До ночи едва дожила.

Толпа изнуренных рабочих
 Решилась идти ко дворцу,
 Защиты просить, челобитья
 К царю, как к родному отцу.
 И, одев смутное платье,
 С толпою пошла и она.
 На смерть зарублена шанкой
 Молодая жена. —

— А где же мой мальчик? Скажите! —

— Твой мальчик? Мужайся, солдат!

В Александровском парке

Он пулею с дерева снят. —

— Но не все еще взято судьбою!

Остался единственный брат,

Моряк молодой и красавец? —

— Моряк твой? Мужайся солдат! —

— Неужто и брата не стало?

Знать погиб на Сусимском бою? —

— Но нет, не сложил под Сусимом

Он жизнь молодую свою.

Погиб он у Черного моря,

Где броненосец «Потемкин» стоит,

За то, что ступился за правду,

Своим офицером убит! —

Песня записана в 1908 г. в дер. Жохове, бывш. Белозерского у.,
 ныне Вологодской обл., самим певцом А. П. Корсаковым.

Опубликована бр. Соколовыми; встречается в печатных песенниках 1910-х годов. [Б. и Ю. Соколовы. — Сказки и песни Белозерского края, М. 1915, стр. 502—503, № 684.]

Песня литературного происхождения (текст принадлежит Щепкиной-Куперник), но распространилась в устной традиции и при этом претерпела изменения, т. е. перешла в фольклор.

6.

Дело было в Петербурге,
Дело славное друзья.
Мы дрались тогда с царизмом
С красным знаменем труда.
Всероссийский император,
Царь жандармам и шпикам,
Царь изменник, провокатор,
Царь создатель кандалам,
Побежден был на Востоке,
Победитель на Руси,
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, замазанный в крови!
Люд восстанет за свободу,
Покорит твой подлый трон,

Долю лучшую народу
Завоюет в битве он.
Всех романовцев повесим,
Царство будет в пользу нас;
А тебя, злодей жестокий,
Суд народный разорвет!
Подкупал ты черну сотню
И расстреливал крестьян,
Избивал ты всех рабочих,
Награждал одних дворян.
Люд восстанет за свободу,
Покорит твой подлый трон.
Всех романовцев повесят,
Царство будет в пользу нас!

Записано П. Г. Ширяевой в октябре 1934 г. со слов И. Г. Батракова, бывшего рабочего г. Иваново, в г. Пушкине, Ленинградской обл.

[Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Академии Наук.]

По мнению исполнителя, основой для исполнения песни послужила коронация Николая II, во время которой погибло много народу. «Вот поэтому, — говорит И. Г. Батраков, — и написали: «Царь, замазанный в крови». Когда царь короновался, то всем рабочим обещали выдать по кружке вина. Все пошло. На пути были каналы. Мостов тогда не было. Задние напирают, а передние не поспевают уйти. Вот и произошла большая гибель народу».

Сведения, данные И. Г. Батраковым, не подтверждаются указаниями других рабочих, не подтверждаются и печатными текстами данной песни, опубликованной в ряде журналов времени 1906—1907 гг. Слова: «замазанный в крови» могли относиться скорее всего к январскому расстрелу. Отнести песню к 1896 г. (к моменту коронации Николая II) не позволяет еще указание на русско-японскую войну:

«Побежден был на Востоке —
Победитель на Руси».

Об исполнении песни до революции И. Г. Батраков рассказывает следующее:

«Работаешь, бывало, на земляных работах. Запоешь, бывало. Вдруг полицейский. «Што паети?» И мы очень быстро переходили на другие слова с этим же мотивом: «Было дело под Полтавой».

Об отношении к песне рабочих г. Иваново в период первой русской революции, конкретно — май 1905 г., период забастовки, тот же Батраков

указывает, что первоначально женщины-ткачихи ее петь не хотели, как-то же репались произнести: «Царь — изменник, провокатор», «всех романовцев повесим». После же, когда предприниматели упорно отказывались выполнить требования рабочих-забастовщиков, заставляя рабочих голодать, — многие сначала молча, без ругани принимали эту песню, а затем многие из «прежде возмущавшихся и пели ее.

Другой вариант передан рабочим бывш. завода Речкина Н. Д. Одинцовым в октябре 1934 г. Производственный стаж Одинцова — 50 лет. Его текст является фольклорной контаминацией песни: «Всероссийский алкоголик» с одним из куплетов «Машинушки».

По указанию Н. Д. Одинцова, песню пели в 1905 — 1906 гг. Особенно она пользовалась популярностью на земляных работах, которые в 1905 — 1906 гг. были весьма распространены.

7.

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!

На жалобы, на стоны
Голодных русских масс
Один ответ от трона —
Лупить нагайкой нас.

Царит нагайка всюду,
Сильна в стране родной,
Но ей царя — Иуду
Спасти не суждено.

Нагайка, свист покорный,
Забудем мы ее,
Вперед пойдем упорно
Под знаменем труда!

Нагайка, не убита
Живая мысль у нас,
Пойдем вперед упорно
Под знаменем труда!

[Рукописное хранилище Фольклорной комиссии Академии Наук.]

Записано П. Г. Ширяевой. В большевистской газете «Пролетарий» (1905, № 12) было напечатано одно четверостишие из этой песни. Там же имеется указание на широкую популярность песни среди рабочих г. Костромы. В Петербург эта песня завезена товарищем, приехавшим из Костромы. В 1934 г. эта песня записана со слов бывш. рабочего г. Иваново — Батракова Ивана Георгиевича. По его указанию, песню широко распевали в рабочей среде в г. Иваново, особенно в дни высокого подъема рабочего движения в 1905—1906 гг. В г. Иваново эта песня занесена т. Курневым, пришедшим из ссылки и остановившимся жить в этом городе. Эти указания дают право сделать вывод о распространенности песни в рабочем районе Иваново — Кострома. В записях по Ленинграду указаний на бытование данной песни в среде рабочих — старых большевиков, старых производственников — не встречалось.

НООКТЯБРЬСКИЙ ФОЛЬКЛОР

После Великой социалистической революции продолжают существовать (и записываются в большом количестве) фольклорные произведения, существовавшие в прежние эпохи: заговоры, обрядовые песни, былины и пр. Некоторые виды фольклорных произведений в наше время умирают и существуют только пережиточно (заговоры, обрядовые песни и т. п.), другие живут сравнительно более крепкой жизнью, видоизменяются и приспосабливаются к новой обстановке (некоторые прежние песни, былины, сказки и пр.).

Собственно нооктябрьским или советским фольклором следует считать только те фольклорные произведения, которые и по содержанию своему связаны с нашей великой эпохой и по направленности своей являются советскими. Таковы многочисленные частушки, откликающиеся на все события советской действительности и отличающиеся совершенно новым духом, уничтожающие старое представление об унылых русских песнях. Таковы песни, рассказы, эпические сказания эпохи гражданской войны и социалистического строительства, иногда использующие прежние мелодии, прежние отдельные образы и стилистические приемы, но проникнутые новым духом, героикой нашей борьбы и побед. Таковы песни и рассказы о вождях революции Ленине и Сталине.

Этот материал зарождается и формируется на наших глазах; не во всех случаях он уже приобрел определенную устойчивость и законченную поэтическую оформленность, какую приобрели произведения дореволюционного фольклора, прожившие несколько столетий (а иногда и тысячелетий). Но новый фольклор все же налицо, и с каждым днем этот фольклор становится все богаче.

Специально следует подчеркнуть расцвет фольклора тех народов, которые не имели до революции письменности, угнетались царским правительством и зажили свободной, подлинно человеческой жизнью только после Великой социалистической революции. Они создают свою литературу и создают ее именно на основе фольклора; пышным цветом расцветает у них и собственно народное творчество. Творчество различных народов Советского союза, богатое и разнообразное по форме, характеризуется единством чувств и настроений; в нем находит выражение морально-политическое единство советского народа.

ЧАСТУШКИ.

О РЕВОЛЮЦИИ И О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

1.

Без царя, без государя,
На свободе мы живем,
Всех буржуев переколем,
Всех буржуев перебьем!

[Ивановская обл.]

2.

Нас обманывали долго,
Но проснулись теперь мы.
Разогнали баров много,
Сами стали, как цари.

3.

Скоро, скоро к нам придут,
Нам гостинцы привезут:
Пушки, ружья, пулеметы
Всех буржуев перебьют.

4.

Нынче плачет твой родитель,
Стоном стонет капитал;
Пролетарий победитель
Господином в мире стал.

[ММ 2—4. Оренбургская обл.]

5.

Ты не плачь, чужая тетка,
Не грусти, родная мать:
Разобью белогвардейцев
И приду домой опять.

[Ивановская обл.]

6.

Завтра рано у колодца
Скажу: мама, не тужи,
Ухожу я добровольцем
В Красную армию служить.

[Сталинградская обл.]

7.

Эх, яблочко,
Мало красочки;
Воевать хотят буржуи,
Да с опасочкой.

8.

от яблочко
азрезается,
кадетская власть
азбегается.

[ММ 7—9. Сталинградская обл.]

10.

от Измайлов торопился,
Куналей¹ хотел разбить,
после етова послышим —
там на озери лежит.

12.

я покосы качевали —
материали кателок,
вся Ганзурина згарела —
аздуетца папелок.

14.

Атаман Семенов
Правил он вайсками,
А типера в леси
Бегаить с валками.

Частушки ММ 10—14, записанные А. М. Поповой в Забайкалье, связаны с событиями гражданской войны в Верхнеудинском р., а именно — с восстанием крестьян против Семенова в 1919—1920 гг. Против восставших выдвинулась по Селенге «дикая дивизия» под командой генерала Левицкого и его помощника Измайлова. Село Ганзурино было обстреляно Левицким, партизаны отступали на Тарбагатай (по местному — Тарбатай) и ночь на 13 января 1920 г. напали на Левицкого с трех сторон, в результате чего Левицкий вынужден был отступить, поссорился со своими союзниками-монголами и был убит 17 января того же года.

15.

Мы у сопки живем,
в Приморье каша,
скоро красные придут —
будет воля наша.

[Хабаровская обл.]

ПАРТИЯ И КОМСОМОЛ.

1.

Много звездочек на небе,
Много зернышек в снопе.
Вы примите трактористку
Кандидаткой в ВКП.

9.

Ах, яблочко
Покатилось,
А кадетская власть
Повалилася.

11.

Вот Измайлов размахнулся,
Всех людей хотел побить;
Ево чорт хвостом папугал —
Сам на озери лежить.

13.

Ганзурина стаить в яме,
Тарбатайка у гары,
Всю Ганзурину разбили —
Тарбатайку не магли.

16.

Я на бочке сижу,
А под бочкой Мишка.
Эх, скоро красные придут,
Всем японкам крышка.

2.

Стало поле золотиться —
Наливается зерно.
Большевистскому ученью
Я сочувствую давно.

¹ Село Куналей.

3.

В эту зиму, в эту зиму
Прочитаю много книг.
К посевной в ячейку примут,
Буду честный большевик.

[ММ 1—3. Куйбышевская обл.]

4.

Мы не будем верить в бога,
Мы не богомольцы, —
Будем грамоте учиться,
Будем комсомольцы.

[Нижнее Поволжье.]

6.

Не сама я кофту шила —
Ниточка с иголочкой;
Я, девчонка молодая
Стала комсомолочкой.

[Ленинградская обл.]

8.

Ой, свивайтесь без остатка
Нитки тонкие мои,
Я отныне кандидатка
В члены Ленинской семьи.

[Ивановская обл.]

10.

На горушке во избушке
Ярко огоньки горят,
Это наши комсомольцы
За газетами сидят.

[Куйбышевская обл.]

12.

Я на лодочке катаюсь,
Легкой ласточкой неслась;
В комсомолки записалась,
За работу принялась.

[Московская обл.]

13.

Ты играй, играй, гармошка,
Раздавайся в ширь и даль,
Мой миленочек Алешка
Комсомольский секретарь.

[Сталинградская обл.]

5.

В комсомолки записалась
Девочка молоденька.
Пятилетку выполняю
Во четыре годика.

[АРССР, Заонежский р.]

7.

Золотая, налитая,
Тонкая иголочка;
Как я рада, как я рада,
Что я — комсомолочка.

9.

Я косынкой повяжусь,
А косынка алая,
Комсомольца полюбила,
Комсомолкой стала я.

[Сталинградская обл.]

11.

Приодели девки шубы,
Подпоясали ремни;
Комсомолки-лесорубы
Всегда будут впереди.

[Горьковская обл.]

14.

Ой, я Нюра, ой, я Нюра, —
Красная девица, —
Комсомолец меня любит,
Я могу гордиться.

13.

Моя милка кофту сшила
С красной лентой на груди.
Наш товарищ Ворошилов —
Лучший друг и командир.

[Сталинградская обл.]

14.

Ветерок лицо ласкает
И румянами красит.
Мой миленок на границе
За бандитами следит.

15.

Октября завоеванья
Мы на веки сохраним;
Нам чужой земли не надо
И своей не отдадим.

[Сталинградская обл.]

О КОНСТИТУЦИИ.

1.

В нашем Основном Законе —
В новой Конституции —
Ясно видны все успехи
Нашей революции.

[Ленинградская обл.]

3.

Мы не даром проливали
Кровь за революцию, —
Все победы записали
В новой Конституции.

[Воронежская обл.]

5.

Расшумися, дуб зеленый,
Ручеечек, прозвени, —
Мы закон свой принимаем
В эти сталинские дни.

[Московская обл.]

7.

Всем народом обсуждаем
Конституцию свою.
Исправляем, дополняем
В ней мы каждую статью.

[Свердловская обл.]

9.

Конституции проект
Я прочел внимательно,
Нас привел товарищ Сталин
К жизни замечательной.

[Московская обл.]

2.

Сердце бьется, словно птица,
Каждый будто вновь рожден;
Знают даже за границей
Новый Сталинский закон.

[Московская обл.]

4.

Ручейками песни льются,
В песнях бодрые слова, —
В Конституции даются
Нам большие всем права.

[Ленинградская обл.]

6.

Пока сердце в груди бьется
Не заставишь нас тужить,
С новым Сталинским законом
Еще лучше будем жить.

[Куйбышевская обл.]

8.

Речь по радио звучит
С большевистской силой, —
За границую фашист
Слушает уныло.

[Ленинградская обл.]

10.

Наши ивы у реки
Зашумели ветками;
По врагам наш Сталин бьет
Словами очень меткими.

[Ленинградская обл.]

11.

Речь в эфире рвется вдаль,
Словно гром сквозь тучи;
Пролетарьям всем поможет
Сталин наш могучий.

[Ленинградская обл.]

13.

Кулакам теперь могила,
Не воскреснуть никогда;
Конституция вручила
Нам земельку навсегда.

[Орджоникидзевский край.]

12.

Расцветает СССР,
В небо флаги рвутся;
Жизнь прекрасная теперь
С новой Конституцией.

[Сибирь.]

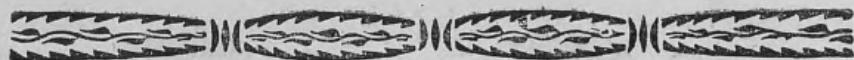
14.

Над фашистскою странюю
Бедняков несется стон.
Над землею советскою светит
Новый Сталинский закон.

[Ленинградская обл.]

[Частушки заимствованы из различных источников, частью рукописных.]

ПОСЛОВИЦЫ.

О РЕВОЛЮЦИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА.

Была Россия царская, стала пролетарская.

Нам воля, а господам петля.

Гай, гай, полетели генералы в теплый край.

Пятилетка стреляет метко.

Сегодня живетя весело, а завтра будет веселей.

О ТРУДЕ.

Когда живетя весело, то работа спорится.

Спроси у Стаханова, как работать наново.

Работает, как стахановец.

На бригадира надейся, а сам не плошай, вот тогда и соберешь урожай.

На машину надейся, а сам не плошай.

На трактор надейся, а коня не бросай.

НОВЫЙ БЫТ. БЕЗБОЖИЕ.

Я управлялся с царем, так управляюсь с букварем.

Без газеты, как без головы.

Раньше говорили: «без бога ни до порога», теперь — широкая дорога.

Хотел нас поп крестить, а мы стали октябрить.

Поц, мулла, раввин — миром мазаны одним.

О ВРАГАХ.

Не пускай кулаков в совет, им там места нет.

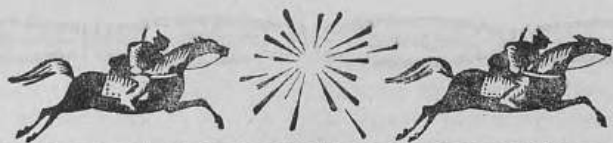
Кто за линию ЦК, тот против кулака.

Сверху красенький, снизу беленький.

Люди строят, а свиньи роют.

Пословицы заимствованы частью из рукописных источников, частью из журнала «Наши достижения» (1936, №№ 3, 6).

ПЕСНИ О РЕВОЛЮЦИИ И О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

1.

Тучки темны, тучки грозны,
Из-под тучи дождь идет,
Наши храбры партизаны
Со ученьица идут.
Они идут и маршируют
И меж собою говорят:
Трудно, трудно нам, ребята,

Нам с белюгой воевать,
А еще того труднее
Нам под пушки подбежать.
Мы под пушки подбежали,
Закричали все: «Ура!»
Распроклятые белюги
Разбежались кой-куда.

Песня эта записана А. М. Астаховой в г. Повенце, в Карелии, 17 августа 1932 г. от красного партизана С. Г. Леонтьева, 40 лет; по сообщению Леонтьева, песня эта пелась в отряде т. Романова.

[Советский фольклор, вып. I, Л. 1934, стр. 24.]

Песня является переделкой старой солдатской песни на взятие Варшавы Паскевичем в 1831 г. (эта песня известна по песенникам с 1873 г.). Для сравнения приводим текст старой песни, записанной также в Карелии (Шуньга, дер. Гоголева) 7 июля 1926 г. от В. И. Хрылевой, 81 года.

Ночки темны, тучки грозны
По поднебесью идут,
Наши храбры гренадеры
Со ученьица идут.
Они идут, маршируют,
Сами собой говорят:
Трудно, трудно нам, ребята,
Под Маршавом город взять,
Нам еще того труднее,
Как под пушки подбежать.
Как под пушки с ружьями подбежали.

Закричали все: «Ура».
Граф Паскевич предводитель
Громким голосом вскричал:
«Вы колите, братцы, не
робейте...
За морями знают нас,
Знают турки и поляки.
Покоритесь-ка вы нам,
Если нам не покоритесь,
Пропадете, как трава»...

[Советский фольклор, вып. I, Л. 1934, стр. 24.]

которого был г. Дубов (он же Кишкалев). Она поется на мотив дореволюционной песни о гибели «Варяга» («Плещут холодные волны, бьются о берег морской»).

5.

Не вейтесь, чайки, над морем,
Вам некуда бедным присесть.
Летите в долину Сибири,
Снесите печальную весть.
В далекой восточной долине
Врагом наш отряд окружен.
За правду там бьются партизаны
Совместно с советским полком.
Патроны у них на исходе,
Снаряды уж выжили давно.
А помощи нет ниоткуда,
Погибнуть нам здесь суждено.
Вы видите, белые чайки,
Подходит наш час роковой.
Бежали партизаны в атаку,
Поля покрывались врагом,
Но в плен не сдавались живыми
Партизаны в неволю врагу,
А наши, как братья, остались,
Навеки у белых полков.

Записана в г. Спасске, Дальневосточного края в 1924 г.
[Обе песни опубликованы А. П. Георгиевским: «Русские на Дальнем Востоке», вып. IV, Владивосток, 1929, стр. 93.]

Песня также поется на мотив «Варяга». Вариант этой песни записан в Забайкалье:

Не вейтесь, белые чайки,	С восьмью партизанским полком,
Куда же вам больша слетать,	Патроны уж все на исходи,
Летите в далекая моря,	Снарядов савсем ужи нет,
Несите печальную весть:	Бросил катомку в абози,
Там враг Семенов ваюють,	А сам беспарятку бежал.

[«Сибирская живая старина», вып. I (V), Иркутск, 1926, стр. 34—35.]

6.

Причитание жены по мужу при проводах в партизаны.

На кою оставил жонушку свою любимаю,
Да на кою же ты оставил малых своих дитущик?
Ой и што я с ними теперь буду делати,
Баба темная, не развитая?
Как я буду их поить-кормить,
Как я буду их воспитывати?
Ты пойдешь, себе друную найдешь,

А бо мне не воротисса.
Как подрастут дети малые,
Да и будут меня спрашивать:
— Скажи, мама, где наш папочка,
Да и почему он домой нейдет? —
Да и што мне говорить имя,
Как ты там себе друную найдешь? —
— Не плачь, жонушка любимая,
Не найду я себе жены друной,
Как я стану забывать тебя
И как деток своих малых?
А как спросят тебя детушки:
— где наш папочка, аь нет ено, —
Ты скажи тогда им, жонушка:
Он свободы добиваитца. —

Причитание записано А. Соколовой летом 1925 г. в Приморье. [«Сибирская живая старина», вып. I (V), Иркутск, 1926, стр. 160—161.]

7.

Во селеньи в крестьянской избушке
Жили мирно два брата с отцом.
Обожала их вся деревушка,
И хозяйства их был полон двор.
Революция огненным пламенем
Пронеслася над миром грозой,
За свободу и волю народа
И кровь проливалася рекой.
Отобрали лошадку, коровку,
Старший брат в рядовые ушел,
Дали младшему брату винтовку,
Добровольцем он к белым пошел.
Но судьба их была жестока,
В бой идут от пожаров огней,
И сошлись два брата врагами
И узнали друг друга они.
Старший молвил: «Ты белым бандитом,
Ваш девиз был насилье, расстрел,
Не зову я тебя больше братом»,
И винтовку он взял на придел.
Но курок он спустил неудачно,
Младший брат тут винтовку схватил —
И свершилось ужасное дело:
Штык он старшему в сердце вонзил.
Он смотрел на него, как преступник.
Перед ним старший брат умирал.
За свободу лихой ведь отступник,
Как ребенок, над трупом рыдал.

И лежали на поле два брата.
Вышло солнце на них посмотреть.
— Ты не жги же, горячее солнце,
Труп холодный уже не согреть... —

Песня взята из рукописного альбома-песенника в Сумском посаде, Сорекского р., в июле 1932 г.; опубликована А. М. Астаховой.

[«Советский фольклор», вып. I, Л. 1934, стр. 27—28.]

Приводим рассказ на ту же тему, записанный А. М. Астаховой в августе 1932 г. в Повенде (Карелия) от красного партизана С. Г. Леонтьева:

«На Карельском фронте такой случай был. Только деревню забыл. Один брат был у белых золотопогонником, другой — в красных, ротным ли командиром или взводным. Вообще был краскомом. Встретились они во время боя у изгороди. Один лежит по одну сторону изгороди, другой — по другую сторону. Смотрят и в конце концов узнали, стали разговаривать. Один: «Ты к нам переходи». А другой: «Нет, ты к нам переходи». И некоторый не согласен переходить на ту ни на другую сторону. Тогда красный говорит этому белому золотопогоннику: «Ты утекай, пока мои ребята не заметили, а то возьмут на мушку, так как вообще солдаты не любят золотопогонников». Он и утек, а свою команду оставил без командования. Что было далее — не знаю. Скорее всего, что тоже утекли, так как без команды остались».

[«Советский фольклор», вып. I, стр. 38.]

8. ВИНТОВКА БОЕВАЯ.

За плечом висит винтовка
На измызганном ремне.
Познакомились с винтовкой
На гражданской на войне.
И с тех пор не разлучались, —
Будто небо и земля,
Мы с винтовкой защищали
Стены красного Кремля.
Были мы на Украине
В море дыма и огня.
Там Деникину досталось
От нее и от меня.
Были с нею мы в Сибири —
Путь-дорога далека —
И свинцовой меткой пулей
Пристрелили Колчака.
А теперь настало время —
И закончился поход, —
Я с винтовкой боевою
Охраняю наш завод.

Записано в Сызрани.

[«Правда», 23 февраля 1937 г., № 53.]

9. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ТВЕРДЫНЯ.

Шли деникинцы с осады
На приволжский городок,
Где дрались бойцы десятой
На распутице дорог.
 Надвигался с горизонта
 Ураган казачьих пик.
 В штаб дарицынского фронта
 Шел кремлевский броневик.
Прибыл в штаб товарищ Сталин
И повел войска вперед.
И бойцы десятой стали
Крепче каменных пород.
 И рассказывает Волга,
 Омывая берега:
 Как взбесившего волка,
 Мы отбросили врага!
Шли бойцы сквозь звездный ливень
По колдобинам дорог.
Большевистскою твердыней
Стал приволжский городок.

Записано в Свердловской обл.

[«Творчество народов СССР», изд. ред. «Правда»,
1937, стр. 168.]

РАССКАЗЫ О РЕВОЛЮЦИИ И О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.

1.

Первая стрелковая дивизия была вся расстреляна под городом Ореховым; но часть была собрана, пополнена дивизия опять, отправлена была в Никополь, где, по слухам, т. Романов со своим отрядом налетел на танку, атаковал ее, где стал выкидывать машинистов и пулеметчиков за шиворот.

Но не удалось взять, потому что подоспел эскадрон белых. Часть была порублена, а т. Романов был взят в плен, где т. Романову было предложено остаться командиром полка, как наслышанность была у белых о его храбрости.

Но он говорит: «Если мы в одном полку, господин полковник, с тобой служить будем». Тот согласился. «Давай на этом правую руку». Тот протянул руку. Романов вытаскивает свой потайной браунинг, выстреливает в висок полковнику и потом себе в висок. Жизнь покончена на Врангелевском фронте...

О Романове от партизан слышал, рассказывали. Вот он какой у нас был. Романов и на фронте всегда стоя. Его и пули не брали, точно заколдованный. А вот своя взяла.

Рассказ записан А. М. Астаховой в августе 1932 г. в Повенце (Карелия) от колхозника И. П. Козырева, участника империалистической и гражданской войн, члена партизанского отряда т. Романова. Тов. Романов — командир одного из карельских партизанских отрядов, направленный затем на южный фронт; здесь он застрелился, будучи окружен белыми и не желая им сдаваться. Рассказ об его смерти превращается в своего рода легенду.

[«Советский фольклор», вып. I, Л. 1934, стр. 36—37.]

2.

В Кандалакше действовал отряд Ваньки Каина — вплоть до Мурманска. Когда белые были здесь, Ваньки Каина отряд работал там.

Он тоже там не стеснялся. Взрывал мосты, где налет сделает, где продовольствие захватит. Каином его прозвали, когда он был рабочим на железной дороге, а Иван — его собственное имя было.

Наконец, донес ли кто, но их открыли и разбили. Кого поубивали, кто разбежался, а Ванька Каин скрывался у лопарей. Действительно, ему хорошо было скрываться, потому что на лицо он такой же, как и лопарь. Как в одеже лопаря, так и не отличить. Ну и лопари подошли такие, что его не выдали. За него давали большие деньги, чтобы его голову принесли или живым привели.

Когда фронт ликвидировался, он явился в Мурманск, к бывшему начальству белогвардейскому арестованному, и говорит: «Давай мне деньги, которые обещал солдатам за Ваньки Каина голову! Я сам пришел и голову на плечах принес».

Записано в Повенце в августе 1932 г. А. М. Астаховой от красного партизана С. Г. Леонтьева. «Ванька-Каин» — Иван Константинович Поспелов, начальник партизанского отряда в северной Карелии. Сам И. К. Поспелов сообщил А. М. Астаховой о следующем факте, положенном в основу рассказа Леонтьева: по ликвидации Мурманского фронта, он посетил в Мурманской тюрьме помощника генерал-губернатора Ермолова. Командир бронепоезда, на котором приехал т. Поспелов, отрапортовал перед Ермоловым: «Имею честь представить Ваньку Каина. Разрешите получить 20 000 фунтов, обещанных Вами за голову Каина».

[«Советский фольклор», вып. I, Л. 1934, стр. 37—38.]

3. БИЛИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО СТАРANIA, БИЛИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО УДАРА.

Если вам всю гражданскую войну протрубить, много времени потребуется. Где что как проходило, где что увидел, — так это же у!!!

Но вспоминается первым долгом рабочий быт военного времени и за гражданскую войну. Есть большая разница. Если взять империалистическую войну, — здесь рабочий жил, совершенно не зная никакого удовольствия себе. Совершенно не знал. Не имел никакой культурно-просветительной работы, ни кружков у него не было, не велось преподавательской работы. И работал сутками целыми, не видя никакого счастья. А в настоящее время рабочий уже видит свое продвижение и, одним словом, как бы улучшение нашего быта.

Был я взят на военную службу в 1914 году. До 1917 года я находился в войсках империалистов, как известно всем. Ну, а с 1917 года, уже видя свою точку, что сколько ни служи, а оставаться мне батраком империалистов, — пришлось, конечно, вступить в ряды Красной армии для освобождения рабочего класса.

Под городом Челябинском первые были столкновения с чехословаками, где и пришлось оставить весь полк в количестве ста шестидесяти человек. И все, конечно, погибли. Только двадцать пять человек, благодаря своей ловкости, выбрались из плена.

По разбитию Колчака пришлось переехать на южный фронт. И тут я был тошленный под городом Азовом в реке Дону. Войсками Деникина был потоплен и изрублен Василеостровский полк. И это есть в архиве, какие были издевательства над этими войсками. Были глаза выкопаны, языки обрезаны, пальцы вырублены, ремни из спин вырезаны.

А ремни вырезались у командира полка ордена Красного знамени товарища Кротова. Это так вышло дело. Там есть станицы: Ольгинское, Батайск. Это Ольгинское пойдет, конечно, к Новочеркасску, а Батайск, по направлению, если правого фланга, — то к Азову на юг. Вот тут был Лесновской-Выборгской полк, это все были товарищи петроградцы. У нас вся дивизия была петроградская. нас, сибиряков, человек четыреста было приблизительно, а остальные все петроградцы. Когда Кротова послали в наступление на Батайск, конечно, он взялся своими силами. Но когда взяли Батайск, их окружила калмыцкая дивизия, и им предлагали сдаваться добровольно. Они не сдались, конечно. Бились до последнего старания, бились до последнего удара. Когда уже вышли ихние силы, ну, тогда, уже, конечно, казаки стали с ними расправляться, начали наповал рубить их. Но товарищ Кротов не вынес этого и сам себя пристрелил. Они не успели захватить его. Ему кричали: «Оружие бросай!», а он не бросил. Взял сам в висок кольцом. В то время как он себя сам пристрелил и пал с лошади, эсаул казацкой дивизии приказал вырезать вот эти самые ремни на теле, на мертвом теле. Они уже у мертвого вырезали ремни и показывали как диковину нам, но для нас это все не было страшно. Все равно: хоть пасть, хоть пропасть, — уж таково наше дело. Уж раз мы идем пробивать свою карьеру, то продолжали ее до конца.

После этой вот казни нас было собрано тридцать два человека, которые не были казнены и были доставлены начальнику дивизии. У них войска-то, кажется, Амурские назывались, все кавалерии были. Были отданы начальнику дивизии для допроса, для дачи им справок наших войск.

Опять вот тут нашелся один герой петроградского полка, полтрук эскадрона двести шестидесятого, и совместно мы с ним. Полтрук тогда заявил ему так: «Что вы, — говорит, — хотите узнать из нашей среды членов партии? Мы членами есть и членами будем, помрем в одной нашей семье», — говорит. В то время командир дивизии приказал вывести товарища Белова, Александра Васильевича, из строя, нанес ему три удара пашкой по голове и девять ран штыковых.

Когда его убили, то командир дивизии заявил: «Остальных раздеть всех донага и направить в город Баку». Конечно, когда нас раздели и гнали под мокрый дождь, снег, слякоть, а мы были совершенно босы в одном тельном белье, а некоторые совершенно голые.

По прибытию в станицу Михайловское, у нас были опять сняты допросы и были сделаны избиения. Вот как я сейчас даже отлично имею две язвы: перелом позвоночного столба и разби-

ения черепа прикладом. А тут, где позвоночный столб, шишка растет. И когда ненастная погода, то не роблю совершенно, не дает работать. Так вот после допросов шестьдесят человек были расстреляны. Кубанцев шестьдесят человек, из нашей среды, казаки.

Ну, а после на третьи сутки все эти части Деникина были задержаны красными войсками.

Убитые трупы сейчас находятся близ города Баку в нескольких колониях, где и похоронены. Имеется памятник в память выступления на кубанскую границу.

Ну, я тут уж был отправлен в лазарет, когда наши части захватили нас в обратную. И после этого был направлен домой.

Про это я больше ничего не могу сказать.

А вот на Урале мы формировали отряд, были отправлены на фронт. Некто был организатор у нас — товарищ Конылов. Но вы не пишите этого потому, что я вам дам целой тетрадью, — одним словом, дневником о похождениях на Урале и в Вятской губернии. А я его писал в восемнадцатом году и кончил в девятнадцатом.

Записано от Александра Ивановича Мелькова, 32 лет, чернорабочего Добрянского металлургического завода.

[С. Мирер и В. Боровик. — Революция, ГИХЛ, 1931, стр. 147—150.]

4. ПОХОДЫ ДОБРОВОЛЬЦА КРАСНОЙ АРМИИ.

Не доходя тридцати верст за Ирбитом, село Эчкинское, сделали очень сильный бой, — сопротивлялся Колчак. Также пришлось отступить, понимаешь, на три версты от них. Сильный бой! До тех пор стреляли из пулеметов, что стали нагреваться даже. Вот как мы их уже душили тут! Да! Стали нагреваться пулеметы. По силе возможности пришлось нам отступить назад на три версты от них. Сделали передышку для охлаждения пулеметов. Неприятель на нас не наступал. Стоял полверсты от села Эчкинское.

Когда ночь прошла тихо, на вторую ночь пошли в наступление на неприятеля. Как наши закаленные красноармейцы, что во что ни стало освободить Сибирь и Урал от Колчака. А прогнать его совсем, совсем чтоб уничтожить — не было. Мирные жители, когда выяснили, у Колчака что было, обрисовалось положение: расстреливали, драли большую подать со стариков и отбирали имущество крестьянское. Мы тогда почувствовали почву; что действительно мирные жители идут за Красной армией. Мирные жители за нас!

И дали мы яму второй, решительный бой. И взяли в плену тысячу двести человек. В плену оказались больше всего барские сынки, и поны тут попались к нам. Вот где смеху больше всего было! Дык, интересно, понимаешь: наши батюшки с крестами ходили, на путь божий нас наставляли, потом пошли воевать с нами, красноармейцами! У нас некоторые красноармейцы говорили, что их нужно уничтожить совсем. Но наши командиры ободряли в том: «Товарищи, нужно отправить в тыл, а то мы потеряем весь авторитет от мирных жителей».

Шли, значит, все большую половину населением, деревнями, селами, только не помню, какими там. Сибирские, известно, деревни, там какие названия. Поход сделали очень большой, полтора верста отступил он от нас. Значит, от села Исламинское остановилась ихняя сила и ихняя армия по ту сторону села, деревня Глубокое.

А в Исламинском селе узнали, что идет Красная армия. Неходило четыре версты, встречали с иконами и хоругвами ихние попы. И произвели звои. Звонили, прямо приветствовали здорово! Вот тут уж, брат, на душе еще стало веселей. Молодые барышни дарили жетоны красноармейцам. Пожилые женщины понли квасом и пивом, — кто что мог. Конечно, они от души отдавали последнее. Когда, значит, ихний батюшка дошел до Красной армии, поп-то ихний (хорошо его запомнил: пожилой старик, годов семидесяти, наверно, уж будет), остановил всю публику и солдат! И начал говорить речь: «Граждане, село Исламинско! Служу, — говорит, — я тридцать пять лет уже священником, нас запугивали бела армия, что скоро придут красные, красные черти (прямо так он сказал), побросают наших всех икон и верующих и разорят дерковь. Но вообще я надеюсь, что это пришли наши дорогие товарищи». Поп-то сказал! Тут уж три раза с приветствием кричали «ура!». Значит, так.

В то время у этого батюшки был дячок. Вот он изменил делу: убежал ночью в белу армию и обказал все положение, как мирные жители приветствуют Красную армию. Смотрим, на рассвете колчаковская армия пошла в наступление на нас. То они отступали, а тут в наступление пошли. И бросали с еропланов бумажки, что красных угоним до Москвы, сделаем самый упорный бой. В это время Красная армия несколько не смутилась. Только говорила то, что и сами сможем своими силами сколько-нибудь дать отпор. Действительно, было такое сражение. Три дня без перерыву! Не бывало таких боев, как во время всего перехода. И в конце концов все же таки Колчак начал осиливать. Колчаковская армия стала тут осиливать. Мирные жители просили и плакали: «Дорогие товарищи, не отступайте, в том, что они оставят нас на произвол судьбы, разорят в конец».

Тогда наши командиры дали в дивизию, чтобы выслали нам подмогу силы, иначе держаться не можно. В то время из дивизии выезжает главнокомандующий фронтами и дает по команде приказ, чтобы выстроить солдат во фронт. И начинает высказывать речь: «Поскольку возможно, дорогие товарищи красноармейцы, не отступать». Но солдаты, рядовые красноармейцы, выясняли в том товарищу главнокомандующему, что действительно у нас не хватает броневиков, пулеметов, вообще всего снаряжения. Иначе держаться нельзя. Товарищу главнокомандующий выяснил такую речь красноармейцам: «Товарищи, не отступайте, все будет на другой же день». Когда мы переночевали ночь, после обеда, приблизительно часа в два, видим: пошли броневики по нашей линии новые, летели несколько еропланов на подмогу, а также бро-

вируемые автомобили по тракту. И плюс тому дивизия солдат пехотинцев пятьдесят первой дивизии. Значит, на подмогу. Тогда открыли огонь, пошли в наступление сами. Бой был самый упорнейший и самый генеральский, по прозвищу Колчака. Без перерыву пять суток ни та, ни другая сторона не отступала. Было убитых и раненых — так вези подводами прямо.

Но наш батальонный командир Никонов дал сообщение командиру полка выслать одну орудью трехдюймовую в окоп, иначе держаться нельзя. Начальник батареи сопротивлялся орудью посылать, в том, что отдадим Колчаку ее. Но наши храбрые командиры батальонные и командир полка настаивали, что надо орудью поставить. Начальник батареи тогда выслал орудью, и поставили в окоп. И дали хорошее наводчика, самого боевого солдата к батарее, который прицел делает. Когда ударил из батареи, — и с первого же снаряда попал в колчаковский бронированный автомобиль. И в это время же командиры приказали открыть огонь. И пошли в наступление, в атаку. И взяли в плен три тысячи восемьсот человек. И сразу отступили на пятьсот пятьдесят верст, до города Ишима, сразу улетел.

Записано со слов Ивана Васильевича Зырянова, 42 лет, рабочего-штамповщика Лысьвенского механического завода.
[С. Мирер и В. Боровик. — Революция, стр. 225—229.]

5. КАК ОХОТНИК ФЕДОР ЯПОНЦЕВ ПРОГНАЛ.

(Русская сказка.)

На Дальнем Востоке, близ манчжурской границы, жила семья охотника: старик и три сына. Старшие два брата ходили на охоту, а младшего, Федора, оставляли дома.

Раз приходят братья с охоты, Федор и говорит:

— Я тоже буду ходить на охоту.

— Ты еще молодой, вырастешь — находишься, — говорят братья. А Федор на своем стоит.

Назавтра встают братья и уходят. И Федор собрался, тоже пошел охотиться. Идет он и все примечает — кустик ли ему попадается, или какой пенек, или какая лесина, куда она накрепится, — все примечает.

Попалась ему белка. Хотел он ее стрелять. А белка говорит:

— Зачем ты меня стрелять будешь? Теперь весна, мы только расплождаемся, шкура у нас негодная. Вот придет осень — тогда и время охотиться.

Попался Федору медведь. Он и его хотел застрелить. Медведь говорит:

— Не стреляй, Федя, сейчас у меня шкура никудышная, шерсть облезит. Когда буду осенью ложиться в берлогу, тогда и время охотиться.

Разные звери и птицы встречались Федору. И приходилось ему переговариваться с каждым. Что нужное — убивал, что ненужное, то оставлял.

Пришел Федор домой. Пришли и братья, и видят, принес Федор много промысла.

Садятся за стол, начинают беседу. Братья говорят:

— Как ты это, Федор, много бьешь? Или ты фартовый, или ты просто мастер?

Федор улыбнулся и стал им рассказывать:

— Тут, — говорит, — требуется большой труд и умение.

Они ему говорят:

— И мы тоже трудимся, ходим, но почему-то не убиваем столько.

— Тогда идите завтра со мною.

Назавтра стал Федор показывать братьям, где что можно запомнить.

Подходят они к бурной речке. Он переходит через речку. Они удивляются:

— Как ты это, Федор, все знаешь?

А он им показывает на пенек:

— Вот запомните этот пенек, и будете вы переходить.

Идут далее, подходят к скалам. И по скалам также пошел Федор. Братья — за ним. Прошли скалы, зашли в дремучий лес, и стал он им показывать там.

Старший брат говорит:

— Да уж, ты, брат Федор, больно далеко забрался! Будет, пожалуй, поздно вернуться обратно.

— Вот возьмем, да и заночуем. Здесь, у границы, бывает, и двуногий зверь бежит. Но только огонек не будем раскладывать, а то может японцу заметить.

Вдруг услышал старший брат шорох какой-то и хруст. Он за полу дернул Федора:

— Это что такое? Зверь какой?

Федор сказал:

— Пойдите, я пойду посмекаю, что творится там.

И стал Федор пробиваться между кустов. Сразу он понял, что идут люди. Да не один, не два, а целый отряд. Позвал Федор братьев. Не сделали они и десяти шагов, как вдруг Федор подает шепотом команду стрелять. И все трое разом выстрелили. А японцы тоже стали стрелять, но сколько ни стреляли — понасть не могли. Когда пули летели по ногам — братья в то время прискакивали вверх, когда пули летели в голову, они падали илашмя на землю.

Японцев много. Пришлось братьям трудно. Стал просить Федор лес, чтобы лес помог. И лес вставал японцам преградой. А как стали окружать японцы братьев, рухнула толстая сосна и придавила несколько японцев насмерть. Поднялась страшная буря, гнула лес в дугу, хлестала ветвями неприятеля. Японцы кинулись в другую сторону, в обход. Тогда лес стал загигаться в дугу.

Е. И. Сороковников.

Хватался Федор за лесину, и лесина перебрасывала его в ту сторону, где японцы, и бил их Федор нещадно.

Неприятеля было много, и стал Федор просить зверей, чтобы не пустить японцев на советскую землю. Звери отовсюду появились во множестве. Тут и медведь прибежал, переваливаясь с боку на бок. Хватит медведь колодину, — да и свалит на японцев. Волки хватили японцев за ноги и тащили их куда попало. На что кабан, — на того и надеяться нельзя было, — и тот щелкал клыками. Налетели на японцев птицы, были и орлы, были и мелкие птицы — и все заодно. Шум пошел, крыльями били в темя японцев, клевали насмерть. Даже белка не отставала, тоже была на лесине, рвала кедровые шишки и била японцев по лбу.

Увидел Федор, что есть подмога хорошая, вся природа помогает против японцев: и звери, и птицы, и лес, и буря. Говорит он тогда братьям:

— Продержитесь как-нибудь, а я побегу к пограничникам.

Бросил шапку, бросил тужурку, побежал. Бежать было трудно. Он придумал сдернуть унты¹, остался босиком. Истерзал свои ноги, но боль не понимал, думал только одно: добежать во что бы то ни стало. Силы перестают служить ему. Тут выскочил сохатый.

— Скорее, Федя, на меня садись, да покрепче за шерсть держись!

Пустился сохатый, как каленая стрела, спущенная из лука.

Добрался Федор к пограничникам, сделал тревогу.

Пограничники были все на ногах.

— Давайте, братья, помогите! Японец зашел! Не отдавайте ему советскую землю! Нужно гнать его!

Пограничники побежали за Федором, обошли японцев с хорошей стороны и забрали всех.

Стал красивый командир хвалить братьев и расспрашивать:

— Как же вы это трое управлялись с таким отрядом?

А Федор отвечает:

— Товарищ командир, мы ведь не одни были. Вся природа шла на подмогу — звери и птицы, лес и буря.

Записано в 1937 г. со слов Е. П. Сороковикова, из дер. Ближний Хобок, Саганурского сельсовета, Тункинского аймака, Бурят-Монгольской АССР (см. выше сказку «Беспечальный монастырь»).

[«Творчество народов СССР», стр. 291—294.]

¹ Унты — обувь.

ПЕСНИ И РАССКАЗЫ О ГЕРОЯХ И ВОЖДЯХ РЕВОЛЮЦИИ.

ЩОРС.

Шел отряд у бережка,
Шел издалека.
Эх, шел под красным знаменем
Командир полка.

Эх, шел под красным
знаменем

Командир полка.

Голова обвязана,
Кровь на рукаве.
Эх, след кровавый стелется
По сырой траве.

Эх, след кровавый стелется
По сырой траве.

С гетманом, Петлюрою
Мы дрались не раз,
И немцы с гайдаками
Окружали нас.

И немцы с гайдаками
Окружали нас.

Хлопцы, кто вы будете?
Кто вас в бой ведет?

Эх, под красным знаменем
Наш начдив идет.

Эх, под красным знаменем
Наш начдив идет.

Мы — сыны батрацкие,

Мы — за новый мир,

Эх, Щорс идет под знаменем —
Красный командир.

Эх, Щорс идет под
знаменем —

Красный командир.

Слышен топот конницы,
Смогли голоса.

Эх, солнце книзу клонится,
Падает роса.

Эх, солнце книзу клонится,
Падает роса.

Записано со слов Жени Осиповой, 12 лет, и Нади Году-
новой, 13 лет, в Орехово-Зуеве.
[«Правда», 23 февраля 1937, № 53.]

УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ ПРО ЩОРСА.

Кликнул Щорс бойцов отважных —
Батраков да бедняков:
«Треба, хлопцы, подниматься,
Без пощады бить врагов!»

— «Треба, треба, — отвечали
Щорсу хлопцы, как один, —
Разотрем врагов мы в порох,
Не отступим, не сдадим!»

— «Вот и добре, — Щорс промолвил, —
Гей, за мною поспешай.
Будем биться за свободу,
За советский вольный край!»

Бьется Щорс, врагов сшибая,
Что капусту, рубит их!
Громко хлопцев окликает,
Сотоварищей своих.

Поле трупами покрылось,
Отступили беляки,
В огородах притаились,
По овражкам залегли.

Щорс бойцов послал в разведку,
Приподнял к глазам бинокль,
Только глянул, пошатнулся
И, не вскрикнув, наземь лег...

Истекая алой кровью,
Он к земле приник сырой.
Так погиб от вражьей пули
Командир наш боевой.

Записано в 1937 г. со слов бандуриста в с. Бовгун, Таращанского района, Киевской обл., Украинской ССР.
[«Творчество народов СССР», стр. 179—180.]

ПРО ЧАПАЯ.

Вот не в котором царстве, не в котором государстве, а именно в том, в котором мы с тобой живем, жил был крестьянин, звали его Иваном. И у его было трое детей. Старшего звали тоже Иваном, среднего — Петром, а младшего — Василием. Василий Иванович по прозвищу Чапаяв. Жили оно бедно очень, так што своих ловушек не имелось и также не было своих посудин, на которых нужно было выезжать на лов.

И вот крестьянин этот пожил немного и помер. Осталась вдовка одна с детьми. И вот когда выросли дети, и в это время случилась война. Этых старших сыновей забрали на войну, осталось один только младчий Василий, и этому тоже приходила очередь итти на войну, потому што всех брали поголовно, кто только был трудоспособен к военному действию, не щытались не со старым, и не с малым. И вот когда очередь дошла до младшего сына,

конечно, ему пришлось идти тоже на войну. Распростился он с матерью и отправился на призыв. Вот идет он себе по деревне, а надо было ему проходить мимо тетки. Жила тут же недалеко своя тетка, материна сестра, он и думает сам себе:

— Давай, — думает, — зайду к тетушке, прошусь, может и не вернусь с войны.

И зашел.

— Здравствуй, тета.

— Здравствуй, здравствуй, племянник, куда пошел?

— Да вот, тетушка, на войну надо идти, старшие братья уж воюют, ну и мне приходится.

Она ему и говорит:

— Слушай, племянник, вот я даю тебе кольцо, и это кольцо у меня еще от мужа, принес с турецкой войны. И в этом кольце такая волшебная сила, что никакая тебя пуля не возьмет, и никакой тебе меч не сечет. Ну, кольцо будет действовать только на суше, а уж на воды такой силы у него не будет, так что остерегайся воды.

И так он пошел дальше. Вот приходит он на призыв и стали их обучать военному действию. Когда он выучился к военному действию, то начал участвовать в боях. И так он выучился быстро и так был силен, что уж его произвели в офицеры. И никакая пуля его ни берет. Так. Вот он прослужил на войны три года, и эта война ундьтожилась. Приезжает Василий Чанаев домой, и вот у него только была одна мать, братьев убили на войны. Пришлось ему жениться. Мать, конечно, не препятствовала. И вот взял он из своей деревни тоже у одного крестьянина дочь. Сыграли свадьбу и стал Василий Иванович жить со своей женой. Вот прожили там год или два, родилось у них двое детей.

Так. Да, вот прошло немного времени и прослышал Василий Иванович, что перешла власть Колчаку и Деникину, настала власть белая. Стали притеснять вольную большевильскую власть и гнать ее от силы орудия. Тут Василию Ивановичу стало очень обидно, что погнет весь трудовой народ, перейдет власть белая. Подумал Василий и размыслил сам:

— Нет, лучше я еще раз пойду на войну, а уж не дам погнать своей родины. А пуля меня все равно не возьмет.

Да, и говорит своей матери:

— Ну, маменька родимая, я еще пойду на войну спасать трудовой народ, защищать власть советскую.

Говорит ему мать со слезами:

— Эх ты сын мой, была ты у меня последняя опора при старости. Было у меня три сына, вернулся токо один, да опять хочешь идти. Все поклади там головы, и тебе покласть придется, коль походишь второй раз.

— Ну, мать, все равно пойду, не оставь ты моих малых деточек, если я умру на войны.

Распростился он с матерью и с женой, оседлал своего ворона коня и поехал в Красную армию.

Приезжает он в войска советские к красным командирам, поклонился и говорит:

— Здравствуйте, красные командиры советские, я хочу служить в Красной армии, хочу помочь своей родине, прогоню Колчака и Деникина, чтоб освободить трудовой народ.

Командиры и говорят:

— Здорово, молодец, а кто ты есть такой? Много бывает всяких, натреплет языком, а там глядишь и поминай как звали.

— Нет командиры, я хочу доказать на деле, а языком трепать я не охочу. А есь я вот из такой-то деревни, по имени Василий Иванович, по прозванью Чапаев.

— Молодец, Василий Иванович, ну, возьмем тебя в Красную армию, токо помоги нам.

Так, и вот наступил бой кровавой. Тогда скотил Чапай на коня и пустился на неприятеля и начал он бить, как траву косить, колчаковичей и деникинцев, и так он сильнее их бил и мечем рубил и кошем колол, приходилось и из нагана бить. Не переставал он бить их ни минуточьки. И не прошло даже шесть часов, как все поле было усеяно войсками. И этот Колчак не удержался и убежал с остальным своим войском.

Тогда вся Красная армия поверила, и командиры все на деле видели. Вот солдаты и говорят:

— Мы с Чапаевым пойдем куды хошь в бой и никогда с ним не погинем.

Да, и вот не прошла неделя, как этот Колчак собрал опять войска, даже в два раза больше, и пошел опять на Красну армию. Вот пошел опять Чапай на второй бой, скодил на своего коня и в самую середину заскал вражеска войска, где стоял сам Колчак на передней линии. И нацал так жестоко бить, как и в первой раз. И мечем рубил, и кошем колол, и носился как вихорь. И бил он их челы сутки. И его войска, конечно, тоже помогали. Все поле засеяли телами, но своих войсков потери было мало. Больше половины колчаковичей убили, кого в плен взяли, сам Колчак еле-еле успел скрытыце.

Вот после боя отдохнули, конечно, послали, попили, и пошел Чапай к Хрунзе. Хрунза ему и говорит:

Ну, Чапай, молодой герой, вот даю тебе армию, или теперь командиром на другой фронт. Уж Колчак опять войска набирает.

Да. Вот пошел Чапай со своим войском к реке Белой. И расположил он свои войска у одной деревни, ну, где белые находятце — не знают. Ну, надо во што ни стало узнать, где штаб Колчака. Вот и говорит Чапай своим войскам.

— А што, ребята, кто пойдет со мной на вылазку, узнаем где еeneral Колчак стоит, а потом и все войско поведем за собой.

И вот, конечно, вызвалось итти с ним, ну он отобрал там так человек пятьдесят или там сто и поехал. А уж дело к вечеру было. И встречает он по дороге одну там, одним словом, женщину.

— Эй, тетка, куда идешь?

— Да вот иду, командир, проведать мужа своего в Красну армию

да сбилась с пути, голодна, иду уж вторы сутки, не знаю куда и попадаю.

— Ну, иди, тетка, мы тебя накормим.

И приказал Чапаев взять ей с собой и накормить. Вот и идет она с ними. А эта женщина она была полячка, обманула Чапая, она была послана от Колчака шпионкой. Ну, он этого ничего не знал.

Да. И вот доехали до одной деревни, как раз деревня на берегу реки Белой стояла. А уж там им мужики и рассказали, где колчаковичи стоят, тут недалеко за лесом, так верст с десяток будет. Василий Иванович и говорит своим войскам:

— Дак вот што, ребята, почему здесь, уж ночь нас застала, а на утри пойдем за своими войсками.

Вот расположил Чапай свои войска и посты, а самы стали на отдых, отдохнуть надь перед боем. Вот заснули, и Василий Иванович спит, осталсе только один караул стоять. А эта полячка спит, дожидает. Дождалась, как Чапай уснул, и скорей к Колчаку прибежала и обсказала, где войско Чапаево стоит, а што главного войска с ним нету. Колчак, конечно, обрадел и сечас дает приказ своим енералам поймать Чапая живого или мертвого. Собрали енералы свои войска и окружили Чапая с трех сторон. Сняли посты и напали на них в ночьную пору, когда спал Василий Иванович крепким сном. Когда приступили белые к ихному штабу, скочил Чапай со сна, видит себя окруженным и закричал:

— Ставай, ребята, измена.

Скочили чапаевцы, и за оружие. Ну што, их можот сотня и была, а колчаковичей нагнано — тьма. Ну, красные в избях, дак держатся, отстреливают, ну, к себе не подпускают. А уж патронов совсем мало осталось. Вот и дает Чапай такой приказ:

— Бежите, ребята, к реке, с суши не прорватьеде нам будет, а уж за рекой и войска наши близко, опять на Колчака пойдем.

Кинулись чапаевцы плыть через реку, штоб прорватьеде через белых. Увидел Колчак, што Василий Иванович с войском бросились в реку. Кричит своим енералам.

— Стреляй по реке, а уж если переплуют реку Белую, соберут свои силы, то нам всем живым не быть.

Вот колчаковичи сечас пулемет повернули и давай палить. Долго плыл Василий Иванович, а потом его в руку рапило (на воды уж кольце не действовало, дак). Ну, он все ровно не переставал плыть. Кругом стреляют, много тогда красных положили, а Колчак все кричит:

— Как можь добивай Чапая, штоб он не перебралсе, стреляй по нему по одному.

Вот и второй раз пуля попала, покрыла вода его голову. Тут Василий Чапаев и преставился. А уж недалеко было от берега. Да, а уж свои войска на помогу шли, собрали подкрепления и ударили на колчаковичей и денкиндей, разбили Колчака наголову и прогнали с совецкой земли.

Проставилсе Василий свет Иванович, по прозванию Чапаев.

И почитают его по всей нашей земле. А семье его и матери дали пособие, не оставили в обидушку.

И теперь о нем все славятде, ну назад Василии не воротитде. На этом она и кончилась.

Записано А. Н. Нечаевым в январе 1937 г. от М. М. Коргуева, колхозника-бригадира с Кереты, Лоухского р., АКССР. М. М. Коргуев — один из замечательнейших современных сказочников; от него записано свыше 100 номеров различных сказок, частью весьма обширных. Сказку о Чапаеве он создал, услышав былинку сказителя П. И. Рябинина-Андреева о Чапаеве.

ЖИВ ЧАПАЕВ.

Чапаев был гордый и смелый, хоть и простого роду-звания. В тую кровавую войну, что вели буржуи разных стран-государств, Чапаев был простой солдат, а его боялись сами генералы. Но смелый он был, никого не боялся, и шашкой работал, что хороший плотник топором: ударит — не промахнется, верно и крепко ударит.

А потом, как буржуев скинули, прослышал про это Чапаев, собрал всех солдат и такую речь-слово держит:

— Вот мы, солдаты, и свободы дождались, и землю в свои руки наши мужики взяли. Так будем мы воевать дальше? Давайте лучше по домам пойдем.

Ладно — поехали. Только подехали к станции, а тут войско большое, а впереди знакомый генерал на белом коне, как сыч, сидит, все пузо в ордемах.

— Вы куда, солдаты? — говорит генерал.

— Домой, — отвечают ему солдаты.

— Как так домой, когда война не кончена? — и приказ дает всем выходить из машины.

А на станции, куда приехали солдаты с Чапаевым, еще солдаты встретились. Тоже домой собрались. Думают солдаты: ехать нельзя, как быть?

— Нечего думать. Воевать надо, пока всех буржуев да их генералов долой не выгоним. А воевать не будем — нас всех перебьют и свободу задушат. Правду я говорю, солдаты-товарищи? — сказал Чапаев.

— Правда! Воевать надо!

Выбрали солдаты своим командиром Чапаева. Стало у него войско: к солдатам еще рабочие и мужики пристали. Стал Чапаев большим красным командиром. Ну, и повел он на знакомого генерала свои полки. Дорогой ему мужики коней дали, посадил он всех солдат на этих коней и — алью!

Сам сначала позади ехал, а как стали подъезжать ближе к генеральским, вынесся вперед, усы покрутил, шашку-панаху заломил, вынул шашку — только солнце засияло на ней! — и крикнул:

— За мной!..

И рассыпались по полю чапаевские, поле укрыли, понеслись бойцы-красноармейцы. А он только сабелькой машет, обернется назад:

— Смелее! Песню!..

Запели революционную (любил Чапаев песни), и сразу словно силы прибавилось у каждого. Так с песней и налетели на генеральских. Оробели сразу те, смотрят — дивятся: откуда такое войско взялось? А генерал как стоял, так и обмер, уронил свои гляделки¹ да на лошадь, да удирать. А за ним и войско его все убежало.

Целые села шли к Чапаеву. Генералы и пятиться начали все назад да назад, к пескам бухарским, калмыцким, к самому морю Каспию.

Только раз малость ошибся Чапаев. Было это в Албищеве-городе. И были у Чапаева самолеты, только недосмотрел Чапаев, что сидят в них люди, что на генеральском пайке содержатся. Полетят вроде люди разведывать, а сами садут, да все и расскажут генералам: что думает Чапаев, какие тайности у него.

Ладно. Разогнал Чапаев раз всех генеральских далеко, сам в Албищеве-городе остался.

— Ну, теперь можно и отдохнуть, — говорит. — Пошлю я полки в разные стороны тварей добивать.

Так и сделал. С собой оставил один только полк. Услышали про это летуны. Летят к генералам: так, мол, и так, с Чапаевым людей мало.

Обрадовались генералы. А когда в Албищеве-городе все спали, они и подкрались ночью-то. Видимо-невидимо, што твоя мошकारа! Албищев-город обложили. Слышит Чапаев — стреляют. Выбежал на улицу, — эге, мошकारы сколько! И выругался крепко: недоглядел — проспал...

Ранили в этом бою Чапаева, и говорят, будто утоп он в Урале.

Только неправда, што Чапаев утоп. Генеральские-то побили чапаевских, правда, а Чапаев остался. Раненый, весь в крови, шатается. Петька, друг-товарищ его, поддёржует.

— Што ты один сделаешь? — говорит ему Петька. А он уже и говорить не может — ослаб.

Взвалил его Петька на себя, да в Урал-речку на себе и переправил за речку... Выходил там его. Выжил Чапаев и прозвище сменил, не Чапаевым стал прозываться, а по-другому как-то. За ошибку свою, значит, чтоб стыда-сорому не было на людях. И сейчас, люди бают, жив Чапаев, большим начальником стал, — справедливый такой, добрый.

Сказка записана в марте 1936 г. в с. Куриловке, Куйбышевской обл., со слов колхозницы Анастасии Ивановны Филоновой.
[«Правда», 15 января 1937, № 15.]

✓ ПРО СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС.

Все тучи к нам с Ледового океана идут. Три океана есть на всем свете: Ледовый, Северный и Кругоземный.

Есть в Ледовом океане земля пловучая, а на той земле кре-

¹ Бинокль.

пость снежная, а в той крепости ветры заключены. И кто те ветры выпустит, тот над ведром и ненастьем власть получит.

Прознали об этом в загранице, и полетели оттуда со всех сторон летчики, ну, словно журавлиная стая по осени. Только для иностранного человека холод — хуже смерти. Зазябли ихние летчики и полетели домой греться. Собрались тут иностранные государства — и ну судить-рядить, как теперь быть? Покуда они козлов в решета доили, наши партийные работники тишком-молчком снарядились и зовут охотников: кому желательно на землю пловучую слетать, счастья попытать?

Тут все летчики как запросятся... Вышел тогда самый главный начальник — такой кремневый: борода ниже пояса, сам солидный такой. Отобрал себе парня, спрашивает: «Можешь долететь?» — «Могу», говорит летчик. Шлем на глаза надвинул, подвязался и полетел. Русскому человеку холод привычный. Подлетает летчик к тому месту, где земля пловучая, видит справа стеной туман подымается, слева туча надвигается, а посреди ледовая гора выше облаков стоит и на ней крепость снежная, а в той крепости ветры заключены. «Ты меня спусти по канату на землю, а я уж с ними сам справлюсь», — говорит начальник.

Только летчик этого не дозволил. Летал-летал он округ крепости, да и сел на дворе. Как увидели это ветры заключенные, давай дуть, что есть силы, на гостей незваных-непрошенных. Стужей обдувают, снегом присыпают. А летчик с начальником шубы, валенки надели, да посмеиваются. Взломали они ворота крепостные, забрали одного ветра, поклади его в мешок резиновый и полетели домой. И таким способом летали они, — ни много, ни мало, — пятнадцать разов, покуда все ветры не перетаскали.

Услыхали заграничные кашталисты про это и захотели те ветры откупить. Давали начальнику с летчиком чего только они хотят. Пришли наши, на все богатства и глядеть не хотят: «У нас самих премного достаточно. Не надо нам ничего. А ветры у нас непродажные, мы с ними сами будем управляться». И пошла по всей загранице слава о русском летчике и его начальнике...

Рассказал старик-колхозник с. Симы, Юрьев-Польского р., Ивановской обл., Петр Бланкин. Записал Н. Кальма.
[«Наша страна», 1937, № 4, стр. 43.]

МОРДОВСКИЙ ПЛАЧ О БИРОВЕ.

Как узнала я про смерть Сергей Мироныча, —
Сладкий сон меня покинул в ночи темные,
В светлый полдень мое сердце омрачилось,
Все лицо мое омыли слезы горькие.
Что мне делать, как мне горе мое выплакать?
Другом нашего народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым воспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!

Налетела, закружилась буря черная,
В город Ленина ворвалась буря черная,
Сорвала с него, лихая, крышу-голову,
Омрачила злая буря нашу родину.
Ох, Сергей Мироныч, гордый сокол наш!
Кто убийца твой проклятый? Кто, откуда он?
Видно, в злых его делах ты был помехою,
Видно, счастье ему наше не понравилось!
Знать, давным-давно разбойник за тобой следил,
Не спалось ему, душману, в ночи темные.
Где бывал он — за тобой подглядывал,
Следы ног твоих, Мироныч, он выслеживал.
Он боялся, словно филин, света ясного,
Словно солнца, он боялся светлых глаз твоих.
Он подкрался к тебе сзади — по-разбойничьи,
Он ужалил тебя в сердце по-змеиному.
Что мне делать? Как мне горе мое выплакать?
Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!
Как закрою веки, как задумаюсь, —
Снова жизнь былая вспоминается:
Как мы спины гнули у помещиков,
Как людского званья не имели мы,
Как меняли нас на псов породистых.
Но зажглось над нами солнце Ленина,
Но зажглось над нами солнце Сталина,
И узнали радость мы впервые:
На работе, как на светлом празднике,
Говорим, как песни запеваем,
Когда ходим, пола не касаемся,
Долго жить на белом свете хочется!
Если б крылья легонькие дали мне,
Я б к тебе, Мироныч, полетела,
Проплыла б через большую воду,
Пробежала б огненную гору.
Опалила б волосы седые,
Хоть в гробу тебя я увидала бы,
Над твоим я гробом зарыдала бы,
С головы до ног тебя оплакала.
Но я вижу на бумаге только образ твой,
По бумаге провожу я рученькой,
И стекают мои слезы горькие
По щекам потоками горячими.
Подперла я щеку левой рученькой,
На груди, у сердца, лежит правая,
Я глаза открою — не видать тебя,
Протяну я руки — не пожмешь ты их,

Голосок подам — ты не откликнешься.
Что мне делать? Как мне горе выплакать?
Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься!
Шелк сыпучий, волокнистый, твои волосы,
Много светлого ума в твоей головушке.
Ты, Сергей Мироныч, тверже камня был,
Были ты с нами мягче пуха голубиною,
Быстролетнее ты был крыла орлиного.
О-хо-хо, родной Сергей Мироныч,
Причитаю я — слезами обливаюся!
Хоть не видят тебя вовсе мои глазыньки,
Знаю — много сделал ты хорошего,
Много сделал ты хорошего трудящимся,
Много дал нам мыслей мудрых, мыслей радостных,
Много дел больших тобою сделано.

В двете лет вошел Сергей Мироныч,
Будто в темный бор, в местечко темное!
Он текучую водицу не увидит,
Голоса людского не услышит.
В двете лет ушел со света белого
От друзей, от братьев, от товарищей...
Уж не будет с нами он здороваться,
Не возьмет он больше нас за ручки.
Только память о Сергей Мироныче
В каждом сердце навсегда останется.
Злой душман убил вождя любимого,
Смерть принес ему, злодей, негаданно!
Ой не во-время, Сергей Мироныч,
Ты ушел от нас в могилу темную!
Там не плещется водица серебристая,
Там лужок зеленый не волнуется.
Ясно солнышко лучами не касается,
Ветерочек легкий не колышется,
Не польется с неба теплый дождичек,
Вольный воздух не дойдет к Миронычу.
Как лежал в гробу ты дни и ноченьки,
Сколько было у тебя товарищей!
Со всего-то света необъятного
Собрались вокруг тебя товарищи,
Ждали слова твоего последнего.
Не приподнял ты свою головушку,
Не промолвил ты слово прощальное.
Ох, Сергей Мироныч, гордый сокол наш!
Когда вдоль скамьи передней вытянусь,
Когда глазыньки мои закроются,
Когда руки сложат на груди моей,
Лишь тогда забуду я Мироныча,

Отделю от сердца бездыханного!
Что мне делать? Как мне горе мое выплакать?
Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься!
Светлым разумом, Мироныч, ты прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!

Записано от Е. П. Кривошеевой в г. Саранске, Мордовской АССР.
[«Творчество народов СССР», стр. 326—329.]

ПЕСНЬ О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Как гордый лев собирает своих детенышей,
Когда на вершинах горных поднимается буря,
Так и ты пришел к нам на помощь,
Орджоникидзе,
Когда по нашей земле
Разлился огонь войны.
Как бесстрашный орел,
Парящий над перевалами,
Зорким оком всматриваясь,
Идет врага, —
Так и ты,
Золотокрылый наш Орджоникидзе,
Охранял чеченские села
От лютых бед
Могучими взмахами крыльев.
Как предрассветный вихрь
Трясет отдаленные скалы,
Так по земле чеченской
Разнесся твой мудрый клич.
И проснулись народы,
И обнажили оружие
За дело нашей правды,
За красное знамя побед.
Ты научил нас видеть,
Твой зов и доныне нам слышен
Лучший соратник Сталина,
Неутомимый наш друг.
И тысячи слов сыновних
На языке чеченском
Мы для тебя взрастили
В гордых сердцах своих,
Но нет, не сложить нам песни,
Достойной
Твоих
Дел.

Записано в чеченском ауле Гехе летом 1936 г.
[«Известия ЦИК», 20 февраля 1937 г., № 45.]

ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ.

Свет наш, Серго!
Освободитель любимый
Родного Кавказа!
Поднял ты здесь,
На Кавказе,
Красное знамя,
И оно неизменно
Реет над нами
Сегодня и завтра, —
Будет реять всегда!
Ленинским словом живым,
Сталинской речью живою
Был на Кавказе Серго.
Полководец наш славный, Серго,
Под командой твоей мы боролись,
Под командой твоей победили
И будем всегда побеждать!
Знает силу твою и стервятник —
Чернокрылый германский орел.
Улетал он трусливо с Кавказа,
На лету свои перья теряя,
Когда гнал его, не уставая,
Страшный нашим врагам
Наш Серго!
Знает силу твою
Польский белый орел:
Улетал он трусливо «до ясу»,
На лету свои перья теряя,
Когда гнал его, не уставая,
Страшный нашим врагам
Наш Серго!
Много-много добра ты принес нам
И отвагой своей и делами,
Серго, полководец наш славный.
Мы любим тебя!
А теперь — кто нам в темные ночи
Посылает серебряный свет?
Кто нам строит и множит заводы?
Силу-мощь нашей родины
Кто растит и крепит
На страх злым врагам
И друзьям нашим верным на радость?
Это — Серго! Ему — хох!
Много хохов-приветствий!
Семье твоей — счастья-здоровья!
Мы видим: для нас твои думы,
Твое сердце и труд.

Счастье, честь — в этом вся твоя жизнь!
Дороги теперь наши — ровные,
Пути наши — верные.
Мосты через бурные реки
На славу крепки.
Растут города у нас чудные,
На славу растут города!
Труд-работа повсюду
Неустанно кипит.
Великим заботам
Все сердце свое отдающий,
Не дающий ему отдохнуть,
От победы к победе идущий,
Признаешь ты один только путь,
Своей партии путь.
Ты — товарища Сталина
Верный друг и соратник.
Сталин — солнце для нас золотое —
Он любит тебя!
Летают над тучами птицы-машины,
Кто их сделал, послал их за тучи?
Сделал их и послал наш Серго.
Если спросят: «Серго, тебе трудно?»
Он ответит: «Мы делаем
Очень трудное дело,
Но когда хорошо оно сделано,
То на сердце — легко!»
Серго наш любимый,
Много славных побед у тебя.
Нам добра ты принес, ой, как много.
Мы любим тебя!
Хох!
Усы у тебя, ой-э-э,
Чисто львиные. Вот как похоже!
Но и сердце твое,
Но и сердце твое —
Оно львиное тоже!
Львиным сердцем для нас ты работаешь.
И народное сердце — ответно — тобою
Не нарадуется, наш любимый Серго!
Стройка, стройка и стройка.
Лишь о ней твои думы.
Баксангрэс ты задумал,
И вот он шумит,
Одаряет нас электросилой,
Дар Серго нашей родине милой!
Неустанный и мудрый,
Сердцем чистый, Серго
Строит новую жизнь.

Мы ему посылаем
Наш народный привет!
Кабарда и Балкария
Твердым словом тебе обещают
Дорогою сталинской,
Великою, славной дорогой
Итти все вперед и вперед.
Хох!

Песня записана в Кабардино-Балкарии, в с. Заюково, со слов
народных певцов Мамии Казмева, Кильчучо Сигажева и Асход
Шоганова (1936 г.)

[«Правда», 21 февраля 1937 г. Из материалов для тома «Народ-
ное творчество», присланных в редакцию «Двух пятилеток».]

ЛЕНИН В ФОЛЬКЛОРЕ.

РАССКАЗЫ РАБОЧИХ О ЛЕНИНЕ.

1. ВСТРЕЧА У ФИНЛЯНДСКОГО ВОКЗАЛА.

Коллективный рассказ 12 рабочих разных заводов Ленинграда.

В то время я был помощником начальника финского отряда милиции, и мы должны были охранять Ленина у Финляндского вокзала. Задание было от Выборгского райкома.

Но выполнить задание мы не сумели. Народ нас оттеснил, солдаты и матросы, на броневиках прибывшие, залили площадь до полна. И винтовки нам не помогли. Сто пятьдесят нас было, одетых, кстати, по тому времени не по-восемьному. И наш почетный караул, как песок, рассыпался.

Еще никогда не приходилось видеть такого напора человеческих сил.

... Мы узнали часа в четыре дня, что едет Ленин, и несмотря на то, что поздно узнали, рабочие организовали такие громадные демонстрации, что по улицам пройти было совершенно невозможно.

Организованно двигались к Финляндскому и пели. Шли женщины и дети, бодрые, и пели.

Шли матросы Балтийского флота в своей черной форме и пели. Шли армейцы и пели.

... У меня в руках был красный кусок материи, на котором написано: «Да здравствует свобода!» Этот красный кусок хранился у кузнеца под наковальней с пятого года. Он был такой ветхий,

что пришлось сделать красную доску и осторожно повесить его на доску.

На платформу всех не пускали. Мы толпились у вокзала. Шли разговоры. Ну, а тут играла музыка.

...Мы ожидали его часам к двенадцати ночи, но поезд опоздал и прибыл к двум. Но ни один человек не ушел, не шевелился ни один солдат. И рабочий класс не роптал, что время позднее.

...Мы ждали очень долго — вот-вот поезд прибудет. У некоторых появились тревога и опасения:

— Ладно ли?

Были опасения, не случилось ли несчастья, не взорвало ли путь Временное правительство.

— Где поезд?

— Поезд задержался на такой-то станции, — отвечают вокзальные. — Встретили рабочие делегации и задержали поезд в Финляндии.

Немедленно передается во все улицы и переулки, и ораторы кричат:

— Поезд задержался, скоро прибудет!

И успокаивались.

...Из пожарных частей заводов взяты были факелы и зажжены, когда наступил мрак. А прожектора с четырех сторон били светом на площадь...

...Целый бронедивизион прибыл для встречи Ильича — против приказа Керенского. И остановились на площади у вокзала и в переулках. И на каждом бронепоезде был маленький красный флаг.

...В боевом состоянии люди сидели внутри скрытые и смотрели через наблюдательные отверстия. Это было специально с тем, что в случае, если помешают прибытию Ильича, так эти броневики дадут бой.

...Было темно, а факелы керосиновые, много тысяч факелов, жестяных и медных, все вразброс в руках у массы. А внизу темно, — свету электрического не было на площади.

...И вдруг слышен паровозный гуд, и крикнул рабочий класс: — Приехал!

В это время радость в человеке плясала...

... Ленин был одет точь-в-точь, как сейчас на памятнике: в черном пальто, расстегнутом, с непокрытой головой, а кепку взял в карман.

... Я же стоял рядом. Ему сказали:

— Владимир Ильич, вас ждет почетный караул рабочих и военных. Скажите несколько слов.

Как сейчас помню, первые его слова были:

— Товарищи рабочие, поздравляю вас с началом борьбы! И да здравствует, — он прокричал, — да здравствует социалистическая революция!

Здесь был выстроен почетный караул Временного правительства, приготовлены для встречи держатели приветственных речей.

... И двинулись все к нему навстречу.

Но были остановлены: нельзя же было всем двинуться, ему пройти бы негде было.

Он вышел из вагона. Крики «ура» и музыка все продолжались. Бросали фуражки.

И тогда он тоже снял фуражку (и отсюда она потом попала к нему в карман) и радостно улыбается.

... Первый его шаг из вагона был решительный. Он своим взглядом озарил всех присутствующих и расценил стоящие перед ним силы, мимо толпящейся своры от десяти министров, хранителей капиталистического строя, с презрением прошел и ничего не отвечал пытавшемуся говорить оратору от Временного правительства. И эти все временщики превращены были одним лишь взглядом Ленина в ничто.

А Ленин рванулся на площадь к народу.

... Когда Ленин вышел из вагона и ступил на первую платформу, его окружили рабочие, и первая его речь на революционной земле была в зале третьего класса, куда рабочие принесли его с платформы на руках и поставили на большой круглый стол.

... Ждали, что выйдет величественная фигура, великан.

И вдруг выходит сбоку скромнейшая фигура. Тогда они растерялись, смутились и, не зная, что делать, схватили его и подняли выше всего, то есть на броневики, который здесь стоял.

А он... сперва, на одну минуту, немного растерялся. Но потом, как заговорил, — морщины расправились у него, и он тогда, у Финляндского вокзала, прокричал тезис для переустройства мира.

...И как показался он, закричали. Его понесли на руках. И в это время, когда его понесли, он хотел на площади вокзала стать. Но комиссар предложил Владимиру Ильичу взойти на броневик. И он моментально взлетел на верх, приподнятый матросами и рабочими.

Владимир Ильич взошел на броневик и стал высоко. И поднял руку вверх и как бы застыл. И эта поза его осталась в рабочих сердцах.

И начал громогласно, с места в карьер:

— Товарищи рабочие, матросы и солдаты! Буржуазия сейчас ведет войну в интересах кучки банкиров и генералов.

... Он вышел не из главных ворот, а из тех, которые подальше. Как вышел, подняли его на броневик рабочие. А здесь был небольшой оркестр.

И начал Ленин говорить. Он говорил стоя.

Он стоял в пальто, расстегнутом. Помню его непокрытую голову, фуражка в кармане. Я около машины близко был.

Минут пятнадцать-двадцать говорил стоя.

... А попал он на броневик почему?

Этот броневик был матросами пригнан для охраны Ленина. И уж потом броневик был использован как тяговая сила и отвез его во дворец Кшесинской. А вообще не предполагалось, что он на броневике поедет. А, может быть, он бы и пешком дошел с рабочими.

... А в это время броневик зашишел, загудел мотор. И сразу рабочими и матросами был окружен в несколько рядов цепью броневик, и образовалась в народе дорога. И машина тронулась, и путь освещали и спереди и сзади прожектора. И тут рефлектора от Невы были светом прямо на броневик.

... Долго шел броневик до дома Кшесинской на Каменноостровский проспект, и вместе с цепью около машины, немного впереди, двигался и я, все время оглядываясь на броневик, где стоял Ильич.

[С. Мирер и В. Боровик. — Рассказы рабочих о Ленине, М. 1934, стр. 25—29. Образец коллективного рассказа.]

2. ЛЕНИН РАЗГОВАРИВАЕТ С СОЛДАТОМ-ФРОНТОВИКОМ О ПОЛОЖЕНИИ В АРМИИ.

Иван Петрович Смирнов, рабочий завода «Красный выборжед», рассказывает:

В конце 1917 г. я был у Ленина в Смольном, в комнате № 56. Пропустили меня быстро: я был военным (помощником командира полка, полковым депутатом). Дали мне пропуск, и я пошел к Ленину.

Пройдя по коридору, я увидел дверь комнаты № 56. У двери стояло двое часовых — матросы с винтовками. Я предъявил пропуск и вошел в небольшую узкую комнату. Над столом висела люстра, на столе было много книг, бумаг. Товарищ Ленин стоял у стола и отмечал что-то в толстой книге. До этого я его не знал и не видел ни разу, а портретов его еще не было. Одет он был в простой костюм и рубашку с воротничком и галстуком.

Я спросил:

— Можно?

Он обернулся и сказал:

— Можно, можно, пожалуйста.

Владимир Ильич стал меня спрашивать, где я служу, в каком полку, кто командует полком — старое начальство или новое, как работает солдатский комитет, что означает повязка у меня на рукаве (повязку я носил как полковой депутат).

Я стал рассказывать, как мы сменили старое начальство, избрали полковой комитет и назначили командиром полка моего товарища, фельдфебеля, а царского командира, полковника Галлактионова, сбросили в воду с железнодорожного моста.

Владимир Ильич слушал меня внимательно, отложив книгу. Когда я ему рассказывал насчет того, как мы командира с моста в реку бросили, он поглядел на меня и усмехнулся, словно хотел что-то сказать, но промолчал и только, прищурился, посмотрел на меня.

— Ну, а как же вы ведете в настоящее время работу? — спросил он, похлопав меня по колену и нагнувшись ко мне.

Я ему рассказал все по порядку — как мы вели агитацию за большевиков в армии и деревне. Он остался очень доволен:

— Молодцы, хорошо делаете, так и надо.

И вот так, рассказывая про наше полковое житье-бытье, я просидел у Владимира Ильича часа полтора. Многое мы с ним переговорили, сейчас и не вспомнишь: время-то далеко откатилось.

Чувствовал я себя с ним, как со старым другом.

[С. Мирер и В. Боровик, стр. 90—91.]

3. ВСТРЕЧИ КРЕСТЬЯН С ЛЕНИНЫМ В ГОРКАХ ОСЕНЬЮ 1918 г.

Алексей Сергеевич Губандев, рабочий Автогенного завода, член правления колхоза «Горки», рассказывает:

Когда был Ильич эсеркой Каплан ранен и как выздоравливать стал, поселился он в Горках, напротив моего дома, на виду моих окон. Знаю я о встречах Владимира Ильича с крестьянами.

Была, например, такая встреча в лесу. Крестьянин-печник Бендерин однажды вечером шел по лесу и увидел Владимира Ильича, — он гулял с кем-то и разговаривал. Не понравилось старику, что они по траве идут. Кричит им сердито.

— Вы зачем ходите по траве, укос мнете?

Не обиделся Ильич.

— Нет, — говорит, — я не мну, я иду по тропинке.

Подошел к старику, руку ему положил на плечо. Заметил старик глаза Ильича, узнал. Испугался. Стал во фронт. Извинения по-солдатски просит — он, ведь, николаевский старый солдат.

Успокоил его Ильич. Вот как он темную массу воспитывал.

И неотесанный чурбан, семидесятилетний ворчун Николай Бендерин, полюбил с той минуты того симпатичного человека, который жил на горе.

И снова пришлось ему с Владимиром Ильичем столкнуться.

Как-то прислал к нему комендант, просит пожаловать к Владимиру Ильичу на дом и не говорит зачем. Привели его в дом и попросили исправить камин. Стал исправлять. Владимир Ильич к нему вышел с перевязанной рукой. Улыбнулся Ильич.

— Ну что, старик, помнишь, как ругал меня?

Но старик уже не боялся, а смело разговаривал с Ильичом.

И еще есть у нас крестьянка Мария, — хвастается, что Ленина обучала плести корзины. Просил у нее об этом во время болезни, когда не давали ему работать над бумагами.

[С. Мирер и В. Боровик, стр. 123.]

4. ПУГОВКА.

К нам на завод приезжает Ленин. Мне кричат:

— Наторова, ты примешь пальто.

В клубе жарко — Ленин стал говорить, скинул пальто на стул. Я схватила, да в гардеробную. Вижу, у левой полы средней пуговицы нет. Я от своей жакетки оторвала пуговку, да на ленинское пальто и пришила толстым номером, чтобы надолго. Он уехал — не заметил. А пуговка немножко не такая. И так мне это лестно, а никому не открываю свой секрет.

Тут порядочно времени прошло. Иду по Литейному, а в фотографии «Феникс», в окне, портрет увеличенный Ленина. Пальто на нем то самое. Я попристальней взглядываюсь, а пуговка-то та самая — моя пуговка.

Он в эту же зиму и умер. Я достала в фотографии на Литейном заветный портрет. Он у меня около зеркала в раме теперь.

Каждый день подойду, посмотрю да поплачу:

— А пуговка-то моя пришита...

Записано в 1927 г. в г. Архангельске от домашней хозяйки Наторовой. [«Творчество народов СССР», изд. ред. «Правда», 1937, стр. 39.]

5. КАК ФЕДОСЬЯ НИКИТИШНА У ЛЕНИНА БЫЛА.

У нас папаша был кровельщик, работал в Смольном, да перед самой революцией и скончался. Так что и жалованье недополучено осталось. Временное правительство явилось, мамаша пошла относительно денег, воротилась со стыдом. Только и спросили: «А ты, бабка, видала, как лягушки скачут?»

Зима нас прижала, мамаша говорит:

— Все Ленина хвалят теперь, не сбродить ли мне в Смольной-то? Какое-то утро встаем, — нету старухи. Думаем — у обедни, а она это в Смольной угребла... И подумайте-ка! Ползала, ползала там по кабинетам, да на Владимира Ильича и нарвалась... Пишет он, запивает конфету холодным чаем... Она нисколько не подумала, что это он сам, — тогда портретов-то мало было, — и спрашивает:

— Вы, сударь, на какой главы: на письме или на разборе?

Он рассмехнулся:

— Как приведется, сударыня. Вам на что?

— Меня люди к Ленину натакали, ко Владимиру Ильичу. Говорят, твое дело, Федосья Никитишна, изо всех начальников один Ленин может распутать... А я гляжу на вас, как быстро пишете, и думаю: экой господин многограмотный! — уж, верно, не из последних начальников... Где мне Ленина искать, не войдете ли в мое положение?

Преспокойно уселась да вкратце и доложила.

Глаза у его таки веселые сделались, расхохотывает:

— Верно, Федосья Никитишна... без Ленина обойдемся.

Вызвал сотрудника, выметку из книжечки дал: «Товарищ, срочно оборудуйте Федосье Никитишне ее дело».

Мамаша домой приходит и деньги выкладывает:

— Все начальники в Смольном хороши! И без Ленина дело сделали.

А через месяц приносит с рынка фотографическую карточку:

— Вот, купила начальника, с которым в кабинете-то сидела...

Мы взглянули, да и ахнули:

— Мамаша, да ведь это Ленин и был!

Записано в 1928 г. на Северной ж. д.
[«Творчество народов СССР», стр. 37—38.]

6. НАД ГРОБОМ.

Алексей Сергеевич Губандев, рабочий Автогенного завода, рассказывает:

В семь часов он умер, а в одиннадцать приехал съезд советов. Тысяча человек была. Вошел в залу съезд, весь съезд, что один человек. Прошел по крестьянству шум. Бежали все. Входили на ту гору, где жил Ильич.

Три дня лежал Ильич в Горках. Приезжали крестьяне на своих клячонках прощаться. А в среду на третий день увезли его в Москву. Гудок прогудел, и состав ушел.

И с тех пор паровоз № 127 гордится. На нем имеются медные плакат, звезда и пометка. Дорог железнодорожникам паровоз.

Тов. Вежис, завод «Динамо», рассказывает:

Ехал я с траурным ленинским поездом из Горок в Москву. Очень трудно говорить об этом.

Шли из Горок до станции, несли тело Ильича.

Толпа крестьян и рабочих из ближайших деревень прощалась

с Лениным в трескучий мороз. На каждой станции несметные тысячи народу подходили. А потом от рабочего класса пошли в партию все передовики и заявили:

— Ленина нет, да здравствует ленинизм! Ленина нет, будем коллективно строить социализм.

Тов. В. А. Румянцева, фабрика «Красный Октябрь», рассказывает:

... Вышла вешать белье, и мне сказал жилец:

— Румянцева, нас с тобой постигло большое несчастье.

— Какое несчастье?

— Тише, не кричи. У нас скончался Ленин.

Спрашивали соседи:

— Что же врачи? Почему они дали ему умереть?

А он сказал:

— Остались товарищи, они будут вести дело вперед. Он наметил нам, как надо действовать и идти вперед.

Тов. Д. А. Соколова, ткачиха, рассказывает:

Когда он умер, у нас что было, ужас! Это был удар, самый жестокий удар за все время революции, вся Москва будто все потеряла на свете.

— Ленин умер!..

Я была на похоронах. Людей-то было, что туча, нигде ни пройти, ни проехать! Вся Москва стонала. Его везли с Павелецкого вокзала, я ходила встречать и шла до самого Дома союзов.

... На другой день утром понесла венок из живых цветов от нашей фабрики. Несла венок и плакала.

Да что я, что мои слезы! Мои слезы маленькие. А как плакали другие! Даже говорили: лучше бы померли.

Тов. А. С. Воронова, ткачиха, рассказывает:

Живого я его не видела, а увидела, когда умер и лежал в Колонном зале.

... Мы шли в мороз, целый день шли очереди.

Во всех странах он был первым человеком, даже буржуазия и та признавала.

Понятнее его я никогда никого не встречала.

Он ведь в душу рабочего вливал всю мудрость своего учения.

А было время, когда мы жили в денях и в спальнях молились богу.

Тов. Гладышев, рабочий завода «Серп и молот», рассказывает:

Тяжело пришлось пережить смерть его.

Как красный партизан, боровшийся на фронтах, я вступил в ленинскую партию.

Как красногвардеец, боровшийся в Октябре по кличу Ильича, вступил я в партию.

Как любитель его учения и продолжатель его дел, вступил я в партию.

Как старый рабочий, избитый и изуродованный капитализмом, вступил я в партию.

Как желающий лить больше металла по программе Ленина, вступил я в ленинскую партию.

Рабочий Электростанции рассказывает:

... Я, скажем, умру, а ленинизм будет жить, пока рабочий класс дышит...

Тов. А. Б. Ларионов, электромонтер, рассказывает:

... Ленинизм нельзя оставлять у себя в черепной коробке. Что познаешь из книг Ильича—выливается из тебя и идет в миллионные массы...

Рабочий завода «Серп и молот» рассказывает:

... Ленинизм изучается не с какой-нибудь профессорской кафедры, а в методах повседневной работы...

Тов. Д. И. Дыбин, электромонтер, бывш. моряк, рассказывает:

... И когда мы открываем книги Ленина и «Вопросы ленинизма» Сталина, то делается непонятное понятным, а неясное — ясным.

Тов. Д. А. Соколова, ткачиха «Красного Октября», рассказывает:

Его дело величиной с земной шар.

Рабочий Кировского завода рассказывает:

... Под руководством его первейшего ученика, товарища Сталина, партия приведет ленинский корабль к берегам Европы и Америки.

Рабочий Электростанции рассказывает:

... И жизнь пошла вперед от Ленина после его смерти еще дальше по его линии под руководством Сталина...

Рабочий завода «Серп и молот» рассказывает:

... А ведет меня моя страна, взволнованная Лениным и волнуемая Сталиным, в очень хорошую жизнь.

[С. Мирер и В. Боровик, стр. 134—137.]

ЧАСТУШКИ.

1.

Вставлю Ленина портрет
В золотую рамочку,
Вывел он меня на свет
Темную крестьяночку.

[Горьковская обл.]

2.

Вы, девчоночки, ходите
С комсомольцами гулять:
Комсомольцы вас научат
Книжки Ленина читать.

[Ленинградская обл.]

3.

Я теперча не твоя,
Я теперча Сенина:
Он меня в совет водил
Слушать речи Ленина.

[Оренбургская обл.]

Частушки колхозной деревни.
[Сборник И. В. Кариауховой, Л. 1937.]

ПЕСНИ НАРОДОВ СССР О ЛЕНИНЕ.

1. БУРЯТ-МОНГОЛЬСКИЕ ПЕСНИ.

—
Краснеет по вершинам скал —
Это жаркое желтое солнце.
На общее старается
Любимый Ленин-Ульянов.
Краснеет по хребта вершинам —
Прохладное желтое солнце.
Для селения старается
Мудрый Ленин-Ульянов.
Краснеет по вершинам гор —
Это красножелтое солнце.
На всех старается
Владимир Ленин-Ульянов.

—
Мир яркосолнечный,
Остроконечная звезда,
Советов власть возвысивший
Учитель славный Ленин.
Мир златосолнечный,
Златоконечная звезда,
Аратов¹ власть возвысивший
Благой учитель Ленин.

[«Советский фольклор», вып. I, стр. 91.]

2. ПЕСНЯ ГОРНЫХ ШОРЦЕВ.

Если даже увянет душистый цветок,
На земле аромат его останется.
Если и умер товарищ Ленин,
Имя его навеки на земле останется.

¹ Трудящиеся, бедняки.

Если товарищ Ленин и умер,
Имя и слава его остались;
Чтобы дальше бороться,
Ленина верная партия осталась.

Если товарищ Ленин и умер,
Великое слово его осталось;
Чтобы дальше побеждать,
Сталин, верный товарищ Ленина, остался.

Записала у шорцев горного Алтая и перевела Н. П. Дыренкова.
[«Известия ЦИК», 9 июля 1935 г., № 159.]

3. ТУРКМЕНСКАЯ ПЕСНЯ.

Ленин открыл нам путь.
Да здравствует ленинское слово, да здравствует этот (новый) быт!
Во всех садах распустились цветы.
Да здравствуют (члены) Партии, да здравствует (новый) быт!
Ленин своими словами о равенстве раскрыл народным массам
(буквально: несколько сот)
Залитые слезами глаза.
Уничтожили баев (т. е. богачей) слова Ленина.
Да здравствует ленинское слово! Да здравствует (новый) быт!
[«Советский фольклор», вып. I, стр. 125.]

4. ТАДЖИКСКАЯ ПЕСНЯ.

Слава власти твоей стократ.
С ней правый закон и мудрый лад.
Нет бедняка, чтоб не был ей рад.
Наш Ленин, наш брат и вождь.

Опора власти и наших сил он.
Насильников силу сломил он.
И ум народов просветил он.
Наш Ленин, наш брат и вождь.

На тяжкий труд засучил рукава,
А о себе и вспоминет едва.
Власть Николая навек мертва.
Наш Ленин, наш брат и вождь.

От насилия в мире было темно,
Ленин стал с бедняком заодно,
И насилие похоронено.
Наш Ленин, наш брат и вождь.

Слышен топот тысяч ног.
В небесах самолет плывет высок.
Врагам пришел последний срок.
Наш Ленин, наш брат и вождь.

Власти твоей — ничья не страшна.
И миром править она должна.
Мира глава пред тобой склонена,
Наш Ленин, наш брат и вождь.

[«Литературный критик», 1935, № 5, стр. 179—180.]

5. ВЕРНА ТЕБЕ МОЯ РУКА.

(Казахская песня.)

Я, дальний посланец казахских степей,
С глубокою думой вхожу в мавзолей,
Я этого дня не забуду!
Я знаю: здесь самое сердце земли,
Сюда отовсюду пути пролегли,
Дороги прошли отовсюду...
Я — малая капля, а ты — океан,
Ты — гений веков и народов и стран,
А мы — твои внуки и дети.
Ты умер, но дело твое не умрет, —
Великий, прославленный, новый народ
Пошел от тебя на свете.
В гробу ты суров и спокоен на вид:
На френче зеленом твой орден горит.
И тихо... И отблеск холодных лучей,
Яснее, прозрачнее горных ключей,
Лежит на поникших знаменах.
Я вижу, хоть катятся слезы из глаз:
Как свет, по лицу у тебя разлилась
Великая мысль и простая.
И лучшие люди, питомцы труда,
Когда издалека приходят сюда,
Молчат, твои мысли читая.
Я — сын бедноты, кочевник-казах,
Смотрю на тебя с любовью в глазах,
Как внук, навещающий деда.
Верна тебе, Ленин, моя рука,
Ты учишь меня, как добить врага, —
И нам суждена победа.
Я помню тот день, когда вьюга вилась,
Когда сквозь буран докатилась до нас
Весть, что тебя не стало.
«Молния кедр сломала! —

Записли акыны ¹ Казахских степей,
 Вьюги печальней, буранов сильней. —
 Льва поразили удар копыя,
 Орлу под крыло заползла змея,
 Голос отняли у соловья,
 Умер любимый товарищ Ленин!»
 Сколько в те дни в степях пролилось
 Горьких, горячих, кедейских ² слез:
 «Где ты, товарищ Ленин?»
 Не верилось нам, что водитель ушел,
 Что крылья сложил могучий орел,
 Что нет больше Ленина-деда.
 Но с нами остались твои слова,
 Могучая воля твоя жива,
 Имя твое — победа!
 С нами остался — могуч, велик —
 Самый любимый твой ученик,
 Добрый и мудрый Сталин.
 Нас он под стягом твоим сплотил,
 По твоему нас повел пути,
 Счастье мы с ним достали!
 Клятву он дал — по-ленински жить,
 Клятву он дал — заветы хранить
 Учителя, друга, брата.
 Клятву храня, он народы ведет,
 Не уклоняясь, вперед и вперед,
 Нашей любовью обьятый!
 Он — самый лучший из всех людей,
 При нем последний забитый кедей
 Идет по земле героем!
 Сталин, как солнце и как луна,
 При нем расцвела родная страна, —
 Мы ленинский мир построим!

Записана в мае 1936 г. в Москве от акына Карсакпайского р.,
 Казахской ССР, Тайжана.

[«Правда», 22 апреля 1937 г., № 111.]

6. ЛЕНИН С НАМИ — ЗНАЕМ ТВЕРДО.

(Даргинская песня.)

Кто сказал, что умер Ленин?
 Он живет!
 В каждом новом поколеньи
 Живет,
 В нашей юности цветеньи
 Живет,

¹ Народные певцы.

² Кедей — бедняк.

В пролетарском единении
Живет,
В Конституции победной
Живет,
В революции всесветной
Живет,
В нашей правде беззаветной
Живет,
В клятве Сталина бессмертной
Живет,
В наших буднях и парадах
Живет,
На испанских баррикадах
Живет,
В Красной армии отрядах
Живет,
В мудрых сталинских докладах
Живет,
В каждом новом дне на свете
Живет,
В честных путников беседе
Живет,
В голосах фанфарной меди
Живет,
В каждой сталинской победе
Живет,
В лучших помыслах народных
Живет,
В МТС и на заводах
Живет,
В нашем сердце, в песне гордой
Живет,
Ленин с нами, — знаем твердо —
Он живет!

Записана в ауле Урахи, Левашинского р., Дагестанской АССР.
[«Творчество народов СССР», стр. 85—86.]

7. ДВА СОЛНЦА.

(Грузинская песня.)

Солнце, солнце, довольно слез!
Пусть над горем сияет день.
Другом был для тебя Ильич, —
Ты в алмазы его одень.
Наших слез не вместят моря,
Наших слез не сочтет никто,

Улыбнись, выходи из туч
И рыданиям земли не вторь!
Как посмею тебе сказать,
Что неравен ваш свет и пыль?
Ты лишь днем освещаешь нас,
Он — и в ночь нашим солнцем был.
Хоть отрадны твои лучи,
До сердец не дойдут они:
Освещают поверхность лиц
И уходят твои огни.
Свет же Ленина в сердце бьет,
В глубь души проникает он,
Издечение друзьям дает,
А врагов поражает он.
До того, как пришел Ильич,
Только ты утешало нас.
Нас никто не любил тогда,
Только ты пригревало нас.
Грелось тело в твоих лучах,
Но ведь мерзла у нас душа.
Кто сочтет, сколько гибло нас,
Корку хлеба достать спеша?
Мглу вокруг разгонять лучом —
Вам обоим навек дано.
Свет бросаете вы на все,
Что кругом, на земле, темно.
Если лик свой скрываешь ты,
Все печалится: «Солнца — нет».
Нынче все говорят кругом:
«Умер Ленин, наш ясный свет».
Не поверю! Из вас двоих
Ленин первым уйти не мог!
Он в сердца к нам вошел, как ты
Входишь в каждый живой цветок.
Он насилье навек сковал,
Он сердца богачей сдавил,
Всех людей на земле Ильич
Счастьем равенства наделил.
Оба солнца — вы жар и свет.
Вы даете нам жизни цвет,
Погасить ваш бессмертный луч —
Сил таких во вселенной нет.

Записана от колхозника Кобулетского р. М. Джигладзе.
[«Творчество народов СССР», стр. 61—62.]

8. ДВА СОКОЛА

(Украинская песня.)

На дубу зеленом,
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин,
А кругом летали
Соколята стаяй.
Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,

Он с предсмертным словом
К другу обращался:
«Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться,
Все труды-заботы
На тебя ложатся».
А другой ответил:
«Позабудь тревоги,
Мы тебе клянемся:
Не свернем с дороги».
И сдержал он клятву
Клятву боевую:
Сделал он счастливой
Всю страну родную.

Записана на заводе «Ленинская кузница» в Киеве.
[«Творчество народов СССР», стр. 68—69.]

9. КАМЕННАЯ МОСКВА ВСЯ ПРОПЛАКАЛА.

(О смерти В. И. Ленина.)

Как у нас было в каменной Москве
Велико у нас несчастье случилось.
Тут река Москва сколыбалася,
Да как морской волной разбегалася.
Красно солнышко затемнилось всё,
Деревя в саду пошаталися,
Мать сыра земля разревелася.
Тут погодушка взбушевалася,
Снеги бурею подымалися.
Каменная Москва вся проплакала,
Все народ-люди ужахалися.
Луна небесная у нас не светила,
Народ-люди все призамолкнули,
Призамолкнули, призагунули,
Поодели платье черное
Да ходили все невеселы,
Буйны головы с плеч повесили, —
Услыхали они весть нерадостну.
Как пришла-то весть из Горок всё:
Как не стало у нас красна солнышка,
Как и той луны поднебесные,
Золотой звезды все блестящиею,
Как не стало вождя всей Россиюшки —
Дорогого у нас товарища Ленина,
Как Владимира да Ильича-то свет.
Он куда у нас да отправляется?

Воздыханьице тяжелехонько.
Ты спокойно спи, дорогой Ильич,
Красная Армия очень крепкая,
Очень крепкая да очень верная.
Как твоя-то жизнь была тревожная,
беспокойная,

Не в радостях прошла она, не в весельице,
Твоя молодость не в гуляньице,
Не в веселом-то пированьице.

Много-много претерпел же ты
Огрубленьица, неприятности,
За бедных людей, за крестьяннина,
За весь народ переносил-страдал,
Засажен-то был во темну́ тюрьму,
Выгнан был во темны́ леса.

В твои-то ходы подземельные,
Что на Красной славной площади,
Ходят все со старого и до малого,
Смотрят на тебя, на ясна сокола,
На ту ли на зорю, зорю утренню,
На ту ли на звезду поднебесную.
Вы подуйте-ка, ветры буйные,
Со всех четырех со стороншек:
Со первой стороны со восточную,
Со второй-то все со западной,
Со третьей-то со летнею,
С четвертой-то со северной.

Сбросьте, скиньте гробову доску,
Раскройтесь-ко очи ясные
Да проговорьте уста сахарные.
Пробудись-ко, восстань, дорогой Ильич,
Посмотри-ко, погляди на славну́ матушку,
Славну́ матушку, каменну́ Москву...

Ты зайди, зайди во палаточку,
Во палату — в кабинет же свой,
Ты садись, садись все на стул же свой.

Ты возьми в свою руку правую,
Ты возьми перо скорописчато,
Ты пиши, пиши скору грамоту,
Скору грамоту по всей Россиюшке,
Во свою славну́ каменну́ Москву,
Во славной-от Ленин-град,

По колхозам всем и по фабрикам.
Вы не ждите-ко народ-люди добрые,
Как от старого все до малого,
Не по городам и не по деревенькам же,
Не придет к нам и не будет он,
Не будет наш дорогой Ильич.
Все дела поручил же и оставил он

Неизменному вождю всепародному,
Своему славному другу Сталину,
С Ильичем-то он всё думу думает,
Думу думает, речи говорит:
«Мы с тобой, Ильич, не расстанемся,
Не расстанемся, не разведемся.
Вечно будет про тебя споминаньце».

Записано со слов Марфы Семеновны Крюковой из дер.
Н. Золотица, Приморского р., Архангельской обл.
[«Творчество народов СССР», стр. 52—53.]

10. ПО ТВОИМ ЗАВЕТАМ ВСЕ ИСПОЛНИЛОСЬ.

(Русский сказ.)

Не ветра шумят холодные,
Не пески бегут зыбучие, —
Снова горе подымается,
Словно злая туча черная.
Как гроза со градом-молнией,
Пала на сердце кручинушка.
Эту темную кручинушку
Не развеять ветру быстрому,
Не умчаты песку зыбучему,
Не покрыть грозой-тучею.
Посижу я, слезы выплачу.
От моих ли слез да горечи
Сине море переполнится,
Разольются реки глыбкие,
Камни белые расколются,
Чисто золото рассыплется!
Если б стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голубя,
Али в ласточку во быструю,
Я бы горьких слов не баяла,
Я б горючих слез не ведала,
Полетела б я прямехонько,
До Москвы бы долетела я.
До Кремля стены, до каменной,
К мавзолею опустилася,
Ко Владимиру ко Ленину.
Я б ему сказала: «Солнце ясное,
Посмотри кругом, порадуйся,
Как все в жизни изменилося.
Вон сады цветут — колхозные,
Вон поля цветут — колхозные,
Как светло-светло нам жить становится!
Наши дети в школах учатся,
В небе наши парни-соколы,
Наши девки водят тракторы.

И живем мы домом — полной чашею,
И в руках у нас работа спорится,
И в сердцах у нас любовь горит
За твою борьбу, за подвиги.
Ты для нас работал, рук не кладучи,
Ума-разума большого не жалеючи,
Ты сгорел за нас костром-польгем.
Все, что думалось тобою, все исполнилось!
По твоим заветам-завещаньюду
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
От орлов орлята нарождаются,
У соколов — полеты соколиные.
Океан да с океаном — братья кровные.
Сталин Ленину да кровный брат
По работе, по размаху по орлиному,
По полету, по простору соколиному.
Мы идем со Сталиным, как с Лениным,
Говорим со Сталиным, как с Лениным,
Знает все он наши думки-думушки,
Всю он жизнь свою о нас заботится.
Под его водительством — заботою
Нет у нас сейчас людей без племени,
Нет без роду, без отечества,
Нет сирот, солдаток, горьких вдовушек,
Ни батрацкого житья-бытья,
Ни польши лебеды-травы.
И одна сейчас у нас дороженька
К счастью светлая, лучистая, широкая.
И ведет по этой по дороженьке
Нас родная наша партия.
К счастью светлому дороженьку
Не развеять ветру черному,
Не снести песку зыбучему,
Не залить рекой глубокою,
Не покрыть грозою-тучею.

Записано в колхозе «Красная звездочка», Кировской обл.
от сказительницы Т. А. Долгушевой.
[«Творчество народов СССР», стр. 65—67.]

